

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Археологический ЕЖЕГОДНИК

за 1998 год

Основан в 1957 году
академиком
М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

МОСКВА "НАУКА"
1999

УДК 930
ББК 63.2
А 87

8(п)
А-87

90390

Ответственный редактор
академик Российской академии образования
С.О. ШМИДТ

Редакционная коллегия:

Ю.В. АНДРЮШАЙТИТЕ, Н.А. ДОЛДОБАНОВА (ответственный секретарь),
М.П. ИРОШНИКОВ, С.М. КАШТАНОВ, Б.Г. ЛИТВАК, Р.Г. ПИХОЯ,
Н.Н. ПОКРОВСКИЙ, В.А. ЧЕРНЫХ, С.В. ЧИРКОВ

Рецензент

доктор исторических наук А.Д. СТЕПАНСКИЙ

Археографический ежегодник за 1998 год. – М.: Наука, 1999. – 429 с.
ISBN 5-02-009070-0

Ежегодник содержит статьи по археографии и архивоведению, источниковедению и историографии отечественной истории (о путях изучения старообрядчества, об археографической работе в Белоруссии в 1918–1941 гг., о первом выпуске каталога личных фондов отечественных историков, об опыте компьютерной обработки генеалогической информации и данных для археографического атласа). В нем публикуются материалы по отечественной истории XVI в. (о деятельности митрополита Макария), XIX–начала XX в. (о М.М. Сперанском, о М.А. Корфе, о воспоминаниях З.Г. Морозовой-Рейнбот), за советские годы (о забастовках рабочих в 1920-е годы, о вывезенном за рубеж “Смоленском архиве”). Многообразны историографические материалы (о наследии МАМЮ в работе РГАДА, совещании историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г. и др.) и особенно об отдельных историках (подборка статей к юбилею Н.Л. Рубинштейна, о В.В. Крестинине, А.О. Ишимовой, уральском краеведе Н.К. Чупине, С.Ф. Платонове, М.М. Богословском, Б.А. Рыбакове, А.Д. Зайцеве и др.), представлены обзор фондов М.В. Нечкиной, К.Н. Тарновского, рецензии, библиографические списки, хронологические материалы.

Для историков.

ТП-99-1-№ 24

ISBN 5-02-009070-0

© Издательство “Наука”, 1999

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Н.Н. Покровский

ПУТИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА РОССИЙСКИМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ

Во второй половине XVII в., на крутом переломе от древней к новой России, от земской сословной монархии к абсолютистской империи, страну постиг крупнейший идеологический катаклизм. Единая православная вера и культура стали раскалываться надвое, возникло острое противостояние между сторонниками и противниками никоновских, а затем и петровских “новин”. Спор этот, не законченный и сегодня, прошел через ряд исторических этапов, породил внушительную, подчас талантливую, подчас эпигонскую, литературу. Он вызвал к жизни обширное законодательство, ревностное полицейское применение которого, в свою очередь, привело к формированию мощных потоков тайной народной колонизации окраин России. Вскоре эти потоки перехлестнули через ее границы, и сейчас русская старообрядческая диаспора населяет оба полушария земного шара.

Выйдя из-под контроля единой церковной организации, осваивая обширнейшие регионы, старообрядчество неизбежно разделилось на многие десятки разных “согласий”, этнографо-конфессиональных групп, каждая из которых имеет свою, чаще всего драматическую, историю.

Стремясь строить всю свою жизнь в строгом соответствии с заветами древних традиций, с книгами Священного писания и предания, старообрядческие общины вынуждены были сочетать демонстративное отстранение от всяческих “новин”, от окружающего их мира Антихриста с неизбежным приспособлением ко все новым реалиям этого мира. От старообрядческих идеологов, писателей жизнь вновь и вновь требовала ответа на возникающие непростые вопросы, и обращение к старой традиции каждый раз принимало свои неповторимые черты, заставляло привлекать новые аргументы и новые толкования древних текстов. Понятно, что все это вызывало ожесточенную полемику как с оппонентами старообрядческого мира, так и между его согласиями.

И хотя многие из этих споров принимали в XVII–XX столетиях традиционную средневековую форму острых прений о деталях обряда, отдельных словах, состязаний в начетничестве, продолжали жить, тревожить все русское общество и те общие проблемы русской историософии, которые стояли за такими спорами. То одни, то другие из этих извечных русских вопросов возникали в творчестве Ломоносова и Татищева, Щербатова и Карамзина, Толстого и Достоевского, Ключевского и Голубинского. И не случайно сегодня на историю раскола русского православия обратил внимание Солженицын, обнаруживший, что трагедия борьбы российской государственности с российскими национальными корнями и традициями начинается не в семнадцатом году, а в семнадцатом веке.

Среди таких общих тем, неизбежно встающих при изучении истории раскола и истории старообрядчества, важно упомянуть проблему соотношения русского православия, церкви со вселенскими, а также с инославными конфесси-

ями. Сюда же относится и проблема специфичности и общности русского исторического пути, т.е. в конечном счете проблема места России среди цивилизаций Европы и Азии. (Сегодня многие, рассуждая об этом, задаются вопросом: Евразия ли Россия или Азиопа?)

Время возникновения раскола – это и новый этап союза церкви с государством, все более эволюционирующего от идиллической “симфонии” в духе митрополита Макария к грядущему синодальному подчинению церкви государственной машиной. Идеал отцов-основателей старообрядчества базировался на традициях земского строя в первой половине XVII в., поэтому историки неизбежно должны были выйти на проблематику “земство и раскол”, на роль земского наследия в новой России. Старообрядчество быстро стало выразителем общественного сознания, менталитета и идеологии русских низов, а также третьего сословия. Поэтому история старообрядчества – это и история русской народной утопии, движений социального протеста под религиозными знаменами. Поэтому и извечная тема слабости третьего сословия в России, а также начавшегося бурного его взлета после Великой реформы 1861 г. тоже тесно связана с проблематикой истории старообрядчества.

Без изучения этой истории не могут обойтись исследователи русского национального быта, фольклора. Этнографы и фольклористы, музыковеды и историки живописи находят в старообрядческих селениях, в древних текстах богатый материал для изучения взаимодействия традиций и новаций в самых разных вариантах.

Жаркие споры в XVII в. велись между людьми высокоодаренными, талантливыми писателями, создателями одного из самых ярких пластов русской литературы. Писатели выговской школы, значительно опережая свое время, положили начало многим современным приемам исторической критики источника. Поэтому наследие старообрядчества изучают в России литературоведы, источниковеды, археографы.

Сейчас русских исследователей все больше начинает интересовать та наиболее специфическая и яркая черта творчества старообрядческих авторов, которая окрашивает все их писания о Боге и человеке, обществе и природе. Это старообрядческая апокалиптика, эсхатологические представления о конечных судьбах мира, столь же упорно накладываемые этими авторами на реалии как XVII в., так и нашего столетия.

* * *

Первые оценки происшедшему давали, как водится, сами участники событий: историография и источниковедение здесь смыкаются. Мы оставляем поэтому сочинения начального периода борьбы вне нашего изложения.

Отметим лишь, что обе враждующие стороны характеризовали возникшее противостояние прежде всего как религиозно-церковный раскол, причем понятно, что каждая из них считала раскольниками своих противников (эти оценки обе стороны сохраняют до наших дней). Хотя в то время догматические построения первоучителей старообрядчества почти не шли дальше укрепления традиционных основ вероучения, не касаясь столь спорных тем, как церковная жизнь без епископата, все же это не мешало их противникам с самого начала выдвинуть против них обвинение в ереси, а вскоре и в прямом союзе с сатаной. Если Симеон Полоцкий рассуждает больше о невежестве не обученных риторике раскольников да об их неповиновении церкви, то уже Игнатий Римский-Корсаков убежден, что старообрядчество – разновидность армянской ереси (двуперстие), а его адепты прибегают к волшебной помощи дьявола. Сходные обвинения бросят своим противникам Спиридон Потемкин, пустозерские узники и соловецкие монахи. Никонианская Россия объявляется царством побеждающего Антихри-

ста. К концу XVII в. появятся первые существенные признаки создания обособляющихся теорий “духовного” и “чувственного” Антихриста, но уже в первые два десятилетия борьбы окрепнет убеждение в быстром приближении “последних времен”, в происках дьявола как основной причине церковной реформы Никона. Шли споры, считать ли Никона самим Антихристом или его покорным учеником, предтечей, “шишом”. На эту тему будет написано немало сочинений, чему способствовало падение Соловецкого монастыря, вскоре появится цикл легенд о сатанинской сущности Никона и его дела.

Эти церковные споры приобретут и острый политический характер. Противные стороны будут исходить из единого идеала “симфонии” между церковью и государством, союза между ними. Конкретные выводы спорящих сторон из традиционных идей будут, ясное дело, прямо противоположными. Уже Игнатий Римский-Корсаков убедительно доказывает, что церковные противники не могут не быть и государственными преступниками. Подобная точка зрения на века будет усвоена законодателями. Позднее под пером Феофана Прокоповича она выльется в чеканную дефиницию: старообрядцы – “лютые неприятели и государству, и государю непрестанно зло мыслящие”. Параллельно в старообрядчестве интенсивно развивалась идея об антихристовой сущности политической власти, поддерживавшей реформу Никона. При всех колебаниях и внутренних спорах, при долго угасавшем личном добром отношении Аввакума к Алексею Михайловичу старообрядчество уже в XVII в. сумело выработать формулы, сочетавшие традиционное признание божественной сущности всякой власти с провозглашением власти царей-отступников “антихристовой”.

При этом обе стороны исходили из единого представления об определенной политико-религиозной слитности, нераздельности. И те и другие равно считали, что политическая власть должна сурово карать за преступления религиозные, еретичество. Весь спор был о том, кого считать еретиками. Аввакум воздыхал о добрых старых временах “миленького государя Ивана Васильевича” Грозного, который быстро бы переказнил всех противников веры. Но сам он погиб от руки другого царя – как противник власти государственной. Представление о том, что не должно бороться мечом светским, государственным насилием с религиозно-политическими противниками, лишь иногда будет проскальзывать у того же Аввакума. Под влиянием репрессий оно постепенно установится у старообрядческих историографов (вспомним братьев Денисовых!). Лишь позднее общественное сознание нового времени утвердит этот постулат, а церковная историография XVIII–XX вв. начнет все громче заявлять, что старообрядцев казнили не за веру, а за сопротивление воле церковной организации.

Плохо соответствовал общественному сознанию XVIII в. и другой, модный в последующей историографии тезис. Официальные синодальные историки раскола любили в XIX в. обвинять старообрядцев в обрядоверии, в неразличении внешней и внутренней сторон православия, обряда и догмы. Историки противоположного, демократического лагеря (А.П. Щапов и его последователи) немало говорили об обрядоверии как об общей беде русского общества XVII в., а не одних только старообрядцев. Но в любой религиозной системе обряд теснейшими смысловыми узлами связан с вероучением. В православии эта связь по традиции особенно сильна. Сама мысль о возможности хоть какого-то противопоставления одного другому принадлежит общественному сознанию нового времени, и было бы не исторично переносить ее на XVII в. Вспомним хотя бы судьбу споров о водосвятии при патриархе Филарете.

В XVIII в. продолжале развиваться оба противоположных направления историографии церковной реформы и старообрядчества. Сочинения официальных церковных авторов тиражировались печатным станком и служили миссионерским нуждам православной церкви Российской империи, а затем и потребностям государственной синодальной политики. Исторические сочинения самих старо-

обрядцев тайно переписывались в многочисленных скрипториях, скитских кельях; лишь изредка их удавалось издать в подпольных или зарубежных старообрядческих типографиях. В рамках этих направлений “осьмнадцатое столетие” ознаменовалось значительным приращением источников, фактического материала и совершенствованием противоборствующих концепций. Уже в конце XVII в. серьезно заявила о себе новая тема истории старообрядчества, во многом доминирующая впоследствии. Это внутренняя история старообрядчества, история происходящих в нем споров и разделений, обособляющаяся историография отдельных старообрядческих согласий.

Еще в петровское время, в 1709 г., была написана и в рукописи распространялась по епархиям первая большая книга официальной церковной историографии, специально посвященная старообрядчеству. Ее автор – известный церковный писатель, собиратель знаменитых Четых-Миней Димитрий, митрополит Ростовский (Д.С. Туптало, 1651–1709). Его “Розыск о раскольнической брынской вере” (М., 1745) до середины XIX в. являлся одним из главных пособий для синодальных миссионеров – борцов со старообрядчеством. Однако он был плохо приспособлен для выполнения задач религиозной полемики, убеждения противников. Чуть ли не каждый абзац книги наполнен столь бранными выражениями по адресу старообрядцев, что трудно представить себе книгу в качестве орудия мирных увещаний. Лишь во второй половине века, с успехами екатерининского просветительства, подобный оскорбительный тон этого направления историографии начнет неспешно меняться.

Значительно расширяя объем фактического материала, Димитрий Ростовский остается в рамках общих историографических концепций древней, а не новой России. Пройшедший раскол в церкви для него – непосредственное следствие козней сатаны, и митрополит не ищет более прагматичных, рационалистических причин. Отметим определенную концептуальную близость ряда конкретных рассуждений ростовского митрополита о причинах действий старообрядцев с государственным нетрадиционным мышлением законодателей и организаторов еретических процессов. Все они, отражая дух времени XVI–XVII вв., упорно ищут и находят в действиях подозреваемых черную магию, волшебство, прямую помощь сатаны. Димитрий Туптало пишет, например, об особых волшебных ягодах, помогавших старообрядцам быть стойкими в своих “заблуждениях”, идти за них в огонь.

Степень знакомства церковных историков того времени с реальной внутренней жизнью старообрядчества была минимальной. Все усложнявшуюся историю образования новых и новых направлений староверия, борьбы между ними церковные исследователи знали очень плохо. Правда, картина несколько менялась, когда за перо брались нередкие тогда ренегаты, т.е. борцы со старообрядчеством, ранее сами бывшие старообрядцами. Так, немало ценных фактических сведений о Выге первой половины XVIII в. сообщает поморский деятель Г. Яковлев, перешедший в синодальное православие в середине XVIII в.¹ Но и приводимый им фактический материал требует самой тщательной проверки.

Выходцем из старообрядцев был и другой известный обличитель раскола XVIII в. – Андрей Иоаннов (А.И. Журавлев). Его “Полное историческое известие о древних стригильниках и новых раскольниках...” (1-е изд. СПб., 1794) выдержало к концу XIX в. шесть изданий и являлось одной из основных полемических синодальных книг по истории раскола. Тон ее почти столь же резок, как и у Димитрия Ростовского. Общей является и главная концепция о сатанинских кознях как основной причине раскола. Вместе с тем в книге имеются и новые подходы. Прежде всего это важная попытка выяснения исторических корней событий середины XVII в. Однако решение Журавлевым этой конкретной пробле-

¹ Яковлев Г. Извещение праведное о расколе беспоповщины // Братское слово. М., 1888. № 5/6.

мы сводится к вполне парадоксальному тезису о преемственности старообрядчества со стригольниками XIV–XV вв. Вместе с тем в книге сделана первая попытка подробно систематического изложения истории различных центров старообрядчества. Учитывая прошлое автора, следует признать немалую его осведомленность в таком важнейшем направлении историографии проблемы. Этим, пожалуй, в первую очередь объясняется долгая жизнь крайне тенденциозной книги Журавлева в историографии.

Характерной чертой отношения синодальной церкви к истории раскола явились известные попытки искусственного создания якобы “первоисточников” по теме, которые помогли бы доказать неправоту противников никоновских преобразований. Созданным таким образом фальшивкам была суждена почти полутора-вековая жизнь в синодальной историографии раскола. Но их значение прежде всего в том, что разоблачение поморскими палеографами братьями Денисовыми фальшивого “Соборного деяния на Мартина еретика”, “Требника Феогноста” стало важным этапом в развитии приемов научной критики источника, палеографии, текстологии.

Именно выговским писателям Семену и Андрею Денисовым, Петру Прокопьеву, Ивану Филиппову и другим выпала задача заложить прочные основы всей будущей старообрядческой историографии проблемы, выработки принципов и жанров исторического повествования². “Виноград Российский”, “История о отцах и страдальцах соловецких”, “Повесть о сибирских страдальцах”, “История Выговской пустыни”, жития и надгробные слова выговских авторов создали фундамент всей старообрядческой историографии. Выговская историография творчески использовала несколько пластов культурной традиции. Это прежде всего Священные писание и предание, патерики раннего христианства и Древней Руси, агнографическая и эсхатологическая литература. Особое влияние как на ранних старообрядческих авторов XVII в., так и на выговских писателей оказали украинско-белорусские сочинения, собранные в двух московских изданиях 1644–1648 гг. – Кирилловой книге и Книге о вере (последние исследования этой проблемы принадлежат Т.А. Опариной³).

Но вместе с тем литература Выга использовала и существенно иные, новые влияния, общие с культурой верхов. Напомним о многократно проанализированных фактах прямого влияния на руководителей выговской школы культуры украинского барокко, многих ее принципов, стилистики, а также развитие на Выгу силлабического стихотворства, интенсивное использование там учебников риторики Андрея Белобоцкого, Софрония Лихуда, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича⁴.

Параллельно с этим острота выговской концепции, объясняющей церковных раскол и противостояние приближением “последних времен”, Антихриста, неуклонно уменьшается в XVIII в. вместе с общим снижением радикализма поморского согласия.

Как наглядно показано исследованиями последних лет, в старообрядческой историографии созданию крупных сочинений предшествовали тщательное соби-

² См. об этом: *Гурьянова Н.С., Крамни Р.* Историческая схема в сочинениях писателей выговской литературной школы // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.): Сб. науч. тр. М., 1994. С. 120–138; *Гурьянова Н.С.* История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII в. Новосибирск, 1996; *Юхименко Е.М.* “Виноград Российский” Семена Денисова (текстологический анализ) // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984. С. 249–266; *Она же.* “История о отцах и страдальцах соловецких” Семена Денисова – памятник выговской литературной школы первой половины XVIII в. // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1992. С. 107–113.

³ *Опарина Т.А.* Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1997.

⁴ См. об этом: *Дружинин В.Г.* Словесные науки в Выговской Поморской пустыни. СПб., 1911; *Лонько Н.В.* Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ (Л), 1981. Т. XXXVI. С. 152–154.

рание литературных источников, составление тематических выписок из них, систематизация архива, первичные записи устных преданий, воспоминаний. Эта последовательность работы старообрядческих авторов прослежена для памятников XVII–XVIII вв. в исследованиях Н.С. Демковой, Н.Ю. Бубнова, И.В. Поздеевой, Н.В. Поньрко, Н.С. Гурьяновой, О.К. Беляевой. Сходной была последовательность работы старообрядческих авторов и в XIX–XX вв.

Для старообрядческих писателей, создающих как исторические, так и догматико-полемические сочинения (а грань здесь подчас трудно уловима), всегда была исключительно важной преемственная связь поколений истинно верующих. Самым распространенным методом изложения внутренней истории жизни старообрядческих согласий становится прослеживание последовательных изменений жизни и творчества учителей и их учеников. Этот метод позволяет показать смену поколений и в деятельности отдельных центров, связи между этими центрами, пути миграции идей. Жизнь, благочестивые поступки, мученичество за веру, прошлых поколений – руководство для нелегкого решения сегодняшних проблем. История поэтому предельно актуализирована, постоянно ощущается традиционная для средневекового сознания тесная связь настоящего с выстроенным определенным образом прошлым. В свою очередь, описывая события сегодняшнего дня или недавнего прошлого, старообрядческий писатель уже почти автоматически подобным же образом выстраивает и комментирует факты в назидание будущему.

Здесь особенно заметно влияние традиций древнерусской и византийской агиографии. Богатая волнующими примерами мученичества за веру история старообрядчества позволяет писателям выговской школы создавать яркие рассказы в духе древних мучеников, житий мучеников.

Именно в этих традициях Семен Денисов строит свои исторические повествования о Соловецком восстании 1667–1676 гг. и Тарском бунте 1722 г. Можно проследить также связь его сочинений с историческими повестями древнерусской литературы XVI–XVII вв. вроде “Казанской истории”. Проблемы веры традиционно занимают огромное место и в сюжете, и в структуре старообрядческих исторических повествований – именно история мученичества за веру представляет для старообрядческого автора главную сюжетобразующую нить.

Выговские авторы, подходя с характерной дотошностью к расширению источниковой базы своего повествования, отнюдь не чужаются при этом нарочитого выстраивания прошлого в нужном для них духе. Наряду с упомянутыми выше нравственно-назидательными моментами нельзя не отметить здесь и последовательное стремление выговских историков оставлять по возможности в тени политическую окраску противостояния церковным и гражданским властям государства. Это вполне соответствовало тогдашним умеренным позициям руководства Выга. Поэтому С. Денисов в “Истории о отцах и страдальцах соловецких” нарочито умалчивает о самых острых событиях восстания, о постановлениях монастырского собора не молиться за царя, оказывать царским войскам вооруженное сопротивление, об участии в восстании монастыря разинцев, стрельцов. Подобным образом в недавно обнаруженной и изданной А.И. Мальцевым “Повести Симеона Дионисовича о сибирских страдальцах” (Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 224–227) яркая политическая окраска Тарского бунта 1722 г. и Елунской гари 1723 г. значительно приглушена.

Во многом эталонным для старообрядческого исторического повествования можно назвать “Виноград Российский” Семена Денисова и “История Выговской пустыни” Ивана Филиппова. Успешная попытка создания С. Денисовым обобщающего свода житий новых исповедников и мучеников поднимает всю старообрядческую агиографию на новый уровень, который в общехристианской агио-

графической традиции связан с такими обобщающими жанрами, как патерики, минейные, житийные сборники. Хотя есть и существенные отличия: патерики связаны с поколениями пустынножителей одной обители или группы обителей какой-то местности, минейные сборники имеют соответствующее календарное расположение. Для «Винограда Российского» характерны очень широкий географический охват и отсутствие минейной структуры. Другой выговский писатель – Иван Филиппов умело выстраивает детальную историю жизни, смены поколений одного монашеского центра. Его история – это прежде всего история преемственности идей, непрерывная линия передачи божественной истины от учителя к ученику, от одного подвижника к другому. Такой подход жестко обусловлен общей для всей старообрядческой литературы схемой, согласно которой реформы Никона, «испортившие» веками нерушимое русское православие, обозначали отпадение ранее благочестивой державы в царство Антихриста. Лишь те последовательные поколения учителей и учеников, которые остались верными «древнему благочестию», получают надежду на спасение в оставшиеся «последние времена». Историографические задачи теснейшим образом смыкаются в рамках этой схемы с догматико-полемическими и воспитательными. И хотя выговские историки стремились достигать своих нравоучительных целей не искажением фактов, а их подбором, представляется вполне справедливым следующее утверждение Р. Крамми: «В конечном счете фактическая точность исторической схемы выгорецких отцов не играла решающей роли ни для их авторов, ни для их читателей. Гораздо более занимательными были полемические идеи, иллюстрировать которые были призваны факты»⁵.

Выработанные на Выгу концепции, конкретные источниковедческие приемы и находки окажут огромное воздействие на весь старообрядческий мир. Оно будет заметно и в нарождающейся в XVIII в. историографии беглопоповских согласий, включая крупнейшее согласие Урала и Сибири – часовенное. Новосибирские, екатеринбургские экспедиции сделали известными имена крестьянских писателей-старообрядцев XVIII–начала XIX в.: Мирона Галанина, холопа Максима, Тимофея Заверткина и др. Издаются и анализируются древнейшие историографические сочинения часовенных. В их числе «История про древнее благочестие», «Рукопись о древних отцах», «Послание о вере». На материале другого региона и другого согласия они умело развивают отмеченные выше общие идеи и тенденции старообрядческой историографии⁶.

В XIX в. синодальная историография проблемы церковного раскола и старообрядчества долгое время отставала от общего уровня развития русской исторической науки. Первое большое монографическое исследование темы появилось лишь в предреформенное время. Оно принадлежало перу епископа Макария (Булгакова)⁷. Несомненная заслуга автора – значительное расширение круга источников, гораздо большая полнота фактического материала, особенно по XVII в. Происходят и определенные концепционные подвижки: автор признает уже ошибочным применение государственного насилия по отношению к старообрядцам. Впрочем, исторические корни этого признания лежат еще в просветительских взглядах, отразившихся в государственном законодательстве времени Екатерины Великой. Если уже в XVIII в. синодальные историки обвиняли старо-

⁵ Крамми Р. Историческая схема выгорецких большевиков // Традиционная духовная и материальная культура... С. 95.

⁶ Покровский Н.Н. Новые сведения о крестьянской старообрядческой литературе Урала и Сибири 18 в. // ТОДРЛ(Л). 1976. Т. XXX. С. 160–183; Он же. Путешествие за редкими книгами. 2-е изд. М., 1988. С. 38–61; Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала. Свердловск, 1987; Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья / Сост. А.Т. Шашков, В.И. Байдин. Свердловск, 1991. Т. 1, вып. 1, 2.

⁷ Макарий (Булгаков). История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1854; 2-е изд., 1858; 3-е изд., 1889.

обрядцев в обрядовери, то митрополит Макарий ставит вопрос глубже. Его книга начинает серьезное исследование вопроса об историко-культурных корнях разделения, происшедшего в русской церкви в середине XVII в. В книге едва намечена и другая серьезная проблема – анализ недостатков в понимании московским обществом XVI–XVII вв. истинного места русского православия в православии вселенском.

Но труд митрополита Макария был не свободен от явно устаревших методов синодальной историографии XVIII в. Он продолжал опираться на давно разоблаченные поморскими историками, палеографами фальшивки вроде “Соборного деяния на Мартина еретика”. Быть может, именно осознание митрополитом Макарием недопустимости подобных просчетов явилось причиной того, что он сопротивлялся переизданию своего труда. Третье издание вышло после смерти автора.

Между тем уже вскоре после выхода первого издания капитального труда Макария (Булгакова) в изучении проблемы произошел важный качественный сдвиг. С ним в конце концов должна была считаться и церковная официальная историография, научный уровень которой резко возрос в последней четверти XIX–начале XX в.

Новый подход к проблеме старообрядчества связан прежде всего с именами общественных деятелей демократического направления. Уже А.И. Герцен и Н.П. Огарев стали рассматривать старообрядчество прежде всего как протест против полицейских порядков императорской России. Отстаивание старообрядцами права свободно исповедовать свои взгляды, демократизм старообрядчества особенно привлекали Герцена и Огарева. Попытка использовать старообрядческое движение для прямой политической борьбы с самодержавием, предпринятая Герценом и Огаревым, окончилась вполне закономерной неудачей. Но в историографии старообрядчества заметное место заняла появившаяся в связи с этой попыткой публикация В. Кельсиева⁸.

Наиболее фундаментально демократический взгляд на историю старообрядчества и его современное состояние был развит в серии монографий А.П. Щапова (1830–1876). Его первое исследование о старообрядчестве появилось вскоре после книги Макария (Булгакова)⁹. В своих трудах А.П. Щапов дает беспощадную характеристику тем церковно-полицейским мерам, с помощью которых власти стремились подавить это движение протеста. Одним из главных опорных пунктов концепции Щапова был вывод, что появление и распространение раскола напрямую связаны с важнейшим социальным явлением XVII–XVIII вв. – крепостным правом. Раскол для него прежде всего протест против крепостничества, которое “самой черной градобойной тучей проходило по земле русской, по сердцам народным через все XVIII столетие...”¹⁰ В работах Щапова приводятся многочисленные свидетельства источников о проявлении в старообрядчестве политического и социального протеста. “Гражданские начальники и помещики своими притеснениями отталкивали народ от православного общества и невольно заставляли его уклоняться в раскол...”¹¹ Щапов удивлялся, как от таких порядков вся страна “не ударилась” в бегство. Согласие бегунов-странников привлекает его самое пристальное внимание.

⁸ Кельсиев В. Сборник правительственных сведений о раскольниках / Трюбнер, Лондон; 1861–1862. Вып. 1–4.

⁹ Щапов А.П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII. Казань, 1858; 2-е изд., 1859; см. также: *Он же*. Земство и раскол. I. Казань, 1859; СПб., 1862; *Он же*. Соч.: В 3 т. СПб., 1906. Т. 1; *Он же*. Умственные направления русского раскола // Дело. СПб., 1867. № 10–12; Соч. Т. 1.

¹⁰ Щапов А.П. Земство и раскол. II. Бегуны // *Время*. 1862. № 10/11. Цит. по: Соч. Т. 1. С. 521.

¹¹ Щапов А.П. Русский раскол старообрядства... // Соч. Т. 1. С. 442.

Особенно важно, что исходным пунктом всего анализа Щапова является подробное изучение состояния русского общества. Это относится далеко не к одним социальным аспектам. Щапов подробно интересуется тем, что сегодня принято именовать менталитетом, народными обычаями и религиозными взглядами, народными интерпретациями православия, обрядоверием.

Детальное исследование Щапов посвящает теме сохранения в старообрядчестве русских земских традиций. Он пытается разобраться в горячо обсуждаемой и сегодня непростой проблеме: какие из древних национальных традиций имеют право на существование в современном обществе, а какие – нет. Национальный консерватизм, замкнутость, как и проповедь национальной исключительности, превосходства, особой богоизбранности, Щапов оценивает резко отрицательно. А демократические традиции русского земства, “мира”, являются в период великих реформ Александра II источником оптимистических надежд для историка, чья гражданская позиция оставила заметный след в тогдашней политической борьбе за обновление России. Сосуществование в самом старообрядчестве этих разных национальных традиций историком явно недооценивалось.

Щапов отнюдь не отрицал никоновскую церковную реформу, не становился на сторону догматических и обрядовых воззрений старообрядчества. Но всей этой религиозной стороне он придавал сравнительно небольшое значение. Между тем как раз эти проблемы всегда были главными для любого старообрядца. Именно по ним развертывались основные споры как внутри старообрядчества, так и с внешним миром. В этой недооценке таится одно из самых слабых мест всей концепции Щапова. Если старообрядческие бунтари сознательно замалчивали явные черты политического и социального протеста в истории, например, Соловецкого восстания, то преподаватель Казанской духовной академии Щапов почти не интересовался вероучительной стороной церковного раскола, богословскими спорами между разными течениями старообрядчества.

Концепциям А.П. Щапова была суждена долгая жизнь в демократической историографии. Открытые им направления научного поиска разрабатывались А.С. Пругавиным, В.В. Андреевым, Н.В. Щелгуновым и др.

Параллельно с этим в XIX в. в изучении старообрядчества развивалось направление, которое с полным правом можно именовать полицейско-доносительским. Основной тезис этого направления заимствован у Феофана Прокоповича: раскол – “враг внутренний”, “орудие враждебных России партий”. Вокруг этого направления собрались очень разные люди. Если обширные работы Ф.В. Ливанова отличаются своим исключительно ругательным тоном и содержат не так уж много проверенного фактического материала, то Н.И. Субботин, также заботившийся об искоренении старообрядческих врагов веры и отечества, оставил после себя ценнейшую 9-томную публикацию сочинений старообрядцев и целый ряд единичных изданий источников. П.И. Мельников-Печерский, наиболее осведомленный и вдумчивый из официозных историков раскола, странным образом сочетал в одном лице умелого сурового противораскольнического администратора и писателя, с несомненным сочувствием относившегося к старообрядцам. Его “Очерки поповщины” (Полн. собр. соч. СПб.; М., 1898. Т. 13, 14) и сегодня сохраняют значение первоклассного исторического труда.

Стараниями ученых разных направлений, писавших в XIX в. специально о церковном расколе, тема эта начинает завоевывать все большее внимание создателей общих концепций и курсов истории России. С.М. Соловьев традиционно связывает возникновение раскола с уровнем религиозного сознания общества, его культурой. Во всей проблематике истории церковной реформы и дальнейшего развития старообрядчества его в первую очередь интересует противостояние в русской общественной жизни тенденций консерватизма и обновления. Исходя из своих взглядов на влияние географического фактора на историю, С.М. Со-

ловьев “протягивает” причинно-следственную нить: слабость города–слабость купечества–застойность сельского населения–консерватизм.

В.О. Ключевский касался проблем старообрядчества не только в своем общем курсе, но и в особой работе “Западное влияние и церковный раскол в России XVII в.” (опубл. как III, IV разделы статьи под названием “Западное влияние в России XVII в.” в журнале “Вопросы философии и психологии” (М., 1897. Кн. 38) и в отдельном оттиске. Под первоначальным названием – в сб.: *Ключевский В.О. Очерки и речи* (М., 1913; Пг., 1918)). Вслед за Щаповым он отводит большую роль исследованию исторических корней схватки середины XVII в., касается политических теорий XVI в., во многом обусловивших, по его мнению, национальную замкнутость русских в XVII в. В его работах содержится страстная проповедь необходимости западного культурного влияния для преодоления застойности русского исторического процесса. Но при этом он всячески подчеркивает, что спор с “почвенниками”-староверами был очень полезен, ибо он подтолкнул развитие западного просвещения в России. Ключевский делает одну из первых попыток социально-психологических характеристик деятелей старообрядчества. Его волнует также проблема столкновений разных взглядов на всеобщее православие в России XVII–XVIII вв.

Значительные успехи самых разных историографических направлений в изучении темы церковного раскола, быстрый рост источниковой базы, развитие научной критики текста и источниковедения приводят к тому, что в последней четверти XIX – начале XX в. все более становится условной грань между церковно-синодальными и гражданскими исследователями этой темы. Становится, например, крайне затруднительным разделять по подобному признаку таких серьезных исследователей, как церковные авторы Н.Ф. Каптерев, П.С. Смирнов, Е.Е. Голубинский и профессор Московского университета и Московской духовной академии В.О. Ключевский.

Мастерски проведенные Каптеревым многотомные исследования религиозных споров времени царя Алексея Михайловича и патриарха Никона и сегодня сохраняют свое фундаментальное значение в науке¹².

В конце XIX – начале XX в. появляется серия замечательных исследований внутренней жизни старообрядчества XVII–XVIII вв., принадлежащих перу П.С. Смирнова¹³. Для его исследовательской манеры характерен скрупулезнейший анализ вероучительных споров, сопровождавших внутреннюю и внешнюю жизнь старообрядчества на разных этапах его развития. Четкое богословское мышление автора позволяет ему провести умелую систематизацию и последовательно излагать суть этих вопросов. Он удачно группирует все затрагиваемые в полемике теоретические проблемы по хорошо разработанной им схеме. При этом особенно важно, что, отнюдь не отказываясь от официальных для синодального периода оценок раскола, П.С. Смирнов дает вполне достоверный материал, старательно избегая искажений свойственных историографии прошлых веков.

П.С. Смирнова значительно меньше волнуют социальные и политические аспекты старообрядчества, хотя именно он делает едва ли не первое связное изложение их политических и вероучительных концепций. В отличие от трудов Щапова центр тяжести исследований Смирнова лежит как раз в догматико-обрядовой сфере. Эти два направления историографии, таким образом, не только противостоят, но и успешно дополняют друг друга.

¹² *Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов.* М., 1887. Вып. 1; 2-е изд. Сергиев Посад, 1913; *Он же. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович.* Сергиев Посад, 1909–1912. Т. 1, 2; М., 1996 (репр. изд. 1909–1912 гг.).

¹³ *Смирнов П.С. История русского раскола старообрядцев.* Рязань, 1893; 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1895; 3-е изд., 1912; *Он же. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке.* СПб., 1898; *Он же. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века.* СПб., 1909; *Он же. Споры в расколе во второй четверти XVIII века.* СПб., 1911.

Но уже в трудах П.С. Смирнова, во многом именно благодаря их полноте и тщательности, начинается одна источниковедческая проблема, серьезно влияющая на общие выводы. Он, как и многие авторы после него, пользуется в первую очередь историко-полюемическими сочинениями участников споров, а также некоторыми текстами, имеющими церковно-нормативный характер в старообрядческой среде. Они дают очень четкую картину разделения согласий, направлений и этапов споров. Но когда автор настоящей статьи начал проверять эту картину массовыми документальными источниками, рисующими детальное положение дел в самом низу, на местах, в отдельных общинах, то возникло известное несовпадение. Реальная жизнь оказалась, как всегда, куда противоречивее и многообразнее любых нормативных и учительных памятников. Разделения и противостояния в народной старообрядческой среде подчас проявлялись далеко не с такой определенностью и категоричностью, как это следовало из догматико-полюемических и нормативных текстов. Но не следует забывать, что сама постановка подобных задач в науке во второй половине XX в. стала возможной лишь благодаря огромной работе П.С. Смирнова и его коллег на грани XIX и XX вв.

Знаменитые исследования Е.Е. Голубинского, одного из наиболее известных историков Русской церкви того времени, прежде чем утвердиться в мировой исторической науке, прошли суровую критику со стороны ряда синодальных историков. Резкое падение уровня отеческих богословских наук в советской России привело к тому, что и в сегодняшних церковных кругах отношение к этому крупнейшему историку достаточно скептическое. Бывший заслуженный ординарный профессор Московской духовной академии, а затем и академик Императорской Академии наук Е.Е. Голубинский посвятил отдельную монографию детальному исследованию тех богословских вопросов, которые в середине XVII в. разделили сторонников и противников церковной реформы¹⁴. В этом споре Голубинский стоял на официальных церковных позициях. Но они сильно отличались от тех постулатов, которые побудили отцов Собора 1666 г. предать старые обряды и их приверженцев проклятиям и отлучению. Опираясь на достижения российской медиевистики, византологии, Голубинский вывел вековой спор за рамки старых, подчас неисторических противопоставлений. По таким коренным предметам полемики, как правильная форма креста, сложение перстов для крестного знамения, сугубая или трегубая аллилуйя, он убедительно показал наличие в церковном прошлом Византии и Древней Руси немалой многовариантности. Реальное историческое многообразие пришло на смену жесткому противопоставлению.

Специализация и разделение историко-филологических дисциплин, успехи «вспомогательных» наук – текстологии, палеографии, библиографии – привели к тому, что методы этих наук стали играть все более значительную роль в исследовании истории церковного раскола. Появляются первые альбомы почерков, текстологические исследования старообрядческих сочинений, создается фундаментальный труд В.Г. Дружинина, остающийся главным справочником до наших дней¹⁵. А.К. Бороздин издает первое монографическое исследование деятельности протопопа Аввакума и его «Жития»¹⁶.

Что же касается развития исторической мысли старообрядцев в XIX в., то этот процесс до сих пор прослежен куда хуже, чем для XVIII в. Творческий период выговской школы давно уже остался позади, а исторические сочинения других согласий мало привлекали внимание ученых. Новосибирские и екатерин-

¹⁴ Голубинский Е.Е. К нашей полемике с старообрядцами. М., 1896; 2-е изд., 1905.

¹⁵ Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. СПб., 1912.

¹⁶ Бороздин А.К. Протопоп Аввакум: Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII в. СПб., 1896; 2-е изд., 1900.

бургские ученые изучали исторические сочинения XIX в. бегунов и часовенных, но, например, исследований по историографии австрийского согласия в печати до сих пор нет. Из старообрядческих авторов XIX в., занимавшихся своей историей, наибольшей популярностью среди ученых пользуется, пожалуй, Павел Любопытный. Он тщательно собирал и систематизировал сведения обо всех известных ему старообрядческих писателях¹⁷.

У урало-сибирских староверов часовенного согласия после начала XIX в. интерес к историческим сюжетам возродился вновь лишь в 1880-е годы. Разбросанные на огромных просторах, не имевшие единого центра общины часовенных чуть было не утратили в середине века историографической традиции. Когда с наступлением более свободных времен вновь разгорелись у старообрядцев востока России вероучительные дискуссии, у часовенных возникла острая потребность знать свою собственную историю. Надо было аргументированно ответить на вопрос, почему в согласие сначала принимали беглых никоновских священников, а затем перестали это делать. В такой обстановке возникает новый жанр исторического повествования – “Родословие” согласия.

Первый такой памятник, обнаруженный в наши дни уральскими археографами, был создан о. Валентином не позднее 1879 г. в д. Юшковой Тюменского уезда. Самоназвание этого сочинения – “Родословие истинных веры христианская”. В тексте использована какая-то более ранняя “Родословная сибирская”. После краткого вступления об апостольских временах, крещении Руси и реформе Никона о. Валентин рассказывает об известных деятелях старообрядчества XVII–XVIII вв. и далее излагает урало-сибирские события XIX в. При этом особое внимание уделяется авторитетным скитским руководителям¹⁸. Но труд о. Валентина, видимо, удовлетворял не все направления тогдашнего часовенного согласия, и на Екатеринбургском соборе 11 января 1887 г., в присутствии представителей основных общин согласия, составление нового “Родословия” было поручено руководителю главного скита часовенных о. Нифонту. Преемственной линией учителей и учеников, руководителей скита, этот пустынножительный центр был связан с монашеской общиной XVIII в. холопа Максима.

Написанию текста “Родословия” о. Нифонта предшествовала тщательная работа по сбору источников. Нифонт сумел собрать в уральской лесной пустыни исторические сочинения часовенных XVIII – второй четверти XIX в., в том числе и не дошедшие до нас. Образцом для него послужила выговская литература, особенно “Виноград Российский” С. Денисова. Нифонт, по-видимому, использовал также беглопоповскую “Историю о бегствующем священстве” Ионы Курносого, а может быть, и поморянина Ивана Алексева. Историограф часовенных считает уже вполне возможным использовать и труды гражданских историков XIX в., издания документов, в частности “Собрание государственных грамот и договоров”.

По выговской традиции о. Нифонт начинает свой труд с описания древнего русского благочестия со времен св. князя Владимира до реформы Никона. Затем следует рассказ о церковной реформе и о начале сопротивления ей, о первых мучениках старообрядчества. В дальнейшем история различных ветвей старообрядчества излагается по географическому признаку, причем автора интересуют почти исключительно беглопоповские общины. Заключительные разделы посвящены истории часовенных Урала и Сибири начиная с первой четверти XVIII в. Проследившая преемственную линию передачи благодати от первых мучеников старообрядчества к современникам, о. Нифонт доводит ее, естественно,

¹⁷ Любопытный Павел. Исторический словарь и каталог, или библиотека староверческой церкви // Сборник для истории старообрядчества. М., 1866. Т. II, вып. V. Приложение.

¹⁸ Публикация текста: Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья / Сост. В.И. Байдин, А.Т. Шашков. Екатеринбург, 1993. Т. 2, вып. 2. С. 3–18, 56–71.

до своего скитского центра. Различные списки “Родословия” о. Нифонта, каждый по-своему, продолжают эту линию и людьми, и событиями уже XX в.

Археографический поиск ученых Новосибирска и Екатеринбурга обнаружил наряду с несколькими такими продолжениями особые “родословия” и других согласий Восточной России второй четверти XIX в. – поморского, федосеевского, филипповского. В этих сочинениях на основе не только письменных памятников, но и устных легенд прослеживалась история отдельных старообрядческих центров Урала и Зауралья. Наиболее интересно, пожалуй, поморское “Родословие”, где возникновение известного центра этого согласия, функционировавшего в XVIII–XIX вв. в с. Таватуй близ Екатеринбурга, излагалось в соответствии с местной легендой. Легенда эта называла основателем центра графа И.С. Воронцова, друга детства царя Алексея Михайловича, ставшего якобы затем старообрядческим пустынноиком. Проверка показала, что на деле таковым был ссыльный донской казак И.С. Воронков¹⁹. Сравнительно краткое “Родословие” уральских поморцев возникло, вероятно, несколько раньше часовенных “родословий” – в 1860-е годы. Его автора занимают преимущественно события XVIII в. и частично первой трети XIX в. Здесь нет сплошной линии преемственности, доведенной до времени создания памятников. В этом сочинении сильнее, чем в других “родословиях”, чувствуется стилистическое и идейное влияние С. Денисова. Интересно, что, подобно “Винограду Российскому” и “Истории пострадавших отец Филиппа и Терентия” (сочинению XVIII в. об основателе филипповцев), автор таватуйского “Родословия” подменяет самосожжения старообрядцев их сожжением антихристовыми властями.

Урало-сибирские “родословия” являются литературным звеном, тесно связывающим историографию XVIII–XIX вв., а для часовенных – и нашего столетия. Эти “родословия” помогают выявлять многие памятники XVIII в., часть из которых сегодня известна лишь по названию. Вот как определяют, например, А.Т. Шашков и В.И. Байдин источниковую базу “Родословия” о. Валентина:

«В результате анализа текста валентиновского “Родословия” можно установить, что одним из его источников, помимо “Послания о вере” и других старообрядческих нормативных и исторических сочинений XVIII–XIX вв. (протоколов и решений местных соборов, неизвестной “Керженской истории”, “Истории о бегствующем свяществе” Ионы Курносого, “Рукописания о предках наших” о. Максима, “Рукописи предков” Даниила Кабыкина, Ерофея Нохрина и Даниила Дмитриевича Шубина и, наконец, “Рукописи о древних отцах”), было неизвестное историческое сочинение М.И. Галанина, которое вместе с “Посланием о вере” и “Рукописью о древних отцах” входило в состав одной рукописи»²⁰.

Лишь некоторые из памятников урало-сибирской историографии XVIII–XIX вв. увидели свет (в небольших выдержках и в пересказе, без указания источников) в годы первой мировой войны на страницах журнала “Уральский старообрядец”, в статьях Афанасия Кузнецова. Научное издание этих текстов начинается лишь сейчас в Екатеринбурге и Новосибирске.

* * *

Крайне неблагоприятная обстановка для серьезного изучения истории церкви и старообрядчества сложилась сразу же после большевистского “переворота” 1917 г. (термин, которым неизменно подпольная старообрядческая литература советского времени называла “Великую Октябрьскую социалистическую рево-

¹⁹ Соболева Л.С., Пихоя Р.Г. Царский секретарь Игнатий Воронцов и донской казак Игнатий Воронков // Новые источники по истории классовой борьбы трудящихся Урала. Свердловск, 1985. С. 60–81; Мангилов П.И. “Родословие поморской веры на Урале и в Сибири” и старообрядческая полемика о браке // Культура и быт дореволюционного Урала. Свердловск, 1989. С. 92–102.

²⁰ Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья. Т. 1, вып. 1. С. 35.

люцию»). Исследование религиозных сюжетов вне прикладных задач воинствующих безбожников не поощрялось, а то, что допускалось, должно было соответствовать строгим идеологическим директивам блюстителей очередного варианта “исторического материализма”. Но все же научные исследования не пресеклись, постепенно появились даже новые важные направления их. А с послевоенных времен, особенно с хрущевской “оттепели”, гуманитарная научная интеллигенция с немалыми боями отвоёвала себе право резко расширить направление и тематику своих исследований.

Последовательная развернутая попытка изложить с позиций марксистско-ленинской историографии всю историю Русской церкви была предпринята еще в 1930-е годы Н.М. Никольским в его книге “История русской церкви”, имеющей несколько изданий (М.; Рязань, 1930; М.; Л., 1931; М., 1983; 1988). Автор уделил много внимания церковному расколу и старообрядчеству. Он впервые попытался четко соотнести все основные направления старообрядчества с конкретными социальными группами общества, в первую очередь с разными отрядами буржуазии и крестьянства. Прозвучала у него и тема “Старообрядчество как религиозная форма социального протеста” – щাপовская тема, которая будет потом интенсивно разрабатываться в историографии советского времени.

Саму постановку вопроса о социальных и экономических характеристиках различных направлений старообрядчества нельзя назвать неправильной. Мы будем иметь потом примеры прекрасной разработки этой темы П.Г. Рындзюнским применительно к московской федосеевской общине Преображенского кладбища и Р.О. Крамми применительно к Выгу²¹.

Однако в интерпретации Н.М. Никольского социально-экономические характеристики старообрядчества выглядят, на наш взгляд, крайне жесткими и примитивизированными. Связь религиозной организации и идеологии с общественными группами и экономикой оказалась далеко не столь непосредственной и простой, как это ему представлялось. Каждый, кто сегодня начинает исследовать подобные проблемы и по старообрядческим сочинениям, и по документам, обнаруживает, что в любом согласии имелись подчас весьма разные социальные группы, шла борьба умеренного и радикального крыла и т.д.

В послевоенные годы отечественная и историческая филологические науки сумели постепенно развернуть весьма широкий фронт изучения самых разных сторон феномена старообрядчества. Частично при этом использовался и довоенный опыт.

Сначала в этом общем продвижении явно лидировали филологи. Протопоп Аввакум был вполне официально признан великим народным писателем; власти не препятствовали изучению его литературного наследия в контексте творчества его современников. Правда, застарелая нелюбовь советских идеологов к любым религиозным авторам отдаленно сказывается и сегодня: все еще не осуществлена давняя мечта В.И. Малышева о полном собрании сочинений неистового протопопа. Тем не менее в послевоенные годы появился впечатляющий ряд глубоких филологических исследований, посвященных анализу самых разных сторон творчества Аввакума, его соратников и оппонентов, борьбе идей и литературному быту того времени. Осуществляются современные научные переиздания или первые публикации соответствующих литературных памятников, их научное комментирование. Попутно филологи стали позволять себе общие положительные характеристики старообрядчества, которых долго еще продолжали пугаться историки. В этом ряду следует назвать исследования и публикации

²¹ Рындзюнский П.Г. Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1950; Он же. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 455–488; Crummeу R.O. The Old Believers and the World of Antichrist. Madison, 1970.

90306

И.П. Еремина, Н.К. Гудзия, В.Е. Гусева, В.И. Малышева, Н.С. Демковой, А.С. Елеонской, А.И. Мазунина, А.М. Панченко, Д.С. Лихачева, Н.В. Поньрко, Е.К. Ромодановской, Л.В. Титовой. Применение к раннестарообрядческим текстам научных методов, выработанных школой Пушкинского Дома и Петербургского университета для археографического, текстологического, литературоведческого анализа памятников древнерусской литературы, оказалось весьма плодотворным. Назовем в качестве примера весьма успешное, на наш взгляд, решение Н.С. Демковой запутаннейшей проблемы истории текста “Жития” протопopa Аввакума²². Несмотря на насильственный отрыв общества от христианской традиции, в этих исследованиях была поставлена и затем успешно решена такая задача, как выявление в старообрядческих сочинениях скрытых цитат из Священного писания и Священного предания, из других памятников церковной книжности. Таким образом, все точнее решалась проблема идейных основ старообрядчества, его истоков. Среди исследований историков следует прежде всего выделить ценные монографические – А.И. Клибанова и К.В. Чистова. Старообрядческие сочинения и легенды рассматриваются в них как важные источники по истории социально-утопической мысли, народного общественного сознания²³. Исследование творчества Аввакума, основателя бегунского согласия Евфимия, других старообрядческих деятелей в этих монографиях значительно укрепит историографическую традицию изучения на старообрядческом материале проблем народного сознания, социальной утопии, антифеодального протеста. Эти проблемы затем будут исследоваться многими историками. Так, например, согласно бегунам посвящена добротная монография А.И. Мальцева²⁴. Ряд работ написан автором настоящих строк²⁵. Подобные исследования дадут выходы и на популярные в зарубежной исторической науке проблемы истории повседневности, менталитета низов и верхов общества. Старообрядческие источники позволяют историкам исследовать биографии многих крестьянских, заводских вожаков и идеологов.

Важнейшим путем расширения и углубления работ по изучению старообрядчества в последнее время стали археографические экспедиции. Первоначально они не ставили задач изучения всей толщи старообрядческой истории, всех сторон старообрядческого быта. Главной их задачей было выявление и приобретение древнерусских рукописных и старопечатных книг, столь беззаветно сохраняемых старообрядцами несмотря на все преследования. Уже в рамках этого книговедческого направления полевой археографической работы удалось не только вывить круг чтения многих старообрядческих общин, ввести в научный оборот немалое число новых произведений старообрядцев, но и собрать значительные региональные коллекции книг. Сам их состав являлся важным дополнительным историческим источником. Правда, относительно того, насколько современные территориальные коллекции книг, собранных в экспедициях, могут представлять репертуар древней книжности, идут горячие споры. Но характерно, что и авторы наиболее скептических высказываний (А.А. Амосов, Р.Г. Пихоя) приложили немало усилий для наиболее полной комплектации таких территориальных собраний.

В послевоенные годы в России возникло несколько крупных центров полевой археографии, ученые которых наряду с выявлением и приобретением древ-

²² Демкова Н.С. Житие протопopa Аввакума (творческая история произведения). Л., 1974; Она же. Сочинения Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества: Материалы и исследования. СПб., 1988.

²³ Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977; Он же. Социальные утопии в русских крестьянских движениях. М., 1966; Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967.

²⁴ Мальцев А.И. Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1996.

²⁵ Их библиографию см. в кн.: Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма / Ред. Д.С. Лихачев. Новосибирск, 1990. С. 377–392.

них книг постепенно стали изучать все новые и новые грани феномена русского старообрядчества.

Первым таким центром стал Пушкинский Дом (ИРЛИ), где непревзойденному мастеру полевой археографии В.И. Малышеву, крупному знатоку истории и литературы старообрядчества, удалось создать научную школу, имеющую общерусское значение. В Пушкинском Доме, проводившем свои исследования совместно с Петербургским университетом, сосредоточены наиболее крупные территориальные коллекции книг, привезенных из экспедиций. Это – крупнейшая “крестьянская библиотека”, собранная преимущественно в старообрядческих регионах русского Севера²⁶. Ряд успешных экспедиций за книгами к староверам Молдавии, Украины и других регионов СССР провели тогда также ученые БАН.

В Москве первые археографические экспедиции в послевоенное время проводились еще во второй половине 1950-х годов по инициативе председателя Археографической комиссии АН СССР академика М.Н. Тихомирова. С 1966 г. все более активно стали действовать археографы Московского университета под энергичным руководством И.В. Поздеевой. Экспедиции направлялись как в известные ранее старообрядческие центры Гомельщины (Ветка), Поволжья, Перми, Северного Кавказа, так и в другие регионы²⁷. По систематическому охвату экспедиционной работой самых разных сторон старообрядческой культуры экспедиции МГУ, безусловно, являются образцовыми.

С 1965 г. экспедицией В.Н. Алексеева, Е.И. Дергачевой-Скоп и Е.К. Ромодановской началась полевая работа Новосибирского археографического центра, созданного по предложению академика М.Н. Тихомирова. Наши экспедиции охватили с тех пор территорию от Урала до Тихого океана, от Приполярья до Киргизии. Опираясь на поддержку Пушкинского Дома и Археографической комиссии АН СССР, новосибирские ученые создали третий в стране археографический центр, работающий в регионах, где сохранность живой старообрядческой традиции оказалась намного выше, чем в Европейской России.

Так, здесь впервые ученые познакомились с действующими скрипториями, в которых создаются все новые рукописные книги. Удалось даже получить несколько книг, написанных в этих скрипториях по нашему заказу полууставным почерком, в том числе – на березовой коре, древнейшем русском материале для письма. Исследования старообрядчества ведутся учеными гуманитарных институтов Сибирского отделения РАН, Новосибирского университета и Государственной публичной научно-технической библиотеки²⁸.

За годы интенсивной экспедиционной работы на Урале под руководством Р.Г. Пихои и его преемников удалось создать представительные территориальные собрания, характеризующие книжный репертуар уральских старообрядческих общин²⁹.

²⁶ Научные отчеты экспедиций регулярно публикуются в ТОДРЛ, вышло в свет описание значительной части коллекции. См.: Древлехранилище Пушкинского Дома (литература 1965–1974 гг.) / Сост. В.И. Малышев. Л., 1978.

²⁷ Славяно-русские рукописи XV–XVI вв. научной библиотеки Московского университета / Сост. Н.А. Кобяк, И.В. Поздеева. М., 1981; Кобяк Н.А., Поздеева И.В. Славяно-русские рукописи XIV–XVII вв. научной библиотеки МГУ (поступления 1964–1984 гг.). М., 1986; Поздеева И.В., Каушарова И.Д., Леренман М.М. Каталог книг кириллической печати XV–XVII вв. научной библиотеки Московского университета. М., 1980.

²⁸ Панич Т.В., Титова Л.В. Описание собрания рукописей ИИФФ СО АН СССР. Новосибирск, 1991; Зольникова Н.Д. Описание книг кирилловской печати XVI–XVII веков (Собрание ИИФФ СО АН) // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 183–235. С 1975 г. в Новосибирске выходят ежегодники “Археография и источниковедение Сибири”, сборники серии “История Сибири: Первоисточники”, издаются книговедческие сборники ГПНТБ.

²⁹ Началось введение этих коллекций в научный оборот. См. выше: Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья; Путеводитель по фондам старопечатных книг и рукописей лабораторий археографических исследований. Свердловск, 1990.

Позднее возникли новые центры – в Нижнем Новгороде (Т.В. Черторицкая), Ярославле (А.А. Севостьянова), Перми (Г.Н. Чагин). Развитие все новых центров полевой археографической работы в старообрядческих поселениях довольно быстро выявило насущную необходимость координирования их деятельности. Непростую эту работу с 1972 г. взяла на себя Археографическая комиссия АН СССР, где ее в первое, самое трудное время успешно вела Д.И. Тверская³⁰. С 1978 г. “Археографический ежегодник” регулярно печатает сводную информацию об итогах каждого полевого сезона, а также теоретические статьи, связанные с комплексом научных интересов полевых археографов.

Интересы эти быстро стали выходить за рамки одного лишь книжного собирательства и книговедения. Уже во второй половине 1960-х годов в Новосибирске и Москве была выдвинута концепция комплексного изучения разных сторон истории и культуры старообрядчества. Экспедиционная работа потребовала самого пристального внимания к истории старообрядческих согласий и общин, к эволюции исторических, политических и религиозных взглядов староверов. Появились соответствующие исследования как общерусского, так и регионального охвата. Среди первых особо отметим анализ Н.С. Гурьяновой изменения эсхатологических теорий и историко-культурных взглядов у старообрядцев XVIII в.³¹, исследования об основателях старообрядчества, о соловецких и выговских писателях, о других общинах и людях Европейского Севера А.А. Амосова, Г.В. Маркелова, В.П. Бударагина, А.Х. Горфункеля, Н.В. Поньрко, Л.В. Титова, Е.М. Юхименко, Н.Ю. Бубнова, О.В. Чумичевой, а также анализ истории бегунского согласия XVIII–XIX вв., сделанный А.И. Мальцевым. Историю урало-сибирских старообрядческих общин XVII–XIX вв. изучают Н.Н. Покровский, Р.Г. Пихоя, А.Т. Шашков, В.И. Байдин, Л.С. Соболева, А.Г. Мосин.

В районах действия археографических экспедиций оказалось возможным вести успешные этнографические наблюдения и сбор этнографического материала. В Москве, Новосибирске, Перми и Екатеринбурге в ходе экспедиций были накоплены значительные этнографические коллекции и опубликованы этнографические исследования (С.А. Димухаметова, В.А. Липинская, И.В. Власова, Л.М. Русакова, Ф.Ф. Болонев, Е.Ф. Фурсова, Г.Н. Чагин). В ходе экспедиций к старообрядцам удалось провести немало фиксаций фольклора (в том числе музыкального) и начать систематический научный анализ этого материала (С.Е. Никитина). Бытование в старообрядческой среде древнерусской музыки, крюковых знаменных и демественных книг стимулировало изучение и этой стороны традиционной культуры (Н.П. Парфентьев, Л. Игошев). Вполне оправданным оказалось и изучение традиций древнерусского изобразительного искусства у старообрядцев (И.В. Поздеева, Э.П. Винокурова). Постепенно разворачиваются также лингвистические исследования, начатые еще Б.А. Успенским независимо от экспедиций.

Поражение коммунистического тоталитаризма в нашей стране сделало возможным введение в научный оборот важнейших памятников подпольной старообрядческой литературы XX в. Они доносят до нас оценки народным сознанием трагических событий русской истории советских десятилетий. Оценки эти сделаны в традициях, понятиях и стилистике старообрядческой эсхатологии и агиографии. Время колхозов, лозунга всемирной пролетарской революции и экологических катастроф характеризуется в них в терминах Апокалипсиса. В часовенном согласии в XX в. были созданы продолжения “Родословия” о Нифонта; скитские старцы, его преемники, вместе с соседними крестьянами составили трехтомную

³⁰ Тверская Д.И. О некоторых итогах развития полевой археографии на территории СССР в послевоенный период // ИСССР. 1976. № 1.

³¹ Гурьянова Н.С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1980; Она же. История и человек...

рукопись “Урало-сибирского патерика”, посвященную житиям скитских деятелей с XVIII в. до 1990-х годов. Интересный материал по народному политическому сознанию дают актуальные комментарии событий советского времени (до М.С. Горбачева включительно), записанные уральским крестьянином Родионом на страницах тома фотокопий старообрядческого лицевого Апокалипсиса XIX в. Исторические сочинения XX в. непосредственно продолжают старообрядческую историографию предшествующих веков³².

Важнейшую объединяющую роль играют международные симпозиумы исследователей старообрядчества, собирающие специалистов различных научных дисциплин из разных стран мира. Материалы этих симпозиумов дают хороший срез сегодняшнего состояния изучения проблемы. Изданы доклады I симпозиума 1986 г. в Гейдельберге, III – 1990 г. в Новосибирске, IV – 1992 г. в Цехановице³³, а также доклады последующих конференций и статьи в сборниках “Мир старообрядчества”³⁴. Открываются возможности сравнительного изучения старообрядцев России и диаспоры.

³² Зольникова Н.Д. Современный писатель-старообрядец с Енисея // Традиционная духовная и материальная культура... С. 283–288; Она же. Сибирские писатели-староверы XX в. // Проза Сибири. 1996. № 1. С. 269–275; Агеева Е.А. Современный старообрядческий писатель А.К. Килин // Там же. С. 277–283; Покровский Н.Н. За страницей Архипелага ГУЛАГ // Новый мир. 1991. № 9. С. 77–90.

³³ Sprache, Literatur und Geschichte der Altlautigen: Akten der Heidelberger Simposion, vom 28 bis 30 April 1986. Heidelberg, 1988; Традиционная духовная и материальная культура... Новосибирск, 1992; Skupiska staroobredowców w Europie, Azji i Ameryce. Warszawa, 1994. Материалы II симпозиума, проходившего в рамках съезда славистов 1988 г. в Загребе, не опубликованы.

³⁴ Мир старообрядчества / Археограф. лаб. истфака МГУ. М.; СПб., 1992. Вып. 1: Личность. Книга. Традиция; М., 1995. Вып. 2: Москва старообрядческая; М.; Бородулино, 1996. Вып. 3: Книга. Традиция. Культура; М., 1998. Вып. 4: Живые традиции: Результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества: Материалы междунар. науч. конф. Москва, 21–24 ноября 1995 г. Библиографию “Научные публикации по итогам комплексных археографических исследований МГУ (1966–1992)” см. в вып. 1, ее продолжение за 1992–1998 гг. – в вып. 5 (в печати).

М.Ф. Шумейко

ОРГАНИЗАЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В БЕЛОРУССИИ В 1918–1941 годах

Изучение истории белорусской археографии имеет достаточно устойчивые традиции¹. Это и понятно, учитывая значительное количество археографической продукции, созданной в Белоруссии в течение более полутора веков². Осмысление того, что, когда, кем, с помощью каких организационных форм издано, неизбежно подводит к необходимости ответить на вопрос: что следует издать в ближайшее время? Это представляется чрезвычайно важным, исходя из парадоксальной ситуации, сложившейся в сфере практической археографии³: с одной стороны, открылись потенциальные возможности опубликовать исторические документы, ранее не доступные для археографов, но, с другой стороны, эти возможности ограничены финансовым состоянием архивно-археографических учреждений³. В таких условиях обращение к опыту предшественников в целях заимствования применявшихся ими наиболее рациональных форм организации археографической деятельности, а также анализа корпуса опубликованных источников представляется достаточно полезным. С учетом этих обстоятельств и подготовлена настоящая статья. В ней предпринимается попытка проанализировать процесс становления национальной белорусской археографии, включая организацию публикаторской работы в республике в рассматриваемый период, особенности развития методики и практики археографии в Белоруссии, раскрыть причины свертывания практической археографии в республике в 1930–1940-е годы и обусловленное этим распространение “археографического нигилизма”, проявление которого ощущается до сих пор.

После октября 1917 г. существенным образом меняется тематика документальных публикаций, однако формы организации археографической работы в Белоруссии в 1920-е – начале 1930-х годов не претерпевают существенных изменений по сравнению с дореволюционным периодом. Вместо Виленской археографической и Витебской архивной комиссий, Виленского и Витебского цент-

¹ См.: *Коялович М.О.* Западнорусские археографические издания // ЖМНП. 1872. № 2; *Миловидов А.И.* Прошлое и современное положение археографии в Северо-Западном крае // Там же. 1904. № 9. С. 1–20; *Турцевич А.О.* Краткий исторический очерк Виленской комиссии для разбора и издания древних актов, 1864–1906. Вильна, 1906; *Улащик Н.Н.* Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973; *Копыцкий З.Ю.* Сборники документов по истории Белоруссии, изданные в БССР (1921–1971) // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 13–23; *Шорхов Е.Ф.* Археографическая деятельность научных учреждений Белорусской ССР (к историографии вопроса) // Вопросы археографии в БССР: Материалы науч. конф. арх. учреждений республики. Минск, 1980. С. 63–79; и др.

² Подробнее об этом см.: Доклад Д.И. Довгялло “Археографические работы в Белоруссии” на I Всебелорусской конференции архивных работников // АЕ за 1994 год. М., 1996. С. 321–328; *Залогов М.Ф.* Обзор публикаторской работы в Белоруссии за 40 лет Советской власти // Информ. бюл. АУ МВД БССР. 1958. № 6. С. 16–37. Список документальных публикаций, изданных в БССР за этот период, составленный Залогом, см. в № 6 выше указ. изд. за 1959 г.; и др.

³ Это не может не сказываться на определении тематики документальных публикаций. Как известно, кто платит, тот и заказывает музыку. Анализ подобных “заказных” изданий, вышедших в Белоруссии в последние годы, показывает, что это не “самонужнейшие” (по терминологии белорусского археографа Д.И. Довгялло) документы для изучения отечественной истории.

ральных архивов древних актов, Муравьевского музея и других работу по публикации документов начинаю вести созданная в 1925 г. Археографическая комиссия историко-археологической секции Института белорусской культуры (Инбелкульт – предшественника Белорусской АН), Центрархив республики, а также возникшая в 1921 г. Комиссия по собиранию и изучению документов по истории партии и Октябрьской революции (Истпарт). Именно последнее учреждение проявляло наибольшую активность в деле выявления и публикации документов новой тематики, хотя его продукцию с большой долей условности можно отнести к археографической. Издаваемые Истпартом, а затем созданным на его базе НИИ истории партии и революции документальные сборники отличала не только крайняя идеологизация, но и обусловленные ею тенденциозность в отборе документов, передаче их текстов и комментировании, невысокий уровень археографической подготовки документов и т.п. В 1924 г. во главе Истпарта был поставлен интернационалист С.Х. Агурский, он явно уступал монархисту М.О. Кояловичу в теории, методике и практике археологии. Отсутствие специальной историко-археологической подготовки, низкий общеобразовательный и культурный уровень людей, ставших во главе историко-партийных учреждений республики, обусловили и соответствующий уровень выходивших изданий⁴.

Как известно, одной из главных идеологических задач органов советской власти сразу же после их возникновения стало обличение царского самодержавия, Временного правительства. Не последняя роль в выполнении этой задачи отводилась обнародованию документов тайной дипломатии прошлых правительств. Таким образом, не отличавшиеся оригинальностью по части обличительного запала от своих предшественников⁵, большевики решили поставить дело публикации документов на службу диктатуры пролетариата. Об этом заявил В.И. Ленин, выступая с докладом о мире на II Всероссийском съезде Советов 26 октября 1917 г.⁶ Сразу же в советских газетах, а также отдельными изданиями стали публиковаться документы МИД России⁷.

Политическим целям в этот период была подчинена и архивно-археологическая деятельность в Белоруссии. На это, в частности, указывает следующий факт. Осенью 1918 г., вскоре после освобождения Могилева от кайзеровских войск, на чердаке здания Мариинской женской гимназии была обнаружена лич-

⁴ По признанию Агурского, вернувшись после февраля 1917 г. из эмиграции, где находился более 10 лет, он почти не владел русским языком. См.: Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4935. Оп. 1. Д. 31. Л. 28. (Далее: НАРБ). Отсюда можно составить представление об уровне знания им истории России (а тем более Белоруссии).

⁵ В этой связи укажем на подготовленный профессором Петербургской духовной академии М.О. Кояловичем и изданный Петербургской археографической комиссией в 1865 г. сборник «Документы, объясняющие историю Западно-Русского края и его отношения к России и к Польше», цель которого, по словам составителя, заключалась в доказательстве того, что «Западно-Русский край» был русским, а не польским. Сборник готовился в связи с восстанием 1863–1864 гг., предназначался для зарубежного читателя, а потому включал преимущественно документы, обличавшие польских повстанцев. Аналогичную направленность имел и двухтомный «Сборник документов, уясняющих отношения латино-польской пропаганды к русской вере и народности» (Вильна, 1866. Вып. 2), подготовленный редактором «Вестника Западной России» К.А. Говорским.

⁶ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 15.

⁷ Попов А. К вопросу о наших публикациях исторических документов // АД. 1935. № 3(36). С. 50; Ирошников М.П. Опубликование Советским правительством в 1917–1918 гг. тайных дипломатических документов // АЕ за 1963 год. М., 1964; Ирошников М.П., Чубарьян А.О. Тайное становится явным: Об издании секретных договоров царского и Временного правительств. М., 1970. Вошедший во все учебники по истории советской археологии пример с публикацией в 1917–1918 гг. тайных договоров сегодня вряд ли может расцениваться как однозначно позитивный. Оставляя в стороне политическую подоплеку этой публикации, отметим низкий уровень подготовки документов к изданию, отсутствие какой бы то ни было их систематизации и пр. См. об этом: Автократов В.Н. Из истории централизации архивного дела в России, 1917–1918 // ОА. 1993. № 3. С. 18–19.

ная переписка Николая II (около 3 тыс. телеграмм на русском, французском и английском языках). Могилевский ревком, очевидно не без влияния “маркинских” публикаций, принял решение об издании этих документов, и только якобы телеграмма председателя ВЦИК Я.М. Свердлова с приказом переслать всю царскую переписку в Москву помешала комитету реализовать свой план⁸.

Обличительный же характер (но уже не царского самодержавия или Временного правительства, а польских оккупантов в Белоруссии) носила и подготовленная руководителем военно-дипломатической миссии Рады Белорусской Народной Республики в Латвии и Эстонии полковником К.Б. Езовитовым книга “Белорусы и поляки: Документы и факты из истории оккупации Белоруссии поляками в 1918 и 1919 гг.” (издана на белорусском, украинском, русском, литовском, французском, немецком и еврейском языках). Цель ее, по словам автора-составителя, “опираясь на официальные и строго проверенные документы, нарисовать, поскольку это является в современных условиях возможным, оборотную картину польского хозяйничанья в Белоруссии, раскрыть перед глазами всех соседей Польши и ее высоких покровителей весь ужас польского произвола и заставить их наконец услышать стоны истязуемого белорусского народа”⁹.

Книга состояла из двух частей: в первую вошли предисловие, очерк автора-составителя о взаимоотношениях белорусов и поляков в различные исторические периоды и т.д., во вторую – документы, извлеченные из архивов Совета министров БНР, Министерства белорусских дел Литовской республики и личного архива К.Б. Езовитова. Среди них – материал Народного секретариата БНР, ноты Совета министров БНР по поводу польской агрессии, доклады, показания и заявления различных учреждений и лиц в связи с бесчинствами польских оккупантов и т.п.

Националистический характер работы Езовитова не помешал ей удостоиться положительной рецензии в центральном историко-партийном журнале “Пролетарская революция”. Рецензент А. Яременко, в частности, отмечал, что, “несмотря на то, что указанные документы собраны белорусскими националистами с целью повлиять на общественное мнение Европы против польского насилия и преследуют только революцию в буржуазно-националистических рамках, все-таки в них проскальзывают черточки, выходящие за узкие грани национальной революции... Несмотря на тенденциозность в подборе документов, сборник является заметным вкладом в исторические материалы о революции и контрреволюции в Белоруссии”¹⁰. Другая положительная рецензия на книгу – Е. Хлебчевича – была опубликована в органе Наркомнаца¹¹. Как в рецензиях, так и в самой книге речь не шла о принципах и методах публикации документов, поскольку издание было предпринято в целях, совершенно далеких от нужд исторической науки.

События, последовавшие вслед за изданием книги К.Б. Езовитова (оккупация западной части Белоруссии польскими войсками, присоединение Витебской и Могилевской губерний к России), самым неблагоприятным образом сказались на развитии практической археографии в республике. Вывоз архивов на Запад и Восток лишил белорусских историков, архивистов, археографов документаль-

⁸ НАРБ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 63. Л. 108–109. См. также: Археографическая деятельность архивных учреждений союзных республик (1918–1975) // ТВНИИДАД, М., 1979. Т. X. С. 22. Бывший в конце 1918 г. зав. отделом охраны памятников искусства и старины И.А. Сербов вспоминал в 1924 г., что могилевские власти незамедлительно организовали перевод обнаруженных телеграмм на русский язык в целях издания и сильно противились требованию Москвы передать их в Центархив РСФСР.

⁹ Езовитов К. Белорусы и поляки: Документы и факты из истории оккупации Белоруссии поляками в 1918 и 1919 гг.: Пер. с белорус. Ковно, 1919. С. 5–6.

¹⁰ Пролет. революция. 1923. № 4(16). С. 330–331.

¹¹ Жизнь национальностей. 1921. № 15(13). 30 июля.

ной базы, без которой была крайне затруднена эффективная археографическая деятельность.

Такие обстоятельства настойчиво диктовали необходимость решения вопроса о возвращении вывезенных в разное время из Белоруссии архивов, о разыскании, упорядочении и научном использовании рассеянных по республике документальных собраний. Этому в значительной мере и была подчинена деятельность Истпарта и Архивной комиссии Наркомпроса Белоруссии (последняя в 1922 г. реорганизована в Центрархив БССР). Сотрудники данных учреждений выявляли документы белорусских архивов в хранилищах Москвы, Ленинграда, других городов России, вели переговоры с представителями Центрархива РСФСР о их возвращении в республику. Вопросы реституции белорусских архивов занимали центральное место в работе Первой Всебелорусской конференции архивных работников, проходившей в мае 1924 г., а также Первого съезда исследователей белорусской археологии и археографии, состоявшегося в январе 1926 г. Эти два научных форума стали своеобразными вехами в деле становления архивоведения и археографии в республике, к сожалению не получившими впоследствии дальнейшего продолжения и развития¹².

Вполне понятно, что археографические проблемы не занимали центрального места в работе архивной конференции. Тем не менее некоторые доклады, прозвучавшие на ней, представляли определенный интерес. К таковым прежде всего следует отнести доклад “Археографические работы в Белоруссии”¹³, Д.И. Довгялло, который был председателем Виленской археографической комиссии. Это известный белорусский историк и археограф. Помимо сугубо информативного значения (докладчик дал обзор основных археографических изданий по истории Белоруссии, ознакомил с формами организации археографической деятельности в белорусских и литовских губерниях начиная с первой четверти XIX в. и т.д.), доклад, на наш взгляд, представлял собой одну из немногих попыток обозначить теоретические и методические проблемы, существовавшие в археографии вообще, в белорусской в частности. Он в известной мере развивал и конкретизировал положение М.В. Довнар-Запольского о задачах археографической публикации, сформулированные ученым в рецензии на первый выпуск “Актов Литовской метрики”, изданный Ф.И. Леонтовичем в 1896 г.¹⁴

Самостоятельный научный интерес представляли разделы доклада, посвященные определению предмета археографии, методике публикации исторических источников, а также не вошедшие в доклад, но зафиксированные в протоколе конференции предложения Довгялло об организационных формах археографической работы в Белоруссии (докладчик, в частности, говорил о необходимости создания в Минске археографической комиссии, которая бы “продолжила ту работу, которая велась до революции”). Из них следовало, что ученый не сво-

¹² Материалы съезда были опубликованы: “Працы Першага з’езду дасьледчыкаў беларускае архэалёгіі і архэаграфіі. 15–16 студзеня 1926 г.” (Менск, 1926). В настоящее время автор статьи готовит к изданию и труды архивной конференции. Подробно о ней он писал в книге “Собрать рассеянное: Проблемы реституции белорусских архивов в прошлом и настоящем” (Минск, 1997), а также в статьях в АЕ за 1994 и 1995 годы.

¹³ См.: АЕ за 1994 год. М., 1996. С. 321–328.

¹⁴ См. об этом: ЖМНП. 1896. № 11/12. С. 341–351. В.М. Довнар-Запольский следующим образом определял целевое назначение научных публикаций: “Всякое издание первоисточника в археографическом отношении должно, по нашему мнению, преследовать тройкую цель. Прежде всего, издание должно точно передавать подлинник. Во-вторых, издание должно дать в руки читателя все средства к тому, чтобы он мог самостоятельно отнестись к первоисточнику. Для исследователя далеко не безразлично, послужила ли основой для издания копия или подлинная рукопись, исправная или неисправная и пр. Наконец, третья сторона издания это та, чтобы оно давало читателю возможность быстро ориентироваться в сыром материале. Тут все имеет значение, начиная с таких мелочей, как правильная пунктуация, вразумительность заглавий отдельных документов, и кончая такими важными сторонами археографического издания, как указатели, предисловие, группирующее материал, и примечания” (С. 342).

дил археографическую деятельность только к публикации исторических документов. В сферу археографии он, как впоследствии и С.Н. Валк¹⁵, включал и работу по описанию документов: “В собственном смысле археография обнимает описание и научное издание в печати разных архивных материалов, служащих историческими первоисточниками”¹⁶.

С учетом этого обстоятельства Д.И. Довгялло правомерно включил в обзор белорусских археографических изданий, наряду с “Актами Виленской археографической комиссии” и другими серийными и внесерийными документальными публикациями Витебского центрального архива древних актов, Виленского учебного округа, других учреждений и частных лиц, и опубликованные “Описи документов Виленского центрального архива”, “Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки”, “Описание Витебского центрального архива древлехранилища” и др.

К разряду археографических Довгялло относил только научные издания документов, “служащих историческими первоисточниками” и могущих удовлетворить запросы историков-исследователей. Смысл, который докладчик вкладывал в понятие “научное издание”, был им раскрыт в заключительном разделе доклада, названном “Замечание о методике работы”. По мнению Довгялло, к научным следовало относить только те издания, в которых тексты публикуемых документов передавались точно, “без всяких самонаименований или выпусков, а тем более добавлений”. Другая особенность, характерная для научных изданий, сводилась Довгялло к наличию плана работы, “который гарантировал бы выпуск в свет в ближайшую очередь самонужнейших для разработки истории белорусского народа материалов”.

Выбор объектов публикации ученый таким образом связывал с историографическим и архивоведческим факторами. К первому он относил недостаточную разработанность истории революционного движения в Белоруссии в 1904–1905 гг., почти полное отсутствие исследований аграрных волнений в середине XIX в.; ко второму – наличие в губернских архивах инвентарей, уставных грамот и дел, связанных с освобождением крестьян в белорусских губерниях. Сочетание этих двух факторов и должно было определить “самонужнейшие” комплексы документов, подлежащих первоочередной публикации.

Археографическая публикация, по мнению Д.И. Довгялло, призвана не только способствовать расширению доступной источниковой базы исторических исследований, но и служить средством для проверки точности ранее опубликованных документов. Последнее обстоятельство имело особое значение, имея в виду тенденциозность многих дореволюционных археографов, которая, в свою очередь, влияла на отбор источников для публикации, на полноту и точность передачи их текстов, на характер научно-справочного аппарата к ним и т.д.

Вместе с тем Д.И. Довгялло в отличие от некоторых своих коллег в России и на Украине (в частности, А.А. Сергеева, П. Билика и др.) не склонен был нигилистически оценивать всю археографическую продукцию дореволюционных учреждений, существовавших в белорусских и литовских губерниях, и, вероятно, не только из-за того, что под его редакцией было опубликовано несколько последних томов “Актов Виленской археографической комиссии”. Дело, как нам кажется, состояло в том, что он, как позже и другой известный белорусский археограф – Н.Н. Улащик, считал, что “изданные документы живут сами по себе,

¹⁵ Он, в частности, указывал: “Наряду с изданием документов особым видом археографической работы является составление путеводителей, описей, научных описаний и других пособий для ориентировки исследователя относительно состава того или иного архивного фонда или коллекции” (Валк С.Н. Советская археография. М.; Л., 1948. С. 29).

¹⁶ АЕ за 1994 год. С. 323.

нередко утверждая совсем не то, что хотели доказать составители и редакторы, готовя том к печати”¹⁷.

Вероятно, не без влияния выступления Довгялло на конференции и особенно благодаря его активной научной деятельности вскоре археографическая работа в республике получила организационное оформление. 24 января 1925 г. была создана историко-археологическая секция Инбелкульта, которая 1 октября образовала в своей структуре Археографическую комиссию. Ее возглавил М.В. Довнар-Запольский; секретарем комиссии стал Д.И. Довгялло. Уже 8 октября 1925 г. комиссия подала в президиум Инбелкульта записку с предложением возобновить издание актов Литовской метрики. Одновременно ею был представлен список архивных фондов, вывезенных в разное время с территории Белоруссии, составленный совместно с Централхивом республики. В этом же месяце историко-археологическая секция приняла решение об издании многоотомного документального сборника “Беларускі архіў”. Предполагалось ежегодно выпускать по одному тому (около 40 п.л.). Однако эти планы не были реализованы в полном объеме вследствие ряда объективных и субъективных причин.

Осенью 1926 г. М.В. Довнар-Запольский вынужден был покинуть Белоруссию. Причиной этому стала рукопись подготовленной им монографии “История Белоруссии”, объявленной ЦК КП(б)Б “манифестом национал-демократизма”¹⁸. Руководство Археографической комиссией перешло к В.И. Пичете, возглавлявшему кафедру истории белорусского права Инбелкульта, а сама комиссия была причислена к кафедре. Занятый к тому же ректорской работой в Белгосуниверситете, Пичета, естественно, не мог уделять должное внимание Археографической комиссии, и фактически вся нагрузка легла на Д.И. Довгялло. В 1928 г. занимаемая им в комиссии должность секретаря была переименована в должность “ученого специалиста”. В ней Довгялло пребывал вплоть до своего ареста в декабре 1937 г., успев за это время подготовить почти десяток документальных сборников. К его деятельности еще вернемся, познакомившись с работой Первого съезда исследователей белорусской археологии и археографии.

Цель этого съезда, состоявшегося 17–18 января 1926 г. в Минске, с одной стороны, подвести итоги проводившихся в Белоруссии археологических изысканий, а с другой – обратить внимание научной общественности и руководства республики на бедственное положение белорусских архивных, музейных и библиотечных собраний. В ходе трех заседаний съезда было заслушано и обсуждено 12 докладов (четыре из них полностью опубликованы в “Трудах” съезда, остальные приведены в протокольных записках). В трех докладах в значительной мере затрагивались вопросы археографии.

Два выступления М.В. Довнар-Запольского были посвящены белорусским архивам, находившимся за пределами Белоруссии. Они основывались на изысканиях ученого, производившихся в архивах Москвы, Петербурга, Варшавы при подготовке в конце XIX – начале XX в. документальных сборников и монографий, и не отличались полнотой. Доклад Д.И. Довгялло о Литовской метрике и ее значении как исторического источника носил скорее архивоведчески-источниковедческий, нежели археографический, характер¹⁹. В известной мере он по-

¹⁷ Улащик Н.Н. Указ. соч. С. 15.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Шумейко М.Ф. Неопубликованная монография М.В. Довнар-Запольского “История Белоруссии” как исторический источник // Наш радавод. Гродно, 1991. Кн. 3, ч. 1. С. 120–124 (ротпр.); *Он же*. Русь вольная – Белая Русь // Беларуская мінуўшчына (Белорусское былое). 1993. № 2. С. 12–14; Михальченко С.И. Неопубликованная “История Белоруссии” М.В. Довнар-Запольского // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 254–258. В 1994 г. рукопись книги М.В. Довнар-Запольского (в переводе на белорусский язык) была издана в Минске. В настоящее время готовится научное издание этой работы на языке оригинала (русском), с комментариями и указателями.

¹⁹ Помимо “Трудов” съезда, доклад Д.И. Довгялло издан отдельной брошюрой. См.: Даўгялла Д.І. Літоўская метрыка і яе каштоўнасці для вывучэння мінуўшчыны Беларусі. Рыга, 1933. Он (по рижскому изданию) перепечатан в журнале “Спадчына” (“Наследие”) (Минск, 1997. № 4).

вторял предисловие к “Описанию книг и актов Литовской метрики” С.Л. Пташицкого.

К сожалению, лаконичность опубликованных материалов съезда (подлинники протоколов и документов к ним не сохранились) не позволяет составить полное представление о его ходе, точках зрения участников дискуссии по тем или иным вопросам. Резолюции же (а их было шесть: “О Литовской метрике”, “О белорусских архивных фондах за границами БССР”, “Об археологических исследованиях”, “О музейном деле”, “О Центрархиве БССР и его отделах”, “О возвращении библиотек”) лишь фиксировали окончательно принятые решения. В резолюции по первому вопросу съезд, так же как и конференция архивистов, подтвердил намерение добиваться оставления Метрики в СССР, мотивируя это, в частности, тем, что она “является исторической собственностью трудящихся Белоруссии”. Ссылаясь на существовавшее принципиальное согласие соответствующих органов России передать Метрику в Белоруссию, съезд подчеркнул, что это должно быть сделано как можно скорее. Третий пункт резолюции, носивший несомненно декларативный характер, гласил: “...съезд считает: а) безусловно необходимым издание Литовской метрики в печати с целью ее доступности для широких кругов общественности и как можно большего научного ее использования...”²⁰

Важно подчеркнуть декларативность резолюции ввиду того, что участники съезда, и среди них М.В. Довнар-Запольский, подготовивший к изданию в конце XIX в. три сборника документов из архива великокняжеской канцелярии, хорошо представляли, каких колоссальных материальных и интеллектуальных затрат требовала работа по публикации всех книг и отдельных актов Метрики.

В этой связи отметим современное положение с изданием. В начале 90-х годов советские и польские ученые достигли договоренности о продолжении издания Литовской метрики. Стороны брали на себя обязательство издавать по одному тому документов каждые пять лет. Выполняя условия соглашения, польские историки издали два тома²¹.

Советская сторона смогла опубликовать лишь сборник научных трудов “Исследования по истории Литовской метрики” (М., 1989. Ч. 1, 2), тезисы докладов межреспубликанской научной конференции “Литовская метрика” (Вильнюс, 1988) и “Методические рекомендации по изданию и описанию материалов Литовской метрики” (М.; Вильнюс, 1985 / Сост. А.Л. Хорошкевич, С.М. Каштанов). Последняя работа представляет безусловный интерес в научном и методическом аспектах; она, по существу, является правилами издания исторических документов, созданных на территории Великого княжества Литовского, и к ней постоянно обращаются историки, архивисты, археографы, особенно Белоруссии, Украины, Литвы.

В последние годы в деле публикации документов Метрики особую активность проявляют литовские историки. В ноябре 1991 г. и сентябре 1996 г. они организовали и провели в Вильнюсе две конференции исследователей Литовской метрики. Начиная с 1993 г. отдел археографии Института истории Литвы подготовил и издал пять сборников документов, в которых опубликованы: вторая часть 5-й книги записей (1993), 8-я книга записей (1995), 7-я книга публичных дел (1996), 10-я и 11-я книги записей (1997); готовятся к изданию 1, 12, 15, 25, 51-я книги записей, 530-я книга публичных дел. Предусмотрено переиздать вышедшие в 1910 г. 3–5-ю книги записей, ставшие библиографической редкостью.

²⁰ Працы Першага з'езду дасяледчыкаў беларускае архэалёгіі і архэаграфіі. С. 5. Здесь и далее цитаты из этой книги даются в переводе на русский язык.

²¹ *Metryka Litewska: Księga Sigillat, 1709–1719* / Oprac. A. Rachuba. Warszawa, 1987. Т. 1; *Metryka Litewska: Rejstry podymnego Wielkiego Księstwa Litewskiego: województwo Wileńskie. 1690 r.* / Oprac. A. Rachuba. Warszawa, 1989. Т. 2.

Вильнюсским университетом в 1995 г. издана 6-я книга судебных дел, завершается подготовка 4-й книги и начата работа над 8-й книгой судебных дел. (Подробнее см.: *Новости Литовской метрики* [Информ. бюл. на лит. и рус. яз., издаваемый с целью организации распространения сведений по вопросам исследования Литовской метрики и публикации ее документов] / ИИ Литвы. Вильнюс, 1996/97. № 1.)

Белорусскими историками с 90-х годов ведется работа над 26-й книгой записей. Кроме того, Г.Я. Голенченко в 1989 г. впервые опубликовал реестр книг Литовской метрики 1623 г. из собрания П. Дубровского, который представляет большой научный интерес прежде всего для изучения архивного дела в Белоруссии.

Вернемся к рассмотрению материалов Первого съезда исследователей белорусской археологии и археографии.

Проблемы археографии затрагивались и в резолюции “Об археологических исследованиях”. Во втором ее пункте говорилось: “Из обмена мнениями выяснилось, что прежние издания Литовского статута являются библиографической редкостью и не отвечают научным требованиям. По этой причине съезд обращает внимание Инбелкульта на необходимость принятия должных шагов к изданию Литовских статутов – как научного характера, так и для учебных потребностей”²².

Данный фрагмент любопытен в двух аспектах. Во-первых, включение в резолюцию “Об археологических исследованиях” вопросов, связанных с изданием письменных источников, свидетельствует о том, что белорусские историки, объединяя памятники древней истории – вещественные и письменные, возвращались к широкому пониманию термина “археология” в XIX в. Во-вторых, здесь налицо попытка классифицировать документальные издания по типам: научные (“научного характера”) и учебные (“для учебных потребностей”).

К сожалению, как уже говорилось, из материалов съезда не видно, какой состоялся обмен мнениями относительно необходимости переиздания Статутов среди участников, кто был инициатором постановки этого вопроса и т.д.²³

Отметим, что данная резолюция не была тогда реализована в Белоруссии. Первое научное переиздание Статута 1529 г. будет предпринято в Минске лишь в 1960 г. под редакцией известного литовского историка К.И. Яблонского. Научное и учебное издания Статутов действительно появились через несколько лет после съезда, но не в Белоруссии, а в Литве и России. В 1934 г. подготовленный к изданию И.И. Лаппо Статут 1588 г. вышел в свет в Каунасе; в 1936 г. фрагменты всех трех редакций Статута были напечатаны в Ленинграде в сборнике документов “Законодательные акты Великого княжества Литовского” (для студентов-историков и юристов), подготовленном профессором И.И. Яковкиным.

Возвращаясь к деятельности Археографической комиссии Инбелкульта, отметим, что она могла состояться лишь благодаря поистине подвижничеству Д.И. Довгялло, его огромному опыту по изданию документов. В 1927 г. в Минске увидел свет составленный им первый том “Беларускага архіва”, первого со-

²² Працы Першага з'езду дастьледчыкаў беларускае архэалёгіі і архэаграфіі. С. 6.

²³ Предполагаем, что появление данной резолюции было обусловлено обстоятельствами не только научного характера. Незадолго до съезда в Праге появилась статья украинского историка-эмигранта Р. Лашенко, в которой утверждалось, что Статуты всех трех редакций являются памятниками украинского права и культуры и что они написаны на украинском языке. См.: *Лашенко Р. Литовський Статут як пам'ятник українського права* // *Навуковий збірник Українського університету в Празі*. Прага, 1923. Т. 1. Понятно, что белорусские ученые не могли согласиться с подобным заключением, для доказательства белорусского происхождения Статутов и старобелорусского языка, на котором они были написаны, и предпринималась, очевидно, попытка их переиздания. Непосредственным откликом на публикацию Лашенко стала статья белорусского историка В. Дружича “К вопросу о языке Литовского Статута” (Историко-археологический сборник. Минск, 1927. № 1. На белорус. яз.).

ветского белорусского археографического издания. Обращает на себя внимание сходство его структуры, археографического оформления документов, состава научно-справочного аппарата с изданиями Виленской археографической комиссии и Витебского центрального архива древних актов²⁴. В то же время составитель сгруппировал документы в томе не по тематическому принципу, как это характерно для большинства дореволюционных белорусско-литовских документальных изданий, а с учетом их происхождения.

Наиболее интересными представляются документы 1-го раздела, названного Довгялло “Справы вышэйшых устаноў” (“Дела высших органов”), за 1548–1566 гг.: соглашение панов-рады ВКЛ с Сигизмундом-Августом и переписка короля с деятелями ВКЛ Я. Ходкевичем и Е. Воловичем, относившаяся к периоду работы Брестского сейма 1566 г. Во 2-й раздел, названный “Справы мясцовых устаноў” (“Дела местных органов”) вошли документы по истории Могилевщины за 1562–1697 гг., в 3-й – “Справы Скарбу ВКЛ” – документы финансово-экономического характера общегосударственного значения за 1548–1610 гг. Все включенные в том документы публиковались на языке оригинала (старобелорусском, польском, латинском) с заменой вышедших из употребления букв кириллического алфавита (для документов на старобелорусском языке) соответствовавшими им литерами современного белорусского языка. Они печатались по копиям, снятым до революции М.В. Довнар-Запольским в архивах Варшавы, Кракова, Петербурга, Москвы (1-й и 3-й разделы), а также по копиям, снятым под руководством Д.И. Довгялло в музеях и архивах Могилева (2-й раздел).

Несмотря на имеющиеся в томе недостатки (отсутствие в археографической части предисловия оговорки о том, останутся ли собственные заголовки к документам или будут составлены редакционные; отсутствие примечаний по содержанию и текстуальным; отсутствие в легендах к ранее публиковавшимся документам справок о месте их публикации и т.д.), в целом уровень его подготовки был достаточно высоким для того времени²⁵.

“Вершиной редакторской и источниковедческой деятельности Д.И. Довгялло”, по авторитетной оценке Н.Н. Улащика²⁶, стал второй том “Беларускага архіва” (Менск, 1928). Здесь была полностью опубликована 16-я книга записей Литовской метрики, содержащая акты Витебского и Полоцкого гродских судов за 1530–1539 гг. Изданием этого тома, таким образом, была начата реализация резолюции Первого съезда исследователей белорусской археологии и археографии “О Литовской метрике”. К сожалению, издание книг Метрики на долгое время было приостановлено.

Как известно, отдельное издание различных книг Метрики началось в России в первой половине XIX в. и было связано с деятельностью Общества истории и древностей Российских при Московском университете²⁷. Эту работу продолжила Петербургская археографическая комиссия, издав в 1903–1915 гг. в серии “Русская историческая библиотека” (т. 20, 27, 30, 33) 1–3-ю книги судебных дел (ред. П.А. Гильтебрандт), 3-ю и 4-ю части 5-й книги записей (ред. И.И. Лаппо), 2, 4, 6-ю (полностью) и 5-ю, 7-ю (частично) книги публичных дел (ред. И.И. Лаппо) и др. Таким образом, приступая к работе над 16-й книгой записей, Довгялло

²⁴ Археографическое оформление этого тома, как и двух последующих томов “Беларускага архіва”, выполнено на белорусском языке.

²⁵ Подробнее об этом см.: *Бравьер Е.Л.* Публикация документов по истории социально-политической борьбы в городах Белоруссии XVI–XVII вв. // Вопросы археографии в БССР. Минск, 1980. С. 92; *Улащик Н.Н.* Указ. соч. С. 250–254; и др.

²⁶ *Улащик Н.Н.* Указ. соч. С. 254.

²⁷ О более ранних изданиях документов Метрики см.: *Катильюс А.* Первые публикации документов Литовской метрики // Литовская метрика: Тез. докл. Межреспубл. науч. конф. Апрель 1988 г. Вильнюс, 1988. С. 54–56; *Улащик Н.Н.* Публикация материалов Литовской метрики // Исследования по истории Литовской метрики: Сб. науч. трудов. М., 1989. Вып. 1. С. 142–157; и др.

имел перед глазами достаточно аналогов, и прежде всего выполненный на высоком научном уровне 27-й том РИБ (книги записей за 1430–1503 гг.). Анализ второго тома “Беларускага архіва” свидетельствует о том, что его составитель действительно руководствовался теми же приемами и методами, что и редактор 27-го тома РИБ. Здесь, как и в лапповском томе, оглавление дается в строго хронологическом порядке, хотя сами документы в книге расположены без соблюдения этого порядка. При этом заголовки документов в оглавлении приводятся только на современном белорусском языке, хотя в тексте они передаются на языке оригинала (старобелорусском, польском). Однако в отличие от первого тома “Беларускага архіва” в предисловии ко второму Довгялло оговаривает наличие собственных заголовков к документам, язык, на котором они написаны. Исходя из этого, можно установить, в каких случаях он оставлял заголовки документов, в каких – давал редакционные.

Обращает на себя внимание ярко выраженный археографический характер предисловия ко второму тому²⁸. В исторической части, занимавшей сравнительно небольшое место, Довгялло рассматривает публикуемую книгу как исторический источник, объясняет порядок размещения в ней записей и причины, его обусловившие, дает описание внешнего вида и характерных особенностей книги. Здесь уже отсутствуют те “растянутые” описания отдельных актов, которые были типичны для дореволюционных виленских и витебских изданий и в целом мало что давали исследователям.

Специальный раздел в предисловии посвящен датировке отдельных актов. Составитель объясняет, каким образом он устанавливал время создания того или иного документа. Это делалось с целью “помочь широкому кругу исследователей пользоваться каждым актом в отдельности, что без более-менее детального изучения каждого акта затруднительно”.

Особый интерес представляет заключительный раздел предисловия, названный Д.И. Довгялло “Замечание о языке актов и методе издания”. В нем составитель подчеркивает, что публикуемая книга написана кириллицей на белорусском языке. “Даже в тех заголовках, – отмечает он, – которые имеются к значительному числу актов и исполнены латиницей, фактически присутствуют преимущественно белорусская транскрипция и даже язык, за небольшим исключением”. В качестве примеров Довгялло приводит ряд заголовков и выражений документов, исполненных латиницей, но на самом деле по-белорусски. Отмечая хороший белорусский язык актов, составитель в то же время обращает внимание пользователей сборника на далеко не выдержанные правила правописания, которые применяются в актах. Он, в частности, указывает на путаницу с употреблением после твердых “р”, “ж”, “ч”, “ш” мягких “і”, “е”, “я” и твердых “ы”, “о”, “а” без какой-либо последовательности: “маръшалок”, “нашого”, “подокаръбей”, “дворанин” и в то же время “вчинил”, “поручил” и т.п. Причины нарушений правописания и ошибок “механического характера” Довгялло объясняет тем, что “перед нами копия, причем сделанная в довольно позднее время”²⁹. Исходя из этого, он совершенно справедливо подчеркивает, что “с языковедческой точки зрения эти акты не дают такого ценного материала, как со стороны правовой и исторической”³⁰.

При передаче текста Д.И. Довгялло придерживался негласных правил, установленных Петербургской археографической комиссией для изданий документов Литовской метрики, суть которых состояла в стремлении как можно более точно следовать оригиналу. Вследствие этого в публикуемых документах сохранено йотированное “а” (ia, IA); омега, фита, малый юс, ижица всюду заменены на

²⁸ Это обстоятельство отметил, в частности, З.Ю. Копыцкий (Указ. соч. С. 14).

²⁹ Беларускі архіў. Менск, 1928. Т. 2. С. L.

³⁰ Там же.

обычные “я” и “у”. Все сокращения под титлами раскрыты, пропущенные буквы внесены в строку с заключением в квадратные скобки. Везде обозначены курсивом внесенные в строку выносные буквы, отмечены переходы с листа на лист.

Высокий археографический уровень тома дополняли географический, именной и предметный указатели, причем первым двум предпосылались списки сокращений. Таким образом, этот сборник, на наш взгляд, можно считать не только “вершиной редакторской и источниковедческой деятельности” Д.И. Довгялло, но и образцом белорусских археографических изданий.

Третий (и последний) том серийного издания Археографической комиссии уже Белорусской академии наук (создана 1 января 1929 г. на базе Инбелкульта) вышел в 1930 г.³¹

Он носил сугубо региональный характер: включенные в том около 250 документов из ГАФКЭ, Минского исторического архива и других за 1494–1779 гг. касались только истории Минска. Заметна спешка при подготовке тома: в нем отсутствует предисловие, научно-справочный аппарат ограничен “Содержанием”, перечнем сокращений, географическим и именным указателями. По “облегченному” варианту переданы тексты документов: в ряде мест титлы не раскрыты, не сохранены буквы, вышедшие из употребления, не обозначены выносные буквы, а также пропуски отдельных слов.

Из инбелкультовских археографических изданий, вышедших в 1927 г., следует остановиться еще на двух сборниках – “Сацыялістычны рух на Беларусі ў пракламацых 1905 году” (подготовлен секцией по изучению революционного движения в Белоруссии) и “Rok 1863 na Minszczyźnie (Materjały archiwum wydziału III w kancelarji cesarskiej)” (подготовлен польским отделом).

В подготовке первого сборника принимал участие заместитель руководителя Центрархива БССР М.В. Мелешко, одновременно являвшийся и действительным членом Инбелкульта; автором исторической части предисловия был руководитель Центрархива Д.Ф. Жилунович, поэтому данную работу можно причислить и к “продукции” архивных учреждений республики³². Составители избрали объектом публикации весьма несложный с точки зрения передачи текста вид документов – прокламации (а точнее, листовки), изданные в течение 1905 г. различными политическими партиями и движениями.

Однако этот источник (несложный в плане передачи текста) вызвал немало затруднений в части установления его авторства, времени, места создания. С ними и пришлось столкнуться составителям. Вследствие этого М.В. Мелешко вынужден был отказаться от составления полных редакционных заголовков, ограничившись лишь указанием на причины появления прокламаций и их цель. Стремление составителя буквально следовать тексту подлинника выразилось в том, что он не счел возможным пойти даже на изменение пунктуации. Единственное, на что он согласился по техническим причинам (оговорив это в легендах) – замена буквы “ѣ” на современное “е” и пропуски буквы “ъ” (эти литеры отсутствовали в минских типографиях, поскольку, как известно, вместо “ъ” в белорусском языке употребляется ‘ – апостроф, а буква “ѣ” ко времени издания давно уже вышла из употребления).

³¹ На обложке издания значится: “Менскія акты. Менск, 1931”, на титульном листе – “Беларускі архіў. Т. 3 (XV–XVIII). Менск, 1930”. Такие разночтения с годом издания могли возникнуть в связи с тем, что, по некоторым данным, составитель тома Д.И. Довгялло был арестован по делу о принадлежности к так называемому “Союзу освобождения Белоруссии” (по этому, сфабрикованному в недрах ГПУ “делу” проходили известные белорусские ученые В. Ластовский, Я. Лёсик, А. Смолич и др.). См. об этом: *Калубовіч А.* На крыжовай дарозе: “Саюз вызвалення Беларусі” // Спадчына. 1992. № 4. С. 71.

³² Что и сделал один из авторов коллективного труда об археографической деятельности архивных учреждений СССР – Е.Ф. Шорохов, отметив плодотворность сотрудничества археографов архивных и научных учреждений республики в 1920–1930-е годы. См.: *ТВНИИДАД. М., 1979.* Т. X. С. 25.

Все документы, сгруппированные по принципу происхождения (прокламации организаций РСДРП, БСГ, Бунда и т.д.), публиковались на языке оригинала (белорусском, русском, идише) с сохранением грамматико-синтаксических особенностей. Для упрощения набора легенды к каждому документу были помещены в сводном виде в конце книги. Они включали в себя: а) описание оригинала (где находится, техника издания, транскрипция текста, размер); б) указание на знаки и пометки, имеющиеся на документе (в том числе описание печатей); в) обоснование датировки; г) сведения о предыдущих публикациях, если таковые имелись.

Алфавитный, географический и предметный указатели, а также список сокращенных слов подчеркивали научный характер издания.

Значение данного сборника, на наш взгляд, состоит в том, что это было первое археографическое издание документов, ранее не являвшихся объектом публикации и к тому же по времени своего создания отстоявших сравнительно недалеко от времени опубликования³³. Изданный в традициях дореволюционной археографии, этот сборник как бы знаменовал сохранение преемственности между старой школой археографии и складывавшейся современной.

К сожалению, подобного нельзя сказать применительно к сборнику о восстании 1863 г. на Минщине, объектом публикации которого также являлись нетрадиционные документы³⁴. Составители включили в него два дела III Отделения с.е.и.в.к., в том числе и совершенно случайные и малозначительные документы. Невысокий уровень публикации был настолько очевиден, что известный российский археограф А.А. Сергеев отметил ее как “яркий образец археографической безграмотности”³⁵.

Таким образом, “инбелкультовский период”, несмотря на его непродолжительность (1925–1928), сыграл заметную роль в истории белорусской археографии. Именно с ним связано зарождение и становление национальной археографии, дальнейшему развитию которой нанесли большой урон события политического характера, развернувшиеся в республике в начале 1930-х годов.

Другим центром археографической работы в Белоруссии в рассматриваемый период являлся Истпарт, созданный в июне 1921 г. на правах отдела ЦК КП(б)Б. Ее возглавил в то время секретарь ЦК В.Г. Кнорин, ставший впоследствии профессором Института красной профессуры, редактором “Краткой истории ВКП(б)” (1934), предшествовавший “катехизису истории ВКП(б)”³⁶. Задачей белорусского Истпарта, как и аналогичных комиссий в России, на Украине, стало выявление, собирание и опубликование документальных материалов по истории большевистской партии, истории революционного движения и др.³⁷ Собранные комиссией материалы впоследствии составили основу архива Компартии Белоруссии, просуществовавшего вне рамок Государственного архивного фонда до лета 1991 г.

³³ Объект публикации и особенно характеристики отдельных документов вызвали крайне негативную реакцию со стороны партийного руководства республики. Так, резкой критике было подвергнуто предисловие Д.Ф. Жилуновича к сборнику, в котором автор пытался представить Белорусскую социалистическую громаду (БСГ) как марксистскую организацию и один из корней большевизма в Белоруссии.

³⁴ Этим мы вовсе не хотим сказать, что документы о восстании 1863 г. ранее не издавались. Помимо упоминавшихся сборников М.О. Кояловича и К.А. Говорского, укажем также на подготовленные А.В. Белецким и А.И. Миловидовым издания. См.: Сборник документов Муравьевского музея. Вильна, 1907; Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Вильна, 1913. Ч. I; То же. 1915. Ч. II.

³⁵ Сергеев А.А. Методология и техника публикации документов // АД. 1932. Вып. 1/2 (30/31). С. 56.

³⁶ Подробнее о нем см.: Кузнецов Н.В. В.Г. Кнорин: Страницы биографии. Минск, 1979.

³⁷ Об истории создания и деятельности белорусского Истпарта см.: “Міхнюк У.М. Гістпарт Беларусі: Асноўныя напрамкі дзейнасці // Весці АН БССР. Сер. грам. навук. 1983. № 6. С. 68–72; Он же. Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919–1941). Минск, 1985; Шумейко М.Ф. Деятельность Истпарта ЦК КП(б) Белоруссии по созданию источниковой базы историко-партийной науки в 1920-е годы // АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 73–81; и др.

Деятельное участие сотрудников и членов Истпарта в работе по выявлению и сбору документов белорусского происхождения, которую они вели в 20-е годы, принесло реальные результаты. Уже через несколько лет после создания Истпарт смог внести свою лепту в ознаменование начавшихся с 1925 г. юбилеев. К 20-летию революции 1905 г. комиссией был подготовлен и издан сборник статей, воспоминаний и материалов “1905 год на Беларусі”, заключительная часть которого представляла публикацию нескольких документов в переводе на белорусский язык без каких бы то ни было комментариев и контрольно-справочных сведений.

В следующем году под тем же названием вышел уже сугубо документальный сборник, включавший свыше 400 документов, систематизированных составителями по географически-хронологическому принципу (Минщина, Виленщина, Витебщина, Гродненщина, Могилевщина). Они были выявлены в делах ДП МВД, хранившихся в Ленинградском отделении Центрархива РСФСР. Документы представляли собой в основном донесения, сообщения, телеграммы ГЖУ, губернаторов в Департамент полиции о революционных выступлениях различных групп населения. Наряду с ними в сборнике публиковались несколько листовок социал-демократических, эсеровских, бундовских организаций и групп, попавших в жандармские дела в качестве улик.

Несмотря на значительный объем данного сборника, он, как и предыдущий, не носил научного характера. Вопросы методики публикации документов в предисловии вообще не затрагивались. Составитель Б. Оршанский обратил лишь внимание на тенденциозность включенных в сборник материалов, авторы которых, по его мнению, стремились доказать, что в так называемых западных губерниях в революционном движении принимали участие якобы только евреи³⁸.

Документы публиковались по упрощенной форме: отсутствовали не только заголовки (вместо них стояли номера, а в оглавлении приводились заголовки на белорусском языке), но и легенды, текстуральные примечания и примечания по содержанию. Выбор объекта публикации, а также неряшливость издания вызвали заслуженную его критику³⁹.

К числу юбилейных сборников “смешанного” типа следует отнести и изданный в 1927 г. “Кастрычнік на Беларусі”, вторая часть которого включала документы, извлеченные из архива ЦК КП(б)Б, Музея революции БССР, из белорусских периодических изданий. Целью его, по словам автора предисловия С.Х. Агурского, было помочь “рабочим и крестьянам изучить историю Октябрьской революции в Белоруссии”. Вполне понятно, что, исходя из такого целевого назначения сборника, в нем не нашлось места для документов, которые бы “не способствовали” изучению истории революции. На это обратил внимание рецензент, справедливо упрекавший составителей в том, что ими подобраны материалы “без сучка и задоринки” и оставлены без внимания документы, свидетельствующие об ошибках, допускавшихся витебскими большевиками, представителями Областного исполкома Западной области и фронта по национальному вопросу и др.⁴⁰

С реорганизацией в конце 1929 г. Истпарта в НИИ по изучению истории партии и революционного движения изменилось не только направление деятельности нового учреждения (от собирательской и исследовательской), но и тематика публикационной работы. На первое место выдвинулась подготовка документальных изданий по истории местных коммунистических и комсомольских органов и организаций. Начавшаяся в это же время борьба с национал-демократизмом вызвала появление соответствующих документальных публикаций, боль-

³⁸ 1905 год на Беларусі: Зб. архіўных дак. Менск, 1926. С. IV.

³⁹ См., например, рец. В.И. Пичеты (Каторга и ссылка. 1926. № 3. С. 271).

⁴⁰ Польмя (Мінск). 1927. № 7. С. 260–262.

шинство которых носили сугубо пропагандистский характер, хотя при этом и облекались в наукообразную форму.

В 1928 и 1934 гг. были изданы два выпуска “КП(б)Б в резолюциях и постановлениях ее съездов и конференций”, в 1934 г. – “ЛКСМБ у документах і матэрыялах. 1918–1920” и “Прадакол I з’езду КП(б)Б”. Характерной особенностью этих изданий является то, что большинство документов для них извлекались из газет и брошюр.

Начиная с 30-х годов “политически-обличительная” археография заняла ведущее место в публикаторской деятельности Института истории партии. Этому, как уже отмечалось, способствовала развернувшаяся в республике кампания против национал-демократизма, которая требовала не только идеологического, но и документального обоснования. Пытаясь получить документальное подтверждение антисоветской деятельности в 1918–1920 гг. бывших членов Рады Белорусской Народной Республики и ее местных органов, ЦК КП(б)Б поручил Институту истории партии собрать по возможности все сведения, указывающие на связь не только обвинявшихся в национализме бывших руководителей Рады (А.И. Цвикевича, В.У. Ластовского, И.Н. Середы, Я.Ю. Лёсика и др.), но и участвовавших в местных национальных организациях белорусских коммунистов (А.В. Балицкого, П. Ильюченка, А.Ф. Адамовича и др.)

С этой целью были тщательно исследованы переданные в конце 20-х годов в институт документы архива БНР, а также полученные из Одесского краевого исторического архива копии материалов о деятельности в 1918–1920 гг. в Одессе белорусских национальных организаций – “Белорусского национального комиссариата”, “Белорусского гая” и др. Все они фигурировали в деле о так называемом “Союзе освобождения Белоруссии”, келейно решенном представительством ОГПУ по Белоруссии в начале 30-х годов и ставшем причиной многих человеческих трагедий⁴¹. Широкой же общественности республики были предъявлены свидетельства о “контрреволюционной” деятельности бывших радовцев в форме книги научного сотрудника института А.И. Зюзькова под характерным для того времени названием “Крывавы шлях беларускай нацэмакратыі”, изданной тиражом 7 тыс. экз. (Для сравнения: “Беларускі архів” выходил тиражом 600 экз.)

Первая ее часть представляла собой очерк истории национального движения в Белоруссии начиная с марта 1917 г. до самоликвидации правительства БНР в октябре 1925 г. Во вторую часть были включены, как пишет современный исследователь, “35 саморазоблачительных документов, характеризующих деятельность Рады БНР”⁴².

В предисловии “От Института истории партии” говорилось: “Собранный т. Зюзьковым богатый фактический материал неопровержимо доказывает роль белорусского национализма как фактического российского или польского великодержавного шовинизма... Брошюра т. Зюзькова написана главным образом на основе материалов, которые находятся в Институте истории партии. Из этих же архивных материалов приводятся и публикуемые в приложении к книге т. Зюзькова документы”⁴³.

Приложение открывала грамота к белорусскому народу, изданная Великой Белорусской радой, Центральной военной радой, БОГ и другими организациями 27 октября 1917 г. Последним включенным в приложение документом были вы-

⁴¹ 7 января 1931 г. первый секретарь ЦК КП(б)Б К.В. Гей писал в Политбюро ЦК ВКП(б): “Следствие по делу СВБ (“Саюз вызвалення Беларусі”. – *М.Ш.*) подходит к концу. Согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 октября 1930 г. должен быть разрешен вопрос о дальнейшем направлении дела. Мы высказываемся за то, чтобы не создавать процесса, направив это дело по линии ОГПУ” ((НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 233. Л. 110).

⁴² Мижнюк В.Н. Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии. С. 252–253.

⁴³ Зюзькоў А. Крывавы шлях беларускай нацэмакратыі. Менск, 1931. С. 3–4.

писка из протокола заседания Белорусского национально-политического совещания, состоявшегося 28 сентября 1921 г. в Праге и обсудившего резолюцию о Слуцком антисоветском восстании. Здесь публиковались также ставшие впоследствии широко известными такие документы, как 3-я уставная грамота Рады БНР от 25 марта 1918 г., провозгласившая независимость Белорусской Народной Республики, письмо делегации правительства БНР германскому имперскому канцлеру с просьбой о признании независимости БНР (октябрь 1918 г.) и др.⁴⁴

Готовившаяся в сугубо политических, пропагандистских целях, эта публикация вольно или невольно способствовала тому, что многие документы Рады и правительства БНР, ранее лежавшие под спудом в партийном архиве, стали известны белорусскому читателю и впоследствии послужили основой для тематических документальных изданий как в Белоруссии⁴⁵, так и за ее пределами⁴⁶.

Из подготовленных, но не изданных вследствие ликвидации в 1938 г. Института истории партии документальных публикаций укажем на сборники “Документы и материалы по истории КП(б)Б”, “Сталин и образование КП(б)Б и БССР”, “Памяти А.Ф. Мясникова”, “КП(б)Б у пратаколах I, II и III канферанцый РСДРП(б) Паўночна-Заходняй вобласці і фронта”, “КПЗБ у рэзалюцыях” и др. “Макеты” этих и других сборников хранятся в настоящее время в НАРБ.

На примере документальных публикаций белорусского Истпарта наглядно проявляется “заказной” характер изданий, выходявших в СССР в данный период. Это не только не скрывали, но даже ставили себе в заслугу археографы того времени.

Так, анализовавший состояние публикационной деятельности архивных и других учреждений СССР А.Л. Попов вполне определенно высказывался на этот счет: “Для нас стало аксиомой положение о том, что публикатор исторических документов всегда выступает в качестве исполнителя определенного социально-политического заказа, что всякую публикацию можно и должно рассматривать как орудие политической борьбы. Мы, публикаторы, должны уметь вскрыть социально-политический смысл и характер каждой отдельно появившейся и появляющейся публикации, мы должны уметь точно и четко наметить свою целевую установку во всех тех случаях, когда мы приступаем к публикаторской работе”⁴⁷.

На фоне плодотворной археографической деятельности Инбелкульта, а также активной, хотя и политически заданной работы Истпарта по публикации документов аналогичная деятельность архивных учреждений республики в довоенный период почти не проявлялась. Это, на наш взгляд, было обусловлено тем обстоятельством, что белорусские архивисты в то время решали задачи, связанные с обработкой, размещением, описанием поступавших в архивы документов. Сказывался также и недостаток квалифицированных кадров, способных заниматься археографической работой. Показательно, что на II Всебелорусском совещании архивных работников (декабрь 1927 г.) даже не затрагивались проблемы археографии. Выступавший здесь с основным докладом “Деятельность Центрархива БССР и его очередные задачи” заместитель руководителя Центрархива М.В. Мелешко счел необходимым специально оговориться, что вопросы, связан-

⁴⁴ Нельзя не обратить внимание на некую избирательность в публикации документов. Так, в приложении не попали телеграмма Рады БНР Вильгельму II от 25 апреля 1918 г., 1-я и 2-я уставные грамоты и другие документы, которые, конечно же, были известны автору – составителю книги.

⁴⁵ См., например: Крах немецкой оккупации в Белоруссии в 1918 г.: Сб. док. партархива ЦК КП(б)Б. Минск, 1947. Правда, составители этого сборника не сослались на своего предшественника А.И. Зюзькова, видимо потому, что он был репрессирован в 1937 г.

⁴⁶ Изданный в 1960 г. в Лондоне Белорусской центральной радой сборник документов “За дзяржаўную незалежнасць Беларусі” включает 33 из 35 опубликованных Зюзьковым документов и содержит ссылки на “Крыжавы шлях”.

⁴⁷ Попов А. Указ. соч. С. 48.

ные с освещением публикационной деятельности архивов, “не относятся к данной теме”⁴⁸.

Тем не менее в начале 30-х годов ЦАУ Белоруссии предпринимало некоторые шаги в сторону оживления публикационной деятельности подведомственных ему учреждений. К этому его подталкивало и утвержденное 8 декабря 1927 г. “Положение о ЦАУ БССР и его органах”, один из пунктов которого гласил: “К обязанностям ЦАУ относится... в) издание справочников-указателей по архивам, архивных материалов, книг и брошюр по архивному вопросу”⁴⁹.

Активная архивно-археографическая работа соседней Белоруссии – украинских архивистов и археографов, с которыми белорусские коллеги поддерживали постоянные контакты⁵⁰, также побуждала белорусское архивное руководство обращать внимание на проблемы археографии. В этот период, в частности, были подготовлены два хроникально-документальных сборника на белорусском языке – “Дневник событий в Белоруссии и на Западном фронте” (27 а.л.) и “Белоруссия под салогом польского оккупанта” (5 а.л.). Однако они не увидели свет по причинам финансового характера⁵¹.

Неудачной оказалась и попытка архивистов Белоруссии, опять же по примеру российских и украинских коллег, начать издание архивно-археографического журнала “Архив Советской Белоруссии” (на белорус. яз.). Вместо него был подготовлен “Бюллетень ЦАУ БССР” (ротапр.), единственный номер которого (за июль 1933 г.) со штампом Главлита сохранился в фонде Главархива⁵². В его редакционной статье ставилась и задача публикации документов.

За два десятилетия существования архивной службы Белорусской ССР (1922–1941) собственно архивистами была подготовлена единственная брошюра, предназначавшаяся для агитаторов и пропагандистов республики и изданная накануне первых выборов в Верховный Совет Белорусской ССР, – “Бесправие трудящихся Белоруссии в царской России: из госархивов БССР по выборам в государственные думы 1905–1912 гг.” (Минск, 1938). Аналогичные публикации документов о выборах в дореволюционной России появились в Орле и Ростове-на-Дону⁵³.

Такой археографический индифферентизм архивистов Белоруссии можно объяснить как недостатком квалифицированных кадров, так и приданием архивам республики в период 30–40-х годов несвойственных им функций⁵⁴.

⁴⁸ НАРБ. Ф. 249. Оп. 1. Л. 230. Л. 57.

⁴⁹ Архивное дело в БССР (1918–1968): Сб. законодат. и руковод. документов. Минск, 1972. С. 43.

⁵⁰ Белорусские архивисты, в частности, принимали участие в работе 2-го Всеукраинского съезда архивных работников (ноябрь 1931 г.), на котором вопросы издания исторических документов занимали значительное место. Съезд принял “Основные установки к методологии и технике публикации документов для нужд научно-исторического исследования”, а также «Правила научно-документальной публикации в журнале “Архив Радяньской України”». Накануне съезда А.Р. Иодко просил украинских коллег выслать несколько десятков экземпляров “Практического учебника по архивоведению”, среди авторов которого был и В.И. Веретенников, разработавший специальный курс “Задачи археографической техники”. По аналогии с украинскими архивистами и археографами делаются попытки выйти на уровень теоретических и методических обобщений в сфере археографии. Известно, что летом 1933 г. руководителю ЦАУ А.Р. Иодко и научному сотруднику И.Н. Шабатину было предложено Рабочей коллегией ЦАУ подготовить специальную работу о методологии и методике публикации документов (Бюл. ЦАУ БССР. 1933. № 1. С. 20. Ротапр.). Правда, нам не удалось обнаружить в фонде Главархива Белоруссии какие-либо следы этой работы; остается предположить, что она не была реализована ввиду того, что потенциальный фактический ее исполнитель – Шабатин летом 1934 г. по причинам бытового характера вынужден был покинуть республику. См.: НАРБ. Ф. 249. Оп. 2. Д. 193. Л. 23, 43.

⁵¹ НАРБ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 569. Л. 26–43.

⁵² Там же.

⁵³ Как выбирали в Государственную Думу / Изд. Орлов. арх. отд. Орел, 1939; Как выбирали раньше: Выборы в Ростовскую и Нахичеванскую городские думы. Ростов на/Д, 1939.

⁵⁴ Подробнее об этом см.: Корнеев В.Е., Копылова О.Н. Архивы на службе тоталитарного государства (1918 – начало 1940-х годов) // ОА. 1992. № 3. С. 16–17; и др.

Заключительным аккордом дореволюционной археографической школы в Белоруссии можно считать издание в 1936 и 1940 гг. двух томов серийной документальной публикации “Гісторыя Беларусі ў документах і матэрыялах”⁵⁵. Работа над первым томом была начата в Институте истории АН Белоруссии сразу же вслед за принятием в мае 1934 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановления о преподавании гражданской истории в школах. Составители тома (академик АН БССР В.К. Щербаков, доцент БГУ К.Н. Керножицкий и Д.И. Довгялло) рассматривали его как своеобразное учебное пособие (точнее, как хрестоматию) для студентов-историков, преподавателей отечественной истории в вузах и средних школах республики. Целевое назначение сборника определило и уровень археографической подготовки включенных в него документов.

Учитывая отсутствие специальной палеографической подготовки у будущих пользователей сборника, составители предельно упростили передачу текста. Поскольку большинство документов тома ранее уже публиковались, их тексты, передавались на языке предыдущей публикации (в основном древнерусском). Документы на польском и латинском языках давались в переводе на современный белорусский язык.

На белорусском же языке было выполнено и археографическое оформление первого тома, включившего около 400 документов начиная с древнейших времен и до присоединения в 1772 г. Восточной Белоруссии к России.

Второй том сборника под несколько измененным названием – “Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі” – вышел намного позже, что обусловлено репрессиями против его составителей (21 июня 1937 г. был арестован Щербаков, 10 декабря 1937 г. – Довгялло, 11 декабря 1937 г. – Керножицкий). В отличие от предыдущего в этом томе, охватывавшем период с 1772 по 1903 г. и включившем около 700 документов, почти все они публиковались впервые. Здесь еще заметна политизация как в подборе документов, так и в характере предисловия и примечаний по содержанию. (Вместо “беларускіх нацдэмаў” в первом томе во втором уже фигурируют “беларускія нацыянал-фашысты”.)

Изданием этого тома завершался 20-летний период становления белорусской советской археографии, характерной особенностью которого являлось существование старой археографической школы, не имевшей четко выраженной белорусской окраски, с нарождавшейся национальной. Представители первой в лице В.М. Довнар-Запольского, Д.И. Довгялло, В.И. Пичеты и других ученых, продолжая традиции дореволюционной археографии, не только обогатили археографическую базу белорусской науки, но и пытались с учетом открывшихся возможностей (доступ к ранее засекреченным архивам) обобщить опыт эдичионной археографии и применить его при издании документов и новейшего времени.

В то же время именно в этот период стало сказываться отставание белорусских историков и археографов от российских и украинских коллег в вопросах теории и методики археографии. Это выражалось в отсутствии в республике специальной архивно-археографической периодики, а также сколько-нибудь заметных работ, предметом исследования которых были бы археографические публикации. Преобладала практическая археография без попыток обобщения методики публикации документов. Не ставились вопросы о необходимости разработки нормативно-методической базы для издания документальных памятников на белорусской языке.

Анализ состояния архивного дела в Белоруссии в тот период дает основание утверждать, что эффективность публикаторской деятельности архивных и научных учреждений республики могла бы быть значительно выше, если бы не то “броуново движение”, которое в течение всего довоенного периода происходило

⁵⁵ См.: Улащик Н.Н. Указ. соч. С. 273–282.

в белорусских архивах (бесконечное фондирование и перефондирование архивных документов, передача их из архива в архив и т.д.). Негативное влияние на развитие археографии оказывало и отсутствие многих документальных комплексов в хранилищах республики. Начавшиеся с 30-х годов репрессии против научных кадров гуманитарного профиля (аресты Д.И. Довгялло, М.В. Мелешко, В.У. Ластовского, Я.Ю. Лёсика и др.; высылка М.В. Довнар-Запольского, В.И. Пичеты; самоубийство В.М. Игнатовского) прервали процесс формирования национальной историко-археографической школы. Не способствовала развитию археографии и передача в 1938 г. архивных учреждений в ведение НКВД. Это мероприятие почти на два десятилетия наглухо закрыло двери архивохранилищ перед историками и археографами республики.

В.Ю. Афиани, М.П. Мироненко

**К ИЗДАНИЮ ПЕРВОГО ВЫПУСКА
“КАТАЛОГА ЛИЧНЫХ ФОНДОВ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ: XVIII век”**

Одним из главных научных направлений деятельности Археографической комиссии РАН является работа по подготовке “Каталога личных фондов отечественных историков XVIII–XX вв.” В настоящее время подготовлен к выпуску первый том (“XVIII век”), который должен быть издан в ближайшее время. В связи с этим возникла потребность вернуться к идее замысла этой большой работы и к истории ее подготовки.

В исторической литературе последнего времени происходят глубинные изменения, многое переосмысливается заново. Одной из областей, остро нуждающихся в пересмотре, остается историография. Здесь особенно сказывалось вторжение политики в историческую науку, действие идеологических запретов и схем. Кажется, нет ни одного действительно талантливого отечественного ученого, которого бы не “припечатывали” штампом “буржуазного”, а то и “реакционного” историка. Достаточно вспомнить, что в число “реакционных” историков давно и прочно входил Н.М. Карамзин. Не в этом ли была одна из главных причин столь скудного числа биобиблиографических справочников, посвященных историкам, подготовленных в советское время? Их, по сути, было всего два¹.

Многое изменилось в последнее время, можно даже говорить о своеобразном историографическом “буме”. Уже реализованы или начинают реализовываться такие интересные проекты, как издание очерков об отечественных историках XVIII–XX вв. в приложении к журналу “Исторический архив”, публикация автобиографических очерков известных современных историков, также выходящих в приложении к этому журналу, и ведущаяся работа по подготовке справочника о современных исследователях российской истории².

Однако очевидно, что действительно глубокое переосмысление вклада наших предшественников может произойти лишь после освоения всего историографического наследия, не ограниченного только печатными источниками, с широким привлечением архивных материалов. Важно и другое: информация об отечественных историках и их архивах расплылена по многим справочникам и собрана в каждом отдельном случае далеко не полностью. Соединенная вместе подобная информация поможет ликвидировать пробелы в биографиях многих и многих отечественных историков. Но без изучения биографии историка невозможно создать полноценное представление и об исторической науке той или иной эпохи.

Этими соображениями руководствовалась Археографическая комиссия РАН, когда взялась за составление справочника об архивах отечественных исто-

¹ Историки СССР: Указатель печатных их трудов / Сост. О.И. Шведова. М., 1941; История исторической науки в СССР: Дооктябрьский период: Библиография. М., 1965. Не доведены до издания и хранятся в архиве материалы группы Ш.М. Левина в ЛОИИ (ныне СПб ФИРИ), собравшей в 1933-1935 гг. данные для биобиблиографического словаря русских и советских историков (*Предтеченский А.В.* Из творческого наследия. СПб., 1999. С. 13).

² Историки России XVIII–XX веков. М., 1995–1997. Вып. 1–4 / Сост. и отв. ред. А.А. Чернобаев; Чернобаев А.А. (автор-сост.) Историки России: Кто есть Кто в изучении отечественной истории: Биобиблиографический словарь / Под ред. В.А. Динеса. Саратов, 1998.

риков³. Авторы поставили цель представить исследователям русской исторической науки максимально полный объем сведений о сохранившемся в рукописных хранилищах творческом наследии историков вместе с их биобиблиографией. Собранный воедино научная информация об архивном наследии, жизни и трудах широкого круга историков окажет существенную помощь исследователям отечественной исторической науки, позволит создать исчерпывающие представления о ее развитии в нашей стране. Кроме того, это издание поможет углубить разработку личных архивных фондов и их использование в исследованиях различных направлений.

В основу работы, задуманной и возглавлявшейся все эти годы С.О. Шмидтом, были положены определенные принципы. Во-первых, это должен быть справочник комплексного типа, объединяющий информацию биобиблиографического и архивного характера. Во-вторых, это – справочник, включающий сведения о всех без исключения отечественных историках, чьи личные архивы сохранились невзирая на историографическую оценку их вклада в науку. В-третьих, справочник должен исключать какие-либо субъективные трактовки фактов жизни и деятельности историков.

Работа началась с изучения наиболее древних био- и библиографических справочников, принадлежавших Н.И. Новикову и Евгению (Болховитинову), и каталогов библиотек (РГБ, ГПИБ, РНБ). Были исследованы все важнейшие биобиблиографические издания, энциклопедии, каталоги книг⁴.

На следующем этапе работы были изучены путешественники и другие справочники по архивам, рукописным отделам и отделам письменных источников музеев и библиотек для выявления личных фондов и комплексов архивных документов историков, хранящихся в них, в первую очередь, естественно, справочник личных архивных фондов в хранилищах СССР⁵. Был составлен полный перечень выявленных личных фондов. Результатом этой работы стала картотека, которая охватывала 2 тыс. авторов. На ее основе был подготовлен словарь, который опубликован в качестве Предварительного списка для “Каталога”⁶.

³ Афиани В.Ю. О подготовке “Каталога личных фондов отечественных историков” // ВИ. 1984. № 9. С. 147–148; Афиани В.Ю. Судьбы личных архивов // Наше наследие. 1989. № 1. С. 158; Он же. Каталог для историков и краеведов // Памятники Отечества. 1989. № 1. С. 32–33; Шмидт С.О. Архивный документ как историографический источник // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе: Докл. и Тез. выступлений на Всерос. конф. 20–24 декабря 1994 г. М., 1995. С. 72–74; Он же. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 177–205. Он же. Вступительное слово [на Тихомировских чтениях 1996 года, посвященных 40-летию Археографической комиссии РАН] // АЕ за 1996 год. М., 1998.

⁴ Геннади Г.Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1726 по 1825 год. Берлин; М., 1876–1908. Т. 1–3; Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. СПб.; М., 1885–1916. Вып. 1–13; Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней) / Под ред. С.А. Венгерова. СПб., 1889–1904. Т. 1–6; Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. Пг., 1915–1918. Т. 1, 2, вып. 1–6; Источники словаря русских писателей / Под ред. С.А. Венгерова. СПб.; Пг., 1900–1917. Т. 1–4; Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1890–1907. Т. 1–85; Азбучный указатель имен русских деятелей для “Русского биографического словаря”. СПб., 1887–1888 (Сборник Русского исторического общества. Т. 60, 62); Русский биографический словарь. М.; СПб.; Пг., 1896–1918; Голицын Н.Н. Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889; История русской литературы XVIII века: Библиогр. указ. / Сост. В.П. Степанов, Ю.В. Стенник; Под ред. П.Н. Беркова. Л., 1968; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М., 1962–1967. Т. 1–5. 1975 (Дополнения.), Кулябко Е.С. Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977; и др. Изучались, конечно, справочники мемуаров, подготовленные под редакцией П.А. Зайончковского (История до-революционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннот. указатель книг и публикаций в журналах. М., 1976–1989. Т. 1–5.)

⁵ Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. М., 1963–1980. Т. 1–3.

⁶ Предварительный список для Каталога личных архивных фондов отечественных историков / Сост. В.Ю. Афиани, М.П. Мироненко. Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 1984. Ротапр.

В него вошли следующие сведения: фамилия и инициалы историка, даты жизни, название архивохранилища и номер фонда, количество единиц хранения, крайние даты документов, наличие печатного обзора фонда и библиографии трудов. “Предварительный список” включал в себя 2400 имен. В последующие годы он был значительно доработан и дополнен авторами. В новой редакции Предварительный список содержит имена 3360 историков.

Дальше начался новый этап работы. С помощью Главного архивного управления СССР было разослано по архивам и другим хранилищам страны информационное письмо, в котором рассказывалось о ведущейся работе, и архивы приглашались к участию в ней, а также сообщался предварительный перечень личных фондов для ориентировки, дополнений и уточнений. Работа по сбору сведений непосредственно от архивохранилищ заняла довольно длительное время; несмотря на неоднократные напоминания, некоторые архивы так и не ответили на письмо. Однако большое количество архивохранилищ, библиотек и музеев откликнулись на призыв. Они прислали дополнения и уточнения к перечню личных фондов, а позднее начали поступать и описания документов. Были присланы описания из ряда центральных архивов (РГАДА, ГАРФ, РГИА, РГА ВМФ и др.) и музеев (ГИМ, Государственный Эрмитаж, Государственный Русский музей), из республиканских и областных хранилищ, включая отделы рукописей части библиотек. Так, сотрудники ГА Алтайского края сделали подробное описание фонда С.И. Гуляева. Из Бурятского краеведческого музея пришло описание фонда Д. Банзарова. Львовская научная библиотека сделала описание фонда Д.И. Зубрицкого. Центральная научная библиотека им. В.И. Вернадского Академии наук Украины подготовила описание личного фонда А.И. Капустина (архимандрита Антонина). Присланные описания (13 объемных папок) хранятся в Археографической комиссии.

Ставилась задача учесть в “Каталоге” всех отечественных историков, чьи личные архивы, как и значительные комплексы документов, находились в государственных хранилищах на правах самостоятельных архивных фондов или входили в состав фондов других лиц, учтенных в справочнике. Естественно, составители не могли ставить перед собой нереальную задачу выявления автографов и документов в прочих фондах. В то же время нами по возможности фиксировались все сведения о комплексах материалов и даже об отдельных документах данного историка в составе других фондов. Сведения об архивах историков, находящихся в личном владении граждан, предполагалось включать в “Каталог”, если сообщения о них публиковались в печати.

Хронологические рамки “Каталога” – XVIII–XX столетия, т.е. период, считающийся временем развития истории как науки, научной дисциплины, формирования профессиональных занятий историей. Круг историков ограничивался лицами, жившими и работавшими в России, в советское время – на территории СССР. В тот период нереально было ставить задачу учета историков, начавших заниматься изучением истории в эмиграции. В справочник попали только те лица, которые занимались историей еще в России (СССР), до эмиграции, а их личные архивы частично поступили в государственные архивы. Часть их материалов вошла в состав Русского зарубежного архива в Праге и вместе с ним вернулась в Москву после второй мировой войны, но преобладающая часть находится в хранилищах Европы и Америки. Проблема составления описаний этих фондов встанет довольно скоро.

Составители придерживаются “широкого” толкования понятия “историк”. Учитывались сведения об архивах специалистов во всех областях исторических и смежных с ними наук: отечественной и всемирной истории, источниковедения и специальных исторических дисциплин, истории исторической науки, археологии, этнографии, а также в таких отраслях научного знания, как история культуры, славяноведение, востоковедение, исторически сложившихся как комплекс гуманитарных дисциплин.

В “Каталоге” будут также представлены фонды исследователей смежных с историческими науками разделов общественных наук – экономической истории и истории экономической мысли. Без учета таких исследований не может быть создано целостное представление о развитии и распространении исторических знаний в нашей стране. В соответствии с этим учитываются личные фонды исследователей в таких областях знания, как история философии, история политической мысли, история государства и права, история языка, литературы и искусства, история естествознания и техники.

В справочнике невозможно обойтись информацией только о личных фондах историков-профессионалов. Учитывались сведения о фондах краеведов, архивистов, музейных деятелей и лиц, известных своей деятельностью по популяризации исторических знаний. Включались также и архивные материалы таких ученых, чья основная творческая деятельность протекала за пределами отмеченных выше областей знания, но которые имеют хотя бы одно крупное исследование в указанных областях.

Кроме того, включены сведения о ряде писателей, публицистов, путешественников, работы которых оказали заметное влияние на развитие исторического знания. Особенно велика была их роль в начальные годы становления таких научных дисциплин, как славяноведение, востоковедение и др. В справочник включались также сведения об археологах, этнографах, востоковедах, архивистах, историках искусства и литературы, коллекционерах исторических материалов.

Для того чтобы представить наиболее широкую картину русской исторической науки в ее становлении и развитии, авторы включали в издание сведения не только об известных деятелях науки, но и о малоизвестных авторах, иногда имеющих лишь две-три небольшие работы, но посвященные историческим темам. Особенно это, конечно, касается XVIII – первой половины XIX в. Включались в “Каталог” и такие деятели русской культуры, как, например, П.П. Дубровский, не имеющий ни одной печатной работы, но бывший известнейшим собирателем и оставивший ценнейшую коллекцию западноевропейских рукописей, заложившую основу Депо манускриптов в Императорской публичной библиотеке в то время.

Следует отметить, что существующие библиографические справочные пособия обычно содержат сведения лишь об ученых, которые внесли наиболее значительный вклад в историческую науку. Кроме того, они не ставят целью описание архивного наследия ученых. В лучшем случае они фиксируют наличие архивного фонда, как это сделано в библиографическом словаре “Славяноведение в дореволюционной России” (М., 1979). В нем, помимо подробной библиографической статьи, дается краткая библиография научных работ ученого и литературы о нем, а также указаны места хранения и номера личных архивных фондов тех славистов, у которых они имеются. В ряде случаев авторы указывают известные им отдельные документы данного слависта в других фондах. С.Д. Милибанд в “Библиографическом словаре отечественных востоковедов с 1917 г.” (В 2 кн. 2-е изд. М., 1995) в сносках к некоторым библиографическим справкам указывает место хранения личного архива ученого.

Готовящееся нами издание, являющееся, безусловно, в первую очередь справочником по составу и содержанию личных архивов, содержит также биографическую справку и подробную библиографию трудов и литературы об ученом. Биографическая справка дает представление о направлении деятельности ученого, его вкладе в отечественную науку, а также о его основных жизненных вехах. Она включает сведения о происхождении, образовании, службе, об участии в военных действиях, экспедициях, путешествиях, общественной деятельности, избрании в члены Академии наук и научных обществ.

Библиография трудов дается по возможности полная. В тех случаях, когда существует полная печатная библиография трудов ученого, авторы ограничива-

ются ссылкой на нее (это, естественно, касается наиболее крупных ученых). У малоизвестных авторов указываются все печатные работы. Помимо литературы об ученом, учитываются статьи о нем в библиографических справочниках, таких, как “Словарь достопамятных людей Русской земли” Д.Н. Бантыш-Каменского (М., 1836), РБС, многочисленные библиографические издания Евгения (Болховитинова) и С.А. Венгерова, Д.Д. Языкова, биографический словарь “Русские писатели 1800–1917” (М., 1989–1994. Т. 1–3) и др.

Описание архивных материалов строится по хранилищам. Как известно, многие личные архивные фонды не сосредоточены как единый комплекс в том или ином хранилище, а разбиты частями между несколькими из них. В “Каталоге” каждая из этих частей была описана нами отдельно, с указанием места хранения и поисковых данных.

Каждый фонд описан по следующей структуре: 1. Творческие рукописи и подготовительные материалы к ним; 2. Биографические материалы – документы о рождении, образовании, семье, военной и гражданской службе, наградах, общественной деятельности; 3. Дневники и воспоминания; 4. Переписка; 5. Хозяйственно-имущественные материалы; 6. Изобразительные материалы: портреты и автопортреты, фотографии, карты, схемы, чертежи.

Особенно подробно в описании фонда охарактеризованы рукописи неопубликованных трудов и подготовительные материалы к ним. В тех случаях, когда документы историка сохранились в составе семейного фонда, хранящего многочисленные материалы большого числа его родственников или даже нескольких поколений, описывались лишь материалы данного лица.

В тех случаях, когда существуют опубликованные подробные аннотированные описания фонда в справочнике или путеводителе (или обзоры фонда), они были использованы составителями (например, Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина: Аннотированный указатель рукописных фондов. Фонды русских деятелей XVIII–XIX вв. Л., 1981–1984. Вып. 1–4; Архив Академии наук СССР. Обзор архивных материалов Л., 1933. Вып. I). Обзоры рукописных собраний, принадлежащих историкам, собраны в указателе “Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина” (М., 1983–1996. Т. 1, вып. 1–3), издающемся РГБ. Использовались также весьма подробные списки архивных материалов из книги П.Е. Скачкова “Очерки истории русского китаеведения” (М., 1977). Для всех остальных случаев описание велось непосредственно в архивохранилищах. Наибольшее число материалов хранится в РГАДА, ГАРФ, РГИА, ОР РГБ, ОР РНБ, ОПИ ГИМ, РГАЛИ, АВПРИ, СПБ ФА РАН, СПБ ФИРИ.

Большую помощь составителям оказало прекрасно задуманное и выполненное петербургскими учеными из СПб ФИРИ издание “Архивы русских византистов Санкт-Петербурга” (СПб., 1995), содержащее обзоры фондов ученых-византистов конца XIX – первой половины XX в., которые находятся в хранилищах Санкт-Петербурга.

По литературе и научно-справочному аппарату архивов устанавливалось местонахождение личной библиотеки ученого, если она сохранилась как комплекс, а также наличие коллекции документов и рукописей. Сведениями о них завершается описание наследия ученого.

“Каталог” будет состоять из отдельных томов. Первый из них, посвященный историкам XVIII в., включает 70 имен. Следующий том, посвященный историкам первой половины XIX в., содержит уже 130 имен. Деление историков, живших в XIX столетии, на первую и вторую половину века, конечно, весьма условно, как и любое хронологическое деление подобного рода, однако оно диктуется соображениями объема томов. Поэтому часто в том включались лица, чья жизнь продолжалась и в более позднее время, если их основная научная деятельность проходила преимущественно в указанный период. Особенно объемным бу-

дет том, посвященный второй половине XIX в., в который войдет около 450 имен. Он будет состоять из нескольких выпусков, так же как и тома, посвященные историкам, жившим в XX в.

Первый том (XVIII век) в отличие от последующих составлен силами сотрудников Археографической комиссии. Работа над этим томом имеет ряд особенностей. Архивы ученых XVIII в. в меньшей степени сохранились в виде целостных фондов. У большей части ученых этого времени вообще не существует личных фондов как отдельных собраний. Однако составители включали их в “Каталог”, поскольку в противном случае целостная картина становления и развития русской исторической мысли была бы сильно искажена. У части ученых (Л.Н. Алларт, А.И. Богданов, С.П. Крашенинников, П.Н. Крекшин, Феофан Прокопович и др.) архивное наследие представлено большим количеством творческих рукописей, документов, биографических материалов, хранящихся в различных “чужих” фондах. У некоторых ученых сохранилось буквально по одному документу, как, например у автора “описания г. Курска” И.П. Анненкова или у историка церкви А.Д. Байбакова.

Но и в тех случаях, когда личный фонд представляет целостное собрание, в этом издании указываются также документы данного историка, выявленные в других фондах и хранилищах. Так, Д.К. Кантемиру, чей личный фонд находится в СПб ФИВ, принадлежат документы, выявленные нами в РГАДА, РГБ, СПб ФА РАН, СПб ФИРИ, РО БАН, в трех личных фондах в РНБ, в Одесской государственной научной библиотеке.

XVIII век был временем ученых-энциклопедистов, таких, как М.В. Ломоносов, ставший классиком целого ряда научных дисциплин и в то же время оставивший ценные труды по истории. Помимо государственных забот, Екатерина II уделяла внимание историческим изысканиям и проявляла большую заботу о собирании документов и материалов. Поскольку невозможно, да и не нужно в подобном справочнике охватить все сферы деятельности таких выдающихся личностей, авторы остановились на описании наследия, относящегося к их занятиям историей.

Другой специфической чертой является большая неравномерность в составе и содержании фондов, а также в их объеме. Следует отметить, что от архивов некоторых историков сохранились только небольшие части – например, хозяйственные документы их семьи, или часть переписки, или только служебные документы (в частности, документы о награждениях). В некоторых случаях только эти материалы и составляют архивные документы историка. В то же время есть фонды, содержащие огромное количество материалов. Если в богатейших и явно еще недостаточно изученных фондах Г.Ф. Миллера в РГАДА и СПб ФА РАН имеются десятки тысяч единиц хранения, то, например, у И. Алексеева, составившего первый в России энциклопедический словарь, включавший также сведения по истории, сохранилось всего несколько документов в фонде Г. Черткова и Отделе письменных источников ГИМ. Различен вклад, внесенный историками в науку. Среди включенных в том персоналий такие известные историки, как Н.Н. Бантыш-Каменский, Д.К. Кантемир, А.Т. Болотов, С.П. Крашенинников, М.В. Ломоносов, Г.Ф. Миллер, П.И. Рычков, В.Г. Рубан, Феофан Прокопович, М.М. Щербатов, А.Л. Шлецер. Среди лиц, имеющих всего несколько исторических работ, – костромской вице-губернатор И.К. Васьков, издавший в 1792 г. исторический труд “Собрание известий, относящихся до Костромы”, типограф и поэт М.П. Аврамов – собиратель исторических материалов, богослов А.Д. Байбаков (архимандрит Аполлос) – автор нескольких работ о мифологии славян и древнеславянском богослужении. Разыскания материалов малоизвестных историков были особенно сложны и трудоемки, но необходимы. Собранные сведения о них дают более полную картину становления исторической науки в нашей стране.

При работе над следующими томами (в частности, по первой половине XIX в.) встают проблемы широкой географии мест хранения архивов. Если фонды историков XVIII в. хранятся главным образом в Москве и Санкт-Петербурге, то значительная часть фондов историков более позднего времени – в архивах и библиотеках других городов России, а также за ее пределами – в Киеве (Государственный исторический архив Украины), Львове (Львовская научная библиотека Академии наук Украины), Риге (Государственный исторический архив Латвии), Баку (Исторический архив Азербайджана), Минске (Государственный исторический архив республики Беларусь) и др. Здесь составителям смогут оказать помощь местные ученые и краеведы.

*А.В. Дадькин, В.И. Ерофеева, Н.В. Литвина,
И.В. Поздеева, И.П. Смирнов*

РУССКОЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА И ПРИДНЕСТРОВЬЯ

**(по материалам комплексной археографической экспедиции
МГУ 1996 г.)**

Благодаря специальному гранту РГНФ¹ за последние годы впервые проведено широкое (15 участников) комплексное экспедиционное обследование старообрядческих районов республики Молдова и Приднестровья, где университетские археографы работали еще в 70–80-е годы. В ходе 26-дневной экспедиции работы велись в 96 старообрядческих домах 10 населенных пунктов; со 160 представителями старообрядческих согласий состоялись подробные беседы и интервью, зафиксированные в восьми полевых дневниках участников экспедиции (400 с). Задачей исследований 1996 г. было выявление современных тенденций в традиционной культуре русских старообрядческих общин. Это позволяли сделать, с одной стороны, состав и оснащение экспедиции, а с другой – возможность сравнивать полученные результаты фактически на протяжении почти четверти века полевых работ археографов истфака МГУ в регионе.

Основой сохранения и воспроизводства всего комплекса традиционной культуры старообрядческих общин является, прежде всего книжное знание, кириллическая книжность. Львиную долю церковнославянских книг, хранящихся и используемых в старообрядческих семьях, обычно составляет учебная книга, которая одновременно предназначена и для повседневного богослужения. Обучение детей церковнославянской грамоте и вере в старообрядческих общинах повсеместно было домашним, и для него использовались церковнославянские азбуки (и расширенные азбуки – буквари), часовники, канонники и псалтыри. Обычно такие книги передавались из поколения в поколение. Именно Учебной псалтырью мать благословляла дочерей во время свадьбы. Поэтому, как правило, именно эти книги в печатном или рукописном виде находились в каждом старообрядческом доме, где живут или жили сколько-нибудь грамотные “по-церковному”.

Как показали многолетние работы на территории десятков регионов, важнейшей частью сохранения старообрядческих духовных традиций являются домашние библиотеки наиболее грамотных, эрудированных в писании и предании, в старообрядческой полемике прихожан, имена которых известны не только в своей общине, но и за ее пределами, и в руках которых собираются наиболее интересные, разнообразные и необходимые для духовной жизни общины нелитургические книги. Как удалось проследить, смерть владельцев этих крупных старообрядческих библиотек чаще всего не приводит к гибели литературы или ее “уходу” в другие регионы. Книги рассеиваются по окружающей территории, чтобы в свое время снова быть аккумулированными очередными любителями книжного знания, которых неизменно выдвигает из своей среды традиционная культура русского старообрядчества.

¹ ГРАНТ РГНФ № 96-01-18042.

Чтобы выявить, проанализировать и сравнить с результатами прошлых исследований современную книжность местного старообрядчества, в ходе экспедиции она изучалась во всех основных общинах региона – в городах Тирасполь, Бендеры, Бельцы, Единцы, Гагул, а также в селах Егоровка, Кунича, Покровка, Старая Добруджа и Великопольское. Были обследованы библиотеки семи церквей; наличие книг зафиксировано в нескольких десятках из 96 домов, в которых велась работа; описания книг, обнаруженные в 25 из них, тоже легли в основу нижеизложенных подсчетов. Кроме того, в семи церковных библиотеках было просмотрено, датировано и зафиксировано в полевых документах (дневниках) 507 кириллических изданий XVI–XX вв. Исследование собранной в старообрядческом регионе информации о современном состоянии традиционной книжной культуры позволило прийти к следующим выводам.

В библиотеках семи церквей представлены книги, которые можно отнести к нескольким типам, обслуживающим разные функции традиционной книжной культуры. Всего различных типов книг в составе церковного книжного фонда насчитывалось 55. Из них литургическая книга представлена 23 типами, семь из которых являются книгами для литургического пения по крюкам; христианское Писание, которое используется и как литургическая, и как учительная книга, – пятью типами изданий. В состав учительной книги входят два типа книг (пролога и жития святых со службами им), которые являются двухфункциональными, обслуживая богоугодное чтение и богослужение. Пять типов книг используются для обучения. Кроме вышеназванных четырех, в это число входит также и Малый катехизис. Различные функции в традиционной культуре русского старообрядчества выполняют Святцы (или Малый устав) и разные книги (части) Церковного устава. К этому типу многофункциональных книг относятся пять названий, обнаруженных в составе книжности изучаемого региона.

Общее число книг, находящихся в коллективном владении семи старообрядческих церквей, как отмечалось, составляет 507 экземпляров. Из них XVI веком датируются пять изданий типографий в Москве и Вильно; XVII веком – 48 книг, изданных на Московском Печатном дворе в первой половине века. К XVIII в. относятся одна рукопись и 67 экземпляров изданий, отпечатанных в типографиях Москвы, Клинцов, Супрасля и Почаева. XIX веком датируются 189 рукописных и печатных книг, вышедших из нескольких старообрядческих типографий, и XX веком – 198 книг как рукописной, так и печатной продукции. Таким образом, в современной кириллической книжности региона представлена продукция девяти типографий, четыре из которых находились в Москве. Московская книжная продукция составляет около трех четвертей всего используемого в районе печатного кириллического фонда. Среднее число книг в одной церкви 72, максимальное – 190, минимальное – около 40.

Сравнение с данными обследования тех же общин в 70-е и начале 80-х годов показало, что в книжной культуре региона произошли существенные и, как нам представляется, принципиальные изменения. Если говорить о библиотеках общин, находящихся в коллективной собственности, то прежде всего обращает на себя внимание резкое “вымывание” древнего фонда – именно тех подлинников книжной культуры, на которые всегда ориентировалось русское старообрядчество. В 1996 г. церковные книги XVI и XVII вв. составляли только 10,5% всего состава библиотеки. Хотя, как правило, в книжности старообрядческих церквей, в том числе и белокрыничских, и сегодня насчитывается от четверти до трети подлинников, представленных чаще всего так называемой дониконовской московской книгой и популярными в старообрядческих кругах виленскими, львовскими и острожскими изданиями. Одна из церковных библиотек региона незадолго до экспедиции 1996 г. была ограблена, при этом воры похитили несколько десятков книг XVI–XVII вв. (в приведенные выше цифры данные об этой церкви не включены). За те 10 лет, когда археографические полевые работы на тер-

ритории региона не велись, резко сократились как разнообразие, так и общее количество учительной литературы. В целом ряде церквей не оказалось некоторых самых популярных в старообрядческих кругах сборников, напечатанных на Московском Печатном дворе в 40-е годы XVII в. К XVIII в. из всего книжного фонда, зафиксированного в 1996 г., относятся 67 книг (13%), преимущественно напечатанных в различных старообрядческих типографиях. Зато в современном книжном фонде старообрядческих церквей преобладают издания XIX и XX вв. (XIX веком датируются 190 книг, или 37,5%, а XX – 197 единиц, или 39%).

Особое внимание обращает на себя увеличение книг, напечатанных (гораздо реже написанных) в XX в. Как правило, это тоже московские издания, вышедшие из старообрядческих типографий начала века. Однако для дальнейших судеб старообрядческой традиции важно не только и скорее не столько то, что растет значение поздней книги. Подлинных дониконовских книг не хватало практически всегда, поэтому уже в XVIII в. и тем более в XIX в. достаточно широко были признаны перепечатки различных старообрядческих типографий, вплоть до единовременной, которая, как считалось, переиздавала дониконовские книги “буква в букву”. Существенное значение с точки зрения судеб традиционной книжности имеет тот факт, что книжный фонд XX в. много уже по разнообразию типов вновь издаваемой книги, которая, как правило, является литургической. Среди книг XVIII в. – 11 литургических, 19 учительных и 17 книг для обучения. Для XIX в. эти соотношения кардинально меняются: из 189 книг – 89 литургических и только 12 учительных. В составе книг XX в. тенденция сокращения нелитургической книги в регионе выступает совершенно четко. На 198 книг XX в., находящихся в распоряжении семи старообрядческих общин, только 7 учительных, но зато 98 литургических. Надо заметить, что сокращается и абсолютное и относительное количество учебной книги. Для XVIII в. их 19 из 67 (28%), для XIX в. – 36 из 189 (19%), а по XX в. – 26 из 198 (14%).

Для отмеченного выше процесса “сужения” традиционной старообрядческой книжности в районе особенно показательно последовательное “вымывание” рукописных сборников и фактическое отсутствие их среди книг XX в. Сборники всегда были и в большинстве старообрядческих регионов остаются характерным признаком живой кириллической книжной культуры. Именно рукописная книга по традиции отвечает на все запросы современной жизни, аккумулируя древнее знание применительно к запросам времени. В ряде других регионов сохраняется живая рукописная традиция, когда не только переписываются излюбленные древнерусские произведения, но и возникают новые. В анализируемом выше фонде семи старообрядческих церквей зафиксирована всего 81 рукописная книга, что составляет менее 16% учтенной книжности. От еще недавно достаточно богатого рукописного фонда сохранились соответственно только одна рукопись XVIII в. и 24 – XIX в. Как правило, рукописными книгами последних веков в составе фонда являются крюковые (к ним отнесены и певческие книги, литографированные в начале XX в.).

Эти явления объясняются и определяются резким, почти катастрофическим падением церковнославянской грамотности в среде старообрядческого населения изучаемого региона. Большинство грамотных людей старшего поколения, получивших образование в домашних условиях или в школах, возникших после реформ 1905 г., уже умерли. Среди значительного количества русских старообрядцев, переселившихся в последние годы в другие места, высокий процент составляют именно наиболее активные и грамотные люди. Прежние школы, которые вели старообрядцы в своих домах (например, сестры Ф. и К. Исаковы в с. Кунича, обучавшие пять-шесть лет назад по 15–20 детей), сейчас занятия прекратили. Возникшие ранее при некоторых церквях школы или прекратили занятия совсем, или ведут их с небольшим количеством детей. Например, в с. Старая Добруджа сообщили, что если три года назад в церковной школе занимались

32 человека, то сейчас – шесть. Сохранилась и в последние годы даже получила некоторое развитие, на наш взгляд, только школа К.М. Вишнякова (поморская старообрядческая община в г. Единцы). В этой общине еще обучаются церковнославянскому чтению не только большинство детей прихожан, но и некоторые из их дедов, которые, не имея возможности получить аналогичное образование в юности, пришли в эту школу после выхода на пенсию. Однако это не меняет общего состояния книжной грамотности в регионе, где церковнославянский язык богослужения все больше становится языком чуждым и непонятным. Неумение читать церковнославянские и особенно древние тексты приводит к утрате памятников прошлых веков, отсутствию живой письменной традиции, падению полемиической культуры, столь характерной для старообрядчества в прошлом. Как нам представляется, именно это и объясняет принципиальное сокращение по сравнению с наблюдениями экспедиций в 70–80-е годы активно используемого фонда книжности, который все более ограничивается типами книг, необходимых только для общественного и частного богослужения. С этой точки зрения очень характерно быстрое распространение в регионе таких новейших изданий для богослужения, как, например, панихидник, хотя в общинах фактически не оказалось учительных книг, которые также в последнее время неоднократно издавались старообрядческими типографиями.

Анализ 114 кириллических книг, зафиксированных экспедицией 1996 г. в 25 домах, показал, что названные выше процессы выступают при рассмотрении личного книжного фонда еще ярче. Резко сократилось и количество домов, где хранятся книги, и еще больше – количество книг в каждом доме. В зафиксированном личном книжном фонде обнаружено только 36 типов книг, из них только два (Стоглав и Зонар) отсутствуют среди учительных книг церкви. О церковнославянской библиотеке можно говорить, да и то очень условно, только в одном доме (24 книги); в двух домах было 11 и 12 книг, но зато в 64% домов – не более трех. Выявлена одна достаточно большая библиотека, в которую систематически за последние 10 лет собираются древние и рукописные книги. Хотя она и принадлежит потомку старообрядцев, но характер имеет закрыто-библиофильский и полностью “выводит” книгу из ее традиционного (да и любого) использования.

Современное старообрядческое крюковое пение в регионе отражает заметное расхождение судеб местной певческой традиции, которая еще 15–20 лет назад была достаточно высокой. Характер исполнения записанной в нескольких храмах литургии демеством говорит о прочной крюковой грамотности певцов: хор поет точно по крюкам, зафиксированным в рукописных книгах, по которым и ведется пение в унифицированной форме, сохраняемой живой старообрядческой традицией и в настоящее время. В этом богослужении достаточно трудно выделить фрагменты местного прочтения крюкового текста, а наличие в песнопениях знаменного распева подголосков сейчас – нередкое явление (среди молдавских общин особенно в с. Кунича). Однако в двух других общинах (поморской в г. Единцы и белокрыницкой в с. Егоровка) крюки распеваются уже согласно местной традиции: например, в отличие от точного прочтения крюков темп их исполнения значительно замедляется, ритмика и пения и возгласов осложняется мелизмами, а все внегласовые песнопения (в том числе Херувимская песнь) поются “напевкой”.

Совершенно новые аспекты сравнительно с более ранними материалами дали исследование современных эсхатологических воззрений русских старообрядцев региона. В этом плане необходимо отметить три наблюдения. На эсхатологическое мышление местного старообрядчества серьезное влияние оказали происходившие в регионе военные действия и распад СССР. Почти при каждом опросе затрагиваемые темы политики или прошедших военных действий всегда приводили к разговору об эсхатологии, причем каждый раз и те и другие собы-

тия осмысливались как признак близкого конца света. О распаде СССР, который сегодня воспринимается трагически безысходно, один из старообрядческих священников сказал: “Если бы это не произошло, тогда то, что записал Златоуст, было бы неправдой. Это должно было случиться”. Признаком конца света для местных староверов является и то, что “труд ни во что стал”. Не могло не отразиться усиление эсхатологических настроений и на отношении к церкви. Мы нередко сталкиваемся с высказываниями типа: “Это только снаружи церковь такая же, как была. А внутри все иначе, не так”; “Ныне пришли лукавые дни, мы своему духовенству не верим”.

Почти повсеместная утрата церковнославянской грамотности, значения учительной и полемической книги, как это отмечалось и при изучении других районов, первоначально значительно расширяет сферу устной словесности. Все чаще можно слышать в ответ, когда спрашиваешь об источниках тех или иных воззрений местных старообрядцев: “Не помню, где написано, а из уст в уста передается”. К сожалению, в наблюдаемом нами случае речь идет не только и не столько о расширении традиционной устной словесности, а о появлении десятков новых легенд, рассказов и представлений, граничащих с суевериями. С этой точки зрения чрезвычайно показательна судьба произведения, которое в основных своих списках имеет заглавие “О компьютере – Звере-Антихристе”. Этот текст, возникший, очевидно, в русской старообрядческой среде США, является попыткой эсхатологического осмысления компьютерной революции и появления кредитных карточек. С точки зрения автора, именно большой (центральный) компьютер олицетворяет Антихриста, а номер карточки – “антихристово число”, которым клеймятся люди, изменившие христианству. Сочинение было опубликовано в старообрядческом русскоязычном журнале, издаваемом в Австралии в 80-е годы, и в течение нескольких лет распространялось в списках и перепечатках по старообрядческим общинам в прямом смысле от Приморья до Поморья. Экспедиции МГУ и ряда других учреждений обнаружили редакции этого текста в разных районах Пермской области, в Поволжье и на Урале. Теперь он завоевывает и старообрядческие районы Приднестровья и Бессарабии, куда попал из Верещагинского района Пермской области. Этот и другие близкие по характеру тексты, как и в иных старообрядческих регионах с затухающей книжной традицией, порождают самые разные слухи, контаминации, фантастические пересказы.

В ходе экспедиции велась работа с тремя местными иконописцами. Для их работ характерно уже далеко зашедшее разложение традиции иконописания. Однако, как правило, современная икона в этом регионе отражает самостоятельные духовные поиски, в основе которых лежит переосмысленная традиция. И хотя иконописец пишет на ровной доске ДСП не только без паволоки, но и без левкаса масляными красками, объясняя эти новшества тем, что старых “каменных” красок нет, а доска не трескается и ее не ест “шашель”, тем не менее он уверен, что пишет в старой традиции. Большинство композиций также решаются самостоятельно и нетрадиционно, хотя автор снова уверял нас, что пишет только “по подлиннику”. Интересен подбор сюжетов наиболее часто заказываемых икон: “Умягчение злых сердец”, Богоматерь “Нечаянная радость” и “Одигитрия”; как и повсеместно, наряду с иконами Богоматери заказывают изображения Спасителя и Николая Чудотворца. Из святых наиболее часто заказывают иконы Паисия – “от пьянки” и Харлампия – для защиты скота. Приобретение икон у одного иконописца, пишущего в типичной манере народного примитива, современная старообрядческая церковь просто запретила.

В работе экспедиции 1996 г. впервые как самостоятельная была сформулирована задача сбора информации по истории старообрядческих семей на примере трех поколений рода Нуйкиных (г. Тирасполь) и рода Андронниковых (с. Кунича), в каждом из поколений которых было несколько священников и которые,

по крайней мере в составе современного поколения (речь идет как о сыновьях, так и о мужьях дочерей), служат от Одесской области до Сибири. Эти же явления были характерны и для поколений их дедов и отцов, что позволяет проследить и показать общерусские внутриконтинентальные связи на уровне семьи. Поскольку речь идет о руководителях общин, то эти выводы заставляют гораздо внимательнее выяснять и оценивать истоки современной старообрядческой культурной традиции, прежде всего традиции исполнения духовных стихов. По крайней мере, мы уж не раз сталкивались с фактом, когда затухающая традиция духовного стиха восстанавливается на базе совершенно иной региональной манеры пения, к которой привык или в которой был воспитан новый священник. К сожалению, надо отметить, что еще недавно богатая живая традиция исполнения духовных стихов в регионе, судя по результатам работ 1996 г., быстро умирает. В значительной степени это объясняется теми же причинами, о которых речь шла выше. А именно затуханием живой письменной традиции, частью которой здесь были некогда многочисленные стиховники, в этом году в домах почти не обнаруженные.

Нельзя забывать, что все эти явления происходят на фоне важнейшей проблемы сохранения русских культурных традиций, связанной с вполне реальной утратой русскоязычным населением этого региона литературного русского языка. Этот вопрос стоит довольно остро и связан как с перестройкой образования и катастрофической нехваткой школьных и вузовских учебников русского языка и литературы и вообще русскоязычной книги, прежде всего классической и научной литературы, так и с бесперспективностью русскоязычного образования в этом регионе.

Традиционная устная словесность и самые разные тематические интервью фиксировались на аудиокассетах. Всего выполнено 63 часа аудиозаписи. Находки экспедиции состоят из письменных памятников традиционной культуры и предметов материальной культуры. Что касается первых, то получено 13 рукописей (XVIII–XX вв.) и семь старопечатных книг, из которых одна датируется XVI в., а две – XVII в. Все они привезены членами изучаемых общин, переехавшими в Москву еще до развала СССР.

Наибольшую ценность среди книжных приобретений, связанных с работами экспедиции, представляет первое виленское издание Апостола, вышедшее из типографии Мамоничей (1591), чрезвычайно редкое и отсутствующее в фондах Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. Среди приобретенных рукописей интерес представляют певческие книги, датированные рубежом XIX и XX вв. Одна из них (Праздники) открывается страничной миниатюрой с изображением Иоанна Дамаскина. Книга роскошно оформлена: в ней 16 заставок и 18 крупных инициалов. Судя по стилю, рукопись местного письма, скопирована с гуслицкого оригинала, однако орнамент Праздников значительно монументальнее за счет укрупнения деталей и большей простоты контуров. Скупее и колоритнее книги: заставки и инициалы раскрашены зеленым и красным с небольшим добавлением желтого. Особенно выразительна заставка-инициал на л. 174 об. Здесь монументальный цветок в широком горшке-вазе изображен на фоне тонкой штриховки в виде красной решетки, создающей оригинальное выразительное решение. Очевидно, современен рукописи и ее переплет, доски которого имеют тиснение традиционной композиции, но оригинального рисунка. Вторая певческая рукопись представляет собой Октоих, украшенный легкими изящными инициалами штриховой раскраски. Судя по записи, рукопись представляет собой “труды и тщания Никиты Никитовича Золоторева для Стефана Коналовова”.

Впервые в фонды Музея традиционной старообрядческой культуры МГУ привезены предметы одежды русских старообрядцев Бессарабии. Среди них женская и мужская одежда первой и второй трети XX в.: длинные и короткие

“польки”, сарафаны, “холодайки”, “венчальная” одежда, мужские рубашки, подручники, вышивки, кички и лестовки.

Еще экспедиции МГУ 1988 и 1990 гг. внесли важный вклад в исследования старообрядческой книжности Молдавии, открыв архив и библиотеку крестьянина с. Кунича К.И. Донцова (1893–1952), всю свою жизнь писавшего “памятные заметки” и ставшего подлинным летописцем старообрядчества в Бессарабии в смутную и противоречивую эпоху первой половины XX в. Полученные материалы вошли в состав Молдавско-украинской книжной коллекции МГУ, дополняя ее и конкретизируя². Экспедиция 1996 г. расширила эти материалы 33 документами, сохранившимися у сына и невестки К.И. Донцова – Н.К. и В.К. Донцовых. Наибольший интерес среди них представляет “Каталог домашней библиотеки Кости Иустиновича Донцова”, составленный им 30 января 1929 г. В каталоге учтены 133 названия различных изданий, в том числе и многотомных, и только 29 посвящены богословию, истории церкви или представляют собой богослужебные книги. Несколько книг с номерами, под которыми они записаны в каталоге, также были выявлены экспедицией. Любопытна судьба книги “О Антихристе”. Судя по записи, она была приобретена в г. Гайсан Винницкой губернии в 1907 г., а переплетена в 1951 г. Донцов назвал ее “Книгой пророчеств о пришествии Антихриста”; перед текстом книги владделец вклеил копию с именного императорского указа, данного 27 октября 1800 г. и фактически введшего в России единоверие.

Судя по каталогу, на втором месте в домашней библиотеке К.И. Донцова были книги по российской истории и литературе. Несомненно также интерес хозяина к проблемам социализма и книгам о ведении хозяйства. И все-таки главное место в библиотеке, нетипичной для старообрядчества, как правильно отметила в своей статье Е.Б. Смилянская, занимали учебники и книги для самообразования, на которых, судя по нескольким из этих изданий, найденным в 1996 г., были трогательные записи К.И. Донцова, не только подчеркивающие интерес и значение этих книг, но и требующие их “тщательно беречь и охранять от порчи”. Среди новых находок – подлинные документы о жизни старообрядческого книжника и “памятные записи”, сделанные им самим, например, об освобождении Молдавии советской армией в 1944 г. Очень важна находка “памятной записи” сына К.И. Донцова Симеона о смерти Константина Иустиновича.

Дополнением к собранному в прежние годы материалам о традиционной культуре русского старообрядчества региона стали TV-записи на видеокассетах (57 часов), которые, кроме интервью, зафиксировали богослужения в семи старообрядческих храмах и не менее интересную школу крюкового пения, записи бесед, характеризующих эсхатологические представления, рассказы как о давних событиях местной истории, так и о недавних трагических днях. Представители всех поколений местного старообрядчества, традиционная деятельность и русский традиционный костюм Приднестровья и Бессарабии зафиксированы на 300 цветных фотографиях и 250 слайдах, выполненных сотрудником экспедиции аспирантом Оксфордского университета Дугласом Роджерсом, а также на 300 черно-белых фотографиях И.В. Бойко.

В последние годы в Молдове, в исследованных ранее районах Украины и особенно в Приднестровье, сложилась чрезвычайно непростая геополитическая, экономическая и этническая ситуация. Русское, в том числе старообрядческое, население с провозглашением независимости оказалось оторванным от России. В этой ситуации еще сильнее проявляется падение уровня традиционной культуры. Трудность (и бесперспективность) получения высшего и специального обра-

² В научный оборот эти материалы ввела сотрудник Археографической лаборатории МГУ Е.Б. Смилянская. См.: *Смилянская Е.Б.* Книжник старообрядческого села Кунича, что в Бессарабии, К.И. Донцов // *Мир старообрядчества*. Вып. 1. Личность. Книга. Традиция. М.; СПб., 1992. С. 82–99.

зования на русском языке становится острой проблемой для русскоязычной молодежи. Происходит смещение ценностей, трудности борьбы за существование вытесняют все другие интересы населения.

Если в ближайшее время не будет оказана поддержка сохранению русского языка в республике, то русские как этническая группа могут быстро потерять свое национальное лицо. То же касается церковнославянского языка. К сожалению, в громадном регионе, культурное прошлое которого целиком связано с церковнославянской книгой, сейчас полностью отсутствует подготовка специалистов в области кириллической книжности. Надеемся, старания историков Тираспольского университета ввести у себя на факультете эту специализацию увенчаются успехом.

Внутри церкви со стороны иерархии наблюдается четкая тенденция к ужесточению запретов, что при отсутствии церковных школ может иметь самые негативные последствия в виде отхода молодежи от русской старообрядческой церкви.

В этих условиях фиксация процессов, происходящих в традиционной культуре, является актуальной задачей будущих экспедиций, оптимистическая концепция которых основывается на словах, прозвучавших во время разговора в старообрядческой церкви г. Кагул: “Нынче и Россия и Молдавия порознь живут, но у нас один Бог и одни корни. Это важнее”.

О.Н. Бахтина, А.В. Носков, В.Я. Хасанов

КОНЦЕПЦИЯ СОЗДАНИЯ КОМПЬЮТЕРНОГО АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО АТЛАСА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В настоящее время в археографии четко обозначились два основных направления исследований: камеральная археография, занимающаяся описанием рукописей, и полевая археография, работающая с материалами археографических экспедиций. Существует целый ряд важнейших разработок, определяющих основные требования к описаниям подобного рода при некотором разнообразии схем и подходов¹. Есть и реальные результаты проделанной работы². Данные описания и рекомендации имеют своей целью выявление и изучение рукописного наследия в нашей стране через создание каталогов разного типа. Камеральная археография рассматривает книгу как некоторую данность, в ее внешнем выражении и внутреннем содержании текста. При этом составители методических рекомендаций понимали, что сведения о разных типах богослужебных книг, о рукописных сборниках переменного и постоянного состава, о датировке по филиграммам, об особенностях переплета и другие помогут участникам археографических экспедиций, т.е. косвенно будут способствовать развитию и полевой археографии.

Тем не менее источниковедческая проблема описания кириллической книги по-прежнему остается актуальной. Это связано с тем, что в последнее время стали разрабатываться и создаваться компьютерные описания рукописей³. Сегодня усилия специалистов в области компьютерной археографии направлены на анализ общих, инвариантных атрибутов источника и на создание единой схемы описания, которая должна быть емкой, т.е. содержать основополагающую информацию, рассчитанную на широкий круг специалистов, и в то же время оперативной.

В настоящее время можно говорить об определенных результатах в компьютерной камеральной археографии восточнославянской кириллической книги.

¹ См., например: Инструкция по составлению описания рукописей XI–XIV вв. для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР / Сост. Л.П. Жуковская, Н.Б. Шеламанова. М., 1971; Инструкция по описанию рукописных книг / Сост. А.А. Амосов // Сб. инструкций ОГРБ БАН СССР. Л., 1989; *Лихачев Д.С.* Задачи составления методик описания славяно-русских рукописей // АЕ за 1972 год. М., 1973; Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1 (ротапр.); Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. I, II (ротапр.); Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1990. Вып. 3, ч. I, II (ротапр.); Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюз. конф. в Ленинграде. Л., 1981; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI–XIII вв. М., 1984; Описание рукописных книг: Метод. указания / Сост. С.А. Галишев, И.Л. Шашков. Свердловск, 1989; и др.

² См. ряд описаний конкретных собраний, например: Музейное собрание рукописей ГБЛ: Описание. М., 1961; Музейное собрание: Описание. М., 1997. Т. 2. № 3006, 4500; *Тихомиров М.Н.* Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968; Описания рукописей собрания Черткова (ГИМ). Новосибирск, 1986; Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Вологда, 1982. Ч. I. [Вып. 1]; Рукописные книги [районных и народных музеев]. Вологда, 1987. Вып. 2: Рукописные книги XIV–XVIII вв. Вологодского областного музея; и др.

³ Инструкция СИБАЛ по составлению описания рукописей. София, 1983; Инструкция по составлению описания рукописи / Пер. Л.И. Киселевой. Париж, 1977; *Geurts A.J., Grujns A., Krieken Van, Veder W.R.* Codicography and Computer // Полата књигописна. Nijmegen, 1987. № 17/18.

В данных разработках усилия исследователей направлены на создание унифицированных методик, что позволит в дальнейшем свободно обмениваться информацией, сосредоточенной в разных хранилищах мира⁴. Проблеме унификации способов описания единиц хранения для создания единого банка данных рукописных материалов было посвящено специальное рабочее заседание, проведенное в 1993 г. Государственной архивной службой России, Министерством культуры Российской Федерации и Археографической комиссией РАН. Признавая важность и необходимость подобной работы исследователи приходят к пониманию того, что письменный источник как явление духовной и материальной культуры народа – одна из наиболее информативно емких базовых систем, на которой строятся разные гуманитарные исследования: исторические, литературоведческие, искусствоведческие и др. Формальные описания не удовлетворяют, так как коммуникативные отношения между источником и адресатом информации могут и должны быть развиты “до совершенно невероятной глубины и отличаться неуправляемым, с точки зрения кодиколога, разнообразием, что отражает разнообразие окружающей среды, с которой взаимодействует личность как создателя книги, так и ее исследователя”⁵.

Так возникает идея описания иного рода – специальных и универсальных описаний, в зависимости от того, каким специалистам оно адресовано, какие методы и способы используются при описании книги. Сегодня кириллическая книга, рукописная и старопечатная, предстает как синтетический источник, в котором в свернутом виде содержится многомерная, многоуровневая информация о времени создания кодекса, об исторической эпохе написания текста, об истории бытования в последующее время и, таким образом, об активном воздействии на слушателей и читателей, на социальные и духовные процессы, происходящие в обществе и человеке⁶. Книга содержит информацию не только текстовую, но и графическую и всевозможные изображения. Это требует создания своеобразных альбомов иллюстраций к описанию рукописей, в которых будут представлены образцы почерков разных скрипториев, разные типы украшений, заставок, инициалов и миниатюр⁷. Так возникает стремление к созданию описаний, подчеркивающих уникальность каждой рукописной книги и изучение ее с культурологических позиций.

Для создания концепции археографического атласа представляет интерес история развития проблемы описания кириллической книги.

К концу 70-х годов сложилось понимание предмета полевой археографии как “поиска и изучения документальных памятников в среде их бытования”⁸. Еще раньше, определяя задачи археографического изучения Сибири, Н.Н. Покровский и Е.И. Дергачева-Скоп подчеркивали, что “старообрядческие районы представляют интерес для историков древней литературы, письменности и кни-

⁴ Этим вопросам были посвящены международные конференции и семинары. См.: Компьютерная обработка на средневековни славянски ръкописи: Докл. Първа межд. конф. София, 1995; Международный семинар по проблемам компьютерного описания рукописных и старопечатных книг. Будапешт, 1997.

⁵ Дубровина Л.А. Кодикография – Археография – Кодикология (взаимосвязи и разграничения) // Дубровина Л.А., Гальченко О.М. Кодикография української та східнослов'янської рукописної книги і кодикологічна модель структури формалізованого опису рукопису. Київ, 1992. С. 80.

⁶ См. об этом: Альшиц Д.Н. Что считать рукописной книгой? (Из опыта описания древнерусских рукописей) // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Л., 1979. С. 89–90.

⁷ См. об этом: Белоконь Е.А. Традиция описания рукописных книг и создание CD-ROMов // Мир старообрядчества. М., 1998. Вып. 4. Живые традиции: Результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. С. 83.

⁸ Шмидт С.О. Закон СССР “Об охране и использовании памятников истории и культуры” и задачи археографии источниковедения // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных и исторических дисциплин и их преподавания в вузах: Тез. докл. М., 1979. Вып. 1. С. 158.

гопечатания не столько как резервуар, хранящий значительное количество старинных русских книг, но и как среда, где до сих пор сохранились остатки некоторых традиций древнерусской книжности”⁹.

Так впервые была обозначена проблема изучения среды бытования древней книги, потому что именно в этой среде продолжали сохраняться живые традиции чтения и понимания произведений древнерусской словесности. Кроме того, и сейчас создаются старообрядческие тексты, но в той же традиции христианской книжности. В другой статье эти же авторы настаивают “на многоплановом обследовании районов старообрядческих поселений”¹⁰, поскольку уже первые археографические экспедиции в Сибири установили “факт значительных миграций старообрядческого населения в начале XX века и позднее из традиционных центров сибирского раскола в новые, наиболее отдаленные горные и таежные уголки Сибири”¹¹. Сибирские археографы подчеркивали, что необходимо в полевых дневниках фиксировать, когда появилось в данной местности старообрядческое поселение, откуда пришли переселенцы, в частности когда и откуда пришла семья, хранящая редкие книги. Археографические экспедиции также ставили задачу не только выявления и приобретения древних книг, но и сбора информации о традиции переписки книг, о специфике круга чтения, об особенностях распространения древней книжности в обследуемом районе.

Д.И. Тверская в итоговой статье о развитии полевой археографии писала: “Можно считать доказанным, что коллекция рукописей и старопечатных книг, собранная среди населения определенного района, сама по себе является ценным историческим источником для изучения народной идеологии, культуры, быта. Именно рукописные и печатные книги в совокупности своей позволяют судить о литературных вкусах, круге чтения, характере книг, бытовавших в том или ином районе, местных рукописных и литературных традициях, судьбах крестьянских библиотек, передаваемых из поколения в поколение”¹². Осмысливая проблемы и особенности работы археографических экспедиций, И.В. Поздеева подчеркнула, что кириллическая книжность сохранялась прежде всего в старообрядчестве, потому что именно здесь существовала и существует древняя культурно-психологическая среда особого отношения к книге и особая функция книги как фундамента, определяющего жизнь христианской культуры и средневековой Руси. Поэтому совершенно справедливо выдвигаемое ею требование – “максимально полно и точно выявить и зафиксировать все историко-культурные, социальные, психологические аспекты бытования книжности в данном районе”, при этом основной задачей является “установление и изучение связей книжности и среды”¹³.

Поняв важность территориального определения среды, исследователи стали писать об археографических картах и атласах. Та же И.В. Поздеева, подробно описывая процесс подготовки и организации самих экспедиционных работ, большое внимание уделяла составлению сначала предварительной археографической карты, затем (после сплошной разведки) карты современного состояния изучаемого в археографическом плане региона. На них выделялись районы раз-

⁹ Дергачева-Скоп Е.И., Покровский Н.Н. Задачи археографического изучения Сибири // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 173.

¹⁰ Алексеев В.Н., Дергачева-Скоп Е.И., Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. Об археографических экспедициях Сибирского отделения АН СССР за 1965–1968 годы. М., 1970. С. 266.

¹¹ Там же. С. 263.

¹² Тверская Д.И. О некоторых итогах развития полевой археографии на территории СССР в послевоенный период // ИСССР. 1976. № 1. С. 119.

¹³ Поздеева И.В. Задачи и особенности работы экспедиций, собирающих памятники кириллической книжности // АЕ за 1997 год. М., 1978. С. 58.

ных категорий по уровню и объему сохранности книжной традиции, ее древности, а также по уровню сохранности историко-культурной среды, соответствующей данной книжной традиции¹⁴.

Об археографическом атласе Сибири писал В.Н. Алексеев, отмечая, что он должен способствовать планированию археографического поиска и “активного способа комплектования фонда рукописей и старопечатных книг”¹⁵. Таким образом, составление археографического атласа изначально связывалось с формированием территориальных книжных собраний. Другими словами, идея составления карт и атласов давно существует в полевой археографии.

Рекомендациями новосибирских и московских археографов руководствовались томские археографы, когда в 1985 г. начинали свои исследования на территории Томской области, опираясь на предшествующий опыт работы в этих местах экспедиций Сибирского отделения АН СССР. Поскольку она осуществлялась с “живой книжной традицией”, с самого начала мы стремились не столько к получению книг, сколько к обнаружению и фиксации максимального количества находок. Затем, не обрывая естественной связи книги с ее историко-культурной средой, пытались изучать памятник в его реальном функционировании. Также собирались данные о состоянии старообрядческих согласий, об их связях, об истории семей и системе авторитетов.

Уровень сохранности и особенности бытования книги в том или ином археографически ценном районе фиксировались с помощью современных технических средств. Книга оказывалась погруженной в широкий культурный контекст. Записывали и образцы говоров, и примеры литургического чтения, и этнографические особенности старообрядческой культуры и, самое главное, пытались заснять самих старообрядцев как носителей и хранителей особой книжной культуры в православном ее варианте. В результате работы археографических экспедиций томских исследователей в Отделе редких книг Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРК НБ ТГУ) сложился комплекс разных источников: территориальные книжные коллекции, полевые дневники, картотеки, письма, фотографии, аудио- и видеокассеты. Они хранятся как единое целое и могут при соответствующей технологической обработке дать принципиально новое знание о старообрядческой книге, ее значимости в духовной жизни русского человека. Кроме того, в Государственной публичной научно-технической библиотеке (ГПНТБ) Новосибирска хранятся материалы по старообрядчеству Томской области, собранные в археографических экспедициях 60–70-х годов XX в. Сибирским отделением Археографической комиссии РАН. Это рукописные и старопечатные книги XV–XX вв. (Томское собрание), описания, фотоматериалы, полевые дневники и т.д.

Территория Томской области уникальна в плане наличия археографического материала. До сих пор здесь есть многие (а в недалеком прошлом были почти все) известные старообрядческие согласия и толки. Сегодняшний уровень изученности старообрядческого населения Томской области позволяет говорить о предположительной локализации тех или иных согласий, о наличии собраний книг, о составе этих общинных библиотек. Большая сложность и объемы накопленного материала затрудняют процесс его научной обработки и доступность исследователям-аналитикам и ученым-практикам, популяризаторам науки, не

¹⁴ См. об этом: *Кобяк Н.А., Леренман М.М., Поздеева И.В., Смилянская Е.Б.* Задачи и результаты ком-плексных археографических экспедиций Московского университета, 1966–1980 // Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций МГУ, 1966–1980). М., 1982. С. 11–28.

¹⁵ *Алексеев В.Н.* Археографические экспедиции Сибирского отделения АН СССР и формирование книжных собраний Государственной публичной научной библиотеки СО АН СССР // Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. М., 1982. Ч. II: Памятники старинной письменности. С. 33.

говоря уже о массовом читателе, вообще оторванном от духовного богатства, сохраняемого и развиваемого из поколения в поколение старообрядцами.

Давно и широко используется в гуманитарных науках картографический метод. Достаточно назвать археологические карты, которые стали научно-справочным изданием о памятниках археологии России и позволили создать необходимую источниковедческую базу и для охраны археологических памятников, и для более глубокого их изучения¹⁶. Определенный интерес имеют и лингвистические и диалектологические атласы, в которых представлены диалектологические особенности одного или нескольких соседних языков и их распространение по определенной территории. Знакомство с методологией разработки принципов создания диалектологических атласов показало важность характеристики картографируемого факта. Любое диалектологическое отличие должно пониматься как звено в языковой системе, а “конкретный диалектный факт – как линии пересечения ряда разнокачественных, общих, частных диалектных явлений”¹⁷. Более подробную информацию о принципах картографирования можно найти в статье Н.Л. Сухачева “Лингвистический атлас и карты”¹⁸. Автор статьи подчеркивает, что основой диалектологического атласа должна быть программа, моделирующая известные диалектные особенности. Интересные размышления о лингвистических картах и атласах можно найти в главе “Лингвистическая география” в книге Й. Йордана “Романское языкознание”. Исследователь подчеркивает, что лингвистическая карта является настоящей сводкой языковых фактов определенной области¹⁹. При этом он обращает внимание на то, что нанесенные на карту те или иные языковые факты дают не просто знание о положении в исследуемом явлении, но и возможность прийти к новым, “совершенно неожиданным выводам”. Отсюда ясно, что прежде всего необходимо представить старообрядческую книгу в русле христианской культурной традиции, выделить в книге значимый факт, который должен быть картографирован, дать ему иерархически и структурно обусловленную характеристику в соответствии с местом, занимаемым им в системе кириллической книжности и в книжной традиции данного района.

В качестве примера подобной работы, проделанной историками языка, можно назвать Полесский этнолингвистический сборник (М., 1983), где были сформулированы главные принципы этнолингвистического атласа, опубликованы программа-опросник и подборка полевых материалов из разных областей Полесья. Предварительные материалы и исследования, а также пробные карты к атласу изданы в двух специальных полесских выпусках серии “Славянский и балканский фольклор” (М., 1986, 1994).

Для того чтобы представить модель атласа, следует посмотреть, как ранее структурировался археографический материал в уже существующей научной традиции. Обратимся к отчетам об археографических экспедициях. Так, с 30-х годов XX в. В.И. Малышев публиковал в ТОДРЛ материалы об увиденных и приобретенных книгах. Публикации были разной степени полноты, но они всегда фиксировали привязку книги к определенному месту бытования²⁰. Уже в этой, одной из первых, публикаций В.И. Малышев дал образец того, как пред-

¹⁶ Например, серия публикаций Института археологии РАН: Археологическая карта России. Ивановская область. М., 1994; Археологическая карта Томской области / Сост. Л.А. Чиндрина, Я.А. Яковлев, Ю.И. Ожередов. Томск, 1990–1993. Т. 1, 2; и др.

¹⁷ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 51.

¹⁸ См.: Сухачев Н.Л. Лингвистический атлас и карты // Проблемы картографирования в языкознании и картографии. Л., 1974. С. 33–43.

¹⁹ Йордан Й. Романское языкознание. М., 1971. С. 219.

²⁰ Например, в IV томе ТОДРЛ В.И. Малышев опубликовал сведения о собраниях книг в некоторых городах северных областей. См.: Малышев В.И. Сведения о собраниях рукописей и старопечатных книг в некоторых городах северных областей // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. IV. С. 247–253.

ставлять археографический экспедиционный материал. Он ставил задачу ознакомиться со всеми собраниями рукописных и старопечатных книг, которые имелись в городах и селах, вошедших в экспедиционный маршрут. Так впервые была сформулирована идея сплошной археографической разведки. Знакомясь на местах с рукописными собраниями, археограф-исследователь отмечал все произошедшие с течением времени изменения. Он писал: “Викторов, описывая собрание Холмогорского собора, видел в нем 11 рукописей, теперь только в одном областном архиве насчитывается около 30”²¹.

В другом отчете В.И. Малышев приводит данные для будущих археографических экспедиций на русский Север, выделяя особо частные собрания старообрядцев Усть-Цильмы. Он пишет, что ему удалось увидеть около 220 рукописей XVII–XVIII вв., и называет имена владельцев, движение рукописных собраний в целом и отдельных книг в частности, т.е. отмечает, когда и кому были переданы те или иные книги, указывает наиболее интересные в литературном и историческом плане рукописи²². Таким образом, анализ опубликованных отчетов (а они есть практически в каждом томе ТОДРЛ) показывает, что должно быть обязательно отмечено при характеристике книжного собрания или книжной культуры определенного района.

Другое авторитетное издание, в котором печатались и печатаются отчеты об археографических экспедициях, – “Археографический ежегодник”. Уже в первом выпуске (за 1957 год) появился отчет И.М. Кудрявцева, Б.А. Шлитхера и Я.Н. Шапова об археографических поездках²³. Далее в каждом выпуске печатались разные статьи, так или иначе представляющие данные о поступивших или уже имеющихся в государственных хранилищах рукописных и старопечатных книгах²⁴.

Своеобразный прообраз модели археографического атласа, на наш взгляд, – принципы описания материала, представленные в статье В.И. Малышева о пижемской рукописной старине, фактически являющейся подробным отчетом об археографической экспедиции 1955 г. в район р. Пижмы, притока Печоры. Автор статьи подчеркивает, что участники экспедиции побывали “во всех пижемских селениях”, за исключением двух небольших деревушек, где, по мнению местных жителей, книг не водилось. Так в статье сразу обозначается географический район обследования, названы все села, приводится ряд исторических фактов (несколько автографов Аввакума было куплено здесь в 1912 г., а в 1934 г. в с. Бедовое еще были пергаменные книги). Самое удивительное в данном отчете – это наглядное описание посещаемых мест: “Влево от реки Печоры тонкой извилистой лентой течет между красивыми и богатыми растительностью берегами речка Пижма...”²⁵.

Малышев рассказывает историю Великопоженского скита, бывшего на месте д. Скитской, и переходит к представлению хранителей пижемской рукопис-

²¹ Там же. С. 247.

²² См. об этом: *Малышев В.И.* Отчет о командировке в село Усть-Цильму Коми АССР // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. VII. С. 469–480.

²³ *Кудрявцев И.М., Шлитхер Б.А., Шапов Я.Н.* Археографические поездки Отдела рукописей ГБЛ в 1953–1956 гг. // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 265–301.

²⁴ См., например: *Малышев В.И.* Рукописные книги Сыктывкарского республиканского музея Коми ССР / АЕ за 1962 год. М., 1963; *Костина Р.В., Павлов-Сильванский В.Б.* Рукописи и старопечатные книги, приобретенные экспедицией Археографической комиссии в Бурятской АССР в 1962 г. // АЕ за 1963 год. М., 1964; *Рогов А.И., Покровский Н.Н.* Собрание рукописей академика М.Н. Тихомирова, переданное СО АН СССР (Новосибирск) // АЕ за 1965 год. М., 1966; *Бубнов Н.Ю., Мартынов И.Ф.* К истории библиотеки Белокриницкой старообрядческой митрополии (по итогам археографических экспедиций Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР, 1971–1972) // АЕ за 1972 год. М., 1974; и др.

²⁵ *Малышев В.И.* Пижемская рукописная старина (отчет о командировке 1955 г.) // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. XII. С. 463.

ной старины. Вот как он описывает Сидора Ниловича Антонова по прозвищу Сидор-Наставник: “Это кряжистый старик лет семидесяти с широкой бородой и серыми подвижными и пронзительными глазами”. Еще пример: “Афанасия Осиповича Осташева я застал за работой в глубине своего огорода. В мягких оленьих туфлях на босу ногу, в синей длинной рубашке, подпоясанный темным пояском, он с рубанком в руке мастерил оконные рамы... раньше он был одним из авторитетных наставников, слыл большим начетчиком”²⁶. Эти описания выглядят как характеристика фотографии. В конце статьи Малышев сообщает о находках и рассказывает о приобретенных книгах.

Исходя из этих экспедиционных отчетов, уже можно выделить некоторые структурные элементы будущей информационной модели компьютерного археографического атласа: название населенных пунктов, описание местности, где живут старообрядцы, история появления села, характеристика состава населения по вероисповеданию, наличие книг, их описание, портретная галерея владельцев книг, миграция книг от одного владельца к другому, круг чтения того или иного старообрядческого согласия и т.д.

Для того чтобы даже в самом общем виде представить уровни и слои информации, имеющиеся в древней книге, необходимо прежде всего уяснить само понятие православной книги и ее роль в древнерусской и старообрядческой культуре, которая во многом сохраняла и развивала особенности средневекового русского сознания. Книга в христианской традиции выступает как “духовный окормитель”, поэтому и для старообрядцев она “является в разных ипостасях: она очи духовные, разумное видение, податель добродетели, улада знания, кормчий в путешествии по морю житейскому и пр.”²⁷.

Из анализа современной ситуации в археографии возникла идея создания компьютерного археографического атласа. Такой атлас должен представлять книгу в естественной среде обитания, закономерно соединяющей достижения полевой и камеральной археографии. В качестве одной из таких методик предлагается создание компьютерного археографического атласа определенной территории. Создание археографического атласа Томской области в электронном виде с динамичными многослойными базами данных различного содержания и формы представления информации – фактологическая, полнотекстовая и мультимедиа – станет определенным вкладом в изучение такого сложного феномена национальной культуры, как старообрядчество.

На первом этапе создания компьютерного археографического атласа Томской области предполагается использовать геоинформационные системы (ГИС), разрабатываемые в России с середины 80-х годов нашего столетия²⁸. Это в основном работы Вычислительного центра, географического факультета МГУ и Института географии РАН. При создании археографического атласа Томского региона могут быть использованы базы картографических данных Института географии СО РАН, охватывающие всю Западно-Сибирскую равнину, и результаты работы НИИ прикладной геодезии и картографии (Новосибирск) по созданию крупномасштабных карт, планов и цифровых моделей местности. Картографические источники отличаются большим разнообразием: кроме общегеографических и топографических карт, насчитываются десятки и даже сотни типов различных тематических карт. С точки зрения создания археографического атласа наиболее интересными являются общегеографические карты различного

²⁶ Там же. С. 471.

²⁷ Держачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Книжная культура старообрядцев и их четья литература (к проблеме типологии чтения) // Археология книжных памятников. Новосибирск, 1996. С. 27.

²⁸ Подробнее об этом см.: Кошкарев А.В., Тикунов В.С. Геоинформатика. М., 1993; Берлянт А.М. Неоинформационное картографирование // Картография и геоинформатика: Итоги науки и техники. Сер. Картография. М., 1991. Т. 14. С. 80–117; Он же. Картографический метод исследования. М., 1987; и др.

масштаба: ландшафтные, геоботанические, зоогеографические, карты народонаселения, социально-экономические, исторические и др. Использование электронных карт различного назначения в качестве основы археографического атласа образует многослойность и многоплановость информации при решении вопросов поселения старообрядцев в тех или иных местах, миграции хранителей археографических ценностей и соответственно самих книг и рукописей. Конечно, чтобы такие карты стали источником и инструментом приобретения новых знаний, нужно выполнить предварительную работу по приведению всех имеющихся в распоряжении исследователей сведений в единообразную, систематизированную взаимосогласованную форму, ввести их в компьютер.

Особенностью компьютерного археографического атласа должно стать обилие текстового материала описательного характера, что также потребует предварительной работы по его формализации (например, описание мест расселения и миграции старообрядцев, владельцев книг и рукописей, самих письменных памятников, сделанных на основе полевых дневников, содержащих материалы о жизни кириллической книги в ее естественной среде). Так возникает необходимость создания и использования полнотекстовых информационных систем. Поскольку современные технические средства позволяют вводить в компьютер фото-, видео- и аудиоматериал, то закономерно использование мультимедиа. ГИС по своей сути являются открытыми системами. Это значит, что, начиная с самой картографической основы, информационные системы на базе ГИС могут непрерывно расширяться и углубляться, не утрачивая при этом своих внутренних взаимосвязей. То же самое можно сказать о формировании новых баз данных и об углублении и расширении уже сформированных баз различных слоев. Таковы предварительные размышления об информационном и программном обеспечении создания компьютерного археографического атласа Томской области. Отвечая на вопрос, что же станет главным предметом внимания в археографическом атласе, отметим: во главу угла должна быть поставлена книга в среде бытования.

Создание археографического атласа Томской области позволит работать принципиально по-другому с накопленными материалами и определит дальнейшие направления археографических исследований. Современные технические средства получения информации позволяют проводить исследования, не вырываая научный материал из естественной среды его бытования.

Отсюда следует, что древняя, рукописная и старопечатная книга вообще и старообрядческая книга в частности должны быть изучены культурологически, поскольку являются не только свидетельством материальной культуры определенного периода жизни общества, но и проявлением духовной культуры, ее вечных ценностей и высших смыслов. В настоящее время при описании рукописных и старопечатных книг мы, по существу, фиксируем только внешнюю сторону явления, книга предстает лишь как материальный носитель культуры. Мы определяем формат, размер в сантиметрах, время создания по филиграням, тип почерка, состав, украшения и переплет. Внешний вид книги в целом и его детали имеют существенное значение для создания определенного настроения к восприятию содержания текста, особенно для человека, воспитанного в христианской книжной культуре и приступающего к чтению как к исполнению особого ритуала. И если раньше в процессе компьютерного описания кириллических книг исследователи стремились передать эти внешние признаки максимально формализованно, то теперь с помощью современной техники можно поставить вопрос об уникальности каждой древней книги. Посредством компьютера можно зримо представить себе ту или иную книгу, еще "живущую" в своей естественной среде, а не лежащую на полке в государственном хранилище. Увидев книгу воочию, увидев, как написан текст на листе, как украшен текст, какова ширина строки, каков размер полей, прочитав текст в оригинале, услышав, как читается и вос-

принимается тот или иной текст, как истолковывается, можно понять практическое назначение книги в процессе духовно-нравственного образования и воспитания человека в русле христианской культуры.

Необходимо сразу отметить, что применение современной техники не может быть механическим процессом, оно предполагает, что кинокамера, видеокамера, фотоаппарат и диктофон находятся в руках подготовленного человека, который знает и понимает эту культуру, в противном случае возможны неправильные акценты и искажения смыслов. Это особенно важно, потому что в книжном репертуаре Древней Руси, и у старообрядцев также, преобладали духовные сочинения прежде всего служебного типа. Понимание этой литературы требует определенных знаний. Кроме того, нужно иметь в виду, что чтение этой литературы представляло собой “соборный акт”, в комментариях текста, его толковании состояла особая роль наставничества.

Общественно и культурно значимая функция книги состояла в ее духовном воздействии на человека. Книга хранила вечные ценности, человек, читающий и воспринимающий текст, должен был усвоить его душепитательную силу и свое поведение строить в соответствии с определенными нравственными ориентирами и моральными запретами. Процесс взаимодействия человека и “душеполезной” христианской книги довольно сложный, но главное, что старообрядец как истинный христианин всегда стремится к идеальному единству с книгой. В связи с этим большое значение приобретает и подробная информация о писцах, читателях и владельцах рукописей, ибо, согласно воззрениям древних, их душевная сила и энергия уже вошли в духовное пространство книги и незримо воздействуют на следующие поколения читателей. Не случайно и мы сегодня с таким волнением берем в руки старую книгу, в ней сохраняется память о духовной жизни многих людей, читавших и сохранявших ее. Ясно, что компьютер никогда не заменит книгу, он лишь отчасти может представить нам “живую” книгу, может подготовить современного человека к подлинному восприятию древней книги, к душеполезному прочтению и “живому” общению с ней.

М.И. Смирнов

КОМПЬЮТЕРНАЯ ОБРАБОТКА ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ, РЕЗУЛЬТАТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Наше время характеризуется проникновением компьютерных технологий в различные сферы человеческой деятельности. Не обошли они и область генеалогии. Многочисленные исследователи в разных странах используют в своей практике разнообразные компьютерные программы, позволяющие автоматически накапливать и обрабатывать информацию о представителях отдельных фамилий. В ряде стран создаются национальные, территориальные, сословные компьютерные банки данных, включающие в себя массивы родословных многих семей. Использование широкого спектра компьютерных программ и баз данных привело к появлению международных стандартов представления генеалогической информации. В результате пользователи получили возможность применять современные средства межкомпьютерной связи в сети INTERNET для обмена накопленной генеалогической информацией, не покидая своих рабочих мест.

В России в настоящее время автором статьи и его коллегами – программистами и специалистами по автоматизированной обработке информации – создана уникальная компьютерная система “Русская генеалогия”¹.

Не имеющая аналогов в мире, эта система объединяет в единый комплекс колоссальный по объему материал – родословные российских фамилий с X по XX в. Уже сегодня в ее банк данных введены сведения более чем о 300 тыс. человек. В рамках единого информационного пространства объединены не только родословные и биографические данные и портреты представителей многочисленных семей, но и информация о событиях, в которых они принимали непосредственное участие и которые оставили след в отечественной истории и культуре. При этом пользователю системы предоставляется возможность быстро получить биографическую и иконографическую информацию об интересующей его личности; автоматически составить родословную любой персоны, включая фамильное дерево, деревья предков и потомков; установить родственные связи между представителями разных фамилий; сравнить при необходимости версии, приводящиеся в разных источниках; получить список лиц, удовлетворяющих заданной комбинации признаков (дата, событие, титул, награда, должность и т.п.).

В настоящее время в базу данных компьютерной системы “Русская генеалогия” введены поколенные росписи из важнейших справочников по отечественной генеалогии, среди которых работы П.В. Долгорукова, В.В. Руммеля и В.В. Голубцова, А.Б. Лобанова-Ростовского, Г.А. Власьева, Г.А. Милорадовича, В.И. Чернопятова, И.Н. Ельчанинова, Н.Н. Кашкина, В.Л. и Б.Л. Модзалевских, Л.М. Савелова, В.С. Арсеньева, А.А. Сиверса, Н.А. Баумгартена, С.Б. Веселовского, Н.Ф. Иконникова, Д.М. Шаховского, Ж. Феррана и многих других исследова-

¹ *Смирнов М.И.* Экспертная система для изучения и исследования происхождения исторических личностей: Междунар. форум информатизации МФИ-92. М., 1992. С. 101–103; *Он же.* Экспертная система “Русская генеалогия” // Историческая генеалогия. 1994. № 3. С. 44–48; *Он же.* Возможности компьютерной обработки генеалогической информации: Опыт разработки и практика использования // Летопись историко-родословного общества. М., 1997. Вып. 4/5. С. 133–139.

дователей. Информационная база постоянно пополняется – ежемесячно в систему вводятся данные о тысячах новых лиц. Начаты работы по компьютерному вводу в систему архивных материалов. Работа с источниками информации проводится в соответствии с рекомендациями экспертного совета, в который вошли ведущие специалисты по истории российских фамилий: академик РАО С.О. Шмидт, профессор Д.М. Шаховской (Франция), кандидаты исторических наук О.В. Рыкова, С.А. Сапожников и С.В. Думин. До настоящего времени в систему вводились в основном представители дворянских фамилий и их потомства. В перспективе – ввод информации по купечеству, представителям других сословий.

Каждая запись в системе имеет ссылку на источник информации. Система автоматического учета приоритетов позволяет устранить противоречия в разных источниках при реализации отдельных запросов к системе. При этом пользователь может по своему усмотрению менять приоритеты или даже исключать из рассмотрения некоторые источники, к которым он, к примеру, испытывает недоверие. Компьютер при реализации запроса по указаниям пользователя автоматически ранжирует источники и удаляет из рассмотрения ненужную или ненадежную информацию.

Важнейшей особенностью системы является то, что все вводимые в базу данных фамильные деревья пересекаются по женским персонам, являющимся дочерьми одних и матерями других фамилий. Это позволяет компьютеру в считанные секунды устанавливать родственные связи между любыми персоналиями системы, используя в том числе женские и смешанные линии. При выполнении подобной работы вручную исследователю пришлось бы затратить не один день, многократно просматривая многочисленные источники, часть из которых не всегда может оказаться под рукой. Создание единого компьютерного банка данных родословных, а также удобных средств общения с компьютером предоставило пользователю мощное, опирающееся на обобщенные достижения многих авторов средство поддержки дальнейших изысканий в области генеалогии и биографии.

Система “Русская генеалогия” значительно расширила стандартные рамки применения компьютеров в области обработки данных по родословным отдельным семьям. При создании этой системы, включающей в себя генеалогическую информацию целого государства на протяжении нескольких столетий, впервые был использован комплексный подход, позволяющий пользователю получать любую интересующую его информацию. Этого удалось добиться с помощью разработанных оригинальных программных средств реализации широкого класса разнообразных запросов к системе. Удобные и простые в использовании сервисные средства, реализованные на основе последних достижений компьютерной техники, дают возможность исследователю привычно отображать и интерпретировать полученную информацию в различных режимах и форматах.

Система реализована на персональном компьютере типа IBM PC в операционной среде WINDOWS и может легко распространяться на портативных современных компьютерах типа NOTEBOOK. Планируется распространение системы, записанной на CD-ROM.

Создание системы потребовало не только высокой квалификации разработчиков, но и значительных материальных затрат, связанных как с организацией работ, созданием специального программного обеспечения быстрого поиска и удобного для пользователя отображения информации, проектированием баз данных, их структурированием и каталогизацией, разработкой специальных программных средств, позволяющих ускорить ввод данных и обеспечить надлежащий контроль ввода, так и с непосредственным компьютерным вводом данных из источников, их переводом при необходимости на русский язык, пересечением

введенных фамильных деревьев по женским персонам. Закрытое акционерное общество “Нафтам-ИНПРО” выделило необходимые средства на создание и развитие системы.

Прошедшие презентации компьютерной системы “Русская генеалогия” вызвали живой интерес специалистов и любителей. Профессионалы-историки и генеалоги, известные ученые в области вычислительной техники, зарубежные специалисты отметили уникальный научный и технический уровень разработки, подчеркнув, что в результате появления системы Россия вышла на ведущие позиции в мире в области компьютерной генеалогии, а у наших соотечественников появился мощный инструмент поддержки изучения своих родословных корней.

Первые результаты практического использования системы “Русская генеалогия” позволяют проиллюстрировать некоторые из ее возможностей.

Возможности системы при отображении информации универсальны. Система позволяет получать текстовую и графическую (гербы, портреты, генеалогические деревья и т.п.) информацию как на экране компьютера, так и на бумаге при распечатке на принтере. При построении генеалогических деревьев пользователь имеет возможность выбрать удобные для себя размер и формат дерева или его любого фрагмента. Информация из разных источников может сравниваться в рамках многооконного режима работы системы. При этом пользователь может с помощью курсора перемещаться по вершинам генеалогических деревьев на экране компьютера, одновременно получая информацию о персоне, соответствующей указанной вершине дерева в справочном “окне” дисплея. Автоматическое построение деревьев предков и потомков для любой персоны сопровождается идентификацией совпадающих персоналий, что предоставляет удобное средство для дальнейшего анализа информации. По своему желанию пользователь может получить для выбранной персоны дерево предков или потомков только по мужской или только по женской линии.

В качестве иллюстрации графических возможностей системы “Русская генеалогия” можно привести фамильное дерево фельдмаршала М.И. Кутузова (более 400 персон), воспроизведенное в буклете-плакате “Род Голициных-Кутузовых” (издание Государственного Исторического музея, 1995 г.).

Система позволяет быстро получать информацию по отдельным персонам, а также идентифицировать тех из них, о которых имеются неполные или отрывочные сведения. Типичным примером информационного поиска может служить следующий запрос к системе: “Определить фамилию княгини Екатерины Николаевны, скончавшейся в 1832 г., о племяннике которой известно, что он князь, обергофмейстер и кавалер ордена св. Александра Невского”. В течение трех минут компьютер, просмотрев в своей “памяти” десятки томов справочной литературы, определил, что речь идет о кн. Е.Н. Меншиковой, урожденной княжне Голицыной (1764–1832), и о сыне ее сестры Варвары Николаевны кн. Сергее Сергеевиче Гагарине (ум. 1852). Эти возможности системы были использованы, в частности, при выполнении по заказу Музея МХАТа работ по идентификации меценатов Московского Художественного театра начала века по сохранившимся в музее их распискам.

Система позволяет получать обобщающую информацию по всем персоналиям, данные о которых введены в базу. Пользователь системы может получить сведения обо всех персонах, объединенных любой комбинацией символов, указывающих место, время, событие, учреждение, должность и т.д. По заказам специалистов Археографической комиссии РАН и Союза краеведов реализованы запросы, позволившие найти представителей дворянства, упоминаемых в связи с г. Пенза, а также связанных с фамилией Кушелевых. Компьютер за полторы минуты построил список лиц (многие десятки позиций), в биографической информации которых присутствуют г. Пенза и соответственно кто-либо из Ку-

шелевых. Запрос к системе с целью получить сведения о лицах, упоминаемых в связи с Пажеским корпусом, позволил получить список более чем из 800 человек.

Уникальная информационная база дает возможность систематизировать аспекты и реальности из разных предметных областей. Вводимая в систему информация структурируется на основе системы каталогов, включающей в себя “Фамилии”, “Имена”, “Источники”, “Родственные отношения”, “Календарь”, “Титулы”, “Должности”, “Ордена” и т.п. Например, каталог “Имена” включает в себя в настоящее время более 3 тыс. различных имен, встречающихся в родословных. Многие из этих каталогов имеют самостоятельное научное и прикладное значение и являются предметом дальнейшего анализа и изучения. Реализован запрос к системе, позволивший получить список всех чинов и должностей, упоминаемых во введенных поколенных росписях. Распечатка списка, содержащего более 8 тыс. различных позиций в алфавитном порядке, на принтере потребовала более 50 погонных метров бумаги (около 200 листов). В настоящее время на базе системы создается семейство каталогов “География”, включающее в себя “Государства”, “Княжества”, “Города”, “Губернии”, “Уезды”, “Поместья”, “Кладбища” и т.п.

Компьютерная система “Русская генеалогия” обеспечивает возможность быстро находить общих предков и потомков для любых двух персон, определять степень их родства, даже если оно очень далекое. Автоматизированный поиск по различным направлениям, включая мужские, женские и смешанные родственные линии, позволяет в считанные секунды определять те из них, которые связывают интересующие нас персоны. Эти возможности иллюстрируются результатами запроса к системе, определившего общих предков Валентины Николаевны Мид (Meade), урожденной княжны Голицыной и кн. Михаила Владимировича Голицына (р. 1926). Вопрос в определении степени родства возник в связи с супружеством их детей – кн. Андрея Михайловича Голицына (р. 1964) и Татьяны Мид. Поиск общих предков был проведен до восьмого поколения и занял две минуты машинного времени. Полученный компьютером список общих предков для М.В. Голицына и В.Н. Мид (Голицыной) приведен в приложении. Список содержит шесть позиций, которые соответствуют шести цепочкам родственных связей. Согласно первым четырем позициям этого списка, Михаил Владимирович является семиюродным племянником Валентины Николаевны. В соответствии с остальными позициями списка они – восьмиюродные брат и сестра. Две из шести полученных компьютером цепочек родственных связей (четвертая и пятая) показаны на рисунке в конце статьи.

Система дает возможность проводить различные статистические исследования. В частности, компьютерная обработка накопленных данных о браках между родственниками позволяет вычислить imprexe – показатель, численно характеризующий закономерности убывания предков как для представителей отдельных семейств, так и интегрально для целых фамилий и сословий. Система предоставляет удобное средство для определения степени родства супругов и ее влияния на их потомство. На основе накопленных данных могут быть проведены статистические исследования влияния возраста родителей на продолжительность жизни потомства. Решение подобных задач может быть предметом отдельных научных исследований, и их результаты будут в дальнейшем, по-видимому, предметом отдельных публикаций по практическому использованию разработанной компьютерной системы в различных областях знаний, в таких, как история, законодательство, статистика, демография, генетика.

В настоящее время в адрес компьютерной системы “Русская генеалогия” из разных мест постоянно поступают разнообразные запросы, обрабатывая которые компьютер находит нужную информацию, подчас восстанавливая казавшиеся навсегда утерянными связи поколений.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список общих предков до восьмого колена князя В.М. Голицына и В.Н. Мид, урожденной княжны Голицыной, и информация о них из разных источников, полученная компьютерной системой “Русская генеалогия”

1 Голицын Иван Алексеевич

Иконников Н.Ф. Дворянство России. 2-е изд. Т.Д. П., 1958. С. 463.

Князь, р. 11.11.1655 + 17.4.1722, стольник...;

Ж. княжна Анастасия, р. 22.10.1655 + 10.5.1729 [...], дочь боярина кн. Петра Ивановича Прозоровского (NdR N 23)...

Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч. 1. С. 286.

Князь, р. 11 ноября 1655 + 7 апр. 1722; жен. на княжне Анастасии Петровне Прозоровской, р. 22 окт. 1665 + 10 мая 1722.

Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч. 1. С. 311.

Князь, супруга его, княгиня Анастасия Петровна, рожденная княжна Прозоровская, была одною из первых в России статс-дам.

Ferrand Jacques. Les familles princieres de l'ancien Empire de Russie. 1980. Vol. 2. С. 1.

р. ... 1658 + ... 1729

Черноятов В.И. Дворянское сословие Тульской губернии. М., 1909. Т. III (XII), Ч. 5. С. 13.

Кн., стольник. Ж. Кн. Прозоровская.

Ельчанинов И.Н. Материалы для генеалогии Ярославского дворянства. Ярославль, 1914. Вып. IV. С. 86.

Р. 11 н-бря 1651 (У Дгр. 1655) + 17 апр. 1722 в монастыше. 1674, ближний человек; 28 окт. 1674, сопровождал Государя в село Преображенское (Разр. III. 1094) 1676, стольник при Царе Федоре Алексеевиче; 1679, воевода в Астрахани? 29 генв. 1684, пожалован в комнатные стольники к Царю Иоанну Алексеевичу. 1698, сержант Семеновск. п.? (Эссен). Ж. дочь кн. Петра Ивановича Прозоровского – Анастасия. Р. 22 окт. 1655 + 10 марта 1729. Статс-дама. 1720, получила от отца в Повельск. ст. Дмитровск. у. село Даниловское – Никольское тож (Холм. Дмитр. дес. 187). Княз. Борисом Иванову Куракиным записана в “Ведении о нужных именах в истории”. “Светлейшая статс-дама”, “Князь Игуменья” (Арх. кн. Кур. I. 100 Изв. I. 114).

Милорадович Г.А. Родословная книга Черниговского дворянства. СПб., 1901. Т. 2, ч. 5. С. 8.

Кн., род. 1651 г. + 1722 г.; жена княжна Анастасия Петровна Прозоровская, род. 1665 г. + 1722 г.

1-а Прозоровская Анастасия Петровна

Материалы для истории рода князей Прозоровских. М., 1899. С. 29.

Род. 22 Октября 1665, умерла 10 Марта 1729. С 12 Апреля 1684 замужем за комнатным стольником князем Иваном Алексеевичем Голицыным (1658–1729). Известная “светлейшая княгиня” или “князь-игуменья” эпохи Петра Великого. Была лицом близким у царице Прасковии Федоровне и к ее дочерям, так же как и к царевнам сестрам Петра. Пользовалась кроме того (до 1718 г.) особым расположением императрицы Екатерины I-й. Будучи в Копенгагене при императрице (летом 1717 г.), княгиня Анастасия Петровна была вызвана в Москву для допроса в деле царевича Алексея Петровича и бывшей царицы Евдокии Федоровны (Лопухиной) (Суздальский и Московский розыски). 18-го Марта 1718 г., за недонесение слов, сказанных ей разстригою Демидом (епископом Досифеем), и за переноску слов из дома Царского Величества у царевне Марии Алексеевне была приговорена к наказанию “батогами”. В 1722 году снова появилась ко двору. Похоронена вместе с мужем своим в Москве в Богоявленском монастыре.

Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч. 1. С. 191.

Княжна, р. 1665 + 10 мая 1722; за князем Иваном Алексеевичем Голицыным, р. 1651 + 1722.

Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч. 1. С. 193.

Княгиня Голицына, одна из первых в России имела звание статс-дамы, и пользовалась особенною благосклонностию, как Императрицы Екатерины I, так и всех Царевен и Великих Княжен Дома Императорскаго.

2 Гагарин Василий Иванович

Л.М. Савелов. Родословные записи. М., 1908. Вып. 2. С. 161.

Князь, владел в 1699 г. населенными имениями.

Чернопятов В.И. Дворянское сословие Тульской губернии. М., 1909. Т. III (XII), ч. 5. С. 11.

Кн., жилец 1697. #) У Долг. показан сыном кн. Ивана Ив. Бороды и внуком Ивана Андреевича номер 73.

Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч. 1. С. 242.

Князь, действ. стат. сов.; жен. на Марии Петровне NN.

Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч. 1. С. 249.

Князь, действ. тайн. сов.; был губернатором в Новгороде.

Ferrand Jacques. Les familles princieres de l'ancien Empire de Russie. P., 1980. Vol. 2. С. 30.

Князь, упоминается с 1692.

3 Хованский Василий Петрович

Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч. 1. С. 284.

Князь, начал службу при Петре Великом во флоте, был при Императрице Елисавете Петровне шталмейстером и президентом обер-магистрата.

Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч. 1. С. 281.

Шталмейстер, р. 22 янв. 1694 + 9 янв. 1746; жен: 1. на NN; 2. на баронессе Екатерине Петровне Шафировой.

4 Трубецкой Никита Юрьевич

Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч. 1. С. 329.

Князь, служил при императрице Анне Иоанновне генерал-поручиком; при императрице Елисавете Петровне действ. тайн. сов. и генерал-прокурором Империи, и из действ. тайн. сов. пожалован в фельдмаршалы.

Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч. 1. С. 322.

Князь, фельдмаршал, ген.-прокурор и Св. Андр. кав., р. 12 мая 1700 + 16 окт. 1768; жен: 1. на графине Анастасии Гавриловне Головкиной + 1735; 2. на Анне Даниловне Херасковой, рожд. княжне Друцкой (от 1-го брака 3 сына; от 2-го брака 4 сына и 3 дочери).

Ferrand Jacques. Les familles princieres de l'ancien Empire de Russie. P., 1979. Vol. 1. С. 148. (1699–1767).

5 Куракин Александр Борисович

Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч. 1. С. 318.

Князь, сын князя Бориса Ивановича от первого брака, находился в царствование Петра II российским посланником в Париже, а при императрице Анне Иоанновне и при Иоанне Антоновиче находился обер-шталмейстером; императрица Елисавета Петровна оставила за ним это звание и сверх того пожаловала его сенатором и конференц-министром.

Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч. 1. С. 316.

Князь, обер-шталмейстер и Св. Андр. кав., р. 2 июля 1697, + 2 окт. 1749; жен. на Александре Ивановне Паниной, р. 3 февр. 1711 + 11 февр. 1786.

Долгорукой Ф. Родословный сборник (с гербами). СПб., 1913. Вып. 1. С. 22.

Князь, обер-шталмейстер, кав. Св. Андрея, сенатор, посланник в Париже, конференц-министр. р. 2 июля 1697 г. + 2 окт. 1749 г. Ж. Александра Ивановна Панина, р. 3 февр. 1711 г. + 11 февр. 1786 г.

Ferrand Jacques. Les familles princieres de l'ancien Empire de Russie. P. 1979. Vol. 1. С. 140.

5-а Панина Александра Ивановна

Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1855. Ч. 2. С. 167.

Р. 1711 + 1786, за обер-шталмейстером князем Александром Борисовичем Куракиным.

6 Голицын Сергей Борисович

Иконников Н.Ф. Дворянство России. 2-е изд. Т.Д. Париж, 1958. С. 471.

Князь, стат. сов.; р. 25.9.1687, + 7.12.1758;

Ж. 1. с 1704 графиня Прасковья, р. 7 окт. 1687, + 10 янв. 1720, дочь боярина Федора Алексеевича Головина (NdR N 88)...

Ж. 2. с 1722 Мария, р. 17 янв. 1698, + 27 дек. 1767, дочь Александра Ивановича Милославского (NdR N 98) и его жены, урожд. Софии Алексеевны Соковниной (NdR N 55).

Ferrand Jacques. Les familles princieres de l'ancien Empire de Russie. P., 1980. Vol. 2. С. 1. р. ... 1687 + ... 1752

Ельчанинов И.Н. Материалы для генеалогии Ярославского дворянства. Ярославль, 1914. Вып. IV. С. 93.

Р. 25 сент. 1688 + 7 дек. 1758. 7 июня 1742, ст. сов. 1710, в Манатыне-Быкове и Коровине ст. Московск. у. село Богородское-Марфино тож, село Фоминское (Оп. Д. I. Оп. п. кн. 1619), в Галицком у. д. Княжино (Ревиз.). Ж. 1. Дочь адмирала графа Федора Алексеевича Головина – Прасковья с 1707 г. Р. 7 окт. 1687 + 10 генв. 1720. 2. Дочь кн. Александра Михайлов. Милославского – Мария с 1722 г. Р. 17 генв. 1696 + 17 дек. 1767.

Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч. 1. С. 287.

Князь, стат. сов.; р. 20 сент. 1688 + 7 дек. 1758; жен. 1. на графине Прасковье Федоровне Головиной, р. 7 окт. 1687 + 10 янв. 1720; 2. на Марии Александровне Милославской, р. 17 янв. 1698 + 31 дек. 1767 (от 1-го брака 3 сыновей 2 дочери; от 2-го брака 4 сына).

6-а Головина Прасковья Федоровна

Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1856. Ч. 3. С. 109.

Графиня, за князем Сергием Борисовичем Голицыным.

Общие предки

С.Н. Кустерев

ДЕЛО АГРАФЕНЫ ВОЛЫНСКОЙ И “ОТВЕТ” МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ ИВАНУ IV

Отчуждение вкладных вотчин монастырями, вероятно, было широко распространено до Стоглавого собора 1551 г. Например, в 1547/48 г. Федор Иванович Сукин дал Троице-Сергиеву монастырю, “что есми купил у игумена... монастырское их село Подчертково в Повелском стану... а дал есми на нем полтораста рублей. А дал то село в дом... князь Давыд Данилович Ярославской Хромой... И мне, Федору, то село... держати за собою до своего живота...”¹. Весьма красноречиво замечание в данной 1547/48 г. Семена Константиновича Заболотского и Федора Григорьевича Адашева по духовной Тимофея Васильевича Бражникова Заболотского на сельцо Головково и деревню Круглое в Повелском стане Троице-Сергиеву монастырю: “А волно им то селцо продати и заложити”².

В обычной практике, вероятно, земли свободно отчуждались духовными корпорациями, если не возникало каких-либо осложнений вследствие противодействия со стороны прошлых владельцев этих земель, давших их монастырям вкладом на помин души. В таком случае следовало обращение к властям, призванным разрешать споры между сторонами. В один из таких споров весной 1549 г. оказался вовлечен Троице-Сергиев монастырь.

14 ноября 1521 г. Василий Иванович Волынский купил у Ивана Ивановича Сукова с Остафьевское в Каневской волости Коломенского уезда, заплатив 200 руб.³ Во вкладной книге монастыря записано: “7049-го году дала вкладу Огрофена Васильевская жена Ивановича Волынского по муже своем Василье и отце ево, и по матери, и по своем отце и матери, и по своих родителей вотчину мужа своего купленную в Коломенском уезде сельцо Остафьевское со всеми угоды, а даная писана в вотчинной книге в Коломне глава 6”⁴. Данная Аграфены Волынской игумену Троице-Сергиева монастыря на с. Астафьево датирована 6 января 1541 г. и в своем тексте содержит оговорку: “А кому будет до тое отчины дело роду нашему ближнему, и они с нее дадут в Сергиев монастырь двете рублей по наших родителей и по нас”⁵.

В дальнейшем вкладная книга продолжает: “И в 50-м году октября в 4 день та вкладная вотчина село Остафьевское продано князю Костянтину Иванову сыну Шкурлятеву, взято 100 рублей, а другое 100 рублей донять”⁶. Вероятно, во вкладной книге ошибка – более поздний документ указывает, что село было продано Ионою Шелепиным⁷, занимавшим пост игумена в 1546–1549 гг.⁸ По-видимому, дата во вкладной книге утратила последнюю цифру, что привело к явному анахронизму. Очевидно, прав С.М. Каштанов, относя приобретение

¹ Шумаков С.А. Обзор Грамот Коллегии экономии. М., 1912. Вып. 3. С. 9. № 34.

² Там же. С. 9–10. № 35.

³ Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975. С. 203. № 199.

⁴ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 88.

⁵ Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край. М., 1978. С. 31. № 20.

⁶ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 88.

⁷ РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ по Коломне № 57/6367). Л. 53.

⁸ Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви. СПб., 1877. С. 139.

К.И. Курлятевым села у монастыря к 1548 – началу 1549 г., по его мнению, времени фавора князя при дворе⁹.

О покупателе, князе Константине Ивановиче Курлятеве, И.И. Смирнов писал, что, являясь боярином, тот, судя по источникам, не был активным политиком¹⁰. Присутствовавший в 1526 г. на свадьбе Василия III¹¹, выступавший в 1527 г. одним из поручников по князе М.Л. Глинском¹², а в 1547 г. душеприказчиком дьяка Елизара Ивановича Циплятева¹³, Курлятев поздней осенью 1549 г. получил звание боярина¹⁴, а 16 июня 1551 г. его брат Дмитрий Иванович дал вкладом по нему в Троице-Сергиев монастырь 50 руб.¹⁵ Сын Константина Курлятева Владимир в 1564 и 1565 гг. был воеводой в Полоцке, а в мае 1565 г. и в 1566 г. – в Брянске. Последний раз он упомянут в разряде 1568 г. Казненный в опричнине ранее 19 июня 1568 г., в родословцах он показан бездетным¹⁶. Более заметной фигурой, по-видимому, был брат Константина Курлятева – Дмитрий Иванович, получивший боярский чин в марте 1549 г. и принадлежавший к сторонникам Алексея Адашева¹⁷. Позднее Иван Грозный писал Андрею Курбскому, что Сильвестр и Алексей Адашев “единомысленника своего, князя Дмитрия Курлятева, к нам в синклит припустили... и тако с тем своим единомысленником нача злый совет утверждати, и ни единыя власти оставиша, идеже своя угодники не поставиша, и тако во всем свое хотение учиниша”¹⁸. К числу угодников, видимо, принадлежал и князь Константин Иванович Курлятев.

С.М. Каштанов обратил внимание на тот факт, что село приобреталось по цене, предусмотренной для родового выкупа, а в этом “можно видеть не только свидетельство устойчивости цены села, не изменившейся с 1521 г., но и признак осуществления права родового выкупа”. В дальнейшем, на основании записи в духовной Григория Ивановича Кольчева Немытого 1569/70 г., исследователем предполагается родство К.И. Курлятева с Кольчевыми и Вольнскими¹⁹. И если двое Кольчевых – Михаил и Гаврила Ивановичи – прямо названы в одном из документов племенниками князя Константина²⁰, то родство его с Вольнскими остается недоказанным. Более того, некоторые обстоятельства позволяют сомневаться в справедливости мнения о сделке К.И. Курлятева с монастырем как факте осуществления права родового выкупа в силу его родства с Вольнскими.

В своей данной Аграфена Вольнская допускает возможность выкупа села кем-то из “ближнего рода”. Это выражение означало, по-видимому, вполне конкретное юридическое понятие. Принадлежность к “ближнему роду” могла повлечь получение существенных льгот при родовом выкупе, например, значительно снижая цену по сравнению с прочими родственниками²¹. Если признать

⁹ Каштанов С.М. Монастырские документы о политической борьбе середины XVI в. // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 36.

¹⁰ Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 192.

¹¹ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1, ч. 2. С. 193.

¹² Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч. 1. С. 428. № 155; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 46.

¹³ РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ по Белоозеру № 93/794).

¹⁴ Зимин А.А. Состав Боярской думы в XV–XVI веках // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 61.

¹⁵ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 113.

¹⁶ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 114, 404; Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 333.

¹⁷ Зимин А.А. Состав Боярской думы в XV–XVI веках. С. 61–62.

¹⁸ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 31.

¹⁹ Каштанов С.М. Указ. соч. С. 36.

²⁰ Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край. С. 108. № 71.

²¹ Кистрев С.Н. Частный случай родового выкупа в середине XVI века // Русский дипломатический. М., 1998. Вып. 3. С. 76–77.

правоту С.М. Каштанова, то необходимо видеть в К.И. Курлятеве достаточно близкого родственника Волыньских.

Однако имеются серьезные основания отрицать подобную вероятность. Сохранилась в двух списках грамота Ивана IV игумену Троице-Сергиева монастыря Серапиону от 7 мая 1549 г., из которой можно представить развитие событий, последовавшее за продажей монастырскими властями Астафьева. Один из списков содержится в составе копийной книги актов Иосифо-Волоколамского монастыря РГАДА (Волок. 519)²². Второй список, приобретший формулярный вид, находится в сборнике РНБ (Погод. 1564)²³. Обращает на себя внимание факт наличия списка полного текста грамоты в рукописи, принадлежавшей постороннему монастырю, при отсутствии его в фонде собрания документов Троицы. Возможно, интерес к документу проистекает из общего интереса последователей Иосифа Волоцкого к вопросу о монастырских вотчинах.

Аграфена Волынская, насколько можно судить по тексту грамоты царя Серапиону, проявила явное недовольство действиями монастырской администрации, переуступившей вотчину князю Константину, которое было бы трудно объяснить, если бы князь действительно принадлежал к близким ее родичам. Более того, в своей челобитной она утверждала, что монахи "то село продали через ее даную грамоту", что позволяет вывести князя Курлятева из круга близких родственников Волынской.

Обращение Волынской к царю повлекло за собой серьезное разбирательство вопроса о возможности отчуждения монастырскими властями вкладной вотчины, причем в ходе его заметным образом были смещены акценты: если Волынская допускала родовой выкуп для ближайших родичей, несмотря на наличие формулы о даче земли монастырю "в наследие вечных благ", то полученный царем ответ митрополита Макария, привлеченного для консультации, ставит формулу во главу угла. Если царский запрос, как можно полагать, в основном был посвящен вопросу о допустимости продажи вотчины постороннему лицу на условиях родового выкупа для близких родственников, то ответ Макария главным образом утверждает невозможность отчуждения имущества, полученного "в наследие вечных благ", вне зависимости от того, имеется ли в виду простая продажа недвижимости или осуществление законного права родового выкупа.

Как следует из изложения ответа митрополита на вопрос царя в грамоте по поводу вотчины Волынской, верховный иерарх для обоснования своего суждения привлекал 12-е и 13-е правила VII Вселенского собора, те же самые, на которые будет позднее содержаться ссылка в 75-й главе Стоглава. В отличие от Соборного уложения, отвечая на вопрос Ивана Васильевича о проблеме с вотчиной, купленной К.И. Курлятевым, митрополит, вероятно, воздержался от ссылки на апокрифическое правило V Вселенского собора "На обидящих божиа церкви", поскольку в данном случае не шло речи о принудительном изъятии недвижимости, чему посвящено это правило²⁴.

Следует заметить, что царь в своем решении целиком следует установкам духовного наставника: он запрещает в дальнейшем любую передачу или продажу в чужие руки монастырской недвижимости, полученной "в наследие вечных благ". В отношении же с. Астафьева предписано даже вернуть его в монастыр-

²² РГАДА. Ф. 1192 (Иосифо-Волоколамский монастырь). Оп. 1. № 519. Л. 195 об. – 196 об. По этому списку текст грамоты публикуется в Приложении.

²³ Каштанов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. 3 // АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 228. № 1–283.

²⁴ Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М., 1986. Вып. I. С. 141. О нем см.: Плугузов А.И. Апокрифическое "Правило святых отец 165 на обидящих божиа церкви" // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: Тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. Москва, 13–18 мая 1990 г. М., 1990. Ч. 2. С. 221–224; Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М., 1992. Вып. V. С. 959–963.

ское владение, выкупив у новых владельцев, что и было исполнено, хотя и не сразу. По неясным причинам игумен Серапион не успел сам провести выкупную сделку. Не исключено, что троицкие власти на каком-то этапе не желали возвращения монастыря бывшей вотчины Волынских.

Помимо подлинной данной грамоты Аграфены Волынской, имеющей запись о возможности родового выкупа села, сохранилась датированная тем же днем, оформленная как докладная и содержащая указание на распоряжение великого князя приложить к ней печать, но не имеющая ни печати, ни рукоприкладств на обороте данная грамота от имени той же вкладчицы, правда уже без упоминания в тексте о родовом выкупе²⁵. С.М. Каштанов не исключает возможности, что эта вторая грамота представляет собой возникший в процессе внутри-монастырской борьбы фальсификат, призванный опорочить имя игумена Ионы Шелепина, будто бы отдавшего вотчину Курлятеву на выкуп, когда таковой вкладчицей не предусматривался²⁶. Исследователь почему-то не учитывает в своих построениях публикуемой нами ниже указной грамоты Ивана IV. Если же принять во внимание ее дату – 7 мая 1549 г. – и тот факт, что в период управления монастырем Серапиона вотчина не была выкуплена у Курлятева, который к тому же не был родственником Волынских, то придется говорить о нежелании игумена выполнять распоряжение царя и готовности пойти на заведомо бессмысленный подлог, поскольку невыполнение царского указа могло повлечь повторное челобитие вкладчицы. Кроме того, в оформленной в виде докладной грамоте после слов “и по всем своем роду, и по себе на поминок” другими чернилами проставлен знак “+”, предполагающий необходимость вставки, хотя самой вставки нет. Возможно допустить, что лицо, проверяющее правильность составления документа, заметив некоторое несоответствие общепринятому формуляру, указало на необходимость исправления. Однако, вместо того чтобы исправить написанный текст, решили составить новый документ. В связи с этим предпочтительнее не отрицаемый, безусловно, С.М. Каштановым взгляд на не заверенную печатью докладную как на черновик или проект документа, зачем-то сохранившийся монастырскими властями.

Поскольку Серапион не спешил с выполнением царского указа о выкупе Астафьева, после перевода его 14 июня 1551 г. в Новгород потребовалось новое обращение к царю, на сей раз уже от имени игумена Артемия, для получения разрешения на выкуп села²⁷. 27 октября 1551 г. данный пристав Никита Семенов сын Царев получил предписание описать Астафьево и передать его троицкому слуге Мите Костину²⁸, а, “наверное, не раньше ноября 1551 г.”²⁹ племянники К.И. Курлятева, Михаил и Гаврила Ивановы, дети Колычевы, к тому времени владевшие селом, дали игумену Артемию отпись в получении денег за выкупленное у них Астафьево³⁰.

Особое внимание митрополит уделил тезису об абсолютной неотчуждаемости вотчин, данных вкладчиками “в наследие вечных благ”, что заставляет вспомнить о приписываемом Макарию целом трактате, посвященном отстаиванию церковного права “мертвой руки” и имеющем собственный заголовок “Ответ Макария, митрополита всея Руси, от божественных правил святых апостол и святых отец семи собор, и поместных, и особь сущих святых отец, и от заповедей святых православных царей, к благочестивому и христоролюбивому и бо-

²⁵ РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ по Коломне № 4/6314).

²⁶ Каштанов С.М. Указ. соч. С. 37.

²⁷ Это вовсе не означает, что Артемий должен был замалчивать существование данной с условием о родовом выкупе и опираться на не содержащий такого проекта докладной, как полагает С.М. Каштанов. См.: Каштанов С.М. Указ. соч. С. 37.

²⁸ РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ по Коломне № 57/6367). Л. 52 об. – 54.

²⁹ Каштанов С.М. Указ. соч. С. 35.

³⁰ Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край. С. 108. № 71.

говенчанному царю великому князю Ивану Васильевичу, всея Руси самодержьцу, о недвижимых вещех, вданных богови в наследие благ вечных³¹. Текст его был составлен Макарием или в его окружении, по мнению А.И. Плигузова, не ранее состоявшейся 16 января 1547 г. коронации Ивана IV, так как последний именуется в тексте царем, или не позднее июля 1551 г., когда была завершена работа над текстом Стоглава, где использовался рассматриваемый памятник³². Анализируемая грамота по поводу обращения Аграфены Волынской к царю дана 7 мая 1549 г., а эта дата делит период, предложенный А.И. Плигузовым для датировки “Ответа” митрополита Макария, на две равные части. Думается, что данное обстоятельство позволяет несколько сузить датировку произведения Макария.

Поскольку грамота царя утверждает, что челобитная А. Волынской вызвала обращение к митрополиту, который дал свой вариант ответа на поставленный вопрос, а в рукописной традиции встречается памятник, имеющий самоназвание “Ответ” митрополита Макария, то можно предположить, что “Ответ” появился или вне какой-либо связи с грамотой по делу Волынской как до, так и после ее посылки игумену Серапиону, или он был непосредственно связан с рассмотрением вопроса о вотчине Волынской.

Первый вариант, при котором “Ответ” составлен ранее 7 мая 1549 г., но вне связи с делом Волынской, не представляется возможным, поскольку в таком случае повторный запрос митрополита о судьбе вотчин, полученных монастырями “в наследие вечных благ”, выглядел бы неуместным. В тексте “Ответа” со ссылкой на соборные определения настоятелям монастырей запрещено отчуждение любого имущества, полученного от вкладчиков с указанным условием³³. Предполагать, что, получив от митрополита ответ в самой общей форме по актуальному для того времени вопросу, царь вновь обратится к нему же с тем же по конкретному поводу, вряд ли правильно. Следовательно, “Ответ” не мог появиться ранее 7 мая 1549 г., если он не был связан с рассмотрением челобития Волынской.

Однако нет достаточных оснований и связывать составление “Ответа” именно с делом о продаже властями Троице-Сергиева монастыря с. Астафьева князю Курлятеву. Если применительно к случаю с вотчиной Волынской можно говорить лишь о допустимости отчуждения земель, данных вкладками в монастыри, то “Ответ” Макария трактует о возможности отчуждения земель, полученных любой церковной организацией, включая митрополию, причем подразумевается, скорее всего, насильственное отчуждение. Это совершенно отчетливо явствует из заключительных строк “Ответа”: “...челом бием, чтобы еси, царь и государь, князь великий Иван Васильевич всея Руси самодръжецъ, по тем божественным правилам у Пречистой Богородици и у великих чудотворцев из дому тех недвижимых вещей, вданных богови в наследие благ вечных, не велел взяти”³⁴. Из этих же строк видно, что основной заботой автора “Ответа” являются владения митрополичьей кафедры, а отнюдь не монастырские земли³⁵. Сказанного, вероятно, достаточно, чтобы признать факт более позднего по сравнению с грамотой Ивана IV появления “Ответа” митрополита Макария.

³¹ Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М., 1988. Вып. IV. С. 723.

³² Плигузов А.И. “Ответ” митрополита Макария царю Ивану IV // Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. Вып. IV. С. 721–722. А.А. Зимин полагал, что “Ответ” написан ранее соборного приговора 15 сентября 1550 г. (Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 75), но не приводит аргументов в пользу этого мнения. О сентябрьском приговоре см.: Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 108.

³³ Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. Вып. IV. С. 741.

³⁴ Там же. С. 743.

³⁵ А.А. Зимин допускал существование особого несохранившегося царского проекта ликвидации митрополичьих земельных владений. См.: Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. С. 75.

Следовательно, создание “Ответа” Макария должно относиться к периоду не ранее 7 мая 1549 г. и не позднее июля 1551 г. Однако этот период может быть еще сокращен.

В соборном приговоре 1 мая 1551 г. читается: “А которые люди наперед се-го и по ся мест вотчины свои в монастыри давали по своих душах и родителей своих по душах в вечной поминок или которые вперед учнут по тому же вотчины давати в вечной же поминок, и тех вотчин у монастырей никому же никак не выкупати”³⁶. Данная статья приговора представляет собой дальнейшее развитие темы допустимости отчуждения полученных духовными корпорациями “в наследие вечных благ” земель. На сей раз запрету подверглось древнее право вотчинников на осуществление родового выкупа. Естественно, подобное ограничение исконных прав на родовой выкуп могло быть узаконено только после запрещения отчуждения земель, полученных “в наследие вечных благ”, в самой общей форме. Тем самым невозможно предполагать, что запрещение любого отчуждения имущества, подаренного “в наследие вечных благ”, могло произойти позднее 11 мая 1551 г. Отсюда дата “Ответа” митрополита Макария приобретает вид: не ранее 7 мая 1549 г. и не позднее первой декады мая 1551 г.

Привлечение актового материала позволяет еще более сузить датировку “Ответа”. На жалованной грамоте дмитровского князя Юрия Ивановича кашинскому Николаевскому Клобукову монастырю от 2 октября 1510 г. имеется подтверждение ее от имени Ивана IV 1551 г., сделанное дьяком Юрием Сидоровым и содержащее условие: “А кому будет на игумена чего искати, и его судит богомолец наш тверской владыка по Соборному уложению...”³⁷ Юрий Сидоров подписывал жалованные грамоты Клобукова монастыря 1 мая 1551 г., как это явствует из подписи на грамоте того же князя от 20 декабря 1510 г.³⁸ Под Соборным уложением, упомянутым дьяком, не приходится понимать что-либо иное, кроме Стоглава, уделившего особое внимание подсудности настоятелей монастырей. В статье 67 специально сказано: “...судити святителем самем, соборне, по священным правилом, коемуждо в своей области архимаритов и игуменов...”³⁹ В случае справедливости такого мнения Стоглав не может быть датирован временем позднее 30 апреля 1551 г. Данное обстоятельство подтверждает гипотезу Д. Стефановича, полагавшего, что редактирование Стоглава было закончено не позднее Пасхи, приходившейся в 1551 г. на 29 марта, когда почти все участники собора разъехались из Москвы⁴⁰. Следовательно, “Ответ” Макария, использованный в нем, относится к еще более раннему периоду.

Возможно, что “Ответ” Макария необходимо датировать временем до начала работы Стоглавого собора. Основание этого можно усматривать в том обстоятельстве, что на соборе совсем не поднимался вопрос о земельных владениях митрополичьей кафедры, и речь шла только о недвижимости монастырей. Глава 75 Стоглава начинается словами: “Да духовным же настоятелем, архимаритом и игуменом и строителем с соборными старцами со всею о Христе братью, коимждо во своей обители известно обыскивати о том, которые боголюбцы давали в монастыри святым церквам свои отчинные села и купли на память своим ду-

³⁶ Законодательные акты Русского государства второй половины XV – первой половины XVII века: Тексты. Л., 1986. С. 32. № 5.

³⁷ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. 3. С. 191. № 176.

³⁸ Там же. С. 192. № 177.

³⁹ Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 2. С. 340. Характеристику изданий Стоглава см.: *Емченко Е.Б.* Издания Стоглава и задачи научной публикации памятника // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 109–118. Постановление Стоглава о подсудности архимандритов и игуменов митрополиту соблюдалось в 50-е годы XVI в. См. об этом: *Кобрин В.Б.* Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.) // ЗОР ГБЛ. М., 1962. Вып. 25. С. 316.

⁴⁰ *Стефанович Д.* О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав. СПб., 1909. С. 95.

шам и по своих родителей в вечной помянок"⁴¹. На Стоглавом соборе, вероятно, не поднимался вопрос о недвижимости митрополичьего дома, насколько можно заключить по отсутствию следов его обсуждения в материалах собора. В таком случае, обращение царя, на которое и был предоставлен "Ответ" митрополита, должно было бы предшествовать началу работы Стоглава, чтобы самодержец мог удостовериться в тщетности попыток обсуждения проблемы земельных владений митрополитов и не касаться ее в своих вопросах к собору. Если это так, то "Ответ" может быть датирован не ранее 7 мая 1549 г. и не позднее начала заседаний Стоглавого собора.

Сложность заключается в том, что исследователям неизвестно время начала работы собора. Л.В. Черепнин считал датой открытия собора указанное в 1-й главе Стоглава 23 февраля 1551 г.⁴² По Д. Стефановичу, в этот день было начато редактирование текста памятника⁴³. Как бы то ни было, начало заседаний Стоглава нельзя относить ко времени позднее 23 февраля 1551 г., т.е. и "Ответ" мог быть составлен не позднее этого же срока. Отсюда время создания "Ответа" митрополита Макария определяется между 7 мая 1549 г. и 23 февраля 1551 г.

Приложение

1549 г. мая 7. – Указная грамота царя Ивана Васильевича
игумену Троице-Сергиева монастыря Серапиону

о выкупе ранее проданного села Астафьева Каневского стана Коломенского уезда

Л. 195 об. От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в нашу богомолью в Троецкой монастырь и святого великого чудотворца богомольцу нашему игумену Серапиону з братьею.

Здесь нам била челом Вознесенскаго дивичя монастыря старица Александра Волынская, а сказывает: Дала к живоначальной Троице и к великому чудотворцу Сергии⁴⁴ к вам в монастырь преже сего вотчину свою село Остафьево по своей душе и по своих родителей в вечной помянок в наследие благ вечных, да и даную де грамоту она вам на то село дала, и прежнее де игумен з братьею то ее село из монастыря продали. И ныне та старица Александра била нам челом, чтоб ей свою отчину, то село Остафьево, у вас себе выкупити, потому что вы то село продали через ее даную грамоту.

Л. 196 И мы о том посылали ко отцу своему Макарию митрополиту всеа Русии, чтоб возря в Правило, // о том селе указ учинил. И митрополит нам сказывал, что божественная правила епископом и игуменом таких сел от церкви божи и из монастыреи, вданных богами в наследие благ вечных, отдати и продати не повелевают. Аще которой епископ или которой игумен таково село отдаст или продаст, таковыи епископ извержется из епископии, а игумен из монастыря изгнан будет, яко зле расточающих, их же не собра, мниси же или мирьстии человеци суще, да отлучатся, аки суще осужени отца и сына и святого духа, да устроени будут, идеже червь не умирает и огонь не угасает, яко гласу господню противится, не творите дому отца моего дому купленого.

И мы по тем священным правилам той старице Александре того села выкупати не велели, брегучи и жалуючи вас, богомольцов своих, чтоб вам под тою правильною тяготою не быти.

Л. 196 об. И как к вам // ся наша грамота придет, и вы б часа того то село Остафьево в монастырь взяли, а деньги бы ему отдали, кому есте то село продали, да и вперед бы есте таких сел, которые даваны в наследие благ вечных из монастыря не отдавали, ни продовали по священным правилам и по сеи нашей царьской грамоте.

Писана на Москве лета 7000 пятьдесят седьмаго месяца мая в 7 день.

РГАДА. Ф. 1192 (Иосифо-Волоколамский монастырь). Оп. 1. № 519. Л. 195 об.–196 об.

⁴¹ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 352.

⁴² Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 79.

⁴³ Стефанович Д. О Стоглаве. С. 88.

⁴⁴ Так в ркп.

И.В. Ружицкая

**М.М. СПЕРАНСКИЙ и М.А. КОРФ
ОБ ОТМЕНЕ ГРАЖДАНСКИХ ЧИНОВ**

Об истории российского законодательства о гражданских чинах сказано немало. Существует обширная литература по этому вопросу. В данной статье рассматриваются взгляды на вопрос о гражданских чинах и чиновпроизводстве той части высшей российской бюрократии, которую условно можно назвать “просвещенной” или “либеральной”. Это были умеренные реформаторы, в мировоззрении которых сочетались преобразовательные тенденции и консервативные элементы, ставшие активными участниками буржуазных преобразований.

Представителем этой группы сановников был и Модест Андреевич Корф – значительная фигура русской государственной и культурной жизни XIX в. М.А. Корф был статс-секретарем (1834), членом Государственного совета (1843), председателем Департамента законов последнего (1864–1871). В 1849–1861 гг. возглавлял императорскую Публичную библиотеку, пережившую при нем расцвет. Корф – автор нескольких монографий по истории XIX в.: “Восшествие на престол императора Николая I-го” (1857), “Жизнь графа Сперанского” (1861), “Брауншвейгское семейство” (опубликована лишь в 1993 г.)¹. Он был человеком прогрессивных взглядов, этому способствовали как его воспитание (он был среди первых выпускников Царскосельского лицея), так и тесное многолетнее общение в первые годы службы с такими выдающимися людьми своего времени, как М.М. Сперанский и Е.Ф. Канкрин.

Как главноуправляющий II отделением (1861–1864), Корф не мог остаться в стороне от процесса подготовки буржуазных преобразований. Он внес свой вклад и в решение крестьянского вопроса. Его действия в процессе подготовки Положения о земских учреждениях в итоге привели к победе либерального направления по вопросам устранения сословного начала при выборах в эти учреждения и расширения их компетенции. Корф был за введение в России нового порядка судоустройства и судопроизводства, выступал в защиту гласности судебного разбирательства, за суд присяжных. В духе либеральной традиции им был составлен отзыв на проект реформы о книгопечатании, в котором он ратовал за независимость цензуры. Корф принял активное участие в работе над уставом университетов. Он был последовательным сторонником принципа открытости высших учебных заведений, исходя при этом из убеждения в необходимости устранения любых корпоративных элементов из всех сфер жизнедеятельности общества.

Предложениям Корфа по реорганизации системы гражданских чинов в России и посвящена данная работа. Его взгляды излагаются на фоне тех изменений, которые претерпевало законодательство о гражданской службе на протяжении трех четвертей XIX в. Нелишним представляется сравнить их с мыслями М.М. Сперанского о чинах, ведь он первым выдвинул идею о необходимости их упразднения. Это тем более правомерно, поскольку Корф был близким к Спе-

¹ О нем см.: Голубева О.Д. М.А. Корф. СПб., 1995; Ружицкая И.В. Барон М.А. Корф – историк: по материалам архива. М., 1996; Она же. М.А. Корф в государственной и культурной жизни России // ОИ. 1998. № 2. С. 49–65.

ранскому человеком и разделял многие убеждения своего старшего друга и учителя².

История “чинов” в России начинается с петровской Табели о рангах, которой устанавливался общий порядок прохождения государственной службы и которая дополнялась и корректировалась законами более позднего времени³. Но к началу XIX в. Табель “изжила себя, превратилась в нечто архаическое”⁴. Поэтому при Александре I велась работа по усовершенствованию законодательства о гражданских чинах и модернизации системы чиновпроизводства. “Первой ласточкой” можно считать закон от 24 января 1803 г., декларирующий, что никто не должен приниматься к должностям, требующим юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище. Таким образом, правительство хотело создать “побуждение и моральную необходимость общего образования”⁵. Однако, как позже справедливо отмечал Корф, “дворянство еще менее других сословий показало стремление способствовать видам правительства”, что он объяснял “тогдашним равнодушием к просвещению и некоторой свойственной нашему характеру беспечностью”. В связи с этим, как писал Корф, потребовалась “мера более принудительная”. Ею и стал указ от 6 августа 1809 г., подготовленный Сперанским⁶: для получения соответствующего чина требовалось пройти всю иерархию службы, чиновнику начиная с VIII класса и старше был необходим университетский диплом или специальный экзамен. Этот указ наряду с другим (от 3 апреля того же года, определявшим, что придворные звания не дают права на чин), имел внутреннюю связь с реформами государственного управления, готовившимися Сперанским. Он указывал, какие необходимы люди для новых правительственных учреждений.

Таким образом, законы от 3 апреля и 6 августа 1809 г. не были такой неожиданностью, какой их зачастую пытались представить некоторые исследователи. Корф отмечал, что отнюдь не указ об “экзамене на чин” стал одной из причин ненависти к Сперанскому высшего общества, а указ от 3 апреля о придворных должностях (хотя здесь Сперанский, как считал Корф, видимо хорошо осведомленный, выступил только как “исполнитель”).

В законах 1809 г. нашло частичное отражение отношение Сперанского к чинам и чиновпроизводству в России. Еще более четкое представление о его позиции по данному вопросу дает записка “Об усовершенствовании общего народного воспитания”, представленная на высочайшее рассмотрение в конце 1808 г. Сперанский рассматривает успехи народного просвещения в неразрывной связи с системой гражданских чинов. С его точки зрения, без коренного преобразования всей системы чиновпроизводства в гражданской службе усилия правительства по распространению просвещения будут тщетны: “В лучшем распорядке гражданских чинов должно искать той моральной необходимости, кою правительство может действовать на успехи воспитания”. По мнению Сперанского, “чины не могут быть признаны установлением для государства ни нужным, ни полезным”. Отме-

² См.: Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. I. С. VIII; Из дневника барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // РС. 1904. № 1. С. 98; № 2. С. 286. В ГАРФ хранятся письма Сперанского Корфу, подтверждающие, что между ними существовали дружеские отношения (Ф. 728. Д. 1415). Подробнее об отношениях Сперанского и Корфа см.: Ружицкая И.В. Процесс формирования личности М.А. Корфа как крупного государственного деятеля и деятеля культуры. М., 1996. Деп. в ИНИОН РАН. Рук. № 51155.

³ Например, законами 1790 и 1799 гг., устанавливавшими производство в чины независимо от должностей.

⁴ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 44.

⁵ Сперанский М.М. Записка “об усовершенствовании народного воспитания”: Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX веках / Сост. С.В. Рождественский // Записки историко-филологического факультета имп. С.-Петербургского университета. СПб., 1910. Ч. ХСVI, вып. 1. С. 374 (Далее: Материалы для истории учебных реформ).

⁶ ГАРФ. Ф. 728. Д. 3209. Л. 5 об.

тив далее, что “в начале своем... чины имели постоянное знаменование – коллежский советник был действительно советник коллегии, но впоследствии... умышленно без меры, отделились от места”, Сперанский раскрывает отрицательные стороны системы чинов: чины, порождая всяческие злоупотребления, “развращают дух народный”, “дают ложную цену местам и достоинствам; смешивают и ставят наравне людей просвещенных с невеждами, наполняют должности чиновниками неспособными и даже из писцов, науками не приуготовленных”.

“Самый корень зла” Сперанский видит в том, что “все успехи гражданской службы измеряются у нас чинами”, которые “одним порядком службы” приводят людей даже “к вышним званиям государственным”. Последнее отрицательно влияет на кадровый состав чиновничества, ухудшает работу аппарата государственного управления, а значит мешает политическому развитию страны: “давая чин, правительство дает... право на место чину сему соответствующее, но к коему чиновник сей никогда не готовился, и, следовательно, готовит себе неспособного исполнителя”. В примечании Сперанский уточняет: “Сие неудобство особливо в высших чинах ощутительно”. Впоследствии Корф высказывает подобную мысль, но лишь в дневнике, так сказать, “для внутреннего пользования”, в официальной же записке он поведет речь только о низшем звене аппарата управления. Это еще раз свидетельствует о политической дальновидности Сперанского, хорошо понимающего, что для задуманных им преобразований потребуются не только грамотные исполнители, но и образованные инициативные люди, способные стать проводниками его идей в жизнь⁷. Он сетует на то, что в России “учение никогда еще не было... поставляемо условием необходимым и обязанностию непременною для вступления в службу и занятие гражданских мест”, как в других странах⁸. Если бы гражданских чинов не было, а места занимались бы по успехам просвещения или, по крайней мере, если бы чины раздаваемы были в точной соразмерности с науками, то каждый по необходимости принужден был бы учиться, чтобы достигнуть или места, или отличий”. Вот она – связь системы гражданских чинов и народного просвещения, прямая и непосредственная, изменение одного имеет следствием изменение другого: “...средство самое коренное к успехам народного образования было бы уничтожение на будущее время всех чинов титулярных или, лучше сказать, обращение их к тому начальному правилу, чтобы чины не что иное были, как означение мест действительно занимаемых”. Однако “ввести предположение сие... ныне без общего плана было бы неудобно”, оно “требует мер предварительных”, которые ограничили бы количество высших чиновников (начиная от статского советника) и оощрили бы просвещение (изменением принципа Табели о рангах: помимо указания заслуг, необходимо было представить сведения об образовании)⁹.

Предложения Сперанского по системе гражданского чиновничества, как и большинство других его идей, остались в основной своей части нереализованными. Однако именно они определили то направление, по которому шла разработка вопроса об отмене чинов вплоть до 1917 г. Тем не менее даже то немногое, что Сперанскому удалось провести в жизнь, постепенно сводилось на нет. Подготовленный им указ от 6 августа 1809 г. на практике игнорировался, и в 1812–1814 гг. специальная комиссия занималась его пересмотром¹⁰. В литерату-

⁷ Недаром в 1826 г. он пригласил на службу во вновь созданное II отделение выпускников Царского лицея и университетских профессоров.

⁸ Материалы для истории учебных реформ. С. 374, 378. Этим объясняется, по мнению Сперанского, “всеобщее странное, но весьма естественное влечение к чинам и отсюда раннее вступление в службу и, следовательно, совершенная преграда всякому учению основательному, требующему времени и некоторой в уме зрелости”. Далее Сперанский продолжает: “Не говоря уже о Франции, ни в Австрии, ни в Англии, ни в немецких землях никто не может быть ни судьей, ни адвокатом, ни прокурором без аттестата и испытания известных учебных мест”.

⁹ Там же. С. 378.

¹⁰ Точнее, Комитет для выработки постановления о введении экзаменов при производстве в чины.

ре бытует мнение, что членом этой комиссии государственным контролером Б.Б. Кампенгаузеном и была впервые высказана идея об упразднении чинов. С этим в силу изложенного выше трудно согласиться: приоритет в этом вопросе все-таки принадлежит Сперанскому. В марте 1823 г. составленный на основе записки Кампенгаузена проект закона об отмене чинов рассматривался в Государственном совете¹¹, и вопрос в основном был решен положительно. Однако для дальнейшего рассмотрения закона была создана специальная комиссия во главе с министром финансов Е.Ф. Канкриним, ярким противником ликвидации чинов, и дело приостановилось. Через несколько лет, уже при Николае I, Комитет 6 декабря 1826 г. принял решение об отмене чинов¹². Государственный совет проект одобрил (1830), но последний не удостоился высочайшего утверждения. Частичные изменения в законодательство о чинах были внесены положениями 1827 и 1834 гг.¹³ Последнее Корф рассматривал как “переходное”, “издание которого не прервало дальнейшего пересмотра Уставов о службе гражданской”¹⁴.

К вопросу об уничтожении чинов вернулись в середине 1840-х годов. Манифестом 11 июля 1845 г. были повышены чины, дававшие дворянское звание¹⁵. В ноябре 1846 г. был создан Особый комитет для пересмотра Уставов гражданской службы (по записке министра юстиции В.Н. Панина, составленной по высочайшему указанию). В начале работы Комитета Корф записал в дневнике: “Комитет этот обещает быть очень важным по своим результатам. В главе данной ему Государем собственноручной программы поставлено уничтожение гражданских чинов”¹⁶. Комитету было предложено при разработке нового варианта закона руководствоваться следующими указаниями царя: “...чинами не называться, а называться по местам службы и занимаемой должности. Производству быть не за выслугу, а, как в военном ведомстве, на вакансии и в редких случаях за отличие. Производство за выслугу лет заменить прибавкой к жалованью”¹⁷. Однако, сетует Корф, представленные императору соображения Комитета не получили дальнейшего хода. Он не упоминает, что такой исход дела в немалой степени был связан с записками министра просвещения С.С. Уварова (1847), выступившего с резкой критикой проекта Комитета¹⁸.

Корф, излагая свои соображения по поводу чинов и чиновпроизводства в России, также высказывался в пользу ликвидации чинов. В его архиве хранится ав-

¹¹ См.: Проект устава службы гражданской, подготовленный Комиссией составления законов. СПб., 1820.

¹² Оно было изложено в записке Ланжерона; последняя не найдена. См.: *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 44.

¹³ Закон 14 октября 1827 г. “О канцелярских служителях гражданского ведомства” устанавливал различные сроки производства в первый и последующий чины для каждого из трех разрядов; деление на разряды осуществлялось в соответствии с социальным происхождением. Преимущества при чиновпроизводстве (сокращенные лета выслуги) были у дворян – потомственных и личных (1-й и 2-й разряды). “Положение о порядке производства в чины по гражданской службе” от 25 июня 1834 г. окончательно отменило указ 6 августа 1809 г., оно устанавливало существенные льготы по образованию, от которого зависели сроки производства в чины; все чиновники и канцеляристы соответственно делились на три разряда: лица с высшим, средним и низшим, или домашним, образованием. Были также введены два вида производства – “за выслугу” и “за отличие”.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 728. Д. 3209. Л. 14 об. – 15.

¹⁵ Манифест “О порядке приобретения дворянства службой”: теперь личное дворянство давал чин не 12-го, а 9-го класса, а потомственное – не 8-го, а 5-го.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 728. Д. 1817. Ч. 10. Л. 6. Запись от 7 января 1847 г. Хочется отметить, что в предметном указателе к дневнику запись помещена в рубрике “Дела особенно важные или интересные”. Как пишет Корф, с Комитетом этим “произошел довольно странный случай”: его должен был возглавить военный министр, но председателем комитета, составленного из товарищей министров, стал лишь директор канцелярии генерал-адъютант Н.Н. Анненков. См.: Там же.

¹⁷ *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991. С. 124.

¹⁸ В результате проект нового Устава о службе гражданской, разработанный к 1850 г. на основе личных указаний Николая I, не получил утверждения, а сам Комитет 1846 г. был закрыт в начале 1856 г.

тограф, озаглавленный “Историческое введение к Уставам о службе гражданской”¹⁹. Документ не датирован, однако можно с уверенностью утверждать, что это – одна из лекций, прочитанных Корфом великому князю Константину Николаевичу. В роли наставника Константина Николаевича по праву Корф выступал в конце 1847 – первой половине 1848 г., лекция, судя по сохранившемуся в архиве плану занятий, относится к весне 1848 г. Еще одно свидетельство в пользу подобной датировки – последовательность занятий, отраженная в плане: после урока о законодательстве о гражданской службе идет лекция “Законы о состояниях. I. Дворянство” и т.д.²⁰, в рассматриваемой же работе – последняя фраза такая: “Предмета сего [о военных чинах] мы коснемся подробнее при истории нашего дворянства”. Следующие слова из записки свидетельствуют о ее составлении вскоре или сразу после временного замедления работы Особого комитета: “...дело сие [общий пересмотр Уставом о службе гражданской] теперь приостановлено, но не пресечено”²¹.

Основная идея Корфа совпадает с идеей записки Сперанского 1808 г.: одним из недостатков гражданского чиновничества, по мнению Корфа, является то, что “правительство... для всех чинов, до старшего советника включительно, установило даже определительные лета выслуги, без всякой зависимости от занимаемого каждым места”. Поэтому “чины сии, коих достоинство и внутренний смысл должны были определяться местами, обратились мало-помалу в одни почетные титулы и число чиновников каждого класса перестало ограничиваться числом положенных в оном должностей”. Другим “злом” Корф считал нарушение еще одного принципа Табели о рангах: “чтобы к местам определять только тех, кто имеет нужные для них познания”. Последствия всех “сих отступлений”, с точки зрения Корфа, таковы, что “поприще службы вместо того, чтобы воспринимать в себя одних людей истинно полезных или обещающих сделаться такими по приготовительным своим сведениям, открылось всякому желавшему выходить в чины и почести, без всякого отношения к его знаниям, способностям и происхождению”. Таким образом, “когда чины сделались самобытными и отдельными от мест титулами, люди без достойных заслуг и без всяких достоинств тем удобнее стали достигать их”²².

Как истинного представителя дворянского сословия Корфа возмущало, что “присутственные места наполнились во множестве не только людьми податных сословий, стремившихся достигнуть дворянства, но даже и вольноотпущенными, которые на позор общественной нравственности, числясь в службе и получая чины за выслугу и, нередко, и за мнимые отличия, продолжали между тем состоять в услужении у прежних своих господ”²³.

Несколько иначе смотрел на эту сторону чиновничества Сперанский. С его точки зрения, положение, при котором чины дают возможность каждому свободному человеку стать дворянином, – положительный аспект системы, но это было бы “только тогда уважительно, когда бы дворянство наше не было бы основано на крепостном владении людей”. При существующем же порядке вещей рост численности дворянства приводит и к росту количества крепостных, что несовместимо, по мнению Сперанского, с планами правительства на ближайшее будущее²⁴. Сперанский, таким образом, пошел гораздо дальше Корфа, что

¹⁹ ГАРФ. Ф. 728. Д. 3209. Л. 15. Заглавие написано позднее сыном Корфа, сам Корф называл эту работу “историческим обзором... сей части государственных наших законов”.

²⁰ Там же. Д. 2066 (Программа бесед о законодательстве и законоведении с в.к. Константином Николаевичем 1847 г.). Л. 4.

²¹ Там же. Д. 3209. Л. 15.

²² Там же. Л. 4 об.–5, 5 об.

²³ Там же. Л. 5. В 1862 г. он назовет это явление “нравственной язвой”, которая наконец была “устранена” законом 1834 г., запрещающим принимать на службу представителей податных сословий.

²⁴ Имеется в виду отмена крепостного права, которую Сперанский называет здесь “установлением равновесия”.

связано не только с политической ситуацией того времени, но и с различиями в мировоззрении Сперанского 1808 г. и Корфа 1848 г.

Если Сперанский относился к Табели о рангах отрицательно (он говорил о “пресловутой Табеле” весьма скептически), то Корф видел в ней “семя, которое при надлежащем его возделывании обещало самый благодетельный плод”. В своем, как он его называет, “историческом обзоре”, выступая с критикой действующего законодательства о гражданских чинах, Корф объясняет недостаток этого законодательства “искажениями в исполнении” петровской Табели о рангах: “...трудности не позволили Петру Великому вполне довершить свою систему и привести ее к тому совершенству, которое каждый общий и сильный переворот получает действием времени”, поэтому “с течением времени и с забвением основной путеводной идеи сии коренные правила о порядке службы и чиновпроизводства стали постепенно терять свою силу и, подобно многим другим начинаниям Петра Великого, совсем исказились в своем исполнении”²⁵.

Одобрительно отзывался Корф об указах 1803 и 1809 гг., видя в них “род программы для будущих по этой части действий”.

Прошло 40 лет, но основные проблемы системы чиновпроизводства остались теми же: несоответствие большинства чиновников местам, занимаемым ими, что было связано прежде всего с порядком получения чинов. Последний не предусматривал наличия определенного образовательного минимума, необходимого для исправления данной должности.

Вопрос о целесообразности сохранения гражданских чинов вновь возник в ходе подготовки закона 1856 г., он был передан на рассмотрение особого Советательного собрания под председательством Блудова, членом которого был и Корф. Собрание также пришло к мысли, высказанной прошлыми комитетами: “Отменить производство в гражданские чины отдельно от должностей, учредив порядок службы гражданской на иных, более правильных основаниях”. Однако Александр II не считал возможным осуществить эту реформу “впредь до увеличения материального вознаграждения служащих назначением чиновникам удовлетворительных окладов”²⁶.

После этого “самая мысль” об отмене чинов была при Александре II оставлена. Доказательство может служить судьба записки Корфа, поданной им в апреле 1862 г. и касающейся производства в чины канцелярских служителей. Корф выступил с резкой критикой системы гражданских чинов и порядка чиновпроизводства: “...несообразность и неблагоприятное действие нашей системы гражданских чинов уже давно обращают на себя общее внимание”, – писал он. По мнению Корфа, правительство хотя и “постоянно желало” коренных изменений законодательства о чинах, но “стремилось” к этому, “может быть, недовольно строго и не всегда успешно”. Между тем чины оказывают весьма “вредное влияние”, которое “состоит именно в том, что они образуют из служащих какую-то отдельную, разобщенную с прочим населением касту... Среди этой касты постоянно питается и поддерживается чувство самого ложного честолюбия, жажда к повышению и внешним отличиям, заглушающие естественное в человеке стремление трудами своими обеспечить и устраивать свой материальный быт, а оттого десятки тысяч людей отвлекаются от здоровой и полезной деятельности, соответствующей их воспитанию и талантам, и искусственно приманиваются к занятиям, для которых не имеют ни нужных способностей, ни подготовки и кото-

²⁵ ГАРФ. Ф. 728. Д. 3209. Л. 2 об., 4 об.

²⁶ Закон 1856 г. назывался “О сроках производства в чины по службе гражданской”: для производства в следующий чин устанавливались единые сроки независимо от образования и сословной принадлежности. Это Собрание часто фигурирует в литературе как Комитет о чинах. См.: Евреинов В.А. Гражданское чиновпроизводство в России. СПб., 1887. С. 53–54; Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 46; Шенелев Л.Е. Указ. соч. С. 127.

рыми не могут принести настоящей пользы ни себе, ни обществу”²⁷. За полвека до Корфа Сперанский также отмечал, что “вредных последствий чинов исчислить трудно”: “чины ввергают в презрение все, что ими не украшено”, делят народ на “два несоразмерные класса” – дворянство и “чернь”, не оставляя места “среднему, столь полезному состоянию”²⁸.

Таким образом, и Сперанский и Корф пытались обосновать идею о необходимости уничтожения чинов и с точки зрения экономической целесообразности: слишком большой бюрократический аппарат отвлекает массу людей от производительного труда. Негативные “свойства и последствия теперешней чиновной системы, – по мнению Корфа, – сего более составляют принадлежность низших ступеней иерархической лестницы”. Корф предлагал и преобразование системы гражданских чинов начать “снизу”: отменить всякое право канцелярских служащих на чинопроизводство за выслугу определенного числа лет и награждать их только званием личного почетного гражданина. Таким образом, значительно сократится количество низших чиновников, или “нищих во фраке”, “писцы и приказные мало-помалу выделятся из круга бюрократии и сблизятся с теми классами населения, к которым по рождению и по воспитанию должны принадлежать”, и, что немаловажно, “переход к другим занятиям и промыслам сделается для них естественнее и легче” (т.е. они будут иметь больше возможностей, чтобы заняться производительным трудом, – экономический расчет Корфа в духе времени!).

Сперанский же предлагал начать сокращение численности чиновничества “сверху”, затруднив доступ к высшим чинам. Так же как и Сперанского, Корфа беспокоил низкий профессиональный уровень чиновничества, главную причину этого он видел в том, что первые классные чины получают люди, которые “не имеют ни нужных способностей, ни подготовки”. Как видим, проблема образовательного ценза в 1860-е годы была столь же актуальна, как и в начале века. “Полное преобразование системы чинов, – считает Корф, – пока еще невозможно, поскольку она тесно связана со всем порядком прохождения гражданской службы и многими другими подробностями общественной жизни”²⁹. Примерно в таком же ключе Сперанский высказывался в 1808 г.

Работу Корфа можно рассматривать и в русле его выступлений в начале 1860-х годов против “бюрократического направления”, которое “лишено жизни”³⁰: уменьшение числа чиновников (пока только низших) приведет и к сокращению всего аппарата управления, штаты которого, как считал Корф, слишком раздуты.

Александр не поддержал предложение Корфа, опасаясь, что его реализация “могла бы только возбудить тревогу в умах многочисленного класса” (февраль 1864 г.)³¹.

Вновь вопрос об уничтожении чинов обсуждался в начале 1880-х годов: в 1883–1886 гг. над этой проблемой работало Особое совещание. Было принято решение “заменить существующую ныне систему гражданских чинов особою новою иерархией должностей” и прекратить производство в чины отдельно от по-

²⁷ Корф продолжает: “Человек, который мог бы с успехом заняться любимым ремеслом или промыслом, поступает в казенную службу и бедствует на ней десятки лет единственно потому, что эта служба ставит его на искусственные ходули в обществе и ласкает его воображение обманчивою картиной иногда отдаленных, но все-таки возможных повышений и отличий” (цит по: *Евреинов В.А.* Указ. соч. С. 54).

²⁸ Материалы для истории учебных реформ. С. 375.

²⁹ Корф также пишет: “Однажды предавшись этому влечению, однажды надев вицмундир, он с трудом снимает его и решится сесть за рабочий инструмент или прилавок; редко решится на то и сын и внук его, и таким образом располагаются целые поколения самой несчастной породы нищих во фраке” (цит. по: *Евреинов В.А.* Указ. соч. С. 54).

³⁰ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902. СПб., 1902. С. 447.

³¹ Там же.

вышения в должностях. Император утвердил это решение. Перед тем как вопрос должен был быть внесен на рассмотрение в Государственный совет, предложения Совещения были разосланы на отзыв министрам и главноуправляющим, которые почти единогласно (кроме одного) высказались за сохранение чинов. В конце 1890-х годов работал Комитет для пересмотра Устава о службе гражданской, но вопрос об уничтожении чинов опять был решен отрицательно. То же самое можно сказать о Комиссии, образованной при Государственном совете, которая функционировала в 1895–1901 гг. Последняя высказалась за сохранение чинов, а также сословного ценза при производстве в первый классный чин (отменен в 1906 г.) и за повышение образовательного ценза для поступления на службу (вернулись к идее Сперанского 1808 г.!). Чины просуществовали до 1917 г., когда были окончательно отменены.

Корф – сторонник преобразований в России, и в этом нас лишний раз убеждает знакомство с его предложениями по проблеме гражданских чинов и чиновничества в России. Его позиция по данному вопросу интересна не только сама по себе, но и как своеобразное продолжение идейной традиции, идущей от Сперанского, и как выражение взглядов по данной проблеме определенной группы высших чиновников – умеренных реформаторов или деятелей “либерально-консервативного” направления, к которым относил себя Корф³².

³² Консервативные элементы его мировоззрения наиболее ярко проявлялись в отношении к абсолютной монархии в России, что, впрочем, было присуще подавляющему большинству (если не всем) российских либералов. Тип политического мышления, представленный мировоззрением Корфа, существовал и в 1808, и в 1848, и в 1862 гг.

Н.А. Троицкий

**СУДЬБЫ РОССИЙСКИХ АДВОКАТОВ:
А.С. ЗАРУДНЫЙ, СЫН С.И. ЗАРУДНОГО**

Семья Зарудных была хорошо известна в России на протяжении шести последних дореволюционных десятилетий. Сенатор и тайный советник Сергей Иванович Зарудный (1821–1887) был одним из творцов и главных деятелей судебной реформы 1864 г. – самой демократической из всех “великих реформ” Александра II. Слава его – как прижизненная, так и посмертная – была общепризнанной и устойчивой при всех режимах¹. И сегодня о нем уважительно отзываются и историк и юрист.

Иначе сложилась судьба его старшего сына – Александра Сергеевича Зарудного (1863–1934)². При жизни он был даже более знаменит, чем его отец. Имя Александра Зарудного как адвоката, а потом и государственного деятеля, министра юстиции, с 1904 по 1917 г. громко звучало в России и за рубежом. В советское время он сразу оказался не у дел, а после смерти вообще был забыт и ныне известен лишь узкому кругу специалистов. До сих пор о нем нет ни одного специального исследования или хотя бы биографического очерка.

В 1934 г., вскоре после смерти А.С. Зарудного, его коллега и друг Н.К. Муравьев говорил о нем: «Как “истинно-русский” человек, он не написал о себе ни одной строчки, нет ни автобиографии его, ни вообще биографических заметок»³. В печати – да, до сих пор ничего о нем нет. Но архивы хранят и автобиографию Зарудного, и биографические заметки о нем, и многое другое. Вполне доступны исследователям два его личных фонда, хранящихся в крупнейших архивах России – РГИА и РГАЛИ.

В РГИА среди множества различных материалов (1778 ед.хр. за 1868–1934 гг.) наиболее интересна автобиография Зарудного⁴, а в РГАЛИ – тетрадь его стихотворений 1889–1933 гг.⁵, воспоминания его сестры Зои Сергеевны с перечнем выступлений Александра Сергеевича на судебных процессах в качестве адвоката⁶, биографический очерк Н.К. Муравьева “Семья А.С. Зарудного”, написанный после смерти А.С.⁷, воспоминания присяжного поверенного В.В. Беренштама “Адвокаты”⁸. Ряд выступлений друзей и коллег Зарудного на вечере его памяти 13 декабря 1934 г. во Всесоюзном обществе политкаторжан и ссыльно-нопоселенцев записаны и хранятся в ГАРФ⁹.

Судя по всему, А.С. Зарудный очень дорожил своими семейными связями. Они обогащали и украшали его жизнь, хотя не всегда благопритствовали его

¹ Блестящий очерк о нем см.: *Кони А.Ф.* Отцы и дети судебной реформы. М., 1914. С. 76–90.

² С.И. Зарудный имел восемь детей: трех сыновей (Александра, Сергея, Ивана) и пять дочерей (Зою, Анну, Марию, Варвару, Екатерину). Известная артистка оперы и вокальный педагог, профессор Московской консерватории Варвара Михайловна Зарудная (1857–1939), жена композитора М.М. Ипполитова-Иванова, принадлежала к другой ветви дворянского рода Зарудных.

³ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 282. Л. 3.

⁴ РГИА. Ф. 857 (А.С. Зарудный). Оп. 1. Д. 1.

⁵ РГАЛИ. Ф. 210 (А.С. Зарудный). Оп. 1. Д. 1.

⁶ Там же. Д. 32.

⁷ Там же. Д. 13.

⁸ Там же. Д. 39.

⁹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 283.

карьере. Разумеется, безупречная репутация его отца помогала ему утвердиться в юридическом мире. С одной стороны, через родную сестру художницу Екатерину Сергеевну Зарудную-Кавос (1861–1917) он был связан с миром искусств, через двоюродную сестру Наталию Егоровну Старицкую (1860–1943), которая в 1886 г. стала женой будущего академика В.И. Вернадского, – с научным миром. Но, с другой стороны, его брат Сергей Сергеевич был арестован и сослан в Сибирь за причастность к делу о покушении террористической фракции партии “Народная воля” А.И. Ульянова–П.Я. Шевырева на цареубийство 1 марта 1887 г., а племянник (тоже Александр Сергеевич) предан военному суду за участие в революции 1905 г.¹⁰ Сам наш герой в 1887 г. пострадал вместе с братом, отбыв несколько месяцев тюрьмы из-за того, что в записной книжке Александра Ульянова оказались адреса братьев Зарудных (к счастью для старшего брата, других улик против него не нашлось)¹¹.

В таком переплетении семейных связей Александр Зарудный пошел все-таки по пути отца – стал юристом, причем адвокатом не сразу. Окончив в 1885 г. привилегированное Училище правоведения в Петербурге¹², он долго служил прокурором, но вдали от столицы (Кременчуг, Полтава, Петрозаводск): по-видимому, власти не вполне доверяли ему после ареста 1887 г. С прокурорами Зарудный не уживался, в частности из-за их карьеристских вождедений. В рукописной тетради его стихов есть насмешливые строки об этих вождедениях:

Важный я пост занимаю в надежде
Более важный еще получить¹³.

В конце концов, уже искушенным юристом Зарудный перешел из прокуратуры в адвокатуру. 27 сентября 1902 г. он был принят в присяжные поверенные при Петербургской судебной палате¹⁴. Тогда ему шел уже 40-й год¹⁵. В этом возрасте он стал начинающим адвокатом и почти сразу же возглавил (вместе с Н.Д. Соколовым) один из самых авторитетных в России кружков – “*молодой адвокатуры*”.

Под условным названием “*молодая адвокатура*” в первые же годы XX в. сложился небольшой (по сравнению с общей численностью российской адвокатуры) отряд защитников, которые создавали особые группы (кружки) *политической* защиты. Как правило, это были уже адвокаты нового, сравнительно с “первым призывом”, поколения, хотя и не всегда молодые по возрасту. В преддверии революции, когда страну захлестывал небывалый ранее шквал рабоче-крестьянских волнений, росла антиправительственная оппозиция в обществе, формировались нелегальные политические партии эсеров, социал-демократов, “освобожденцев”, т.е. членов “Союза освобождения”, будущих кадетов, – в таких условиях нарастала и политическая активность адвокатуры, особенно “молодой”. Энтузиасты “*молодой адвокатуры*” занялись организацией *коллективных* защит по политическим делам. Они разъезжали буквально по всей Российской империи – от Варшавы до Якутска и от Вологды до Тифлиса (Тбилиси). Полтора-два десятка таких энтузиастов (среди них были два будущих министра юстиции – А.А. Демьянов и П.Н. Переверзев и будущий премьер-министр А.Ф. Керенский, Б.Г. Барт – сын знаменитого народовольца Г.А. Лопатина, Л.Н. Андроников –

¹⁰ Подробнее см.: Н.К. Муравьев. Семья А.С. Зарудного (РГАЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Д. 13).

¹¹ Там же. Л. 2.

¹² Это училище закончили такие звезды российской юстиции, как Д.В. Стасов, К.К. Арсеньев, В.И. Танеев, В.Н. Герард, К.П. Победоносцев, а также композитор П.И. Чайковский и поэт А.Н. Апухтин.

¹³ РГАЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об.

¹⁴ Список присяжных поверенных округа Петербургской судебной палаты к 31 января 1914 г. СПб., 1914. С. 47.

¹⁵ Родился 19 августа 1863 г. в Царском Селе.

отец Ираклия Андроникова и др.) объединились в кружке Зарудного–Сололова¹⁶.

За свою сравнительно короткую адвокатскую карьеру до 1917 г. Зарудный провел 300 защит¹⁷, среди которых были и очень громкие политические дела: якутских ссыльнопоселенцев (1904), Боевой организации эсеров (1905), лейтенанта П.П. Шмидта (1906)¹⁸, Петербургского совета рабочих депутатов (1906), о покушении на Николая II (1907), всемирно знаменитое дело М.Т. Бейлиса (1913).

Одним из самых ярких в адвокатской карьере Зарудного было его выступление на процессе якутских ссыльнопоселенцев. Процесс слушался с 30 июля по 8 августа 1904 г. в Якутском окружном суде и (после апелляции) 5–6 апреля 1905 г. в Иркутской судебной палате. Суду были преданы 59 человек (среди них – видные социал-демократы В.К. Курнатовский и А.А. Костюшко-Валюжанич). Они обвинялись в том, что 18 февраля 1904 г. заявили коллективный протест против самодурства иркутского генерал-губернатора И.П. Кутайсова и оказали вооруженное сопротивление полиции и солдатам. Защищали подсудимых А.С. Зарудный и В.В. Беренштам.

Защитительная речь Зарудного в Якутске, как вспоминали о ней очевидцы, “прекрасная по форме, стройная по содержанию, неотразимая по своей аргументации [...] была в полном смысле слова шедевром”¹⁹. Зарудный построил защиту на доказательстве незаконности тех требований со стороны власти, которым воспротивились обвиняемые. “Были ли эти требования законны или нет, – заявил он, обращаясь к судьям, – вот вопрос, который прежде всего должен разрешить ваш приговор, ибо признак законности распоряжений, которым оказано неповиновение, есть первое условие квалификации преступления”²⁰. Доказав, что циркуляры Кутайсова об отмене свиданий, отлучек, казенных выплат ссыльным нарушают закон о ссыльных 1882 г., Зарудный подчеркнул, что протест обвиняемых правомерен (“можно ли вменять подсудимым в преступление их обращение к властям с просьбой соблюдать действующий закон?”), а их “сопротивление” квалифицировал как “необходимую оборону”: “...против подобных незаконных действий солдат и полиции подсудимые имели право защищаться”²¹.

Особо впечатляющей была концовка защитительной речи Зарудного: “Со всем убеждением, на которое я только способен, со всей моей верой в конечное торжество добра, со всей моей беспредельной любовью к Родине я прошу присоединить и мою подпись к протесту [ссыльных] от 18 февраля”²². Подсудимые вспоминали: это заявление “своей неожиданностью, смелостью и фанатичной убежденностью привело нас в неопишуемый восторг и волнение [...] Мы вскочили со своих мест и бросились пожимать ему руки”²³.

По компетентному мнению одного из лидеров присяжной адвокатуры – О.О. Грузенберга, Зарудный как адвокат “занял сразу место в первом ряду [...] Оратор был он превосходный, божьей милостью... Диапазон его ораторских воз-

¹⁶ Об этом кружке см.: *Мошинский (Конарский) И.Н.* Политическая защита в дореволюционных судах // *Девятый вал*. М., 1927. С. 45–46; *Мандельштам М.Л.* 1905 год в политических процессах: Записки защитника. М., 1931. С. 53.

¹⁷ Список выступлений Зарудного в качестве защитника, составленный З.С. Зарудной, см.: РГАЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–5 об.

¹⁸ П.П. Шмидта и его сопроцессников-моряков адвокаты (А.С. Зарудный, А.М. Александров, Ф.С. Врублевский, А.В. Винберг и др.) защищали коллективно. См. об этом: *Александров А.М.* Лейтенант П.П. Шмидт: (Воспоминания защитника) // *Каторга и ссылка*. 1925. № 5. С. 87–88, 97.

¹⁹ *Якутская история*. Женева, 1904. Вып. 3. С. 20.

²⁰ *Материалы к Якутскому процессу*. Женева, 1904. С. 6, 8.

²¹ Там же. С. 11–12, 18–19.

²² *Якутская история*. Вып. 3. С. 21.

²³ Там же. Якутский суд вынес обвиняемым суровый приговор (по 12 лет каторги), Иркутская судебная палата смягчила его, а 26 октября 1905 г. все осужденные были амнистированы.

возможностей был широк, но неровен: Зарудному случалось трепыхаться на земле, но нередко он подымался на такую высоту, которая в пору только орлам. Отсюда – разноречивой в оценке его сил: те, кому не довелось слышать его орлиного клекота, не знали подлинного Зарудного²⁴.

Наглядно представляют нам Зарудного и воспоминания его близких коллег – присяжных поверенных Н.К. Муравьева и В.В. Беренштама. «Небольшого роста, невидный человек (поглядеть – ничего особенно. Надо присмотреться), Зарудный в момент защитительной речи обычно испытывал душевный подъем и на глазах слушателей преображался: фигура словно вырастала, “несколько глуховатый” голос обретал звонкость и силу, слова и жесты – красочную выразительность; особенно же впечатляли его “вдохновенные глаза, дивные глаза пророка”»²⁵.

Среди корифеев “молодой адвокатуры” Зарудный был едва ли не самым авторитетным. Одно его имя (сын С.И. Зарудного!) “сразу приковывало внимание судей, внушая уважение одних и вызывая негодование других”, – вспоминал Н.К. Муравьев²⁶. Главное же, он воздействовал на окружающих исключительной порядочностью, бескорыстием, “кристаллической чистотой во всем – в побуждениях, в целях, которые он себе ставил, и в способах их достижения”²⁷. Даже политически враждебный к Зарудному советский юрист Б.С. Утевский признавал: “Он был скромным в жизни, лишенным честолюбия человеком. Он не гнался за гонорарами, не думал о заработке и весь отдавался защите на политических процессах [...] Уважением он пользовался и у старых адвокатов”²⁸. Диссонирует с такими отзывами о Зарудном только полная классовая ненависть оценка его большевиком Ф.Ф. Раскольниковым как “тюремщика и палача”²⁹.

Раскольников уже имел дело с Зарудным как с политическим деятелем, министром, но не как с юристом и не с адвокатом. Подчеркнем, что политическая карьера Зарудного была недолгой. Она уложилась в шесть месяцев (с марта до сентября 1917 г.). Ранее, вплоть до Февральской революции, Зарудный не вступал ни в какие партии, он был тогда “полезен всем партиям, служа идее права”³⁰. В марте 1917 г. он примкнул к неонароднической “Трудовой группе” (трудовики)³¹, когда принял должность товарища министра юстиции Временного правительства с намерением “вправить в революционную законность вывихнутую царским режимом из всех суставов даже старой законности российскую юстицию”³².

Не поладив с тогдашним министром юстиции А.Ф. Керенским, Зарудный в мае 1917 г. ушел в отставку. “Потом ему пообещали, что не будут мешать, и 25 июля он вернулся в правительство уже министром юстиции”³³. (Керенский к тому времени стал министром-председателем.) Именно Зарудному как министру юстиции приписывался июльский приказ об аресте В.И. Ленина. В действительности этот приказ был отдан Кабинетом министров 7 июля, за три недели до воз-

²⁴ Грузенберг О.О. Вчерашнее. Воспоминания. Париж, 1938. С. 205. Это замечание Грузенберга объясняет, почему холодно отозвался о Зарудном-ораторе корифей “старой” адвокатуры Н.П. Карабчевский. См.: Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели. Берлин, 1921. Ч. 2. С. 20.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Д. 13. Л. 9 об.–10; Д. 39. Л. 1, 3.

²⁶ Там же. Д. 13. Л. 3 (воспоминания Н.К. Муравьева).

²⁷ Там же. Л. 5.

²⁸ Утевский Б.С. Воспоминания юриста. М., 1989. С. 200.

²⁹ Раскольников Ф.Ф. О времени и о себе. Л., 1989. С. 220–221.

³⁰ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 283. Л. 14 (воспоминания адвоката С.Е. Кальмановича).

³¹ РГИА. Ф. 857. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 (автобиография А.С. Зарудного). В июле 1917 г. трудовики объединились с народными социалистами (энесами) в одну – Народно-социалистическую трудовую партию, членом которой стал и Зарудный.

³² РГАЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Д. 12. Л. 11–12 (воспоминания о Зарудном его друга активного деятеля российской социал-демократии В.Д. Перазича).

³³ Там же. Л. 12.

вращения Зарудного в правительство³⁴. Впрочем, его второе пришествие к власти оказалось еще короче первого: он окончательно разочаровался в Керенском, 2 сентября оставил должность министра и навсегда устранился от политической борьбы.

В советское время Зарудный был рядовым членом коллегии адвокатов в Ленинграде, юрисконсультom местного отделения Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. К концу жизни он, по всей видимости, старался приспособиться к коммунистическому режиму: в 1933 г. 70-летним стариком вступил в кружок по изучению ленинизма при Ленинградском отделении Общества политкаторжан³⁵.

Умер А.С. Зарудный в Ленинграде 30 ноября 1934 г., за считанные дни до начала массовых репрессий (в ответ на убийство С.М. Кирова), жертвами которых стали его друзья и коллеги: П.Н. Малянтович, М.Л. Мандельштам, Б.Г. Барт-Лопатин, семья Н.К. Муравьева. Кстати, главную вину Малянтовича, арестованного в 1937 г. и через два года расстрелянного на Лубянке, сталинские каратели усмотрели в том, что он был когда-то (после Зарудного) министром юстиции Временного правительства³⁶. Проживи Зарудный двумя-тремя годами дольше, он, весьма вероятно, тоже, как и его преемник по министерскому креслу, стал бы жертвой сталинского террора, тем более что с его именем связывали приказ об аресте Ленина.

За шесть десятилетий после смерти Александра Сергеевича Зарудного он лишь изредка упоминался в специальной литературе. Пришло время для обстоятельного изучения его жизни и деятельности. Он вполне этого заслуживает.

³⁴ См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 г. в Петрограде. М., 1989. С. 56.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Д. 12. Л. 20.

³⁶ Подробно об этом см.: Ваксберг А.И. Царица доказательств. Вышинский и его жертвы. М., 1992. С. 28–31.

Е.В. Козин

“СМОЛЕНСКИЙ АРХИВ” КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК¹

Понятие “Смоленский архив” давно и прочно вошло в историческую литературу. Вполне справедливо и обоснованно это связывают с именем профессора Гарвардского университета Мерла Фэйнсоды, автора книги “Смоленск под властью Советов”², написанной исключительно на основе документов данного архива и ставшей поистине настольной для всех последующих поколений западных советологов. Фэйнсод первым обработал и ввел их в научный оборот. Но о самом существовании архива как такового широкой публике и специалистам стало известно несколько раньше.

Еще в апреле 1957 г. Джон Армстронг в статье “Ключи к советским политическим архивам” констатируя недостаток документальных источников и определяя это как “основное препятствие к изучению советской политики”, приоткрыл завесу таинственности и одним из первых упомянул о том, что «во время немецкого нашествия была добыта часть документов государственных и партийных архивов, которые имеют отношение к периоду чуть позже, чем первое десятилетие Советской власти... наиболее значительная часть которых находится в “Смоленском архиве”... в настоящее время анализируется американскими учеными»³. Для получения более полной информации о характере документов “Смоленского архива” автор отослал читателя к влиятельной газете “Нью-Йорк Таймс” 1955 г. Здесь в довольно большой для этой газеты статье Гарри Шварца была впервые представлена, хотя и односторонне-негативная, характеристика материалов “Смоленского архива” с общим выводом о том, что жизнь в советском обществе «больше похожа на ту, что дана в романе Дж. Оруэла “1984”»⁴. Так как советским ученым доступ в архивы собственной страны запрещен, продолжала газета, то “мы можем даже приглашать их сюда для того, чтобы они могли здесь использовать те материалы, в которых им отказывают дома”, и которые “могут оказаться бесценными для обучения советских людей их собственной правдивой истории»⁵.

Таким образом, о “Смоленском архиве” американским советологам было известно еще за три года до выхода в свет книги Фэйнсоды о Смоленске. Но все они, идя в конечном итоге по пути, указанному им, определяли этот архив лишь как незначительную часть Смоленского областного партийного архива, ни в коем случае не смешивая эти два понятия. В последние же годы в этом вопросе наметилась если не подмена, то явная путаница понятий, причем как с российской, так и с американской стороны.

В 1991 г. журнал “Известия ЦК КПСС” опубликовал статью В. Шепелева под многообещающим названием «Судьба “Смоленского архива”». Автор опе-

¹ В 1993–1994 гг. автор работал в США по теме «“Смоленский архив” и американская советология» (под этим же названием в 1998 г. в Смоленске вышла его книга). В апреле 1996 г. выступал с докладом в Центре по изучению России и Восточной Европы при Торонтском университете.

² Fainsod M. *Smolensk under Soviet rule*. N.Y., 1958.

³ Armstrong J. Clues to the Soviet political archives // *The Russian Review*. 1957. Vol. 16, № 2. P. 47.

⁴ *The New York Times*. 1955. Jan. 24.

⁵ *Ibidem*.

рирует в заглавии уже устоявшимся с середины 50-х годов понятием архива как некоего самостоятельного исторического источника, находящегося в США. Он пишет, что 1 марта 1945 г. заместитель начальника Главного политического управления РККА И.В. Шикин адресовал в ЦК ВКП(б), на имя Г.М. Маленкова докладную записку, в которой говорилось, что частями 4-го Украинского фронта к юго-западу от польского города Освенцим, на железнодорожной станции Пщина, в вагонах захваченного немецкого эшелона были обнаружены наряду с другими ценностями “архивы Смоленского и Западного обкомов ВКП(б) и ВЛКСМ, а также райкомов, укомов и волкомов ВКП(б) с учетными карточками на членов и кандидатов партии. Обнаружено также много архивных материалов советских и торговых организаций...”⁶

Работники политуправления фронта провели проверку указанных документов и выявили в эшелоне архивные материалы Смоленского губкома, Западного и Смоленского обкомов ВКП(б), 27 городских и районных комитетов за период с 1918 по 1941 г. и др. 15 марта по результатам проверки Г.М. Маленкову доложили, что политработниками “весь архив связан в пачки и упакован в большие мешки, для перевозки которых потребуется 3 железнодорожных товарных вагона”⁷.

Принимая изначальную установку автора статьи на то, что речь идет о “Смоленском архиве”, читатель должен прийти к выводу, что во-первых, он значителен по своему объему (3 вагона!), а во-вторых, был перехвачен частями Красной Армии и возвращен на родину. За этим следует вывод: «Таким образом, значительная часть документов, попавшая в руки гитлеровцев после оккупации немецко-фашистскими войсками Смоленской области, была возвращена в СССР. Другая, меньшая, часть документов “Смоленского архива”, по всей видимости хранившаяся немцами отдельно или вывезенная ими раньше (выделено мной. – Е.К.), была захвачена в 1945 г. в Германии американской армией и перевезена в Гарвардский университет (США)»⁸. Здесь совершенно очевидно явное несоответствие понятия и содержания статьи. Ведь именно “другая, меньшая, часть” так и не обнаруженных и вывезенных в США документов, которые как раз и принято называть “Смоленским архивом” и оригиналы которых хранятся в Национальном архиве в Вашингтоне, и не являются предметом исследования автора статьи. Он пишет совсем о других, возвращенных в Смоленск документах. Но при этом называет их “Смоленским архивом”, понятием, относящимся к материалам, никак не связанным с ним сегодня.

Подобная трактовка вопроса характерна и для Патриции Гримстед, научного сотрудника Украинского исследовательского центра Гарвардского университета, многие годы занимающейся проблемами реституции культурных ценностей, захваченных противоборствующими сторонами в годы второй мировой войны. В работе «Одиссея “Смоленского архива”» она на богатой документальной основе показала весь путь смоленских архивных документов – от захвата их немецкими спецподразделениями в 1941 г. до уже упоминавшегося обнаружения и описания основной массы архивных документов в 1945 г. и последующей транспортировки части смоленских материалов в США. Но, как и у Шепелева, речь здесь идет об общей массе смоленских архивных материалов, а в название вынесено иное на сегодня историческое понятие – “Смоленский архив”⁹.

Так что же в действительности представляет собой “Смоленский архив”? Насколько обоснованным является такое пристальное внимание к нему на Западе как к историческому источнику?

⁶ Цит. по: Шепелев В. Судьба “Смоленского архива” // Изв. ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 135.

⁷ Там же. С. 136.

⁸ Там же. С. 137.

⁹ Grimsted P. The Odyssey of the Smolensk Archive: Plundered Communist Records for the Service of Anti-Communism // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. 1201. University of Pittsburg, 1995.

“Смоленский архив” – это часть партийного архива Смоленской области. Какая его часть? Как оказались эти документы сначала в Германии, а затем в США? Сегодня определенно можно ответить только на первый вопрос. Где, когда и при каких обстоятельствах эти документы попали в распоряжение ВВС США, не знают пока точно даже в Национальном архиве в Вашингтоне. Беседа с работниками отдела, где хранятся оригиналы, не позволила прояснить проблему. Многолетние изыскания Гримстед также пока не увенчались успехом в этой части ее исследований. Спорной остается и дата захвата архива (именно этих документов, а не всех) немецкими войсками в Смоленске. Расхождения довольно существенные.

Фэйнсод связывает это с 1941 г., когда офицеры немецких спецслужб, найдя архив в “состоянии полного беспорядка”, произвели “незначительную, сделанную наугад выборку более чем 500 дел, приблизительно на 200 тысячах страниц”¹⁰. Хенри Роберт, бывший директор Русского института Колумбийского университета, в своей рецензии на книгу Фэйнсода “Смоленск под властью Советов” более категоричен, отмечая, что немецкие спецслужбы не только обнаружили в июле 1941 г. “коллекцию сохранившихся дел Коммунистической партии за 1917–1938 годы” и отобрали из нее около 200 тыс. страниц документов, но и “отправили их в Германию”¹¹. Июль 1941 г. фигурирует и в статье Гетти¹². Осторожно неопределенен в этом вопросе С. Максудов: “В начале второй мировой войны при приближении немцев к Смоленску документы сжигались и вывозились на восток. Оставшиеся были просеяны экспертами вермахта и гестапо и направлены в Германию...”¹³ Журналист М. Зараев свои очерки начинает с “тех осенних дней 1943 г., когда немцы, уходя из Смоленска, среди хаоса отступления не позабыли захватить с собой областной партийный архив”¹⁴.

П. Гримстед документально подтверждает, что партийный архив (около четырех товарных вагонов документов) немецкие войска вывезли из Смоленска в январе–апреле 1943 г. в Вильнюс. Весной 1944 г. он был переправлен в Польшу (г. Ратибор, в 25 км к западу от Освенцима, где находился немецкий исследовательский центр)¹⁵. Здесь его и обнаружили советские войска, вскоре он был возвращен в Смоленск. Однако были ли среди этих документов, судьбу которых детально прослеживает Гримстед, материалы так называемого “Смоленского архива”, неизвестно. Хотя она не имеет на этот счет никакого сомнения.

Но что по этому поводу дает сам архив? Многое. В первую очередь всем своим содержанием (качественной его стороной) он полностью и однозначно опровергает мысль о каком-либо предварительном, пусть даже поверхностном отборе документов, якобы произведенном немецкими специалистами в Смоленске. Подробнее о характере его дел будет сказано ниже.

Далее. Если принять дату захвата архива – 1941 г., то возникает вопрос, на который пока невозможно ответить: почему и как в партийный архив оккупированного в середине июля Смоленска попали материалы военного периода? Например, д. 480 с подборкой антифашистских плакатов. Плакат “За Родину, за Сталина!” подписан к печати 12 июля 1941 г. в Ленинграде! Как он мог попасть оттуда в Смоленский партийный архив оккупированного через четыре дня города, если плакат еще только подписан к печати?! Плакат “Бьем и будем бить!”

¹⁰ Fainsod M. Op. cit. P. 3.

¹¹ The New York Times. 1958. Oct. 5. VII.

¹² Гетти Дж. Арч. Фонды “Смоленского архива” в США // СА. 1991. № 1. С. 93. Это перевод статьи автора “Guid to the Smolensk Archive” (A Researcher’s Guide to Sources on Soviet Social History in the 1930s. Edit. by S. Fitzpatrick and L. Viola. N.Y., 1989).

¹³ Неуслышанные голоса: Документы Смоленского архива. Кн. 1. Кулаки и партейцы (1929) / Сост. С. Максудов. Анн Арбор: Ардис, 1987. С. 9–10.

¹⁴ Зараев М. По следам Смоленского архива: Очерки. М., 1990. С. 3.

¹⁵ Grimsted P.K. Op. cit. P. 25–48.

подписан к печати также в Ленинграде, в издательстве “Искусство”, но 26 июля 1941 г. Смоленск к тому времени уже был захвачен. Далее, д. 478. В путеводителе оно датировано 1934–1937 гг., что полностью соответствует его содержанию: антигитроцкистский плакат В. Дени 1937 г. “Уничтожим гадину”, фотографии безработных в Берлине того же периода и т.д. А на обложке надпись на немецком языке и дата – 2 июля 1943 г.! При этом все прошито в папке с фирменным знаком немецкой кампании “Leitz” (и сегодня также лидирующей в Германии по производству канцелярских товаров).

Однако самый настораживающий в этом отношении источник – д. 496. Оно представляет собой машинописный, вполне подготовленный к печати экземпляр брошюры (более 80 с.) антисоветского характера. Отсутствие титульного листа не дает возможности определить принадлежность или авторство брошюры. Но это не снижает его ценности в аспекте интересующего нас вопроса. Прочитываем первое предложение: “Советское информбюро в сообщении к *двухлетнюю войну между СССР и Германией* дает следующие цифры потерь СССР *за два года войны...*” (выделено мной. – Е.К.). Значит, это уже не ранее, как июнь 1943 г. Что и подтверждается на л. 26: «Кроме эксплуатации самих колхозников, в сельском хозяйстве эксплуатируется и все наличное городское население. В “Постановлении об уборке урожая” Совнаркома СССР и ЦК партии от 18 июля 1943 года сказано...»¹⁶ (выделено мной. – Е.К.). Далее идет цитата из постановления.

Что означают эти два документа, особенно последний? Если считать их официальными документами “Смоленского архива”, чем они в действительности и являются, то первый вывод вполне очевиден – архив был захвачен не ранее конца 1943 г. По крайней мере – до освобождения Смоленска 25 сентября 1943 г. Но вывод может быть и поспешным. Обратим внимание на то, что в д. 496, в конце л. 74, стоит штамп с текстом “Joint U.S. and British Property. MIRS” (“Совместная собственность США и Великобритании”)¹⁷. Аббревиатура MIRS – это Military Intelligence Research Section, т.е. Исследовательский отдел военной разведки совместного англо-американского подразделения, работавшего с мая 1943 по июль 1945 г. с представительствами в Лондоне и Вашингтоне.

Бесспорно, что на документы, которые формировались партийным архивом Смоленска вплоть до начала войны, такого рода штампы попасть никак не могли. Следовательно, какая-то часть документов непосредственно к партийной организации Смоленска никакого отношения не имеет, а была уже в ходе войны или по ее окончании привнесена в вывезенный архив. Кто, когда и с какой целью это сделал остается пока неясным. Да это и не является предметом настоящего исследования.

Однако совершенно очевидно другое – так называемый “Смоленский архив” никак не может быть причислен к архивам в строгом понимании этого слова. Это – коллекция. Коллекция как смоленских архивных, так и иных документов, присоединенных к ним не известными нам исполнителями, что свело качественное значение ее как архива до самого незначительного уровня. Если даже и согласиться с утверждением Фэйнсода, что “Смоленский архив” – это “зеркало советской действительности”¹⁸, то “действительности”, сформированной далеко не только в Смоленске, это во-первых. Во-вторых, данная коллекция по богатству (в смысле значимости документов и их наполняемости по периодам и направлениям), качеству и тем более количеству материалов представляет собой несравнимо малую часть по отношению к тому, что было возвращено и хранится сегодня в Центре документации новейшей истории Смоленской области (ЦДНИСО), бывшем партийном архиве.

¹⁶ Смоленский архив. Д. 496. Л. 1, 26.

¹⁷ Там же. Л. 74.

¹⁸ Fainsod M. Op. cit. P. 14.

Анализ “Смоленского архива” как исторического источника следует начать с точного ответа на вопрос: сколько же в нем действительно документов? М. Фэйнсод вначале говорит, что более 500 дел с общим количеством около 200 тыс. страниц¹⁹, а в конце книги уточняет – 536 дел²⁰. М. Зараев, не видев самих материалов, а используя лишь документы, опубликованные С. Максудовым, доводит их объем до “нескольких сотен тысяч листов”²¹. Арч Гетти в специально посвященной анализу фондов архива статье дает следующую информацию: «“Смоленский архив” состоит из 541 дела, в которых 200 тыс. документов по работе Смоленской областной партийной организации до 1941 г. Все дела последовательно пронумерованы с WKP 1 до WKP 541»²².

Итак, 541 дело!?! Но откуда берет эту цифру Гетти? Он опирается на изданный в 1980 г. в Вашингтоне “Путеводитель по документам Смоленской областной организации Коммунистической партии Советского Союза, 1917–1941 гг.”, которому одновременно дает характеристику. Действительно, на с. 246–270 в компьютерной обработке дан перечень всех дел архива в порядковом их исчислении вплоть до цифры 541. Но при этом автор статьи, во-первых, не заметил, что нумерация дел начинается почему-то не с первого, а со второго дела. Во-вторых, в этом перечне напротив дел 276, 388, 473 и 487 стоит слово “missing” (“отсутствует”). И потому фактически в архиве получается не 541 дело, как утверждает американский историк и как указано в предисловии к путеводителю, а 538. Подтверждение этому легко найти и в самом путеводителе, во втором разделе, где в порядке очередности перечисляются все дела с краткими аннотациями к ним, и последней стоит цифра 538²³. Расхождение с цифрой, данной Фэйнсодом, составляет два дела, которые, как можно предположить, были добавлены позже. Если Фэйнсод в перечне дел говорит о двух отдельных, с иной нумерацией, делах, обозначая их RS 921 и RS 924, то в путеводителе 1980 г. речь идет о четырех делах с обозначением RS 921–RS 924.

Что же представляют собой документы этих 538 дел?

Формально они охватывают время, как и отражено в названии вышеуказанного путеводителя, с 1917 по 1941 г. Но распределение документов по отдельным периодам неравномерно. Насчитывается всего 24 незначительных дела за 1917–1920 гг., около 170 дел относятся к периоду нэпа (1921–1928), основная же масса документов – 30-х годов: 122 – за 1929–1932 гг., 156 – за 1933–1936, 50 – за 1937–1941 гг.²⁴ Некоторые дела точной датировки не имеют.

Однако если брать формальную сторону, то, как мы уже отмечали, хронологические рамки архива должны быть расширены вплоть до 1943 г. (д. 478 и 496 – 1943 г.). Точно так же и территориально, “Смоленский архив” – это история не только одной Смоленщины. Вполне естественно, что за 1929–1937 гг. он включает в себя документы партийных и других организаций и учреждений соседних Брянской, Калужской, Псковской и Тверской областей, территории которых входили в то время во вновь созданную Западную область с центром в Смоленске. Но при этом в архиве есть и немало дел в указанных временных рамках, никакого территориального отношения к Смоленщине не имеющих. Так, д. 24 – профсоюзная переписка соответствующих ведомств Брянска за 1924–1925 гг., д. 130–131 – Медынский уком (Калужская губ.) за 1925–1926 гг., д. 292 – материалы Спас-Деменского укома (Калужская губ.) за 1927 г., д. 293 – Псковский губ-

¹⁹ Ibid. P. 3.

²⁰ Ibid. P. 456.

²¹ Зараев М. Указ. соч. С. 3.

²² Гетти Дж. Арч. Указ. соч. С. 93. WKP – сокращенное обозначение “Смоленского архива”, как архива “ВКП(б)”, на немецком языке, так и не измененное со времен войны на соответствующий вариант английского языка.

²³ Guid to the Records of the Smolensk Oblast of the All-Union Communist Party of the Soviet Union, 1917–1941. Washington, 1980. P. 78–190.

²⁴ Гетти Дж. Арч. Указ. соч. С. 93.

ком ВКП(б) за 1927 г., д. 297, 531, 532 – Осташковский уком (Тверская губ.) за 1926–1928 гг. и т.д.

Около 60 дел трудно отнести к делам партийного архива и даже вообще к Смоленщине. Например, д. 264 – это журнал “Фрунзенское хозяйство” за январь 1933 г.; д. 256, 258, 263 – бюллетени Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей (1926), Комитета транспортников (1929), ТАСС по сельскому хозяйству за 1932 г.; д. 268 – брошюра на польском языке; д. 505 – песни и частушки на белорусском языке; д. 484, 486 и 490 дают историко-географическую характеристику Биробиджана; д. 489 – список опубликованных на иврите книг 1932 г., д. 477, 449 – газетные вырезки по Украине и Белоруссии за 1926–1929 гг. и т.д.

Отдельными делами проходят в архиве общедоступные для любого гражданина в то время книги и газеты: д. 536 – “Стенографический отчет XV съезда ВКП(б)”; д. 537 – “ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1924)”, Ч. I (1932); д. 457 – два номера “Правды” за июнь 1941 г.; д. 456 – киевские газеты “Транспортник” и “Большевик” за 1941 г. и др.

Дела “Смоленского архива” очень разные по объему – от двух до нескольких сот листов. В основном это далеко не первые экземпляры машинописного текста или рукописные материалы, исполненные чернилами и карандашом и зачастую не на белой бумаге, а на оборотной стороне уже использованных листов, газетных полос, бланков и т.д. Конечно, это не снижает их ценности как исторических источников, однако читать многие из них довольно трудно, а некоторые, как, например, д. 27 (протокол заседания президиума Заднепровского РК ВКП(б), отчеты о работе партийной организации за 1926 г.), д. 34 (протоколы заседаний бюро Монастырщинского РК за 1928 г.), – практически невозможно: третьи или четвертые экземпляры машинописного текста представляют собой общее расплывчатое темное пятно по всему листу. В этой связи следует заметить, что как Фэйнсод, так и его последователи в первую очередь и в основном работали и работают с документами читаемыми, особенно в типографском исполнении (которых тоже немало).

Отдельные дела – “пустые”, как в прямом, так и в переносном для партийного архива значении. Д. 461, например, – это один незаполненный бланк учетной карточки члена Союза воинствующих безбожников; д. 464 – расписка рабочих в том, что они получили спецодежду. Пустые бланки отчетности по работе с пионерами составляет д. 520.

Стремясь подчеркнуть важность “Смоленского архива” для американских исследователей, Гетти в анализе фондов пишет, что в нынешних архивах Смоленска «есть документы, относящиеся к тому же времени и тем же организациям, которые упоминались в “Смоленском архиве”, но нет тех документов, которые есть у нас»²⁵. Другими словами, речь идет об уникальности американской коллекции. Но здесь явно желаемое выдается за действительное, хотя вполне возможно, что и непреднамеренно, так как сам автор статьи в архивах Смоленска не работал. Фактически же многие разрозненные документы, а д. 538 даже целиком (типографские экземпляры протоколов заседаний бюро Запобкома ВКП(б) за 1936 г.) дублируют то, что сегодня хранится в ЦДНИСО. Это относится и к типографским вариантам протоколов Запоблисполкома, Смолгубкома, к отдельным материалам по “Смоленскому нарыву” 1928–1929 гг., особенно в части чистки Смоленского университета.

Бессистемность документов архива нашла свое отражение не только в территориальной и временной распыленности, но и в характере самих материалов и в уровне их представительства. Около половины всех дел – документы среднего, наиболее близкого к реальной жизни звена управления – районного, уездного, волостного. Уровень губкома и обкома – это почти каждое третье дело архива.

²⁵ Там же. С. 100.

Остальное – местные организации, учреждения, первичные парторганизации и упоминавшиеся уже “непартийные” дела. В большей степени характер низовых документов – различные жалобы, внутренние мелкие разборки, никого и ни к чему не обязывающие решения. Основными на областном и районном уровне являются протоколы бюро, секретариатов, пленумов, конференций партийных органов и партактивов, переписка между областным и районным звеном по различным, преимущественно хозяйственным, вопросам.

Последнее вряд ли можно отнести к разряду неожиданностей и особенностей “Смоленского архива”, поскольку хозяйственные вопросы правящая партия никогда не ставила во второй план. В этой связи уже в самом начале работы с архивом среди советологов встал вопрос о типичности его материалов для всей России и Советского Союза в целом. То есть в какой-то степени выводы и оценки, сделанные на его основе, можно экстраполировать на другие регионы.

М. Фэйнсон хотя и определил архив как “зеркало советской действительности”, но все же в вопросе типичности был осторожен. Более радикален Арч Гетти. «В некоторых аспектах, – пишет он, – типичность “Смоленского архива” бесспорна. И если бы мы даже как-то предположили, что Западная область была в чем-то особенной... то и тогда ее партийный архив стоил бы того, чтобы его исследовать»²⁶. Совпадает с его позицией и оценка архива С. Максудовым, который считает, что “при всем своеобразии людей, различии деревень, районов и областей большинство незатейливых происшествий кажутся типичными, такие или похожие события случались повсеместно. Дело здесь в глубоком внутреннем единстве народа, и в единообразии порядков и лозунгов самой советской власти, и в близости сельскохозяйственных занятий в различных концах страны”²⁷. Здесь, как видим, проведены аналогии Смоленщины со всей страной, без учета какой-либо специфики развития событий в крупном промышленном регионе или в отдаленной сельскохозяйственной глубинке, в центре или на окраине и т.д.

Непосредственное же наше знакомство со всеми материалами архива, а также опыт предыдущей работы с партийными архивами в Москве, Брянске, Калуге, Твери дают полное основание к выводу о том, что для центрального региона России документы “Смоленского архива” вполне типичны. Расширить географические рамки аналогии материалов с другими территориями или оставить их в указанных пределах можно будет только в результате дополнительных исследований.

Наиболее полно, в той степени, в которой о полноте можно вообще говорить в отношении “Смоленского архива”, представлены темы коллективизации, чисток и репрессий, особенно середины и второй половины 30-х годов, методов партийного руководства и взаимоотношений с другими организациями и учреждениями и непосредственно внутривластного строительства. Нередки документы по национальному вопросу, что и неудивительно из-за приграничного положения Смоленщины с Белоруссией, Украиной и Прибалтикой и многонационального состава ее населения. В целом бессистемно, но иногда фрагментарно насыщено представлен материал по комсомолу и стремлению партии вовлечь в общественную работу женщин. Должно быть, именно это и определило во многом тематику и направления исследований в советологии, в первую очередь американской. Как раз перечисленные нами, как наиболее полно представленные, они и стали предметом более пристального внимания западных ученых. Тем более что они хорошо “вписались” в уже устоявшуюся к тому времени структуру изучения российской истории.

Другой вопрос – насколько объективными могут быть исследования, базирующиеся на материалах “Смоленского архива”. Архив, как коллекция реаль-

²⁶ Там же. С. 96.

²⁷ Неуслышанные голоса... С. 9.

ных документов, сам по себе, несомненно, объективен. В нем есть свои плюсы и минусы. Но в целом, как отмечает историк Мичиганского университета У. Розенберг, “это замечательный, неисчерпаемый источник”²⁸. И если, расширять наше понимание неожиданно появившегося сталинизма; а по 1920-м годам он может помочь обдумать впечатляющие первоначальные усилия Мерла Фэйнсод, которые, отражая подходы 1950-х, слишком сильно концентрируются на инструментарии и технической стороне власти”²⁹. Сам же Фэйнсод, даже являясь автором работы, базирующейся исключительно на документах “Смоленского архива”, и то считает его не настолько исчерпывающим, чтобы строить на нем какие-либо окончательные выводы или предположения, определяя его материалы лишь как дающие “яркие, ранее неизвестные подтверждающие подробности”³⁰. «В конечном итоге, – считает он, – “Смоленский рассказ” может быть даже более важным не с точки зрения того, что он раскрывает нам прошлое, а тем, что он предвещает нам в изменениях советской системы в будущем»³¹.

При этом, работая с архивом, следует всегда помнить о том, что это все же архив в большинстве своем с документами партийных органов, специфика работы которых требовала отражать и реагировать не столько на положительное, сколько на негатив. Но даже при том, что “партийный архив, – пишет С. Максудов, – не лучший источник для восстановления правдивой картины”, – все-таки документы его – “бесценное достоверное свидетельство”. “Написанные по конкретным поводам, – продолжает он, – они не предназначались для рассмотрения в исторической перспективе и, возможно, именно поэтому оказались вполне для этого пригодны. В них нет умышленной фальсификации”³².

На последнем замечании следует остановиться особо. Российская сторона многие годы вообще не признавала существования “Смоленского архива” как такового, а работы советологов, цитирующие его документы, расценивались не иначе как фальсификации. “О достоверности документов судить трудно, – читаем в книге Н.Н. Яковлева с образным названием “Жало империализма”. – Весьма вероятно, что соответствующие ведомства в США прибегли к фальсификации”³³. Книга “Смоленск под властью Советов” в его оценке не что иное, как “обычный шпионаж”³⁴. Поэтому, возвращаясь к мысли С. Максудова об отсутствии умышленной фальсификации в документах архива, следует констатировать, что и само существование “Смоленского архива” не является фальшивкой. Можно говорить о том, какие материалы из этой коллекции используются, как они прочитываются и интерпретируются, но это уже зависит от объективности подхода и научной добросовестности каждого отдельного исследователя.

В научный оборот его документы вошли с середины 50-х годов. Но этому предшествовали долгие годы предварительной обработки материалов. Судя по пометкам в официальных бланках по микрофильмированию архива, работа над их систематизацией велась уже в июле 1946 г. Активное описание и составление аннотаций продолжались в 1947–1948 гг. (см. д. 522 с отметкой об обработке за 17 сентября 1947 г.; д. 526 – за 8 сентября 1947 г.). В одном из дел (№ 510) опись документов составлена на немецком языке. Дата при этом отсутствует. Во всех

²⁸ *Rosenberg W.* Smolensk in the 1920s: Party-Worker Relations and the “Vanguard” Problem // *The Russian Review*. 1977. Vol. 36, № 2. P. 128.

²⁹ *Ibid.*

³⁰ *Fainsod M.* *Op. cit.* P. 13–14.

³¹ *Ibid.* P. 15.

³² Неуслышанные голоса... С. 8.

³³ *Яковлев Н.Н.* Жало империализма. М., 1971. С. 40.

³⁴ Там же. С. 40–41.

остальных аннотации сделаны на английском языке³⁵. Обработанные таким частичным образом документы (их копии) были переданы профессору М. Фэйнсо-ду, заключившему контракт о детальном их изучении с частной исследовательской организацией Рэнд Корпорейшн (Санта-Моника, Калифорния). В распоряжение корпорации “Смоленский архив” передали американские военные.

В сентябре 1954 г. М. Фэйнсод подготовил для Рэнд корпорейшн “Указатель дел особой важности” (“A Selected Index to Items of Principal Interest”) по следующей схеме. Первая колонка определяла тематику (например, “Переписка секретариата Культпропа”), вторая – хронологические рамки документов (1931), третья – нумерацию дел, в которых содержится этот материал (WKP 158). Здесь не было ни описания документов, ни указания страниц (листов). Указатель больше похож на рабочий вариант систематизации материалов архива для дальнейшей работы с ними аспирантов Фэйнсода, о чем он сам пишет с благодарностью в их адрес в предисловии к своей книге.

Продолжение изучения документов архива в научном семинаре Фэйнсода в Гарвардском университете в 1956–1957 гг. было обеспечено финансовой поддержкой Фонда Форда, результатом явилась изданная в 1958 г. книга “Смоленск под властью Советов”.

Одновременно с этим совместными усилиями военных, Американского комитета по изучению военных документов, Американской исторической ассоциации и Национального архива США велась кропотливая работа по микрофильмированию материалов архива. О тщательности ее говорит оставшаяся в конце рулона с пленкой микрофильмов Т-87/58 таблица, в которой указано не только кто был конкретным исполнителем, какие дела промикрофильмовал, сколько кадров сделал, в какие конкретные рабочие часы, но и подпись, удостоверяющая подлинность документов на микрофильме, а эту подпись заверял вышестоящий начальник (supervisor). Сегодня эти микрофильмы “Смоленского архива” полностью или частично может заказать и получить каждый интересующийся ими.

С наступлением оттепели в советско-американских отношениях и окончании периода маккартизма во внутренней политике США появилась реальная возможность возвращения “Смоленского архива” его законному владельцу. Так, в марте 1963 г. Государственный департамент довел до сведения руководства Национального архива в Вашингтоне, что у него не будет никаких возражений для возвращения СССР смоленских документов, которые находились среди захваченных немецких архивов. Об этом уведомили советскую сторону. Но в июле 1965 г. начальник Главархива Г.А. Белов в записке в адрес ЦК КПСС писал, что если мы обратимся к американцам с просьбой о возвращении смоленских документов, то это будет расценено не иначе, как официальное признание того, что является содержанием материалов “Смоленского архива” о терроре, коллективизации и т.д., и что это будет “использовано в целях антисоветской пропаганды”. А потому “не стоит в настоящее время поднимать вопрос перед Государственным департаментом о возвращении Смоленского архива”, тем более что “сейчас он не представляет какой-то особой ценности”³⁶.

В марте 1992 г. председатель Роскомархива Р.Г. Пихоя получил еще одно письмо от архивистов США, в котором говорилось об их готовности передать архив в Россию. Было высказано предложение сделать это во время встречи президентов двух стран в июне 1992 г. Но вмешался американский конгресс, который под сильным давлением хасидской общины Бруклина (Нью-Йорк) принял

³⁵ Например, д. 242 обработано в 1948 г. Под аннотацией на английском языке записано: “Summerised or translated by D.W. Chase, Jan. 29, 1948” (аннотировано или переведено Д.В. Чейзом 29 января 1948 г.). То же в д. 243 за 27 января 1948 г. Запись “Translated by E. Belter” (перевод Е. Белтер) находим в д. 511–513 и т.д.

³⁶ Цит. по: *Grimsted P.K. Op. cit. P. 79.*

решение увязать окончательно вопрос о судьбе “Смоленского архива” с одновременной передачей в США библиотеки Шнейерсона. После этого в письме на имя вице-президента от 14 апреля 1993 г. руководство Национального архива США вынуждено было взять на себя обязательство и гарантию невозвращения “Смоленского архива” в Россию без официального на то разрешения офиса вице-президента³⁷. Тем самым архив вновь перешел из категории подлежащих реституции культурных и исторических ценностей в инструмент непосредственного политического давления и идеологического противостояния, каким он являлся в 50–60-е годы, после выхода в свет книги Фэйнсода.

Характеристику же его документов как исторического источника можно в обобщенной форме определить так:

“Смоленский архив” – это незначительная (538 дел) коллекция документов Смоленского губкома, обкома и Запобкома ВКП(б), уездных, районных и окружных партийных комитетов и организаций, иных, в том числе территориально не связанных со Смоленщиной и Западной областью, учреждений и ведомств, охватывающих период истории с 1917 по 1941 г.;

– материалы бессистемны во временном и тематическом отношении, а также в аспекте их ведомственной принадлежности, слишком фрагментарны и зачастую плохо читаемы.

Все это в совокупности не позволяет, даже при условии самого тщательного знакомства со всеми документами архива, сформировать на его основе более-менее целостное представление об истории России или хотя бы Смоленщины за весь довоенный период. Поэтому архив нельзя рассматривать как нечто цельное и строить выводы или предположения, базируясь только на его документах.

Но ценность его как побудителя мысли исследователя, как неисчерпаемого источника примеров иллюстративного и документально подтверждающего характера очевидна и бесспорна. А для западной советологии, не имевшей доступа к российским архивам вплоть до конца 80-х годов, была в этом отношении еще и уникальна.

³⁷ Ibid. P. 131.

К.В. Петров

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗДАНИЯ “ДВОРЦОВЫЕ РАЗРЯДЫ”

Прошло уже почти 150 лет с тех пор, как в свет вышли два многотомных издания источников XVII в. – “Дворцовые разряды” и “Книги разрядные”¹. Каждое из них не только широко известно, но и в прямом смысле незаменимо для специалистов. По сей день это единственные издания почти полного комплекта разрядных книг XVII в.²

Основная заслуга в организации работ и публикации документов принадлежит начальнику II отделения с.е.и.в. Канцелярии Д.Н. Блудову. Последний в рамках кодификационной работы своего ведомства развернул деятельность по подготовке и изданию целого ряда исторических памятников. Благодаря Д.Н. Блудову и была создана “Комиссия для печатания разрядных книг”, а 7 апреля 1849 г. получено высочайшее разрешение на их издание под грифом II Отделения³. Деятельность Д.Н. Блудова и группы историков, работавших под его руководством в 40–50-е годы XIX в., сейчас только начинается⁴. А ведь помимо разрядных книг в планы группы специалистов входило издание записных книг Разрядного приказа⁵, писцовых книг, дипломатических документов и т.д.⁶ Проводилась работа по составлению описи Грамот Коллегии экономии⁷. Масштабы анонсированной работы были настолько грандиозны, что позднее, в 1858 г., П.М. Строев писал по этому поводу Н.В. Калачову: “В 1849 году накричали и насудили целые горы, а выдано не много более горациевой мыши”⁸. Возможно,

¹ Дворцовые разряды: В 4 т. СПб., 1850–1855; 1850. Т. 1; 1851. Т. 2; 1852. Т. 3; 1855. Т. 4; Дополнение к тому III Дворцовых разрядов. СПб., 1854; Книги разрядные: В 2 т. СПб., 1853–1855; 1853. Т. 1; 1855. Т. 2.

² Только в последнее время были изданы не публиковавшиеся ранее разрядные книги XVII в. См.: Разрядные книги 1598–1638 гг. / Подгот. В.И. Буганов, Л.Ф. Кузьмина, М., 1974; Разрядная книга 1637/38 г. / Подгот. В.И. Буганов, Л.Ф. Кузьмина, А.П. Богданов, М., 1983.

³ РГБ. Ф. 704 (В.М. Ундольский). К. 11. Ед.хр. 2. Л. 1–2 (копия отношения Д.Н. Блудова П.И. Иванову от 10 мая 1849 г.); К. 29. Ед.хр. 50; *Шереметевский В.В.* История Московских Сенатских архивов и архива Министерства юстиции // Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ. М., 1890. Кн. 7. Отд. 1. С. 194.

О роли Блудова свидетельствует такой факт. В 1852 г. И.Е. Забелин получил согласие Д.Н. Блудова на издание документов приказов Большой Казиы, Большого Дворца и др., хранившихся в архиве Оружейной палаты. Однако со смертью Д.Н. Блудова работа остановилась. Лишь спустя много лет благодаря помощи А.Ф. Бычкова выписки И.Е. Забелина увидели свет в издании ОИДР: *Забелин И.Е.* [Предисловие к] Дополнения к Дворцовым разрядам // ЧОИДР. 1882. Кн. 1. Отд. 2. С. 1–XV.

⁴ *Бухерт В.Г.* Д.Н. Блудов и археографические проекты 40–50-х гг. XIX в. // АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 128–139. О подготовке к изданию разрядных книг см.: *Шохин Л.И.* Систематизация, описание и изучение материалов по генеалогии в МАМЮ во 2 пол. XIX–нач. XX в. // ВИД. 1991. Вып. XXII. С. 53–54; *Немировский Е.Л.* В.М. Ундольский (1816–1864 гг.). М., 1996. С. 87–90.

⁵ О подготовке к изданию записных книг см.: *Петров К.В.* Проблемы изучения записных разрядных книг XVII в. // Сборник статей (в печати).

⁶ РГБ. Ф. 704. К. 9. Ед.хр. 1. См. также: *Бухерт В.Г.* Д.Н. Блудов и археографические проекты...

⁷ *Шохин Л.И.* О неудавшемся плане Д.Я. Самоквасова по изданию описания Грамот Коллегии экономии (1906–1911 гг.) // Мир источниковедения: Сб. в честь С.О. Шмидта. М.; Пенза, 1994. С. 273.

⁸ Цит. по: *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878. С. 462. Заметим, впрочем, что П.М. Строев весьма скептически относился и к планам работы ОИДР, секретарем которого был И.Д. Беляев. См.: *Барсов Е.В.* И.Д. Беляев // ЧОИДР. 1882. Кн. 1. Отд. 5. С. 17–18.

зная то, что “насудили”, П.М. Строев и был прав. И все же издание разрядных книг нельзя не оценить как большое достижение исторической науки прошлого столетия.

Подготовкой издания разрядных книг, в частности дворцовых разрядов, занимались пять человек. В Москве под руководством П.И. Иванова работали И.Д. Беляев и В.М. Ундольский. Первому было поручено отобрать необходимый материал. В.М. Ундольский занимался преимущественно сверкой текста оригиналов с писцовыми копиями⁹. И.Д. Беляев, помимо прочего, был занят составлением сводного текста и подведением вариантов по нескольким спискам¹⁰. Подготовка текста в целом, разработка принципов издания, а также составление и сверка копий ряда рукописей возлагались на А.Н. Попова и А.Ф. Бычкова, осуществлявших обеспечение проекта в Петербурге¹¹.

Мы не ставим перед собой цель показать уровень издания “Дворцовые разряды” с точки зрения археографии того времени и роль этой публикации в ее развитии. Задача куда более скромная, “потребительская”. Она состоит в том, чтобы ответить на вопрос: что и как было опубликовано под названием “Дворцовые разряды”? Соответственно речь пойдет не только о публикации как таковой с точки зрения аутентичности передачи текста. Особенности изданий исторических источников в XIX в. не в последнюю очередь были обусловлены субъективным фактором, взглядами издателей на характер и обстоятельства появления публикуемых документов. Вот почему не менее важным представляется изучение взглядов историков, работавших над публикацией разрядных книг, на издаваемые ими материалы. Оценки издания “Дворцовые разряды” с этой позиции в литературе нет, между тем она поможет понять границы использования опубликованного текста.

Одним из тех, кто работал под руководством Д.Н. Блудова и внес существенный вклад в изучение разрядных книг, был И.Д. Беляев. И хотя в последнее время появились новые работы, посвященные общественно-политическим и историческим взглядам историка¹², его археографическая деятельность остается без внимания. Между тем еще в 1849 г. И.Д. Беляев опубликовал три разрядные книги “Подлинников”¹³, переизданных позже II Отделением в издании “Книги разрядные”. Более того, позиция исследователя по вопросу о разрядных книгах как источнике по военной истории¹⁴ оказала определяющее влияние на последующую военную историографию¹⁵. В своих работах И.Д. Беляев нигде специально не оговаривает использование термина “разрядные книги”. Его содержание становится ясным из предложенной историком классификации разрядных книг. Вся их совокупность, по мысли ученого, делится на частные и официальные рукопи-

⁹ РГБ. Ф. 704. К. 11. Ед.хр. 2. Л. 7, 36 об., 48–48 об., 66–66 об.

¹⁰ Сохранилась копия (1849–1851 гг., по штемпелям) с карамзинской разрядной книги (РГАДА. Ф. 181. Д. 99. Ч. 1–2) с подведенными вариантами по четырем рукописям до 7042 г. См.: РГБ. Ф. 29 (И.Д. Беляев). № 81 (старый шифр – М. 1590).

¹¹ [Попов А.Н. Предисловие] // Дворцовые разряды. Т. 1. С. XIII. Об авторстве предисловия см.: И.Д. Беляев–А.Н. Попову. 23 апр. 1850 г. (Из писем И.Д. Беляева к А.Н. Попову) // РА. 1886. Кн. 3. № 10. С. 245–246.

¹² См., например: *Галкин А.А.* Русская общественная мысль 40–50-х годов XIX в. о происхождении крепостного права в России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛГПИ, 1988; *Вакулина Е.Н.* Исторические взгляды И.Д. Беляева: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1990.

¹³ Временник МОИДР. 1849. Ки. 1. Отд. 2. С. 1–60; Кн. 2. Отд. 2. С. 87–104; Кн. 3. Отд. 2. С. 1–140. О книгах “Подлинниках” см.: *Буганов В.И.* “Книги разрядные” (“Подлинники”) 1613–1636 гг. // ИЗ. М., 1976. Т. 97. С. 290–303.

¹⁴ *Беляев И.Д.* О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846.

¹⁵ См., например: *Обручев Н.Н.* Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России, по 1725 г. СПб., 1853. С. 68–80; *Устрялов Н.Г.* Русское войско до Петра Великого. СПб., 1856; *Гудим-Левкович П.* Историческое развитие вооруженных сил в России до 1708 г. СПб., 1875.

си. Из числа последних Беляев выделяет, *во-первых*, книги Московского стола Разрядного приказа, содержащие “общие распоряжения по службе по всему Московскому государству”. К ним исследователь относил книги “Подлинники”, изданные в 1853–1855 гг. как “Книги разрядные”. Само название публикации было дано по заголовкам книг: “Книга, а в ней писаны розряды...”

Во вторую группу, выделенную И.Д. Беляевым, вошли книги других столов Разрядного приказа, в которых “развивались общие положения в частностях”. *Третью* группу составили книги разрядных изб. Здесь фиксировались “все распоряжения и назначения, делаемые самим воеводой”. Сюда же, по мнению Беляева, относились и те книги, которые велись первым воеводой Большого полка во время походов и впоследствии поступали в Разрядный приказ. *В четвертую* группу вошли “разрядные росписи” приказа Большого Дворца, куда заносились “служебные назначения по дворцовой службе”. В качестве примера для данной группы Беляев указывал на изданные Г.Ф. Миллером “Повседневные дворцовые... записки” (М., 1769. Ч. 1, 2)¹⁶. И наконец, *последнюю* группу составили разряды Посольского и других приказов, содержащие “частные распоряжения по своему ведомству”¹⁷. Отметим здесь, что, говоря о разрядных книгах разных приказов, историк замечает, что они часто встречаются под заголовком “списки служилых людей”. И здесь уместно привести еще один пример, раскрывающий позицию И.Д. Беляева. В одной из своих работ, посвященной официальным летописям, исследователь пишет о том, что они хранились в Разрядном приказе, а сам Государев летописец “принадлежал к отделу разрядных и записных книг”¹⁸.

Итак, термин “разрядные книги” И.Д. Беляев понимает трояко: *во-первых*, это записи о назначении на службу вообще; *во-вторых*, это книги Разрядного приказа в целом, его делопроизводство; *в-третьих*, это те документы, которые имеют самоназвание “разрядные книги”. Все эти значения выступают критериями классификации, предложенной историком. Но именно широкое понимание разрядных книг обуславливает общий подход к разрядным книгам как к памятнику прошлого. Данный недостаток в работе И.Д. Беляева был отмечен еще Н.П. Лихачевым в его кандидатском сочинении “О разрядных книгах” (1884): “Беляев слишком расширил понятие о разрядных книгах. Он не отделил ни записных книг разных столов Разряда, ни списков служилых людей, документы, которые не носили чисто разрядного характера, и, с другой стороны, выделил частные рукописи разрядных книг, которые никак не могут считаться отдельным видом, а в сущности представляют сокращение одного из официальных видов”¹⁹.

Позиция Беляева по вопросу о содержании и источниках текста в частных рукописях разрядных книг не была статичной и претерпела существенную эволюцию. Первоначально исследователь считал возможным выделить частные рукописи разрядных книг в отдельную группу. Важную отличительную черту текста этой группы историк видел в том, что его источником были “росписи, выдаваемые из разряда воеводам и другим начальникам”. Следствием этого были неполнота и искажения известий, наличие в тексте местнических челобитий. Инициатива составления частного текста принадлежала заинтересованным представителям дворянских фамилий с целью “основывать свои права в родовых и служебных счетах”²⁰. Позже, в одном из писем А.Н. Попову, И.Д. Беляев напишет о том, что частные рукописи разрядных книг лишь выборки известий, необходи-

¹⁶ Первым, кто идентифицировал текст, изданный Г.Ф. Миллером, с разрядной книгой, был Д.А. Валуйев. См.: Валуйев Д.А. Исследование о местничестве. М., 1845. С. 3.

¹⁷ [Беляев И.Д. Предисловие] Разрядная книга 7123 года // Временник МОИДР. 1849. Кн. 1. Отд. 2. С. VIII–XIV; Он же. О русском войске... С. 86–87.

¹⁸ Беляев И.Д. О разных видах русских летописей // Временник МОИДР. 1850. Кн. 5. Отд. 1. С. 7.

¹⁹ СПб ФА РАН. Ф. 246 (Н.П. Лихачев). Оп. 1. Д. 16. Л. 13 об.

²⁰ Беляев И.Д. Предисловие. С. XIV–XV.

мых частным лицам, из официального текста²¹. Эта эволюция дала возможность использовать частные разрядные книги при подготовке издания “Дворцовых разрядов”. Но официального, “канонического” текста не сохранилось. Следовательно, определить окончательно, какое известие входило в подлинную книгу, нельзя. “Неофициальные списки разрядных книг, – писал И.Д. Беляев, – не могут представлять той полноты служебного состава, какой мы встречаем в официальных списках”²². В соответствии с этой позицией известия частных списков, отобранных для вариантов к изданию “Дворцовых разрядов”, следует использовать с максимальной полнотой, учитывая их особенности.

Итак, по мнению Беляева, дворцовые разряды – разрядные записи, посвященные исключительно придворной службе и составлявшиеся в приказе Большого Дворца. Не останавливаясь на подробном рассмотрении причин, позволивших историку утверждать, что разряды составлялись в приказе Большого Дворца, заметим, что во многом И.Д. Беляев, а за ним А.Н. Попов исходили из интерпретации текста (разрядной книги 1783 г.), но не последнюю роль сыграли, видимо, авторитет Г.Ф. Миллера и его публикации “дворцовых записок”, позволявшие думать, что дворцовые записки составлялись во Дворце. Далеко не все согласились с данной точкой зрения. В августовской книжке 1850 г. “Отечественных записок”, в рецензии на первый том “Дворцовых разрядов”, И.Е. Забелин оспорил тезис о составлении дворцовых разрядов в приказе Большого Дворца²³. Даже В.М. Ундольский был не согласен с позицией И.Д. Беляева и А.Н. Попова²⁴. Не принята она и в настоящее время²⁵.

Взгляды Попова на характер и особенности составления разрядных книг существенно отличались от позиции Беляева. Принимая деление рукописей разрядов на два “рода” – официальные и частные, Попов прежде всего считал, что источниками частных разрядных книг являлись официальные разряды, утраченные в 1682 г. Частные списки использовались в местнических спорах, что обуславливало их состав, наличие недостоверных или искаженных записей. Официальные разрядные книги, по мнению Попова, следует разделить на три группы: во-первых, собственно разрядные книги, содержащие “распоряжения по службе гражданской и военной”; во-вторых, книги записные, которые содержат сведения книг первой группы и записи о “службе придворной”; в-третьих, дворцовые разряды – текст с “распоряжениями по придворной службе”²⁶. Разрядные книги первых двух групп составлялись в Разрядном приказе; последней – в приказе Большого Дворца. Собственно разрядные книги – это книги “Подлинники”; книги второй группы – записные книги Разрядного приказа²⁷. По вопросу о передаче известий частных рукописей А.Н. Попов и И.Д. Беляев были единодушны: сведения частных рукописей следует передавать без исключений, так как определить, какое известие содержалось в подлинной разрядной книге приказа Большого Дворца, нет никакой возможности²⁸.

При разработке принципов издания Беляев и Попов во многом опирались на сравнение сохранившихся частных списков разрядных книг с подлинной разрядной

²¹ Из писем И.Д. Беляева к А.Н. Попову. С. 243.

²² Цит. по: Буганов В.И. “Записка” И.Д. Беляева об издании разрядных книг // АЕ за 1969 год. М., 1971. С. 237.

²³ Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872. Ч. 1. С. 477–478.

²⁴ РГБ. Ф. 704. К. 11. Ед.хр. 2. Л. 439.

²⁵ См.: Буганов В.И. “Дворцовые разряды” 1 пол. XVII в. // АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 253–254. Тем не менее до сих пор появляются работы, в которых повторяется тезис о составлении разрядов в приказе Большого Дворца. См.: Талина Г.В. Царь Алексей Михайлович – государственный деятель России XVII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МПГУ, 1995. С. 2.

²⁶ Попов А.Н. Предисловие. С. X–XI.

²⁷ О записных книгах см.: Новохатко О.В. Записные книги Московского стола Разряда в XVII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИРИ, 1994.

²⁸ Попов А.Н. Предисловие. С. XXXIII–XXXIV.

книгой 7183 г. Подробности последней в описании событий, происходивших в течение года, учитывая ее объем (более тысячи листов), привели исследователей к мнению о крайней скудости известий частных рукописей и фрагментарности или функциональной направленности материалов сохранившегося делопроизводства. Таким образом, главным принципом издания “Дворцовые разряды” стала реконструкция. К такому же мнению пришел и Блудов, но, видимо, не без влияния мнений своих подчиненных. Уже 2 июня 1849 г. в отношении, направленном П.И. Иванову, Д.Н. Блудов указывает на необходимость сличать лучший частный текст со столбцами, а при отсутствии признаков того, что в основе частного текста лежит официальный, составить сводный текст, используя те же материалы²⁹.

В одном из писем Блудову незадолго до выхода из печати первого тома “Дворцовых разрядов”³⁰, в мае 1849 г., Беляев излагает принципы, которые следует положить в основу публикации: издавать в качестве основного текст частных рукописей с дополнениями других списков и материалами столбцов. Известия до 1631 г. должны быть взяты из рукописи Ромодановского (РГАДА. Ф. 181. Д. 118); второй источник, в записях за 1631–1645 гг., – разрядная книга Коробановского собрания (РНБ. F.IV.564); третий источник – текст из портфелей Г.Ф. Миллера (РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Д. 155), содержащий известия за 1645–1665 гг.³¹ Но на самом деле публикация будет осуществляться на основе других рукописей. Думается, окончательное определение того, по каким спискам будет осуществляться издание, принадлежит А.Н. Попову.

Основные принципы издания, особенности передачи текста и описания рукописей, использованных в публикации, как и характер их использования, – все это оговорено в предисловии к первому тому “Дворцовых разрядов” и в предисловиях к последующим томам. Здесь отметим лишь, что издание соответствовало инструкциям Д.Н. Блудова, упомянутым выше.

Материалы, изданные в “Дворцовых разрядах”, охватывают период с 1612 по 1701 г. Ни одна из разрядных книг не содержит известий за столь длительный период времени. Помимо этого, те принципы, которыми руководствовались публикаторы, и в первую очередь сводный характер издания, диктуют необходимость учета особенностей документов, изданных в “Дворцовых разрядах”. Сейчас, после выхода в свет трудов Н.П. Лихачева, П.Н. Милюкова, В.И. Буганова, а также в результате наших наблюдений, можно охарактеризовать издание с этой точки зрения³².

Основу известий за 7120–7153 гг. составляет текст четырех рукописей в полном объеме. В структуре издания эти записи занимают чуть более двух первых томов³³. Особенностью передачи текста рукописей является его сводный характер. Публикаторы реконструировали “правильный” текст, используя чтения всех списков и вынося разночтения тех же рукописей в примечания. Записи упомянутых рукописей представляют собой первый “слой” текста издания за 7120–7153 гг.

²⁹ РГБ. Ф. 704. К. 11. Ед.хр. 2. Л. 424–425 (Отношение Д.Н. Блудова П.И. Иванову, № 270, от 2 июня 1849 г.).

³⁰ Уже в декабре 1849 г. И.Д. Беляев имел на руках экземпляр первого тома “Дворцовых разрядов”, видимо, корректурный. Во всяком случае, в письме А.Н. Попову от 1 января 1850 г. речь идет о печатном тексте предисловия к этому тому. См.: Из писем И.Д. Беляева к А.Н. Попову. С. 243–244.

³¹ И.Д. Беляев – Д.Н. Блудову, 12 мая 1849 г.: (Переписка И.Д. Беляева с учеными и литераторами) // ЧОИДР. 1882. Кн. 1. Отд. 5. С. 27–29.

³² Лихачев Н.П. Разрядные дяки XVI в. СПб., 1888; Милюков П.Н. К вопросу о составлении разрядных книг // ЖМНП. 1889. Ч. 263. № 5. С. 165–194; Буганов В.И. “Дворцовые разряды” I пол. XVII в. // АЕ за 1975 год. С. 252–258; Петров К.В. Разрядные книги XVII в.: Источниковед. исследование.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., СПбГУ, 1996.

³³ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 1–1034 (7120–7136 гг.); Т. 2. Стб. 1–756 (7137–7153 гг.); Т. 3. Стб. 1–12 (7153 г.).

Из четырех привлеченных списков разрядных книг лишь два содержат известия до 1753 г. – РГБ. Румянц. 341 (в издании под литерой “А”), датируемый 70-ми годами XVII в., и РНБ. F.IV.564 (в издании под литерой “В”), датируемый 60-ми годами XVII в. Рукопись РГБ. ОИДР. 184 (в издании под литерой “Б”) охватывает записи за 7120–7139 гг. Наконец, под литерой “М”, начиная с известий за 7140 г., привлекалась рукопись Г.Ф. Миллера, датируемая 60-ми годами XVIII в., – РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель № 155. № 14/2–15³⁴. Данные рукописи в передаче текста близки между собой. Все они являются списками Основной (Шереметевской) редакции разрядной книги царя Михаила Федоровича. Последнее название дано нами условно. Опись архива Разрядного приказа середины XVII в. упоминает о перечневой книге 7121–7154 гг., составленной в двух переплетах³⁵. Эта официальная книга, видимо, была уничтожена в 1682 г. в результате отмены местничества. Текст Основной (Шереметевской) редакции – лучший из сохранившихся записей, восходящих к официальным. Вместе с тем он содержит ряд частных вставок; некоторые из них позволяют думать об инициативе Шереметевых по составлению архетипа редакции или, по крайней мере, сохранившихся списков.

В “Дворцовых разрядах” в записях 7121–7153 гг. содержатся еще два “слоя” текста. Один из них представляет собой известия четырех частных списков разрядных книг в редакциях, отличных как от упомянутой выше, так и друг от друга. Наиболее близкими являются рукописи, использованные в издании под литерами “Г” и “Ж”. Последняя (РГАДА. Ф. 181. Д. 119) является старшим списком Собакинской редакции разрядной книги царя Михаила Федоровича. Редакция возникла не позднее 40-х годов XVII в. и содержит известия за 7121–7152 гг. Для нее характерны значительные сокращения в записях, как по количеству, так и по объему; в тексте много явных вставок частного происхождения. Возможно, дальнейшее изучение текста и выявление критериев для разграничения редакций памятника позволят говорить об особой разрядной книге, одним из источников которой был официальный текст. Особую обработку архетипа Собакинской редакции представляют собой записи разрядной книги РНБ. Q.IV.99, помещенные в издании под литерой “Г”. Рукопись датируется 40-ми годами XVII в. и содержит известия за 7126–7148 гг., отличающиеся по характеру обработки от Собакинских.

Под литерой “Е” издатели “Дворцовых разрядов” использовали записи разрядной книги (РГАДА. Ф. 181. Д. 122), компилирующей известия двух редакций или разрядных книг, каждая из которых восходит независимо друг от друга к разрядной книге царя Михаила Федоровича. Один из источников текста рукописи – записи Крыловской редакции, появившейся не позднее начала 30-х годов XVII в. и содержащей известия 7121–7129 гг.³⁶ Редакция отличается небольшим объемом годовых статей и перестановкой известий из одной годовой статьи в другую. Ряд записей испорчены, дефектны. Вместе с тем встречаются известия, отсутствующие в Основной редакции. Второй источник (РГАДА. Ф. 181. Д. 122) близок к записям, которые читаются в рукописи РГБ. Ф. 178. № 738 и представляют собой текст вторичной редакции по отношению к Основной³⁷. Иначе говоря, архе-

³⁴ Текст этого списка был издан Г.Ф. Миллером (Повседневные дворцовые... записки. М., 1769. Ч. 1. С. 1–276).

³⁵ Лихачев Н.П. Библиотека и архив Московских государей в XVI столетии. СПб., 1894. Прил. IV. С. 55–56.

³⁶ К данной редакции относятся рукописи: РНБ. Ф. 1224. Оп. 2. № 1; РГАДА. Ф. 27. Д. 26; РГБ. Ф. 29. Д. 76; и др.

³⁷ В.И. Буганов полагал, что текст РГБ. Ф. 178. Д. 738 первичен по отношению к чтениям Основной редакции (списки под литерами “А”, “Б” и “В”). Однако при сравнении он использовал не рукописи, а издание “Дворцовые разряды”. Примеры, которые привел исследователь, в тексте издания заключены в скобки с литерой “Ж”. Таким образом, В.И. Буганов показал вторичность изве-

типом для РГБ. Ф. 178. № 738 и второго источника РГАДА. Ф. 181. Д. 122 является сильно переработанный текст одного из списков Основной редакции.

Наконец, четвертой рукописью является разрядная книга РГАДА. Ф. 181. Д. 118; текст ее использован в издании под литерой "Д". Записи этой рукописи передают текст Пушкинской разрядной книги; заключительный этап ее формирования – включение годовых статей 7121–7140 гг. – относится к 1631 – июню 1634 гг. и связан с именем Г.Г. Пушкина. Известия 7121–7140 гг. можно рассматривать как Пушкинскую редакцию официального текста; их основу составляет выборка записей книги царя Михаила Федоровича, чтения которых в целом ряде случаев предпочтительнее, нежели текст Основной редакции. Рукопись РГАДА. Ф. 181. Д. 118, как и другие списки редакции, содержит значительное количество пропушкинских записей. Старшие списки редакции, в числе которых и упомянутый, датируются 40-ми годами XVII в.

Третьим "слоем" текста издания (в части до 7153 г. включительно) являются известия документов Разрядного приказа, не относящихся к разрядным книгам как виду документа. Под литерой "К" привлечен текст книги записей о приемах послов 7132–7143 гг., хранящейся среди книг Московского стола Разрядного приказа³⁸. Там же хранится и книга, текст которой издатели использовали под литерой "Л", – "списки" лиц, присутствовавших у государева "стола" 7131–7137 гг.³⁹ Источниковедческое изучение данных документов не проводилось, их целевое назначение не выяснено. Известия этих книг в ряде случаев отличны от данных разрядных книг частных редакций с фактической стороны. Официальный характер текста и самих рукописей, несомненно, повышает достоверность сведений данных книг. Между тем это обстоятельство не позволяет априорно отдавать предпочтение их показаниям перед всеми прочими⁴⁰.

Под литерой "И" в издании были использованы сведения, содержащиеся в столбце Московского стола Разрядного приказа, посвященном приездам и встречам послов за 7123–7135 гг.⁴¹

Особое место в структуре текста издания занимает рукопись РГАДА. Ф. 181. Д. 123 (старый шифр – МГАМИД, 171). Рукопись состоит из списков документов Разрядного приказа, сделанных по частной инициативе; текст в издании помещен под литерой "Н". В части, содержащей известия до 7153 г., использована только одна из статей данной рукописи⁴². Прочие статьи сборника вошли в третий том издания под 7166–7168, 7172, 7175–7176, 7179–7180 гг.⁴³ Частная инициатива составления сборника обусловила подборку документов: все они, так или иначе, отражают служебные назначения представителей рода Собакиных⁴⁴.

Итак, в записях 7120–7153 гг. в издании в качестве основного текста следует считать реконструкцию, выполненную на основе четырех рукописей, передающих текст Основной (Шереметевской) редакции несохранившейся разрядной книги царя Михаила Федоровича 7121–7154 гг. Реконструкцией второго порядка является внесение в изданный текст сведений списков частных редакций той же

стий РГАДА. Ф. 181. Д. 119 по отношению к РГБ. Ф. 178. Д. 738, но не вторичность текста Основной редакции. См.: Буганов В.И. "Дворцовые разряды"... С. 258. Ср.: Дворцовые разряды: Т. 1. Стб. 108. То же см.: РГАДА. Ф. 181. Д. 119. Л. 42–42об.

³⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 (Книги Московского стола). № 15.

³⁹ Там же. № 11.

⁴⁰ См.: Лукичев М.П. К вопросу о достоверности сведений боярских списков 2 пол. XVII–нач. XVIII в. // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тез. докл. науч. конф. М., 1996. С. 199–202.

⁴¹ Местонахождение в настоящее время не выяснено.

⁴² Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 358–360 (под 7142 г.).

⁴³ Там же. Т. 3. Стб. 493–530, 553–584, 645–848, 871–896.

⁴⁴ См.: Петров К.В. Дворяне Собакины и их рукописи: (К истории книжных собраний XVII в.) // Россия в X–XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения: Тез. докл. Вторых чтений памяти А.А. Зиминой. М., 1995. С. 423–428.

официальной разрядной книги и делопроизводственных материалов Разрядного приказа, не имеющих к разрядным книгам никакого отношения и не являющихся их источником. Любые известия, отсутствующие в тексте, реконструируемом на основе четырех рукописей, внесены в текст в скобках с литерой, обозначающей конкретную рукопись. Записи частных редакций разрядной книги при разночтениях вносятся под строку в примечания, но известия столбцов, наоборот, вводятся в текст вместо записей основных списков, помещенных в подстрочных примечаниях.

Следует также упомянуть о том, что оба первых тома содержат приложения. В приложении к первому тому опубликовано 67 грамот. Все они издавались по тексту столбца, состоящему из 71 грамоты⁴⁵. Ряд актов столбца был непосредственным источником начальных записей разрядной книги, сохранившихся в Основной редакции. Поэтому эти четыре документа были использованы при подведении вариантов под литерой “З”⁴⁶ и не вошли в приложение. Один из актов, отсутствующий в столбце, но являющийся источником начальных известий текста, был использован для подведения вариантов по изданию “Собрание государственных грамот и договоров” (№ 6. С. 15–22)⁴⁷. Наконец, в приложении к первому тому был издан текст разряда свадьбы царя Михаила Федоровича с М.В. Долгорукой 7133 г., содержащийся в рукописи РГАДА. Ф. 181. Д. 118 (в издании под литерой “Д”).

Приложение ко второму тому содержит большое количество неоднородных по своему характеру документов. Здесь использованы материалы столбцов Московского стола Разрядного приказа, содержащие списки лиц, встречавших или присутствовавших во время приемов послов в 7145, 7147 гг. и т.п.⁴⁸ Текст одного из использованных в приложении столбцов содержит списки лиц, назначенных “видеть государевы очи” во время пасхальных церемоний в 7139–7142 гг.⁴⁹ Из документов делопроизводства в приложении содержится также текст записей книги Московского стола Разрядного приказа, использовавшейся в основном тексте под литерой “К”⁵⁰. Два документа составители позаимствовали из частного сборника – списки лиц, присутствовавших на церемонии погребения царевичей Ивана и Василия Михайловичей в 7147 г. В обоих случаях официальный характер документов не подлежит сомнению⁵¹.

Ряд известий, публикуемых в приложении, были взяты из рукописи РГАДА. Ф. 181. Д. 119. Разрядная книга, содержащаяся в этом сборнике, была использована в основном тексте первого и второго томов. Однако записи приложения имеются в другой статье сборника – частного компилятивного летописца, оканчивающегося записями 7142 г. Это обстоятельство не было оговорено составителями. Из летописца заимствованы четыре статьи: о сожжении в 7136 г. евангелия Кирилла Транквиллиона, о местническом споре Ляпуновых с Чевкиным в 7136 г., список указа 7136 г. о подводах, причитающихся служилым людям, и заметный список дьяков “кому сколько государева запаса отъезть под Смоленск”⁵². Наконец, последняя статья приложения ко второму тому – “Дело о при-

⁴⁵ РГАДА. Ф. 135. Д. 236. См. предыдущие публ.: Собрание государственных грамот и договоров. М., 1822. Ч. 3; *Иванов П.И.* Описание государственного Разрядного архива. М., 1842. С. 95–282.

⁴⁶ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 18–31, 45–66.

⁴⁷ Ср.: Там же. С. 31–45.

⁴⁸ Там же. Т. 2. Стб. 869–878, 947–964, 877–932.

⁴⁹ Там же. Стб. 843–850, 855–870.

⁵⁰ Там же. Стб. 823–844, 849–856.

⁵¹ Там же. Стб. 931–948, 963–976. Рукопись (4^о, XVII в., 164 л.) принадлежала А.Ф. Бычкову; в настоящее время не найдена.

⁵² Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 821–824, 859–862. Ср.: РГАДА. Ф. 181. Д. 119. Л. 288–290, 301–303. О данных статьях рукописи см.: *Голубцов А.П.* Судьба евангелия учительного Кирилла Транквиллиона Ставровецкого // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1890. № 4; Законодательные акты Русского государства 2 пол. XVI–1 пол. XVII в.: Тексты. Л., 1986. № 179. С. 145.

сылке шахом Аббасом Ризы Господней” по четырем спискам. Известие представляет собой одну из редакций Повести о принесении Ризы Господней в Москву⁵³. Как установила С.Н. Гухман, Повесть – “своеобразная редакция всех документальных известий, приобретшая характер самостоятельного произведения”⁵⁴.

Третий том издания содержит записи 7153–7184 гг. Известия 7153 г., как уже упоминалось выше, являются заключительной частью “перечневой” разрядной книги царя Михаила Федоровича. Текст за 7154–7163 гг., будучи единым по композиции и структуре комплексом известий, издан по рукописи РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель № 155. Ч. 15–16. Первая публикация того же текста была осуществлена самим Г.Ф. Миллером во второй части “Повседневных дворцовых... записок”.

Следует отметить, что в 1854 г. отдельным томом вышли “Дополнения к тому 3-му Дворцовых разрядов”. Первая часть этого тома содержит текст разрядов 7164–7171 гг. В основе данной публикации – известия рукописи РНБ. Эрм. 342, относящейся к 80-м годам XVIII в. Разряды 7154–7163 и 7164–7171 гг. являются частями разрядной книги 7154–7174 гг. Помимо упомянутых рукописей, разрядная книга известна сейчас еще в пяти списках. Старший из них датируется 50-ми годами XVII в. и содержит лишь первую часть записей книги (РНБ. Эрм. 516), а наиболее полный, с известиями 7154–7173 гг. и заголовком, – 90-ми годами XVII в. (РГБ. Ундол. 1233). Разрядная книга 7154–7174 гг. восходит к официальному тексту разрядной книги царя Алексея Михайловича, составленной, возможно, как и книга его отца, в двух переплетах. Начальные известия книги 7154–7174 гг. следует отождествлять с “перечневой” разрядной книгой 7154–7158 гг., упоминаемой в описи Разрядного приказа середины XVII в.

Текст разрядной книги 7154–7174 гг., содержащийся в “Дворцовых разрядах”, также следует считать реконструкцией. В первую очередь это относится к годовым статьям 7158–7162 гг. Дополнительным источником здесь были записи двух столбцов Разрядного приказа, обозначенные литерами “О” и “П”⁵⁵. Первый из них был использован при составлении статей 7158–7160 и 7162 гг.; второй – 7159–7161 гг. Известия, отсутствующие в тексте разрядной книги 7164–7174 гг., за упомянутые годы были внесены в текст издания; при наличии параллельных известий в основной текст вносились записи столбцов, чтения разрядной книги вынесены под строку, в примечания. Следует считать, что реконструкция текста за 7158–7162 гг. была вызвана наличием соответствующего материала за эти годы.

В годовой статье 7183 г. третьего тома “Дворцовых разрядов” содержится текст чернового варианта разрядной книги 7183 г. – РГАДА. Ф. 181. Д. 124. Он был составлен в Разрядном приказе, но не получил официальной санкции. Во многом это объясняет тот факт, что частной рукописной традиции памятника не существует⁵⁶. Черновой характер разрядной книги доказывает большое количество помарок и исправлений в рукописи. Все они были опущены издателями “Дворцовых разрядов”, где текст рукописи обозначен под литерой “Ю”⁵⁷. Ряд вариантов к тексту подводились по материалам столбца (в издании под литерой “Ш”), который, судя по всему, был одним из источников текста разрядной книги⁵⁸.

⁵³ Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 761–822.

⁵⁴ Гухман С.Н. “Документальное” сказание о даре шаха Аббаса России // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. XXVIII. С. 256; Она же. Сказание о даре шаха Аббаса России: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1973.

⁵⁵ Известно лишь местонахождение столбца под литерой “О”. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 305.

⁵⁶ Единственным списком следует считать копию Г.Ф. Миллера 60-х годов XVIII в. См.: РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель № 155. Ч. 17.

⁵⁷ Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 973–1634.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 481. Столпик 2 (любезно указано нам П.В. Седовым).

Таблица

Источники годовых статей третьего тома в записях 7164–7182, 7184 гг.

Год	Разрядная книга с дополнительными статьями. Рукопись Кропоткиных	Сборник разрядных документов. Рукопись Собакиных	Делопроизводство Разрядного приказа (столбцы Московского стола)														
			Обозначения в издании "Дворцовые разряды"														
			Т	Н	О	Р	С	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ө	Я	
7164						+											
7166	+				+												
7167					+												
7168					+												
7169																	
7170																	
7171																	
7172																	
7173																	
7174																	
7175																	
7176																	
7177																	
7178	+																
7179	+																
7180	+																
7181	+																
7182																	
7184																	

Все прочие годовые статьи третьего тома (7164, 7166–7182, 7184 гг.) составлены на основе столбцов Разрядного приказа и списков документов, содержащихся в частных рукописных сборниках. В большинстве случаев годовые статьи механически объединяют известия разных источников в хронологической последовательности. В ряде случаев столбцовый материал дублируется. Разночтения в этом случае выносятся в примечания, под строку⁵⁹. Сейчас неизвестно местонахождение трех столбцов из числа тех, что были привлечены в третьем томе; их текст в издании обозначен литерами "П", "С", "У". Десять других столбцов удалось обнаружить: "О", "Р"⁶⁰, "Ф"⁶¹, "Х"⁶², "Ц"⁶³, "Ч"⁶⁴, "Ш"⁶⁵, "Щ"⁶⁶, "Ө"⁶⁷, "Я"⁶⁸. В помещенной выше таблице отражены источники годовых статей.

Из таблицы видно, что использованный материал распределяется крайне неравномерно; далеко не все годовые статьи являются компилятивными. Это относится лишь к статьям 7166, 7171, 7172, 7173, 7174, 7179, 7180, 7182 гг. Большинство использованных столбцов содержат известия о мероприятиях внешнеполи-

⁵⁹ Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 659–848.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 384.

⁶¹ Там же. № 354. Столпик 2.

⁶² Там же. Столпик 1.

⁶³ Там же. № 379. Столпик 1.

⁶⁴ Там же. Оп. 24. № 150.

⁶⁵ Там же. № 195.

⁶⁶ Там же. Оп. 9. № 481. Столпик 1, 2.

⁶⁷ Там же. № 421. Л. 19–23. Ср.: РГБ. Ф. 29. № 82 (старый шифр – М. 1591). Л. 1–46, 473–477.

⁶⁸ Там же. № 500. Столпики 6, 7.

тического характера, о служебных назначениях при их проведении: “Р”, “С”, “У”, “Ф”, “Х” (то же – “Н”).

В приложении к третьему тому вынесены две записи столбца “О”, использованного в основной части тома. Первая запись представляет собой параллельный текст к известиям столбца “П” за 7158 г. Вторая запись дублирует известие того же столбца “О” за 7158 г.⁶⁹

Выше уже упоминалось о “Дополнениях к тому 3-му Дворцовых разрядов”. Помимо текста разрядов 7164–7171 гг., здесь находятся еще три статьи, занимающие собой четверть объема тома. Одна из статей – список, составленный 21 ноября 7182 г. в приказе Большого Дворца, о посольском “корме” 7176 г. во время пребывания в Москве польских послов⁷⁰. В основе публикации – сборник разрядных документов, принадлежавший Собакиным (РГАДА. Ф. 181. Д. 123), использованный во втором и третьем томах под литерой “Н”.

Третья статья дополнительного тома содержит “Чин избрания на патриаршество Питирима, митрополита Новгородского”⁷¹. Текст издан по рукописи РНБ. Эрм. 22, датируемой первой половиной XVIII в. Здесь же отметим, что другой “чин” этой рукописи – постановления на патриаршество Адриана в 7198 г. – был использован в четвертом томе “Дворцовых разрядов”, механически включен в годовую статью 7198 г.⁷² Оба “чина” представляют собой документы Разрядного приказа о назначениях во время проведения церемоний и не являются, собственно, “чинами” как таковыми.

Последняя статья “Дополнений” содержит “разрядные записки” о рождении и крещении царевича Петра Алексеевича. Источником текста являются публикации в “Опыте трудов Вольного российского собрания при Московском университете”. Первая “записка” была издана Г.Ф. Миллером⁷³, согласно которому издаваемые им известия содержатся в записных книгах Разрядного приказа. Судя по содержанию записей, сомневаться в данном свидетельстве нет оснований. В связи с этим стоит заметить, что записная книга 7190 г., откуда, видимо, Г.Ф. Миллер заимствовал записи, утрачена, поэтому публикация представляет особый интерес.

Вторая “записка” о рождении и крещении будущего Петра Великого издана в “Опыте трудов...” И.А. Навроцким под заголовком “Дворцовая записка по случаю рождения государя императора Петра Великого”⁷⁴. Содержание данного известия заставляет предположить его происхождение из приказа Большого Дворца⁷⁵.

Четвертый, заключительный том “Дворцовых разрядов” содержит записи 7185–7193, 7196–7198, 7200–7202, 7204, 7205 и 1700 гг. Источником известий до 7202 г. включительно были столбцы Разрядного приказа. Однако в этом случае составители не оговорили местонахождение этих документов и характер использования каждого из столбцов. В ряде случаев их удалось установить⁷⁶. Одним из источников годовой статьи 7185 г. является столбец РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 509 (с Л. 236). Статья 7187 г. выполнена в издании на основе известий столбца РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 570, начиная с текста за 25 октября (Л. 166–259). В ста-

⁶⁹ Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 1649–1656.

⁷⁰ Дополнения к тому 3-му Дворцовых разрядов. Стб. 397–444.

⁷¹ Там же. Стб. 445–462.

⁷² Дворцовые разряды. Т. 4. Стб. 577–600.

⁷³ Г.Ф. Миллер]. Рождение государя императора Петра Великого // Опыт трудов Вольного российского собрания при Московском университете. М., 1780. Ч. 5. С. 87–105, ср.: Дополнения к тому 3-му Дворцовых разрядов. Стб. 463–470.

⁷⁴ Опыт трудов... С. 158–184. Ср.: Дополнения... Стб. 469–484.

⁷⁵ Ср.: Дополнения к Дворцовым разрядам / Публ. И.Е. Забелин // ЧОИДР. 1882. Кн. 1 (изданы документы приказа Большого Дворца).

⁷⁶ Источники текста четвертого тома обнаружены в РГАДА и любезно указаны П.В. Седовым.

тье 7188 г. были использованы два столбца: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 580 (Л. 322–388) и № 570 (разрозненные листы 340, 388, 400 и т.д.).

Начальные и заключительные известия за 7189 г. в своей основе имеют текст столбца, фрагменты которого были изъяты И.Д. Беляевым из архива. В собрании Беляева находятся несколько составных столбцов, стaves, стaves которых изначально содержались в нескольких столбцах Разрядного приказа. Работа по изучению столбцовых компиляций Беляева была начата А.Е. Викторовым и продолжена сотрудниками ОР РГБ⁷⁷, где хранится упоминавшийся выше источник текста за 7189 г.⁷⁸ Вторым источником был столбец РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 509 (с Л. 450). Специальное исследование, возможно, поможет установить, не были ли фрагменты столбца, изъяты И.Д. Беляевым, частью столбца № 509. В составе столбца Беляева хранятся стaves с текстом, опубликованным в виде годовых статей 7190 и 7191 гг.⁷⁹ Источники записей за последующие годы в настоящее время не установлены.

В записях за 7204, 7205 и 1700 гг. (даты указаны по изданию) издатели использовали публикацию Ф. Туманского в “Российском магазине”⁸⁰. Большинство публикаций “Российского магазина” были основаны на документах⁸¹, поэтому есть основания считать, что использованные в “Дворцовых разрядах” материалы имеют те же источники. Сопоставление известий 7205 г. в “Дворцовых разрядах” с текстом записной книги Разрядного приказа 7205 г.⁸² дает дополнительные аргументы в пользу утверждения документального характера источников публикации Ф. Туманского, использованной в издании разрядов.

Рассматривая издание “Дворцовые разряды” в целом, следует остановиться на качестве публикации текста источников с точки зрения ее аутентичности. Самое важное здесь – передача собственных имен и дат событий. Встречаются и ошибки в тексте издания. Например, вместо И.Ф. Кикина (воевода в Крапивне в 7139 г.) в издании значится И.Ф. Клюкин⁸³. Под 7182 г. вместо И.А. Хилкова упомянут И.А. Хованский⁸⁴. В статье 7153 г. прием литовского посла датирован 21 февраля вместо 1 февраля⁸⁵. В ряде случаев не отмечены особенности использованных списков. Так, в известии о местническом споре между Н.И. Одоевским и И.П. Шереметевым пропущена фраза “о бесчестьи о оборони”, читающаяся в рукописи РНБ. F.IV.564⁸⁶. Вместо фразы “Петр Васильев сын Шереметев да Василей Борисов сын Шереметев” в издании стоит: “Петр Васильев сын да Василей Борисов сын Шереметевы”⁸⁷. Несмотря на те примеры, которые были приведены выше, ошибочных чтений в издании сравнительно немного, что позволяет достаточно высоко оценить “Дворцовые разряды” с этой точки зрения.

В заключение стоит отметить, что основная заслуга в выработке принципов издания принадлежит А.Н. Попову. Предложения И.Д. Беляева по поводу руко-

⁷⁷ Викторов А.Е. Собрание рукописей И.Д. Беляева. М., 1881. С. 75–76; Собрание рукописных книг И.Д. Беляева. Ф. 29. Описание / Сост. Е.Ф. Желоговцева, Е.П. Маматова, Е.Н. Ошанина, Ю.Н. Неволлин. М.: ГБЛ, 1974. (машинопись).

⁷⁸ РГБ. Ф. 29. Д. 82 (старый шифр – М. 1591).

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Дворцовые записки // Российский магазин / Изд. Ф. Туманского. СПб., 1793. Ч. 2. С. 291–349; Ч. 3. С. 77–125, 157–204, 370–435; Дворцовые разряды. Т. 4. Стб. 911–1032, 1111–1158.

⁸¹ Так, материалы, помещенные в первой части “Российского магазина” (С. 89–143, 208–257), взяты из рукописи РГБ. Рум. 343 (Л. 2–109), представляющей собой сборник копий документов различных приказов, датированный первой половиной XVIII в.

⁸² Подлинник записной книги 7205 г. хранится в РГАДА (Ф. 210. Оп. 6а. № 27). Нами использовался сборник 30-х годов XVIII в. с выписками из этой записной книги (РНБ. Эрм. 357). Ср., например: Л. 94 об. – 95 и Стб. 1020–1021 издания.

⁸³ Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 195.

⁸⁴ Там же. Т. 3. Стб. 920. Ср.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 485. Л. 130.

⁸⁵ Там же. Т. 2. Стб. 751. Ср.: РНБ. F. IV.564. Л. 686 об.

⁸⁶ Там же. Стб. 750. Ср.: РНБ. F. IV.564. Л. 686 об.

⁸⁷ Там же. Стб. 751. Ср.: РНБ. F. IV.564. Л. 687.

писей, которые необходимо использовать в издании, и характера передачи их текста были приняты лишь частично и подверглись корректировке. Издание с самого начала было задумано как свод материалов, содержащих сведения о служебных назначениях. Основным принципом при их отборе было содержание извещий. Вид документа, его происхождение и целевое назначение практически не учитывались. Эти обстоятельства во многом определили структуру издания, схематично отраженную ниже.

Схема
Структура издания "Дворцовые разряды"

На схеме видно, насколько сложным является издание по своей архитектонике. Более того, каждый из включенных в "Дворцовые разряды" памятников, за исключением разрядной книги 7183 г., носит сводный характер, является реконструкцией. Следовательно, использование издания "Дворцовые разряды" влечет за собой необходимость оговаривать, что именно используется в данной публикации. Причем, учитывая их сводный характер, следует делать ссылку на конкретную рукопись, запись которой взяты исследователем.

Л.И. Шохин

НАСЛЕДИЕ МАМЮ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦГАДА-РГАДА

На страницах “Археографического ежегодника” уже освещалась научно-издательская деятельность ЦГАДА¹. В настоящей статье главное внимание уделяется другому аспекту, связанному не с публикацией, а с описанием документов. В основу положены документальные материалы, отложившиеся в канцелярии Архива древних актов после 1918 г. Отношение к дореволюционному наследию было неоднозначным, что определялось объективными условиями (архивы считались идеологическими учреждениями), отчасти – субъективными взглядами руководителей государственной архивной службы и директоров архива. Со сменой нескольких поколений архивистов прошлое забывалось или сознательно предавалось забвению. В послевоенный период ЦГАДА накопил опыт, позволявший более или менее успешно работать. Руководящие установки требовали ежегодно отчитываться о новых достижениях, хотя В.Н. Шумилов и многие ученые-исследователи не без основания говорили, что архив в большой мере продолжает жить старым научным багажом, а новшества в описании или сомнительного качества, или внедряются с трудом. На заседаниях Научного совета ЦГАДА неоднократно звучали пожелания возродить традиции МАМЮ. Не призывая копировать прошлое, попытаемся разобраться, какую роль играло наследие МАМЮ в послереволюционной 80-летней деятельности архива.

В первые годы советской власти в бывшем МАМЮ продолжались начатые ранее работы по описанию документов Разрядного приказа, Сената, Верхотурской приказной избы, Литовской метрики (книги записей Литовских). По-прежнему играли активную роль ветераны МАМЮ – Н.Н. Ардашев, Н.П. Чулков, В.В. Шереметевский. Объединение нескольких архивов привело сюда С.К. Богоявленского – бывшего сотрудника МГАМИД, Б.С. Пушкина – из Московского дворцового архива. На первых порах состав служащих Московского отделения Юридической секции ЕГАФ пополнялся весьма способными людьми, которые тогда не могли найти работу в других учреждениях. Достаточно назвать А.А. Новосельского, А.С. Орлова, В.Ф. Ржигу, А.Н. Филиппова. Умершего в 1920 г. директора архива Д.В. Цветаева сменил бывший ректор Московского университета, известный историк М.К. Любавский, исследователь Литовской метрики и других фондов МАМЮ. В записке “Первое отделение II секции ЕГАФ” Д.В. Цветаев писал: “Как только откроется возможность к беспрепятственному печатанию, которое теперь крайне затруднено в типографиях, выйдут подготовленные к печати первый том описания документов Сената, том научного обзора Грамот Коллегии экономии, готовятся к печати описания столбцов Преображенского приказа, документов Поместного приказа, сибирских, верхотурских и имеющихся в архиве планов, чертежей и карт XVII–XIX вв.”²

20 июля 1918 г. умер С.А. Шумаков. Разбор его материалов поручили С.И. Порфирьеву, ближе всех стоявшему к Шумакову. Окончание подготовляв-

¹ Автократова М.И., Душинов С.М. Научно-издательская деятельность ЦГАДА за 60 лет // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 22–34.

² РГАДА. СИФ. № 29. С. 43.

шегося Шумаковым обозрения Грамот Коллегии экономии (ГКЭ) было возложено на А.С. Орлова, знакомого с изданием трудов Шумакова в Синодальной типографии. С ГКЭ по Вологодскому уезду Орлов работал до 1921 г.³

В июле 1918 г. приостановили описание сенатских книг (успели описать № 1–216 и подготовить материал для одного тома “Описания документов и бумаг”, с № 217 открывается раздел следственных комиссий при Сенате)⁴. А.Н. Филиппов в это время искал “наиболее рациональную систему описания” Сената и коллегий, изучая дела и описи⁵. Вместо этого по решению созданного в бывшем МАМЮ Ученого совета начали описывать только что рассекреченный фонд Преображенского приказа⁶, в котором оказалось немало документов Разрядного и Печатного приказов⁷. Примерно треть фонда Преображенского приказа (первые 400 столбцов) относилась к эпохе, предшествовавшей Петру I. Этими документами занимались бывшие сотрудники Описательного отделения МАМЮ В.В. Соколов, В.Н. Горяев, А.В. Глаголев и новый сотрудник В.Ф. Ржига. В.В. Шереметевский и С.М. Кезельман (принимавший участие в окончании описания столбцов Разрядного приказа) приступили к следующим столбцам Преображенского приказа, заключавшим в себе обычно по одному розыскному делу. Кроме общего заголовка, Шереметевский делал примечания с перечислением всех бытовых и юридических особенностей дела, “что для известной степени дает возможность извлекать сведения из описи без необходимости обращаться к подлиннику”⁸. В 1925 г. Шереметевский окончил описание столбцов и книг Преображенского приказа, а менее значительные дела в вязках довольствовались старой описью⁹.

Продолжалось описание столбцов Верхотурской приказной избы, дополнявшее по содержанию “Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа” Н.Н. Оглоблина, а по методике, описательным приемам примыкавшее к “инвентарной описи” столбцов Разрядного приказа. В 1918 г. было описано 36 столбцов, поступивших из Верхотурского уездного суда, в 1919 г. – 17 разбитых столбцов Сибирского приказа¹⁰.

Составили опись картам, планам и чертежам Семилетней войны (87 ед. хр.), которые до тех пор не были известны ученым. Среди них оказались уникальные материалы, не имевшиеся даже в архиве Генерального штаба¹¹.

И.С. Евсеев заново описал два тома “родословных росписей российского дворянства”, перенумеровал страницы, которые зачастую не соответствовали оглавлению, проставил нумерацию родословных столбцов и составил перечень всех 163 родословных росписей¹².

Н.Н. Ардашев с несколькими помощниками приступил к описанию писцовых книг, но их решили на время отложить и заняться описанием 1150 столбцов “вотчинной записки” Поместного приказа ввиду богатства и разносторонности содержания этих столбцов и наибольшего ущерба, понесенного ими в 1812 г. Работа была прервана в связи с сокращением штата архива в 1921 г. В 1922 г. Ардашев составил лишь перечень 900 описей и более 800 алфавитов и указателей Поместно-Вотчинного отделения. В стеклографированном очерке М.К. Любавского “Древлехранилище Московского Центрального Исторического архива”

³ РГАДА. Ф. Канцелярия архива. 1918. Д. 8. Л. 1–1 об.

⁴ Там же. Д. 6. Л. 10 об.

⁵ Там же. 1919 г. Д. 4. Л. 1 об.

⁶ Там же. 1918 г. Д. 6. Л. 10 об.

⁷ Там же. Д. 5. Л. 11.

⁸ Там же. 1921 г. Д. 2^а. Л. 11 об.

⁹ Там же. 1925 г. Д. 3. Л. 20.

¹⁰ Там же. 1918 г. Д. 6. Л. 11.

¹¹ Там же. Д. 5. Л. 12.

¹² Там же. 1919 г. Д. 17. Л. 160.

(М., 1928) говорилось: «Описание новых материалов при штате 10 человек в Древлехранилище при увеличении нагрузки читального зала едва ли будет закончено и в 10 лет. Древлехранилище не настаивает на увеличении штата, но для подготовки необходимой “смены”, для сохранения живых традиций требуется пополнение новыми людьми с высшим историческим образованием, знанием языков и умением читать древние рукописи».

В 1932 г. заведующего библиотекой ГАФКЭ К.В. Покровского перевели в архивисты-консультанты, и он продолжал описывать рукописи в библиотеке (по всей вероятности, рукописные книги). Однако в целом на рубеже 30-х годов произошел упадок научной деятельности архива, вызванный арестом и высылкой М.К. Любавского по так называемому академическому делу и вынужденным уходом многих старых сотрудников. В 1933 г. последний из них – Н.П. Чулков перешел в новосозданный Литературный музей, где весьмагодились его генеалогические познания, приобретенные в МАМЮ. На протяжении двух-трех десятилетий руководители архива часто менялись, личный состав не отличался постоянством. Все это, естественно, вносило разброд в направления работы и снижало ее качество, так как архивисты нового набора имели недостаточную научную подготовку и опыт. Комиссия проверки качества работы ГАФКЭ в начале 1941 г. отметила пренебрежение архивиста Н.В. Степанова к проводившемуся им описанию столбцов Сибирского приказа. Он заявил, что вряд ли кто-нибудь будет читать его описи при наличии “обозрения” Н.Н. Оглобина¹³.

Едва ли не единственным признанным специалистом по описанию документов остался профессор Московского археологического института И.Ф. Колесников, работавший недолго в архиве в 1919 г. и вернувшийся в 1937 г. На производственном совещании 10 июня 1938 г. в ГАФКЭ слушали его доклад об описании документов XVI–XVII вв., главным образом столбцов¹⁴. Докладчик отметил, что “грамоты” требуют особого вида описания по образцу “обзоров” С.А. Шумакова, “книги” – по примеру описи писцовых книг в первых двух томах “Описания документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ”. В заключение И.Ф. Колесников сказал, что распространенное описание отличается от инвентарного тем, что оно систематизировано (а не в порядке хранения), снабжено более подробными заголовками и аннотациями (с привлечением дополнительных сведений из печатных источников). В опубликованной статье¹⁵ воспроизводится приведенный в докладе пример подробного описания Саввиной книги, но почему-то опущена фраза, что это давно сделано В.Н. Щепкиным¹⁶.

В 1939 г. директор ГАФКЭ А.В. Чибряков подал докладную записку начальнику ГАУ Н.В. Мальцеву: “Назрел вопрос серьезно подготовиться к разборке и описанию столбцов, объем будет чрезвычайно большой. Кроме разрешения проблемы кадров, нужно разрешить вопрос, как разбирать и описывать столбцы, имеющие свои специфические особенности, не предусмотренные правилами ГАУ. Проведенное в ГАФКЭ совещание с привлечением научных работников других архивов и исследователей (главным образом из Института истории) показало, что такого важного вопроса не изучить без серьезного глубокого научного изучения опыта работы над столбцами в прошлом. Для этого [надо] пригласить ученых, много работавших над столбцами, как академики Бахрушин, Веселовский, Сперанский, Шунков и др., всего 8–10 человек”. Видимо, рассчитывали, что какой-то резонанс вызовет статья И.Ф. Колесникова в “Архивном деле”,

¹³ Там же. 1940 г. Д. 18. Л. 3.

¹⁴ Там же. 1939 г. Д. 14. Л. 17–41 (машинописный текст доклада на 1 п.л.).

¹⁵ Колесников И.Ф. Столбцы (к методике работ по систематизации и описанию) // АД. 1939. № 2. С. 28–59.

¹⁶ Саввина книга. Труд Вячеслава Щепкина: Памятники старославянского языка. СПб., 1903. Т. I, вып. 2.

представляющая собой его переработанный доклад¹⁷. ГАУ поручил ГАФКЭ ведущую роль в разработке правил систематизации и описания столбцов, было проведено несколько производственных совещаний с участием представителей научных учреждений и организаций¹⁸.

В докладе И.Ф. Колесникова от 10 ноября 1939 г. “Столбцы (к методике работ по систематизации и описанию столбцов)” приводятся примеры в основном по документам Верхотурской приказной избы. Докладчик подчеркнул, что методы описания могут быть безукоризненными, но практическое выполнение – никуда не годным. За неудачно написанную диссертацию страдает только автор, а за неверно, неточно, поверхностно составленную опись (как, впрочем, и за всякую архивную работу) – многие люди, которые пользовались или будут пользоваться такой описью. Отсутствие необходимых знаний у архивных работников и было причиной того, что множество столбцов остались неописанными или описанными плохо, “что еще хуже”¹⁹. Редакция журнала “Архивное дело” смягчила критический тон статьи И.Ф. Колесникова и опустила наиболее острые куски из его текста. В мае 1943 г. в статье “Методика обработки документальных материалов до XVIII в. (столбцов)” Колесников писал, что в 20–30-е годы влияние “школы Покровского” неблагоприятно отразилось на работе с документами учреждений приказного строя, “снова стала налаживаться эта работа лет 5–6 назад”²⁰.

На заседании Ученого совета ЦГАДА 14 мая 1947 г. А.В. Чернов указывал на то, что архив ослабил работу по описанию столбцов. И.Ф. Колесников ушел и преемников не оставил. Начальник ЦГАДА В.З. Джинчарадзе обещал вернуться к этому вопросу через несколько лет²¹. А.В. Чернов предложил начать издание “Трудов ЦГАДА”. По его словам, “специалистами в области истории фондообразователей ЦГАДА должны становиться сотрудники архива путем диссертаций на эти темы”²². В научно-издательский план включили давно подготовленную В.В. Шереметевским “Опись столбцов Дополнительного отдела Разрядного приказа”, редактором которой стал А.А. Новосельский, подготовку к печати осуществляли Е.В. Александрова и Т.Д. Лавренцова²³.

При обсуждении описи в 1949 г. И.Н. Фирсов (с 1958 г. – начальник ЦГАДА) предложил заменить в ней ряд терминов, чуждых советской науке (не меняя, однако, всей терминологии). В частности, предлагалось ввести термины “конфисковать” вместо “отписать на государя”, “грамота” вместо “государева грамота”. Приняли компромиссное решение: давать старую терминологию в скобках после современной. По оценке А.А. Новосельского, система описи во многих отношениях являлась образцовой, и ее сохранили в прежнем виде. Редактирование свелось к группировке документов и сокращению мелких подробностей, особенно по церковной истории, к сокращению цитат и унификации заголовков, проверке ссылок. Имелось в виду, что исследователи в ЦГАДА должны быть знакомы с языком документов XVII в. (“государево дело” и т.п.), поэтому редактирование проводили осторожно, избегая модернизации всей терминологии²⁴.

Недавно В.Г. Бухерт обнаружил в архиве корректурный экземпляр описи под заголовком “Описание документов, хранящихся в ЦГАДА”, том 1(22). В пре-

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-5325 (Главархив СССР). Оп. 9. Д. 4489. Л. 47.

¹⁸ РГАДА. Ф. Канцелярия архива. 1939 г. Д. 25. Л. 12. См. основное содержание: *Подъяпольская Е.П.* Совещание научных работников ГАФКЭ по вопросу о систематизации и описанию столбцов // *АД.* 1939. № 1. С. 164–169.

¹⁹ Сохранились машинописный текст доклада (52 с.) и черновики. См.: РГАДА. СИФ. № 37.

²⁰ Там же. Л. 21.

²¹ РГАДА. Ф. Канцелярия архива. 1947 г. Д. 8. Л. 1–2.

²² Там же. Л. 2.

²³ Там же. 1946 г. Д. 8. Л. 9.

²⁴ Там же. 1949 г. Д. 6^а. Л. 3, 4, 8.

дисловии было вычеркнуто указание на прямую преемственность нового описания от описания МАМЮ: «Издание “Описи столбцов Дополнительного отдела Разрядного приказа” ЦГАДА завершает публикацию описей документов фонда Разряда, помещенных в IX–XX томах “Описания документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ”. Первоначальный текст описи был составлен сотрудниками бывшего МАМЮ под редакцией В.В. Шереметевского».

В черновике статьи Н.В. Устюгова “О научной работе в архивах” (1949) констатировалось, что по составлению и изданию описей и публикации документов результаты пока “чрезвычайно скромные”, даже центральные архивы ничего не могут сделать без помощи научных учреждений. “В настоящее время в архивах преобладает научно-техническая обработка. По существу, научная работа в архивах находится в тупике. В лучшем случае удается организовать лишь разбор архивных материалов и составление внутренних описей, которые в большинстве случаев не раскрывают содержание архивных дел. Выход из этого тупика заключается в коренной перестройке всей работы архивов”, – писал Н.В. Устюгов. Предполагалось перевести исторические архивы из ведения МВД в систему Академии наук, чтобы превратить архивы в научные учреждения и обеспечить научный рост архивистов²⁵. В ЦГАДА проводились занятия исторического кружка под руководством Н.В. Устюгова, потом – А.А. Новосельского. После смерти руководителей кружок пришел в упадок к концу 60-х годов.

В 1954 г. заведующий читальным залом ЦГАДА В.И. Сивяков поднял вопрос о перепечатке старого указателя, составленного директором Госархива К.К. Злобиным. Указатель хранился у начальника Отдела фондов верховного управления В.Н. Шумилова. “Это необходимый для читателей справочник, а мы не даем им пользоваться”, – говорил Сивяков²⁶. В 1955 г. часть этого предметно-тематического указателя перепечатали на машинке и сделали более доступной²⁷.

На заседании Научного совета ЦГАДА 25 декабря 1957 г. вновь поставили вопрос об издании “Трудов ЦГАДА”, содержащих описи и статьи методического характера. В докладе начальника публикаторского отдела М.Я. Волкова было сказано, что широкомасштабная подготовка издания описей с 1958 г. будет продолжать традиции научно-издательской деятельности МАМЮ. Запланировали две описи: писцовых, переписных и межевых книг XVI–XVII вв. и опись ландратских книг и ревизских сказок XVIII в. Сначала хотели просто издать дополнения к первому и второму томам “Описания документов и бумаг”, но пришлось описывать писцовые книги заново; в состав описи вошли книги не только Поместного приказа, но и других фондов. На Научном совете говорилось, что над описями писцовых книг уже работали в МАМЮ, так что недостаток собственного опыта можно восполнить изучением опыта предшественников. В.Н. Шумилов признал преждевременным заниматься подготовкой к изданию описи Сената, но и в этой работе необходимо было учесть опыт МАМЮ²⁸. Запланированную опись “Писцовые и переписные книги XV–XVII вв.” (ответственные составители А.П. Гудзинская и В.Н. Шумилов) перенесли на 1961–1962 гг.²⁹ Описание предполагалось завершить в 1965 г.³⁰

В докладе директора ЦГАДА В.Н. Шумилова (1964) имеется ссылка на план Н.Н. Ардашева по описанию книг и столбцов Поместного приказа, разработанный в 1920 г. на 25 лет вперед, с подтверждением, что на возобновление описания потребуется довольно много людей и не один десяток лет. По мнению Шу-

²⁵ АРАН. Ф. 1535 (Н.В. Устюгов). Оп. 1. Д. 148. Л. 1–3.

²⁶ РГАДА. Ф. Канцелярия архива. 1954 г. Д. 4^а. Л. 26.

²⁷ Там же. 1955 г. Д. 3. Л. 1 об.

²⁸ Там же. 1957 г. Д. 7. Л. 4, 6, 8–9, 19.

²⁹ Там же. 1959 г. Д. 5. Л. 102–103.

³⁰ Там же. 1962 г. Д. 6. Л. 76. В.Н. Шумилов составил новую краткую инвентарную опись с использованием первого тома “Описания документов и бумаг” и с просмотром всех 1233 книг “в натуре”.

милова, “именно только в этом фонде архивистов и историков ждут важные для исторической науки открытия”. Широко известные печатные описания столбцов Разрядного приказа, столбцов и книг Сибирского приказа и другие директор называл “гордостью архива и отрадой читателей”, непревзойденными образцами научного описания, в которых полно, конкретно и точно раскрывается содержание документов. В послевоенные годы по Разрядному приказу описали 3160 неполных столбцов и книг, а по Сибирскому приказу – все материалы, не вошедшие в обзорение Н.Н. Оглоблина (3806 ед.хр.). “Мы мечтаем о создании новой инвентарной описи книг и столбцов Сибирского приказа”, – сказал В.Н. Шумилов членам Научного совета, но он не упомянул об описях книг Сибирского приказа, составленных Оглоблиным в 1894–1897 гг.³¹ Часть этой инвентарной описи книг Сибирского приказа в настоящее время хранится вместе с подлинными документами³², а другая часть, по-видимому, утрачена.

На Научном совете 26 декабря 1961 г. А.А. Новосельский горячо поддержал инициативу архива по изданию описей. “Эта работа долгое время стояла на втором плане, – говорил он. – Мы слишком увлекались публикацией источников. Очень хорошо, что ЦГАДА возвращается к этой чисто архивной отрасли работы. Надо добиваться того, чтобы приготовленные описи обязательно издавались, может быть с помощью ротاپринта небольшим тиражом. Крупные тиражи и не нужны, т.к. они понадобятся только исследователям и научным учреждениям”³³.

В 1963 г. обсуждали проект инструкции описания “Приказных дел старых лет”, составленный Е.А. Швецовою. Возник вопрос, вести ли описание по делам или по столбцам. Отмечалось, что даже столбцы Разрядного приказа описывались в МАМЮ не по делам и что в отношении подробности к этому описанию есть претензии³⁴.

Выполнение намеченных разработок затруднялось сильным сокращением штата в 1963 г., упразднением отделов публикаций и описания в связи с передачей восьми опытных научных сотрудников (из 34) из ЦГАДА в ЦГАОР по решению ГАУ. Тем не менее в 1964 г. попытались создать серийное издание “Описи архивных фондов ЦГАДА”, чтобы, “учитывая пожелания исследователей”, продолжить основательно поставленное в МАМЮ издание описей. В.Н. Шумилов начал переписание фонда Сената, напомнил о малоизвестном плане инвентарного описания Сената, возникшем в 1913 г., после завершения описания столбцов Разрядного приказа и предлагал идти по пути МАМЮ. С сожалением он признал, что законченное в 1918 г. научное описание первых 216 сенатских книг не сохранилось³⁵. Однако работа над первым выпуском “Описи архивных фондов ЦГАДА” затянулась на несколько лет, до конца управления архивом В.Н. Шумиловым издание так и не вышло.

На заседании Научного совета 28 ноября 1969 г. С.М. Троицкий сказал: “В старом МАМЮ велись серийные издания, не утратившие справочного характера до сих пор. Архив остался вроде тот же, но по нему как будто Мамай прошел: ничего не издавалось, библиотека в беспорядке... По архиву бывало так, что брались работы и не кончались. Считаю, что фонд Сената тоже необходимо продолжить, распределив правильно силы. Конечно, это многолетняя работа, но есть прецеденты в истории дореволюционных архивов работы на много лет”³⁶.

Новый директор ЦГАДА М.И. Автократова все же признала неизбежным прекращение переписания Сената: “Даже если мы бросим все другие работы и

³¹ Там же. 1964 г. Д. 8. Л. 17–19.

³² РГАДА. Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 5. Д. 2772.

³³ Там же. Ф. Канцелярия архива. 1962 г. Д. 8. Л. 3.

³⁴ Там же. 1964 г. Д. 9. Л. 7–17.

³⁵ Там же. Д. 8. Л. 11–16, 24.

³⁶ Там же. 1969 г. Д. 8. Л. 12.

займемся только Сенатом, то этой работы хватит не на одно поколение архивистов. В свое время архив ошибся и не рассчитал свои силы”³⁷.

На заседании дирекции ЦГАДА (новосозданного совещательного органа) 18 февраля 1970 г. начальник отдела использования И.Г. Королева предложила: “Мне кажется, что нашей библиотеке необходимо вести такую работу: выявить специальную архивную литературу за дореволюционные годы и сделать перепись этой литературы. У нас не собран еще дореволюционный опыт. У нас есть описи, которые были изданы нашим архивом, а также есть теоретические труды дореволюционных историков-архивистов. Опыт этих архивистов надо собрать”. Ее поддержали с оговорками: “Все же это были буржуазные архивисты и историки, и выпячивать это не стоит, хотя никто не отрицает, что все полезное в их трудах мы должны использовать”, только “включать это в план не надо”³⁸.

М.И. Автократова ставила вопросы о создании аспирантуры при ВНИИДАД, о предоставлении ЦГАДА издательской базы для публикации описей и других справочников, в архиве возродился научно-исследовательский семинар (под руководством Е.П. Подъяпольской), разрабатывался проспект первого тома “Труды ЦГАДА”, увеличился штат архива³⁹. В проекте Перспективного плана 1971–1975 гг. предусматривалась примерная тематика научно-исследовательского семинара, посвященного в основном проблемам архивоведения: “Система НСА ЦГАДА”, “Приемы и методы издания описей к фондам ЦГАДА”, “Принципы дифференцированного описания документальных материалов XVII–XVIII вв.” и др.⁴⁰ На собрании в 1970 г. М.И. Автократова признала, что “основные направления работы по созданию НСА и по обеспечению сохранности документальных материалов не обеспечены теоретическими и методическими разработками, поэтому надо развивать научно-исследовательскую и методическую работу”⁴¹. В ГАУ тоже отмечали как недостаток, что в 1970 г. не обсудили запланированный в ЦГАДА доклад начальника отдела НСА Т.С. Ивановой “Система НСА ЦГАДА, пути и методы ее создания и усовершенствования”: “В архиве до сих пор не проанализировано состояние НСА и не определены перспективы его дальнейшего развития, что повлекло за собой и срыв доклада...”⁴²

В 1970 г. заведующая архивохранилищем поместно-вотчинных фондов Р.Г. Петрова составляла реестр 2 тыс. книг Поместного приказа, не вошедших в “Описание документов и бумаг”⁴³. В Перспективном плане на 1976–1990 гг. предусматривалось издание в первой половине 80-х годов этой дополнительной усовершенствованной описи писцовых книг (12 п.л.), составление которой начал В.Н. Шумилов в 60-е годы, а завершить ее должны были в 1975 г. Р.Г. Петрова, М.П. Лукичев, Т.С. Иванова, Н.Б. Востокова⁴⁴. Обсуждение описи состоялось 22 декабря 1977 г. Т.С. Иванова посоветовала в предисловии подробнее рассказать о первом, втором, пятом томах “Описания документов и бумаг” и различиях между ними⁴⁵. Работа осталась незавершенной: Р.Г. Петрова умерла в 1978 г., Т.С. Иванова ушла на пенсию в 1979 г.

В докладе Т.С. Ивановой “Система НСА ЦГАДА, пути и методы ее создания и усовершенствования” на Научном совете 5 июля 1971 г. отмечалось, что в конце 50-х – начале 60-х годов была проведена значительная работа по восстановлению “старого делопроизводственного НСА”, ставшего “безгласным”. Вер-

³⁷ Там же. Л. 17.

³⁸ Там же. 1970 г. Д. 9. Л. 21.

³⁹ ЦАОДМ. Ф. 4327 (Главархив СССР). 1971 г. Д. 21. Л. 38.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 3. Д. 2151. Л. 23; Д. 2273. Л. 7.

⁴¹ ЦАОДМ. Ф. 4327. 1970 г. Д. 19. Л. 4.

⁴² ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 3. Д. 2029. Л. 25.

⁴³ РГАДА. Ф. Канцелярия архива. 1970 г. Д. 2. Л. 11, 42, 62.

⁴⁴ Там же. 1973 г. Д. 34. Л. 31, 93.

⁴⁵ Там же. 1977 г. Д. 15. Л. 16–19.

нули к жизни многочисленные описи и алфавиты к документам Сибирского и Разрядного приказов, ГКЭ, Герольдмейстерской конторы, Литовской метрики, поместно-вотчинных фондов. Собирались перепечатывать указатель к книгам Сената (на 8285 ед.хр., с определением хронологических рамок и структуры каждой книги), составленный в МАМЮ якобы в 1890 г. в ЦГАДА пользовались этим указателем в рукописном виде⁴⁶. На самом деле указатель составил А.Н. Зерцалов в 1870 г. для упрощения справочной работы и подготовки будущего обозрения⁴⁷. По поручению управляющего МАМЮ Н.А. Попова к составлению обозрения в 1890 г. приступил А.А. Голубев. Он писал исторический очерк Сената, но работа осталась незаконченной в связи с его уходом из архива⁴⁸. Указателем пользовался С.А. Петровский в историко-юридическом исследовании “О Сенате в царствование Петра Великого”, изданном в третьем томе “Описания документов и бумаг“ (М., 1876).

Т.С. Иванова рекомендовала продолжить изучение делопроизводственных материалов дореволюционных архивов (ф. 180, 337, 31 и др.). В этом направлении далеко не все было сделано (судя по неточностям в докладе). Упоминались “хорошие описи” с географическим указателем, составленные на собрание ГКЭ “в конце XIX – начале XX в.” (?), описи фондов Преображенского, Монастырского, Малороссийского приказов также отнесены к концу XIX – началу XX в. В действительности до сего времени учетными описями этих фондов являются описи, составленные в 1860-е годы, при первом директоре МАМЮ П.И. Иванове. В ЦГАДА получили хождение странные термины – “архивные описи” и “авторские описи”. Если разобраться, кто составлял каждую опись, то окажется, что все описи – авторские.

Прослушав доклад Т.С. Ивановой, В.И. Корецкий предложил провести тематическое описание фонда Поместного приказа, начиная с нескольких уездов: по Центру, Северу, Югу и Западу страны. Это позволит “представить картину, что есть в других уездах”⁴⁹. Таким образом возрождался план А.И. Юшкова по описанию столбцов Поместного приказа, но без прямого указания на опыт МАМЮ. А.А. Зимин рекомендовал архиву продумать вопрос об издании описи ГКЭ. Предварительно необходимо изучить и теоретически осмыслить предшествовавший опыт создания НСА ЦГАДА с XVII в. по XX в., в котором сохранились те или иные достижения, еще не учтенные нами⁵⁰, – говорил А.А. Зимин. Отвечая ему, Т.С. Иванова сказала, что в ЦГАДА ведется изучение дореволюционных и советских методов описания документальных материалов XVII–XVIII вв., что должно вылиться в доклад о дифференцированном подходе к описанию.

С.М. Троицкий, Е.Н. Кушева, В.А. Александров, В.И. Корецкий единодушно предлагали опубликовать доклад Т.С. Ивановой в журнале “История СССР”, снабдив его справочными данными, чтобы сделать доклад “достоянием научной общественности”⁵¹.

Главархиву удалось добиться разрешения издавать вместо информационно-го бюллетеня “Вопросы архивоведения” журнал “Советские архивы”, который начал выходить с 1966 г. (по шесть номеров в год объемом 8 п.л.). Первое время ни один архив не предоставлял для журнала ни статей, ни публикаций. В самом ГАУ работали 16 кандидатов исторических наук, но все они защищались по исторической тематике, а не по архивоведческой⁵².

⁴⁶ Там же. 1971 г. Д. 8. Л. 26.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 337 (Канцелярия МАМЮ). Оп. 1. Д. 364. Л. 17 об.

⁴⁸ Там же. Д. 549. Л. 21 об. См. описи Сената: РГАДА. Ф. 248. Оп. 126 (бывшая опись 58).

⁴⁹ Там же. Ф. Канцелярия архива. 1971 г. Д. 8. Л. 10.

⁵⁰ Там же. Л. 8.

⁵¹ Там же. Л. 9.

⁵² ЦАОДМ. Ф. 4327. 1966 г. Д. 13. Л. 59, 70, 168.

В письме М.И. Автократовой в редакцию журнала “История СССР” от 26 января 1972 г. говорилось, что в ЦГАДА ведется изучение старых описей и указателей, включенных в фонды канцелярий дореволюционных архивов, “отчасти забытых последующими поколениями архивистов и постепенно вышедших из числа действующих пособий и научного оборота”. В частности, И.А. Балакаева передала из архивохранилища уникальных фондов в читальный зал “дублетный” экземпляр описи ГКЭ (10 томов, составлена в XIX в.), возобновлено пользование хронологическим указателем к этому собранию⁵³. На совещании руководящих работников ГАУ и ЦГА СССР 2 марта 1972 г. М.И. Автократова также отчиталась в том, что в результате анализа НСА в 1971 г. обнаружены и вводятся в действие забытые 10 томов описи и хронологический указатель ГКЭ; в развитие постановочных докладов по созданию системы НСА написано несколько методических пособий по отдельным направлениям НСА, и эта работа должна продолжаться в ближайшие годы⁵⁴.

На заседании Научного совета 18 июня 1973 г. Т.С. Иванова прочитала доклад о принципах дифференцированного описания документов XVII–XVIII вв. при переработке и усовершенствовании описей⁵⁵, который она писала два с половиной года. С.О. Шмидт и В.И. Корецкий признали этот доклад настолько важным в методическом плане, что предложили опубликовать его в журнале “Советские архивы” или в “Археографическом ежегоднике”, но Т.С. Иванова издала только тезисы⁵⁶.

В предполагаемом сборнике трудов ЦГАДА докладу Т.С. Ивановой о дифференцированном описании отводилось видное место, но только ВНИИДАД получил право издавать свои труды. На заседании Научного совета ЦГАДА в 1979 г. С.М. Каштанов и А.И. Комиссаренко вновь пытались поднять вопрос об этом, но им ответили, что издание трудов ЦГАДА пока практически невозможно⁵⁷. Впоследствии доклад о дифференцированном описании лег в основу при подготовке С.М. Душиновым “Аналитической справки о составе НСА ЦГАДА и перспективах его дальнейшего развития”⁵⁸ и С.Е. Князьковым доклада “Итоги и перспективы работы ЦГАДА по усовершенствованию описей”⁵⁹.

18 апреля 1975 г. на экспертно-методической комиссии ЦГАДА обсуждалось методическое пособие Е.А. Швецово́й, Т.Д. Лавренцова и Т.С. Ивановой предлагали показать преемственность методики описания на различных этапах истории архива, с использованием работ И.Ф. Колесникова, З.В. Крайской и др. Но, по мнению Е.А. Швецово́й, “дать обзор предыдущих разработок по этому вопросу будет очень трудоемко”⁶⁰. Да она и не смогла бы успеть это сделать, так как в январе 1976 г. скончалась.

В 1976 г. Институт истории предложил ЦГАДА подготовить к изданию материалы Литовской метрики с переработкой описи С.Л. Пташицкого (СПб., 1887)⁶¹. С точки зрения дирекции ЦГАДА, “публикация Литовской метрики будет иметь большое политическое звучание”⁶². М.И. Автократова и А.С. Светен-

⁵³ РГАДА. Ф. Канцелярия архива. 1972 г. Д. 20. Л. 7–8.

⁵⁴ ЦАОДМ. Ф. 4327. 1972 г. Д. 23. Л. 43.

⁵⁵ РГАДА. Ф. Канцелярия архива. 1973 г. Д. 11. Л. 16–36.

⁵⁶ *Иванова Т.С. Принципы дифференцированного описания документов XVII–XVIII вв. в ЦГАДА // Краткие тезисы научных докладов и сообщений к Всесоюзному совещанию-семинару по вопросам развития средств информации государственных исторических архивов СССР. М., 1977. С. 63–67.*

⁵⁷ РГАДА. Ф. Канцелярия архива. 1980 г. Д. 17. Л. 28.

⁵⁸ Там же. 1985 г. Д. 22. Л. 86–101.

⁵⁹ Там же. 1984 г. Д. 16. Л. 32–44.

⁶⁰ Там же. 1975 г. Д. 15. Л. 11–16.

⁶¹ Там же. 1976 г. Д. 23. Л. 55.

⁶² Там же. 1981 г. Д. 15. Л. 13.

ко написали статью об описании Литовской метрики⁶³. 17 декабря 1986 г. на расширенном заседании Совета молодых ученых и специалистов ЦГАДА было заслушано сообщение Л.И. Шохина о плане описания Литовской метрики, разработанном в МАМЮ в конце XIX в. М.В. Довнар-Запольским. А.Л. Хорошкевич признала новонайденный план оригинальным. М.В. Довнар-Запольский не успел его осуществить до своего перехода на работу в Киевский университет⁶⁴.

В конце 1976 г. возник вопрос о составлении исторической справки по истории МАМЮ в связи со 125-летним юбилеем архива (1852–1977). Р.Г. Петрова и С.И. Сметанина высказали просьбу об освобождении их от составления этой справки, и эту работу возложили на Ф.А. Минькову⁶⁵. На юбилейном заседании Научного совета 7 декабря 1977 г. М.И. Автократова выступила с докладом “Основные этапы деятельности ЦГАДА за 125 лет”. Большое внимание уделялось МАМЮ. В докладе подчеркивалось, что в архиве накоплен богатый опыт по описанию: “Критически используя все полезное, что было сделано в этом направлении дореволюционными архивистами – Н.В. Калачовым, Д.Я. Самоквасовым, Н.Н. Оглоблиным, а также опираясь на опыт советских архивистов, сотрудники ЦГАДА выработали методику дифференцированного описания документов XVII–XVIII вв. различной научно-информационной и исторической ценности”⁶⁶. Директор ЦГАНХ В.В. Цаплин по этому поводу сказал: “125-летняя история ЦГАДА – это органическая часть истории архивного дела в нашей стране. В ЦГАДА зародились многие приемы и методы работы, которые нашли применение в работе других архивов. Особенно это касается работы по созданию НСА. Такого разнообразного комплекса НСА нет ни у одного другого архива”⁶⁷. Н.Б. Голикова остановилась на приобретенных студентами в ЦГАДА навыках пользования разного типа описаниями, “чему немало способствует сложность НСА ЦГАДА с его разнокачественными и разновременными описями, алфавитами, обзорами и прочими вариантами описей”⁶⁸.

При подготовке исторической справки о МАМЮ и юбилейного доклада обратили внимание на то, что в ЦГАДА осталось всего два экземпляра “Памятной книжки МАМЮ” (М., 1890), хотя в свое время это издание, как и другие подобные, не особенно расходилось. Ф.А. Минькова предложила ксерокопировать “Памятную книжку”, но в ЦГАДА до 1991 г. не было ксерокса, а пользоваться ксероксом ГАУ оказалось практически невозможно⁶⁹. М.И. Автократова, С.Р. Долгова и Т.С. Иванова написали научно-популярную брошюру “ЦГАДА”, приуроченную к VIII Международному конгрессу архивов (1975)⁷⁰. Ее предполагалось издать в типографии Главархива под редакцией М.И. Автократовой и С.О. Шмидта (объем 5 п.л.)⁷¹. В 1979 г. в издательский план ГАУ включили краткий исторический очерк “ЦГАДА”, подготовленный М.И. Автократовой, С.В. Чирковым, Н.К. Ткачевой (объем 5 п.л.)⁷². В ходе доработки по замечани-

⁶³ Автократова М.И., Светенко А.С. К вопросу об истории формирования и архивного освоения фонда Литовской метрики // Исследования по истории Литовской метрики: Сб. науч. трудов. М., 1988. Ч. 1. С. 105–117.

⁶⁴ См. подробнее: Шохин Л.И. Малоизвестные документы о деятельности М.В. Довнар-Запольского в области архивного дела // Архивы Украины. 1987. № 1. С. 68–70; Он же. Из истории описания и издания документов Литовской метрики в МАМЮ в конце XIX века // Исследования по археографии и источниковедению отечественной истории XVI–XX вв. Днепрпетровск, 1990. С. 4–12; Светенко А.С. К истории описания документов Литовской метрики // Литовская метрика: Тез. докл. межресп. науч. конф., апрель 1988 г. Вильнюс, 1988. С. 63–66.

⁶⁵ РГАДА. Ф. Канцелярия архива. 1976 г. Д. 41. Л. 9.

⁶⁶ Там же. 1977 г. Д. 57. Л. 121.

⁶⁷ Там же. Л. 75.

⁶⁸ Там же. Л. 90.

⁶⁹ Там же. 1974 г. Д. 10. Л. 32.

⁷⁰ Там же. Д. 8. Л. 19; Д. 20. Л. 94–96.

⁷¹ Там же. 1979 г. Д. 23. Л. 48.

⁷² Там же. 1981 г. Д. 11. Л. 27; Д. 26. Л. 6, 20–28.

ям ГАУ очерк стремились насытить конкретными примерами по документам архива⁷³.

Юбилейные торжества прошли, но прежние проблемы остались. В 1980 г. на заседании дирекции ЦГАДА говорили: “Два года назад архив составил для МГИАИ перечень тем для студентов-дипломников, но никакого отклика со стороны института не последовало. Архивоведческие темы при написании диссертаций являются единичным исключением”⁷⁴. На научно-исследовательском семинаре в ЦГАДА было заслушано сообщение М.П. Лукичева “Из истории описания Разрядного архива XVII–XVIII вв.”⁷⁵. В “Советских архивах” запланировали его статью “Из истории описания архива Разрядного приказа”⁷⁶. Ю.М. Эскин обнаружил старую опись фонда Преображенского приказа, на уровне полистного описания, но в архиве лишь отметили такую находку, а не пустили опись в печать⁷⁷.

На Научном совете 24 декабря 1982 г. при обсуждении Перспективного плана 1986–2000 гг. А.Л. Станиславский предлагал продолжить “Описание документов и бумаг”, хотя ему самому казалось, что это не вполне реально. Он высказал и другое предложение – об основании издания научно-популярного типа вроде “Встречи с прошлым” – по примеру ЦГАЛИ. Осуществление всего этого наталкивалось на “скромные возможности” ЦГАДА. С.Р. Долгова предложила издать брошюру к 100-летию здания МАМЮ (1886–1986) в издательстве “Московский рабочий”, в серии “История одного дома” (это произошло уже после юбилея)⁷⁸. Обсуждая доклад М.И. Автократовой “Столетие первого архивного здания в Москве”, Н.Ф. Демидова очень выразительно подчеркнула значение МАМЮ: “ЦГАДА – прямой преемник лучших традиций МАМЮ, а не только владелец его помещений. Ведь все, что мы имеем лучшего, начато в стенах МАМЮ”⁷⁹. На ВДНХ в 1984 г. была проведена выставка под названием “Архивы и архивисты прошлого”, прочитан ряд сообщений, прозвучавших ранее в ЦГАДА на “устном журнале”.

При обсуждении в 1987 г. на Научном совете нового путеводителя по РГАДА затронули вопрос, надо ли называть имена составителей описей. А.И. Комиссаренко и В.Н. Самошенко считали это необходимым. Комиссаренко заметил: “Составление описей – важнейшая часть деятельности архива, авторство должно быть отражено”⁸⁰. На практике это указывалось не всегда, потому что многие описи лишены подписей. И.А. Булыгин одобрил принятое правило – называть составителей описей: “Помимо чисто практического, это имеет и этическое значение, поскольку дает представление о многих поколениях архивистов”. По замечанию В.Н. Самошенко, в предисловии ко второму тому путеводителя должна найти отражение история архивного дела в России, “тем более что в этом вопросе есть еще очень много спорного”⁸¹. А.Л. Станиславский заявил: “Считаю работу над путеводителем актуальной и нужной. Это – продолжение описаний МАМЮ, которые не охватывали всех фондов ЦГАДА”. А.Л. Станиславский и Н.Ф. Демидова сожалели об отсутствии в путеводителе предметного указателя, подобного тому, какой есть к инвентарным описям столбцов Разрядного приказа в “Описании документов и бумаг”⁸².

⁷³ Там же. 1982 г. Д. 11. Л. 40, 70.

⁷⁴ Там же. 1980 г. Д. 16. Л. 38.

⁷⁵ Там же. 1980 г. Д. 12. Л. 16.

⁷⁶ Там же. 1982 г. Д. 26. Л. 59. См.: Лукичев М.П. Из истории описания архива Разрядного приказа за XVII – нач. XVIII в. (1984 г.) // РГАДА. СИФ. № 1142.

⁷⁷ Там же. 1982 г. Д. 15. Л. 65.

⁷⁸ Там же. Д. 16. Л. 3–4, 6–7, 11. См.: Автократова М.И., Долгова С.Р. Большая Пироговская улица, 17. М., 1988.

⁷⁹ РГАДА. Ф. Канцелярия архива. 1986 г. Д. 16. Л. 10.

⁸⁰ Там же. 1984 г. Д. 16. Л. 24.

⁸¹ Там же. 1985 г. Д. 18. Л. 16, 22.

⁸² Там же. 1987 г. Д. 15. Л. 8–9.

С.О. Шмидт, участвуя в обсуждении на Научном совете доклада С.Е. Князькова “Итоги и перспективы работы ЦГАДА по усовершенствованию описей”, предложил поместить методические статьи в “Археографическом ежегоднике” и “Советских архивах”, чтобы шире пропагандировать опыт ЦГАДА в усовершенствовании описей. Заведующая Отделом рукописей ГБЛ Л.В. Тиганова подтвердила, что такие статьи нужны многим хранилищам документов тех же разновидностей, что и ЦГАДА⁸³. Впоследствии в МГИАИ, на кафедре теории и практики архивного дела, ввели спецкурс “История НСА ЦГАДА” (С.Е. Князьков, А.С. Светенко).

Как видно из вышеприведенных фактов и мнений, высказанных многими историками и архивистами, опыт МАМЮ сохраняет актуальность до сих пор и заслуживает самого тщательного изучения (разумеется, это относится и к другим архивам – МГАМИД, Московскому дворцовому, Межевому, Госархиву и др.). В 70-е и 80-е годы предпринимались попытки обобщить и осмыслить наследие наших предшественников, чтобы извлечь максимум не полностью еще востребованных знаний, особенно при составлении нового путеводителя по РГАДА (только что вышедшего в свет). В 90-е годы архив вступил в новый период жизни, ознаменованный активизацией научно-издательской деятельности, несмотря на невиданные экономические трудности. Характерно, что наряду с новыми справочниками по составу и содержанию фондов готовятся к печати и старые образцы НСА, например составлявшийся С.А. Шумаковым обзор ГКЭ. Да и некоторые новые описи, учитывая методику МАМЮ, на практике осуществляют связь времен. Можно лишь пожелать, чтобы объективные и субъективные условия сочетались более благоприятно для продолжения работы, полезной для архива и науки.

⁸³ Там же. 1984 г. Д. 16. Л. 24.

М.П. Мохначева

ПУБЛИЧНЫЕ ЛЕКЦИИ Н.П. ВАГНЕРА И Н.И. КАРЕЕВА О ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В 1880–1890-е годы имена русского зоолога и писателя Николая Петровича Вагнера (1829–1907) и его младшего современника историка Николая Ивановича Кареева (1850–1931) были хорошо известны не только среди “ученого сословия”, но и широким кругам российских читателей, а также слушателям публичных лекций, регулярно проводившихся в столичных и губернских центрах России.

В 40-е годы XIX в. в качестве лектора и одного из подвижников этой формы просветительской деятельности в Казани от Русского географического общества (РГО) принимал деятельное участие отец Н.П. Вагнера, Петр Иванович Вагнер (1799–1876), врач по образованию, геолог по призванию. После окончания Дерптского университета за сочинение “Медико-топографическое описание Богословского завода” (Казань, 1831) П.И. Вагнер был назначен на должность заводского врача на Урал. Виленский университет в 1831 г. возвел его в степень доктора медицины. Однако в 1840 г. П.И. Вагнеру по конкурсу удалось занять кафедру минералогии и геогнозии в Казанском университете. С этого времени за ним утвердилась слава геолога и путешественника¹. По результатам экспедиций в 1855 г. П.И. Вагнер издал первые геогностические карты Казанской и Симбирской губерний, а в 1859 г. в дополнение к ним опубликовал в “Ученых записках” Казанского университета две интереснейшие статьи – “Общий взгляд на геогностический состав почв Казанской губернии” и “Общий взгляд на геогностическое строение почв Симбирской губернии”. Своими впечатлениями о путешествиях и научными открытиями в области минералогии П.И. Вагнер делился со студентами университета, неоднократно выступал перед публикой в Казани, Москве, Петербурге. Позднее, в 80–90-е годы, в чтении публичных лекций в Петербурге принимали участие сын и внук основателя ученой династии П.И. Вагнера – зоологи Николай Петрович и Юлий Николаевич (род. в 1865 г. в Неаполе). Кандидат зоологии Ю.Н. Вагнер в 1890-е годы служил хранителем зоотомического кабинета Петербургского университета, работал вместе с отцом на Соловецких островах, самостоятельно ставил опыты на Севастопольской биологической станции, выезжал с научной экспедицией на Байкал (1891).

Н.П. Вагнера публика знала больше как писателя и издателя-редактора, автора “Сказок Кота-Мурлыки” (1872), других литературно-художественных произведений – повестей, рассказов, а также популярного в свое время романа “Темный путь” (1890. Т. 1, 2). Выпускник естественного факультета Казанского университета, он в 1851 г. успешно защитил здесь магистерскую диссертацию, а через три года, уже в Москве, – диссертацию доктора естественных наук. Свою редакционно-издательскую деятельность Н.П. Вагнер начал в конце 50-х годов в журнале Московского общества сельского хозяйства. В 1861–1863 гг. он был ре-

¹ В 1843–1844 гг. при поддержке РГО П.И. Вагнер изучал геологию Казанского края, выезжал с экспедициями в Саратовскую и Оренбургскую губернии, в 1846 г. предпринял путешествие в Киргизскую степь, оттуда к Каспийскому морю, а в 1853–1861 гг. совершил ряд поездок по восточным губерниям европейской России. См.: *Венгеров С.А. Критико-биографический словарь*. СПб., 1895. Т. 4. С. 19–26.

дактором “Ученых записок” Казанского университета, в 1877–1879 гг. – издателем и редактором петербургского иллюстрированного научно-художественного ежемесячника “Свет”, в котором охотно печатались А.М. Бутлеров, И.М. Сеченов, Д.И. Менделеев и другие ученые, пропагандировавшие материализм как научный метод. К сотрудничеству в журнале был приглашен и начинающий историк Н.И. Кареев, привлечший к себе внимание научного сообщества аргументированной полемикой в “Заметке о распадении поземельной общины на Западе” (1876), написанной по поводу сочинения М.М. Ковалевского “Очерк истории распадаения общинного землевладения в кантоне Ваадт”².

О научных открытиях Н.П. Вагнера в области изучения фауны Белого моря, о его научных экспедициях на Соловецкие острова (1876, 1877, 1880, 1882, 1887, 1888) в петербургском обществе заговорили в связи с открытием на Соловках биологической станции (1888), Н.П. Вагнер стал ее первым директором. Через десять лет за достижения в области зоологии и научно-педагогическую деятельность стипендиат Демидовской премии (1863), премии Бордена от Парижской академии наук (1869) за сочинение “*Monographie des espèces d, Ancêtres du golfe de Naples*”, президент Общества экспериментальной психологии (с 1891 г.) Н.П. Вагнер будет избран в члены-корреспонденты Академии наук (1898).

Н.И. Кареев стал членом-корреспондентом Академии наук в 1910 г., но уже в середине 1870-х о нем заговорили как о талантливом публицисте, ученике П.Л. Лаврова и одном из лучших педагогов 3-й московской гимназии. Здесь он проработал более пяти лет сразу после окончания Московского университета (1873–1877, 1878–1879 гг.). Оклада гимназического учителя в те годы хватало лишь на скудное пропитание, поэтому Карееву пришлось подрабатывать уроками истории в частной женской классической гимназии С.Н. Фишер. В 1877–1878 гг. Кареев совершил свою первую заграничную поездку с научной целью как стипендиат Московского университета. План работы в виде “инструкции об ученых занятиях” в Париже на весь срок командировки Кареева составил его университетский преподаватель профессор В.И. Герье³. Результатом поездки стала магистерская диссертация “Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.” (М., 1879), через 20 лет этот труд будет переведен на французский язык. По мнению многих российских и европейских ученых, это была лучшая работа Н.И. Кареева. Следующие пять лет его жизни (до марта 1884 г.) прошли в Варшавском университете. Результатом варшавского периода творчества ученого явилось издание богатого разнообразными архивными материалами труда “Очерк истории французских крестьян с древнейших времен до 1789 г.” (1881), ряда книг и статей по истории Польши: “Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше” (М., 1886). «“Падение Польши” в исторической литературе» (СПб., 1888), “Исторический очерк Польского сейма” (М., 1888) и др. Тогда же Кареев начал работу над основным трудом своей жизни (ценнейшим по фактическому материалу курсом) – “История Западной Европы в новое время” (СПб., 1892–1917. Т. I–VII). Кроме того, он работал над докторской диссертацией “Основные вопросы философии истории” (М., 1883–1890. Т. 1–3), ключевые положения которой изложил в научно-публицистических статьях⁴.

² См. об этом: *Золотарев В.П.* Историческая концепция Н.И. Кареева: Содержание и эволюция. Л., 1988. С. 14. Н.И. Кареев познакомился с Н.П. Вагнером в доме своего университетского друга С.В. Ешевского, который был женат на дочери П.И. Вагнера – Юлии. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 312 (С.В. Ешевский). Д. 1. Л. 14–16.

³ РГИА. Ф. 733. (Министерство народного просвещения. Далее: МНП). Оп. 149. Д. 154. Л. 128, 131, 143, 148, 153–157, 169, 213–216; Д. 297. Л. 109 (отзыв Ученого комитета МНП о занятиях Н.И. Кареева во время заграничной командировки).

⁴ См.: *Кареев Н.И.* О философии истории // Варшав. унив. изв. 1883. Т. 4; *Он же.* Суд над историей: Нечто о философии истории // Русская мысль. 1884. № 2; *Он же.* Философия и история: Речь перед докт. диспутом в Моск. ун-те 24 марта 1884 г. // Русские ведомости. 1884. № 85; и др.

В годы профессуры в Варшавском университете Кареев впервые столкнулся с трудностями в оформлении разрешения на чтение публичных лекций и с цензурными препятствиями в изложении своих тезисов на страницах периодики. Так, по докладу цензора С.И. Коссовича в Петербургский цензурный комитет, а оттуда в главное цензурное ведомство, МНП запретило публикацию в газете “Край” статьи “Spor historyozoficzne” (б.п.). В статье (корректурa хранится в архиве) излагается точка зрения профессора Львовского университета М. Бобжиньского на полемику Н.И. Кареева с реакционной частью профессуры Варшавского университета во главе с К. Валишевским о причинах потери Польшей своей независимости⁵. Статья была благодарным откликом польских ученых, членов Исторического общества при Львовском университете, на выступление перед ними Кареева. По приглашению Общества Кареев читал здесь реферат об изучении в России западноевропейской истории, в котором дал также обстоятельный критико-библиографический обзор литературы по истории Польши. В свою очередь, знакомство с опытом работы Исторического общества при Львовском университете было полезно и для Кареева: он использовал некоторые организационные моменты при налаживании лекционной работы секции всеобщей истории созданного в 1889 г. при его деятельном участии Исторического общества при Петербургском университете. По иронии судьбы реферат был опубликован в одном из польских исторических журналов⁶, а отклик на него в российской прессе запрещен. Главным мотивом запрета статьи “Spor historyozoficzne” явилось то, что, по мнению Коссовича, взгляды историка Кареева на всемирно-исторический процесс шли вразрез с монархической и церковной идеологией.

Так историк Кареев сделался предметом пристального внимания Департамента полиции МВД России, о чем свидетельствует, в частности, переписка попечителя Варшавского учебного округа с министром народного просвещения о предоставлении Н.И. Карееву второй заграничной командировки (1882) для сбора материалов по докторской диссертации и такого же рода переписка попечителя Петербургского учебного округа о командировании Кареева за границу (1888) для изучения архивных источников по истории европейских монархий и института просвещенного абсолютизма в западноевропейских странах⁷.

Как известно, в 1884 г. Кареев перебрался из тягостной для него “варшавской ссылки” в Петербург, согласившись занять должность преподавателя истории Александровского лицея. 23 августа 1885 г. ему было разрешено чтение лекций в Петербургском университете в качестве приват-доцента, и только в 1890 г. он был утверждён в звании ординарного профессора истории⁸.

После переезда Кареева в Петербург, особенно в 90-е годы, на стол министра народного просвещения ежегодно ложилась справка Департамента полиции о его политической неблагонадежности, где сообщались все новые и новые сведения о приверженности к лагерю оппозиционно настроенных по отношению к самодержавию российских ученых и литераторов, давалась общая оценка научно-педагогической и просветительской деятельности Кареева, цитировались отдельные места из его выступлений с университетскими и публичными лекциями⁹.

⁵ РГИА. Ф. 777 (Петербургский цензурный комитет при Главном управлении по делам печати). Оп. 3. Д. 52. Л. 209–210.

⁶ См. об этом: *Золотарев В.П.* Указ. соч. С. 18.

⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 121. Д. 587. Л. 28–29, 52; Оп. 122. Д. 143. Л. 96, 114.

⁸ Там же. Оп. 150. Д. 628. Л. 9–10, 16–17, 76 (переписка о назначении Н.И. Кареева ординарным профессором, сведения о службе, список трудов); Д. 1396. Л. 86–90 (его формулярный список на 1897 г.).

⁹ Там же. Оп. 151. Д. 117. Л. 13–14 (1899 г. – отзыв МВД о “политическом лице” проф. Александровского лицея и Высших женских курсов Н.И. Кареева); Оп. 201. Д. 156. Л. 44 (1911 г. – сведения о его политической деятельности).

Не остался без внимания полиции и предложенный в 1888 г. “неблагонадежным” историком Н.И. Кареевым и “ранее не замеченным в этом” зоологом Н.П. Вагнером совместный цикл публичных лекций по методологии науки. В фонде МНП хранится переписка с Департаментом полиции и петербургским градоначальником о разрешении профессору Карееву по взаимному ходатайству Вольного экономического общества и председателя Общества вспомоществования студентам Петербургского университета прочитать в пользу коштных студентов и вольных слушателей университета в марте–апреле 1888 г. ряд публичных лекций на темы “О старошляхетском быте в Польше”, “Об изучении причин падения Польши”, “В чем заключается процесс истории”¹⁰, причем последнюю вслед за публичной лекцией члена РГО Н.П. Вагнера “О нравственности и науке”, средства от которой также предназначались малоимущим коштным студентам. Судя по тому, что в архивном деле, содержащем переписку о дозволении публичных лекций в Москве и Петербурге за период с 15 марта 1887 г. по 24 февраля 1892 г., нет автографов или копий программ указанных лекций, как нет и кратких справок чиновников Департамента полиции об их содержании, можно предположить, что прошения ученых были отклонены.

Однако 21 ноября 1890 г. Н.И. Карееву было все же разрешено чтение нескольких публичных лекций под общим названием “История и философское значение идеи прогресса”, но сбор от них предназначался уже в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым¹¹, т.е. изначально предполагалось, что слушателем этого цикла будет не студенческая аудитория, а довольно ограниченный круг петербургской интеллигенции, что вполне устраивало Департамент полиции, поручивший петербургскому градоначальнику, как того требовало законодательство о публичных лекциях, представить по их завершении краткую справку о содержании каждой лекции и реакции слушателей на весь цикл.

16 ноября 1891 г. попечитель Петербургского учебного круга представил в МНП ходатайство о разрешении чтения (небывало большого по числу и разнообразию тематических заявок) цикла публичных лекций и список профессоров, изъявивших желание читать лекции в пользу пострадавших от неурожая в поволжских губерниях. “А всего 32 лектора по 33 темам, из коих представляются программы по 22 темам”, – говорилось в заключении ходатайства¹². Под первым номером в списке была заявлена лекция С.Ф. Платонова “Соловьев и Кавелин, происхождение и падение их исторической теории”¹³. За ней следует лекция Н.И. Кареева “Источники исторических перемен”, в справке о содержании которой значится: “Идеализм и материализм в истории. Исторический процесс как

¹⁰ Там же. Оп. 194. Д. 774. Л. 31–32, 37–38.

¹¹ Там же. Л. 192–193.

¹² Там же. Л. 261–268 об. Под № 8 в списке значится цикл (3–4 лекции) А.С. Лаппо-Данилевского “Важнейшие иноземные факторы в образовании древнерусской культуры” “по программе: Введение – I. Христианство – II. Влияние византийское – III. Влияние западноевропейское – Заключение” (Л. 265).

Очевидно, из-за того что историк обозначил лишь названия лекций, не изложив их плана, цензор вычеркнул этот номер из списка и затем произвел перенумерацию заявленных лекций. В числе историографических, включая научно-отраслевую историографию, в списке значатся также лекции: В.И. Ламанского – “Амос Коменский”, Н. Чечулина – “Типический представитель русского общества XVIII века” (об А.Т. Болотове и его роли в истории науки), С. Булича – “Франц Бопп и новое языкознание”, а также лекция Э.П. Петри “Очерки первобытной культуры” с изложением учения Т. Гоббса и Ж.-Ж. Руссо и оценкой нравственного аспекта проблемы изучения первобытного человека.

¹³ Полный текст справки о содержании лекции С.Ф. Платонова: “Состояние русской историографии после Карамзина. Первые труды Соловьева и Кавелина. Система русской истории, в них заключающаяся. Ее основания, философия и научные (так в тексте. – М.М.). Видоизменение этой системы со стороны славянофилов. Новейшие изыскания по вопросу о формах первоначального общественного быта у русских славян” (РГИА. Ф. 733. Оп. 194. Д. 774. Л. 263).

смена идей. Идея и настроения. История как задача психологическая. Духовная культура и общественный строй. Попытки сведения его к одним экономическим отношениям. Экономический материализм. Необходимость участия и согласия всех наук в решении вопроса о сущности истории”¹⁴.

Программа этой публичной лекции Н.И. Кареева интересна не только как ранее неизвестный факт его научно-просветительской деятельности, но и как своеобразный итог размышлений ученого над методологией истории в 80-е годы, как один из вариантов интерпретации понятия “философия истории”, которую вскоре он назовет дефиницией “историка”. “...Даже после окончания университета я еще колебался... – вспоминал Кареев, – быть ли мне в будущем историком или философом. В течение последующего времени философские интересы не покидали меня, приняв историко-теоретическую и социологическую окраску”¹⁵.

В восьми фразах справки о содержании лекции “Источники исторических перемен” Кареев довольно емко изложил свое понимание термина “философия истории”: философия есть главный источник исторических перемен, методологическая база социологии и теории истории как науки. Последняя, заключительная фраза программы – “Необходимость участия и согласия всех наук в решении вопроса о сущности истории” – является своего рода ответом на вопрос, почему в 1894 г. историк предпринял новую, вторую после 1888 г., попытку прочитать методологический курс публичных лекций совместно с зоологом Н.П. Вагнером. По предварительной договоренности с Кареевым, как и шесть лет назад, Вагнер предложил вниманию слушателей лекцию на тему “Нравственность и наука”, ею открывается цикл публичных лекций Н.П. Вагнера–Н.И. Кареева (см. Приложения 1, 2).

На этот раз публичные лекции организовал Совет Общества вспомоществования окончившим курс на петербургских Высших женских курсах (ВЖК). Кареев преподавал там, правда, с небольшим перерывом, с 1886 по февраль 1899 г., когда “без прошения” был уволен из профессоров университета и ВЖК по причине “политической неблагонадежности”, а фактически как участник февральских студенческих волнений 1899 г. в Петербурге. К работе на ВЖК историк вернулся лишь в 1906 г.

Как и в 1888 г., программы публичных лекций Н.П. Вагнера и Н.И. Кареева 1894 г. вызвали негативную реакцию и целый ряд вопросов у министерских и полицейских чиновников. Министр народного просвещения И.Д. Делянов потребовал от Вагнера дать более подробную программу его лекции. В письме от 11 февраля 1894 г. заведующему административным отделом Кабинета его императорского величества А.Н. Польшеву он выражал особое неудовольствие той частью лекции, “в которой излагаются взгляды Ж.-Ж. Руссо, графа Л.Н. Толстого и самого профессора Вагнера на нравственность и науку”¹⁶. Опасаясь, что лекция будет запрещена, 7 марта 1894 г. Совет Общества поспешил направить в адрес директора Департамента народного образования И. Аничкова письмо, в котором сообщалось о достигнутом с профессором Вагнером “согласии... исключить из программы лекции, предполагаемой к прочтению... изложение взглядов Л.Н. Толстого”¹⁷. Только после этого заверения 11 марта из департамента за подписью директора с собственноручной визой И.Д. Делянова в адрес петербургского градоначальника было направлено письменное распоряжение дозволить Н.П. Вагнеру прочесть публичную лекцию “Нравственность и наука”.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Цит. по: Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Л., 1982. С. 105.

¹⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 194. Д. 1527. Л. 5, 7.

¹⁷ Там же. Л. 18.

Процедура дозволения лекции Н.И. Кареева “Личное начало в истории” была еще более утомительной, нервной для всех и в итоге завершилась отказом. Делянов потребовал от Кареева представить полный текст лекции. На что личным письмом от 5 февраля 1894 г. Кареев в подчеркнута сдержанной форме, через которую проступало явное возмущение, возникшее из-за чиновной волокиты оформления, как ему казалось уже решенного вопроса, сообщал Делянову:

Ваше сиятельство, граф Иван Давыдович... Текста лекции “О личном начале в истории” я, к сожалению, по требованию Вашего сиятельства представить не могу, ибо лекция эта у меня не написана, и я решительно не имею времени ее написать. Самая программа лекции есть не что иное, как некоторое изложение той программы, по которой мне было разрешено читать публичные лекции в Соляном городке прошлой осенью, и совершенно по той же программе, которая теперь представлена на усмотрение Вашего сиятельства, я читал публичную лекцию в Москве в январе сего года. Содержание ее заимствовано из моего большого труда “Сущность исторического процесса и роль личности в истории” и из статьи моей “История и значение идей прогресса”, бывшей тоже предметом публичной лекции и помещенной в “Северном Вестнике”. Осмеливаюсь выразить надежду, что Вы отнесетесь с доверием к представленной программе и что я получу от Вашего сиятельства [разрешение] прочесть в ней публичную лекцию без представления ее текста¹⁸.

Тем не менее на официальном отказе настоял сенатор кн. М.С. Волконский, которому, как наиболее компетентному в вопросе о деятельности ВЖК, было поручено довести дело до конца. Следует, очевидно, напомнить, что в 1893 г. Волконский выступил с речью о высшем женском образовании в России на заседании Всемирного конгресса по вопросам воспитания в Чикаго. Ознакомившись с автографом программы лекции Кареева, Волконский в письме от 4 марта высказал петербургскому градоначальнику свое однозначное мнение: «...я признаю неудобным разрешить проф. Карееву читать лекцию на тему “Личное начало в истории”»¹⁹. В письме от 7 марта на имя Волконского столичный градоначальник на всякий случай еще раз поинтересовался, дозволена или нет лекция. Боясь вызвать негодование начальства и явно желая выслужиться, он напомнил в тексте письма о компромате, собранном на Кареева полицией, после чего заключил: “Ввиду же имеющихся особых сведений о профессоре Карееве, я полагаю бы ходатайство о разрешении Карееву лекции отклонить”²⁰. Волконский вторично подтвердил отказ.

Очевидно сознавая всю нелепость принятого решения – отказа прочитать в столице после дозволенных в Москве и успешно прочитанных Кареевым в январе на эту же тему публичных лекций, 19 ноября 1894 г. Делянов собственноручно подписал дозволение на чтение профессором Н.И. Кареевым в аудитории Педагогического музея военно-учебных заведений в Петербурге публичных лекций на тему “Сущность гуманитарного образования”. 27 ноября петербургский градоначальник сообщал директору Педагогического музея: “Я согласен с министром внутренних дел, разрешаю г. Карееву чтение означенных лекций по представленной им и возвращенной ему программе”²¹.

Автор пока единственной монографии о содержании и эволюции исторической концепции Н.И. Кареева В.П. Золотарев выделил три основных направления в раскрытии Кареевым термина “историка”. Это: 1) философское обозрение исторических судеб человечества, истории отдельного народа и отдельной эпохи; 2) философское исследование общих законов исторического процесса; 3) философская теория исторического знания. Ссылаясь на статью Кареева “Философия истории” в “Энциклопедическом словаре” Брокгауза и Ефрона (Т. 70. С. 843), Золотарев полагает, что лишь в начале XX в. Кареев прибавил к этой

¹⁸ Там же. Л. 16–16 об.

¹⁹ Там же. Л. 17.

²⁰ Там же. Л. 14.

²¹ Там же. Л. 66–67.

триаде понятия “историка” четвертое направление, а именно, словами Кареева, “практические уроки морального либо политического характера, которые могут быть извлечены из истории”²². Выявленные в РГИА программы публичных лекций Кареева 1891 и 1894 гг., факт творческого союза Н.П. Вагнера и Н.И. Кареева в изложении нравственных и теоретико-методологических основ научного знания перед слушателями публичных лекций, как и вся многогранная научно-педагогическая и просветительская деятельность Кареева, начиная с первых шагов в науке, с первых полемических выступлений в печати, говорят о том, что все четыре указанных выше направления “историка” в значении “духа русской науки” изначально присутствовали в концепции историка-философа Кареева. Правильнее, очевидно, говорить о том, в каком ракурсе или в какой логической последовательности они проявляются в той или иной работе ученого.

В начале XX в. теоретико-методологические основы исторической концепции Н.И. Кареева обрели вполне сложившийся, целостный характер. Об этом, в частности, свидетельствует программа еще одной его публичной лекции по методологии истории, прочитанной в Петербурге 10 марта 1902 г., в зале Пассажа, в пользу фонда им. К.Д. Ушинского и названной “Историческая наука в XIX веке” (см. Приложение 3).

Характерно, что попытки Вагнера–Кареева совместно читать публичные лекции по методологии не были единственными. В 1903 г. основатель русской научной школы физикохимиков профессор Н.Н. Бекетов получит разрешение и успешно прочтет 30 марта в зале Тенишевского училища публичную лекцию в пользу Общества попечения о бедных и больных детях на тему “Наука и нравственность”²³. А в мае того же года опыт совместных публичных лекций Вагнера–Кареева по методологии науки повторят профессор истории С.Ф. Платонов и профессор зоологии К.Э. Линдеман. Они выступят с дозволения попечителя Московского учебного округа по ходатайству нижегородского губернатора на съезде учащихся Нижегородской губернии (15–21 мая 1903 г.). Когда об этом станет известно в Петербурге, попечителю придется объясняться со столоничальником IV стола канцелярии МНП в связи с допущенным им превышением должностных полномочий по процедуре дозволения публичных лекций²⁴.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

“Нравственность и наука”: Программа публичной лекции Н.П. Вагнера

Определение нравственности. Альтруизм, а не эгоизм. Что такое наука? Где ее границы и руководящие принципы. Должна ли она служить общественной или индивидуальной жизни?

Взгляды Ж.-Ж. Руссо и Л.Н. Толстого.

Мое собственное воззрение, общественность должна руководить наукой. Пример: Математика. Чем общее наука, тем более она захватывает всемирных элементов и тем она человечнее.

Высшая и настоящая наука: воспитание и образование (развитие) души человека. Здесь нравственность и наука сходятся на взаимную помощь.

Заслуж[енный] проф[ессор] *Н. Вагнер*

РГИА. Ф. 733. Оп. 194. Д. 1527. Л. 2. Автограф.

²² Цит. по: *Золотарев В.П.* Указ. соч. С. 35.

²³ РГИА. Ф. 733. Оп. 195. Д. 464. Л. 103.

²⁴ Там же. Л. 136.

2

Программа публичной лекции проф. Н.И. Кареева в пользу Общества для пособия бывшим слушательницам Высших женских курсов “Личное начало в истории”

Важность вопроса о личности в истории. Идеалистический и материалистический взгляд на историю в зависимости от одностороннего понимания личности. Невозможность сведения всей истории к одному материальному или психическому началу.

Учения, неблагоприятные для личного начала в истории. Роль личности в прагматической истории. Противоположные воззрения на героев и толпу.

Личное действие и безличная эволюция в культурной и социальной истории. Значение личной инициативы в истории цивилизации.

Индивидуализм в духовной и общественной жизни. За данные стороны индивидуализма и упреки, ими вызываемые.

Объективность и субъективизм в истории. Идея прогресса и субъективная оценка истории с точки зрения требований личного развития. Идеалы и личные усилия в исторической жизни.

Проф[ессор] *Н. Кареев*

РГИА. Ф. 733. Оп. 194. Д. 1527. Л. 9. Автограф.

3

Программа публичной лекции проф. Н.И. Кареева на тему “Историческая наука в XIX веке”

Антиисторичность философии XVIII в. и развитие историзма в XIX в. Внесение исторического материализма, исторической точки зрения и исторического метода в науки, которые раньше были от них далеки. – Постепенное усиление научного духа в самой истории. Превращение “исторического искусства” в “историческую науку”. – Принципиальное устранение из истории разных видов ненаучного субъективизма. – Взаимные отношения истории и философии в ранние эпохи XIX в. – Философия истории и мысль о теории исторического процесса. – Отношение истории к естествознанию.

Небывалое накопление в XIX в. исторического материала. – Расширение содержания исторической литературы. – Успехи исторической критики. – Быстрый рост национальной историографии. – Условия, в какие XIX век ввел занятия всеобщей историей. – Всемирно-историческая точка зрения.

Организация научных работ по истории в XIX в. – Исторические школы. – Исторические общества и съезды историков. – Коллективные издания. – Научные исторические журналы.

Распространение исторических знаний. – Глубокое изменение в понимании задач и методов школьного преподавания истории. – Популяризация исторических знаний и разные ее способы. – Влияние исторических знаний на общее мирозерцание.

СПб., 26 янв[аря] 190[2 г.]. Проф[ессор] *Н. Кареев*

РГИА. Ф. 733. Оп. 195. Д. 464. Л. 30. Автограф.

Ф.Ф. Дудырев

Н.К. ЧУПИН И УРАЛЬСКАЯ АРХЕОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX века

Поиск, описание и публикация архивных материалов являлись важным фактором становления российской исторической науки первой половины XIX в. “Если бы все материалы были у нас собраны, изданы, очищены Критикою, то мне оставалось бы единственно ссылаться; но когда большая часть их в рукописях, в темноте; когда едва ли что обработано, изъяснено, соглашено – надобно вооружиться терпением”¹, – писал Н.М. Карамзин. Недостаток исторических источников требовал восполнения, поэтому разыскание и “приведение в известность” архивных документов рассматривались в тот период в качестве самостоятельной задачи, без решения которой невозможно научное изучение исторического прошлого. География археографических изысканий постоянно расширялась. В сфере деятельности исследователей постепенно попали крупнейшие архивы Москвы и Петербурга, хранилища Подмосковья, Украины, Прибалтики, Белоруссии, Европейского Севера, а также собрания западноевропейских стран².

На фоне широкомасштабных поисков в европейской России и за рубежом Урал был обойден вниманием исследователей. Можно назвать лишь две археографические экспедиции, немного приоткрывшие ученому миру архивные богатства этого региона. Г.Ф. Миллер в ходе знаменитой Сибирской экспедиции обследовал архивы 20 городов Урала и Сибири и собрал коллекцию копий. Спустя 70 лет маршрут Г.Ф. Миллера повторил В.Н. Берх. Он осмотрел хранилища Тобольска, Перми, Соликамска, Верхотурья. Некоторые подлинные материалы из этих архивов были переправлены в Москву.

Можно сказать, что целенаправленный разбор и изучение уральских архивов в XVIII и первой половине XIX в. не проводились. Поиски были фрагментарны, удачные находки являлись скорее делом случая, чем результатом планомерной работы. В целом уральские хранилища находились вне поля зрения профессионального сообщества историков.

Начало систематического освоения уральских архивных собраний связано с именем Наркиза Константиновича Чупина (1824–1882).

Н.К. Чупин родился 4(16) февраля 1824 г. в Екатеринбурге в многодетной семье горного чиновника. В 1834 г. он поступил в Екатеринбургское горное училище, с отличными оценками закончил его и в 1838 г. был определен в пермскую гимназию. Способности и желание учиться быстро выдвинули Наркиза Чупина в число лучших учеников; семилетний гимназический курс он прошел за четыре года и летом 1842 г. поступил на историко-филологический факультет Казанского университета. Именно здесь будущий историк заложил основу своих энциклопедических знаний. С одинаковой глубиной и основательностью он осваивал гуманитарные и естественные науки, чуждался узости и специализации. Поэтому, числясь на историко-филологическом факультете и успешно осваивая его программу, Чупин параллельно посещал лекции по технологии, химии, анатомии, геогнозии. Но наибольшее влияние на молодого екатеринбуржца оказал

¹ Карамзин Н.М. История Государства Российского: В 12 т. М., 1989. Т. 1. С. 20–21.

² См. об этом: Козлов В.П. Колумбы российских древностей. М., 1985. Гл. 2. С. 45–99.

профессор кафедры славянских наречий В.И. Григорович. Под его руководством он впервые приобщился к исследовательской работе.

Закончив в 1850 г. университет, Чупин вернулся в Екатеринбург. Местом его службы стала канцелярия Главного начальника Уральских заводов. Весной 1853 г., когда открылось Уральское горное училище, Чупин занял в нем место инспектора и старшего учителя, а в 1862 г. стал директором.

Наркиз Константинович живо интересовался историей уральского края. Именуемые исследования содержали множество "белых пятен" и противоречий, поэтому понятно его стремление обратиться к первоисточникам. В конце 50-х годов Чупин начал знакомство с фондами Екатеринбургского горного архива. Однажды обратившись к архивному собранию, он не прекращал своих занятий до конца жизни.

В середине XIX в. Екатеринбургскому архиву было уже более 100 лет. Основу его фондов составляла делопроизводственная документация нескольких крупных административно-хозяйственных единиц Урала. В работах Наркиза Константиновича представлены материалы нескольких учреждений-фондообразователей: Сибирского высшего горного начальства, Сибирского обербергамта, канцелярии Главного правления Уральских горных заводов, Екатеринбургского монетного двора.

Археографическая деятельность Чупина отличалась большим диапазоном. Он часто публиковал отдельные архивные документы. Таковы, например, "Донесение о поджогах лесов башкирцами в 1757 году", "Челобитная крестьянской девушки...", "Инструкция, данная первому екатеринбургскому полицмейстеру"³. Иногда в научный оборот вводился целый комплекс документов, входящих в одну делопроизводственную единицу. Так, работа "Об открытии и первоначальной разработке магнитной горы Благодати"⁴ строилась на раскрытии содержания многочисленных документов, относящихся к истории разработки крупнейшего уральского месторождения. Заявления об отыскании руд местными жителями, донесения горных специалистов о проведенных разведках, результаты пробных плавов руды, постановления горного совета по вопросу о начале промышленной разработки и другие исторические свидетельства, опубликованные исследователем, содержали богатый материал по истории горного промысла XVIII в.

Когда в задачу входило раскрытие не отдельного эпизода, а целого периода уральской истории, Чупин использовал данные многих фондов. Такая работа требовала от составителя широты кругозора, трудолюбия и хорошего знания архивных материалов. "Записка о горном правлении и горном промысле на Урале в царствование императора Александра I"⁵, а также работы, посвященные деятельности В.Н. Татищева на Урале⁶, являются примерами таких масштабных изысканий.

Публикаторский характер носила и большая часть произведений уральского историка. Он не оценивал события и не подгонял их под ту или иную концептуальную схему. "Я желаю, чтобы в моих статьях не было недовольства и увлечений, а чтобы факты, беспристрастно поставленные, говорили ясно сами за себя"⁷, — так формулировал ученый свое кредо.

³ Чупин Н.К. Донесение о поджогах лесов башкирцами в 1757 году // РС. 1878. № 10. С. 313; *Он же*. Челобитная крестьянской девушки 1700 года // Перм. губерн. ведомости. 1873. № 16, 17; *Он же*. Инструкция, данная первому екатеринбургскому полицмейстеру // Екатеринбург. неделя. 1879. № 6.

⁴ Чупин Н.К. Об открытии и первоначальной разработке магнитной горы Благодати // Сборник статей, касающихся Пермской губернии. Пермь, 1882. С. 143–154. (Далее: Сборник статей...).

⁵ Чупин Н.К. Записки о горном правлении и горном промысле на Урале в царствование императора Александра I // Горн. журн. 1878. Т. 1, № 2. С. 248.

⁶ Чупин Н.К. Василий Никитич Татищев: Жизнь его с 1722 до 1734 г. // Сборник статей... С. 69–98.

⁷ ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 221. Л. 14.

Н.К. Чупин активно участвовал в разработке нескольких тем, освоение которых ранее затруднялось либо по идеологическим соображениям, либо по причине отсутствия источниковой базы. Так, предметом пристального интереса историков стали эпоха Петра Великого, личность самого самодержца и его ближайших сподвижников. Не был обойден вниманием и В.Н. Татищев, известный историк и государственный деятель. Первые биографии Василия Никитича появились в 20-е годы XIX в. на страницах “Сына Отечества”⁸ и “Сибирского вестника”⁹. Они очень кратки и скупы на подробности. Облик известного деятеля в этих публикациях едва намечен, веки жизненного пути обозначены в самых общих чертах. Краткость первых работ о русском историке и общественном деятеле была вынужденной: новая тема не подкреплялась источниковым материалом.

Следующие шаги в данном направлении предпринял В.Н. Берх¹⁰. Он впервые привлек в качестве источника произведения самого Татищева, содержащие множество сведений автобиографического характера. Опора на данные, исходящие “из первых рук”, позволила Берху уточнить некоторые факты татищевской биографии. Осознавая недостаточность имеющихся свидетельств, Берх впервые высказался за публикацию татищевского архива. В 1830–1850 гг. жизнеописания Татищева появились в нескольких трудах обобщающего характера¹¹, где он не являлся главным героем. Поэтому авторы не делали его биографию предметом специального исследования, а пользовались результатами предшествующих работ о сподвижнике Петра.

Значительной вехой в разработке данной проблемы стала работа Н.А. Попова¹². Чтобы обеспечить основательность своего исследования, автор не только внимательно изучил все изданные документы по теме, но и провел целенаправленный поиск татищевских материалов в столичных и провинциальных архивах. Монография Попова может считаться первой научной биографией Татищева. Однако обильный и тщательно обработанный источниковый материал не помог ответить на вопросы, связанные с татищевской биографией. В качестве главного препятствия автор назвал неупорядоченность и “неизвестность” российских архивохранилищ. Поэтому он видел необходимость дальнейшего продолжения исследований по теме и связывал их успех прежде всего с обнаружением новых архивных материалов: “Нет никакого сомнения, что в архивах Екатеринбурга, Оренбурга, Ставрополя на Волге, Астрахани... найдутся многие неизвестные мне его [Татищева] бумаги; в таком случае настоящая монография послужит для тех, кому доступны сейчас названные архивы, указателем того, что в них должно искать”¹³.

60-е годы XIX в. ознаменовались новым всплеском интереса к татищевской теме. В 1864 г. вышла небольшая работа П.П. Пекарского¹⁴. В ней был опубликован ряд ранее неизвестных документов, вышедших из-под пера В.Н. Татищева. Содержательно неоднородные, извлеченные из разных хранилищ, эти источники несли массу новой информации о знаменитом деятеле XVIII в. Сбор материалов о В.Н. Татищеве вело также Отделение русского языка и словесности Академии наук. Именно сюда стекались татищевские материалы, обнаруженные историками в архивах и библиотеках страны.

⁸ Биографии российских писателей [В.Н. Татищев] // *Сын Отечества*. 1821. Ч. 69. С. 71–81.

⁹ В.Н. Татищев // *Сиб. вестн.* 1821. Ч. 15. С. 55–57.

¹⁰ Берх В.Н. *Жизнеописание тайного советника В.Н. Татищева* // *Горн. журн.* 1828. № 1. С. 95–154.

¹¹ Греч Н.И. *Опыт краткой истории русской литературы*. СПб., 1822. С. 123; *Евгений (Болховитинов)*. *Словарь русских светских писателей, соотечественников и иностранцев, писавших в России*. М., 1845. Т. 2. С. 190; *Бантыш-Каменский Д.П.* *Словарь достопамятных людей русской земли*. СПб., 1847. Ч. 3. С. 401.

¹² Попов Н.А. *В.Н. Татищев и его время*. М., 1861.

¹³ Там же. С. 2.

¹⁴ Пекарский П.П. *Новые известия о В.Н. Татищеве*. СПб., 1864.

Летом 1867 г. Н.К. Чупин обратился в Академию с письмом, в котором рассказал о татищевских бумагах, найденных им в Екатеринбургском горном архиве. В распоряжении уральского ученого оказались интереснейшие материалы – переписка В.Н. Татищева с бергмейстером И.Ф. Блиером, кабинет-министром А.И. Остерманом, казанским и сибирским губернаторами Н.А. и А.Н. Демидовыми. Эти и другие документы Чупин планировал со временем опубликовать в столичных журналах. В то же время он выразил готовность передать найденные письма для опубликования в академических изданиях.

В конце 60-х годов Чупин выступил с двумя обстоятельными статьями, в которых подробно освещалась деятельность Татищева на Урале¹⁵. В предисловии автор специально подчеркнул, что “уральский период” жизни В.Н. Татищева оставался до сих пор не известным исследователям и практически не получил отражения в трудах В.Н. Берха, П.П. Пекарского, Н.А. Попова. Новые архивные находки позволяли заполнить эти пустоты в татищевской биографии. Поездки уральского управителя по заводам, усовершенствование системы управления и делопроизводства, введение новых должностей, разработка регламентов, поиск рудных месторождений, улучшение путей сообщения, учреждение арифметических и начальных школ, создание картографической службы в регионе, отношения с башкирским населением – каждое из направлений деятельности Татищева Чупин сделал предметом особого рассмотрения. Основой для этого служили “дневные записки” Татищева, тексты его указов, переписка с Я. Брюсом, В. Геннином, Петром I.

Участие Чупина в разработке биографии Татищева позволяет высветить существенную особенность археографической деятельности уральского ученого. Он, как правило, не публиковал документы “впрок”, в надежде, что они будут востребованы в будущем. Осуществляя поиск и печатание источников, ученый исходил из современной ему историографической ситуации. Хорошо ориентируясь в проблематике исторической науки, четко представляя “белые пятна” в имеющемся историческом знании, исследователь стремился посредством новых документов разрешить уже сформулированные проблемы, восполнить имеющиеся пробелы, обеспечить полноту и достоверность в раскрытии тех или иных тем. Осуществляемые ученым публикации были адресными, носили целевой характер, а источники, вводимые в научный оборот, обладали силой неопровержимых аргументов в научных дискуссиях.

Начиная с 20-х годов XIX в. в поле зрения историков оказался еще один деятель петровской эпохи – В.И. Геннин. Публикацией материалов о видном сподвижнике Петра I занимался В.Н. Берх. Сначала он опубликовал около сотни писем из архива Адмиралтейства, а потом еще 38 из Екатеринбургского горного архива. Но это была лишь часть корреспонденции В.И. Геннина. “Он [В.Н. Берх] списывал только те акты, которые написаны очень четко; черновой же скорописи петровского времени он, видимо, не мог вполне разобрать. Оттого весьма много любопытных официальных писем Геннина, сохранившихся в делах Екатеринбургского архива, остались доселе не изданными”¹⁶, – писал Н.К. Чупин, предваряя публикацию письма В.И. Геннина Ф.М. Апраксину. Затем историк опубликовал письма Геннина Петру I, Екатерине I, кабинет-секретарю А.М. Макарову, Я. Брюсу, ответные послания Петра и Екатерины. Эта корреспонденция содержала богатый материал о ходе строительства уральских заводов и начале производства меди и железа, о закладке Екатеринбургского завода, характеризовала самого Геннина, как человека яркого и неоднозначного.

¹⁵ Чупин Н.К. В.Н. Татищев и первое его управление Уральскими заводами // Сборник статей... С. 47–68; *Он же*. Васильев Никитич Татищев... // Там же. С. 69–98.

¹⁶ Чупин Н.К. Письмо главного начальника Уральских и Сибирских заводов Геннина ко графу Ф.М. Апраксину о строении Екатеринбургского завода и о прочем // Сборник статей... С. 37–41.

Еще одна тема, в разработке которой Чупин принял деятельное участие, – восстание Пугачева на Урале. На научную разработку этой проблематики долгое время накладывался запрет. Хотя известны были “дневные записки” и мемуары участников войны И. Полянского, И. Осипова, П.И. Рычкова, материалы работы комиссий, созданных для расследования бунта и наказания его участников, разработка темы практически не проводилась.

В 60-е годы XIX в. публикацию пугачевских документов продолжил академик Я.К. Грот. Обследуя петербургские архивы, он столкнулся с большим количеством совершенно не известных ранее источников, но не имел возможности их опубликовать целиком. В “Записках” Академии наук увидели свет лишь донесения руководителя правительственных войск А.И. Бибикова.

В преддверии 100-летней годовщины восстания публикацию новых источников начала “Русская старина”. Мемуары, архивные дела, фольклорные материалы, посвященные восстанию, часто появлялись на страницах этого издания¹⁷. Восстание Пугачева стало в 70-е годы одной из постоянных тем журнала. В 1875 г. “Русская старина” опубликовала две небольшие статьи Чупина под общим названием “Пугачевщина”¹⁸, в которых он впервые сделал достоянием научной общественности “пугачевские” материалы, хранящиеся в уральских архивах. Донесения оренбургского горного начальства о разорении пугачевцами Вознесенского медного завода, принадлежавшего казне, а также заводов Я. Твердышева и И. Мясникова содержали новую информацию о действиях повстанческих отрядов на Западном Урале в 1774 г. “Публикуемые документы, – писал Чупин в предисловии, – во-первых, пополняют некоторые пробелы в известных донесениях о походе самозванца и его сподручника Белобородова; во-вторых, указывают северные и северо-восточные границы распространения мятежа; в-третьих, знакомят с полезной деятельностью Башмакова, защитника западной части нынешней Пермской губернии”¹⁹.

Башмаков стал главным героем следующего исследования Чупина. Статья “Член Екатеринбургской горной канцелярии М.И. Башмаков и действия его во время Пугачевщины” строилась на анализе содержания журналов и указов горной канцелярии. Волнения приписанных крестьян и башкирского населения на Урале были нередки, поэтому, прежде чем приступить к рассказу о драматических событиях конца 1773 – начала 1774 г., Наркиз Константинович проследил по архивным делам ход наиболее крупных антифеодальных выступлений предшествующих десятилетий. Освещая затем ход пугачевского восстания в пределах Пермской губернии, историк осуществил подбор материалов по нескольким темам: движение отрядов повстанцев; формирование горной администрацией казачьих команд для обороны ключевых заводов и городов; миссия М.И. Башмакова – поездка по населенным пунктам Западного Урала с агитацией против “бунтовщиков”; оборона Кунгура и Юговского завода; организация взаимодействия местных воинских команд с правительственными отрядами, посланными из Казани А.И. Бибиковым²⁰.

Еще одна тема, проходящая через все творчество Чупина, – история горного дела на Урале. Многие его работы посвящены строительству заводов, разведке месторождений, деятельности горной администрации, видным заводчикам – Демидовым, Твердышевым, Походяшиным. Данное направление деятельности ученого ярко характеризует “Записка о горном правлении и горном промысле на Урале в царствование императора Александра I”. Основу исследования состави-

¹⁷ РС. 1870. Т. 2. С. 116–131, 211–253, 321–372, 397–414, 417–418, 639–640; 1873. Т. 8. С. 807–808; 1876. Т. 15. С. 192–209, 875; Т. 16. С. 479–508, 607–626; Т. 17. С. 53–74, 172–173.

¹⁸ Чупин Н.К. Пугачевщина // РС. 1875. № 11. С. 390–394; № 12. С. 540–544.

¹⁹ Там же. № 11. С. 390.

²⁰ Чупин Н.К. Член Екатеринбургской горной канцелярии М.И. Башмаков и действия его во время Пугачевщины // Сборник статей... С. 169–190.

ли неизвестные архивные материалы “канцелярии Главного заводов Правления, Екатеринбургского горного начальства, Монетной экспедиции, Канцелярии Березовских золотых промыслов, Канцелярии Пермского берг-инспектора и Горного Правления”²¹. Просмотрев более 500 дел, он сделал важнейшие извлечения из них.

Работая с архивными собраниями, Чупин осуществил поиск и группировку материалов по нескольким темам: структура управления горными заводами в XVIII в.; подготовка и осуществление реформы горного правления в начале XIX в.; важнейшие проекты реформы, постановления Сената и царские манифесты по горному делу; биографии видных деятелей горного ведомства – К.Ф. Модераха, А.Ф. Дерябина, Л.Ф. Сабакина; постройка и упразднение заводов; переход их из казны в частные руки и обратно; казенное управление частными заводами; техническое состояние заводов, устройство оружейного и пушечного производства, строительство на Урале первых паровых машин; разработка золотожилых рудников и россыпей; законодательные акты, регламентирующие разведку и добычу золота; производительность крупнейших рудников. Поиск материалов осуществлялся по всем перечисленным направлениям, причем специальной проработки требовала каждая отдельно взятая тема. Масштабное исследование дробилось на мини-исследования со своими задачами, кругом архивных источников, нерешенными вопросами. Так, поместив в “Записке” небольшое, но чрезвычайно насыщенное фактами сообщение об известном уральском механике Льева Сабакине, Наркиз Константинович просмотрел до 20 томов архивных дел²².

При составлении “Записки” Чупин не ограничивался простым подбором документов, а стремился определить их смысл, значение, взаимосвязь. Так, содержание доклада А.Ф. Дерябина “Историческое описание горных дел в России” Наркиз Константинович анализировал с точки зрения предстоящей реформы горного дела²³; в “Проекте горного положения для управления заводов хребта Уральского” его в первую очередь привлекли расхождения с предшествующим докладом²⁴. Заканчивая анализ проектов реформы горного дела, Чупин рассмотрел новую схему управления заводами Урала, разграничение должностных полномочий между И.Ф. Германом, А.Ф. Дерябиным и К.Ф. Модерахом²⁵.

Круг интересов Чупина-археографа формировался постепенно; ученый постоянно раздвигал границы своих изысканий. Новые направления поиска никогда не появлялись спонтанно. Все начиналось с деления уже имеющейся темы на аспекты; затем каждый из них обеспечивался архивным материалом. Поиск по некоторым частным направлениям оказывался особенно удачным, и ученому удавалось собрать для публикации богатую подборку источников. Для раскрытия исходной темы они становились уже излишними. Тогда составитель применял новый принцип группировки этого материала; происходило “отпочкование”, оформлялась самостоятельная археографическая тема. Именно таким путем появились документальные подборки, посвященные истории Екатеринбурга, старинным уральским дорогам, а также известный “Ирбитский цикл”.

Многие эпизоды истории Екатеринбурга Чупин первоначально рассмотрел в работах, посвященных В.Н. Татищеву и В.И. Геннину. Затем “екатеринбургские” материалы, расширенные и дополненные, стали предметом особой публикации²⁶. В ней историк представил весь комплекс дел, относящихся к первому периоду жизни города. Самые информативные документы – подворные описи Ека-

²¹ Чупин Н.К. Записка о горном правлении и горном промысле на Урале в царствование императора Александра I // Горн. журн. 1878. Т. 1, № 2. С. 248.

²² Там же. № 3. С. 401.

²³ Там же. № 2. С. 257.

²⁴ Там же. С. 261.

²⁵ Там же. С. 265.

²⁶ Полусторолетие Екатеринбурга // Сборник статей... С. 1–37.

теринбурга 30-х годов XVIII в. Чупин выделил особо и, представив их читателям, составил своеобразный портрет родного города: рассказал об улицах, площадях, церквях, крепостных сооружениях, проанализировал состав городского населения и его занятия²⁷.

История уральских дорог не сразу сформировалась в качестве самостоятельного направления исследований. Поначалу эта тема привлекала внимание археографов лишь в связи с биографией В.Н. Татищева. Первые свидетельства о деятельности Василия Никитича по устройению и благоустройству путей сообщения привел П.П. Пекарский²⁸. Чупин в очерках, посвященных начальнику Уральских заводов, уточнил и конкретизировал эти данные²⁹. Наконец, в начале 70-х годов XIX в. Чупин опубликовал специальную подборку материалов, посвященных путям сообщения между европейской Россией и Сибирью³⁰. Главные дороги, пересекающие Уральский хребет, их роль в хозяйственной жизни края, создание таможен, организация почтового сообщения, местная и транзитная торговля – для освещения всех этих вопросов историк привлек архивные документы, записки путешественников, труды географов.

Целая серия публикаций Чупина посвящена истории Ирбитской ярмарки³¹. Возникновение ярмарки во второй половине XVII в., ее товарооборот, колебания уровня цен на различные товары, международные связи ирбитских купцов – эти подборки Чупина содержат сведения о хозяйственной жизни Урала XVII–XVIII вв.

Не ускользали от внимания Наркиза Константиновича и документы, повествующие о редких, уникальных событиях. Дело о сожжении в Екатеринбурге вероотступника Тойгильды Жулякова было изложено историком на страницах “Русской старины”³². Данная публикация вызвала особенно широкий резонанс. «Ваша статья о казни в Екатеринбурге произвела некоторый фурор; извлечения из нее напечатаны были в “Новом времени” и “Всемирной иллюстрации” (№ 514)»³³, – писал петербургский корреспондент Н.К. Чупина М.В. Малахов.

Остановимся на приемах публикации источников, которые использовал Чупин. Эти приемы были многообразны и варьировались в зависимости от конкретных целей исследователя и особенностей публикуемого материала. Обычно он пользовался методиками, разработанными в российской журнальной археографии³⁴. К полной публикации отдельных документов археограф прибегал довольно редко. В такой форме воспроизводились обычно содержательно целостные, “самодостаточные” источники, значимость которых для исторической науки не подлежала сомнению. Таковы, например, “Пугачевщина”, “Челобитная на заводчика А.Н. Демидова”³⁵, “Челобитная крестьянской девушки...”³⁶.

²⁷ К истории города Екатеринбурга // Там же. С. 41–46.

²⁸ Пекарский П.П. Известия, собранные В.Н. Татищевым в бытность его в Сибири и Швеции // Записки РГО. СПб., 1863. Вып. 3. С. 111.

²⁹ Чупин Н.К. В.Н. Татищев и первое его управление Уральскими заводами // Сборник статей... С. 47–68; Он же. Василий Никитич Татищев... // Там же. С. 69–98.

³⁰ Чупин Н.К. О Соликамско-Верхотурской дороге // Ирбитский ярмарочный листок. 1871. № 18; Он же. О некоторых старинных дорогах из Европейской России в Сибирь // Там же. 1872. № 16.

³¹ Чупин Н.К. Ирбит и Ирбитская ярмарка в 1734 году // Там же. 1865. № 23; Он же. О ценах на разные предметы на Ирбитской ярмарке в 1766, 1767, 1768 и 1770 годах // Там же. 1870. № 19.

³² Чупин Н.К. Сожжение на костре в Екатеринбурге // РС. 1878. № 10. С. 309–312.

³³ ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 245. Л. 25.

³⁴ Типы публикаций, использованных в русских исторических журналах, охарактеризованы В.Ю. Афиани (см.: Афиани В.Ю. Из истории русской археографии: Публикация исторических источников в “Отечественных записках” П.П. Свиньина (1818–1830) // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 89–98; Он же. Становление журнальной археографии в России в первой трети XIX в. // АЕ за 1989 год. М., 1990. С. 28–37).

³⁵ Чупин Н.К. Челобитная на заводчика Акифия Никитича Демидова в 1721 году // РС. 1878. № 10. С. 307.

³⁶ Чупин Н.К. Челобитная крестьянской девушки 1700 года.

Многие документы публиковались Чупиным в извлечениях и фрагментах. Использование такой формы диктовалось внешними обстоятельствами. Найденные архивные материалы историк помещал не в специализированных изданиях, а на страницах газет и журналов. Поэтому он должен был учитывать особенности этих изданий. Совмещение научности и занимательности в рамках одного текста часто не удавалось. “Я так и не собрался до сих пор продолжить печатание материалов Ваших о Пугачевщине; меня останавливало то, что материал этот совершенно сырой и притом громоздкий. Будь он хотя в полуобработанном виде, я не замедлил бы его напечатать”³⁷, – писал Наркизу Константиновичу редактор “Русской старины” М.И. Семевский. В целом из 12 исторических документов, которые Н.К. Чупин предложил для напечатания в “Русской старине”, были опубликованы лишь четыре. Остальные так и остались в портфеле редакции.

Тип издания, наиболее часто применявшийся Чупиным при введении в научный оборот архивных материалов, – публикация-статья. Эта методика позволяла исследователю в компактной форме представить содержание больших документальных массивов и была наиболее эффективна при разработке масштабных тем. Сильные и слабые стороны данного способа публикации наглядно проявляются в рассказе об истории открытия Гумешевского месторождения на Урале, где историк привлек следующие источники: докладную жителей Арамильской слободы С. Бабина и К. Сулея о представлении образцов найденной руды; приказ А. Винуса о выдаче Бабину и Сулею награды и о посылке для осмотра месторождения приказчиков Томиловых; донесения Томиловых А. Винусу и тобольскому воеводе князю М.Я. Черкасскому (октябрь 1702 г.); приказ управителя Уктусского казенного завода С. Дурнова о посылке плавильщика Абрамова для осмотра Гумешевского, Полевского и Даниловского месторождений (октябрь 1713 г.); донесение Абрамова Дурнову о результатах осмотра; донесение Дурнова тобольскому воеводе князю Гагарину; донесение С. Бабина князю Гагарину о посылке ему образцов медной руды (1716); результаты пробы присланной руды, проведенной рудничным мастером Огневым; доклад Огнева Гагарину; приказ Гагарина о посылке Огнева для осмотра месторождений; доклад Огнева, подтверждающий наличие богатых руд; указ сибирского губернатора о посылке Огневу и Бабину рабочих, а также драгун “для обережения от башкирцев”; свидетельство о прекращении разведок³⁸.

К недостаткам этой методики следует отнести излишнюю краткость при воспроизведении текстов документов и отсутствие данных о фондах, из которых они извлечены. Но продолжением этих недостатков является ряд достоинств: полтора десятка документов расположены Чупиным чрезвычайно компактно и содержат набор фактов, достаточный для раскрытия темы; эти документы не просто механически совмещены, они соединяются логикой авторского рассуждения. Историк устанавливает связи между документами, раскрывает обусловленность одного события другим, указывает на пробелы в имеющихся свидетельствах.

Значение его архивной и публикаторской работы состоит, на наш взгляд, в следующем:

во-первых, Н.К. Чупину принадлежит приоритет в научном изучении уральских архивов; последующее развитие археографии на Урале в XIX и начале XX в. – исследования А.А. Дмитриева, В.Н. Шишонко, деятельность Пермской и Оренбургской губернских ученых архивных комиссий – происходило под непосредственным влиянием трудов Чупина;

³⁷ ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 247. Л. 18.

³⁸ Чупин Н.К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь, 1876. Т. 1. С. 419–426.

во-вторых, он ввел в научный оборот сотни документов по истории России XVII–XIX вв. и тем самым способствовал расширению источниковой базы российской исторической науки;

в-третьих, приемы публикаторской работы, которые использовал Чупин, характеризовались большим разнообразием и высокой методической культурой; археографическая деятельность Чупина представляет интересный прецедент, существенный для понимания общих процессов становления исторической науки и специальных исторических дисциплин во второй половине XIX в.

Поиск и публикация исторических источников являлись одним из основных направлений деятельности Н.К. Чупина. По нашим подсчетам, около 40 его работ, так или иначе, связаны с археографической проблематикой. Эта сторона творчества историка требует дальнейшего изучения.

П.Н. ЛУППОВ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ УДМУРТИИ

(На основе архивного фонда Казанской духовной академии)*

К числу безусловных научных приоритетов Павла Николаевича Луппова (1867–1949) можно отнести создание фундамента источниковой базы удмуртской историографии на основе выявления документов по истории Удмуртии в различных архивохранилищах России и их последующей публикации. Начал эту деятельность Луппов, как известно, во время учебы в Московской духовной академии в последнее десятилетие XIX в. и посвятил ей практически всю свою жизнь, сочетая ее с плодотворной работой в церковных, научных и архивных учреждениях Москвы, Санкт-Петербурга (Ленинграда) и Вятки (Кирова). Выявленные документы легли в основу его диссертации и почти 100 научных работ, опубликованных в разное время, в том числе монументального сборника по истории Удмуртии XV–XVII вв.¹

Период, когда П.Н. Луппов учился в Казанской духовной академии, хотя и непротяженный во времени, все же занимает особое место в его биографии. Именно там 110 лет назад он начал путь в большую науку, прерванный исключением из числа студентов в 1890 г., именно туда в 1911 г. представил он, будучи служащим канцелярии Св. Синода в Санкт-Петербурге, диссертацию на соискание ученой степени доктора церковной истории. По-видимому, факты эти не случайны и имеют определенную взаимосвязь. В рамках настоящей статьи хотелось бы, не претендуя на абсолютную научную новизну (учитывая наличие специальных работ, посвященных жизни и деятельности П.Н. Луппова), попытаться проанализировать состав и содержание документальных источников о “казанском периоде” жизни ученого, хранящихся в Национальном архиве Республики Татарстан. Работа проведена в рамках программы выявления документов по истории Удмуртии за пределами ее современной территории, разработанной и реализуемой Комитетом по делам архивов при Правительстве Удмуртской Республики и республиканскими архивами. Заверенные копии выявленных документов войдут в состав документальной коллекции, формируемой в Центральном государственном архиве УР.

В Архивном фонде Казанской духовной академии, к счастью, сохранился достаточно репрезентативный комплекс документов, как относящихся к периоду обучения Луппова в качестве студента и его изгнания из стен этого учебного заведения, так и отражающих достаточно сложные коллизии соискания им степени доктора церковной истории. Причем интересны они не только с точки зрения уточнения и дополнения некоторых биографических сюжетов из жизни ученого (хотя и это важно в определенном плане), но и как документальные источники “состояния умов” в отечественной высшей школе и церковной иерархии конца XIX – начала XX в., функционирования хорошо нам знакомого по недавним временам механизма влияния официальной идеологии (независимо от ее базиса и

* В основе статьи доклад на конференции “История. Время. Архивы” (см. наст. изд., с. 404).

¹ Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков. Ижевск, 1958.

гносеологического аппарата) на науку, образование и судьбы отдельных личностей, на вечную проблему “историк и время”.

Сохранившиеся архивные документы свидетельствуют как об отличных успехах в основании общегуманитарных дисциплин и богословских наук казенно-коштным студентом Павлом Лупповым (например, дело Совета Казанской духовной академии об испытаниях студентов I, II, III курсов 1887 г.)², так и о том, что эти успехи, даже вкупе с примерным поведением, и в те времена мало что значили, если обнаруживалось “неодобрительное направление” в мыслях. В делах Правления Казанской духовной академии сохранилась переписка по поводу исключения П.Н. Луппова из числа студентов. Так, в отпуске донесения в Св. Синод от 26 января 1890 г. на бланке архиепископа Казанского и Свияжского подробно говорится о “прискорбном событии, случившемся на днях в Казанской духовной академии...”, суть которого состоит в том, что “студент оной, III курса, Павел Луппов был вызываем в Казанское губернское жандармское управление [КГЖУ] для допроса в качестве свидетеля по какому-то производящемуся в оном делу... Подробности дела... ректору Академии неизвестны, так как оно производится секретно”³. Тем не менее по предложению ректора Правление Казанской духовной академии немедленно исключило П. Луппова и его однокашника Александра Варушкина, “как студентов по своему направлению неблагонадежных”. К сожалению, в фонде КГЖУ не удалось выявить документы по этому делу, а также те “заарестованные жандармской полицией письма компрометирующего содержания”, которые легли в его основу.

15 июля 1890 г. в Совет Казанской духовной академии поступил из Синода ответ на прошение П.Н. Луппова о восстановлении его в числе студентов: “...Ввиду обнаруженного бывшим студентом Казанской духовной академии Павлом Лупповым неодобрительного направления, не признавая возможным обратное принятие его, Луппова, ни в одну из духовных академий, Святейший Синод определяет: 1) прошение Луппова по сему предмету оставить без последствий...”⁴

Действительно, все это поступило в мае 1895 г. в канцелярию Совета Казанской духовной академии из Сергиева Посада, где располагалась Московская духовная академия, в которой, несмотря на “волчий билет”, сумел после службы на ниве статистики и просвещения продолжить свое образование Луппов. Случайно или нет, но в запросе просили сообщить только “сведения об успехах (устных и письменных) и поведении” бывшего студента Казанской академии Павла Луппова и не были упомянуты причины выбытия его из академии. А поскольку успехи у него были, как уже говорилось, отличные, а поведение примерное, то соответствующий ответ с выпиской из экзаменационных ведомостей и был направлен из Казанской духовной академии. Этот документ удостоверяет, что из 13 предметов по итогам 1887/88 учебного года у Павла Луппова была только одна “4” (по библейской истории), а по всем 10 предметам итоги 1888/89 учебного года были оценены академическими преподавателями на “отлично”⁵. По-видимому, это дало возможность Луппову завершить учебу в Московской духовной академии и благополучно защитит там в 1899 г. магистерскую диссертацию по теме “Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века”.

Именно период работы над магистерской, а затем докторской диссертациями является у Луппова наиболее плодотворным с точки зрения выявления, анализа и публикации им документальных источников по истории Удмуртии и уд-

² Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9422. (Далее: НА РТ).

³ Там же. Д. 8457.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 9457.

муртского народа. Основу магистерской диссертации, помимо опубликованных в различных изданиях архивных документов, составили фонды Св. Синода, Вятской канцелярии, Елабужского духовного правления, Вятского губернского правления, библиотеки Московской духовной академии, архивы некоторых местных церковных учреждений. В качестве приложения к диссертации опубликовано около 60 архивных документов из различных архивохранилищ⁶. В марте 1911 г. в Совет Казанской духовной академии на соискание степени доктора церковной истории Лупповым представляется 900-страничный труд “Христианство у вотяков в первой половине XIX века”, изданный Вятской губернской ученой архивной комиссией. Для подготовки докторской диссертации, которая была посвящена достаточно узкому хронологическому периоду (что отмечалось одним из рецензентов как существенный ее недостаток), были привлечены документальные комплексы из 15 архивохранилищ Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Вятки и некоторых других городов. И это сыграло, на наш взгляд, определенную, если не определяющую, роль в положительном исходе затянувшегося на 2,5 года рассмотрения вопроса о присуждении П.Н. Луппову степени доктора церковной истории.

В рамках небольшой статьи невозможно дать полную характеристику позиции членов Совета Казанской духовной академии по отношению к докторской диссертации Луппова, но сохранившиеся архивные документы, в том числе протоколы голосования и отзывы рецензентов, говорят о многом. Вот некоторые выдержки из обширного отзыва на его сочинение первого рецензента инспектора Академии архимандрита Гурия: “Мы невольно поражаемся... незначительным количеством основных вопросов, долженствующих дать ценное содержание для серьезной научной работы... не слишком ли узок по своему качеству материал для разработки его в докторскую диссертацию?... Автор ни слова не говорит о плане своей работы... не рассматривает особо миссионерской деятельности среди некрещеных вотяков, не указывает методов ее, не знакомит с характером и историей ее... намеревается держаться только примитивного хронологического распорядка в изложении имеющегося у него под руками материала”⁷.

Отмечая, что “процесс соединения христианства с язычеством, как он отразился в религиозном сознании новокрещеных вотяков за первую половину XIX в. изложен автором достаточно подробно и обоснованно”, рецензент тем не менее предложил оставить “желание автора” получить ученую степень доктора церковной истории “без удовлетворения”. В то же время он вынужден был признать, что “работа автора должна первее всего цениться, как труд по сырому материалу, как труд по архивным данным, как работа, вынесшая на свет Божий то, что доселе было сокрыто. В этом отношении работа автора является трудом, вносящим новые страницы в историю русского православного миссионерства”⁸.

В более благожелательной и объективной рецензии экстраординарного профессора Н. Писарева, не преминувшего тем не менее заметить, что работа не вполне отвечает существовавшим тогда требованиям, дана достаточно высокая оценка заслуг П.Н. Луппова как “единственного, можно сказать, крупного исследователя состояния христианства среди вотяков за время их исторического существования... в высшей степени трудолюбивого человека устойчивых научных симпатий, преданного научной разработке излюбленного им вопроса”. Отмеча-

⁶ См. об этом: *Луппов П.Н.* Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. СПб., 1899.

⁷ Дело на соискание степени доктора церковной истории делопроизводителем статистического отделения при Св. Синоде Павлом Лупповым. См.: *НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11050. Л. 25–34.*

⁸ Там же.

ется редкое усердие, с которым были собраны богатые данные не только из центральных, но и из провинциальных архивов, на основе которых автор представил картину распространения и утверждения христианства среди удмуртов в первой половине XIX в. Положительно характеризуется публикационная деятельность Луппова⁹.

Несмотря на отрицательный отзыв первого рецензента, Совет Казанской духовной академии на своем заседании 14 октября 1913 г. большинством голосов (11 против 8) высказался за присуждение Луппову докторской ученой степени. После утверждения Св. Синодом долгожданный диплом доктора церковной истории на имя П.Н. Луппова 25 ноября 1913 г. был оформлен в Казани и отправлен владельцу в Санкт-Петербург. Получен был “в исправном виде, лишь сургучная печать оказалась полуразрушенной”, о чем Павел Николаевич собственноручно уведомил Совет Казанской духовной академии 5 марта 1914 г.¹⁰

Среди голосовавших за принятие этого решения хотелось бы отметить известного историка церкви и архивиста, заведующего знаменитой библиотекой-архивом Казанской духовной академии профессора Ивана Михайловича Покровского, 130-летие которого недавно отмечалось. По-видимому, именно Покровский, сам много сделавший для выявления, сохранения и публикации документальных памятников по истории Казанской губернии, мог по достоинству оценить всю значимость работы П.Н. Луппова. Близок был и круг их научных интересов (И.М. Покровский долго и плодотворно занимался историей епархий Российской империи, краеведением), оба внесли существенный вклад в дело спасения губернских архивов в смутные послереволюционные годы. Но если Луппову не без труда, но все же удалось вписаться в “новую жизнь”, то Покровскому повезло меньше, и он дважды привлекался в 1920–1930-е годы по известным делам о профессорах Казанской духовной академии и об “истинно православной церкви”¹¹.

Возвращаясь к проблеме выявления документов по истории Удмуртии, следует отметить, что Луппов продолжал заниматься ее решением практически до конца своей жизни; он успел внести свой весомый вклад и в развитие вятского краеведения, особенно в самое для этого движения “золотое десятилетие” (по определению С.О. Шмидта) – 1920-е годы¹². Работая в Вятском губернском архивном комитете, Вятском научно-исследовательском институте, он продолжал выявлять архивные документы в Москве, Ленинграде, Казани, Перми, Уфе, Самаре, Оренбурге и других городах. Известный исследователь жизни и творчества П.Н. Луппова В.А. Бердинских справедливо отметил: “Огромный труд был проделан историком в 20–30-е годы по изучению центральных и местных архивов... Широкое представление о теме, полагал он, можно создать лишь на основе просмотра, использования и анализа сотен архивных дел... Занятия в архиве... станут для него не необходимостью, а радостью и удовольствием”¹³.

Многие архивные источники по истории Удмуртии, выявленные Лупповым, публиковались при его жизни. Как уже говорилось, в 1958 г. вышел, в несколько “усеченном” варианте, его обобщающий труд “Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков”. Однако часть творческого наследия ученого продолжает

⁹ Там же. Л. 35–40.

¹⁰ Там же. Л. 8, 18–19.

¹¹ См.: Бобков В.Н. Церковные и монастырские архивы Казанской губернии в первые годы советской власти // АЕ за 1991 год. М., 1994; Он же. Иван Михайлович Покровский – архивист, историк и краевед // Мир источниковедения. М., 1994.

¹² Шмидт С.О. “Золотое десятилетие” российского краеведения // Отечество: Краевед. альманах. М., 1990. № 1.

¹³ Бердинских В.А. Историк на грани эпох. Павел Луппов – первый историк удмуртского народа. Ижевск, 1991. С. 33–34.

храниться в рукописях, да и то, что опубликовано, давно стало библиографической редкостью. Не издан документальный сборник, посвященный самому П.Н. Луппову. По-видимому, пришла пора объединить усилия ученых, историков, архивистов, библиографов, краеведов в подготовке к публикации его трудов и межархивного сборника документов о жизни и многогранной деятельности Павла Николаевича Луппова. Осуществить это можно под эгидой общества историков-архивистов и научных учреждений, организовавших названную выше конференцию¹⁴, при содействии заинтересованных государственных структур. Необходимо более тесное сотрудничество и в реализации программы выявления документов по истории Удмуртии за пределами ее современной территории, других республиканских программ сохранения и использования историко-культурного наследия народов нашей республики.

¹⁴ См.: *Копысов Ю.И.* Научно-практическая конференция, посвященная 130-летию П.Н. Луппова // Наст. изд. С. 405.

Д.Л. Бранденбергер, А.М. Дубровский

ИТОГОВЫЙ ПАРТИЙНЫЙ ДОКУМЕНТ СОВЕЩАНИЯ ИСТОРИКОВ В ЦК ВКП(б) В 1944 г.

(История создания текста)

В мае–июле 1944 г. в Москве состоялось совещание историков и работников аппарата ЦК ВКП(б)¹. “Люди власти”, как назвал организаторов совещания Е.В. Тарле, собрали “людей науки”, чтобы выяснить их взгляды на различные исторические факты, ставшие остроактуальными в годы Великой Отечественной войны. Обращение к архивным материалам, отражающим ход совещания и особенно последовавшую за ним работу партийно-государственных деятелей, показывает важные стороны политики руководства страны по отношению к исторической науке в 1940-е годы.

В первый день, 29 мая, перед историками выступил Г.М. Маленков. Сохранившийся в фонде А.А. Жданова документ под названием “Вопросы, поставленные историками перед ЦК ВКП(б)”, видимо, является тем текстом, который прочитал собравшимся Маленков².

“За последнее время в Центральный Комитет обращаются историки СССР с различными вопросами, из которых видно, что у ряда наших историков нет ясности по некоторым принципиальным вопросам отечественной истории, а по ряду вопросов имеются существенные разногласия, – сказал Маленков. – ЦК ВКП(б) решил собрать настоящее совещание историков с тем, чтобы посоветоваться по вопросам, которые волнуют теперь историков”. Вопросы были следующие:

1. Оценка внутренней и внешней политики царского самодержавия на различных этапах русской истории, в частности – Россия как “жандарм Европы” и Российская империя как “тюрьма народов”.
2. Оценка завоеваний царской России и колониальной политики царизма. Значение и характер присоединений к России народов и территорий окраин.
3. Характер восстаний против царизма на окраинах Российской империи и оценка отдельных восстаний и их лидеров.
4. О применимости теории “меньшего зла” в отношении присоединения народов Средней Азии к России.
5. Об уровне государственности народов Средней Азии до их присоединения к России.
6. Характер влияния немецких историков на русскую историографию.
7. Отношение советских историков к норманнской теории происхождения русского государства.
8. О происхождении понятий “славяне” и “Русь”.
9. О преодолении взглядов антимарксистской “школы” Покровского в советской исторической науке.
10. Оценка исторической роли выдающихся деятелей России (Иван Грозный, Петр I, Ушаков, Нахимов, Брусилов и др.).

¹ См.: Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // ВИ. 1996. № 2–7, 9 / Публ. подгот. Ю.Н. Амиантовым и З.Н. Тихоновой; *Бурдей Г.Д.* Историк и война, 1941–1945. Саратов, 1991. С. 150–158; *Чапкевич Е.И.* Пока из рук не выпало перо... Жизнь и деятельность академика Е.В. Тарле. Орел, 1994. С. 152–153; *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. С. 81–85.

² РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 26. Л. 16–17. Приведенные фрагменты текста публикуются впервые.

11. Об освещении в курсах по истории СССР реакционных деятелей царской России.
12. О месте малых народов в курсах по истории СССР (лопари, эвенки, белые калмыки и др.).
13. Характер и значение западных влияний на общественную мысль России, на русскую науку и культуру.
14. О соотношении интересов русского народа и самодержавия в различные периоды русской истории.
15. Роль крестьянских восстаний под руководством Болотникова, Разина, Пугачева в истории России».

“Эти вопросы имеют важное значение для советской исторической науки, – подчеркнул Маленков. – Обсуждение этих вопросов даст возможность правильно решить некоторые узловые проблемы истории народов Советского Союза”³. Он попросил высказаться собравшихся, но не в этот же день, а позже, 1 июня. Этим коротким выступлением была исчерпана программа первого дня совещания.

Вопросы о новых оценках и подходах к отечественной истории возникли потому, что с конца 1920-х – начала 1930-х годов “люди власти” стали внедрять в общественное сознание и историографию новые идеи. Важнейшей из них была идея патриотизма.

До Октябрьской революции и после нее русские марксисты, ссылаясь на Маркса, заявляли, что у пролетариата нет отечества, а патриотизм – это “любовь к родине, культивируемая правительствами буржуазных стран”⁴. Правда, уже в 20-е годы зародился так называемый красный патриотизм⁵. Эта форма патриотизма была тесно связана с идеей мировой революции, с чисто классово-идеологией. В 30-е годы стала возникать другая форма патриотизма, включавшая в себя традиционные российские национально-государственные ценности.

Судя по материалам главной партийной газеты “Правда”, явный поворот от одной формы патриотизма к другой начался весной 1934 г.⁶ 19 марта 1935 г. непривычные слова “советский патриотизм” были напечатаны как заглавие передовой статьи “Правды”. С того времени термин получил права гражданства. 1 мая 1936 г. “Правда” опубликовала теоретическую статью К.Б. Радека “Советский патриотизм”, в которой новое понятие получило разностороннее теоретическое осмысление. Позже, уже во время второй мировой войны, другой вариант разработки этого же понятия, более поверхностный, зато снабженный материалами о Ленине и Сталине, а также идеей о защите СССР, был дан в главном теоретическом журнале партии М. Каммари⁷. Прекратилось очернение русского национального характера, отечественного прошлого⁸. Благодаря произведениям А.Н. Толстого началось возвеличивание Петра I, а вместе с ним и Ивана IV. Были изданы учебники по истории для школ и высших учебных заведений, что послужило укреплению в общественном сознании новых исторических воззрений. По сути дела, возрождались традиционные исторические ценности дореволюционной России.

³ Там же.

⁴ Патриотизм // Новейший энциклопедический словарь. Л., 1926–1927. Кн. VIII. Стб. 1951. См. также: Энциклопедия государства и права. М., 1927. Т. 3. Стб. 252–254.

⁵ См.: Агурский М. Идеология национал-большевизма. Р.: Умса-Press, 1980.

⁶ Васильковский Г. Высший закон жизни // Правда. 1934. 29 мая; За Родину // Там же. 1934. 9 июня; О Родине // Там же. 7 авг.

⁷ Каммари М. О пролетарском интернационализме и советском патриотизме // Большевик. 1940. № 15/16. С. 28–42.

⁸ См. письмо И.В. Сталина Демьяну Бедному по поводу его критических фельетонов (Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 23–27). См. также: Дубровский А.М. Как Демьян Бедный идеологическую ошибку совершил / Отечественная культура и историческая наука XVIII–XX вв.: Сб. статей. Брянск, 1996. С. 143–151; Константинов С.В. Дореволюционная история России в идеологии ВКП(б) 30-х годов // Историческая наука России в XX в. М., 1997. С. 217–243.

Сталин и руководство партийно-государственного аппарата находились в довольно сложном положении: с одной стороны, идейная эволюция “русского марксизма” не должна была разрывать его связь с фразеологией Маркса, Энгельса и Ленина, с системой понятий классического марксизма; с другой стороны, как прагматики “люди власти” стремились наполнить партийную идеологию новым содержанием, которое лучше отражало реалии XX столетия и было необходимо для удержания власти, оправдания проводившейся политики и управления партией и страной.

Патриотически настроенные историки “старой школы”, получившие еще до революции профессиональное образование, искренне и с пониманием тянулись к некоторым новым веяниям в партийной идеологии, пропаганде и политике. И возрождение исторической науки в 30-е годы, и реабилитация патриотизма, и отказ от очернения прошлого – все это притягивало и вдохновляло их. Возвращаясь к государственно-патриотическим, даже имперским позициям, некоторые из них обгоняли в своей идейной эволюции партийных деятелей, смешивая карты “гениального дозировщика” Сталина, который контролировал развивавшийся процесс, подталкивал его по мере созревания тех или иных обстоятельств, но никак не торопил. Совещание историков и партийных деятелей, видимо, должно было усилить контроль над исторической наукой, остановить забежавших вперед, одернуть “зарвавшихся”. Но обстановку осложняло то, что в науке действовали историки-партийцы с революционным прошлым, начитанные в марксистской литературе. Они с недоумением слушали разговоры среди своих старших коллег, их тревожило распространение “антимарксистских” взглядов. На таких историков совещание тоже должно было оказать соответствующее воздействие.

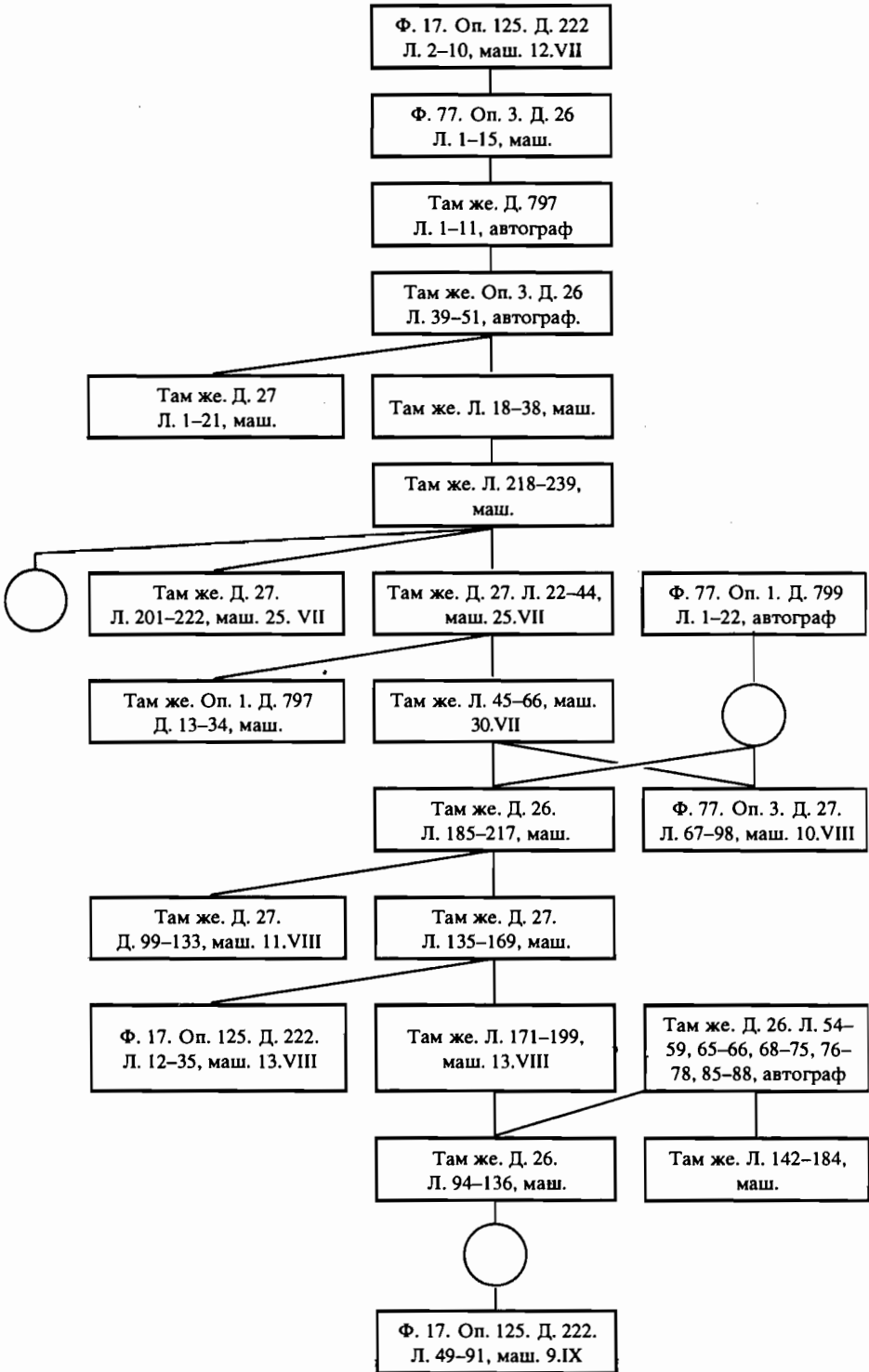
Основная работа этого научно-идеологического совещания развернулась с 1 июня по 8 июля. У собравшихся обнаруживались самые разнообразные взгляды. Здесь выступили «глашатаи нового “патриотического” курса С.К. Бушуев и Х.Г. Аджемян, заявлявшие о недооценке великого прошлого русского народа и о необходимости борьбы с “национальным нигилизмом”; старые историки А.И. Яковлев и В.И. Пичета, и не пытавшиеся изображать из себя марксистов; “ортодоксы” А.М. Панкратова, М.В. Нечкина, А.Л. Сидоров, Э.Б. Генкина, Б.М. Волин, стремившиеся сочетать “советский патриотизм” с “марксистско-ленинским подходом к истории”; ученые, принявшие марксизм, но старавшиеся сохранить относительную объективность в освещении русской истории: С.В. Бахрушин, К.В. Базилевич, Н.Л. Рубинштейн, Б.Д. Греков; наконец, “диалектики” И.И. Минц и А.В. Ефимов, желавшие отсечь все крайности и предугадать официальную точку зрения»⁹. Прибывший к концу работы совещания Е.В. Гарле примыкал к первой группе историков – сторонников патриотического курса.

В итоге обмена мнениями историки не получили никаких указаний от партийных руководителей. Участник и руководитель совещания секретарь ЦК партии А.С. Щербаков обещал, что через некоторое время будет опубликован документ ЦК с соответствующими разъяснениями и установками. Однако ничего подобного в партийной печати не появилось. В РЦХИДНИ, в фондах А.А. Жданова (Ф. 77) и ЦК ВКП(б) (Ф. 17), сохранилось несколько редакций итогового документа совещания. Частично они представлены автографами, большей частью – машинописными текстами со следами правки.

Авторы настоящей статьи сопоставили разные тексты, проследив за тем, как рукописные интерполяции, сделанные в одной редакции, превращались в машинописные фрагменты текста в другой. Такие наблюдения послужили основой для установления различий во времени происхождения редакций и непосредственной связи между ними. Если новый фрагмент текста возникал в более поздней редакции неожиданно, без своего рукописного предшественника, это заста-

⁹ Каганович Б.С. Указ. соч. С. 81.

Схема генеалогических связей между редакциями тезисов ЦК ВКП(б)

вляло предполагать не дошедшую до нас редакцию. Некоторые редакции сохранились в двух экземплярах. Каждый из них направлялся для ознакомления разным лицам, но не всегда правка этих читателей и соредакторов учитывалась в дальнейшей работе над текстом. Поэтому в одних случаях текст получал развитие, в других – нет. Порой Жданов, основной автор документа, брался заново переписывать значительные по объему части, перерабатывая и дополняя их. Эти рукописные фрагменты работы наряду с правленной редакцией были протографами очередной редакции текста. Результаты исследования генеалогических связей между источниками отражает приведенная схема.

В этой схеме кружками обозначены необнаруженные, но предполагаемые редакции текста. Определение возраста той или иной редакции проведено на основе дат, обозначенных на рукописях или на сопроводительных письмах к ним.

Как видно из начального текста, подвести итоги совещания историков сначала было поручено начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову. Поскольку он закончил свою работу к 12 июля, то можно предположить, что Александров взялся за выполнение задания вскоре после совещания. В основу подготавливаемого документа Александров положил две служебные записки в ЦК ВКП(б), которые вместе со своими сотрудниками П.Н. Поспеловым и П.Н. Федосеевым составил в мае 1944 г.¹⁰ Этот документ озаглавлен так: “О недостатках научной работы в области истории”¹¹. В схеме только этот текст принадлежит перу Александрова, остальные редакции – А.А. Жданова.

Текст представлял собой документ, разделенный по традиционному партийному трафарету на две части – констатирующую и постановляющую. В первой содержались суровые оценки положения на “историческом фронте”. Александров начал проект постановления ЦК с важного заявления: “ЦК ВКП(б) отмечает, что в научной работе в области истории имеются серьезные недостатки и ошибки антиленинского характера... Ревизуются ленинские взгляды по вопросам истории” (Л. 2). А.И. Яковлев, Е.В. Тарле и Х.Г. Аджемян обвинялись в том, что они оправдывали колониальную политику царизма. Кроме того, как писал Александров, “некоторые историки (ниже он указал на Тарле. – Д.Б., А.Д.) отбрасывают ленинскую оценку царской России как жандарма Европы”, “некоторые историки (опять Тарле. – Д.Б., А.Д.)... отрицают экономическую отсталость царской России, преувеличивают ее военную мощь” (Л. 2–4). Все эти идеологические грехи Александров сводил к приукрашиванию политики царизма.

Наряду с этим в среде историков отмечалась и другая ошибочная линия – приверженность взглядам М.Н. Покровского и “реакционных немецких историков”: “Изображая... всю историю России как сплошное черное пятно, некоторые историки недооценивают, а подчас и полностью игнорируют прогрессивные стороны в истории нашей родины” (Л. 2–5). В этом обвинялись авторы учебника по истории СССР для высших учебных заведений, изданного перед войной, – К.В. Базилевич, С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье, Б.Д. Греков, В.И. Лебедев, М.В. Нечкина, Н.Л. Рубинштейн и др. В учебнике “принижается историческое прошлое России, развитие русской культуры, науки, искусства ставится в полную зависимость от западноевропейской культуры, а выдающиеся деятели русского народа – Ломоносов, Радищев, Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов изображаются эпигонами и слепыми подражателями западноевропейской

¹⁰ Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.) // ВИ. 1991. № 1. С. 188–204 / Публ. подгот. И.В. Ильина. Ход событий, приведших к совещанию историков, а также история создания служебных записок восстановлены в публикации “Стенограмма совещания по вопросам истории СССР...” (ВИ. 1996. № 2. С. 47–50) и в статье С.В. Константинова “Несостоявшаяся расправа: О совещании историков в ЦК ВКП(б) в мае–июле 1944 г. (Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М., 1994. С. 254–268).

¹¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 222. Л. 2–10 (далее сноски на листы этого дела даны в тексте).

культуры и общественной мысли” (Л. 5). В частности, Александров указывал на идеи норманнизма в учебнике для средней школы под редакцией А.М. Панкратовой (*Базилевич К.В., Бахрушин С.В., Панкратова А.М.* История СССР. М., 1940. Ч. 1), на высокую оценку деятельности историков, выходцев из Германии, работавших в России в XVIII в., которую дал Н.Л. Рубинштейн в книге “Русская историография” (М., 1941).

«В учебниках по истории СССР замалчиваются в духе “школы” Покровского прогрессивные стороны русской истории и принижается роль выдающихся деятелей русского народа, – обобщал Александров. – В этих учебниках... лицо нашей страны определяли одни реакционеры». Такая идейная позиция, по мнению Александрова, “наносит серьезный удар делу воспитания советских людей в духе патриотизма и национальной гордости, затрудняет нашу борьбу за полный морально-политический разгром фашизма” (Л. 5–6).

Отдельно от двух идеологически вредных линий Александров отметил и “попытки ревизовать ленинские взгляды по национальному вопросу, обособить и противопоставить друг другу народы Советского Союза” (Л. 7). Объектом критики Александрова в данном случае стала “История Казахской ССР: С древнейших времен до наших дней” (Алма-Ата, 1943) под редакцией А.М. Панкратовой. В ней, по словам Александрова, авторы изображают Россию злейшим врагом казахов, “а присоединение Казахстана к России рассматривают как абсолютное зло для казахского народа” (Л. 8).

Истоки указанных недостатков и ошибок историков Александров видел в неудовлетворительной постановке научной работы в Институте истории АН СССР. Здесь, как он писал, не рассматриваются “важные вопросы отечественной истории”. Институт “не стал подлинным центром исследовательской работы в области истории, превратился в замкнутую организацию, оторванную от широких кругов историков” (Л. 9). Кроме того, отмечалось, что “совершенно неудовлетворительно” ведется “Исторический журнал”.

В постановляющей части из восьми пунктов Института истории и редакцию этого журнала обязывали “устранить отмеченные крупные недостатки”, предлагалось сменить руководство института: вместо директора Б.Д. Грекова и его заместителя А.М. Панкратовой назначить соответственно В.П. Потемкина и С.П. Толстова. Александров писал о необходимости переработать учебники по истории СССР, а также подготовить новый, “подлинно научный” труд по истории Казахстана. Нужно было «опубликовать в журнале “Большевик” и в “Историческом журнале” статьи о недостатках научной работы в области истории, в которых наряду с критикой ошибочных положений в трудах по истории СССР должно быть дано правильное ленинское изложение вопросов» (Л. 10). Необходимо было срочно (до 1 октября 1944 г.) разработать “научную периодизацию истории СССР” и представить ее проект “на рассмотрение ЦК ВКП(б)”. Далее автор снова возвращался к кадровым вопросам и предлагал персональные изменения в редколлегии “Исторического журнала”. В конце постановляющей части Институту истории предлагалось “восстановить публикацию исторических документов и материалов” (Там же).

Таким образом, в проекте постановления ЦК, составленном Александровым, критикой были задеты многие крупнейшие ученые – специалисты по отечественной истории. Если бы его предложения были приняты, науку ожидали бы значительные изменения в ее руководстве. Принципиально важным было то, что уже в проекте была оформлена некая средняя линия поведения партийного руководства: он провозглашал борьбу на два фронта – и против возвеличения царской политики, неумеренного воспевания дореволюционной России, и против очернения прошлого страны. Главный удар был нанесен по А.М. Панкратовой, по марксистам-догматикам, стремившимся сохранить революционный, классовый подход к истории.

Далее события развивались, вероятно, следующим образом. Щербаков, руководивший совещанием историков, ознакомился с проектом постановления и сделал небольшие замечания: “1) Тюрьма народов. 2) Жандарм Европы. 3) Оправдание царс[кой] колони[зации]”¹². Видимо, именно эти темы должны были получить развитие при доработке документа.

Щербаков (быть может, по рекомендации Сталина) передал проект постановления ЦК для дальнейшего совершенствования Жданову, переехавшему из Ленинграда в Москву. Александров как автор документа почему-то не вызывал доверия. Г.В. Костырченко обратил внимание на то, что в апреле 1944 г. Александров был подвергнут критике в постановлении Политбюро как один из редакторов третьего тома “Истории философии” (М., 1943): «Как философ Александров был обвинен в некритическом подходе к “реакционным воззрениям” Г. Гегеля, И. Фихте и других германских мыслителей, которые, как считали некоторые идеологи... стали теоретическими предшественниками нацизма»¹³. Возможно, именно поэтому бывший секретарь ЦК по идеологии Жданов казался более подходящим человеком для глубокой и последовательной критики ошибок историков.

Г.В. Костырченко решил, что Жданов “приступил к осуществлению крупной аппаратной интриги против Александра”, используя против него материалы совещания историков¹⁴. Однако реконструируемая нами история текста партдокумента не дает оснований для такого категорического утверждения, хотя и не опровергает его. Сомнение же в версии Костырченко рождается из-за того, что Жданов первоначально лишь немного отредактировал документ. Главное – он смягчил оргвыводы, отводя удар от Панкратовой и Грекова. Жданов предложил не изгнание их с постов, а укрепление руководящих кадров Института истории. Он рекомендовал “утвердить первым заместителем директора Института истории АН т. Толстова С.П.”¹⁵. Таким образом, позиция и предложения Жданова были скорее компромиссными и не говорят определенно о его решении нанести Александру удар.

Более поздние редакции текста обнаруживают, что Жданов вдруг стал развивать значительную активность в дальнейшей работе над документом. Он писал его как бы заново от руки. Видимо, первый результат работы был представлен Сталину, и тот остался недоволен. Дал какие-то указания, возможно, приказал начать все с нуля. Позже, 12 августа 1944 г., передавая очередную редакцию текста Сталину, Жданов напишет: “Направляю Вам проект тезисов по вопросам истории СССР, переработанный и дополненный согласно Вашим указаниям” (Д. 27. Л. 134). Вероятно, в июле 1944 г. Жданов и получил эти указания.

Он стал готовить совершенно иной документ – не постановление с суровыми оргвыводами, а тезисы. В этом, вероятно, и состояло одно из указаний Сталина. Как верно отметил Ю.Н. Амиантов, “тезисы давали большую возможность полемики, большую возможность выражения мысли”¹⁶. В новой редакции работа Жданова получила название «Конспект тезисов “О недостатках и ошибках в нашей исторической науке”». Осторожно было вписано слово “материалы”, так как, видимо, он чувствовал, что до конца работы еще далеко, а дело начиналось во многом сызнова (Оп. 1. Д. 797. Л. 1).

В качестве небольшого введения Жданов включил в текст несколько фраз о достижениях советской науки в 30-е годы. А ниже автор тезисов поставил заголовков “О недостатках и ошибках в научной работе в области истории СССР”.

¹² Там же. Ф. 77. Оп. 3. Д. 26. Л. 1.

¹³ Костырченко Г.В. В плену у красного фараона: Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. М., 1994. С. 21.

¹⁴ Там же. С. 21–22.

¹⁵ РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 26. Л. 13 (далее ссылки на дела этого фонда даны в тексте).

¹⁶ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР... // ВИ. 1996. № 2. С. 51.

Усиливая политическое звучание документа, он начал его с нарочито заостренных заявлений: “За последнее время в отдельных работах по истории СССР, а также в публичных высказываниях отдельных историков имеют место крупные ошибки оппортунистического антиленинского характера” (Л. 3). Не абстрактные “буржуазно-идеалистические воззрения”, как говорилось в предыдущей редакции, а – конкретнее! – “великодержавно-националистическую идеологию”, оправдание “реакционной колониально-захватнической политики царизма” пытались возродить Тарле, Яковлев, Аджемян (Л. 3, 5). Вторую группу идеологически заблудших историков Жданов обвинял в том, что они, подобно Покровскому, принижают великое прошлое России, отрицают исторический прогресс. Жданов напомнил о выработанной официальной оценке крещения Руси и правления Ивана Грозного, сыгравших “исторически прогрессивную роль”. Такой подход с идеей относительной прогрессивности был как бы рекомендован Ждановым в качестве своего рода модели, которую должны были использовать историки.

Эта редакция не была завершена автором. Перечитывая текст, он сделал пометку: “Много ругани” (Л. 9 об.). И снова с самого начала он принялся исписывать карандашом большие листы в линейку.

Теперь он решил начать с главного, отбросив прежнее введение. Текст документа в новой редакции начинался с грозных слов: “За последнее время в отдельных работах по истории СССР, а также в публичных высказываниях отдельных историков имеют место крупные ошибки антиленинского характера” и т.д. (Оп. 3. Д. 26. Л. 39). Автор утверждался в новом тексте. Начало получалось, хотя и не без правки. Именно оно сохранилось до последней редакции. Документ стилистически был изложен лучше, чем в редакции Александрова. Кроме того, он был более политизированным и идеологизированным, чем проект постановления, написанный Александровым.

В новую редакцию (Л. 18–38) Жданов включил рассуждения теоретического характера. Возможно, и это было реализацией указаний Сталина. Жданов писал о советском патриотизме, который “вырос и укрепился на основе борьбы лучших представителей русского народа с царским самодержавием, буржуазией и их захватническими империалистическими вождельниками. Он вырос и укрепился в результате свержения власти помещиков и буржуазии...” (Л. 24). Таким образом, по традиции, шедшей от статьи Ленина “О национальной гордости великороссов”, Жданов связывал советский патриотизм с революционным движением: борьба с царизмом, помещиками, капиталистами “была благородным и святым делом каждого подлинного русского патриота” (Л. 25).

Очернителям русской истории, не понимавшим разницы между “признанием прогрессивности того или иного исторического явления и поддержкой его”, он напоминал о сущности исторического подхода к этим явлениям, приводя огромную цитату из краткого курса “Истории ВКП(б)”. Авторам “Истории Казахской ССР” он адресовал цитату из сочинений Ленина о различии между материалистом и объективистом (Л. 36). Таким образом, партийный документ насыщался теоретическим материалом, что повышало его значение для будущих читателей.

В итоговой части документа Жданов подчеркнул, что обличаемые ЦК чуждые науке тенденции “имеют не отвлеченно-академический интерес, а... острое научное, практическое и политическое значение” (Л. 37). В заключительных строках тезисов, спешенных правкой, осуждались обе тенденции.

В следующей редакции тезисов (Д. 26. Л. 218–239) Жданов продолжал совершенствовать теоретическую часть подготавливаемого документа. Развивая тему советского патриотизма, его истоки он усматривал “в исторической роли русского народа как передового борца за освобождение всех народов царской России от классового и национального гнета” (Л. 224–225). Советский патриотизм наполнялся русским содержанием.

Позже в новой редакции (Д. 27. Л. 22–44), в машинописный текст он вписал, что корни советского патриотизма находятся “в героическом прошлом нашего народа, в его борьбе с чужеземными захватчиками” (Л. 28). Так в прежнее революционное понимание патриотизма вплеталось и нечто традиционно-русское. Жданов решил не выпячивать лучшие качества только русского народа и, исправив текст, написал в этой редакции о высоких качествах народа вообще, без указания национальности. В другом машинописном экземпляре этого же текста (Там же. Л. 201–221) – второй или третий экземпляр машинописи, первый не обнаружен – словосочетание “русский народ” в соответствующем фрагменте сохранено. Видимо, наполнение сравнительно нового для партийной пропаганды понятия “патриотизм” национально-государственным содержанием проходило в сознании Жданова с некоторой долей неуверенности и сомнений.

На первом листе рассматриваемой редакции, в левом верхнем углу Жданов написал: “Тов. Щербакову. Направляю проект тезисов. Жданов. 25.VII.44” (Л. 201). Таким образом, имеется вполне точная и достоверная дата завершения работы над этой редакцией. Со времени написания текста Александровым прошло 13 дней. Учитывая неизбежные паузы в работе (например, во время прочтения документа Сталиным и ожидания от него указаний), нужно признать, что Жданов трудился интенсивно. Он создал семь редакций текста, порой существенно отличавшихся одна от другой. Работа, несомненно, была для него главной, центральной в те дни. Нужно было торопиться. 8 июля совещание историков закончилось, а итогового документа еще не было.

Следующая редакция (Д. 27. Л. 45–66) содержала такую надпись: “Последний на 30.7 вариант тезисов по истории” (Л. 45). Видимо, получив замечания от Щербакова, Жданов в начале августа продолжил работу над текстом. Как обычно с ним бывало в подобных случаях, он попробовал написать от руки экземпляр тезисов (Оп. 1. Д. 799. Л. 1–22, автограф). Потом соединил написанный материал с материалом редакции текста от 30 июля. Новый машинописный текст сохранился в двух экземплярах (Оп. 3. Д. 27. Л. 67–68; Д. 26. Л. 185–217), и на одном из них стоит надпись: “Вариант № 4 на 10.8” (Д. 27. Л. 67).

В оформлении тезисов Жданов внес значительные изменения. Уже в указанном выше рукописном экземпляре он разделил работу на главы с названиями: “I. Попытки возрождения буржуазно-исторической школы Милюкова. II. Национализм есть порождение империализма. III. Интернационализм порождает патриотизм. IV. Против реставрации исторических ошибок школы Покровского. V. На два фронта”.

Жданов снова обратился к исходным материалам партийного документа. Он включил в число виновных идейного противника А.М. Панкратовой А.В. Ефимова. Этот историк полагал, что в условиях войны “нецелесообразно фиксировать внимание на классовой борьбе в истории” (Д. 26. Л. 193). Об этом в свое время Панкратова сигнализировала в ЦК. Усиливая политическое звучание тезисов, Жданов подробнее, чем в предыдущей редакции, указал на то, что взгляды Тарле, Грекова, Аджемьяна совпадают с воззрениями кадетов. Известно, писал Жданов, что эта партия “была монархической и контрреволюционной и находилась в сделке с царизмом для удушения революции” (Л. 196). Придавая в глазах читателей научную и идейную неприглядность кадетской “исторической школе Милюкова”, Жданов говорил, что она “отрицала закономерность исторического развития”, понимала под анархией “революционные и национально-освободительные движения” (Там же).

Во вторую главу Жданов, обвиняя Тарле и других историков в национализме, включил разъяснение того, что такое национализм. В тексте много правки, не все продумано, доведено до полной ясности. Исходной идеей для националистов, писал Жданов, было разделение наций на призванных господствовать и обязанных подчиняться. Как считал Жданов, всецело националистической была

политика правительства дореволюционной России: “Вся политика царского правительства была основана на политике унижения и зверского угнетения всех нерусских народов... Национальный гнет неизмеримо усилился, когда капитализм вступил в свою последнюю стадию, в стадию империализма” (Л. 199). Чтобы усилить воздействие на читателя, Жданов отождествил национальную политику царизма с политикой фашистской Германии. По его словам, царизм “развращал и отравлял ядом шовинизма и национальной исключительности народные массы. Такую же политику насаждает ныне партия гитлеровцев” (Л. 200).

Третья глава включала в себя материал, который нарастал от одной редакции к другой по мере работы Жданова над текстом. Автор провел сопоставление советского патриотизма с национализмом, показав, что между ними нет ничего общего: “Советский патриотизм вырос у нас на почве победы и укрепления интернационализма, на почве дружбы и братства народов СССР” (Л. 201). Вместе с тем Жданов продолжал развивать тему об особой роли русского народа: “Ведущая роль русского народа в борьбе за социализм... не навязана другим народам, а признана ими в силу той помощи, которую оказал и оказывает другим народам русский народ в деле развития их государственности и культуры, в деле стр[оительства] социал[изма]” (Л. 206. Рукописная интерполяция в нижней части страницы). Здесь же Жданов писал: “В героическом прошлом русского народа, в его любви к родине, в его подвигах в борьбе с чужеземными завоевателями, в его великих достижениях в области мировой науки и культуры и особенно в его революционно-освободительной работе наш народ черпает примеры и образцы для своей сегодняшней деятельности, своего поведения”. Далее была зачеркнута рукописная интерполяция, которая еще выше поднимала значение достижений русского народа: “Не только наш народ (черпает указанные примеры и образцы. – Д.Б., А.Д.), но и все народы мира, прогрессивное и передовое человечество” (Там же). Как справедливо отмечал американский историк Т. Лоуэлл, в советской прессе в годы войны “тема ведущей роли русского народа в семье народов СССР возникла очень скромно на первых порах, а позже развивалась с ужасной силой”¹⁷. Ждановские тезисы, не внося ничего нового в этом отношении, закрепляли сложившуюся традицию.

В четвертой главе, говоря об ошибках историков, Жданов подробно разъяснял идею “наименьшего зла”. Написанный им фрагмент полностью вошел в окончательный текст документа: “Присоединение в 1731–1740 гг. большей части Казахстана к России, стране хотя и отсталой, но в то же время более цивилизованной, чем указанные азиатские государства (к ним Жданов относил, с легкой руки Александра, Китай, Джунгарию, Коканд, Хиву. – Д.Б., А.Д.), хотя и являлось злом для казахского народа, поскольку оно принесло ему национальное угнетение, однако являлось меньшим злом, чем захват Казахстана полуварварскими азиатскими государствами, так как этим путем казахский народ мог приобрести к цивилизации, начать создавать свою национальную интеллигенцию и выйти из своего застойного и отсталого состояния. Всякая попытка изобразить факт присоединения Казахстана к России как абсолютное зло для Казахстана и представить дело так, что у Казахстана была третья возможность – возможность независимого государственного существования, есть фальсификация истории в угоду буржуазным националистам” (Л. 214).

Просматривая текст этой редакции, Жданов снова правил его, шлифуя стиль изложения. Правка и интерполяции сгущались в частях, посвященных патриотизму и национализму, проблеме оценки присоединения к России Казахстана. Текст становился детальнее и яснее. С учетом правки он снова был перепечатан (в д. 27 сохранились два экземпляра машинописи новой редакции – Л. 135–169 и

¹⁷ Цит. по: *Tillet L. The Great Friendship. Soviet Historians on the non-Russian Nationalities. North Caroline, 1969. P. 61.*

Л. 99–133). Оба экземпляра содержат близкие даты. К первому было приложено сопроводительное письмо Жданова Сталину от 12 августа 1944 г. (Л. 134). На втором написано: “Вариант 11.8 № 5” (Л. 99). Таким образом, 11 августа тезисы были напечатаны, а на следующий день отправлены Сталину.

Через некоторое время Сталин встретился со Ждановым по поводу готовившегося документа. Глава партии высказал новые замечания, которые Жданов записывал, вероятно, и по ходу разговора, и после встречи, приводя их в систему (Д. 26. Л. 89–93 об.). Эти записи предельно кратки и поэтому не всегда поддаются убедительному истолкованию.

На серой мягкой обложке с напечатанной на ней аббревиатурой ТАСС Жданов строчил отрывочные фразы без знаков препинания, что и наводит на мысль о рождении записей в ходе инструктивной беседы:

“2 глава. Национализм порождает империализм, охарактеризовать, и патриотизм порождает интернационализм.

Национ[ализм] – это не любовь, это переход к завоев[ательной политике?]

Моя нация выше всех: – я имею право захват[ывать].

Любовь к своей нации, ненависть.

Я люблю свой (мой?)... уважит(?)...

Нац[ионализм] – имп[ериализм].

Патриот[изм] – интерн[ационализм].

4 гл[ава]. Школа Покровского.

5 глава

На 2 фронта, и те и другие”* (Л. 93).

Как можно предположить, некоторые заметки касались четвертой главы: «“Тюрьма народов” (сказано. – Д.Б., А.Д.) до Сталина и из Ленина. Колон[иальнo]-захват[ническая] полит[ика] – мало – заменить империалист[ическая] захватническая политика. Насчет жандарма из Ленина. Развить о струвизме и об[ективизме]. Развить насчет Казахстана. Насчет абсолютного зла» (Л. 92, 93 об.).

На одном из листов замечания были написаны по пунктам:

“1) Со старым славяноф[ильством] – ничего общего. Старое славяноф[ильство] – под господством России и понемногу русифи[кация].

У нас на **базе равноправия** союз славян.

Обе войны на спинах славянства.

2) **Патриотизм** взять не только советский: Тито (это слово выделено обводящим его кружком. – Д.Б., А.Д.),

3) национализм порождает империализм,

4) национализм был и до империализма,

5) разослать Берия и Микояну,

6) о тюрьме народов,

7) об А. Толстом,

8) о Платонове” (Л. 89).

Системность изложения, четкость почерка, повторное выделение отдельных слов и букв свидетельствуют о неспешном размышлении Жданова над содержанием состоявшейся беседы. Запись была итоговой и вместе с тем программной. Она обрисовывала дальнейший путь работы над текстом.

Итак, разговор по поводу тезисов велся главным образом вокруг темы патриотизма и национальных отношений в дореволюционной России и СССР. Появилась тема исторической судьбы славянства, славянского патриотизма, связанная, в частности, с партизанской борьбой в Югославии. Заинтересованность государственного партийного руководства в славянском вопросе возникла еще в первой половине 30-х годов, решающим толчком в развитии этого интереса явился приход Гитлера к власти. Об этом писал в свое время историк-эмигрант П.К. Урбан.

* Знаки препинания поставлены нами.

Он выстроил линию событий, явно свидетельствующую о стойкой приверженности партийно-государственного руководства СССР идее славянского единства: 1934 г. – выступление Сталина по поводу нацистской дискриминации славян на XVII съезде партии, 1935 г. – пакт с Чехословакией, 1938 г. – решение Президиума АН СССР о коренной реорганизации, по существу об основании, советского славяноведения, 1939 г. – основание сектора славяноведения в Институте истории АН СССР, а при Московском университете – кафедры истории западных и южных славян, 1940 г. – публикации работ по истории славянства В.И. Пичеты, 1941–1942 гг. – съезды славянских народов в Москве, образование Всеславянского комитета и пр.¹⁸ Сталин решил внести эту актуальную идею и в готовившиеся тезисы ЦК, сформулировать и утвердить ее в советской идеологии. Как видно из записей Жданова, расширялся круг людей, причастных к редактированию и обсуждению документа. Текст редакции, которая находится в Д. 27. Л. 171–199 (вероятно, собранной архивистами из разных фрагментов, напечатанных на различных машинках), сопровождался письмом А.И. Микояну от 17 августа 1944 г. (Л. 170), а на последней странице работы стояла дата 13.VIII.44 (Л. 199).

Следы правки в соответствии с замечаниями Сталина отразились на экземпляре в Д. 26. Л. 94–136: приняты формулировки “национализм порождает империализм” (было – “национализм есть порождение империализма”), “империалистическая захватническая политика” (было – “колониально-захватническая политика”), упоминается “героическая борьба югославских патриотов во главе с... маршалом Тито”.

В части, где разрабатывалось понятие патриотизма, появились совершенно новые идеи. Как выясняется, за фразой из разговора со Сталиным “патриотизм взять не только советский” скрывалось указание автору тезисов не только выйти за пределы СССР, необходимо было сказать о Тито, югославах и других народах, боровшихся против фашизма. Видимо, указание вождя содержало и рекомендацию обратиться к дореволюционному прошлому страны.

Теперь Жданов писал: “Патриотизм есть присущее самым широким народным массам глубоко жизненное чувство любви к своей родине, чуждое враждебности к другим народам. Патриотизм рос и развивался задолго до появления интернационализма. Великие патриоты нашей родины, память которых мы свято чтим и примеру которых мы стремимся подражать, не были, конечно, и не могли быть интернационалистами. Но мы, советские люди, являемся наследниками и преемниками их славных патриотических дел и традиций. Советский патриотизм представляет собой дальнейшее развитие и высшую ступень патриотизма, перерастание его в интернационализм” (Д. 26. Л. 117–118). Этот фрагмент вошел в окончательную редакцию.

Последняя редакция текста, которую удалось обнаружить в архиве, относилась к 9 сентября 1944 г. Эта дата была поставлена на сопроводительном письме от Жданова Щербакову и Маленкову¹⁹.

Таким образом, непосредственная работа над тезисами ЦК об истории и историках шла со второй половины июля по сентябрь 1944 г. Документ так и не был опубликован.

В литературе высказан ряд предположений по поводу причин такого исхода работы. Ю.Ф. Иванов и И.В. Ильина обратили внимание на значительную роль А.М. Панкратовой в созыве и работе совещания: именно ее письма в ЦК, направленные в 1942, 1943 и 1944 гг., дали толчок сотрудникам из аппарата ЦК к созыву большого собрания историков²⁰. Организаторы совещания не были согласны

¹⁸ См.: Урбан П.К. Смена тенденций в советской историографии. Мюнхен, 1959. С. 10–11.

¹⁹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 222. Л. 47–48.

²⁰ Письма Анны Михайловны Панкратовой // ВИ. 1988. № 11. С. 54–55; Новые документы о совещании историков... С. 188–189.

со взглядами Панкратовой, но и не желали поддерживать ее оппонентов. Как уже отмечалось, партийное руководство предпочитало держаться некой средней идейной линии. “Нежелание даже частично признать правоту Панкратовой”, по мнению Ильиной, было одной из причин того, что тезисы ЦК не были опубликованы. “Партийному руководству не могло понравиться, что широкой постановкой в своих письмах в ЦК ВКП(б) вопроса о положении в исторической науке, а также своей ортодоксальной позицией Панкратова как бы взяла на себя то, что ЦК, и прежде всего Сталин, считал своей неотъемлемой прерогативой”, – писала Ильина²¹. И Иванов и Ильина симпатизировали искренности “солдата партии” Панкратовой, последовательности ее идейной позиции, верности революционному марксизму (на деле – его сталинскому варианту 30-х годов), ее неприязни к конъюнктуршине. Партийное руководство, наоборот, не вызывало их симпатий.

Другой исследователь – С.В. Константинов, в противоположность названным историкам, занял позицию сочувствия партийно-государственной верхушке. В его изображении Панкратова «вовсе не выглядит этакой “невинной жертвой” самодурства партийного аппарата, не заслуживают реабилитации и ее личные взгляды на историю России. Первое, что бросается в глаза при чтении ее писем, – ее личные обиды и личные счета. Свои личные счета Панкратова маскировала под партийную принципиальность, как и все более (или) менее грамотные доносчики той эпохи»²². Константинов выдвинул две причины, по которым тезисы ЦК не были опубликованы: “Причина первая – несоответствие ортодоксально-марксистских взглядов Панкратовой на историю царской России реально действующей идеологии ВКП(б) времен Великой Отечественной войны, давшей сильный крен в сторону традиционного русского патриотизма”²³. Панкратова, не удовлетворенная ходом совещания, стала распространять среди своих единомышленников информацию об этом совещании устно и письменно, “упорно вела дело к погрому своих оппонентов”. Отсюда Константинов сделал вывод о второй причине: “Политбюро оказалось втянуто в склоку историков и предпочло выйти из этой ситуации молча и с минимальными моральными издержками. Выход из этой ситуации руководству ВКП(б) подсказала сама инициатор скандального совещания – Панкратова. Именно в ее поведении следует искать вторую причину непринятия ЦК партии специального постановления о положении дел в исторической науке”²⁴.

Несмотря на различия в позициях, цитированные исследователи сходятся между собой в ряде соображений. Во-первых, в том, что Панкратова была центральной фигурой в описываемых событиях: инициатор совещания, три раза выступала на нем. Во-вторых, в том, что воззрения Панкратовой не совпадали со взглядами партийно-государственного руководства. Все это, на наш взгляд, более или менее правильно, особенно второе.

Несколько иную позицию занял публикатор стенограммы совещания Ю.Н. Амиантов. Свою позицию он отождествил с позицией Ильиной и, объясняя причину замалчивания тезисов ЦК, выдвинул соображения, которые должны были развивать ее точку зрения. На самом деле он подошел к разрешению вопроса совершенно иначе. Амиантов отказался от преувеличения роли Панкратовой. Он высказал предположение о несогласии ЦК с тезисами, так как в них “отсутствовала позитивная часть” и имелись “грубые натяжки, политиканские построения, неверные с научной точки зрения характеристики и определения политических явлений”²⁵. Слабость рассуждений Амиантова заключается в том, что

²¹ Новые документы о совещании историков... С. 189.

²² Константинов С.В. Несостоявшаяся расправа. С. 254–255.

²³ Там же. С. 262.

²⁴ Там же. С. 267.

²⁵ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР... // ВИ, 1996. № 2. С. 51.

проект тезисов по крайней мере два раза читал Сталин, давал свои указания и по поводу их содержания. То есть санкционировал те самые “грубые натяжки”, “политиканские настроения” и пр. Документ не один раз изучал Щербаков, его видели и другие члены ЦК.

Как представляется, Амиантов ошибся в части конкретных соображений, но от этого не становится ошибочным его подход к разрешению вопроса. Он заключается в поиске причин замалчивания тезисов ЦК в самом их содержании. Кроме того, нужно иметь в виду и широкий политико-идеологический контекст, в который должен был вписаться этот документ.

И совещание историков, и идеологический текст, который должен был заключить это представительное собрание, составляли звено в большой работе, развернутой партийно-государственным руководством страны с 1943 г. После потрясения первых лет войны для идеологических работников партии началась пора, когда можно и нужно было нацеливать внимание не только на фронт, но и на тыл, изучать настроения в тылу и активизировать в этом направлении свою работу. Значительный импульс для деятельности партийного руководства дал наделавший много шума эпизод с третьим томом “Истории философии”, в котором, по мнению партийного руководства, сверх меры превозносились немецкие философы, представители классической школы, вследствие чего принижалась роль представителей русской философской мысли. После острого обсуждения этой печально знаменитой книги, ряда статей в партийной печати в марте 1944 г. было организовано совещание философов для рассмотрения и осуждения содержания третьего тома “Истории философии”. В непосредственной связи с совещанием в апреле 1944 г. было принято постановление ЦК партии “О недостатках и ошибках в освещении истории и немецкой философии конца XVIII – начала XIX в.”²⁶. Совещание историков должно было пройти по отработанной схеме: “обсуждение актуальных проблем историками – постановление ЦК партии”. Все это были уже не первые шаги в той политике, вершиной которой стала послевоенная кампания борьбы с космополитизмом.

Кроме внутренних условий развертывания этой идеологической линии, на работу партии воздействовали важные внешние условия – события на фронте. Уже в конце июля 1944 г. советские войска начали освобождать Польшу (21 июля на территории Польши был создан Польский комитет национального освобождения), в августе после свержения фашистской диктатуры Румыния выступила против Германии, и войска СССР вышли к Болгарии. В начале сентября в Болгарии произошла смена власти, и с сентября болгарские войска вместе с советской армией приняли участие в войне против Германии. Таким образом, уже в конце лета – начале осени 1944 г. складывалась перспектива формирования социалистического лагеря. Начиная очередной этап “мировой социалистической революции”, о которой как бы “забыли” в 30-е годы и переориентировались на решение внутренних задач по укреплению СССР, строительству социализма в одной стране и т.п. Понятно, что российский патриотизм, идеи великодержавия, имперские ценности не годились для политики по отношению к странам, которые становились союзниками СССР, для коммунистов, которые шли к власти в

²⁶ См.: Большевик. 1944. № 7/8. С. 14–19. В постановлении изложены следующие оценки: “В III томе философия Канта, Фихте, Гегеля изображается преимущественно как прогрессивная, ввиду чего их консервативная философская система затушевывается. Классики марксизма-ленинизма резко критиковали консервативные политические воззрения немецких философов... В III томе обойдены молчаньем реакционные рассуждения Гегеля, возвеличивающие германский народ как народ избранный, призванный будто бы господствовать над другими народами... Дается ошибочное изложение истории немецкой философии, преувеличивающее ее значение” (С. 17–19). См. также: Федосеев П.Б. Противоположность идеалистической диалектики Гегеля и марксистского диалектического метода // Там же. № 9. С. 8–19; Митин М.Б. О реакционных социально-политических взглядах Гегеля // Там же. № 12. С. 39–48; Светлов В. Маркс и Энгельс об ограниченности материализма Фейербаха // Там же. № 13/14. С. 20–33.

этих странах. И хотя тезисы ЦК по ходу работы над ними наполнялись идеями славянского единства, мыслью о солидарности с югославскими партизанами, они включали в себя и неподходящие для текущего момента идеи и характеристики. Стоило ли напоминать новым союзникам о том “общеизвестном факте, что царизм был угнетателем трудящихся, а царская Россия – тюрьмой народов”, сообщать о том, что среди российской интеллигенции есть люди, которые “оправдывают реакционную колониально-захватническую политику царизма, отрицают прогрессивное значение национальной освободительной борьбы угнетенных народов” (в том числе и польского народа. – Д.Б., А.Д.), возрождают “реакционные, великодержавно-националистические воззрения” или находятся в идейной зависимости от немецких историков-норманистов? У Сталина могли быть различные причины, чтобы воздержаться от опубликования тезисов. Действительность, несомненно, была богаче высказанных здесь предположений. Быть может, только материалы Президентского архива помогут более обоснованно ответить на вопрос: что именно повлияло на решение генерального секретаря ЦК партии? Несомненно, дело было именно в его личном решении.

Хотя тезисы ЦК и не были опубликованы, тем не менее их содержание не осталось скрытым от общественности, в первую очередь научной. В главном теоретическом журнале партии “Большевик” был опубликован ряд рецензий на труды авторов, чьи позиции были подвергнуты критике на совещании историков и в тезисах ЦК²⁷.

По верным наблюдениям Амиантова, фрагменты из материалов совещания и некоторые положения тезисов были изложены в докладе Александра “О некоторых задачах общественных наук” на курсах преподавателей социально-экономических дисциплин 1 августа 1945 г.²⁸

Добавим, что материалы тезисов ЦК были использованы Щербаковым в его выступлении на пленуме Московского городского комитета ВКП(б) 24 октября 1944 г. Щербаков говорил о состоянии пропагандистской работы в Пролетарском и Куйбышевском районах Москвы²⁹. В частности, он рассказал о воззрениях Аджемяна, упомянув лишь один раз Тарле в качестве его единомышленника.

6 ноября 1944 г. некоторые идеи тезисов прозвучали в докладе Сталина на торжественном заседании Моссовета с партийными и общественными организациями Москвы. Доклад назывался “27-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции”³⁰. В нем Сталин развил идею о советском патриотизме. Он не стал жестко связывать ее с русским народом и его особой исторической ролью; с этой идеей он выступил позже, 24 мая 1945 г. на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии, провозгласив тост за здоровье русского народа и назвав его “наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза”, “руководящей силой Советского Союза”³¹.

В ноябре же 1944 г. в связи с 27-й годовщиной Октябрьской революции Сталин говорил не о русском, а о советском народе. Патриотизм этого народа в своей основе “имеет... глубокую преданность и верность народа своей Советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны”. Далее Сталин почти цитировал тезисы: “Советский патриотизм не разъединяет, а, на-

²⁷ Бахрушин С.В. Рец. на кн.: *Сыромятников Б.И.* Регулярное государство Петра I. М.; Л., 1943. Ч. 1 // *Большевик*. 1944. № 22. С. 54–59; *Он же.* О работе А.И. Яковлева “Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.” // Там же. 1945. № 3/4. С. 73–77; *Яковлев Н.Н.* О книге Тарле “Крымская война” // Там же. № 13. С. 67–72; *Морозов М.А.* Об “Истории Казахской ССР” // Там же. № 6. С. 74–80.

²⁸ *Александров Г.Ф.* О некоторых задачах общественных наук // Там же. № 14. С. 12–29.

²⁹ РЦХИДНИ. Ф. 88 (А.С. Щербаков). Оп. 1. Д. 886. Л. 1–19.

³⁰ См. об этом: *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950. С. 271–301.

³¹ Там же. С. 351–352.

оборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью... В то же время народы СССР уважают права и независимость народов зарубежных стран” и т.д.³² Половина второй части доклада Сталина (она называлась “Великий подвиг советского народа в Отечественной войне”) в сокращенном виде отражала идеи тезисов ЦК. К теме борьбы славянских народов против немецкого империализма Сталин вернулся в речи при подписании договора между Советским Союзом и Польской республикой, в Обращении к народу 9 мая 1945 г.³³

Есть соблазн прямо связать приведенные высказывания Сталина с содержанием неопубликованных тезисов ЦК партии, ведь Сталин неоднократно знакомился с ними и давал указания по поводу их содержания. Однако от этого соблазна удерживает одно соображение. В тезисах были выражены идеи, так или иначе высказанные в партийной печати в годы войны, циркулировавшие в работах и речах партийно-государственных деятелей. Партийный документ был слишком типичен по своему идейному содержанию. Он сконцентрировал в себе все то, что родилось в идеологической жизни партии по поводу поворота к пропаганде патриотизма. Выступления Сталина отражали тот же круг идей.

Таким образом, рассмотренный партийный документ является важным источником в первую очередь по истории идеологии и пропаганды Коммунистической партии, особенно в годы войны. В нем отразилась и судьба исторической науки, игравшей в ту пору важную идеологическую роль.

Изучение истории текста тезисов ЦК партии дает значительно большее приращение знаний, чем простое ознакомление с его содержанием в последней редакции.

³² Там же. С. 287–288.

³³ Там же. С. 329, 346.

Л.Н. Пушкарев

СЕКТОР ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН СССР

(Из воспоминаний)

После смерти Б.Д. Грекова и очень непродолжительного пребывания в должности и.о. директора Института Ивана Кузьмича Додонова на этот ответственный пост в 1953 г. был назначен Аркадий Лаврович Сидоров. Его приход начал ощутимые перемены в стратегии научного поиска. Ожидалось изменение направления исторических исследований – и в первую очередь в чисто хронологическом плане. И действительно, в первом же программном выступлении на Ученом совете А.Л. Сидоров поставил вопрос об “актуализации изучения истории”. Под этим в то время подразумевалось переориентирование тематики работ Института на изучение истории революционного и рабочего движения, главным образом – на исследование истории советского общества и современной истории западных стран. До нас дошла оценка дирекции Института, которую дал Лихолат, курировавший Институт тогда в Отделе науки ЦК КПСС: “Ну и дирекция подобралась! Сам директор Киевской Русью занимается, один зам – античник, другой – крымскими татарами увлечен, и даже ученый секретарь сказочки изучает про Бову Королевича да Еруслана Лазаревича... Паноптикум какой-то, а не дирекция...”

Мы ждали перемен, и они пришли. В судьбу Института вновь вмешалась Жизнь: в 1953 г. правительство и ЦК КПСС приняли решение широко отметить в 1954 г. воссоединение Украины с Россией. Постановили, в частности, издать научную публикацию источников, которая должна была со всей убедительностью доказать искреннее стремление украинского и русского народов к восстановлению насильственно разрушенного союза двух родственных по вере, крови и языку национальных образований.

Но для этого нужно было создать авторитетный научный центр, способный обеспечить это издание как с археографической, так и с политической стороны. Вот тут-то и пригодился специалист по XVII в. А.А. Новосельский и молодой археограф, издатель текстов таможенных книг XVII в. Л.Н. Пушкарев. Решено было создать сектор публикации источников, 20 марта 1953 г. президиум АН СССР решением за № 127 (все это прочно отложилось в моей памяти – эта дата символизировала кардинальное изменение моей судьбы и работы!) санкционировал это создание, оговорив, правда, что не за счет привлечения новых сотрудников, а исключительно путем перемещения в новый сектор археографов из других подразделений Института.

Издание исторических источников всегда было одним из традиционных направлений работы нашего Института. Но это работа велась разрозненно в различных секторах, она не была регламентирована и унифицирована. Каждый сектор сам планировал, что и как он будет издавать. Отсутствовали и единые правила издания исторических документов, были опубликованы лишь частные (отнюдь не обязательные) рекомендации по изданию текстов различного времени.

Объявляя о решении президиума на заседании дирекции, А.Л. Сидоров сказал, в частности, обращая ко мне: “Лев Никитич, я получил весьма лестные отзывы о Вашей работе в должности ученого секретаря – и от сотрудников Инсти-

тута, и от работников Отделения истории и философии, и даже от президиума АН СССР. Я бы с удовольствием оставил Вас на прежней должности. Но Алексей Андреевич настаивает на том, чтобы Вы взяли на себя обязанности ученого секретаря вновь создаваемого сектора. Вы – коммунист и прекрасно понимаете, что нам необходимо выполнить важное не только научное, но и партийное задание Отдела науки. Я полагаю, что Вы не откажетесь от этой работы. Я же со своей стороны гарантирую Вам возможность более быстрого продвижения по службе, чтобы Вы не ощущали потери в зарплате”. Так я стал ученым секретарем нового сектора.

Сектор начал свою работу, штат был небольшой – 11 человек. Трое пришли из дирекции: А.А. Новосельский, М.Э. Гозак и я. Двое – из группы по изданию таможенных книг (З.Н. Бочкарева и Н.Г. Савич), остальные – из других секторов. “С бору по сосенке” – так выразился А.А. Новосельский. Состав нового сектора был пестрый: и крупные археографы-историки (А.Н. Насонов), и публикаторы-архивисты (К.И. Безродная, К.М. Платонова, Н.С. Орлова), и младшие научные сотрудники, поначалу не имевшие вообще никакого представления об археографии, как Н.В. Сергеева.

Вскоре из Киева прибыла солидная делегация во главе с директором Института истории Украины А.К. Касименко, а также П.П. Гудзенко, Ф.П. Шевченко, Е.М. Апанович, представители Архивного управления МВД УССР Л.И. Бутыч и С.М. Майборода и др. В дирекции Института было созвано совещание совместного с Издательством АН СССР и ГАУ РСФСР, а также с сотрудниками ЦГАДА И.Г. Королевой и В.Н. Шумиловым. Совещание поставило перед новым сектором задачу: издать к январю 1954 г. три тома документов, уже подготовленных к публикации украинскими археографами. Они привезли с собой почти 200 п. л. материалов! Легковая машина дважды ездила на вокзал за всеми рукописями и сопровождавшими их лицами. Мы отложили в сторону все дела и принялись за разборку. Самая большая трудность заключалась в том, чтобы унифицировать передачу текста документов: ведь их готовили к печати архивисты Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова и Львова. Документы были написаны на древнерусском, украинском, польском и латинском языках XVII в. Можно себе представить, с какими трудностями и с какой разногласицей в передаче текста мы столкнулись!

Уже самое первичное ознакомление с текстом подтвердило наши опасения: перепечатанные документы нужно было заново сверять с подлинниками, слишком много вопросов возникало даже при первом чтении. Поэтому в ЦГАДА стала работать большая часть сотрудников сектора (З.Н. Бочкарева, Н.Г. Савич, М.Э. Гозак, Л.Ф. Кузьмина, Ю.У. Томашевич и я), и мы начали тщательную сверку текста по подлинникам. Позднее к нам присоединилась еще и К.И. Безродная. Работники ЦГАДА нам помогали. Пришлось внимательно вычитывать тексты украинских, польских и латинских документов – не доверяя себе, я отсылал их в Киев на дополнительную проверку. Вот где пригодились филологическое образование и знание языков! С помощью грамотных и эрудированных археографов Е.М. Апанович, А.А. Бевзо и особенно И.А. Кильчевского данная работа была выполнена. Особо следует отметить самоотверженную и безотказную работу Ф.П. Шевченко. Этот смуглый молодой брюнет обладал необыкновенной усидчивостью, был внимателен в археографической обработке текстов и многое сделал для того, чтобы юбилейное издание вышло на должном уровне. Ф.П. Шевченко отвечал за археографическую обработку всех документов из украинских архивов.

Пристальное внимание обращалось на внешнее оформление юбилейного издания. Большой формат, твердый переплет с яркой суперобложкой, выполненной в цветах национального флага УССР, старинные буквы в названии книги, яркие заставки и концовки, взятые из подлинных гравюр XVII в., удачно подобранные

документальные иллюстрации (эту работу в Институте по традиции выполняла Н.А. Бакланова – истинный знаток быта России XVII в.) – все это создавало ощущение праздничности у каждого, кто брал книгу в руки. Издание было широко разрекламировано в печати – в научной и массовой. “Правда”, “Известия”, “Учительская газета”, “Комсомольская правда”, “Радянська Україна”, “Червоний прапор” и ряд других газет, а также русские, польские и чешские журналы откликнулись на наше издание. Всего было опубликовано более 30 откликов. Их авторами были академик М. Тихомиров, К. Гуслистый, И. Греков, И. Миллер, А. Козаченко, Н. Смирнов, Ю. Томашевич, Л. Пушкарев и др. Общий объем трех томов сборника охватывал более 178 п.л. И тираж для подобного издания был вполне приличный – 5 тыс. экз. Практически все библиотеки могли заказать себе этот трехтомник, снабженный большим научно-справочным аппаратом. Одним словом, это было серьезное и капитальное издание, рассчитанное на долгие годы.

Вспоминаю казус, приключившийся в Отделе науки ЦК КПСС в связи с подготовкой официального правительственно-партийного коммюнике для печати. От Института потребовали составить краткое сообщение о решении Переяславской рады воссоединиться с Россией, причем обязательно привести точную цитату из документа. На заседании дирекции М.Н. Тихомиров предложил формулировку решения Земского собора от 1 октября 1653 г., краткую и точную: “И по тому по всему приговорили: гетмана Богана Хмельницкого и все Войско Запорожское з городами и з землями принять”.

Выбор цитаты был удачен: это – официальное решение высшего государственного органа страны. Но Отдел науки запротестовал и потребовал, чтобы была найдена более эмоциональная и образная цитата. Тогда А.А. Новосельский и А.К. Касименко предложил цитату из статейного списка русского посольства на Украину во главе с В. Бутурлиным.

В статейном списке было сказано, что собравшиеся на раду, весь народ “единогласно возопил: Боже, утверди, Боже, укрепи, чтоб есми вовеки вси едино были”. Так эта фраза и вошла в посланный в Отдел науки текст предложения. Лихолат, курировавший наше издание, решительно отсек все упоминания обращения к Богу и оставил только самое окончание фразы: “чтоб есми вовеки вси едино были”. Эта фраза имеется во всех упоминаниях о Переяславской раде. В разговоре же с Л.М. Ивановым, бывшим в то время секретарем партбюро Института, он обратил внимание на то, что “беспартийный А.А. Новосельский пытался протащить в партийно-государственный документ упоминание о Господе Боге...”, автора же настоящей статьи, как коммуниста, вызвали в партбюро и обязали провести с “беспартийным ученым” А.А. Новосельским необходимую воспитательную работу и порекомендовать ему вступить в партию. Это было больше, чем простая рекомендация или пожелание. А.А. Новосельский правильно все это оценил, и 63-летний историк был принят кандидатом в члены КПСС, с рекомендации автора этих строк.

И сектор и издательство работали в авральном режиме, но все же тираж к юбилейной дате выпустили (1953). На основе этого же трехтомника вместе с сотрудницей Академии педагогических наук А.Я. Костенко мы составили и издали в 1955 г. компактное учебное пособие – сборник документов “Трехсотлетие воссоединения Украины с Россией” для преподавателей средней школы. Небольшой объем (15 п.л.), методические указания для учителей и тираж 15 тыс. экз. сделали эту публикацию доступной для преподавателей истории. Ответственным редактором согласилась быть академик А.М. Панкратова. Она и в глаза не видела этой книги, но, подписывая титульный лист, сказала при этом: «Лев Никитич, я хорошо понимаю, что подпись моя – чистейшей воды фикция. Но я Вас давно знаю и вполне Вам доверяю. Знаю, что Вы не вставите в документы XVII в. ничего, что могло бы нас сконфузить. Моя фамилия на титульном листе – это же

не что иное, как “оберечь”, лишняя возможность для издательства подстраховаться моей фамилией».

Сейчас я отчетливо осознаю, что издание документов по истории русско-украинских связей заметно повлияло на круг моих научных интересов, а дружеские связи с украинскими историками крепили и расширялись. На Украине было опубликовано много моих статей, я часто выступал с докладами на научных конференциях, нередко был оппонентом при защите докторских диссертаций, составителем подборок документов по истории Украины в учебных пособиях, участвовал в редактировании многотомной “Истории УССР” и т.д. Таким тесным связям способствовало и мое знание украинского языка. Конечно, после этого издания украинские историки и археографы гораздо чаще стали бывать в нашем Институте, творчески контактировали с нашими сотрудниками, участвовали в наших коллективных трудах и пр.

Тем горше видеть и осознавать сейчас, что с распадом СССР бывшие когда-то тесными и обоюдополезными научные связи если и не оборвались совсем, то все же заметно сузились и ослабли. Увы, сократились взаимные поездки, даже переписка стала более ограниченной и сухой. Общие совместные работы заметно пошли на убыль. Волна национализма захлестнула работы по истории Киевской Руси, которую каждая из сторон пытается объявить частью только своей исконной истории... И все это идет во вред самой науке истории, обедняет ее, лишает ее всеобщности и всеохватности. Как часто бывало и раньше, историю стараются сделать служанкой политики. И потребуются еще немало сил и времени, чтобы доказать: процесс познания прошлого един и неделим. Есть общие законы исторического развития, которые нельзя игнорировать и ломать в угоду сиюминутным политическим интересам.

Но вернемся к рассказу о жизни нашего сектора. Замечу попутно, что после выполнения большого и важного с научной и политической точек зрения издания источников к юбилейной дате в жизни двух славянских народов мне было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника. Вручая мне диплом, А.Л. Сидоров напомнил, что он выполнил свое обещание, повысил мой служебный и научный статус, и пожелал мне дальнейших творческих удач и успехов.

В работе над “Воссоединением Украины с Россией” мы особенно остро почувствовали необходимость срочно разработать единые для всей нашей исторической науки Правила издания исторических источников. Эта тема и стала главной и основной в работе нашего сектора в исследовательском плане. Мы бы, наверное, и не справились с ней, если бы не помощь виднейшего советского археографа того времени Сигизмунда Натановича Валка. Как только А.А. Новосельский ему позвонил и попросил его о помощи, он тут же откликнулся, сказав, что давно уже и сам думал над этой проблемой и что он благодарит судьбу за то, что она дала ему возможность выполнить задуманные планы. Была создана небольшая группа специалистов-археографов, скорее практиков, чем теоретиков этого вопроса. От нашего Института в группу вошли С.Н. Валк, А.А. Новосельский и я, от ГАУ РСФСР – И.И. Варжо и А.И. Логинова, от Московского государственного историко-архивного института – Т.В. Ивницкая и Д.М. Эпштейн. На С.Н. Валка по его собственному выбору легла самая ответственная часть в разработке Правил – точная формулировка регламентации и установления текста и его археографическая обработка (т.е. заголовки и легенды). Выбор темы, выявление и отбор документов для издания разрабатывала А.И. Логинова, а на долю Т.В. Ивницкой и Д.М. Эпштейн выпали научно-справочный аппарат издания и его общее оформление.

Мы довольно часто собирались все вместе для работы. Составленный нами проект Правил был размножен и разослан по историческим и архивным учреждениям всех союзных республик для ознакомления и критики. Потом было созвано Всесоюзное совещание археографов. Оно прошло 2–3 ноября 1954 г., и на

нем присутствовало более 120 человек. Совещание вел секретарь бюро Отделения истории и философии чл.-корр. В.М. Жуков. Основной доклад сделал С.Н. Валк. Очень интересными были выступления маститых археографов Б.Б. Кафенгауза, С.А. Фейгиной, а также более молодых, но опытных П.П. Гудзенко, Н.И. Корнеевой, О.Д. Чехович и др. Итоги дискуссии подвел А.А. Новосельский. После совещания мы еще раз обсудили на комиссии десятки письменных отзывов, присланных историками со всего Союза, теми, кто не имел возможности приехать на совещание. В ноябре 1955 г. “Правила издания исторических документов” были подписаны в печать и вышли в свет в декабре того же года тиражом 3 тыс. экз. Тираж разошелся мгновенно – ведь это было первое издание Правил подобного рода. Все архивы и рукописные отделы библиотек стремились приобрести эту нужную всем архивистам брошюру. В 1956 г. было выпущено второе издание тем же тиражом.

Вспоминаю, как строг был Сигизмунд Натанович в отношении научного подхода к полноте передачи любого текста исторического источника, от кого бы он ни исходил. Он гневно восстал против предложения И.И. Варжо узаконить и оправдать выборочность в передаче текстов документов, исходивших из “вражеского” лагеря (и такие предложения поступали!). Кипя от негодования, хрупкий и сухонький Сигизмунд Натанович выкрикнул: “Наука выше политики! Истинная наука надпартийна, беспристрастна и объективна!” Вы понимаете, что мне с Алексеем Андреевичем пришлось долго потом оправдываться и смягчать слишком категоричные реплики нашего дон-кихота археографии... Хорошо, что все это прозвучало в узком кругу, на нашей комиссии. Спасло нас то, что в те времена С.Н. Валк был единственным археографом, занимавшимся советской археографией, в частности, публикацией государственных документов советской власти. Но, как заметил А.А. Новосельский, “страха ради иудейска”, мы все же получили от Сигизмунда Натановича письменное подтверждение того, что он произнес эти “крамольные” слова, будучи больным после гриппа, и что он, конечно, и в мыслях никогда не держал даже самой возможности обсуждать вопрос о приоритете науки перед политикой!

В дальнейшем разработку Правил издания исторических документов взяло на себя ГАУ РСФСР, а все остальные заинтересованные учреждения привлекались им лишь при необходимости. Оно выпустило несколько изданий таких Правил, значительно расширив и дополнив наш первоначальный текст. Однако в вопросах выбора, передачи и археографической обработки текста источников наш первоначальный, “валковский” текст почти не изменился.

После завершения работы над “Воссоединением Украины с Россией” на нас обрушился новый юбилей – 50-летие революции 1905–1907 гг. в России. Первый том (“Начало первой русской революции: январь–март 1905 г.”) был подготовлен в основном силами сотрудников нашего сектора: редакторы первого тома – Н.С. Трусова, А.А. Новосельский и Л.Н. Пушкарев, составители – Е.В. Иллерицкая, Л.Ф. Кузьмина, К.М. Платонова и Н.С. Трусова, но это лишь те, кто отмечен на титульном листе. А так практически весь сектор готовил этот том, привлекая дополнительно и сотрудников сектора истории России XIX – начала XX в., и работников архивов. Среди них особенно помогала заведующая читальным залом ЦГИАМ Л.М. Шалагинова. Я руководил всей археографической обработкой документов, и наши рекомендации и предложения легли затем в основу всех последующих томов этой серии.

Вспоминаю, как помог нам на первых порах Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, искренне заинтересовавшийся изданием документов о революции, в которой он сам принимал участие. Он передал нам многие свои материалы, которые мы с благодарностью использовали в работе, часто и охотно консультировал нас по ряду вопросов. Его консультации, как правило, переходили в воспоминания о днях его партийной молодости. Эта работа сблизила меня с Владимиром

Дмитриевичем. Он подробно расспрашивал меня о моих занятиях, сочувственно отнесся к моему интересу к шестидесятникам, особенно к И.А. Худякову и И.Г. Прыжову, тут же предложил мне участвовать в сборнике руководимого им сектора истории религии и атеизма. Сборник назывался “Вопросы истории религии и атеизма”. Я воспользовался его предложением и опубликовал в этом сборнике три статьи¹. Затем Владимир Дмитриевич предложил мне перейти на постоянную работу в его сектор, сначала ученым секретарем, а в дальнейшем его заместителем. Все это было вызвано обещаниями Отдела науки ЦК КПСС расширить состав и тематику работ данного сектора. Обрадованный Бонч-Бруевич составил подробнейшую докладную записку с предложениями увеличить сектор вдвое и обеспечить разработку истории не только православия и католицизма (как было до сих пор), но и всех остальных религий и сект. На таком подъеме у него и возникло желание привлечь меня к работе. Но дело дальше обмена бумагами не пошло. Вспоминаю шуточное стихотворение по поводу несбывшихся мечтаний, оформленное как протокол заседания сектора:

Аты-баты, шли дебаты,
Аты-баты, у Бонча:
Обсуждал наш сектор штаты,
Аты-баты, сгоряча.
Нужен спец по шинтоизму,
Бехаизму, хасидизму,
Цадик, квакер, униат
И масон-иллюминат,
Два скопца, один толстовец,
Духобор и беспоповец,
Караим, мормон, буддист,
Шаманист, зороастринист,
Протестант, сектант, католик,
Секретарь за лишний столик,
По исламу два спеца –
Ламца-дрица-гоп-цаца!

Владимиру Дмитриевичу было уже за 80, когда он так усердно пытался уговорить меня сменить археографию на историю атеизма в России. “Эх, годы, мои годы... Сбросить бы мне лет двадцать – как бы много мы сделали!” – это было последнее, что он сказал мне. Вскоре его не стало. Я продолжил работу в прежнем секторе. Мы подготовили еще три тома документов, посвященных истории революционного движения в России (весна и лето 1905 г.). В дальнейшем все издание вел сектор истории России XIX – начала XX в. Этим изданием руководили Л.М. Иванов, А.Л. Сидоров, Г.М. Деренковский, М.С. Симонова, А.В. Пясковский и др. Многотомная публикация, увы, так и не была завершена. Не были опубликованы документы партий, противостоявших большевикам. А ведь во время юбилейных торжеств нередко звучало утверждение, что вот наконец-то создана полноценная и, главное, исчерпывающая публикация, которая со временем станет прочной основой для создания объективной и правдивой истории революционного движения в России начала XX в.

Не могу сказать, что работа над документами начала XX в. очень увлекала меня: научные интересы по-прежнему лежали в области русского феодализма. Подлинным же энтузиастом этого издания была Надежда Сергеевна Трусова. Она отдавала ему все свое время, трудилась, не зная отдыха, отчаянно отстаивала во всех инстанциях редактируемые ею тома, боролась за каждый документ, требовала тщательной вычитки текста. Как она мечтала издать отдельный том

¹ *Пушкарев Л.Н.* Критика церкви и духовенства в трудах И.Г. Прыжова // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1954. Т. 2; *Он же.* Критика религии и церкви И.А. Худяковым // Там же. М., 1956. Т. 3; *Он же.* Русские пословицы XVII века о церкви и ее служителях // Там же. М., 1958. Т. 6.

о деятельности либерально-демократических партий! Однажды мы с ней поехали в Ильинское (станция Отдых по Казанской железной дороге) на дачу А.М. Панкратовой. Там Н.С. Трусова долго беседовала с Анной Михайловной и получила от нее согласие быть научным руководителем ее темы и ответственным редактором этого тома. Но Отдел науки ЦК КПСС не разрешил издать такой том. В результате история революции 1905–1907 гг. в России осталась кристально чистой, не замутненной ни либеральным, ни демократическим движениями – не говоря уже о более правых организациях... Прошли десятилетия, и теперь становится ясным, что и эта грандиозная серия страдает однобокостью, заданностью прежде всего в отборе документов для издания, односторонностью в освещении событий первой русской революции. В серии отсутствуют мемуарные источники, комментарии в ряде случаев однобоки, заметно преувеличена руководящая и организующая роль большевиков в руководстве массовым движением. И историкам и археографам предстоит еще большая работа по воссозданию научно-объективной истории революции 1905–1907 гг. в России.

Наладив работу по изданию первых томов серии “Революция 1905–1907 гг. в России” и передав ее в другой сектор, мы смогли уделить больше внимания одному из любимейших детищ А.А. Новосельского – серийному изданию “Материалов по истории СССР”. Оно, по замыслу Алексея Андреевича, было призвано продолжить прекращенный по решению президиума АН СССР “Исторический архив” и дать возможность исследователю хоть где-то опубликовать вновь обнаруженные им источники. За первые пять лет своего существования наш сектор издал шесть выпусков этих “Материалов” (седьмой выпуск создавался в Секторе истории советского общества и совсем по иным принципам – так, ряд документов публиковались в извлечениях, мы же этого старались всемерно избегать)².

Когда вопрос о новом издании обсуждался на заседании дирекции Института, назначенный заместителем директора Л.С. Гапоненко категорически потребовал, чтобы первый выпуск нового издания был посвящен истории советского общества. Так и сделали. Выпуск был подготовлен В.Е. Полетаевым и недавно пришедшим в наш сектор Ю.У. Томашевичем. Юрий Ульянович сразу завоевал всеобщее признание. Стеснительный и молчаливый, он лишь поглядывал на всех необыкновенно выразительными глазами, опущенными длинными ресницами, да застенчиво улыбался. Работник он был замечательный, внимательный и трудолюбивый. Редко на первых порах вступал в споры, но если участвовал, то отстаивал свою точку зрения последовательно и непримиримо. С Полетаевым они быстро сработались. Как сейчас вижу их две склоненные над рукописями головы – спорные вопросы они обсуждали увлеченно, по-деловому, работали согласованно и взаимно доверяли друг другу. Выпуск был необыкновенно быстро и качественно подготовлен к печати и выпущен в свет довольно значительным по тем временам тиражом – 6500 экз.

Такое серийное издание в то время было единственным, где можно было опубликовать тематическую подборку документов более или менее объемистого характера. Исторические журналы, естественно, не могли предоставить большой объем публикации, да и вообще крайне неохотно это делали. Поэтому к нам сразу же стало поступать много заявок. Редколлегия серии решила тогда публиковать, во-первых, редкие источники, а во-вторых, только что обнаруженные и потому неизвестные широкому кругу историков. И поэтому большую часть второго выпуска мы отдали публикации только что открытого О.А. Яковлевой Пискаревского летописца. Дело в том, что новых летописей давно уже не находили. Предполагали, что новых открытий в этой области не ожидается. И вдруг новый, никому не известный летописец, да еще с такими сведениями и фактами, без

² Материалы по истории СССР. М., 1955–1959. Вып. 1–7.

которых историю России конца XVI – начала XVII в. изучать просто нельзя. Это было настоящее научное открытие, и наша публикация долгое время была единственным источником для исследователей. Из числа других интересных публикаций хотелось бы отметить дневник курского помещика XVIII в. (пятый выпуск) и очень нужную для того времени подборку документов по истории монополистического капитала в России (шестой выпуск). Всю техническую работу по этой серии вела наша опытная помощница, специалист по археографии Зинаида Николаевна Бочкарева. Ее трудолюбие и самоотверженность в работе обеспечивали бесперебойный и своевременный выход в свет этих книг.

Истосковавшиеся по возможностям публикации своих находок историки, и особенно архивисты, буквально осаждали нас настойчивыми предложениями по изданию все новых и новых источников. Нам стала угрожать перспектива превращения сектора просто в координационный центр, занимающийся только технической обработкой новых публикаций. Выпуски нашей серии становились объемистее, они отнимали все больше времени у нас и требовали все большее количество бумаги, отпущенной Институту на публикацию его трудов. А ведь в то время бумаги в стране не хватало, и ее предназначали для исследовательских трудов. Мы поставили вопрос об организации специального периодического органа, который и должен был профессионально заниматься этим. В 1955 г. был создан журнал “Исторический архив”. А что касается нашего сектора, то А.А. Новосельский поставил перед дирекцией задачу переориентации сектора на источниковедческие проблемы, оставив за нами издание лишь особо сложных с археографической точки зрения источников типа “Письма и бумаги Петра Великого”, летописи и еще некоторые публикации. Это был весьма своевременный шаг. Ведь без источниковедения сама археография превратилась бы только в эмпирическую область знания, лишенную теоретического осмысления. Поэтому сектор возобновил издание сборника статей “Проблемы источниковедения”, первый том этой серии вышел еще в 1933 г., однако в связи с Великой Отечественной войной издание было прекращено. Правда, публикация серии “Материалы по истории СССР” была закрыта. Уже подготовленные к выпуску тома были изданы не в серии, а как самостоятельные сборники документов³.

Не могу не признаться, что археографическая работа в те годы увлекала меня необыкновенно. Увидеть источник опубликованным и тем самым доступным на долгие годы для изучения – это самая благородная цель для историка. Да я и сейчас считаю, что настоящий историк обязательно должен пройти путь публикатора. Это нужно для того, чтобы на собственном опыте оценить труд предшественников, быть благодарным тем, кто создал базу исследования для науки, и только потом внести уже свой посильный вклад в дело обеспечения последующих поколений в их исследовательских поисках. Именно это часто повторял мне и мой первый наставник в археографии чл.-корр. АН СССР А.И. Яковлев.

Немалую роль в моем пристрастии к археографии сыграло и то, что я к тому времени приобрел значительный опыт в издании самых различных исторических источников, участвовал в выработке Правил их издания и стал, можно сказать, уважаемым специалистом в этой области. Этому способствовали и филологическая подготовка, и знание древнерусского языка, да и, наконец, просто склонность к работе подобного рода. Я думал, что наконец-то нашел свою нишу в исторической науке, где никто не попрекнет меня филологическим образованием (а такие случаи были!). И вот когда был создан журнал “Исторический архив”, его ответственный редактор Д.А. Чугаев настойчиво предлагал мне войти в его редколлегию в качестве ученого секретаря и посвятить себя целиком изданию исторических источников. Я колебался.

³ Малоисследованные источники по истории СССР XIX–XX вв. М., 1964; Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 1–2.

Хорошо, что этого не произошло. Меня вовремя остановил А.А. Новосельский. (Как раз в то время мы стали соседями по нашему жилищному кооперативу, я стал чаще бывать у него.) И вот во время одного из чаепитий (мы оба были трезвенниками: он – по болезни, а я и вообще никогда ничего, кроме легких вин, не пил – это случилось после отравления на фронте фосгеном) у нас и состоялся разговор, круто повернувший всю мою научную судьбу. Узнав о предложении Д.А. Чугаева, Алексей Андреевич сказал мне:

Лев Никитич, конечно, дело Ваше, решать Вам, и только Вам, но вот что я Вам скажу. Три тома таможенных книг, три тома “Воссоединения Украины с Россией”, пять томов “Материалов по истории СССР”, три тома “Революции 1905–1907 гг. в России” – ну и сколько же все это будет продолжаться? Я вижу, Вам легко работается. Вы, что называется, “набили руку”, все кругом довольны, что Вы добровольно помогаете другим качественно издать то, что они нашли... Да, это похвально, это даже, можно сказать, благородно. Но что это дает Вам как исследователю? Где Ваш рост как научного работника?

Ведь Вы же живете все еще старыми запасами, а ведь по натуре Вы – исследователь. Вот архив Прыжова открыли, статьи интересные пишете, все это прекрасно, но скажите, положила руку на сердце, что Вы сделали в науке нового, такого, что войдет в арсенал научного знания? Поверьте мне, старику (ему в то время было 65 лет), если Вы хотите стать настоящим ученым, причем историком (а ведь Вы до сих пор не определились – то фольклор, то этнография, то древнерусская литература, то археография...), Вам надо всерьез и надолго браться за теоретические проблемы истории, иными словами, за источниковедение. Историк просто обязан быть одновременно и источниковедом. Без этого он будет, как слепой котенок, тыкаться носом в источники, ничего в них толком не понимая. Издавать источники – я надеюсь, Вы это уже поняли! – дело нехитрое, нужны только усидчивость и аккуратность, внимательность и терпение – вот как у З.Н. Бочкаревой. Но Вы-то способны на большее! Ведь не побоялись же Вы пойти против течения и написали превосходную статью о Крижаниче, защитив его от ложных обвинений. Надо идти вперед, а не топтаться на месте. В связи с появлением журнала “Исторический архив” и наш сектор будет переориентирован – это будет теперь сектор источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. И кому, как не Вам, подать пример и подумать об изменении стиля Вашей работы и стать источниковедом!

Я очень серьезно отнесся к этому совету, понимая доброту и заботу своего начальника. Но все же прошло довольно много времени, прежде чем я “вошел” в источниковедение, разобрался в сложных теоретических проблемах и выбрал среди них свою – классификацию исторических источников. Перечитал большую предшествовавшую литературу, как нашу, так и зарубежную (правда, только на немецком и французском языках, английским к тому времени еще не владел, и именно занятия источниковедением заставили меня освоить и английский язык, правда пассивно...). Были и привходящие причины, задержавшие мои занятия источниковедением. В 1959 г. в Москву приехал академик А.К. Оцетя, директор Института истории Академии Румынской Народной Республики, с предложением издать сборник документов о давних исторических связях между русскими, молдавскими и румынскими народами. Такое издание имело бы международное значение, оно укрепило бы связи стран социалистического лагеря. Президиум охотно пошел на сближение двух академий, санкционировал это издание. В его редколлегию вошли академик МССР Я.С. Гросул, академик Академии РНР А.К. Оцетя, А.А. Новосельский и Л.В. Черепнин, редакторами томов утвердили В.А. Костакэл, Е.М. Руссева и меня. Началась большая и кропотливая работа по выявлению документов в ЦГАДА (в румынских архивах почти ничего не отложилось и не сохранилось).

Основная тяжесть первичного выявления материалов по теме сборника легла на Л.Е. Семенову и Н.С. Орлову, но и мне работы хватало. Мы поставили перед собой трудную задачу: издать такой сборник документов, которым могли бы пользоваться историки трех стран. Поэтому текст документов публиковался на всех языках – на языке подлинника (это мог быть древнерусский, румынский или

латинский), а затем в переводе на русский и румынский, равно как и указатель имен и перечень документов. И вот три тома документов, охватывающие период с 1408 по 1711 г. (до Прутского похода Петра I), общим объемом почти 80 п.л., были начаты в 1960 г., а закончены только в 1970 г.⁴, уже после смерти А.А. Новосельского (1967). (Он подписал к печати только первый том, а остальные выпускал автор этих строк.) Мы работали в тесном контакте с молдавскими (Е.М. Руссев, Е.М. Подградская) и румынскими (В.А. Костакэл, Д.П. Богдан) историками. Д.П. Богдан – известный лингвист – обращал особое внимание на правильность передачи древнерусского текста. В.А. Костакэл – историк-медиевист, знаток русско-румынских связей. Оба они – из старого поколения русской интеллигенции, эмигрировавшей из России после 1917 г. Для них наша совместная работа была желанной отдушиной и возможностью побывать на давно оставленной, но незабытой Родине. Е.М. Руссев – видный специалист по молдавскому летописанию, лингвист и переводчик. Он курировал все переводы древнерусского текста на румынский язык. Е.М. Руссев – ученик Л.В. Черепнина. Ну а на мне лежали координация всех работ, наблюдение за археографической обработкой текста и вообще за всем ходом издания трехтомника.

В процессе работы молдавские и румынские историки приезжали в Москву, а мы нанесли ответные визиты. Авторитет СССР среди стран социалистического содружества в тот период был довольно высоким. Во время наших научных командировок нас принимали по самому высокому уровню. Так, прибыв в командировку в Румынию в январе 1962 г., мы не только работали в архивах, в библиотеках, в Институте истории Румынии, но и совершили небольшое путешествие по тем городам Румынии, где сохранились древние храмы, замки, различные исторические достопримечательности. Маршрут был такой: Бухарест – Плоешти – Кымпина (дом-музей художника Григореску) – Синайя – Пелеш (летний дворец Карла II Гогенцоллера) – Брашов – Фэгераш (старинная крепость) – Сибиу (музей Брукенталь) – Бран (средневековый замок) – Рыжнов – Бухарест. Поездка длилась три дня. Были организованы интересные экскурсии в Кымпылунг – музей румынского боярина XVIII в., а также в старый католический костел. Организатка этого костела оказалась дочерью известного слависта Эмиля Калужняцкого, труды которого (а особенно публикации грамот) хорошо знакомы историкам периода раннего феодализма. Старушка была до глубины души потрясена этой встречей, тем, что в далекой Москве знают и помнят труды ее отца. Она пригласила нас к себе в гости, угостила кофе с домашним печеньем и просто не знала, куда посадить. Побывали мы и в опере и в консерватории (“Атенеи”) – одним словом, культурная программа была не менее насыщенной, чем научная.

Издание документов по русско-румынским отношениям было последней публикацией, созданной под руководством А.А. Новосельского. Проработав в тесном контакте с ним полтора десятка лет, я был одним из немногих, кого он удостоивал таким вниманием. Он был довольно замкнутым человеком и редко кого допускал в свой внутренний мир. Познакомившись со мной в секторе феодализма в 1949 г. и узнав, что я работаю в группе А.И. Яковлева (его учителя), он как-то сразу проникся ко мне симпатией. После завершения издания таможенных книг я работал под его руководством (с 1950 г. как ученый секретарь сектора феодализма). Когда же А.А. Новосельский был назначен на пост заместителя директора Института истории, то именно он (как я узнал позже) порекомендовал академику Б.Д. Грекову назначить меня на должность ученого секретаря Института. После трех лет совместной работы в дирекции Института А.А. Новосельский вместе со мной, как ученым секретарем, организовывал работу но-

⁴ Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в.: Документы и материалы: В 3 т. М., 1965–1970. Т. 1–3.

вого сектора – публикации источников. Нас особенно сблизило то, что я содействовал (вместе с Н.В. Устюговым) его приему в члены ЖСК, а затем помог ему получить квартиру в нашем же доме.

Так мы стали соседями. Мне часто приходилось бывать у него дома – сначала по делу, как ученому секретарю, а потом и просто за чашкой чая. У меня сложились дружеские отношения и с его женой. Как-то, расспрашивая меня о моей фронтовой жизни, она упомянула, что «и Алексей Андреевич награжден медалью “За оборону Москвы”. В армии он, правда, не служил, но во время осады Москвы работал много и упорно в архивах, в своем Институте». Я ответил на это, что хорошо помню, в каких трудных условиях работали москвичи в осажденном городе, что без их трудового подвига, без их поддержки не могли обойтись и те, кто стоял на последних рубежах обороны города.

– Вот видишь, Алеша, что говорит наш защитник! А ты всегда смущаешься, что не был на войне, а медаль получил. Ты ведь никогда ее никому и не показываешь и на праздники не одеваешь – почему?

– Нечем особенно гордиться! Что я такого сделал? Работал, как и все. И хватит об этом!

Вот эта скромность и какая-то особая внешняя незаметность (недаром в секторе истории СССР периода феодализма он получил любовное и немного ироничное прозвище “Тишайший”) и были отличительной чертой его характера. Необыкновенно сдержанный, не повышая голоса, он высказывал свои замечания и требования всегда так, что они выглядели как просьбы, которые нельзя не исполнить. Большой житейский опыт был виден в его решениях и планах. Они всегда были реальны и посильны. Правда, когда это было необходимо, он мог проявить и неожиданную для него и окружающих твердость, и неуклонность. Научными принципами он не поступался никогда.

Хочу рассказать о двух юбилеях А.А. Новосельского, которые я готовил и проводил. В 1951 г. отмечали его 60-летие на торжественном заседании Ученого совета Института. Алексей Андреевич был в то время заместителем директора Института. Председатель Ученого совета академик Б.Д. Греков открыл его краткой, но довольно продуманной речью, полной мягкого юмора и глубокого уважения к юбиляру. Он начал с того, что “юность наша, к сожалению, увяла”, но с удовлетворением отметил, что юбиляр вошел “в пору творческой зрелости”. И далее продолжил: “Историки – так уж повелось! – довольно поздно созревают как настоящие ученые. В этом их отличие, например, от математиков: те, если ничего выдающегося за первые 30 лет жизни не создали, не могут в дальнейшем рассчитывать на крупные научные открытия. Не то у историков: лишь на второй половине своего творческого пути они, как правило, добиваются самых выдающихся результатов. И наш юбиляр вступает как раз в то время, когда он сможет особенно плодотворно применить свои знания, свое умение, свой опыт научно-организационной работы в нашем Институте”.

Честно скажу, когда я услышал это, то подумал, что Борис Дмитриевич малость лукавил: ну какая же это зрелость в шестьдесят-то лет! Это уже то время, когда люди, как говорится, “с ярмарки едут”. И только сейчас, пережив уже эти годы, я понимаю, как прав был наш уважаемый академик: действительно, лишь в эти годы, умудренные и обогащенные всей предшествовавшей жизнью, историки и создают свои наиболее ценные труды!

Прошло 10 лет, в 1961 г. мы отмечали 70-летие Алексея Андреевича. Шло торжественное заседание, было много народу – из ЦГАДА, Историко-архивного института, ГБЛ – одним словом, отовсюду, где Алексей Андреевич когда-то работал. Речи, громадное количество цветов, подарки. Среди них юбиляру больше всего пришлось по вкусу, по душе лампа-ночник, сделанная из уральского мрамора в виде засыпанной снегом избушки. После включения мягкий свет пробивался сквозь тонкий белый мрамор, озаряя комнату, не раздражая глаз.

На этом заседании Алексей Андреевич выступил с докладом, посвященным главным образом теоретическому источниковедению – теме, которой он хотел в дальнейшем посвятить себя. Разработанная им программа превышала его личные возможности. Ему уже трудно было работать в исследовательском плане. Вся надежда была на подрастающее поколение. В частности, он и меня торопил с работой над избранной темой по классификации источников. Приступая к работе, я уже опубликовал несколько статей. Он все их внимательно прочитывал и во многом помогал мне, вводя в сложную и непривычную сферу исторического знания.

Вскоре после юбилея здоровье А.А. Новосельского ухудшилось, ему пришлось уйти на пенсию. А здесь еще новая напасть – невосполнимая потеря, смерть его верной спутницы жизни, жены... Это буквально подкосило Алексея Андреевича. Детей у них не было, ухаживать за одиноким пожилым человеком тоже некому было. Я помог ему прописать на его жилплощади племянницу, она и стала опекать одинокого ученого. А.А. Новосельский продолжал еще ходить на заседания Ученого совета, руководить работой аспирантов. Но это был уже не тот собранный и деятельный, энергичный и многоопытный ученый. Пока он был в Институте, на людях, он выглядел подтянутым, собранным. А дома ходил сгорбившись, понурый и несчастный... Силы его угасали, а его смерть больно отозвалась в сердцах всех, кто его знал, работал с ним, учился у него. За два дня перед его кончиной я был у него. Он уже не вставал, но выпил со мной полстакана чая. Смущаясь, он желал мне быстрее завершить мою монографию по классификации источников и обязательно опубликовать все те исторические памятники, которые он начал готовить к публикации, но не успел завершить свою работу. Я выполнил последнюю волю человека, отдавшего всю свою жизнь науке⁵. Он не был моим учителем в прямом смысле этого слова, но я многому научился у него, работая вместе с ним и под его руководством. Именно он окончательно сформировал меня как археографа и определил мою дальнейшую судьбу научного работника как источниковеда.

⁵ Малоисследованные источники по истории СССР XIX–XX вв.; Редкие источники по истории России. Вып. 1–2; Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. Т. 3.

*Ю.Г. Алексеев, В.М. Воробьев,
А.Я. Дегтярев, Ю.Д. Марголиц*

**АЛЕКСАНДР ЛЬВОВИЧ ШАПИРО –
ИСТОРИК, ИСТОЧНИКОВЕД, ИСТОРИОГРАФ:
ЭСКИЗ ТВОРЧЕСКОГО ПОРТРЕТА
(К 90-летию со дня рождения)**

А.Л. Шапиро родился 7 июля 1908 г. в Минске в семье врача. Отец, Лев Николаевич Шапиро, до самой смерти (1932) оставался действующим врачом минской городской поликлиники. Мать Лея Герцовна Шапиро, домохозяйка, умерла в блокадном Ленинграде в начале 1942 г.

Закончив в 1922 г. семилетнюю школу, а затем общеобразовательные курсы, А.Л. Шапиро поступил в 1923 г. в Белорусский государственный университет на социально-исторический факультет. В 1925 г. перевелся на 3-й курс Ленинградского педагогического института, в 1927 г. окончил его, получив диплом по специальности “история народов СССР”.

Трудовой стаж молодого историка начался в 1927 г. в Ленинградском экскурсионно-лекторском бюро при Областном отделе народного образования, где А.Л. Шапиро занимал должность экскурсовода по историко-революционным темам, а затем методиста (с перерывом на действительную службу в армии).

С 1934 по 1938 г. Шапиро работал сотрудником Института истории АН СССР, где участвовал в подготовке публикации источников XVIII в. и стал заниматься историей крестьянства первой половины XVIII в.* Одновременно в 1934–1937 гг. Александр Львович учился в аспирантуре на кафедре истории СССР Ленинградского государственного университета. Защита кандидатской диссертации на тему “Очерки по истории крестьянского хозяйства в петровское время” состоялась в ЛГУ в 1938 г.

После окончания аспирантуры А.Л. Шапиро преподает в Саратовском государственном университете общий курс истории СССР, спецкурсы и впервые начинает читать курс историографии. В 1939 г. решением ВАК ему присвоено ученое звание доцента.

В октябре 1939 г. Шапиро перевелся в Ленинградский педагогический институт на должность доцента кафедры истории СССР, где он также читал общий курс истории СССР и продолжал работать над курсом русской историографии.

В июле 1941 г. доцент Шапиро добровольно вступил в ряды Ленинградской армии народного ополчения. Через год он получил назначение в Военно-морское политическое училище, где читал курсы истории СССР и Военно-морского флота. В конце Великой Отечественной войны определился научный интерес Шапиро – история русского флота и русского военно-морского искусства конца XVIII – начала XIX в.

В 1951 г. в Институте истории АН СССР Шапиро защищает докторскую диссертацию на тему “Кампании русского флота на Средиземном море в 1806–1807 гг. и адмирал Д.Н. Сенявин”, а в 1953 г. ему было присвоено ученое звание профессора. С 1 сентября 1956 г. он стал профессором кафедры истории

* Список трудов А.Л. Шапиро см. в прил. к некрологу: Сафонова С.В., Цамутали А.Н. Александр Львович Шапиро (1908–1994) // ВИД. СПб., 1998. Т. 26. С. 336–344.

СССР исторического факультета ЛГУ. Многие поколения истфаковцев помнят его яркие, логически выстроенные лекционные курсы по истории России с древнейших времен до конца XVIII в., по русской историографии, библиографии истории СССР, интересные и весьма полезные для молодежи спецкурсы, его знаменитый спецсеминар, из которого вышло свыше 50 докторов и кандидатов исторических наук.

По словам Александра Львовича, кафедра истории СССР, многие десятилетия возглавлявшаяся его другом и единомышленником Владимиром Васильевичем Мавродиным, предоставила ему счастливую возможность вернуться к двум самым любимым направлениям научных исследований.

Трижды постановлением Ученого совета ЛГУ А.Л. Шапиро присуждались университетские премии за лучшие научные работы: в 1963 г. за монографию “Русская историография периода империализма”, в 1975 г. как руководителю авторского коллектива, ответственному редактору и автору ряда глав двух томов “Аграрной истории Северо-Запада России” и в 1995 г. посмертно за капитальный труд “Русская историография с древнейших времен до 1917 г.” А.Л. умер в 1994 г.

Крупнейший специалист по истории России и русской историографии, Шапиро был одним из признанных лидеров советской исторической науки. Его труды получили широкую известность как в нашей стране, так и за рубежом.

Его ранняя работа об исторических взглядах Н.Г. Чернышевского обратила на себя внимание своей глубиной и самостоятельностью. По оценке специалистов, она остается одним из лучших трудов, посвященных великому русскому демократу¹.

Проблемам истории русского флота посвящены докторская диссертация и первая монография А.Л. Шапиро². На этой книге следует остановиться подробнее. В противоположность обильным, но однообразным литературным подделкам 40–50-х годов монография А.Л. Шапиро является одним из немногих подлинных военно-исторических исследований, сохранивших свое научно-познавательное значение на протяжении многих десятилетий. Ценнейшую часть монографии составляют обширные документальные примечания³: работа написана по канонам петербургской школы, на основе источников. Это ее достоинство.

Главным делом жизни А.Л. Шапиро было исследование проблем социально-экономической истории России. В середине 1960-х годов он сформировал авторский коллектив из числа ведущих ленинградских историков и научной молодежи для исследования аграрной истории Северо-Запада России XV–XIX вв.

Формулируя задачи многотомного исследования, он выявил главные недостатки в изучении аграрной истории России. *Первый*: “Специфические особенности аграрных отношений в разные периоды тысячелетней истории России от IX до XIX в. еще не определены или определяются по-разному. Общие фразы о господстве крупного землевладения прикрывают отсутствие данных об удельном весе крупных, средних и мелких феодальных землевладельцев на разных отрезках исторического развития”. *Второй*: “Общие и нередко противоречивые фразы о господстве или разрушении натурального хозяйства прикрывают отсутствие данных об удельном весе денежных повинностей и о торговле продуктами сельского хозяйства”. *Третий*: “Начало буржуазного расслоения крестьянства исследователи относят то к XVI, то к XVII, то к XVIII, то к XIX вв.” Известно, что источники предоставляют сведения о наличии в светских, монастырских и

¹ Шапиро А.Л. Вопросы русской истории в произведениях Н.Г. Чернышевского // Н.Г. Чернышевский. Сборник статей к 50-летию со дня смерти великого революционера-демократа / Под ред. А.М. Панкратовой, А.Ф. Абрамовича, И.Г. Виноградова. Саратов, 1939.

² Шапиро А.Л. Адмирал Д.Н. Сенявин. М., 1958.

³ Там же. С. 342–371.

государственных владениях разных по имущественному положению крестьян – от скудных до “капиталистских”. “Но какие в этом отношении сдвиги произошли в различные периоды и каковы масштабы этих сдвигов по столетиям и десятилетиям? Об этом мы пока почти ничего не знаем. А главное, остаются малоизученными качественные особенности расслоения”. *Четвертый*: “...экономическое положение феодального крестьянства на различных отрезках истории России обычно характеризуется одними и теми же фразами как чрезвычайно тяжелое и непрерывно ухудшающееся... Естественно возникает вопрос: каким же запасом прочности должно было обладать хозяйство крестьянина в период раннего феодализма, если на протяжении многих и многих столетий его положение все время ухудшалось, а оно продолжало существовать?” *Пятый*: Наряду с объективными трудностями изучения аграрной истории (“скудость и неточность” ряда сохранившихся источников), многое зависит и от исследователей и приемов их работы, в том числе хронологическая ограниченность научных исследований. “Историки XVII в. не находят (а временами и не ищут) материалы смежных веков, которые могли бы быть сопоставлены с их данными о хозяйственной жизни деревни. То же самое приходится сказать и о большинстве ученых, занимающихся другими периодами аграрной истории СССР эпохи феодализма”. *Шестой*: “...недостаточное внимание к методам количественного анализа хозяйственной жизни”, без которого невозможно выявить “зигзаги развития русской деревни, установить количественные рубежи этого развития, реально взвесить экономическое положение крестьян и уровень их эксплуатации”. *Седьмой*: Недостаточное выявление особенностей “развития отдельных районов страны и особенностей экономического развития России в сравнении с другими государствами Европы и Азии, что затрудняет понимание исторических судеб страны в целом и ее отдельных районов в частности”⁴.

Для преодоления выявленных недостатков в исследованиях аграрной истории необходимо было перейти от общих рассуждений о товаризации, расслоении и росте эксплуатации к поиску количественных характеристик этих процессов в разные периоды и в разных районах.

Почти за 30 лет совместной работы авторский коллектив создал четыре тома “Аграрной истории Северо-Запада России” со второй половины XV по конец XVII в. В них на основе сплошной статистической обработки всех сохранившихся писцовых, переписных книг и примыкающих к ним других разновидностей массовой документации по Новгородским пятинам, Псковской земле и Русскому Северу получены и обобщены реальные показатели развития населения, земле-владения, городского и крестьянского хозяйств, господского и крестьянского бюджетов, владельческих и государственных платежей крестьянства, его расслоения. На основе больших массивов конкретных показателей по отдельным районам даны общие характеристики аграрных отношений Северо-Западного региона в целом, соотнесенные с развитием аграрных отношений в других регионах страны и в странах Европы.

“Аграрная история Северо-Запада России” стала ярким, удачным примером работы большого коллектива. В написании всех четырех томов участвовали в общей сложности 24 автора, три десятилетия все важные вопросы методики и выводы разрабатывались совместно.

Одной из наиболее характерных черт исследовательского почерка Шапиро было стремление увидеть множественность факторов исторического процесса, сложность, разнообразие и противоречивость исторических явлений, их неоднозначность и глубину. Поэтому и конечные выводы исследования отличаются как бы стереоскопичностью, многоплановостью и диалектизмом. Примитивных “компьютерных” ответов и оценок в его научном творчестве нет.

⁴ Аграрная история Северо-Запада России, Вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971. С. 3–4.

Вклад А.Л. Шапиро в изучение основных проблем аграрной истории России трудно переоценить. Их исследование было поднято на принципиально новый уровень: на базе огромного фактического материала (статистическая база исследования включала в себя несколько миллионов различных экономических показателей) он сумел во многих случаях не только уточнить, но и пересмотреть прочно бытовавшие взгляды, выявить динамику развития многих явлений и их органическую связь между собой.

Давно и верно замечено, что большой историк неизбежно становится и историографом. Это обуславливается, во-первых, тем, что анализ наследия предшественников – необходимое звено для утверждения новых взглядов в науке; во-вторых, тем, что в течение длительного творческого пути приходится давать необходимые экспертные оценки трудам своих коллег; а в-третьих, тем, что историографические подходы совершенно необходимы в деятельности серьезного наставника молодежи в высшей школе.

Влияние всех этих факторов сказалось на научной деятельности Шапиро. Но, пожалуй, ярче всего – особая склонность ученого к собственно историографическим разысканиям. Его первое историографическое произведение появилось в начале 1929 г. Это была статья в сборнике, подготовленном учениками к 35-летию научной деятельности А.Е. Преснякова. Называлась она “А.Е. Пресняков как научный руководитель”, хотя по содержанию была много шире. В этом вполне зрелом, глубоком и даже изысканном историографическом портрете Шапиро обозначил теоретические и методические принципы своего учителя, передал его неповторимую манеру преподавания и общения с учениками, редкий дар наставничества. Портрет исследователя универсального диапазона, творчески подошедшего к теориям о русском феодализме, тонкого источниковеда, учившего “чувствовать” документ, вышел историографически точным, по-человечески живым. По существу, А.Л. Шапиро обозначил место А.Е. Преснякова в русской историографии и в дальнейшем этой оценке не изменял⁵.

На поприще историографии ученый работал более 60 лет, увлеченно и постоянно. Без этого не могло бы состояться его восхождение к вершинам историографического творчества, какими, несомненно, являются проблемные курсы по историографии для высшей школы. Его главным свершением в области историографии стала публикация отдельными книгами трех проблемных курсов по русской историографии.

Публикация каждого из трех курсов лекций А.Л. Шапиро по историографии всякий раз отвечала насущным задачам научного исследования и преподавания.

Первая из этих книг – “Русская историография периода империализма” – вышла в свет в 1962 г.⁶ Ее публикация была не только крупным научным достижением, но и актом гражданского мужества. Ученый не только вводил в поле зрения коллег, и особенно молодежи, многие имена и концепции, прежде директивно отторгавшиеся, не только восстанавливал разорванные до того важные звенья истории отечественной науки, но и с удивительной для того времени объективностью воссоздавал содержание их концепций и воззрений. Это ярко запечатлелось в самих названиях лекций, таких, как “П.Н. Милюков и его попытка нового обоснования государственной теории”, “Особенности государственной теории в трудах А.С. Лаппо-Данилевского, М.М. Богословского и А.А. Кизеветера. Роль идей в их построениях” и др. Априорно негативные оценки научного творчества ученых, не принадлежавших к поборникам революционных установок, сменились в изложении А.Л. Шапиро выявлением сильных и слабых сторон

⁵ Шапиро А.Л. А.Е. Пресняков как научный руководитель // Сборник, посвященный 35-летию научной и педагогической деятельности А.Е. Преснякова. Л., 1927. С. 5–17 (машинопись). Ср.: Он же. Критика А.Е. Пресняковым традиционных взглядов на историю Древней Руси // Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: Учеб. пособие. СПб., 1993. Лекция 37. С. 636–647.

⁶ Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма: Курс лекций. Л., 1962. 235 с.

их творчества – в методологии, методике, стиле. Упрощенное представление о “кризисе” “дворянско-буржуазной историографии” на рубеже XIX–XX вв., по существу, уступило место взгляду на состояние русской историографии того времени как на этап успешного развития, восхождения, не лишенный, впрочем, и некоторых черт кризисного характера. А.Л. Шапиро уже тогда предложил перспективные оценки роли позитивизма в судьбах русской историографии, в частности положительного влияния на ее развитие методов экономического анализа. Курс А.Л. Шапиро по русской историографии периода империализма получил заслуженное признание у исследователей и работников высшей школы – преподавателей историографии⁷.

Новаторской была и вторая историографическая книга А.Л. Шапиро – “Историография с древнейших времен по XVIII век”, выпущенная Издательством Ленинградского университета в 1982 г. Шапиро имел все основания написать в предисловии, что этот курс строится “по-иному, чем это делалось и делается до сих пор”⁸. Ученый справедливо отметил, что читавшиеся в то время на разных кафедрах курсы историографии не давали возможности рассмотреть закономерный ход развития исторических знаний и исторической науки в целом. Показывая это, Шапиро писал: “В курс русской историографии не входит античная историческая мысль. А можно ли себе представить путь, пройденный историографией, без античного отрезка этого пути?” По мысли А.Л. Шапиро, невозможно верно оценить тот “скачок”, какой европейская, и в ее составе русская, историографическая наука проделала в конце XVIII – начале XIX в., без учета того, что сделали французские просветители и Вольтер.

Убежденный в том, что у истоков писаной истории – “преданья старины глубокой”, Шапиро полагал, что большее, чем до сих пор, место в курсе историографии должно быть уделено мифологии и эпосу, “хотя подход к фольклору, – оговоривался ученый, – и должен ограничиваться его соотношением и связью с ранними памятниками письменной истории”⁹.

В соответствии с этими установками курс лекций Шапиро 1982 г. содержал разделы, тематическое богатство которых выходило за рамки собственно русской историографии. Читателю предлагались и лекции об истории исторических знаний и исторической мысли во всемирном масштабе: “Архаическая мифология и архаический эпос – предшественники историографии”, “Становление исторической мысли. Античная историография”, “Историография эпохи Возрождения”, “Просветительская историография XVIII века” и др. Курс лекций Шапиро 1982 г. создавал традицию освоения развития исторических знаний и исторической науки в целом, содействовал разрушению пагубных для историографии штампов изоляционизма, обогащению историографической культуры молодежи.

Третья историографическая книга Шапиро – “Русская историография с древнейших времен до 1917 года” – была опубликована в 1993 г.

За творчеством А.Л. Шапиро-историографа с большой пользой для себя следили многие. Его последняя книга содержит немало уже известного специалистам. И тем не менее даже те ее разделы, которые прежде публиковались порознь, требуют нового прочтения: естественно, что будучи соединены в одну книгу, они обретают для читателя новое качество.

Каждый из отдельных разделов книги представляет собой по жанру текст законченной проблемной лекции – наиболее сложной, но предельно эффективной формы обучения. Все лекции Шапиро успешно решают задачу преодоления мно-

⁷ См., например: *Цамутали А.Н.* Русская историография XIX века в общих и специальных курсах // Изучение и преподавание историографии в высшей школе. Новгород, 1981. С. 73.

⁸ *Шапиро А.Л.* Историография с древнейших времен по XVIII век: Курс лекций. Л., 1982.

⁹ Там же. С. 4–5.

гозначности самого понятия “историография”. Ученый наполняет их содержание историей “исторических знаний, исторической мысли, исторической науки в целом или в отдельной стране”¹⁰. В лекциях Шапиро специально рассматриваются такие составляющие историографического процесса, как проблематика, методология, источниковая база, концепция и стиль, присущие историографическим источникам. Ученый внимателен и к общественно-политической обстановке, влиявшей на развитие наук. Их судьбы, бесспорно, складывались не безразлично к бушевавшим в обществе политическим страстям, но, думается, Шапиро прав, когда придает решающее значение развитию исторического знания по внутренне присущим ему законам.

Курсы историографии, написанные Шапиро, помогают читателю ориентироваться в качестве существующих подходов к изучению прошлого науки: политико-мировоззренческого, представляющего взгляд на историю науки как на борьбу идей, течений, направлений и школ; собственно сциентистского, рассматривающего ход науки как процесс, обусловленный внутренними предпосылками исторического знания; наконец, культурологического, предполагающего изучение прошлого науки в связи с воздействием идеологического, сциентистского и психологического факторов. Близкий А.Л. Шапиро культурологический подход исходит из взгляда на историческую науку как на феномен культуры.

Взгляд на историю науки как на феномен культуры предполагает подчиненную этому взгляду подвижку аксиологических ориентиров. В центре внимания исследования истории науки оказывается не столько борьба или флюктуация идей, сколько творец этих идей – мифотворец, летописец, историописатель, историк-профессионал.

Культурологическая историография ставит в центр исследования осмысление творчества, духовности, психологии и эстетики – ряд факторов, в совокупности дающих представление о менталитете историка. Историографические курсы Шапиро содержат анализ всей совокупности основных исторических исследований, раскрывают в исторических идеях, теориях, концепциях отражение взаимоотношений различных общественных сил, показывают в движении состоянии теоретико-методологических основ исторических исследований, присущие им характер и уровень критики исторических источников, полноту их использования, качество интерпретации. Разбор этих граней исторических разысканий имеет первоклассное значение для подготовки специалистов-историков. Богатством соответствующих наблюдений и выводов в петербургской историографической школе особенно отличались труды С.Н. Валка, С.Л. Пештича. В духе этой традиции, обогащая ее, работал и А.Л. Шапиро. Фундаментальным достижением его лекционных курсов является рассмотрение русской историографии в контексте развития мировой исторической мысли и науки. Особенно содержательными в этом отношении представляются страницы, посвященные восприятию в России идей французских просветителей и гегельянства.

Преодолевая гиперкритицизм в отношении историков, не принадлежащих к революционно-демократическому или марксистскому направлению, отказываясь от применения политических ориентиров для воссоздания облика школ, течений, направлений, А.Л. Шапиро отошел от использования двойного стандарта, когда к принадлежащему перу “реакционера” фундаментальному исследованию подходят заведомо и резко критически, а к сочинениям радикалов (даже не к исследованиям, а к публицистике) применяют высокие оценки по “льготному тарифу”. В то время как для многих так называемая теория равновеликих факторов изначально неприемлема, А.Л. Шапиро, охарактеризовав слабые стороны этой

¹⁰ Цит. по: *Цамутали А.Н.* Актуальные проблемы изучения отечественной историографии // Изучение и преподавание историографии и источниковедения в высшей школе. Новгород, 1993. С. 3.

теории, убедительно показывал (на примере трудов А.С. Лаппо-Данилевского), как она удовлетворяла реальную потребность науки в дифференцированном изучении различных сторон эволюции общества, отвечала назревшим потребностям специализации исторических исследований.

В историографии одним из сложных, остро дискуссионных является вопрос о кризисе дореволюционной исторической науки. Можно напомнить, что А.М. Сахаров усматривал симптомы кризиса “буржуазной исторической науки” еще в ее развитии 1870–1880-х годов¹¹. Считая вопрос о правомерности использования понятия “кризис” для характеристики состояния исторической науки на рубеже XIX–XX столетий подлежащим дискуссии, А.Л. Шапиро со своей стороны полагал, что от “устаревшего неверного по существу тезиса следует отказаться”¹². А.Л. Шапиро показал, что в трудах самых верноподданных историков (Д.И. Иловайский, Н.К. Шильдер, Н.Ф. Дубровин) содержится немало ценных исторических сведений и суждений, тем более что в работах, близких к правительственным кругам историков, оказывались и “закрытые материалы”¹³. В своей книге 1962 г. Шапиро посвятил отдельную главу анализу исторических воззрений “легальных марксистов”. Однако тогда этот шаг ученого не повлиял на состояние официальной историографии. В своей третьей, последней книге о русской историографии с древнейших времен А.Л. Шапиро вновь вернулся к историческим взглядам “легальных марксистов”, посвятил им специальную лекцию, показав, как упрощают современные истолкования взглядов П.Б. Струве действительное содержание его концепции исторического развития России¹⁴.

Если Н.Л. Рубинштейн решительно заявлял, что “концепции государственной школы отвергнуты советской историографией”¹⁵, В.Е. Иллерицкий еще более усилил негативизм и политизированность оценок государственной школы¹⁶, то А.Л. Шапиро раскрыл ее место в движении исторической науки объективно и обстоятельно. На страницах “Русской историографии с древнейших времен...”, посвященных наиболее плодотворно работавшим “государственникам”, реализуется та переоценка государственной школы, которая давно и аргументированно признана насущной. Охранительному направлению уделено внимание в соответствии с современными представлениями о необходимости объективного изучения историографического процесса во всем богатстве его направлений и оттенков мысли. В поле зрения А.Л. Шапиро имена не только Д.И. Иловайского и Н.П. Барсукова, взгляды которых развивались под решающим влиянием охранительных идей, но и С.Ф. Платонова, испытавшего воздействие либерально настроенного П.Н. Милюкова.

Ученый придавал значение и принципиальным новациям в историографии XIX в. Не прошел он и мимо этнографического историзма, ярким представителем которого стал Н.И. Костомаров¹⁷.

В поле зрения А.Л. Шапиро попадали не только влияния и притяжения. Он проявлял интерес и к таким историографическим контактам, как неприятие и отталкивание. Это хорошо видно, в частности, на примере трактовки агнографической литературы. А.Л. Шапиро раскрыл значение агнографии в творчестве В.О. Ключевского, отметив, что ученый дал “преувеличенно отрицательный отзыв” об этой литературе как историческом источнике, но сопроводил свое наблюдение указанием на то, что советские историки И.У Будовниц и В.И. Корец-

¹¹ Сахаров А.М. Историография истории СССР: Досоветский период: Учеб. пособие. М., 1978. С. 162.

¹² Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен... С. 686.

¹³ Там же. С. 518.

¹⁴ Там же. С. 602–623.

¹⁵ См.: СИЭ. М., 1963. Т. 4. Стб. 622.

¹⁶ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 103–128.

¹⁷ Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен... С. 460–466.

кий “извлекли из этой литературы ценные сведения о борьбе крестьян с монастырями-землевладельцами”¹⁸.

С полным сочувствием А.Л. Шапиро цитировал В.О. Ключевского: “Легкое дело – тяжело писать и говорить, но легко писать и говорить – тяжелое дело”. Это тяжелое дело А.Л. Шапиро исполнял мастерски.

Долгая и плодотворная жизнь в науке позволила ему завоевать высокий авторитет среди коллег. Этот авторитет не опирался, как часто бывает, на подпорки высоких должностей и званий. Он был рожден каждодневным исследовательским и педагогическим трудом, который не могли прервать никакие внешние обстоятельства, почтенный возраст и болезни. Каждый день жизни А.Л. Шапиро считал счастливо прожитым, если это был для него рабочий день. В этом смысле его деятельность носила по-настоящему подвижнический характер.

¹⁸ Там же. С. 531.

В.Ф. Козлов

Л.В. ИВАНОВА – КРАЕВЕД И МОСКВОВЕД

В один из июньских дней 1998 г. в уютном зале старинного особняка Третьяковых на Гоголевском бульваре состоялось чествование доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника ИРИ РАН Людмилы Васильевны Ивановой. В поздравлении коллег и друзей юбиляра содержалась высокая оценка научной деятельности и человеческих достоинств Людмилы Васильевны. Ее перу принадлежит более 150 работ¹. Широко известно имя Л.В. Ивановой как исследователя истории советской культуры. Заслуженным авторитетом пользуются ее работы, посвященные советской научной интеллигенции в первые десятилетия советской власти.

С середины 1980-х годов научные и общественные интересы Людмилы Васильевны, ставшей тогда уже доктором исторических наук, все больше захватывают проблемы региональной истории и краеведения. Возрождаемое историческое краеведение в то время особенно нуждалось в опытных наставниках и методистах. Из известных историков тогда, пожалуй, только С.О. Шмидт не только всецело поддерживал краеведческое движение, но и стал фактически его главным идеологом и теоретиком. Краеведение как научное направление и общественное движение увлекло Л.В. Иванову своим комплексным подходом к объекту изучения, а также широчайшими научно-популярными историческими и социальными перспективами. Как специалист по истории культуры 1920-х годов, она хорошо знала, каких успехов добилось краеведение в те годы.

Вместе с С.О. Шмидтом Л.В. Иванова энергично берется за организацию исторического краеведения в Москве. Велик ее вклад в организацию и созданного вскоре после этого семинара-совещания, созданного Московским фондом культуры 16 мая 1989 г. московского краеведческого общества. В то время Л.В. Ивановой была определена стратегия развития московского краеведения: учет краеведческих сил методом сплошного анкетирования, организация Института истории Москвы и Научного совета по москвоведению, издание общей библиографии по истории города, научная публикация источников и др. Эти предложения опубликованы в сборнике по итогам совещания². Многие из них воплощены в жизнь, другие так же актуальны, как и десять лет назад. В том же 1989 г. Л.В. Иванова приняла активное участие во II Всесоюзной конференции по историческому краеведению, где поставила актуальные вопросы создания единого научного центра, подготовки кадров профессиональных москвоведов, рациональной организации общественного москвоведческого движения, координации всех видов москвоведческих работ.

Как ученый-историограф, Л.В. Иванова хорошо понимала значимость для развития краеведения тщательного изучения деятельности москвоведов и их общественных организаций. Тем более что большая историческая наука почти не замечала вклада старых московских краеведов в изучение истории Москвы и России. Тогда же, в конце 1980-х годов, была задумана, а с 1991 г. реализовалась

¹ Список печатных трудов Л.В. Ивановой см. в наст. томе (с. 340).

² *Иванова Л.В.* Некоторые актуальные проблемы московского краеведения // Краеведение Москвы: Научно-метод. материалы в помощь краеведам / Под ред. Л.В. Ивановой и С.О. Шмидта. М., 1990. С. 16–21.

в печати в виде книг целая серия очерков об историках-краеведах Москвы. К написанию очерков были привлечены известные москвоведы и начинающие молодые исследователи. Помнится, каким большим событием был для краеведческой общественности выход в 1991 г. в издательстве “Московский рабочий” первого сборника “Краеведы Москвы” (составители Л.В. Иванова и С.О. Шмидт). Людмила Васильевна опубликовала в нем статью “К предыстории составления биографий краеведов Москвы” и очерк о В.В. Згуре. Всего же в трех выпусках этого сборника (1991–1997) опубликовано более 50 научно-популярных очерков о московских краеведах XVIII–XX вв. с библиографией их работ. Во многом благодаря этому изданию профессионалы-историки стали серьезно относиться к деятельности краеведов. Но мало кто знает, какие поистине героические усилия прилагали составители, чтобы три книги о москвоведех увидели свет.

Среди любимых Людмилой Васильевной деятелей краеведения и москвоведения XIX – начала XX в. были председатель Общества изучения русской усадьбы В.В. Згура и московский купец Н.А. Найденов. Незаурядная личность последнего привлекла ее прежде всего своей бескорыстной деятельностью по изданию средневековых письменных источников по истории Москвы и фотоальбомов многочисленных городских памятников старины. Еще один важный штрих к характеристике Л.В. Ивановой: для популяризации краеведения она использует трибуны самых разных по интересам, образованию читателей и слушателей. Так, материалы о том же Н.А. Найденове были опубликованы в рассчитанной на широкую аудиторию газете “Неделя” (1991. № 27), затем в научно-популярной газете “Былое” (1992. № 3) и, наконец, в упомянутом сборнике “Краеведы Москвы” (М., 1994. Вып. 2). Людмилу Васильевну можно услышать не только на научных конференциях, заседаниях в ИРИ РАН, но и выступающей перед краеведами-любителями общества “Старая Москва”, в краеведческой Некрасовской библиотеке.

На проходившей в 1989 г. I конференции “Московский некрополь: Археология. История. Охрана” Л.В. Иванова выступила с постановочным докладом “История изучения московского некрополя”, в котором был дан тщательный анализ изучения исторических кладбищ города за два века. Особое внимание Л.В. Иванова уделила необходимости решения актуальнейших проблем этого важного направления москвоведения: издания свода “Московский некрополь”, составления полной библиографии, публикации архивных обзоров по теме и др. Л.В. Иванова принимала активное участие и во II конференции “Московский некрополь” (1994), где сделала доклад о деятельности общества “Старая Москва” по изучению и охране некрополя.

Историограф, по мнению Людмилы Васильевны, должен знать не только факты деятельности изучаемого персонажа, но и место его последнего упокоения. Часто могила и надгробие – единственный оставшийся зримый след человека на земле, и сохранить его – долг коллег и потомков. Л.В. Иванова выступила инициатором, составителем такого необходимого библиографического справочника, как “Историки и краеведы Москвы: Некрополь”. К написанию более 200 кратких биографий москвоведов XVIII–XX вв. были привлечены многие современные исследователи. Свыше 30 библиографических справок принадлежат перу Людмилы Васильевны.

Как видим, диапазон исследований Л.В. Ивановой, краеведа и москвоведа, достаточно широк. Пожалуй, нет области исторического краеведения, где бы не участвовала Людмила Васильевна. Тем не менее есть в краеведении направление, которому ученый уже десять лет посвящает основную часть времени. Это – комплексное изучение русской усадьбы – феномена отечественной культуры, игравшего огромную роль в политической, культурной столичной и особенно провинциальной жизни России. В 1989 г. в альманахе “Памятники Отечества” появилась пространная статья Л.В. Ивановой об Обществе изучения русской

усадеб (ОИРУ), его разнообразной и плодотворной деятельности. Чем больше она изучала источники о работе ОИРУ, тем сильнее эта тема захватывала ее, и ежегодно в разных изданиях появлялись статьи, касающиеся проблем усадебоведения. Одна из первых статей этого цикла была посвящена талантливому искусствоведу, организатору и первому председателю ОИРУ В.В. Згуре (Краеведы Москвы... Вып. 1).

У Людмилы Васильевны и ее единомышленников зародилась мысль о возрождении этого замечательного общества, столь много сделавшего для изучения и сохранения усадеб, оказавшихся после октября 1917 г. на грани гибели. Российский фонд культуры, в 1991 г. еще весьма деятельный, объявил о своей новой программе "Возрождение русской усадьбы" и сформировал научно-общественный совет, председателем которого и стала Л.В. Иванова. В апреле 1992 г. состоялась научно-практическая конференция "Русская усадьба XVII – начала XX в. Проблемы изучения и возрождения", посвященная 70-летию ОИРУ. Было принято решение возродить общество, избрано его правление. Отныне главные усилия Л.В. Ивановой сосредоточены на восстановлении общества, а с 1995 г. по настоящее время она является его председателем. По мнению ее коллег, научные интересы и опыт Л.В. Ивановой отразились на широте усадебной проблематики ОИРУ. В сфере интересов общества включены экономические, социальные и культурные проблемы русской усадьбы. Именно Л.В. Ивановой удалось превратить общество в самую деятельную и живую краеведческую организацию Москвы и Подмосковья. За пять лет ОИРУ провело несколько серьезных научных конференций, организовало ряд выставок, издало четыре сборника материалов³.

Несмотря на крайнюю занятость на своей основной работе в ИРИ РАН и в ОИРУ, Людмила Васильевна активно сотрудничает с различными научными и краеведческими учреждениями, организациями и изданиями. Давние творческие отношения связывают ее с объединением "Мосгорархив", где подготовили и издали составленный ею сборник "Усадебное ожерелье Юго-Запада" (М., 1996). Л.В. Иванова – член редакционного совета историко-краеведческого альманаха "Отечество", научный редактор и автор ряда его выпусков. Перечислить все "историко-краеведческие", общественные должности Л.В. Ивановой нелегко: заместитель председателя Московского краеведческого общества, член президиума ВООПИК, Археографической комиссии РАН, экспертной комиссии Управления государственного контроля по охране памятников истории и культуры, комиссии по наименованию московских улиц при правительстве Москвы, экспертного совета по москвоведению и др.

Последнее время, несмотря на недуги, Л.В. Иванова щедро делится своими знаниями, опытом и всемерно помогает москвоведцам, принимает посильное участие в деятельности московских краеведческих объединений. Ее часто можно увидеть и на заседаниях родного ей ОИРУ, и на научных конференциях, и на представлениях новых москвоведческих книг, организуемых Московским краеведческим обществом, кафедрой региональной истории и краеведения РГГУ и Центром исторического краеведения и москвоведения.

Людмила Васильевна Иванова полна душевной энергии, интересных планов. Краеведы Москвы и России желают ей здоровья, дальнейшей плодотворной деятельности на благо отечественной культуры и родного города.

³ Полякова М.А. Общество изучения русской усадьбы (1992–1997): Люди и время // Русская усадьба: Сб. ОИРУ. М., 1998. Вып. 4[20]. С. 346–357.

ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 1998 ГОДА

Хроника заседания “Международные научные связи Археографической комиссии”

9 июня 1998 г. состоялись очередные Тихомировские чтения, посвященные международным научным связям Археографической комиссии. Из-за болезни в заседании не смог участвовать председатель Археографической комиссии С.О. Шмидт. Ученый секретарь комиссии В.А. Черных в кратком вступительном слове коснулся истории международных научных связей Археографической комиссии.

Уже при воссоздании комиссии академиком М.Н. Тихомировым в 1956 г. было намечено одно из основных направлений ее работы – изучение и научное описание славяно-русских рукописных книг. Это надолго определило круг стран и зарубежных научных учреждений и исследователей, с которыми Археографическая комиссия поддерживала наиболее тесные научные связи. Такими странами явились в первую очередь Болгария и Югославия, исторически тесно связанные с Россией общими традициями кириллической письменности. С академиями наук этих стран был налажен постоянный обмен изданиями, организованы взаимные научные командировки. В Софии и Белграде по образцу Археографической комиссии АН СССР в то время возникли свои Археографические комиссии.

Постепенно эти связи расширились, охватив и другие славянские страны, а также довольно широкий круг ученых-славистов и соответствующих научных учреждений зарубежной Европы и Америки. Доклады о работе по подготовке Сводного каталога славяно-русских рукописных книг (руководимой Археографической комиссией АН СССР) были заслушаны на I Международном конгрессе по болгаристике (1981), на IX Международном съезде славистов (1983), на Международной конференции “Система описания памятников средневековой книжности: нарративные памятники по истории и культуре балканских народов и методика их описания” в Ленинграде (1985), вызвав большой интерес у зарубежных коллег. Археографическая комиссия приняла деятельное участие в работе Международного центра информации об источниках по истории Балкан (СИБАЛ); С.О. Шмидт был избран председателем комиссии по рукописям СИБАЛ и как член его президиума активно участвовал в конференциях этой организации. Сотрудники комиссии неоднократно выезжали за рубеж для занятий в архивах и библиотеках, чтения лекций, участия в международных конференциях и совещаниях, а также принимали у себя зарубежных коллег. Ученые из славянских стран, а также из Германии, Франции, Швеции, США печатались на страницах “Археографического ежегодника”.

Разумеется, Археографическая комиссия поддерживала и продолжает поддерживать регулярные связи с учеными и научными учреждениями бывших союзных республик, но эти связи до 1992 г., естественно, не рассматривались как международные.

Однако никогда еще международные связи Археографической комиссии не приобретали такого широкого размаха, как за последние три-четыре года. Несмотря на известные финансовые трудности, при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, Института “Открытое общество” (фонд Дж. Сороса) и зарубежных университетов сотрудники Археографической комиссии участ-

вуют в настоящее время в выполнении шести международных научных проектов.

Затем с сообщениями выступили научные сотрудники Археографической комиссии.

В течение многих лет одним из неизменных направлений работы Археографической комиссии остается создание Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся на территории бывшего СССР (ныне – стран СНГ и Балтии). О зарубежных связях комиссии в рамках этого проекта рассказал *А.Л. Лифшиц*.

В настоящее время, несмотря на имеющиеся трудности, коллектив составителей каталога старается возможно полнее представить рукописи, хранящиеся за пределами России, в странах СНГ. После распада СССР рассчитывать, что небольшие собрания славянских рукописей в бывших республиках получат нормальные научные описания на местах, не приходится, как из-за недостатка времени, так и из-за отсутствия специалистов и научного интереса. (Несколько лет назад О.А. Князевская и Л.М. Костюхина подтвердили, что пергаменный фрагмент из Львова, датированный в описании концом XIV в., написан никак не позже рубежа XII–XIII вв.)

Приятным исключением стало сотрудничество с кафедрой славянских языков Вильнюсского университета, которую с недавнего времени возглавляет С.Ю. Темчин. По его инициативе был создан проект “Церковные книги Великого княжества Литовского”, поддержанный Институтом “Открытое общество”, который нацелен на создание полного научного описания рукописного наследия Литовской Руси. Сравнительно небольшое собрание славянских рукописей Виленской публичной библиотеки, хранящееся в настоящее время в Библиотеке Академии наук Литвы, получило описание в трудах Ф. Добрянского в 1882 г. Среди 28 фрагментов, изучение которых продолжается и в настоящее время, были обнаружены уникальные материалы по истории славянской письменности.

Зарубежные связи оказались плодотворными и в плане издания результатов работы. В конце 1997 г. заведующий кафедрой славистики Неаполитанского университета профессор Б.А. Успенский предложил опубликовать рабочие материалы группы Сводного каталога в первом номере (возобновляемого под его руководством) ежегодника Института восточных исследований, полагая, что эти материалы, несомненно, вызовут интерес зарубежных славистов. Значительная часть материалов уже передана в Италию.

В.А. Черных коротко рассказал о своей поездке в декабре 1997 г. в Италию, где он читал лекции в университете г. Мачераты о проблемах текстологии подцензурной литературы (на примере изданий произведений Анны Ахматовой).

На заседании были заслушаны доклады О.А. Князевской, Б.Н. Морозова, Н.А. Кобяк, Л.М. Костюхиной, Ю.В. Андрушайтите, публикуемые в настоящем томе. Доклады вызвали активное обсуждение, особенно в части перспектив исследований и возможностей их публикации.

Т.В. Лохина, В.А. Черных

О.А. Князевская

СОВМЕСТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЛАВЯНСКИХ ОТРЫВКОВ В ШВЕЦИИ

Двадцать лет продолжается сотрудничество со шведскими исследователями (в частности, с профессором Шёбергом (Sjöberg)) в рамках изучения отрывков древнейших славянских рукописей, хранящихся в архивах этой страны: в фондах Государственного архива, в Королевской библиотеке в Стокгольме, в библиотеке Упсальского университета. Давно уже установлено, что в Скандинавии не имеется древнеславянских кодексов значительного объема, написанных на пергамене. Вместе с тем было известно, что в Скандинавских странах хранятся отрывки древнерусских пергаменных рукописей. Планомерную работу по собиранию славянских отрывков в хранилищах Швеции начал профессор А. Шёберг (1926–1990). Оказалось, что собирание и описание сохранившихся фрагментов связаны с немалыми трудностями. Многие фрагменты находились в неблагоприятных условиях, они часто употреблялись в качестве переплетных листов для шведских архивных дел.

К концу 70-х годов профессор Шёберг располагал сведениями о 150 пергаменных листах с древнерусскими текстами XII–XV вв. В 1981 г. он опубликовал предварительный список шведских фрагментов (*Paleobulgarica*. 1981. V. № 4. С. 86–94), в котором сообщается об отрывках из 40 древнерусских книг.

В Стокгольмском университете под руководством профессора Шёберга были выполнены два монографических исследования, посвященные отрывкам из богослужебных книг Ветхого и Нового Завета. Были защищены диссертации (Elisabeth Löfstrand в 1984 г. и Siw Wesslén в 1985 г.), опубликованы тексты с необходимыми комментариями и справочным аппаратом.

В собственном исследовании профессор Шёберг обратился к изучению отрывков Пролога и занялся подготовкой публикации их текста. К этой работе была привлечена и автор этих строк. Оказалось, что отрывков из “четьих” книг, к которым относится и Пролог, значительно больше остальных. К 1990 г. профессор Шёберг выявил основной фонд рукописей и предпринял их первичную обработку. Было установлено, что в Швеции сохранились отрывки из 18 книг Пролога. Отрывки неоднородны по объему, в них содержится от одного-двух до 15–20 и 48 листов из одной книги. Многие отрывки из одного кодекса дошли до нас в составе различных шведских коллекций, находящихся в разных хранилищах. Было установлено также, что отрывки из шести кодексов хранятся в Библиотеке РАН (Санкт-Петербург).

В настоящее время приходится завершать работу без инициатора и вдохновителя этого дела.

Все фрагменты Пролога ранее входили в кодексы значительного объема на пергамене большого формата (в лист). Текст в рукописях написан сплошным письмом и расположен в два столбца. Они не содержат каких-либо записей писцов о времени и месте их создания. Суждения о хронологической и территориальной приуроченности рукописей принадлежат публикаторам.

Подготовленные к изданию тексты составляют 43 ед. хр., из них 6 – в Библиотеке РАН в Санкт-Петербурге, 1 – в Библиотеке университета в г. Хельсинки (Финляндия) и 36 находятся в Швеции. У данной темы есть еще один интересный аспект – пути проникновения этих текстов в Швецию. Принято считать, что во времена Ливонской войны шведы забирали их в качестве военных трофеев, вероятно, при ограблении церквей и монастырей.

При рассмотрении шведских отрывков обращают на себя внимание хронологические границы сохранившихся пергаменных отрывков, в большинстве случаев они являются остатками кодексов XIV в. При этом остается не ясным, почему отсутствуют отрывки рукописей XV в. и более ранних эпох. Интересную особенность представляют сохранившиеся пергаменные отрывки и с точки зрения содержания; в подавляющем большинстве они относятся к книгам “четым” – прологам. В связи с этим, как нам кажется, можно допустить версию о наличии колонии новгородских поселенцев в Швеции в XIV в.

Б.Н. Морозов

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЕКТ “БИОГРАФИЧЕСКИЙ БАНК ДАННЫХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА XIV – НАЧАЛА XVIII в.”

В июле 1991 г. в статье “Но помните: дух – это главное” академик Д.С. Лихачев писал: “Развитие основных направлений литературоведения невозможно сегодня без солидных банков данных, биобиблиографических справочников. Мы стремительно отстаем сейчас от мирового уровня применения вычислительной техники в этой сложной сфере. Это же относится и к отечественной истории. Так, прекрасный справочник о русских боярах издан сейчас на английском языке историком Робертом Крамми: у отечественной гуманитарной науки не хватило возможностей для подобной работы”¹. Дмитрий Сергеевич не знал, что именно в это время в Москве шла разработка международного проекта создания Биографического банка данных Российского государства XIV – начала XVIII в. (ББДРГ) – *Muscovite Biographical Database (MBD)*. Одним из инициаторов этой работы был как раз профессор Калифорнийского университета (Беркли) Р. Крамми, познакомивший автора настоящих строк (сначала заочно) со своими младшими коллегами Маршалом По и Расселом Мартином, в то время аспирантами профессора Гарвардского университета Эдварда Кинана, также поддержавшего проект. С русской стороны в проекте стала принимать участие О.Е. Кошелева (РАО). В 1991–1993 гг. в Москве проводилась работа над документами РГАДА, положенными в основу на первом этапе организации ББДРГ(МБД) – создания Информационного Банка о составе правящей элиты в России. Американские и российские участники проекта объединились в “Биографическую группу Московия” (“*Muscovite Biographical Group*”) и заключили договор с администрацией РГАДА (директор М.П. Лукичев). Главным научным консультантом проекта с российской стороны стал председатель Археографической комиссии РАН академик РАО С.О. Шмидт. В 1994 г. в архиве начал функционировать специальный компьютерный центр, позволяющий продолжить работу над документами и пользоваться всем исследователям уже обработанной информацией².

Зимой 1993/94 г. автору настоящей статьи представилась возможность работать в США в течение двух месяцев (благодаря гранту по программе номинации фонда “Культурная инициатива”) и заниматься вместе с американскими коллегами и О.Е. Кошелевой обработкой компьютерной информации, касающейся состава Боярской думы Российского государства XVII в., для создания специального справочника. Первый вариант этого справочника был распечатан (ограниченное количество экземпляров) в 1995 г.: “*The Annual Composition of the Muscovite Boyar Duma, 1613–1713*”. Prepared by the Muscovite Biographical Group (Ol'ga Kosheleva, Russel Martin, Boris Morozov, Marshall Poe). Version 1.0 (объем 256 с.).

В сентябре 1994 – апреле 1995 г. благодаря получению стипендии IREX и статуса Visiting-Scholar в Брандайском и Гарвардском университетах автор этих

¹ Рос. газ. 1991, 19 июля. Имелась в виду книга: *Crummey R. Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia, 1613–1689*. Princeton, 1983.

² Кошелева О., По М., Мартин Р., Морозов Б. О создании центра по компьютерной обработке и изучению биографической и генеалогической информации в Российском государственном архиве древних актов // Вестн. архивиста. 1994. № 6(18). С. 103–104.

строк вновь присоединился к американским коллегам и начал новый этап в создании MBD – реконструкцию состава Боярской думы XV–XVI вв. Эта работа во многом отличалась от работы по компьютерной обработке сведений о боярской элите XVII в., основанных на архивных источниках. Как известно, русских делопроизводственных источников до XVII в., в которых отражалась деятельность служилых людей, сохранилось довольно немного. Большинство из этих источников опубликовано и использовалось при попытках реконструкции состава правящей элиты XV–XVI вв. как российскими, так и западными авторами. Причем западные ученые в большей степени, чем российские, представляли результаты своих исследований в виде таблиц. Наша идея состояла в том, чтобы создать сводные таблицы с учетом мнений всех авторов – специальный историографический Банк данных (разработка программы О.Е. Кошелевой и Е.А. Елпатьевской). Такой подход к решению проблемы позволил получить представление о различных мнениях в трактовке источников, выявить встречающиеся противоречия и ошибки и таким образом приблизить нас к реконструкции состава русской правящей элиты XV–XVI вв.

Созданный Банк данных состава Боярской думы XV–XVI вв. включает сведения о 600 лицах, содержащиеся в 8 тыс. записей. В целом в настоящее время функционирующий Банк включает в себя информацию более чем об 1 тыс. лиц (17 тыс. отдельных записей)³. В настоящее время работа над Банком сосредоточена в РГАДА, на его дальнейшую разработку был получен грант РГНФ 96-01-120054 (руководитель проекта Б.Н. Морозов; участники: К.В. Баранов, О.Е. Кошелева, Н.К. Молчанова, И.Г. Шаховцова). Банк находится в Отделе научно-справочного аппарата РГАДА, доступен как сотрудникам архива, так и всем исследователям⁴.

³ О проекте см.: Кошелева О., По М., Мартин Р., Морозов Б. Международный проект создания "Биографического Банка данных Российского государства (14–17 вв.)" // ОИ. 1992. № 6. С. 212–214 (эта публикация отражает первоначальную стадию разработки проекта, который в дальнейшем претерпел изменения); Они же. Некоторые итоги компьютерной обработки источников по истории Боярской Думы 17 в. // Словия и государственная власть в России. 15 – сер. 19 в. Международная конференция – Чтения памяти академика Л.В. Черепнина: Тез. докл. М., 1994. Ч. 1. С. 223–226; Они же. Опыт создания историографического Банка данных состава Боярской думы XV – начала XVII в. // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Москва, 29–31 января 1996 г. М., 1996. С. 181–184; Кошелева О. Биографический банк данных Российского государства (The Muscovite Biographical Database): Информ. бюл. Ассоциации "История и компьютер". 1994. Сент. № 12. С. 51–58.

⁴ Примечательным примером использования нашего Банка данных явилась работа зам. директора РГАДА Ю.М. Эскина по отождествлению 16 уникальных печатей членов Боярской думы, в большинстве анонимных, но помещенных в строгом соответствии с иерархией на грамоте 1633 г., адресованной членам Шведского риксдага. См.: Эскин Ю.М. Шестнадцать боярских печатей // Родина. 1997. № 10. С. 47–49.

О ПРОЕКТЕ ПОДГОТОВКИ ИЗДАНИЯ ВЕЛИКИХ МИНЕЙ-ЧЕТЬИХ МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ

Первая публикация Великих миней-четьих – свода древнерусских оригинальных и переводных памятников – была начата в 1868 г. Археографической комиссией по инициативе Авраама Сергеевича Норова, назначенного 14 августа 1851 г. ее председателем.

На заседании 8 декабря 1863 г. Норов, объяснив важное значение для отечественной истории и литературы Великих миней-четьих (ВМЧ) митрополита Макария, “закрывающих в себе самые разнообразные материалы, внесенные в них весьма часто целиком, а между тем не всегда известные не только в подлинниках, но даже и в списках”, предложил комиссии обсудить возможности издания этих книг с необходимыми примечаниями и сравнением различных редакций памятников, входящих в их состав. Комиссия признала научную важность проекта и выразила готовность “принять на себя” издание ВМЧ – “в высшей степени полезный труд для исследований по русской истории”¹.

Первое издание Великих миней-четьих, осуществленное Археографической комиссией в 1868–1916 гг. по списку миней, данных митрополитом Макарием в библиотеку московской кремлевской церкви Успения Богородицы (Успенский список), охватывает, однако, только меньшую их часть.

Полностью были изданы лишь тексты миней за сентябрь и октябрь; за ноябрь не были изданы 106 л. из 1284; за декабрь – ряд приложений, которые составляют примерно половину объема всей книги (л. 696–1156), в том числе сборник сочинений митрополита Фотия – “Фотиос”; в январе не вышли тексты, представляющие собой отдельные книги: Книга Василия Великого (01.01) – л. 28–256, Книга св. Селивестра и прп. Антония (02.01) – л. 265–360, Пророчество Малахино (03.01) – л. 386–388, т.е. недоставало 769 л. из 1345; в апреле не изданы толкования Феофилакта Болгарского на Евангелие Марка – (л. 315–361), Пандекты и Тактикон Никона Черногорца, т.е. было издано 544 л. из 979. Тексты за февраль, март, май, июнь, июль и август не издавались.

В целом из 13 617 л. Успенской рукописи вышли только 4495, т.е. менее трети.

Принципы воспроизведения текста ВМЧ неоднократно менялись на протяжении почти полувековой истории данного издания².

Следует заметить, что этот вопрос представляет значительный интерес не только конкретно для ВМЧ, но и в плане общих тенденций и истории развития публикаторской деятельности, выработки методик и подходов к изданию памятников различного типа, правил передачи текста и т.п. История средневекового славянского мира – это в первую очередь история текстов, письменных свидетельств о прошлом. Открытия памятников в монастырских библиотеках, объявления в научных журналах, выборочное цитирование находок, предваритель-

¹ ЛЗАК за 1863 г. СПб., 1865. Вып. III. С. 38. См. также: *Бычков А.Ф.* Воспоминания о деятельности Авраама Сергеевича Норова // Там же за 1867–1870 гг. СПб., 1871. С. 86–95. Прил. к протоколу 18 февраля 1869 г.

² Подробно об истории первого издания ВМЧ см.: *Кобяк Н.А.* К истории первого издания Великих миней-четьих митрополита Макария // *Abhandlungen zu den “Grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij”*. Freiburg, 1999. Bd. 1.

ные, порой любительские издания еще не создают прочного фундамента гуманитарного знания. Подлинная научная жизнь текстов в исследовательском мире начинается с академической публикации. Каждое новое поколение исследователей создает для себя источниковую базу, выдвигая свои принципы отбора и издания текстов и утилизируя существующий корпус публикаций. Нынешнее состояние науки о средневековье во многом обусловлено эдиционными программами 1860–1910 гг. Эти программы, хорошо известные специалистам, сыграли большую роль в развитии историко-филологических дисциплин³. Именно в процессе издания ВМЧ и других эдиционных программ 1860–1910 гг. Археографической комиссии сформировался, был утвержден (1905), а затем опубликован первый в русской научной публикаторской практике “Проект правил для отдельных изданий Имп. Археографической комиссии”⁴.

Мысль о необходимости создания если не совершенно нового, то по крайней мере продолженного старого издания Великих миней-четьих не раз высказывалась в литературе. Бесспорно их огромное значение для исследования как истории церковнославянского языка, так литературы и истории в целом. Все три рукописных списка Великих миней-четьих (Софийский, Успенский и Царский) в течение последних десятилетий были малодоступны исследователям. Принимая во внимание то центральное положение, которое занимает это монументальное произведение в истории культуры, языка и литературы “*Slavia Orthodoxa*”, доступ к полному и в научном смысле надежному изданию текстов Великих миней-четьих уже давно является насущной потребностью исследователей.

После первого прерванного проекта XIX–начала XX в., несмотря на усилия некоторых ученых, продолжить издание Великих миней-четьих в России не удавалось долгое время. В конце 80-х годов XX в. Экхардом Вайером (Славянский семинар университета г. Фрайбурга, ФРГ) была предпринята еще одна попытка издать эти тексты. Его усилия были поддержаны целым рядом русских исследователей из ГИМ (прежде всего коллективом сотрудников отдела рукописей – Т.В. Диановой, Л.М. Костюхиной, Е.И. Серебряковой, Э.В. Шульгиной), из Археографической комиссии (Н.А. Кобяк) и из ИРИ РАН (А.И. Плигузовым). С самого начала успешной реализации проекта способствовали глубокая заинтересованность и помощь председателя Археографической комиссии РАН академика РАО С.О. Шмидта и бывшего руководителя Центра по исследованию и изданию источников Института российской истории чл.-корр. РАН В.И. Буганова, а также заместителя директора ГИМ по международным связям Т.Г. Игумновой.

В 1991 г. между Археографической комиссией РАН, Государственным Историческим музеем, Славянским семинаром Фрайбургского университета и Фрайбургским издательством был подписан договор о совместной работе над изданием Великих миней-четьих. Была создана международная группа исследователей, первой задачей которой являлась подготовка к изданию текстов миней за март. Первый том из этой серии вышел из печати весной 1997 г., второй – летом 1998 г.⁵ Текстовая часть третьего тома также закончена, однако предстоит еще сделать указатели ко всему мартовскому тому. Этой работой в настоящее время занята Э.В. Шульгина.

Необходимую финансовую поддержку проекту оказало вначале Министерство науки и исследований земли Баден-Вюртемберг, а затем Немецкое научно-исследовательское общество (DFG).

³ См.: Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности. М., 1961.

⁴ ЛЗАК за 1905 г. СПб., 1907. Вып. XVIII. С. 1–14.

⁵ См. рецензии: *Naumov A.* Die Grossen Lesemenäen des Metropolitens Makarij / Weiher. Freiburg in Breisgau, 1997. Bd. I // *Slavia Orientalis*. Warszawa, 1998. T. XLVII, № 1. S. 113–114; *Večerka R.* Staroruské menologion (Makarijovy Minei čet'ji // *Opera Slavica*. Praha, 1998. T. VIII, № 4. S. 36–41; *Zanetti U.* Les “Grands Ménées” de Macaire de Moscou. Inventaire et soucier grecques (1–11 mars) // *Analecta Bollandiniana*. Bruxelles, 1998. T. 116. P. 331–353.

Начало работы над текстами поставило перед исследовательской группой немало практических научных и эдических задач, часть которых обсуждалась на симпозиуме, организованном Славянским семинаром Альберт-Людвиговского университета г. Фрайбурга 8–19 августа 1994 г.⁶

За время, прошедшее с этого первого симпозиума, наш проект стал известен научной общественности, например, из докладов на Международной конференции славистов в Инсбруке (25.05.1995), на научной конференции в честь 125-летия ГИМ (24.02.1997), на 7-й немецкой конференции славистов в Бамберге (01.10.1997), а также благодаря презентации первого опубликованного мартовского тома в Москве (22.05.1997).

Второй симпозиум по проблемам подготовки издания ВМЧ состоялся в декабре 1997 г. В нем приняли участие исследователи из Германии, Болгарии, России. Были заслушаны и обсуждены доклады профессора Э. Вайера о состоянии работы над проектом, А. Минчевой “Катехизис Кирилла Иерусалимского в ВМЧ” (в связи с подготовкой отдельного критического издания этого памятника по списку ГИМ Син. 478 (конец XI–начало XII в.), Хр. Фосса “Два староболгарских жития Иоанна Молчальника. Об отношении Супрасльской рукописи и ВМЧ”, Е.И. Серебряковой “Некоторые источники орнаментики в ВМЧ”, Т.В. Диановой “Водяные знаки Софийского списка ВМЧ”, Э.В. Шульгиной “Предварительный анализ состава томов Майской миней-четьи и Чудовской”, Н.А. Кобяк “Церковно-учительные сочинения митрополита Фотия в Великих минеях-четьих”⁷, У. Мюллер “Монастырские библиотеки Германии” (доклад сопровождался осмотром старейшей библиотеки монастыря Сант-Петер).

Вторая половина каждого дня симпозиума, как правило, была отдана обсуждению вопросов, имеющих отношение к проблемам подготовки текста следующих томов к изданию: составление указателей (к тому за март), подготовка нового тома – в настоящее время начат набор текстов, включенных в Великие миней-четьи за май, подготовка статей в I сопроводительный том.

Внутри исследовательской группы работа организована таким образом, что каждый из участников имеет возможность приобщиться ко всем сторонам подготовки издания: набору текстов на компьютере, сверке набора с рукописью, внесению исправлений в набор, повторной вычитке текста, исследованию отдельных особенностей рукописи или сочинений, в нее входящих.

В ходе подготовки были сделаны и небольшие, неизбежные при такой работе открытия. Самым значительным из них нужно считать находку в собрании Уварова (ГИМ) мартовского тома Софийского комплекта ВМЧ⁸, местонахождение которого до того было не известно.

⁶ См.: Кобяк Н.П., Плигузов А.И. Об издании Великих миней-четьих митрополита Макария: Хроника заседания во Фрайбурге // АЕ за 1994 год. М., 1996. С. 365–366.

⁷ Работа велась при финансовой поддержке РГНФ (грант № 96-04-106141).

⁸ См.: Серебрякова Е.И. О новонайденном мартовском томе Софийского комплекта Великих миней-четьих митрополита Макария (предварительные наблюдения) // Anzeiger für slavische Philologie. Graz / Austria, 1995. Bd. XXIII. S. 113–128; Она же. О кодикологических особенностях новонайденного мартовского тома Великих миней-четьих // Русская книжность: Вопр. источниковедения и палеографии. ТГИМ. М., 1998. Вып. 95. С. 5–14.

К ИСТОРИИ ЧУДОВСКИХ МИНЕЙ-ЧЕТЫХ 1600 г.

В ОР ГИМ хранится замечательное собрание рукописных книг митрополичьего Чудова монастыря Московского Кремля¹. Там находится известный комплекс миней-четых 1600 г., написанных по повелению архимандрита Пафнотия “с братиею”². “А сих книг миней тринадцать, занеже ноябрь месяц расплетен на двое”, – пишет чудовский книгописец³. По имеющимся описям с середины XIX в. и до нашего времени в Чудовском собрании насчитывается только 11 книг миней 1600 г. Миней за первую половину ноября и за декабрь отсутствуют⁴.

Поиски этих пропавших памятников не прекращались на протяжении многих лет. В конце 50-х годов XX в. М.Н. Тихомиров опубликовал записи на рукописях Чудовского собрания ОР ГИМ⁵. Высоко оценив научную ценность этого собрания, он рекомендовал провести полный палеографический анализ Чудовских миней 1600 г., с чем согласилась известный палеограф, заведующая ОР ГИМ М.В. Щелкина. Работа была поручена автору данной статьи⁶. Однако недостающие тома Чудовских миней 1600 г. тогда не были найдены. Когда же в 1991 г. оформился международный проект по изданию Великих миней-четых митрополита Макария (ВМЧ), в котором приняли участие сотрудники ГИМ, Археографической комиссии и Института истории РАН (со стороны России) и Фрайбургского университета (со стороны ФРГ), и пошла корректура текста Успенского списка ВМЧ, появилась необходимость обратиться для прояснения “темных” мест текста к Чудовским минеям.

Между тем в собрании А.С. Уварова ОР ГИМ А.А. Турилов обнаружил рукопись миней-четых за декабрь, которая по некоторым признакам могла принадлежать к комплексу Чудовских миней 1600 г.⁷ Рукопись написана на I + 800 + I листах бумаги русским полууставом старопечатной разновидности XVI в. Переплет XIX в. – доски в коже с тиснением, подражающим рисунку XVII в. Водяные знаки переплетных листов – литеры “ЛУЗФ/1839 // ЛФАС”⁸. Первые листы с текстом книги, где в Чудовских рукописях 1600 г. обычно размещается предисловие с указанием места и даты их написания (Чудов монастырь, 1600 г.), в Уваровской рукописи отсутствуют.

Анализ бумаги и водяных знаков Уваровского кодекса показывает следующее. Это бумага средней плотности, с частыми вержерами и понтюзо шириной

¹ В 1889 г. собрание было включено в Синодальную библиотеку, а после передачи последней в 1920 г. в ГИМ оно снова обрело свою самостоятельность. См.: Щелкина М.В., Протасьева Т.Н. Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1995. С. 23–24.

² Описание рукописей Чудовского собрания / Сост. Т.Н. Протасьева. Новосибирск, 1980. С. 177–186.

³ Там же. С. 178.

⁴ Рукописная “Опись книгохранилища письменности” 1861 г.; Костюхина Л.М. Книжное письмо в России XVII в. М., 1974. С. 7; Описание рукописей Чудовского собрания. С. 177.

⁵ Тихомиров М.Н. Записи XIV–XVII вв. на рукописях Чудова монастыря // АЕ за 1958 год. М., 1960. С. 11–36.

⁶ См.: Костюхина Л.М. Указ. соч. С. 1–228.

⁷ ОР ГИМ. Увар. 319–1° (1041, 264). Автор статьи благодарит А.А. Турилова за то, что он обратил его внимание на эту рукописную книгу как на возможный том Чудовских миней 1600 г.

⁸ Uchastkina Z.V. History of Russian Hand Paper Mills and their Watermarks. Hilversum, 1962 (Monumenta Chartae Papiraceae Historiam Illustrantia). Vol. IX, № 349, 350.

2,2 и 1,9 см. На ее листах имеются шесть разновидностей водяного знака “Кувшин одноручный под короной и цветком” с литерами на тулове: “СГ” и “ИГ” – по добн. Брике, 12751, 1594 г., Лихачев, 1953, 1954, 1597 г.; “IG” – Дианова, № 41, 1607 г.; “Dq” – Брике, 12721, 1594 г.; Лихачев, 1949, 1950, 1594 г.; “G^PG” – Брике, 12736, 1597 г.; Лихачев, 3327, 1601 г.; Дианова, № 61, 1604 г.; “G^IG” – Дианова, № 40, 1604 г.; “LG” – Брике, 12757, 1583 г.⁹ Аналогичные водяные знаки, в том числе вержеры и понтюзо, имеются в ноябрьской и январской Чудовских минеях 1600 г.¹⁰ В январской Чудовской Минее добавлена бумага с водяными знаками “Буква В в гербовом щите” и несколькими польскими гербами того же времени, что и бумага со знаком “Кувшин”¹¹.

Уваровская минея украшена так же, как и Чудовские минеи 1600 г. На ее листах расположены киноварные инициалы двух видов – большие растительно-геометрические и малые геометрические, идентичные инициалам Чудовских миней. Заглавия выполнены вязью, киноварью того же оттенка, что и в Чудовских минеях, с показателем вязи ~ 5, 5, со всеми характерными элементами этого вида декоративного письма времени царя Феодора Иоанновича¹².

Почерк Уваровской минеи тождествен почерку одного из писцов Чудовских миней 1600 г. Этот писец – единственный из 22 мастеров, написавших Чудовские минеи 1600 г., который назвал свое имя – Тихон. “Писал слушка Тиханка ЗРЗ (7107–1599 гг. – Л.К.)”, – читается в записи, сделанной им зеркальной тайнописью на поле листа 804 об. сентябрьского тома, и “...иса Тиханка слушка ЗРЗ (7107–1599 г.)” – обычным письмом на поле листа 110 об. июльского тома¹³.

Письмо службы Тихона – полуустав со старопечатной основой – отличается рядом индивидуальных особенностей начертаний букв и стиля. Почерк некрупный, ритмичный, с легким наклоном вправо, отточенно каллиграфический. Для него характерны: “Б” с округлой петлей, “В” – трапециевидное с несколько выгнутыми боковыми стенками, “Г” – с выступающей слева за мачту удлиненной крышей, “Д” – с удлиненными ножками, правая из которых заметно скошена, “Е” – более широкое, чем в печатном шрифте, выходящее нижней петлей под строку, два варианта “Ж” (с одной или двумя закрытыми верхними петлями вместо усиков), “зело” – несколько вытянутое по вертикали, с увеличенной нижней петлей, “земля” – с круглой открытой верхней петлей и часто со змееобразным хвостом, тянущимся под строкой, “К” – правая часть скруглена и довольно далеко отстоит от левой мачты, “Л” – с вытянутой левой мачтой, уходящей вниз под строку, “П” – с выступающими над мачтами краями крыши, “Р” – с удлиненной мачтой, “Т” – в три мачты, “У” и “Х” – узкие, вытянутые по вертикали, “Ц” и “Щ” – с удлиненными хвостами, “Ш” – с основанием, выступающим за мачты, “Ъ”, “БГ”, “Б”, “Ѣ” – с округлыми петлями и “Ѥ” с высокой мачтой и изогнутой перекладиной. Украшением почерка служат разнообразные лигатуры. Чаще других встречаются “ЛГ”, “ДИ”, “ИЖКО”. Все эти приметы характерны и для почерка писца Уваровской минеи. Следовательно, Уваровская минея написана писцом Тихоном.

Наконец, подтверждением принадлежности Уваровской минеи Чудовскому комплексу миней 1600 г. служит полузатертая, с трудом читаемая на ней запись скорописью первой четверти XVII в.: “Книга Чюдова монастыря, подписал кни-

⁹ Briquet Ch.M. Les filigranes. Genève, 1907; Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899; Дианова Т.В. Филигрань “Кувшин” XVII в. М., 1989.

¹⁰ ОР ГИМ. Чуд. 309, 310.

¹¹ ОР ГИМ. Чуд. 310. Брике, 8079, 1580 г. (варианты группы – до 1598 г.); Лихачев, 3051. 1602 г.; Каманин Д., Витвицка О. Водяні знаки на папері українських документів XVI і XVII вв. Київ, 1923 (№ 84, 1590 г.; № 189, 1597–1598 гг.).

¹² Щепкин В.Н. Русская палеография. М., 1967. С. 47.

¹³ ОР ГИМ. Чуд. 307. Л. 804 об.; Чуд. 316. Л. 110 об. Запись в Чуд. 316 частично срезана и затерта.

гохранитель чернец Симон”¹⁴. Подобной записью помечена и августовская ми-
нея Чудова монастыря 1600 г.¹⁵

Итак, палеографическое и кодикологическое исследование рукописной ми-
неи-четьи Уваровского собрания ОР ГИМ № 319–1° дает возможность утвер-
ждать, что она является недостающим в комплексе Чудовских миней 1600 г. де-
кабрьским томом.

Когда же ушла эта рукописная книга из Чудова монастыря Московского
Кремля и как оказалась в собрании графа А.С. Уварова? Описи чудовского кни-
гохранилища и другие источники по его истории немногочисленны, с большими
временными лакунами, что не позволяет нам представить достаточно полно кар-
тину бытования его памятников. Судя по цитировавшейся в настоящей статье
владельческой записи книгохранителя Симона, декабрьская миная в XVII в. еще
находилась в Чудове монастыре. Далее известно, что к 1836 г. она числилась в
собрании купца И.Н. Царского¹⁶. После его кончины в 1853 г. собрание было
приобретено А.С. Уваровым и в 1917 г. вошло в состав фонда ОР ГИМ¹⁷. Мож-
но предположить, что декабрьская миная исчезла из Чудова монастыря во время
захвата французами Москвы в 1812 г. Кто-то из продавцов или посредников про-
дал ее И.Н. Царскому. При этом подлинный переплет книги конца XVI–начала
XVII в. был заменен на подражательный XIX в. Кроме того, были выдраны ли-
сты с предисловием 1600 г. архимандрита Пафнотия и затерта запись XVII в. кни-
гохранителя Симона о принадлежности книги Чудову монастырю. Так Чудов-
ская декабрьская миная 1600 г. стала безымянной рукописью конца XVI в.,
хранящейся в Уваровском собрании ОР ГИМ, и только теперь она обрела свое
настоящее имя.

¹⁴ ОР ГИМ. Увар. 319–1°. Л. 800 об.

¹⁵ Там же. Чуд. 317. Л. 678 об.

¹⁶ Строев П. Рукописи славянские и российские, принадлежащие почетному гражданину и Археогра-
фической комиссии корреспонденту Ивану Никитичу Царскому. М., 1848. С. 239.

¹⁷ См.: Щепкина М.В., Протасьева Т.Н. Указ. соч. С. 78–80.

Ю.В. Андриюшайтите

ЗНАЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФИЛИГРАНОВЕДЕНИЯ

Четверть века назад волею судеб, имя которым Э.Т. Лауцявичюс, Т.В. Дианова и С.О. Шмидт, мне как сотруднику Археографической комиссии пришлось заняться филиграноведением. В освоении этой новой для меня области большую роль сыграли опыт, накопленный в комиссии при создании Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, и ее связи с зарубежными учеными. Изучение филиграноведения вообще, а отечественного особенно (поскольку русская бумага начала систематически поступать на рынок только с XVIII в.) невозможно без учета международного опыта. Слабые контакты наших филиграноведов с западными коллегами почти весь советский период тормозили развитие этой дисциплины в России.

Значение международных связей Археографической комиссии в развитии отечественного филиграноведения в 1970–1990-е годы можно проследить по следующим линиям: 1) изучение истории филиграноведения и издание первого и единственного на сегодня перевода на русский язык крупнейшего филиграноведческого труда Э.Т. Лауцявичюса (1906–1973) “Бумага в Литве в XV–XVIII вв.” (Вильнюс, 1967. На лит. яз.); 2) продолжение библиографии филиграноведения; 3) пополнение библиотечного фонда АК редкими изданиями; 4) описание коллекций водяных знаков филиграноведов СССР, часть из которых (Эстонии, Латвии, Литвы и Украины) теперь остались в странах ближнего зарубежья; 5) организация и участие в конференциях филиграноведов.

Изучение нами истории филигрanei пришлось на период перевода труда Лауцявичюса, получившего в 1967–1969 гг. международное признание. За эталон были взяты издания русских филиграноведов З.В. Участкиной (Хильверсум, 1962. Мопумента... Vol. IX), К.Я. Тромонина (Хильверсум, 1965. Vol. XI), выпущенные на английском языке Международным обществом по истории бумаги.

Возникшие при переводе вопросы потребовалось (по причине смерти автора монографии) выяснять по научной литературе и с виднейшими специалистами. И тут на помощь пришла О.А. Князевская с ее доброй душой и широкими связями. Установив контакт с известным югославским славистом и филиграноведом профессором В.А. Мошиным, удалось выяснить, что от мысли издать атлас филигрanei “кабан” (как об этом писал Э. Лауцявичюс) он отказался. Другой, более сложный вопрос возник в связи с утверждением автора об эмиграции в Голландию семьи известных бумажных мастеров Жардель (Jardel) после отмены Нантского эдикта 1685 г. Литература этого не подтверждала. Голландский ученый-славист У. Федер по нашей просьбе проверил в Валлонской библиотеке Амстердама неопубликованный каталог “Fichier des noms Wallons et Huguenots aux Pays-Bas”, констатировав отсутствие в нем фамилии Жардель. Подтвердили эти сведения и французские знатоки бумаги А. Базанова и А. Гаше¹, с которыми у

¹ См. об этом: Лауцявичюс Э. Бумага в Литве в XV–XVIII вв. / Сокр. пер. с лит. Ю.В. Андриюшайтите. Вильнюс, 1979. С. 82, 140–141; Андриюшайтите Ю.В. О работе Э. Лауцявичюса “Бумага в Литве в XV–XVIII вв.” и некоторых вопросах перевода филиграноведческой литературы // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 78–79.

меня через У. Федеру и О. Князевскую завязалась большая переписка. Учитывая неисследованность этого вопроса, Гаше предлагал даже написать совместную работу на основе изучения бумаги разных стран, но, к сожалению, его кончина не позволила этого сделать.

В 70–80-е годы возникла острая необходимость продолжения специальной библиографии филиграноведения, заложенной крупнейшим нашим филиграноведом С.А. Клепиковым. В первую очередь необходимо было собрать и опубликовать справочники филиграней и книги по истории бумаги с воспроизведением и описанием знаков, вышедшие как у нас в стране, так и за рубежом. Что касается зарубежных изданий такого рода, то в библиотеках страны они были представлены плохо. Даже наиболее полная подсобная библиотека ОР БАН, по подсчетам А.А. Амосова², в начале 80-х годов располагала приблизительно 40% мировой литературы по филиграноведению (думается, что сегодня положение не лучше, хотя увеличение копировальной техники в последние годы позволило отдельным учреждениям пополнить библиотеки альбомами филиграней). Поэтому моя работа “Материалы к библиографии по филиграноведению”³ смогла появиться в значительной мере благодаря щедрой благотворительности У. Федеру, который передал Археографической комиссии ценные информационные материалы Международного общества историков бумаги: “IPH Information”, “IPH Yearbook” и др. Оказывали помощь присылкой изданий комиссии и другие зарубежные коллеги.

В связи с этим подсобная библиотека АК пополнилась редкими изданиями. Бюллетень “IPH Information” до 1978 г. имеет ОР БАН (из архива С.А. Клепикова), с 1979 по 1992 г. – АК, а за последнее десятилетие – ОР ГИМ (Т.В. Дианова получила их от Дж. Симмонса). В других библиотеках его нет. Таким образом, есть возможность, не говоря о необходимости, продолжить библиографию филиграноведения. От У. Федеру мы получили также материалы ряда конгрессов Международного общества историков бумаги (в прошлом году мне были присланы и тезисы докладов последнего, 23-го конгресса в Лейпциге), справочные голландские издания, бесценный “Словарь и энциклопедию бумаги и бумажного производства” Э. Лабарра (Амстердам, 1952. На англ. яз., репринт 1969 г.) и т.д. Благодаря давним связям С.О. Шмидта с известным книговедом-славистом Дж. Симмонсом, а также участием сотрудников АК в проверке источников для перевода труда 1899 г. одного из основателей филиграноведения Н.П. Лихачева, мы получили в дар его английское переиздание, готовившееся много лет и ставшее последним, XV томом в серии “Monumenta...”, издававшейся Обществом публикацией по истории бумаги⁴. АК способствовала получению этого издания и другими архивами и библиотеками.

Одним из путей комплектования нашей библиотеки стал и “бартерный” обмен: Варшавская библиотека попросила прислать ставший библиографической редкостью первый выпуск “Методического пособия по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР” (М., 1973) в обмен на альбом филиграней Я. Синярской-Чаплицкой (*Czaplicka-Siniarska J. Katalog filigranów papierni polskich 1500–1800 g. Łódź, 1893*); в обмен на

² Амосов А.А. Проблема точности филигранологических наблюдений. 1. Терминология // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюз. конф. Л., 1981. С. 73. Примеч. 10.

³ См.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3, ч. 1. С. 95–135.

⁴ Likhachev's Watermarks. An English-language version. Amsterdam, 1994. Vol. 1–2. См. рец.: Шмидт С.О. Новое издание труда Н.П. Лихачева “Палеографическое значение бумажных водяных знаков” // ОА. 1994. № 6. С. 111–112; Андрушайтите Ю.В., Лифшиц А.Л., Мироненко М.П. Новые английские справочные издания по славяно-русской палеографии и росписке // АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 311–315.

АЕ давно поступают некоторые болгарские, сербские издания, немецкий журнал "Archivar".

Что касается участия в Международном обществе историков бумаги, то в советское время в нем состояли, участвовали с докладами на его конгрессах и публиковали свои статьи в "IPH Information" только бумаговед З.В. Участкина и филиграновед С.А. Клепиков. После их смерти Россия осталась без представительства. Раньше этот вопрос упирался в идеологические (политические) и финансовые трудности. Сегодня существуют только финансовые проблемы, которые можно преодолеть и установить членство в Обществе, что позволит иметь прямые контакты и систематическую информацию о зарубежной филигранологии. Сейчас информация поступает лишь благодаря личным связям.

На первом (и единственном) Всесоюзном совещании по филиграноведению в мае 1987 г. в Москве, организованном Археографической комиссией, БАН и ГИМ, участвовало около 80 специалистов, в том числе из Украины, Грузии, Эстонии. Эти республики ныне стали нашим ближним и дальним зарубежьем. Филиграноведы Украины, Эстонии, вышедшие благодаря совещанию на всесоюзную научную арену, продолжают работать в республиках и "проторили" пути на Запад (О. Мацюк и супруги Уттер публикуют свои статьи в бюллетене "IPH Information", участвовали с докладами на 23-м конгрессе историков бумаги в 1996 г. в Лейпциге). К сожалению, уже готовившееся О. Мацюком очередное совещание филиграноведов во Львове не состоялось в связи с распадом Союза. Ы.П. Уттер продолжала пользоваться консультациями по источникам ОР ГИМ. Но в ответ на извещение о подготовке к печати списка коллекций водяных знаков, составленного мной еще по сведениям участников совещания, ответила отказом (не желая помещать материал в сборнике из бывшего СССР). К сожалению, А.А. Амосов, собиравшийся издать этот "Список коллекций, альбомов водяных знаков и неопубликованных филиграноведческих работ, находящихся в государственных хранилищах на территории бывшего СССР и у частных лиц", не успел этого сделать, а машинописный экземпляр затерялся в его архиве. Нужно найти и издать этот ценный материал.

В 1994 г. в Вильнюсе проходил Международный семинар памяти Э.Т. Лауцявичюса⁵. По приглашению Центральной библиотеки АН Литвы автор настоящих строк выступила с докладом о монографии Лауцявичюса и ее переводе; передала в личный фонд Лауцявичюса черновой указатель водяных знаков к монографии с его правкой. На семинаре впервые прозвучала правда о тех трудностях, которые испытывал ученый в издании своих трудов в советское время. К чести Археографической комиссии в этой ситуации она оказала поддержку филиграноведу. В 1994 г. в Вильнюсе вышла первая книга о Лауцявичюсе, отрецензированная в русской печати⁶.

В 1996 г. в Лейпциге состоялся 23-й конгресс Международного общества историков бумаги по проблеме "История бумаги как вспомогательная научная дисциплина". В связи с финансовыми трудностями мое участие выразилось лишь в посылке тезисов "Особенности развития филигранологии в России". В ответ любезные организаторы прислали отпечатанные тезисы всех докладчиков конгресса.

Хочется надеяться, что международные связи филиграноведов со стабилизацией положения в нашей стране будут укрепляться и в дальнейшем.

⁵ См.: *Андрюшайтите Ю.В.* Международный семинар, посвященный Э. Лауцявичюсу // АЕ за 1994 год. М., 1996; *Vaigonytė E.* Kiek daug gali vienas žmogus // Tarp knygų. Vilnius, 1994. N 4.

⁶ *Андрюшайтите Ю.В.* Рец. на кн.: *Якялайтис В.* Эдмундас Лауцявичюс: Знаем ли мы его? Вильнюс, 1994 // ОА. 1996. № 1.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИКОЛАЯ ЛЕОНИДОВИЧА РУБИНШТЕЙНА

С.О. Шмидт

СУДЬБА ИСТОРИКА Н.Л. РУБИНШТЕЙНА

Н.Л. Рубинштейн

Николай Леонидович Рубинштейн родился 11(23) декабря 1897 г. Заседание его памяти Археографическая комиссия проводила совместно с Государственным Историческим музеем, где Н.Л., как заместитель директора, возглавлял научную работу в 1943–1949 гг., и с Историко-архивным институтом РГГУ, ставшим в 1957 г. последним местом его преподавательской деятельности.

В середине нашего столетия даже среди самых выдающихся советских историков России Н.Л. выделялся не только широтой и многообразием фундаментальных исследовательских интересов и редкостной образованностью (глубокие знания в области всеобщей, точнее сказать западноевропейской, истории, права, экономики, истории искусств и литературы), но и своеобразием творческой манеры: социолого-конструктивная направленность мысли и восприятие всякого исторического явления как части системы совмещались

со склонностью к детальнейшему изучению отдельных фактов (или групп их) с применением многообразных эвристических методик специальных исторических дисциплин. При этом Рубинштейн – и крупнейший исследователь, и новатор-преподаватель, создатель научной школы, и неумолимо изобретательный организатор работы в сфере науки истории и музейного дела. Творческая деятельность Н.Л. – славная и поучительная страница в истории развития исторической мысли, а преследование этого благородного труженика, целью работы которого была общая польза, – один из убедительных показателей аморальности сталинского режима. Счастливым уцелевшим в годы массовых репрессий второй половины 1930-х годов, Н.Л. пал жертвой разнузданной борьбы с так называемым космополитизмом, что сказалось на его здоровье, лишило возможности созидания научной школы в Московском университете и в Историческом музее, стало по-

мехой в завершении работы и в плане обобщения новых наблюдений в сфере историографии, и в выполнении замысла написать обобщающий труд по социально-экономической истории России второй половины XVIII в.

Значение и того, что успел завершить ученый, очень велико, а личность Н.Л. оставила большой след в душе тех, кто с ним общался. Рубинштейну, пожалуй, первому из историков его поколения посвящен аналитический по мысли большой биографический очерк, основанный на изучении и архивного материала. Это – статья его друга университетского профессора С.С. Дмитриева, напечатанная в 1964 г. с приложением списка печатных трудов Н.Л. в 72-м выпуске Ученых записок Горьковского университета (Нижний Новгород). Статья Дмитриева стала в те годы важным историографическим фактом и потому, что в определенной мере стимулировала появление статей других авторов в схожем стиле, но с еще большей, пожалуй, акцентировкой индивидуального отношения к своему герою, – об историках М.Н. Тихомирове в “Археографическом ежегоднике за 1965 год” и А.Л. Сидорове в “Исторических записках” (Т. 80).

С.С. Дмитриев обратил внимание читателей на то, что имеет место смешение иногда двух историков с одинаковыми не только фамилиями, но и именами и отчествами. Это представляется тем более существенным, что другой Н.Л. Рубинштейн (1902–1952) – тоже доктор исторических наук, специалист по истории советской внешней политики – выступал в печати и по вопросам историографии: в 1920-е годы – о славянофилах, с апологетическими статьями о М.Н. Покровском, а в 1939 г. – с обличением того же Покровского (в журнале “Под знаменем марксизма”. № 5). В статье того же журнала (№ 5 за 1924 г.) “М.Н. Покровский – историк России” он провозглашал: “Теперь мало кто заглядывает в работы Ключевского, забыт Платонов...”, а нашему Н.Л. Рубинштейну мы обязаны подготовкой в 1930-е годы к печати курса лекций Ключевского, статьями об этом, поддержкой нового издания книги С.Ф. Платонова “Очерки смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.” (1937). В мои университетские годы, чтобы устранить возникающую путаницу, другому Н.Л. Рубинштейну дали прозвище “Генкин муж” (его супругой была известная историк профессор Э.Б. Генкина).

Материалы о Н.Л. печатались в сравнительно недавнее время и в Москве и в Саратове, где он преподавал в годы эвакуации (в сентябре 1941 – октябре 1942 г. заведовал кафедрой истории народов СССР исторического факультета Саратовского университета; одно время был и деканом исторического факультета). В Археографических ежегодниках опубликованы статьи о Н.Л. (причем заказанные редакцией): в АЕ за 1985 год статья И.В. Ковалева “Материалы по социально-экономической истории России XVIII в. в рукописном наследии Н.Л. Рубинштейна”: в основе этого обзора материалов личного фонда Н.Л. в РГБ – работа моего дипломника по Историко-архивному институту, которая, к сожалению, не переросла в диссертацию, так как автор уехал тогда из Москвы. Но выявленное им убеждает в том, что можно и полезно издать книгу в той или иной мере подогретенных к печати трудов Н.Л. такой тематики, присоединив к ним напечатанные при жизни статьи. В АЕ за 1989 год опубликована статья старейшины нашего музееведения А.Б. Закс “Н.Л. Рубинштейн во главе научной работы Государственного Исторического музея (1943–1949 гг.): По материалам архива ГИМ и личным воспоминаниям”. В 1988 г. в Издательстве Саратовского университета вышла книга (правда, малотиражная) “Проблемы экономической истории и теории: Межвузовский научный сборник. Вып. 2, ч. 4”, посвященный памяти Н.Л. Он предварен статьей В.В. Пугачева и В.А. Динеса “Николай Леонидович Рубинштейн и экономическая история” (С. 3–18), в которой предпринята попытка рассмотреть биографию историка и “контекст личности с обстановкой” (выражение знаменитого синолога академика В.М. Алексеева). Н.Л. посвящен и недавний очерк А.Н. Цамутали в издании 1997 г. Института российской истории РАН (“Историческая наука России в XX веке”). Материалы юбилейной конфе-

ренции, публикующиеся в настоящем томе “Археографического ежегодника”, еще в большей степени обеспечат источниковую базу для написания книги об историке Н.Л. Рубинштейне; а такая книга важна для изучения не только истории исторической науки и распространения исторических знаний, но и общественной жизни нашей страны в советский период.

Очевидно, что при сочинении такой книги, как и других трудов о жизни и творчестве Н.Л. – а его жизненный путь – это прежде всего творческий путь, – исходить нужно из последней опубликованной при его жизни статьи “О путях исторического исследования” в журнале “История СССР” за 1962 г. (№ 6). Она написана по предложению редколлегии журнала, задумавшей напечатать цикл статей о творческом опыте советских историков. Это документ и биографический, и собственно историографический. Из статьи о формировании исследователя и его творчестве, о тематике и методике работы ученого, преподавателя, организатора науки явствует, каким историографическим фактам Н.Л. придавал наибольшее значение, как он использовал разработанную им шкалу ценностей историографических источников применительно к собственной научной биографии, что он полагал необходимым подчеркнуть, от изложения чего в той или иной мере уклонился и почему. Статью эту интересно сравнить с другими, схожего содержания, причем не только с напечатанными примерно тогда же в том же журнале, но и с иными – в частности, с Автобиографической запиской С.Ф. Платонова 1920-х годов. Тем самым выясняется, какими критериями (и в какое время) руководствуются крупные и высокообразованные историки при определении кажущихся им значительными историографических фактов, осмысливая особенности своего жизненного пути на карте развития исторической науки. Полагаю, что у Н.Л. подход к отдельным разновидностям историографических фактов формировался постепенно в процессе все более углубленной разработки историографической проблематики. Статью “О путях исторического исследования” рекомендовал бы как обязательную литературу при подготовке студентов к экзаменам и по историографии и по источниковедению, а аспирантов – к сдаче кандидатского минимума. Думается, что и автор рассчитывал на учительные размышления молодого читателя.

В статье сформулированы положения, объясняющие многое в творческой биографии самого Н.Л. – и в его личной научной работе, и в его методике преподавателя и научного руководителя. Н.Л. убежден был в том, что “теоретическое изучение вопроса и разработка конкретным фактического материала должны идти рука об руку: не может быть плодотворного накопления фактических данных без предварительного выяснения для себя основных теоретических посылок, без последовательного параллельного анализа и научной систематизации уже собранных данных”¹. Убежден он был и в том, что “серьезное конкретно-историческое изучение всегда включает его историографическое осмысление”².

В статье Н.Л. использовал свободу высказаться о том, каким требованиям должна отвечать работа историографа. Это было внутренне необходимо сделать Н.Л. и потому, что его вынудили достаточно жестко идеологизированно и политизированно сформулировать представления о подходе к занятиям историографией в статье “Основные проблемы построения русской историографии”, напечатанной в журнале “Вопросы истории” за 1948 г. (№ 2), и раньше ему не представляли возможности печатного ответа тем, кто намеренно необъективно выступал против его книги “Русская историография” в 1948–1949 гг. В статье 1962 г. заметны элементы и самооценки, и оценки-предостережения трудов некоторых из тех лиц, кто возомнил себя историографом после разгрома

¹ ИСССР. 1962. № 6. С. 96–97.

² Там же. С. 101.

книги Рубинштейна. Н.Л. писал: “Историографическая тема – не только конкретно-историческая, но требует также особо серьезной методологической и философско-исторической трактовки. Историографическое изучение требует наличия соответствующих исторических знаний в области той тематики, которой занимался изучаемый историк. Историограф должен обладать определенной исторической научной компетентностью, а это означает требование научной зрелости от избирающего историографическую тематику”³.

Позволю себе поделиться некоторыми дополнительными соображениями сравнительно с тем, что писал Н.Л. о себе и что узнаем из статей, ему посвященных, сведениями из переписки Н.Л. с М.Н. Тихомировым, а также памятными печатлениями (и документацией) очевидца “проработки” Рубинштейна.

Вероятно, все-таки не в должной мере выделяют счастливую способность Н.Л. претворять в целенаправленное творчество именно историка все воспринимаемое им. Это творчество обогащали и книги, и общение с людьми, и ознакомление с культурным и природным наследием, а наблюдения над явлениями всеобщей истории всегда вели к сопоставлениям и ассоциациям из изучаемой им отечественной истории. Это свойство умственной природы Н.Л. можно было наблюдать и во время научных заседаний, в публичных докладах, в беседе. Иногда оно было необычайно заразительным. К обычной информации на уровне новостей-сплетен Н.Л. оставался безучастен: у него не возникало вслед за тем интересных ему самому творческих ассоциаций – и в его обществе, тем более в его доме, разговоры на такие темы не имели места. Но наблюдения над подобными явлениями, над обусловленными ими поступками людей оседали, конечно, в сознании Н.Л., как и опыт размышлений философов и писателей о темном в человеческой натуре. И он с мудрым достоинством, не опускаясь ни до перепалки, ни до унижительного и неискреннего покаяния, оставаясь неизменно воспитанным, претерпевал то, что выпало на его долю с конца 1940-х годов, сказанное и сделанное теми, кто еще совсем недавно старался демонстрировать совершенно иное отношение к влиятельному тогда деятелю науки. Конечно, и опыт истории, и опыт личного существования при тоталитарном режиме Н.Л. многому научили. Но и это не могло изменить столь привлекательного в своей основе – особенно у человека такой интенсивной умственной работы и столь высокого интеллекта – доброжелательного отношения к людям. Он сохранял и прежде простодушие, и доверчивость.

Не отмечены пока и особенности вхождения Н.Л. в среду влиятельных московских историков. Он переехал в Москву в период резкого обострения взаимоотношений историков и неприкрытого партийного вмешательства в повседневность исторической науки. Слышны были отзвуки “Академического дела”, когда арестовали видных ученых “старой школы” и их учеников, а труды этих историков публично шельмовались. Арестован и лишен звания академика был и Д.Б. Рязанов, целенаправленно старавшийся привлечь “спецов” к строительству “социалистической” культуры. Назревали серьезные конфликты и в среде воинствующих выпускников Института красной профессуры, особенно в связи с усилившейся болезнью М.Н. Покровского. Немало предопределялось тогда давними еще личностными связями (по Московскому университету и РАНИОНу, Институту красной профессуры). Отсутствие у одессита Н.Л. таких прилипчивых многолетних контактов, пожалуй, облегчило его положение. А познакомившись с ним, нетрудно было почувствовать, что по своему характеру Н.Л. не склонен к участию в групповых конфликтах.

В то же время он – один из немногих молодых историков – имел уже научное имя, и выступления его на конференции историков-марксистов 1928 г. выделялись и эрудицией и серьезностью. Он сразу же воспринимался как чуждый ин-

³ Там же. С. 113.

тригланства и искательства (и потому уже в определенной мере не опасный), как трудолюбивый и ответственно относящийся ко взятым на себя деловым обязанностям серьезный специалист по отечественной истории (причем по феодальному ее периоду, оголенному после ареста московских профессоров) и в области относительно политически нейтральных специальных исторических дисциплин. Известно, было, что в конце 1920-х годов Н.Л. импонировала теоретическая активность Покровского но себя он не запятнал разоблачительными выступлениями против ученых “старой школы” поколения своих университетских учителей. Внутренняя порядочность Н.Л. была очевидна. Это обусловило отсутствие сопротивления (причем в несходных по взглядам и имеющимся уже традициям группировках историков) восхождению Н.Л. по ступеням научной карьеры.

Но еще существеннее, видимо, то, что Н.Л. в большей мере, чем кому-либо из историков России его поколения, присущи были склонность и способность к теоретическим построениям (причем со стремлением глубже овладеть прежде всего теорией марксизма-ленинизма) и в то же время основательность исследовательской методик, даже навыки ученого-эрудита классического образца. Тогда стал уже проникать в работу историков (и в исследования, и в преподавательскую деятельность, и особенно в публичные выступления – и печатные и устные), так сказать, цитатный марксизм. Довольствовались набором цитат из трудов тех, кого величали классиками марксизма-ленинизма (или в просторечии просто “классиками”), которые в обязательном порядке фигурировали в написанном и сказанном историками. В основном это были цитаты конкретно-исторического содержания (как скажем, молодого В.И. Ульянова о “всероссийском рынке” или, позднее, И.В. Сталина об особенностях образования в России централизованных государств), но иногда и более широкого плана (о значении классово-борьбы, революции, о влиянии экономики на политику, идеологию и др.). Считалось, что это и есть овладение марксизмом, – и знаменитый наш пожилой историк В.И. Пичета, когда его принимали в партию на историческом факультете МГУ, наивно заявил, что он знает все, что Маркс и Ленин написали о феодализме. Дискуссии сводились зачастую тоже к толкованию известного уже набора цитат – цитат достаточно хорошо известных, так как страницы с ними включали в обязательный список литературы по кандидатскому минимуму.

Рубинштейна отличало то, что он вдумчиво и последовательно изучал все наследие “классиков”, обнаруживал там то, что еще не входило в обиход историков, старался рассматривать написанное “классиками” в контексте развития исторической (а также философской, экономической) мысли, вообще общественного сознания, причем в масштабе не только отечественной, но и мировой истории. Другие ученые такого обычно избегали, или им было это недоступно. В наши аспирантские годы подобный подход Н.Л. к трудам “классиков” (как и близкий по методике подход Е.А. Косминского, С.Д. Сказкина, Б.Ф. Поршнева) казался некоторым из нас особенно привлекательным, наталкивал на самостоятельную работу в том же направлении. И в этом отношении Н.Л. был одним из главных моих университетских учителей, хотя непосредственно под его руководством ни одной работы не готовил.

Потому-то лишь Н.Л. мог взвалить на себя труд написать и книгу по историографии, и обобщающую работу по истории нашей страны (для Большой Советской Энциклопедии). Именно его консультациями дорожили ученые в смежных областях науки. Помню, как его пригласили в середине 1940-х годов выступить в Институте мировой литературы Академии наук с докладом об особенностях развития и основах периодизации нашей истории и с каким интересом – с участием видных литературоведов – обсуждался этот доклад.

Не будем сейчас останавливаться на том, что Н.Л. старался освоить и даже пропагандировать историко-футурологическую концепцию, оказавшуюся утопией. И он, и многие другие честные люди верили в то, что наступает новая эра,

тем более люди его поколения, воочию видевшие грандиозные социокультурные изменения в окружающем их обществе и знакомые с историко-теоретическими обоснованиями этих изменений. Н.Л. стремился осмыслить официальные общественные теории (прежде всего относящиеся к объяснению прошлого) и определить и для себя самого, и для других их исторические корни и место в перспективном развитии общественного сознания, научного мышления. Он полагал, что марксизм-ленинизм – это непрерывное движение; и именно эту цитату из раннего сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса Н.Л. счел важным привести в предисловии к “Русской историографии”: “Мы называем коммунизмом **ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ** движение, которое устраняет теперешнее состояние”⁴. Показательно, что это единственная цитата “классиков” в предисловии и что позднее и за рубежом, и в нашей стране с обращения именно к трудам молодых основоположников марксизма началось сопоставительно-критическое рассмотрение основных положений учения Маркса и Энгельса и утвердившейся затем догматики марксизма-ленинизма, особенно в его сталинском варианте, застолбленном в “Кратком курсе” истории коммунистической партии. Н.Л. отнюдь не ограничивался использованием облегчающих существование ученого-гуманитария всем известными цитат. И это настораживало тех, кто привык лишь к бездумному повторению указанного свыше или давно общепринятого.

Думается, что Н.Л. руководствовался представлением о тесной связи учения марксизма с планетарным развитием общественного сознания и науки, опираясь при этом и на суждения самих Маркса, Энгельса и Ленина, и на обилие ссылок в их сочинениях на труды предшественников. Взаимосвязь развития научной и общественной мысли в России и в остальном мире и преемственность как естественную основу этого развития Н.Л. понимал еще в большей мере размышляя над ходом развития исторической науки отнюдь не всегда столь новаторской как написанное классиками марксизма. Не мог это не ощутить Н.Л. и по своему личному исследовательскому опыту – к началу 1930-х годов он был автором исследований по истории и Древней Руси, и XVII–XIX вв., – и по социоэкономической, и по общественно-политической проблематике и обдуманно выявлял и обрабатывал архивный материал для широкого плана исследований о России периода генезиса капитализма. Он опирался на традиции предшественников не только в технологии исследования, но и при истолковании исторических явлений.

О степени готовности к написанию обобщающего труда по русской историографии (при тех требованиях, которые предъявлял к историографу сам Н.Л.) и настрое ученого в ту пору в определенной мере свидетельствует его библиографическая и редакторская работа – подбор вышедших книг (и тематика их, и авторы) в Соцэкгизе, где в 1933–1939 гг. он был редактором в исторической редакции, а до того, в 1931–1933 гг., работал в Научно-исследовательском институте иностранной библиографии ОГИЗа (где руководил Группой истории). Показательна статья “Иностранная периодика по истории России и СССР (Материалы института иностранной библиографии Огиза)” (в № 1(29) журнала “Историк марксист” за 1933 г.), отличающаяся и историографической направленностью.

Даже в журнале, издававшемся Обществом историков-марксистов и Институтом истории Коммунистической академии, где на титульном листе сохранилось в траурной рамке имя “отв. ред.” М.Н. Покровского, Н.Л., предварив статью составленной в соответствующем стиле преамбулой и прибегая время от времени к принятому в таких изданиях лексикону, поместил материал, содержащий серьезную информацию, знакомящую со взглядами, явно не совпадающими с марксистскими. Так, достаточно подробно излагая основные установки статьи немецкого ученого Лева о влиянии изящной словесности на русское социальное движение в XIX в., Н.Л. сообщает: «Некрасов представляет для Лева корни на-

⁴ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 5.

родничества. Морализующая оценка народничества как “крестового похода” интеллигенции расценивается как “подмена эстетического момента этическим”. В подтверждение приводится тезис Канта: “Объективное стремление к идеальной цели без личной заинтересованности есть эстетическое стремление”. Писарев понимается автором как основоположник русского марксизма: “Элементы писаревского нигилизма составляют основу коммунизма”. В заключение автор пускается в рассуждения об Октябрьской революции. Она, по его мнению, направлена против интеллигенции. Она – та же пугачевщина, обязанная успехом только организаторскому гению Ленина и неспособности к практическому действию интеллигенции, воспитанной на литературе...» Добавляет и то, что авторские “рассуждения приправляются цитатами из Ленина, конечно, соответственно истолкованными”⁵.

Н.Л. знакомил и с трудами эмигрантов, напоминая об именах даже видных и антисоветски настроенных лиц, отдававших по-прежнему много сил политической деятельности, – со статьями А.Ф. Керенского и С.П. Мельгунова, с рецензией, характеризующей новое, существенно дополненное издание труда П.Н. Милюкова “Очерки по истории русской культуры”. Образованнейший Н.Л. осознавал, естественно, что у российского читателя давний опыт и понимания по намекам, и чтения между строк. И когда, излагая враждебные взгляды, только констатируют этот факт, избегая привычных в подобных случаях резких эпитетов, то это тоже о многом говорит. А Н.Л., сообщая о том, что в журнале “*Zeitschrift für osteuropäische Geschichte*” “не раз сталкиваемся с антимарксистскими и антисоветскими выпадами”, так информирует о статье одного из его редакторов, Р. Заломона, о положении в исторической науке России: «Статья посвящена двум историографическим работам: 1) изданию ЛОКА (Ленинградского отделения Комакадемии. – С.Ш.) “Классовый враг на историческом фронте. Тарле и Платонов и их школы” (доклады Зайделя и Цвибака) и 2) книге С. Пионтовского “Буржуазная историческая наука в России”. Статья полна резких нападок на ведущуюся в СССР борьбу с буржуазной историографией, перемешанных с прямой издевкой над советскими историками», и чуть далее: “Кстати сказать, в иностранной исторической прессе мы совершенно не находим откликов на смерть Покровского; буржуазные исторические журналы проводили его в могилу враждебным молчанием”⁶. Показательно и то, что Н.Л., предвосхищая уже наши представления последних лет, под историографией истории своего Отечества понимал не только “русскую историографию”, т.е. составную часть российской исторической науки, но и то, что написано о России и за ее рубежами. Небезлюбопытен и заголовок статьи. Очевидно, что Н.Л. не считал допустимым и дореволюционную Россию называть “СССР”. Между тем с созданием новых школьных и вузовских учебников с середины 1930-х годов утвердилось на долгое время именно такое словоупотребление, и даже один из секторов Института истории Академии наук имел странное название “сектор истории СССР периода феодализма”.

И выбор русской историографии темой обобщающего труда, да еще предназначенного для учебных целей, конечно, свидетельствует о сознательном же его противостоянии нигилистической тенденции Покровского и его окружения по отношению к историографическому наследию, и особенно к видным историкам предшествовавших лет. Это обусловило в определенной мере и нарочитое внимание к “портретированию” и к насыщению ее библиографическими данными о жизни и творчестве историков. Величие внутреннего обязательства, взятого на себя Н.Л., и в том, что он не имел предшественников в построении книги такого содержания – не было еще более или менее устойчивой традиции и в изложении

⁵ Историк-марксист. 1933. № 1(29). С. 143.

⁶ Там же. С. 141.

(и в истолковании) историографического материала. Создатели вузовского учебника по отечественной истории до XIX в. (в числе которых был тот же Н.Л. – автор раздела о XVII в.) позволили себе во многом опереться на учебники С.Ф. Платонова (и не только в построении книги, но и в содержательной ее части: материалы из учебника Платонова, кстати, как раз в то время, в 1937 г., издали для слушателей Высшей школы партийных пропагандистов). А Н.Л., работая над книгой “Русская историография”, и М.Н. Тихомиров, готовивший в ту же пору учебник по источниковедению отечественной истории, не имели аналогов. Их книги новаторские – и по основному содержанию, и в учебно-методическом плане.

М.Н. Тихомиров сумел в своем учебном пособии сообщить данные и о неопубликованных исторических источниках, ввести в научный оборот цитаты из них. Н.Л. же ограничился только напечатанными историографическими источниками и именно такой труд представил затем для защиты как докторскую диссертацию. Видимо, при подготовке книги Н.Л. сознательно не привлекал архивный материал. Знаком архивной эвристики и систематизации архивных выписок для использования не только им самим, но и учениками, Н.Л., конечно, понимал важность архивных материалов и для изучения историографии. Более того, именно он способствовал тогда же, как редактор, подготовке к печати не изданных ранее лекций А.Е. Преснякова по истории Древней Руси, а затем стал инициатором издания неопубликованной части труда И.Е. Забелина по истории Москвы и написал об этом специальную работу. Но в отборе материала для основного изложения в учебном пособии полагал допустимым ограничиться лишь тем, что сразу же могло в свое время оказывать воздействие на достаточно широкий круг читателей. Отражало это также уровень развития в ту пору и историографии и источниковедения. В учебном пособии “Историография истории СССР” (1961), в подготовке которого принимал участие не только Н.Л., но и еще шесть преподавателей МГИАИ, этот вопрос по-прежнему даже не ставится, как и в академических “Очерках истории исторической науки в СССР”. Становление источниковедения историографии в значительной мере происходило в МГИАИ, и силами не только преподавателей, но и аспирантов и студентов, и я горжусь той ролью, которую сыграл в этом научный кружок источниковедения (с 1960-х годов).

В конце Введения к книге “Русская историография” читаем: “У М.Н. Покровского в конечном итоге пропадает историческая наука как целое и ее развитие; все сведено к антагонизму двух исторических концепций. И если подлинная задача марксистского анализа – раскрыть классовую ограниченность пройденного этапа для преодоления этой ограниченности, но вместе с тем для освоения и развития его положительных достижений, то у М.Н. Покровского фактически выпала последняя основная задача марксистской историографии”⁷. В этих стилистически усложненных формулировках (быть может, нарочито усложненных?), по существу, декларируется и основная задача книги: внушить представление о преемственном развитии науки русской истории как “целого”, подчиненного закономерностям и гносеологического порядка, воспитать уважение современников к трудам и дореволюционных предшественников, направить их мысль на овладение этим наследием, и прежде всего исследовательской технологией. Понятно, что это не могло не импонировать М.Н. Тихомирову и другим ученым, сформировавшимся в русле старых университетских традиций.

Утверждение Н.Л. оппонентом докторской диссертации М.Н. Тихомирова о “Русской Правде” знаменательно и вряд ли могло иметь место без согласия (если не инициативы) самого диссертанта. Другие два оппонента – учитель Тихомирова по Петербургскому коммерческому училищу Б.Д. Греков и “определяющий учитель” диссертанта (по его же выражению) в Московском университете

⁷ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. С. 4.

С.В. Бахрушин. Греков в то время был уже академиком, директором Института истории СССР; Бахрушин – руководитель подразделения этого института, занимающегося проблематикой истории России периода феодализма, член-корреспондент Академии наук. Имя Н.Л. в таком сообществе – тоже показатель общественного положения и научного авторитета Н.Л. накануне войны.

В то время, видимо, у Николая Леонидовича и Михаила Николаевича сложились близкие душевные отношения. Об этом можно судить по их переписке военных лет (имеющей и самостоятельное значение для изучения жизни и творчества обоих ученых^{1*}). Н.Л. оказался в эвакуации в Саратове; М.Н. Тихомиров с Московским университетом – в Ашхабаде, позднее – в Свердловске.

В первом же письме М.Н. Тихомирова из Ашхабада читаем: “Я не виделся с Вами только несколько месяцев, а уже очень соскучился. За последние годы я очень привык к Вам, и наши встречи для меня всегда были дорогими, так хотелось бы повидаться и поговорить о многих делах” (Л. 1 об.). В ответ на это письмо с соболезнованиями по поводу смерти матери (М.Н. писал: “Я редко встречал такого доброго, сердечного и умного человека, каким была Ваша покойная мать, и для меня лично тяжело думать, что я больше ее не увижу”), Н.Л., сообщая, что и в Саратове образовался “небольшой круг друзей”, замечает: “...но ведь с ними меня не связывает столько лет совместной работы и близости, а затем, ведь это люди, так мало знавшие покойную маму. Здесь мне, в сущности, не с кем поговорить о ней; письма друзей в какой-то мере заменяют мне эту беседу и приносят тепло хорошей дружбы. А Вы же знаете, что наша симпатия и дружба взаимны. Приятно будет, когда снова окажемся вместе и сможем по-старому поговорить друг с другом, хотя и не будет уже той уютности в моей домашней обстановке” (Л. 1. Письмо от 12 февраля 1942 г.). А какое о многом говорящее начало письма М.Н. Тихомирова от 30 апреля 1942 г.: “Дорогой Николай Леонидович! Иногда одни и те же мысли приходят людям в разных концах земли. Вы подумали, что я забываю о Вас, а я то же самое подумал о Вас, не получая от Вас писем. Мне только пришло в голову, что Вы не такой человек, чтобы так легко забыли о людях, а тут на столе оказалось и Ваше письмо. Отвечаю на него без задержки...” В письме и такие многозначительные слова: “Дорогой Николай Леонидович, никогда не сомневайтесь в моих дружеских чувствах к Вам. Я не просто схожусь с людьми и еще менее просто забываю о них, не забывайте только и Вы обо мне” (Л. 11–11 об.). Н.Л. писал М.Н. Тихомирову из Саратова 8 мая 1942 г.: “...с Вами у нас как-то как раз за последнее время установились особенно хорошие простые дружеские отношения, когда так легко и хорошо бывает обо всем поговорить” (Л. 4). В письмах Н.Л. – забота о М.Н. Тихомирове, даже нежность, а упоминания о родственниках свидетельствуют о том, что адресат был с ними лично знаком.

В письмах много интересных подробностей о научной работе обоих ученых, о состоянии дел в Московском и Саратовском университетах, о многих их коллегах. В письме от 12 февраля 1942 г. Н.Л. восклицает: “Вы едва ли поверите, какую большую корреспонденцию я сейчас веду” (Л. 1 об.). Он сообщает о письмах общих знакомых – С.В. Бахрушина (тревожащегося за Ю.В. Готье, “который заметно сдает”), С.С. Дмитриева и др.

В письмах имеются ценные свидетельства о непрекращающейся многообразной научной работе обоих историков. И о книге “Русская историография”, вышедшей в свет уже после начала войны (она была подписана в печать 31 мая 1941 г.). М.Н. Тихомиров пишет 7 декабря 1942 г.: “Экземпляр своей книги (речь идет о книге М.Н. Тихомирова “Исследование о Русской Правде: происхождение

^{1*} Письма Н.Л. Рубинштейна в ААН в фонде М.Н. Тихомирова см.: Ф. 693. Оп. 4. № 524. Л. 1–13 об. Письма М.Н. Тихомирова в ОР РГБ в фонде Н.Л. Рубинштейна см.: Ф. 521. Картон 27. № 9. Л. 1–11 об. В тексте указываются листы дел в скобках.

текстов”, подписанной к печати в июне 1941 г.; во введении к книге благодарности Н.Л. – С.Ш.) стараюсь удержать для Вас. Историографию Вашу я купил в Ашхабаде, но отдал Б.Д. Грекову, заявившему, что этой книги в Ташкенте нет (Греков находился в эвакуации в Ташкенте вместе с институтами Отделения общественных наук АН СССР. – С.Ш.). Впрочем, книгу Вашу для меня купили в Москве. Бесцветно и ненужно написал о Вашей книге [О.Л.] Вайнштейн, но книга уже прочно вошла в науку при всей спорности постановки отдельных вопросов”. За день до того, 6 декабря 1942 г., и Н.Л. пишет о своей книге “Русская историография”: “Исподволь занимаюсь еще понемногу и над своей Историографией. Здесь пока обсуждения еще не было. В отдельных беседах всячески хвалят, но многим еще недосуг было все прочитать, а поэтому и обсуждать” (Л. 6 об.). Особенно, пожалуй, интересна информация в письме Н.Л. от 12 февраля 1942 г.: “...По университету работал это время над курсом Источниковедения – Вашим курсом. Понемногу вошел во вкус, но, признаться, задумал его несколько в ином плане, чем это сделано у Вас. Вот бы поговорить с Вами на эту тему...” (Л. 1 об.). Как важно было бы найти материалы об этом в личном фонде Н.Л. Рубинштейна, сколько нового мы могли бы узнать о творческой лаборатории Н.Л., о методике его педагогической работы, а возможно, и о самой проблематике источниковедения! И как мешает отсутствие доступа к документам этого фонда и других фондов ОРГБ изучению жизни и творчества Н.Л. Рубинштейна!

М.Н. Тихомиров сообщает о себе в письме от 22 марта 1942 г.: “Помогаю в работе местным архивным работникам по описанию архива (дело интересное и во многом поучительное), кроме того, немного пишу на старинную свою тему о древнерусском городе. Мне помнится, что этой темой интересуетесь и Вы, но думаю, что и параллельные наши работы мешать друг другу не будут, слишком серьезной и важной является эта тема. Сейчас пишу доклад об Александре Невском к 700-летию (5 апреля) Ледового побоища” (Л. 7). И о том же в письме от 30 апреля 1942 г.: “Здесь я работаю также в архиве, готовим с начальником архива описание его фондов. Самый интересный из них – это фонд Канцелярии начальника Закаспийской области. Я готовлю и большую статью об организации Закаспийской области. Это звучит неожиданно, но там в архиве я нашел прямо удивительные документы. Эти пыльные бумаги как-то прямо переносятся в другой мир, и часы работы в архиве стали для меня опять источником наслаждения, точно мне 20 лет, когда я разбирал псковские материалы”. В этом же письме доверительное признание, явно рассчитанное на понимание адресата: “...я хорошо знаю, что мои вкусы к рукописям, источникам, архивам стоят как-то одиноко” (Л. 11–11 об.).

В письме от 10 апреля 1942 г. имеются свидетельства напряженной творческой научной работы Н.Л.: помимо лекций в двух вузах, «сделал несколько научных докладов. Сдал в печать брошюру о полководческом искусстве Суворова; когда выйдет, пришлю. Договорились более или менее о брошюре на тему “Возникновение народного ополчения в нач. XVII в.”. Здесь у меня получилось, кажется, кое-что новое и интересное, сдавать рассчитываю в июне. По этому очерку мне особенно интересно и ценно будет Ваше суждение. Время от времени приходится печатать статьи в газете. Завтра и я выступаю с публичным докладом о Ледовом побоище на объединенном заседании Ленингр. и Сарат. унив-тов. Кроме того, писал уже Вам, что в этом году пришлось позаняться источниковедением, и сложился ряд мыслей по этой теме. Об этом, надеюсь, поговорим уже лично. Страшно тянет назад в Москву...» (Л. 13 об.). В письме от 16 декабря 1942 г. упоминается брошюра “Полководческое искусство Суворова”, изданная в Саратове в 1942 г.: “Мую книгу выслали Вам сейчас почтой. В Ташкенте я послал ее Бахрушину и Готье, а Грекову, признаться, не послал: считаю, что его личное поведение в отношении меня за последние годы не давало для этого никаких оснований, и к тому же он, не раз даже обращавшийся ко мне за моими оттисками, ни

разу не считал нужным передать мне отгиски своих работ. Делать же это, только исходя из его официального положения, я не считал нужным” (Л. 9 об.). (Эти слова небезлюбопытны для характеристики личности и самого Н.Л.)

В письмах Н.Л. – интересная информация об истфаке МГУ. Его сначала пригласили на должность заведующего кафедрой музееведения. (И.И. Минц не провлял никакой заинтересованности в отношении работы Н.Л. на возглавляемой им кафедре истории СССР.) Но когда Н.Л. стал его заместителем по кафедре, то сразу же начал предпринимать усилия для организации научной работы преподавателей (прежде всего издания научных трудов) и изменения системы подготовки аспирантов: “...я, как Вы знаете, не умею быть пассивным”, – рассказывал об этом Н.Л. в декабре 1942 г. (Л. 6).

Познакомился я с Н.Л., да, наверное, и впервые увидел его пятикурсником, в 1943 г. Тогда он был заместителем заведующего кафедрой истории СССР исторического факультета Московского университета. Зав. кафедрой И.И. Минц делами ее (кроме представительства и изредка председательствования на заседаниях) не занимался. Ведущую роль играли Н.Л. и С.В. Бахрушин, какие-то административные функции выполняли Г.Н. Анпиловы и П.П. Епифанов. Н.Л. сознательно вносил в работу аспирантуры начало творческого и умно организованного труда и поощряемой самодеятельности.

На заседаниях и в беседах, он не показывал, как думать и формулировать мысль, в виде назидательного – тем более откровенно демонстрируемого – приема. У него это просто получалось как бы само собой; и для способных становилось поучительным. Подкупала и его неизменная заинтересованность в творческом общении с собеседником. Он не только напрягал и обогащал ум собеседника, но, казалось, и сам подпитывался этой беседой и возбужденно, со стройной логичностью начинал размышлять в заданном темой направлении, щедро под-казывал новые ходы, пути поисков, варианты решений – при этом обычно упоминая и о литературе, и о первоисточниках, и даже их изданиях и явно не задумываясь над тем, осознёт ли впоследствии собеседник, что Н.Л. является соавтором рождающихся в тот момент идей (а это чаще всего были идеи диссертации, статьи более молодого или даже начинающего историка). И напротив, именно в форме совета, рекомендации давал он указания о методах составления и использования научно-справочного аппарата, о приемах исследовательской технологии.

Была продуманная, требовавшая немало труда для реализации система сдачи кандидатского минимума (по трем периодам – феодализм, капитализм, история советского общества, при научном кураторстве еще двух руководителей – специалистов по другим периодам истории, с подготовкой письменных материалов). Были и заседания только аспирантов с участием лишь немногих преподавателей (иногда посвященные обсуждению теоретических вопросов). Некоторых аспирантов, как и студентов его спецсеминара (по истории России второй половины XVIII в.), Н.Л. приглашал в Исторический музей и домой, в огромную перегороженную комнату большой коммунальной квартиты в д. 1 по Телеграфному переулку. После демонстрации 1 мая и 7 ноября там собиралось (а ля фуршет) особенно много народу. Всегда оказывались насыщенными историко-культурными ассоциациями и свежим восприятием взаимосвязи прошлого и настоящего и случайные, незапланированные встречи на выставках, в концертных залах, в театре, на заседаниях, однажды летом и на Рижском взморье (там выяснилось, что Н.Л. – одесстит по рождению, хороший гребец).

Н.Л. был лишен ораторского дара, дикция у него была плохая, а словарь его был зачастую пересыщен специальными терминами. Не склонен Н.Л. был и к публичным островам, тем более к анекдотам (что отличало речь И.И. Минца). Слово его было обращено к заинтересованному слушателю. Оно привлекало уважительным отношением к воспринимающим, стройностью и в то же время

поисковой направленностью мысли, основательностью системы доказательств. Для решивших всерьез отдать силы настоящему изучению истории лекции Н.Л. – и еще в большей степени его семинары – становились школой формирования научного мышления.

Нет впечатляющих эффектов и в напечатанном Н.Л. – все написано деловито, и материал распределен так, чтоб удобнее располагался в памяти с пониманием явлений в развитии и во взаимосвязи с другими, а также яркого и особенно-го в этих явлениях (умело подобраны цитаты из источников, особенно историографических), чтоб создавалось представление и об источниковой базе изучаемой проблемы. А не о проблемном Н.Л. писать не мог: ограничение историка собственно фактологическими задачами ему, видимо, было не только неинтересно, но и непонятно. Во всех его трудах – больших и малых – постановка вопроса, попытка объяснить невыясненное, оспорить распространенное мнение; и всегда знакомство с ними побуждает мысль к напряжению, даже в учебной литературе. Несклонность, да, пожалуй, и неприспособленность Н.Л. к рассчитанным на эффект публичным выступлениям – устным или письменным – не сделали его имя знаменитым в более широкой среде, чем общество историков, музейных работников. Знаменитые российские историки, как правило, были и писателями.

Но сейчас, на рубеже нового века, оглядываясь на путь движения науки истории за столетие, убеждаемся, что вклад Н.Л. в развитие этой науки один из самых значительных. Из историков середины века он был историком особенно широкого исследовательского диапазона, достойным наследником в этом плане традиций А.С. Лаппо-Данилевского, А.Е. Преснякова, Ю.В. Готье.

В программе заседания, посвященного памяти Н.Л., основное внимание сосредоточено на творчестве Рубинштейна-историографа. Это, пожалуй, и понятно. Его “Русская историография” по прошествии десятилетий воспринимается как вершинный показатель уровня развития исторической науки довоенных лет, как классический труд. Да, только Н.Л., на мой взгляд, и можно признать классиком в изучении российской историографии. При этом должно подчеркнуть и то, что это – классический образец и учебного пособия (правда, рассчитанный на обращение к нему сильного студента). Видимо, это соответствует понятиям и самого Н.Л. при подходе к характеристике деятельности историка в контексте эпохи и выявлению историографом главного в его творчестве. В предисловии к “Русской историографии” Н.Л. заметил: “...перед историком встает сложная и ответственная задача – определить конкретную историческую обусловленность рассматриваемых научных концепций, принадлежность изучаемого историка к определенному историческому периоду, определенной общественной среде. Деятельность историка протекает на значительном отрезке времени, но каждый историк имеет определенный период научной зрелости, когда оформляется его научное мировоззрение, – и это есть тот период, который представлен данным историком в общем развитии исторической мысли”⁸. Н.Л. – автор “Русской историографии” – отвечает таким историографическим критериям.

Но велико значение и раннего исследования Н.Л. о Древней Руси – он прежде Б.Д. Грекова и независимо от него показал развитие феодализма в этот период. Доселе недостаточно оценено сделанное Н.Л. и для изучения истории России второй половины XVIII в., и социально-экономической истории (это проблематика самостоятельной работы и тех, кто относится к научной школе Н.Л.), и государственно-политической (именно Н.Л. первым из советских историков обосновал значение для дальнейшего развития России свершавшегося в годы правления Елизаветы Петровны). Н.Л. предполагал широкое по замыслу исследование, посвященное и сельскому хозяйству, и промышленности, и торговле, притом во взаимосвязи с явлениями общественно-политической истории. Суще-

⁸ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. С. 4.

ственно и то, что этот труд приобретал самостоятельное значение и в развитии источниковедения и архивной эвристики. (Это становится очевидным при ознакомлении с упоминавшейся статьей И.В. Ковалева.) Последний, незавершенный фундаментальный труд Н.Л. – редкий в истории науки пример совмещения теоретического исследования историко-экономической проблематики и источниковедческих синтеза и анализа, основанных на сопоставительном изучении многообразных (и по разновидностям, и по локальному признаку) источников. Пожалуй, Н.Л. – и единственный из крупных историков, который совмещал бы в такой степени работу исследователя и преподавателя с музейной.

К сфере историографии при широком – на мой взгляд, единственно верном – понимании ее предмета изучения следует отнести и преследование “Русской историографии” Н.Л. Рубинштейна, хотя оно может рассматриваться и как эпизод общественной жизни. Это – тема особого изучения, причем в источниковедческом плане. И конечно, при опоре на становящиеся ныне доступными архивные материалы. В данной статье ограничусь пока в основном материалами печатными и из моего личного архива.

Событие это, тесно взаимосвязанное с другими явлениями общественной и собственно научной жизни тех лет, доселе не рассмотрено в должной мере именно в таком контексте. Здесь многое переплетается, остается неизученным, и сводить дело только к проявлению антисемитизма – примитивный подход: под таким лозунгом Н.Л. добивали уже позднее, по прошествии месяцев, как и его братьев, старший из которых чл.-корр. АН психолог С.Л. Рубинштейн.

Ведь в те годы проявлялись не только великодержавные патриотические настроения, столь импонировавшие и широкой общественности после великой победы в войне, но и тенденция неприятия зарубежной культуры, притом не только в ее гуманитарно-либеральном аспекте, но и в сфере естественных и даже точных наук. Организованные по указанию партийного руководства разоблачительные обсуждения творчества видных и наиболее современных по формам его выражения ученых, деятелей искусства и литературы отражали интересы не только партийно-государственной верхушки, но и тех “полуобразованцев”, которые, достигнув заметного положения в сфере науки и культуры, таким путем рассчитывали удержать свое влияние.

В гуманитарных науках, имел место и возврат к представлениям о “фронтах” борьбы, характерным для рубежа 1920–1930-х годов, когда особенно ожесточились противостояния М.Н. Покровского и его “школы” и со специалистами “старой школы”, и с теми, кто, как Д.Б. Рязанов, готов был действительно сотрудничать с ними. Продолжая, естественно, вслед за Сталиным, публично поносить “ошибки” Покровского, они следовали на самом деле его узкоклассовым взглядам на отношение к научному наследию. (Вообще, как уже установлено, для Сталина и его сподвижников характерно было: взяв на вооружение лозунги противников – особенно Троцкого, использовать и их для борьбы с этими противниками.)

Организацию обсуждения книги Н.Л. “Русская историография” следует рассматривать в сопоставлении с другими публичными спектаклями-эксекюциями такого типа, когда организаторы соревновались в том, на каком поле культуры – музыки, литературы, естественных наук, философии, истории и др. – это пройдет выразительнее и выигрышнее для непосредственных руководителей и активистов такого “действия”. Ну и, конечно, учитывались и другие проявления насаждаемой сверху тенденции определения особенностей и места советской культуры тех лет в развивающейся мировой культуре (что предопределяло и установление нормативов отношения к культурному наследию).

И именно Н.Л. с его широтой научных и общественных воззрений, с его убеждением в том, что отечественная культура – часть мировой культуры (и воспринимающая и обогащающая ее), а марксизм – вечно живое учение – тоже отно-

сится к сфере мировой культуры, более других подходил для того, чтобы его творчество стало предметом специального обсуждения в таком духе. Здесь исходили и из давних понятий о космополитизме, отмеченных как “неправильные” еще в статье о космополитизме в энциклопедии Брокгауза и Ефрона (1895): “Весьма часто К. берется лишь в отрицательном смысле как простое отсутствие патриотизма или привязанности к своему народу...”⁹

Конечно, нетрудно было уловить и демонстративно положительное отношение автора “Русской историографии” к труду дореволюционных историков и их учеников. И тем самым выступления против книги Н.Л. смыкались с начатой тогда же пропагандой негативного отношения к сделанному русскими историками начала XX в. и примитивными (а подчас и недобросовестными) попытками объяснить их научно-методические взгляды фактами общественно-политической биографии (постыдные статьи об А.А. Шахматове, А.С. Лаппо-Данилевском, А.Е. Преснякове). Не стоит упускать из виду и особые частные обстоятельства – тягостную общественную атмосферу, сложившуюся тогда на историческом факультете МГУ, позволяющую проявить вредоносную активность лицам, чуждым представлений о подлинной интеллигентности, нравственном достоинстве и самоуважении (а также и о столь необходимой настоящему историку способности представить, как может выглядеть его сегодняшнее поведение по прошествии времени, когда станут ему давать “историческую” оценку).

В складывании обстоятельств каждой конкретной ситуации тогда имели очень большое (зачастую даже первостепенное) значение личностные факторы: характер и индивидуальные интересы (особенно карьеристские, самоохранные) отдельных лиц, групповые вкусы, особенности степеней зависимости и пр., т.е. то, что нелегко уловить в письменной документации тех лет. И потому, пожалуй, важны воспоминания, несмотря на всю их субъективность и ошибки памяти. И не следует автоматически (согласно складывающейся уже к нашему времени схеме) переносить данные формального порядка (к примеру, о должностном положении или прежнем месте службы, родственных связях и т.д.) на характеристику – тем более оценку – индивидуальных действий тех или иных лиц в данной конкретной ситуации.

Можно полагать, что решение избрать на историческом “фронте” объектом критики именно “Русскую историографию” Н.Л. было принято в вышестоящих партийных инстанциях. И поручили это первоначально журналу “Вопросы истории” – печатному органу Института истории Академии наук, но издающемуся издательством “Правда”. Формально можно было исходить и из того, что вышедшая уже в начале войны книга, по обстоятельствам времени, не стала предметом серьезных обсуждений и рецензий, а ныне интерес к этой проблематике возрос и существенно изменились установки в подходе к изучению явлений отечественной истории и развития общественной мысли.

Хитроумная редколлегия, во главе которой был многоопытный вице-президент Академии наук В.П. Волгин и где фактически направлял все дела И.А. Кудрявцев, высокообразованный историк и функционер партийно-научной журналистики^{2*}, для того чтобы продемонстрировать новаторство в реализации схем подобрых обсуждений, а быть может, и смягчить ожидаемый удар и по Н.Л., и по нашей исторической науке в целом, надумала начать обсуждение вопроса о содержании и построении курса русской историографии со статьи самого автора книги “Русская историография”. В сноске “От редакции” к статье уведомили об

⁹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1895. С. 379. Кн. 31.

^{2*} Позднее И.А. Кудрявцев много сделал для улучшения преподавания отечественной истории и историографии в МГИАИ. См.: *Мельник А.Н.* Творческие материалы личного фонда И.А. Кудрявцева // АЕ за 1984 год. М., 1986. С. 286–290.

этом. И статью Н.Л. сразу же сопроводили статьей “Русская историография XVIII века” члена редколлегии журнала М.Н. Тихомирова (тогда уже члена-корреспондента АН СССР).

В самом начале статьи М.Н. Тихомирова отмечено: “Нет никакого сомнения, что труд Н.Л. Рубинштейна восполнил большой пробел в нашей исторической литературе и в настоящее время является единственным пособием по русской историографии, правда, несколько громоздким для занятий в высших учебных заведениях (41,5 печатного листа), но во всяком случае, достаточно полным. Автор проделал громадную работу и свел воедино обширный и разнообразный материал, изучил почти всю основную литературу, относящуюся к русской историографии, и таким образом оказал немалую пользу нашей исторической науке. Книга Н.Л. Рубинштейна вышла в 1941 г. и по обстоятельствам военного времени осталась вне критического рассмотрения. Между тем в ней имеются такие положения, которые представляются не только спорными, но и прямо неверными, в первую очередь в оценке историографии XVIII века...” А завершается статья так: «Стремление повсюду видеть заимствования, послушное следование западноевропейским идеям заставило Н.Л. Рубинштейна дать, по существу, неправильную характеристику наших историков XVIII века. Мы позволили себе остановиться на некоторых вопросах, которые представляются нам неправильно разрешенными в книге Н.Л. Рубинштейна. Целью нашей критики отнюдь не является огульное охаивание громадной работы, проделанной автором, за которым остается заслуга написания первой “Русской историографии” с древнейшего времени вплоть до наших дней. Однако нам кажется, что трактовка русской историографии XVIII в. сделана в книге Н.Л. Рубинштейна в значительной мере неправильно, с чем согласен и автор (имеется в виду статья Н.Л. в том же номере журнала. – С.Ш.). В новом издании книги Н.Л. Рубинштейна раздел историографии XVIII в. должен быть коренным образом переработан»¹⁰.

Как выяснилось довольно скоро, эти журнальные статьи не спасли ни Н.Л., ни редколлегию, которую вскоре заменили новой. Но это придало определенное своеобразие публичному обсуждению книги.

Некоторые полагали, что рассмотрение книги Н.Л. – это прежде всего выявление имеющихся в издании 1941 г. несоответствий изменившимся к концу 1940-х годов политико-идеологическим установкам и что допустимо обсуждение на научной основе, облегчающее переработку или даже переиздание этого труда. Так восприняли первоначальную задачу критики работ историков, когда обнаружили “недостаточное” освоение элементов марксизма-ленинизма (т.е. того, что именно в данный момент выпячивается в этой теории как особенно актуальное), “пережитки” концепций немарксистской науки (в таком случае обычно говорили о “буржуазном объективизме”, или некритическом отношении к буржуазному” наследию), что подразумевает, тем самым возможность и признания ошибок, и даже исправления их самим “ошибающимся”. Такая направленность очевидна при обсуждении учебника М.Н. Тихомирова и С.С. Дмитриева “История СССР” (обсуждению на заседании исторического факультета МГУ 26 октября 1948 г., в котором “примучили” принимать участие и аспирантов М.Н. Тихомирова¹¹, предшествовали статьи в периодической печати). То, что “критика” профессоров-историков ограничивается выявлением по сложившейся уже традиции элементов “буржуазного объективизма” и что следует им помочь избавляться от унаследованных еще от своих учителей недостатков, полагал и В.В. Дорошенко^{3*}.

¹⁰ ВИ. 1948. № 2. С. 94, 99.

¹¹ См.: *Аврех А.Я.* Обсуждение учебника истории // Вестн. МГУ. Сер. обществ. наук. 1949. № 4. С. 101–109.

^{3*} Фронтвик-коммунист, талантливейший и любимый университетский аспирант видного историка западноевропейского средневековья профессора А.И. Неусыхина, выступил примерно в ту же пору

И М.Н. Тихомиров поверил в то, что именно так и будет. Иначе он не допустил бы в своей статье в “Вопросах истории” излишне резких по форме выражений, что, видимо, отразилось и на их взаимоотношениях с Н.Л. В личном фонде академика М.Н. Тихомирова имеются и два письма Н.Л. послевоенных лет. В открытке, присланной с Рижского взморья 30 июля 1947 г., есть обращение “Дорогой Михаил Николаевич”, радость по поводу того, что появился сигнальный экземпляр книги “Древняя Москва”, забота об отдыхе М.Н. Тихомирова (который много бывает в городе “по делам деканата”), привет “Георгию Андреевичу (Новицкому. – С.Ш.) и товарищам по факультету”. В письме же от 22 марта 1954 г., хотя и подписанном, так же как и открытка 1947 г., “Дружески жму руку”, обращение “Глубокоуважаемый Михаил Николаевич” и все сводится к деловой просьбе о напечатании статьи об историке С.М. Соловьеве в журнале “Вопросы истории”. (Возможно, что письмо и адресовано было М.Н. Тихомирову как академику-секретарю Отделения исторических наук АН СССР.) Это – статья, написанная для “Очерков истории исторической науки в СССР” (главным редактором первого тома был М.Н. Тихомиров, по инициативе или, во всяком случае с одобрения которого Н.Л. предложил выступить снова в печати по историографической проблематике). Н.Л. полагал, что “Очерки” не выйдут в 1954 г., и в связи с намерением редакции журнала публиковать статьи “о наиболее видных русских буржуазных историках” просил М.Н. Тихомирова, если нет “против этого возражений”, передать статью в редакцию с замечаниями, которые он постарается “учесть при окончательном оформлении”. Заканчивается письмо так: “Если же Вы считаете ее публикацию в журнале неудобной, то очень прошу поручить отослать мне прилагаемый текст”. Статья не была напечатана в журнале – возможно, потому, что книгу “Очерков” уже в 1954 г. сдали в набор. Но поздравительная телеграмма 1953 г. в связи с избранием М.Н. Тихомирова академиком написана с душевным подъемом: “Дорогой Михаил Николаевич! Несказанно рад вашему заслуженному избранию, открывающему новые возможности вашей неиссякаемой творческой энергии. Желаю здоровья, сил, многих лет творческой работы, крепко жму руку и обнимаю. Рубинштейн”¹².

Память о взаимоотношениях с Н.Л., видимо, и согревала, и в то же время саднила душу М.Н. Тихомирова. И потому во время нашего последнего свидания, летом 1965 г. в Кремлевской больнице, когда я упомянул о С.Н. Валке, Михаил Николаевич вдруг заговорил на тему, никогда не поднимавшуюся ранее в разговорах со мной, о том, что бывают по-настоящему по-христиански добрые люди, заботящиеся об общем деле независимо от взаимоотношений с участниками этого общего дела, и вспомнил в этой связи с сердечной теплотой Н.Л. (о котором до того давно со мной не говорил).

Обсуждение книги “Русская историография” состоялась на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами истории СССР университетов и педвузов, проходившем в марте 1948 г. в клубе Московского университета. Возможно, что оно было задумано как одно из заседаний малой формы, напоминающих обсуждение книги Г.Ф. Александрова по истории философии и идеологической направленностью, и организацией. Интересной для историографа особенностью было то, что накануне была опубликована в журнале “Вопросы истории” (№ 2) статья самого Н.Л. “Основные проблемы построения русской историографии”. Н.Л. указывал первым на многообразные существенные “недостатки” (причем без унижительных попыток объяснительных оправданий) книги и на те моменты, на ко-

публично с критикой его трудов, что глубоко огорчило потрясенного этим учителя. После этого Дорошенко добровольно перешел на работу из МГУ в Ригу, в университет и в академический институт, не мог никогда избавиться психологически от нанесенной самому себе душевной травмы, тем более что в своих выдающихся работах по истории Прибалтики он был продолжателем и пропагандистом научной методики Неусыхина.

¹² АРАН. Ф. 693. Оп. 4. № 524. Л. 10, 12, 13–13 об.

торые следует обратить внимание в дальнейшей работе по этой проблематике. В заключение статьи Н.Л. заметил: “На примере своей собственной книги мы хотели показать, какие выводы следуют для историков из философской дискуссии. Указанные выводы и специальное выступление А.А. Жданова определяют те задачи, которые стоят перед коллективом советских историков в настоящее время в деле создания марксистско-ленинского труда по русской историографии”¹³.

Были напечатаны на машинке и тезисы его доклада “Задачи и пути перестройки курса русской историографии”. Доклада такой тематики на кафедре не припоминаю. Быть может, тезисы были приготовлены к совещанию. По содержанию они близки к тому, что Н.Л. говорил в конце совещания¹⁴. (Вступительного слова Н.Л. на совещании не дали; и это само по себе уже было показательным.) Воспроизводимый полностью текст – более двух страниц машинописи через один интервал на папиросной бумаге – интересен для понимания того положения, в которое был поставлен тогда Н.Л., и общественного микроклимата начала 1948 г.

Задачи и пути перестройки курса русской историографии. Тезисы доклада

1. Философская дискуссия и специальное выступление тов. Жданова заострили внимание всех работников идеологического фронта на требовании настоящей партийности в науке, на задачах последовательной реализации принципов диалектического и исторического материализма. Работники идеологического фронта получили за последние годы также ряд других руководящих указаний принципиального значения от нашей партии, которые должны лечь в основу всей нашей научной работы.

Из этих указаний партии вытекают для нас следующие основные положения.

а) **Вся наша работа должна быть борьбой за марксистско-ленинскую науку.** Это означает в области историографии требование раскрытия в ходе конкретного развития исторической науки процесса преодоления дворянско-буржуазных идеалистических концепций и последовательного утверждения подлинно научного, материалистического, наконец, марксистско-ленинского понимания истории.

б) **Наша идеологическая работа должна быть проникнута идеей советского патриотизма.** Это требует от нас серьезного раскрытия действительного развития русской национальной науки и ее достижений и соответственно борьбы с низкопоклонством дворянско-буржуазной науки перед западными влияниями, превращавшими русскую науку в простое отражение западноевропейской науки.

в) **Наконец, историография должна сама служить развитию исторической науки и ее движению вперед,** т.е. должна рассматривать конкретное развитие исторического знания и познания прошлого с точки зрения его приближения к марксистско-ленинскому подлинно научному пониманию исторического развития. Именно в этом заключается целеустремленность и целенаправленность историографии, ленинская партийность в науке, противостоящая объективистскому, нейтральному подходу к науке.

2. Моя работа “Русская историография”, появившаяся в 1941 г. и явившаяся первым опытом советского курса русской историографии, не преодолела до конца буржуазных традиций в историографии и в ряде отношений не может удовлетворить тем требованиям, которые мы обязаны предъявить сейчас к марксистско-ленинской работе по русской историографии.

3. Хотя в основу ее положены связь развития исторической науки со сменой общественных формаций, определение социально-экономических основ и классовой природы исторических теорий и направлений, но самая смена их рассматривается скорее в плане эволюционном. Книга не дала последовательного показа борьбы исторических идей как проявления классовой борьбы в идеологии и как движущего начала исторического развития.

¹³ ВИ. 1948. № 2. С. 93.

¹⁴ *Вотинов А.* Обсуждение книги Н.Л. Рубинштейна “Русская историография” // ВИ. 1948. № 6. С. 135.

Так, в частности, в курсе не получила должного освещения историческая концепция революционных демократов середины XIX в. в их борьбе с буржуазной историографией. Не развернуто значение борьбы марксизма с народничеством для развития исторической науки.

4. В работе не развернут показ действительных достижений русской исторической науки в ее общем конкретном развитии, не показаны ее мощный подъем и всестороннее развитие на протяжении XIX и XX вв., в результате чего не создается должного представления о достижениях русской науки и ее общенаучном значении.

В связи с этим в ряде случаев неправомерно выдвигается ряд чужеземных влияний, не показан критический характер их использования и преодоления, являющихся на деле движением науки вперед. Такова трактовка влияния Нибура на критическое направление в русской историографии, немецкой философии на Соловьева, западных социологических теорий на русскую мелкобуржуазную историографию второй половины XIX в. и др.

Отсутствие последовательной линии в этом вопросе привело к неправильному определению действительного места в русской историографии таких историков, как Миллер, Эверс, Шлецер, и к необоснованному включению в историографический обзор таких авторов, как Байер, Фишер и некоторые другие историки-иностранцы, не имеющие отношения к развитию русской исторической науки.

5. Моя работа "Русская историография" не выделила вопроса о конкретных итогах каждого отдельного исторического этапа, которые должны быть раскрыты в системе позитивной разработки основных конкретных проблем, поставленных в порядок дня на каждом данном этапе. В результате она не помогает до конца вскрыть сущность развернувшейся борьбы и определить свое отношение к этим вопросам в духе той партийной принципиальности, которую Ленин всегда противопоставлял буржуазному объективизму.

6. Наконец, в книге отсутствует раздел советской историографии, который не был еще разработан в то время. Разработка этого раздела должна вместе с тем создать необходимую перспективу для настоящей марксистско-ленинской оценки пройденного пути исторической науки.

7. В свете изложенных положений должны быть определены основные задачи и пути перестройки курса "Русской историографии".

8. Необходима прежде всего четкая периодизация развития русской исторической науки, а именно:

- а) феодальный (или летописный) период русской историографии до конца XVII в.,
- б) превращение исторического знания в науку – дворянский период исторической науки (XVIII в.),
- в) развитие буржуазной исторической науки (дореформенный период),
- г) кризис буржуазного идеализма и борьба за материалистическое понимание истории (2-я половина XIX в.),
- д) кризис буржуазной науки в целом и оформление марксистско-ленинского направления в русской историографии (начало XX в.),
- е) советский период русской историографии.

9. В каждом периоде должны быть последовательно рассмотрены:

- а) общественное развитие данного периода как определяющее начало идеологической борьбы,
- б) общее развитие исторической науки (исторические знания на данном этапе),
- в) рост научного мировоззрения: борьба школ и направлений за передовую историческую науку,
- г) конкретные итоги исторического изучения: основные проблемы и их конкретное разрешение.

10. В изучении XVIII в. должна быть отчетливо выделена основная линия развития, обращенная к разрешению основных вопросов русского исторического процесса и представленная Татищевым, Ломоносовым, Щербатовым, Болтиным. Необходимо, далее, выделить рождение новой буржуазной струи в исторической науке, представленной Крестьяниным, Новиковым, Чулковым.

11. Развитие исторической науки в первой половине XIX в. раскрывается в борьбе новой, буржуазной исторической науки с дворянской. (Критическое направление и Карамзин, историческая школа и русский романтизм.) В то же время середина века отмечена выступлением русских революционных просветителей и их борьбой за новое социальное направление в историографии.

12. Для второй половины XIX в. (так называемый пореформенный период) характерно дальнейшее развитие этой борьбы, переходящее непосредственно в борьбу за материалистическое направление в исторической науке. Она сказывается и в кризисе буржуазного идеализма, в развитии позитивистских учений и их быстром разложении, наконец, в материализме революционных демократов, сменяющемся в последней четверти XIX в. борьбой за марксистско-ленинскую науку.

13. Два последних периода русской историографии представляют историю победы марксистско-ленинской исторической науки в России, которая опирается на бессмертные труды Ленина и Сталина.

Н. Рубинштейн

Заместитель министра высшего образования, открывая заседание, сказал: “Чем обстоятельней будет рассмотрена эта книга, тем больше оснований будет рассчитывать на то, что проф. Н.Л. Рубинштейн напишет новое, полноценное учебное пособие по русской историографии, основанное на марксистско-ленинской методологии, насыщенное богатым научным материалом”. Он призывал не ограничиваться разбором книги, ставить более широкие вопросы, закончив пожеланием: “Пусть наше совещание явится началом всесторонней, глубокой критики и самокритики на историческом фронте, своеобразным смотром научных и преподавательских сил в области истории”.

Но уже первым выступавший профессор И.К. Додонов (из Ташкента) использовал, характеризуя книгу Н.Л., только одну краску – черную. Он отверг данное Н.Л. определение предмета историографии, акцентировал внимание на том, что историческая наука – “составная часть идеологии, при этом наиболее воинствующая”, что “русская историческая наука сугубо партийная наука” и “ее развитие тесно связано с классовой борьбой”. И – по существу в противовес мнению зам. министра – заявил, «что речь может идти не о новом, улучшенном издании книги Н.Л. Рубинштейна, а о том, чтобы заново написать “Русскую историографию” на совершенно иных принципиальных основах»¹⁵. Именно такой подход отвечал намерениям властных структур и предопределил основную тональность последующих выступлений. (Додонов был особо отмечен, вскоре переведен на работу в Москву и, несмотря на малую коммуникабельность в общении, назначен заместителем директора Института истории АН СССР. Трудолюбивый и даже образованный, но совершенно однолинейно мыслящий историк, он стал позднее одним из авторов коллективных трудов по историографии, выступая в духе лекций М.Н. Покровского “Борьба классов и русская историческая наука”).

И случилось так, что большинство выступавших, обличая Н.Л. и ссылаясь на последние партийные документы, характеризуя книгу Н.Л. и предлагая внести новое в изучение русской историографии и построение ее учебного курса, как правило, повторяли мысли самого Н.Л., но обычно без ссылок на его статью. Некоторые выступления были примитивными по уровню; новое проскальзывало лишь тогда, когда говорили о сюжетах своей личной работы (т.е. по ограниченной временными или тематическими рамками проблематике¹⁶). Выступавших либо обязали высказаться, либо они хотели таким образом обратить внимание на себя, на свое стремление очищать марксистско-ленинскую науку от плевел. Жалко и в то же время зловеще выглядело выступление И.И. Мордвишина из Пединститута г. Иваново, напечатавшего перед тем письмо о книге Н.Л. и получившего слово только седьмым, – он обижался за то, что публично не оценили его инициативу, не выделили его роль: сработал симптом “Бобчинского и Добчинского”, боровшихся за то, чтоб было известно, кто первым сказал “э”.

¹⁵ Там же. С. 126–127.

¹⁶ См.: Там же. С. 126–135.

Н.Л. тоже был на сцене (но, если память не изменяет не за столом президиума, а сбоку стола). Он пытался было указать на то, что уже сам – и совсем недавно – отмечал то, в чем его укоряют, и понимает, в каком направлении должна идти его дальнейшая работа, но его обрывали и продолжали “учить”, опираясь на формулировки самого же Рубинштейна. Сначала он что-то записывал, вскидывал голову при особо крепких выражениях, недоуменно разводил руками, но затем, как-то сразу махнув рукой, затих и, уже ничего не записывая, сидел грустно и тихо, не глядя в зал, – понял, что обсуждение превращается в осуждение. Но заключительное слово ему дали.

Н.Л. оставался работать и на кафедре МГУ, и в Историческом музее и даже продолжал размышлять (конечно, в свойственном ему научном аспекте) о том, что становилось особенно актуальным отнюдь не только для историографов, – о проблеме “низкопоклонства” перед культурой других народов как явлении общественного сознания. Более того, наивно продолжал вовлекать в сферу своей мысли кафедральную молодежь. Так родилась идея организации аспирантской теоретической конференции, реализация которой оказалась роковой для Н.Л. и, полагаю теперь, для исторического факультета МГУ. Тем более что это совпало с пиком “разоблачений” театральных критиков, борьбы с “безродным космополитизмом”. О событиях той поры и их уроках недавно образно писал академик Ю.А. Поляков в статье-воспоминаниях “Весна 1949 года” в журнале “Вопросы истории” за 1996 г. (№ 8).

Впечатление от общественной атмосферы на истфаке можно получить, ознакомившись с книгой воспоминаний вдовы любимого и самого близкого ученика Н.Л. Авраама Моисеевича Разгона Е.З. Ардашниковой¹⁷, где много написано и о Н.Л., а также с многотиражной газетой “Московский университет” того времени¹⁸.

В номере № 15/16 от 14 марта 1949 г. на странице второй имеется подборка материалов о кафедре истории народов СССР истфака под общей шапкой “Разоблачить до конца буржуазных космополитов”. “Буржуазными космополитами” объявлялись прежде всего Н.Л. Рубинштейн, академик Исаак Израилевич Минц, профессор Израиль Менделевич Разгон, читавший лекционный курс по истории советского общества. Больше всех внимания уделялось Н.Л. Статья о Н.Л., озаглавленная «Об одной “теоретической конференции”», имеет подпись: “А. Кара-Мурза, М. Найденов, аспиранты кафедры истории народов СССР”. Остальные материалы – хроникальные – без подписи. Приводим эту статью полностью.

«Кафедрой истории народов СССР было принято решение о проведении теоретической конференции, посвященной жгучему политическому вопросу – борьбе с низкопоклонством перед Западом. Имелось в виду, что коллектив кафедры, глубоко вскрыв корни, политическую сущность, конкретные проявления низкопоклонства, поможет вооружить работников идеологического фронта мощным теоретическим оружием для беспощадной борьбы с буржуазной идеологией.

Однако конференция пошла по неправильному пути. Состав докладчиков на конференции был ограничен только аспирантами, а сама конференция была построена по странному “хронологическому” принципу. Вместо того чтобы сразу подойти к определению политической сущности низкопоклонства и значения борьбы с ним в наши дни, был избран обратный порядок: первое заседание посвятили истории борьбы с низкопоклонством в XVIII в., второе – в XIX в., и только на третьем заседании (которое так и не состоялось) предполагалось обратиться к вопросам современности. Более того, идеологическое руководство конференцией фактически было передоверено профессору кафедры Н.Л. Рубинштейну.

¹⁷ Ардашникова Е. Не только личное: повесть о жизни А.М. Разгона-воина, ставшего ученым, рассказанная его женой. М., 1998 (особенно гл. IV).

¹⁸ Там же.

Профессор Рубинштейн приобрел печальную известность в исторической науке как автор книги по русской историографии, которая насквозь пропитана духом безродного космополитизма. Раболепствуя и пресмыкаясь перед западной культурой, всячески принижая самостоятельную роль русских ученых в развитии исторической науки, Рубинштейн в своей книге показал себя убежденным носителем антипатриотических взглядов. Следует добавить, что незадолго перед конференцией эта книга была подвергнута резко осуждению именно в коллективе кафедры истории СССР, а профессор Рубинштейн был заклеен как низкопоклонник на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами истории народов СССР и во многих статьях на страницах советской печати.

Открывая по поручению партбюро кафедры теоретическую конференцию, Рубинштейн произнес пространное вступительное слово. Вместо того чтобы дать правильную теоретическую основу работе конференции в духе партийного понимания явления низкопоклонства, профессор Рубинштейн направил конференцию по пути ложного академизма, подменил партийную направленность абстрактными схоластическими рассуждениями, начисто выхолостив политическую остроту вопроса. Но сквозь туманные схоластические рассуждения отчетливо выступает исторически неверная, политически вредная концепция. Профессор Рубинштейн развивает порочный тезис о постоянстве и неизменности явления низкопоклонства в истории нашей Родины. Он имеет в виду идеологию низкопоклонства вообще. Он выясняет вопрос о том, когда возникла так называемая “идеология низкопоклонства”, говорит “об одном из исторических этапов явления низкопоклонства”, о “последовательности этой идеологии”, явления XVIII века рассматривает как “органическую часть всей проблемы”. Профессор Рубинштейн, найдя какие-то “волны” низкопоклонства в истории нашей Родины, пытается создать сомнительную “волновую” теорию. Он так формулирует свой основной вывод:

“Низкопоклонство в различное время и в разные эпохи имеет одинаковую основу, одинаковую политическую сущность” (!?)

Профессор Рубинштейн пытался дать теоретическое обоснование закономерности современного низкопоклонства, извращая историю нашей Родины. Для этого он объединил различные по своей природе проявления низкопоклонства перед Западом общими, надуманными чертами и свойствами, от чего нынешняя борьба партии против космополитов и антипатриотов выглядит как один из многих этапов извечной борьбы с неким постоянным явлением, издавна присущим русскому народу, как какая-то хроническая болезнь. В угоду этой концепции профессор Рубинштейн не остановился перед гнусной фальсификацией прошлого и настоящего, стараясь обратить русскую историю против русского народа.

Надуманная и вредная, насквозь космополитичная схема профессора Рубинштейна находится в полном противоречии с действительностью и прямыми указаниями партии. Она демобилизует советских людей в момент острой борьбы с космополитизмом и низкопоклонством и смазывает всю политическую остроту этой борьбы. Профессор Рубинштейн утверждает: “Если в современности мы можем говорить об известных пережитках, остатках буржуазного сознания в наших условиях, то для других периодов это явление было значительным и значимым. Именно эти периоды и должны привлечь наше особое внимание”.

Развивая свою порочную концепцию, Рубинштейн договорился до полного искажения сущности космополитизма, полностью извращая враждебную деятельность космополитов. Он заявил: “Низкопоклонство тесно связано с желанием уйти от современной действительности, от закономерностей ее развития, от движения жизни вперед, уйти и увести от нее сознание современника...”

Вся нелепость и вредность этого утверждения предельно ясна. Для каждого очевидно, что низкопоклонники и космополиты не только не уходят от действительности, но, наоборот, всю свою деятельность подчиняют целям борьбы с нашей социалистической действительностью. Безродный космополит профессор Рубинштейн открыто выступил адвокатом космополитов и антипатриотов, против которых направлена борьба всего идеологического фронта.

Подобрав надуманные черты якобы единого по своей сущности во все времена низкопоклонства, Рубинштейн не только смазывает политическое значение этого вреднейшего явления современности, но мельчит, умалывает значение той борьбы, которую ведет с ним партия.

Так, не желая различать времени, масштабов, политического значения этой борьбы, верный своему тезису о “вечности” низкопоклонства, космополит Рубинштейн смазывает значение борьбы большевистской партии за построение коммунизма.

Своим очередным выступлением профессор Рубинштейн еще раз показал, что он не только не разоружился после разоблачения его порочной книги, но еще более ярко обнаружил свои вредные взгляды. Более того, на этой теоретической конференции Рубинштейн выступил открытым заступником презренных космополитов и антипатриотов.

Партийное бюро кафедры допустило ошибку, фактически устранившись от руководства конференцией и перепоручив его такому воинствующему космополиту, как профессор Рубинштейн. В период, когда партия развертывала ожесточенную борьбу с безродным космополитизмом, коллектив кафедры истории СССР в течение 9 месяцев занимался мышью возней вокруг частных тем из далекого прошлого в полном отрыве от современности и задач сегодняшнего дня. Политически вредное выступление профессора Рубинштейна не встретило должного отпора на двух заседаниях теоретической конференции. Никто из докладчиков и выступавших, проявляя своеобразное низкопоклонство перед авторитетом, не попытался разобраться в этой концепции. Она была принята на веру и послужила “теоретическим” базисом для последующих выступлений и даже встретила одобрение ряда коммунистов. Некоторые товарищи, ссылаясь на “исчерпывающую теоретическую полноту” вступительного слова, отказались от самостоятельной разработки вопроса. Коммунист тов. Шмидт, пресмыкаясь перед мнимым авторитетом лжеученого, заявил, что “общие рассуждения Николая Леонидовича, которые мы слышали, мне кажется, в основном настолько правильны^{4*}, что я не буду выходить за рамки более или менее конкретного доклада”.

Теперь перед партийной организацией истфака стоит задача – глубоко вскрыть политические ошибки конференции и принять все меры для ликвидации ее вредных последствий».

Этот мерзопакостный документ, несомненно, следует признать историографическим источником, причем содержащим достаточно многообразную информацию и об общей тенденции партийно-исторической мысли, и о стилистике и терминологии “разоблачительных” выступлений историков МГУ.

“Пресловутой” конференции уделено внимание и в других газетных материалах. В хроникальной статье “За большевистскую партийность в исторической науке: с собрания партийной организации исторического факультета” сообщается, что на собрании 3 марта «Т. А. Кара-Мурза и М. Найденев подвергли резкой критике политическую направленность теоретической конференции аспирантов кафедры истории СССР. Партийное бюро кафедры фактически передоверило руководство конференцией профессору Н.Л. Рубинштейну, автору идеалистической, пронизанной духом низкопоклонства и космополитизма книги “Русская историография”. Своим политически ошибочным и вредным вступительным словом профессор Рубинштейн направил всю конференцию на ложный путь, придав ей небоевой, по существу антипатриотический характер. В своем выступлении на партийном собрании профессор Рубинштейн пытался опорочить партийную критику своих ошибок и смазать политически вредную сущность своей антипатриотической деятельности». В заметке о двухдневном, 7 и 8 марта, отчетно-выборном партийном собрании на кафедре истории СССР тоже читаем о том, что ряд товарищей “еще раз заклемили непартийное выступление проф. Рубинштейна на теоретической конференции аспирантов”, но большее внимание там уделено “осуществлению своих антинародных целей” Минцем и его приспешниками”, “группкой Минца”, занимающейся проблемами истории советского общества. Рядом и сообщение под заголовком “Своевременное выступление” о выхо-

^{4*} Видимо, не без влияния доклада Н.Л. и своих размышлений той поры я предложил позднее, в 1950 г., первому моему дипломнику в МГИАИ Виктору Ивановичу Буганову тему “Борьба с западным влиянием в сатирических журналах Н.И. Новикова” (Мир источниковедения. М.; Пенза, 1994. С. 377).

де номера стенгазеты истфака “Историк-марксист”, в котором под шапкой “Разгромить до конца космополитов-антипатриотов в исторической науке” напечатали и статью Н. Новиковой, озаглавленную “Когда за дело берутся проектеры”, «об организации пресловутой “теоретической” конференции по истории низкопоклонства» – такова была общественная атмосфера на историческом факультете^{5*}.

Меня тогда именно эта история непосредственно не коснулась. Объяснялось это тем, что те же Найденов и Кара-Мурза поспешили со мной расправиться еще прежде – в конце 1948 г., поставив на партбюро вопрос о том, что я не представил в срок кандидатскую диссертацию. (В период аспирантуры я серьезно заболел, лишен был возможности заниматься в ленинградских архивах, поэтому пришлось изменить тему диссертации, которая – не без влияния как раз знакомства с Н.Л. и его трудами – была посвящена реформам П.И. Шувалова, и вернуться к более изученному XVI в. и написать диссертацию вместе со сбором дополнительного материала буквально в девять месяцев; накопленные же при исследовании архивов елизаветинского времени материалы стали предметом нескольких статей последующих десятилетий^{6*}.) Партбюро истфака вынесло мне взыскание, но М.Т. Белявский (в то время секретарь партбюро) сделал так, что вопрос был не сразу передан на рассмотрение партсобрания, и ко времени партсобрания я смог положить в кабинет кафедры переплетенную диссертацию. (И тут с благодарностью вспоминаю друзей по университету, которые помогли мне в считывании машинописного текста, переплетении рукописи и пр.) Несмотря на “обличения” Найденова и С.И. Антоновой, за выговор голосовало девять человек, и президиум партсобрания вынужден был удовлетвориться обсуждением, признанным поучительным для других аспирантов. Имело значение, конечно, и то, что в защиту Шмидта выступили коммунисты-фронтовики студенческой группы, где я был пропагандистом. Возвращаться снова к Шмидту партбюро было неловко. А когда обратились в Историко-архивный институт, преподавателем которого я стал 1 февраля 1949 г. (но, кажется, еще не успел встать на партучет), то проректор А.Д. Никонов “послал их подальше”. Вообще именно Никонову^{7*} я обязан устройством на работу в МГИАИ (в МГУ меня намерены были направить в Томский университет), а в МГИАИ во время кампании борьбы с “буржуазным объективизмом”, когда устранили от работы А.И. Андреева, вынудили покинуть ин-

^{5*} Как показательный для общественной атмосферы тех месяцев на память приходит еще один эпизод. Люди моего поколения помнят несколько экзальтированную истфаковскую машинистку Анну Ивановну, с декольте не по возрасту и странноватой прической. Вдруг она, столкнувшись со мной в факультетском коридоре, стала меня целовать. И когда я в недоумении отшатнулся, объяснила, что “в благодарность”. Оказывается, она видела, как в день “осуждения” на партсобрании Н.Л. я на глазах у всех, стоя в центре зала, несколько минут разговаривал с ним во время перерыва. А дело обстояло так: когда мы поздоровались за руку и на мгновение оказались рядом, то все стали нас обходить, и мы не могли сдвинуться с места, обтекаемые на расстоянии отворачивавшимися в сторону участниками собрания.

^{6*} Некоторые статьи такой тематики объединены теперь в книге: *Шмидт С.О.* Общественное самосознание “российского благородного сословия” (в печати).

^{7*} А.Д. Никонов на истфаке в свое время сдерживал особенно ретивых сторонников крайней партийной линии. И хотя он в духе других “проработчиков” выступал по поводу деятельности профессора И.С. Званича, повседневность общественной жизни кафедры новой истории мы не знали, а на фоне остальных он выделялся склонностью к сохранению приличий. И потому, подчеркивая то, что Никонов в военные годы служил в “Смерше”, не следует на основании этого делать однозначный вывод о его общественной позиции и манере поведения. В “Смерш” направляли людей разного типа. Там служил и А.С. Черняев (что тоже норвать подчеркнуть), который и тогда и позднее (когда он занимал видный пост в Отделе науки ЦК, курируя работу историков) проявлял доброжелательность и неизменную порядочность. (Это обнаруживается и в его воспоминаниях, где он показал себя и талантливым писателем, и мыслителем-мемуаристом, и честным человеком.) Суждение об историке (да и вообще о человеке) только на основании формальных анкетных данных – как раз пережиток историографических подходов сталинских времен.

ститут Черепнина (он был замечательным лектором)^{8*}, выдвигали обвинения и против Яцунского в то время не было столь заметных элементов характерного для истфака МГУ откровенного антисемитизма. Даже в те месяцы, когда власти распалили антисемитские настроения, обстановка в МГИАИ существенно отличалась от истфакской^{9*}. Все познается в сравнении.

В очерке Г.В. Костырченко “Идеологические чистки второй половины 40-х годов: псевдопатриоты против псевдокосмополитов” во втором томе книги “Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал”, изданной в 1997 г. РГГУ под общей редакцией Ю.Н. Афанасьева, показано, к каким аморальным поступкам приводили в момент резкого партийно-государственного давления инстинкт самосохранения, опасение лишиться занимаемого положения или стремление к большой власти (а возможно, и страстность общественного темперамента) даже по-настоящему высокодаровитых и храбрых на поле военного боя людей, таких, как А.А. Фадеев и К.М. Симонов, когда они тоже оказались действительно включенными в борьбу с “космополитами”. Так же повел себя и талантливый историк и педагог-наставник, основатель научной школы историков, впервые серьезно и смело занявшийся изучением истории России периода империализма, А.Л. Сидоров^{10*}. (Быть может, это объясняется также тем, что он уже испытывал опалу и понимал, чем кончится для него новая.) Не помню, чтобы Сидоров действительно выступал против Рубинштейна, тем более характеризовал его как “псевдоученого” (он сам, как исследователь-новатор и педагог, понимал, конечно, огромный научный потенциал Н.Л.). Тогда он сконцентрировал внимание на “своем” участке атакуемого “исторического фронта” – “группке Минца”. Но, став заведующим кафедрой истории СССР истфака МГУ, он, естественно, во многом определял складывавшуюся там обстановку.

Сохранился протокол расширенного заседания Ученого совета истфака от 25 марта 1949 г., посвященного проявлением “космополитизма” и борьбе с ним. Есть запись и выступления Н.Л., покаянного по направленности своей и состоящего из стандартизированных клише. Начиналось оно так:

^{8*} Совершенно бесновательно утверждение В.Д. Назарова в очерке о Л.В. Черепнине в книге “Историки России XVIII–XX веков” (М., 1995. Вып. 2. С. 149), будто «Черепнин вынужден был покинуть Историко-архивный институт... в связи с непрекращающимися нападками А.И. Андреева и многих других ученых – ревнителей “последовательно классовых оценок в исторической науке». А.Н. Цамутали справедливо отметил это в рецензии на издание в журнале “Отечественная история” (1997. № 2. С. 186). Напротив, именно Андреев был главным объектом ревнителей последовательно классовых оценок и держался при этом с большим достоинством. Подробно об этом см.: *Простоловцова Л.Н., Станиславский А.Л.* Мы учим советских людей, а не древних греков (Из истории вузовской исторической науки конца 30–40-х годов) // ИСССР. 1989. № 6. С. 92–104. Л.В. Черепнина же, на всю жизнь запуганного арестом и последующими страданиями в начале 1930-х годов, вынудили выступить и против А.И. Андреева, как ученика и последователя А.С. Лаппо-Данилевского, и против Н.Л. Рубинштейна, как автора статьи об отечественной истории в Большой Советской Энциклопедии. См.: ВИ. 1949. № 6. С. 100–107.

^{9*} Цитаделью мракобесия МГИАИ стал было в годы “трапезниковщины”. Но сталинские времена уже прошли, и приходилось довольствоваться письмами-доносами в вышестоящие инстанции и извбавлением от неугодных преподавателей. Но эти преподаватели устраивались на новую работу, и как правило в престижные учреждения (Институт истории АН СССР, Университет дружбы народов, Московский государственный институт международных отношений и др.). Ошельмованные же на истфаке МГУ в 1949 г. обычно не могли найти работу в Москве. Подробнее о событиях в МГИАИ на рубеже 1940–1950-х годов и в 1970-е годы см. в тексте беседы с А.В. Кузьминым в издаваемом РГГУ альманахе “ИстФакт”: “Я всегда был верен ИАИ, не мыслил себя вне ИАИ, общения с моими учениками – прежними и нынешними...” (в печати).

^{10*} Это выглядело странно и потому, что среди близких учеников А.Л. Сидорова были М.Я. Гефтер, А.Я. Аврех и др. И когда в начале того же 1949 г. повесилась в Иванове, в общежитии Пединститута (где ее “проработкой” руководил уже упоминавшийся Мордвишин), преподававшая там Нина Исаковна Разумовская – самая талантливая студентка и позже аспирантка моего выпуска истфака (травля совпала с трудными обстоятельствами и ее личной жизни), то в организации кремирования ее в Москве и материального его обеспечения более всех помогала жена А.Л. Сидорова, Г.В. Лебедева. (В только что опубликованной дневниковой записи С.С. Дмитриева от 28.III.1949 г. отмечено, что поводом к преследованию было то, что Нина “вступилась за Рубинштейна”. См.: ОИ. 1999. № 3. С. 149.)

«Я думаю, всем понятно, что мне особенно тяжело выступать сегодня, когда вопрос о космополитизме, на разоблачение и разгром которого партия направила все внимание советской общественности, имеет непосредственное отношение к моим работам, которые справедливо подверглись сейчас решительной критике (на заседании речь шла и о “Русской историографии”, и о статье в томе “СССР” Большой Советской Энциклопедии. – *С.Ш.*). Я глубоко сознаю, что в условиях, когда мир раскололся на два лагеря и наша страна во главе всего передового человечества ведет решающую борьбу за свободу, за дальнейшее развитие в мире, – обязанность каждого ученого, советского ученого, а тем более ученого-коммуниста, быть на передовой линии огня. Этому учат Ленин и Сталин нас, и об этом не так давно напомнил нам товарищ Жданов. А это значит для нас прежде всего – обязанность бороться, вести самую непримиримую борьбу с растленной наукой, с загнивающей наукой, зарубежной наукой Запада, борьбу с идеологией космополитизма, являющейся орудием оголтелой агрессии американского империализма. Это значит – обязанность раскрыть все величие нашей Советской страны, нашей советской культуры, показать роль русского народа в мировой истории.

Мне совершенно ясно, что, каковы бы ни были мои личные желания и побуждения, мои научные работы не отвечали этой большой принципиальной задаче. А это значит, что в своей работе я отошел от основных принципов марксизма-ленинизма, нарушил ленинские требования непримиримой большевистской партийности в науке, и в результате оказался в плену у буржуазного объективизма, допустил грубейшие космополитические ошибки. Крайне тяжелое это сознание для советского ученого...»

Далее коротко сказано о некоторых выступавших до него, конкретном характере, “недостатках” трудов Н.Л., хотя он и позволил себе попытаться как-то “оправдать” свою методику: “Мне казалось, что я противопоставил материализм и марксизм буржуазному идеализму, но именно противопоставил, а не показал борьбу, не показал, как в борьбе создавалась действительная наша наука, наша советская наука”. Н.Л. решительно возражал лишь против отнесения его к “группе”, даже к ученикам И.И. Минца: “Я не могу в результате не поставить вопрос и о том: откуда, как получились эти ошибки у меня? Здесь, правда, высказывание профессора Сидорова давало объяснение, что это в результате развития идей, идущих от Минца, что я выступал учеником Минца, что я отнесен к группе Минца. Я должен это решительно отвергнуть. Я никогда с Минцем в своей научной работе не был связан, и, я думаю, работники кафедры знают, что я нисколько не соприкасался с Минцем в своей научной работе. Я не могу смотреть на Минца как на теоретика нашей науки, мне чужда и далека была такая постановка вопроса и в той статье, о которой говорил профессор Сидоров...” (речь идет об историографическом разделе в энциклопедической статье. – *С.Ш.*). Свои “ошибки” Н.Л. объяснял тем, что “пошел за... буржуазной историографической литературой”. Свое выступление он завершил словами:

“И передо мной, перед ученым, который подводит такие итоги, возникает вопрос: как ему преодолеть эти ошибки, может ли он выйти из них и пойти правильным путем, путем марксистско-ленинской работы, путем советского ученого? И мне кажется, мне думается, мне хочется верить, что в моей научной работе, в моей исследовательской работе, в частности, за последнее время, было кое-что такое, что говорило о том, что я в этом направлении веду свою работу, в моих исследованиях есть шаги вперед (очень мало). И я понимаю, что долг, лежащий на многих моих работах, очень велик и очень тяжел. Но с помощью большого коллектива советских ученых-историков я эту работу по исправлению ошибок сумел сделать и дать такие работы, которые требуют от нас советская родина, наш советский народ. Я уверен, что я все силы отдам для того, чтобы вместе с вами, учитывая задачи замечательного строительства нашей родины, нашей науки, на ту великую борьбу, которая ведется сейчас нашей страной”^{11*} (неправленная стенограмма).

Грустно читать этот вымученный текст. Подобного жанра выступление казалось обязательным условием продолжения творческой деятельности – даже в

^{11*} Возможностью ознакомиться с текстом данного выступления я обязан немецкому коллеге Флориану Энкке (Encke), изучающему по близкой мне историографической проблематике материалы наших архивов.

сфере такой (сравнительно с историографической проблематикой) относительно спокойной тематики исторической науки, как экономическая история России второй половины XVIII в. (Вспомним, что считал допустимым для себя писать в те же годы даже великий Шостакович!) И это – увы, тоже – историографический факт, причем очень характерный для той поры.

В апреле 1949 г. Н.Л. лишили возможности продолжать работу в Московском университете; из Исторического музея он предпочел уйти сам. Ему вынесли партийное взыскание. (В коммунистическую партию он вступил в военные годы.)

И потому самостоятельного исследования заслуживает тема об ущербе, нанесенном преследованием книги Н.Л. развитию нашей историографии. Снижение тогда ее научно-теоретического уровня очевидно, что отразилось и в академических “Очерках истории исторической науки в СССР”, и в сменивших книгу Н.Л. учебных пособиях, в тенденции работы историографов в Московском университете (прежде всего А.М. Сахарова, М.Е. Найденова).

Для Н.Л. наступило тяжелое время. И он показал, что исследовательский труд – его призвание. Все силы он вкладывал в работу, посвященную истории генезиса капитализма в России. И удавалось печатать исследования на эту тему, даже книгу. Постепенно Н.Л. стали привлекать к работе и по историографической проблематике. Возможность преподавать он получил лишь в Московском библиотечном институте – вузе, где его уникальные знания и методические навыки не могли быть в должной мере востребованы. Перейдя на работу в МГИАИ в 1957 г., Н.Л. смог снова уже вести и личные занятия по широкому кругу проблем. Но преимущественное внимание уделял сюжетам истории XVIII в. и дал заявку на подготовку в МГИАИ книги “Источники по социально-экономической истории России XVIII века”, которую надеялся завершить в 1960 г. В авторской аннотации отмечено, что “изучение источников сопровождается выяснением основных архивных фондов и состояния их научной разработки”¹⁹. Но из-за всего перенесенного силы Н.Л. иссякали. После инфаркта (август 1958 г.) Н.Л. через год вышел на пенсию. Скончался Н.Л. Рубинштейн в одночасье – 26 января 1963 г.

Прощались с Н.Л. в актовом зале Историко-архивного института, в помещении, где теперь отмечалось 100-летие со дня его рождения. Вообще к Историко-архивному институту стягиваются нити, напоминающие о разных периодах жизни Н.Л. Гимназический учитель в Одессе, которому он особенно обязан утверждением интереса к серьезным занятиям историей, – И.Л. Маяковский основал здесь кафедру теории и практики архивного дела. На кафедре, где стал работать Н.Л., среди преподавателей оказались тогда и двое активных участников проработки книги Н.Л. “Русская историография” в 1948 г. – И.К. Додонов и В.Е. Иллерицкий, и упоминавшийся уже И.А. Кудрявцев, и Шмидт: на рубеже 1950–1960-х годов мы все вместе готовили в Историко-архивном институте новое учебное пособие по отечественной историографии до 1917 г. В книге, изданной в 1961 г., из 30 глав 9 написаны Н.Л. Так не всегда объяснимые связи и совпадения становятся фактами не только биографии, но и историографии. Время и в данном случае все ставит на свои места.

Если исходить из принципов распределения материала в книге “Русская историография” 1941 г., то характеристике творчества Н.Л. и его значения для развития нашей исторической науки должна быть отведена в подобного типа обобщающем труде специальная – персональная – глава. Сделасм же так, чтобы имя Николая Леоновича Рубинштейна заняло достойное его выдающееся место в будущих трудах по российской историографии и написанное им продолжало обогащать нашу современную науку.

¹⁹ См. об этом: *Ковалев И.В.* Материалы по социально-экономической истории России XVIII в. в рукописном наследии Н.Л. Рубинштейна // АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 289.

“РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ” Н.Л. РУБИНШТЕЙНА

“Русская историография” Николая Леонидовича Рубинштейна уже, пожалуй, представляет собой мемориальное явление нашей исторической и историографической литературы. Во-первых, этим мемориальным явлением она или стала совершенно недавно (будучи выпущенной из печати в 1941 г.), или еще становится таковым. Во-вторых, и до перехода в это историко-мемориальное состояние, и после него она равным образом остается в первом ряду отмеченных настоящим талантом историографических трудов – вместе с работами С.М. Соловьева “Писатели русской истории XVIII века”, “Николай Михайлович Карамзин” и П.Н. Милюкова “Главные течения русской исторической мысли”.

Первое объяснить не столь сложно. Книга Н.Л. Рубинштейна, которая родилась в специфической атмосфере советской исторической науки конца 1930-х годов, с ее классовым, формационным императивом, и принадлежала этой науке, привлекала к себе, подобно хорошему словарю, не только своим содержательным объемом (в нее любой историк “советского формирования”, занимавшийся Россией, “отправлялся” за первыми сведениями о своих предшественниках)¹, не только открывающими каждую главу обширными библиографическими справками, но и чем-то иным. Она привлекала также своей огромной целостностью – это история исторического познания (и объяснения) в России от Нестора до Сталина. Но не это главное. Она привлекала (несмотря на естественное для ее времени обилие в ней классово-политических экивоков, и искренних и необдуманно-шаблонных) заложенным в ней подспудным ощущением уважения к труду многих поколений писателей и ученых. Она привлекала методом, призывая идти, прежде всего, от текста труда изучаемого историка, пытаться понять этого историка в его собственной эпохе. Она привлекала тем, что это была умная и живая трансляция знания, метода, стиля, эрудиции, этики, наработанных, по крайней мере, двумя предшествующими ей столетиями. Она была достойным во многих отношениях образцом – вот что сдерживало ее переход в “мемориальное состояние” в условиях советской исторической науки даже тогда, когда появились десятки “вторичных” по отношению к этой книге историографических “очерков”, учебников, лекционных курсов, справочников и т.п. Нет, она не только не устарела, ей все же суждено на долгие годы внимание ученых. Но именно окончание советской исторической науки, в свое время официально отторгнувшей эту книгу и ее автора, переводит ее из разряда книг-диссидентов в разряд историографических памятников.

Второе объяснить сложнее – не потому, что нужны сверхусилия для поиска аргументов, почему книга Н.Л. Рубинштейна достойна быть представленной в первом ряду историографической классики, а потому, что добрать

¹ Мы как-то привычно упускаем из виду такую нехитрую деталь, как количественная скудость в конце 1930–1950-х годов новых энциклопедий, словарей, биобиблиографических изданий; подмену в них реального содержания политическими клеймами и ярлыками; “неудобство” ссылок на дореволюционные и тем более зарубежные справочные издания или на такие, как первое издание Советской энциклопедии, библиографии и словари 1920-х годов, – вроде бы не запрещенная, но “табуированная” литература. “Русская историография” Н.Л. Рубинштейна была изъята из учебного процесса в высшей школе, но никогда не перемещалась в “спецхран” и, несмотря на жесточайшую критику автора, к “табуированной” литературе не принадлежала – побитого автора отпустили восвояси. Можно припомнить ряд сходных примеров или “отпуска живым” историка с “полузабвением” его книг («“Регулярное” государство Петра I и его идеология» Б.И. Сыромятникова. М.: Л., 1943. Ч. I.), или, напротив, “отпуска живой” книги с забвением или полузабвением ее автора (труды М.Д. Приセルкова) и др.

ся ей до этого места было труднее, чем во времена создания “Писателей русской истории XVIII века” или “Главных течений русской исторической мысли”.

В силу ряда причин (прежде всего из-за цензуры, из-за отсутствия открытой политической полемики, в ситуации, когда, скажем, за известными спорами славянофилов и западников скрывались искусно спрятанные мысли о том или ином варианте конституции², из-за постоянного и напряженного внимания к шедшей впереди европейской историософии) в российской исторической науке XVIII – начала XX в. была в большей мере, чем в европейской, развита склонность к авторефлексии³. Содержание, имена выдающихся авторов, пути движения русской историографической мысли того времени известны. Историография (впрочем, как и источниковедение) в мировой науке – поле преимущественно российской работы, на котором задолго до историков-марксистов возделывалась не только собственно история исторического познания, но и методология истории (занимавшая в российском гуманитарном знании место, пожалуй, не меньшее, чем философия в традиции западной) и история социальных учений в России.

Эта значимость историографии многократно выростала для историков-марксистов в послеоктябрьский период: здесь скорее можно было реализовать свою особенность, наиболее эффектно дать бой отбрасываемой “буржуазно-дворянской науке”, или, как любили формулировать историки-марксисты, “защитить” марксизм от “нападков” и “извращений”, “вылазок”, разоблачить “искажения” в понимании буржуазно-дворянскими историками русского исторического процесса.

Эта деятельность была развернута быстро. В то время как растерянная “старая” историческая наука в начале 1920-х годов отмечала своими историографическими работами 100-летний юбилей С.М. Соловьева, 10-летие кончины В.О. Ключевского (выступления и статьи С.Ф. Платонова, А.Е. Преснякова, С.В. Рождественского и др.), готовила новые историографические “введения” в курс русской истории (В.И. Пичета), марксистская историография уже “защищалась” выпуском воинствующего лекционного курса М.Н. Покровского “Классовая борьба и русская историческая литература” (1923), открывшего целую серию его работ и работ его сподвижников и слушателей семинара в Институте красной профессуры. Крайностью такой литературы, не принятой даже самими историками-марксистами, стали выступления С.А. Пионтковского и его книга “Буржуазная историческая наука в России” (1931) с вульгарно-классовыми дефинициями (“идеолог кулачества”, “выразитель интересов городской буржуазии”) и прямыми политическими обвинениям в адрес А.А. Кизеветтера (высланного из РСФСР), С.Ф. Платонова и Ю.В. Готье (уже обвиненных по Академическому делу”). К началу 1930-х годов, в одну ногу с вытеснением истории обществоведением и вульгарным социологизированием, историография, по существу, вырождалась в политизированный погром буржуазной, и особенно мелкобуржуазной, науки.

Но это могущественное и выглядевшее к началу 1930-х годов победоносным наступление больше казалось, чем было, тотальным фронтом (оно любило использовать эту терминологию и звать себя “историческим фронтом”). Это был, с одной стороны, лишь первый, неустоявшийся вариант советской, марксистско-ленинской концепции всемирной и отечественной истории. С другой стороны, научное знание, профессионализм, традиция продолжали жить в творчестве достаточно большого круга ученых, “старых”, как Ю.В. Готье или С.В. Бахрушин,

² Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 6–12.

³ См.: Колесник И.И. Зарождение и развитие историографических знаний в России (XVIII – начало XIX в.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1991. С. 15–16.

и “молодых”, как Д.С. Лихачев или А.Н. Насонов. Но и тем и другим пришлось учиться “дышать под водой”, те и другие становились живыми “преодолеваемыми препятствиями” на пути к методологическому единству. Несколько позднее, к середине 1930-х годов, реальная опасность тотального “отторжения истории” ее социологизацией в духе 1920-х годов была осознана руководящими “верхами”. Им была нужна не абстрактная мировая “история общественных форм” по М.Н. Покровскому, С.А. Пионтковскому, Н.Н. Ванагу, в которой России отводилось скромное место, а иная, державная история с советским народом – наследником веков, “первым прорвавшимся к будущему всего человечества”. Определился новый круг для заклания жертвы во имя единственно правильного взгляда в прошлое.

Но нельзя упускать из виду и того, что на повороте к необходимой “верхам” и контролируемой ими “державной истории” состоялось некое невыговоренное соглашение между этими “верхами” и носителями квалифицированного исторического знания. Возвращение исторического факта и возрождение исторической проблематики, восстановление исторического образования и создание исторической научно-исследовательской и публикационной инфраструктуры вселяли некоторую надежду. Не прошла втуне – под каким бы сталинско-кировско-ждановским контролем ни находилась – работа над первыми изданиями учебников истории, первыми многотомниками, над возрождаемым жанром фундаментальной монографии⁴.

Здесь нужно отметить сразу целый ряд обстоятельств, сопровождавших рождение книги. Работа над общей концепцией истории страны не могла не сопровождаться подобной же работой над историографической концепцией или соответствующим историографическим обозрением. Но ни один из авторов гремевших историографических сборников и статей 1920-х годов (мы имеем в виду уцелевшую в 1930-е годы их часть) до середины 1950-х годов не пишет ни единой историографической строчки. Если работа над учебниками отечественной истории (тем более над несостоявшимся предвоенным многотомником по истории СССР) была делом коллективным – работали Б.Д. Греков, С.В. Бахрушин, К.В. Базилевич, В.И. Лебедев, А.М. Панкратова, М.В. Нечкина, А.В. Шестаков и многие другие, то параллельное создание историографической концепции выпало, по собственному выбору, на долю одного Н.Л. Рубинштейна. Наконец, такая книга могла быть создана только в результате чтения историографического курса. Такой курс с первой половины 1930-х годов существовал в единственном тогда историческом вузе – МИФЛИ и уже оттуда был перенесен в МГУ: и там и там его читал Н.Л. Рубинштейн. В 1940 г. текст своего курса Н.Л. Рубинштейн защитил в качестве докторской диссертации.

Все его историографические труды “завязаны” вокруг этого курса и “Русской историографии”, вышедшей буквально накануне войны, – или предшествуют им, или исходят из них. До издания книги выходят его статьи “Сергей Михайлович Соловьев”, “Николай Иванович Костомаров”, “Василий Осипович Ключевский” и введение к переизданию в 1937 г. “Курса” В.О. Ключевского, “Значение работ Ленина и Сталина в развитии русской исторической науки”. После нее – “Основные проблемы построения курса историографии” (1948), часть VIII главы первого тома “Очерков истории исторической науки в СССР” (1955), девять глав в двух изданиях учебника “Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции” (от В.Н. Татищева до С.М. Соловьева), многочисленные статьи в Советской исторической энциклопедии о К.Н. Бестужеве-Рюмине, С.Б. Веселовском, А.Д. Градовском, Н.Я. Данилевском, Н.Ф. Дубровине, И.Е. Забелине, некролог Ю.В. Готье (1946).

⁴ См.: *Артизов А.Н.* Школа М.Н. Покровского и советская историческая наука (конец 1920-х – 1930-е годы): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998.

В известной мере разгадка необычайной устойчивости главного труда Н.Л. Рубинштейна состоит в самом его подходе к определению предмета русской историографии. В те времена, когда входили в употребление определения с социально-классовыми ограничениями, он написал удивительно просто и емко: “Дать историю развития русской исторической науки в условиях русской истории в связи с общим развитием общественной и научной мысли и с непосредственным ростом конкретного исторического знания”⁵ (впоследствии, начиная с 1948 г., именно то, что это определение было лишено классового содержания, что в нем “не акцентировалось внимание на борьбе различных классовых направлений и течений в исторической науке”, было предъявлено Н.Л. Рубинштейну как центральный “пункт” обвинений в буржуазном объективизме и космополитизме).

Но, по сути дела, именно Н.Л. Рубинштейн ввел в советский историографический обиход его центральный принцип – периодизацию формационного типа. Он выделил в развитии русской историографии три периода – феодальный, буржуазный и марксистский⁶. Его книга впервые в послеоктябрьской марксистской историографии возвращала читателя к дооктябрьской традиции рассматривать российское историописание со времен “Повести временных лет”: дело в том, что М.Н. Покровский и его ученики начинали свои историографические работы лишь с XIX в. Вероятно, было бы наивно видеть в этом шаге Н.Л. Рубинштейна одно лишь стремление подчинить уже утвердившейся в интерпретации отечественной истории формационной схеме историографический материал (хотя и это явно просматривается). Ценно иное, хотя мы и не можем судить, насколько это осознал сам Н.Л. Рубинштейн: восстанавливалась научная историографическая традиция, прерванная критической атакой школы М.Н. Покровского, хотя эта традиция в лице Н.Л. Рубинштейна и училась “дышать под водой”. Это один из факторов, определивших значимость книги Н.Л. Рубинштейна и ее место в ряду классических историографических трудов. И, в конечном счете, размышления Н.Л. Рубинштейна о периодизации исторического познания стоят в существенном отношении несравненно ближе к современным эпистемологическим подходам к периодизации исторического знания, чем подходы и периодизация его классических предшественников, включая В.О. Ключевского и П.Н. Милюкова.

Н.Л. Рубинштейн в своей книге не только восстанавливал, но и в значительной мере развивал историографическую традицию. Обязательные элементы историографического анализа для него – оценка философского и источниковедческого фундамента исторической науки и в этой связи напряженное внимание к связям российской и европейской историографии, к уровню той и другой. Впоследствии в 1948–1949 гг., это стало основой нападок на ученого, обвинений в преувеличении византийского влияния на древнерусскую историографию, польского влияния на русскую историческую мысль XVI–XVII вв., в “неумеренном” внимании к западноевропейским философским и историческим теориям и отсюда в “недооценке” самостоятельности русской исторической мысли и т.д.⁷ Этот удар был нанесен не одному Н.Л. Рубинштейну (да и не на него одного он был рассчитан). Вышедшие в 1955–1963 гг. первые три тома “Очерков истории исторической науки в СССР” (не говоря уже о двух последующих, посвященных советской историографии) и другие историографические работы тех лет попросту не замечали никакой мировой и европейской исторической мысли до и после работ К. Маркса и Ф. Энгельса. Рубец от этой раны российской историографии стал затягиваться лишь в последнее время: только лишь А.Л. Шапиро су-

⁵ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 13.

⁶ Там же. С. 15.

⁷ См.: Вотинов А. Обсуждение книги Н.Л. Рубинштейна “Русская историография” // ВИ. 1948. № 6. С. 126–135.

мел не фрагментарно, не на коротком временном отрезке, а от древнейших времен почти до конца XIX в. увидеть российскую историографию включенной в общеевропейский поток исторической мысли и труда “историописания”⁸. Разумеется, книга Н.Л. Рубинштейна, объективно противостоявшая самоизоляции и самовозвеличению режима (а историческая наука в целом была его составной частью), не могла быть терпима в официальной советской историографии. В ее апокрифичности, внутреннем столкновении – наука против идеологии (исповедуемой самим ученым!) – еще один фактор высокой ее значимости: труд Н.Л. Рубинштейна исподволь ставил читателя перед этой альтернативой.

Н.Л. Рубинштейн продолжил труды российских историографов XIX в., развертывая и пополняя “портретную галерею” историков XVIII – начала XX в. (и в пресловутом обсуждении книги ему также вменяли в вину то, что он оценивал не направления в российской историографии – имелись в виду дворянское, буржуазное, дворянско-буржуазное, мелкобуржуазное и т.п., – а деятельность, книги, взгляды ученых). Он унаследовал от С.М. Соловьева взвешенную оценку роли немецких ученых XVIII в. Г.З. Байера, Г.Ф. Миллера, А.Л. Шлецера, выведенных критикующими современниками за рамки российской историографии и противопоставленных ей. Может быть, не вполне правомерно Н.Л. Рубинштейн отнес Н.М. Карамзина к русской историографии XVIII в., но мотивы этого вполне понятны: Карамзина, в глазах Рубинштейна, объединял с предшественниками рационалистический взгляд на мир и историю. Автор “Русской историографии” фактически противопоставил фрагментарной критике учеными школы М.Н. Покровского отдельных ученых систематический взгляд на российскую историографию XIX в., выявляя общность и преемственность воззрений И. Эверса, ученых “скептической школы”, Н.А. Полевого (Н.Л. Рубинштейн едва ли не впервые обоснованно определил его место в российской историографии как буржуазно-либерального публициста и историка), историков “государственной школы”.

Необычной тонкостью отмечен анализ исторических воззрений славянофилов: преодолевая вульгарно-социологическую их трактовку в духе М.Н. Покровского, Н.Л. Рубинштейн принципиально верно видел и черты их общественно-политической оппозиционности, и консерватизм их исторической концепции. Высочайшим достижением Н.Л. Рубинштейна и в этой книге, и в последующих публикациях явилась характеристика исторических взглядов С.М. Соловьева (за исключением, пожалуй, противопоставления С.М. Соловьева “государственной школе”). Более здраво, чем целый сонм последующих историков, Н.Л. Рубинштейн смотрел на историческую публицистику деятелей демократического лагеря: не отрицая роли “великих русских просветителей” Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова, представителей народнической публицистики в развитии исторической мысли, он не склонен был поднимать их деятельность до масштабов деятельности профессиональной исторической науки.

Совершенно новые, сравнительно с критическими статьями 1920-х годов, краски и оттенки, в целом соответствующие изучаемому времени, были найдены им для оценки исторических воззрений Н.И. Костомарова и В.О. Ключевского. Сложившейся традиции писать о Г.В. Плеханове только по его признанным марксистскими философами и историками партии работам 1880–1890-х годов Н.Л. Рубинштейн впервые противопоставил анализ его главного и собственно исторического труда – “Истории русской общественной мысли”. Глубиной анализа, тонкой дифференциацией позиций историков отмечены страницы “Русской историографии”, посвященные Н.П. Павлову-Сильванскому и ученым, представлявшим “отражение марксизма в буржуазной литературе”. Напротив, шаблон, стереотип, идеологический элемент в равной степени доминировали

⁸ См.: Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 года. Л., 1991.

там, где Н.Л. Рубинштейн писал о П.Н. Милюкове, В.И. Ленине, И.В. Сталине: наивно было бы думать, что в то время малейшему научному сомнению можно было подвергнуть политические ценности и антиценности. Но крайне интересно то, что после завершённого в 1939–1940 гг. разгрома школы М.Н. Покровского, Н.Л. Рубинштейн резко изменил тон, охарактеризовав эволюцию исторических взглядов последнего без крайностей, без пресловутого нажима на критику.

Значение книги Н.Л. Рубинштейна состояло в том, что она одна (несмотря на определенную сложность языка, сухость, неясность многих ее положений) позволила организовать чтение историографического курса в крупнейших вузах страны и стимулировала историографические исследования. Генетически современная историография как дисциплина восходит не к работам 1920-х годов, а – через книгу Н.Л. Рубинштейна – к длительной российской историографической традиции.

Время этой книги ушло. Уходит и книга – из подсобного фонда историков последнего полувека в фонд классической исторической литературы прошлого.

О.М. Медушевская

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА “РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ” Н.Л. РУБИНШТЕЙНА

Книга Н.Л. Рубинштейна “Русская историография”¹ сама по себе представляет замечательное историографическое явление: она отвечает представлениям о научной классике. С моей точки зрения, книга имеет три характерных для подобного уровня признака: единство концепции, охват полноты фактов (не в том смысле, что охвачены все возможные факты, но в том, что появление новых фактов не колеблет общей интерпретационной модели), цельность структуры (именно поэтому классика, вообще говоря, доступна читателю любого уровня – каждый находит в ней свой уровень восприятия). Все эти признаки здесь налицо, и мы до сих пор перечитываем этот труд и рекомендуем его как учебное пособие. Иногда в качестве критерия действенности научного труда используется частота его цитирования. Но этот уровень уже давно превзойден, поскольку то, что написано в этой книге, уже стало как бы общим культурным достоянием. Разумеется, в ней присутствует определенное идеологическое клише: режим (любой, вероятно) требует свою цену за то, чтобы автор смог передать обществу результаты своего труда. Весь вопрос в том, какова цена и каков результат. В данном случае “Париж стоит мессы”: идеологические формулы относительно легко отделяются от выступающих за общей структурой концептуальных положений.

Рассмотрим эту книгу как явление в контексте современной ретроспективы, охватывающей не только первую половину века, как это было в момент ее появления, а весь XX век. Для этого стоит поставить книгу в тот культурный и хронологический ряд, в котором она оказалась по времени и условиям ее создания: в преддверии и предощущении неизбежности мировой войны, а затем – после череды военных лет – в конце 40-х годов, когда проблемы методологии истории дискутировались повсюду в мире, когда вышли классические труды Марка Блока² и Р.Дж. Коллингвуда³ и продолжались дискуссии о цивилизационных моде-

¹ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941 (далее ссылки на страницы даются в тексте статьи).

² Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М., 1991.

³ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: Автобиография. М., 1980.

лях А. Тойнби⁴, по-разному проявляющийся, но повсюду очевидный интерес к проблематике методологии исторического познания. Несомненная общность проблематики, привлекающей представителей гуманитарных наук, выступает сама по себе: это – стремление по-новому осмыслить и пространство исторического процесса, и место историка в общественной ситуации его времени; это и пристальный интерес к ремеслу, профессионализму историка, его личным возможностям исследовательского труда. В “Русской историографии” Рубинштейна присутствуют идеи, созвучные пониманию исторической науки как истории людей во времени, как переживания прошлого опыта в сознании историка и особенно как стремления историка к пониманию места своей страны в мировом историческом процессе. Все эти совпадения естественны для мыслящих людей середины XX в., и не они интересуют нас в данном случае. Интереснее различия, а они тоже есть. Они касаются философии научного познания, возможности познания средствами исторической науки.

Главный вопрос методологии истории XX и начала XXI в. – это вопрос о соотношении исторического процесса и исторического познания. Позитивистская методология когда-то решала его просто: она их разводила – либо персонально (Ланглуа и Сеньобос⁵ писали о различии психологического типа людей), когда одни занимаются анализом текстов (“эрудиция”), другие – синтезом собранных и отобранных другими фактов, либо методологически, как Н.И. Кареев. Одна его книга посвящена теории исторического процесса (“Историология”), другая – теории исторического знания (“Историка”)⁶. Но тогда остается вопрос о синтезе, о достоверности исторического знания. Интересно, что Н.Л. Рубинштейн ставит этот вопрос, называя именно его темой своего исследования: “Основное содержание – история русской исторической мысли в научном познании русского исторического процесса” (С. 3). В центре, таким образом, находится проблема методологии исторического познания, которая и раскрывается постепенно, на конкретном материале опыта историков разных направлений. К опыту первой половины XX в. мы можем добавить опыт второй его половины.

На фундаментальный вопрос об историческом синтезе оказалось два ответа. Один гласит, что синтез всегда дело историка (Л.П. Карсавин)⁷. Прошлый опыт, пережитый в сознании историка, преобразуется в целостную картину (Р.Дж. Коллингвуд), и история превращается в науку, которая “сама создает свой объект”. При таком подходе историк, познающий субъект, сам находит свои “основания”, свои доказательства, сам и судит об их репрезентативности. Его способность генерировать новое знание есть решающий момент творчества. Источники не самодостаточны, они притягиваются его мощным интеллектом, они – средство, но никогда не цель.

Есть и другой ответ на фундаментальный вопрос об историческом синтезе: не историк связывает исторический процесс и историческое познание. Опосредствующее звено существует реально: человеческая деятельность объективирована. От нее остаются фрагменты, продукты целенаправленной осознанной деятельности, исторические источники. Вернее, они, эти фрагменты, возводятся в ранг исторических явлений (методология источниковедения). Так появляется центральное для данной методологии понятие: источник – явление культуры. Оно имеет фундаментальное значение, потому что по этим явлениям можно понять то целое, ту культуру, которая сформировала подобное явление, в которой данное явление стало реальностью (методология исторического построения

⁴ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991.

⁵ Ланглуа Ш.В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 1899.

⁶ Кареев Н.И. Историология: Теория исторического процесса. Пг., 1915; Он же. Историка: Теория исторического знания. Пг., 1916.

⁷ Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993.

А.С. Лаппо-Данилевского⁸). На протяжении XX в. в рамках данной методологии исторический источник изучается как явление. На этом настаивает А.С. Лаппо-Данилевский, это разъясняют А.Е. Пресняков⁹ и С.Н. Валк¹⁰. На понятии “источник как историческое, социальное явление” строит свое исследование Л.В. Черепнин¹¹.

Для Н.Л. Рубинштейна источник, методы его изучения – самодостаточная, отнюдь не второстепенная, не вспомогательная, но одна из главных методологических проблем. Она проходит по структуре всей его книги. В главах, посвященных началу XX в., эта тема достигает своей кульминации. Это хорошо прослеживается, в частности, в афористических суждениях, посвященных А.А. Шахматову. Уже в начале 20-х годов Пресняков и Валк отмечали своеобразие и общность подхода к источнику Шахматова и Лаппо-Данилевского: оба рассматривали виды источников как особое явление, трактуя их не прагматически, “как источники фактических сведений разного рода”, а как памятники общественной жизни, литературно-публицистического творчества (иначе говоря, именно как явления культуры). Соглашаясь с Пресняковым, Валк подчеркивал общность методологического подхода Шахматова в исследовании летописей и такового Лаппо-Данилевского в исследовании другого видового корпуса источников, а именно правовых, частных актов.

Продолжая по существу эту мысль, Рубинштейн пишет в “Русской историографии” о методе Шахматова, исследующего летописный текст “как конкретное историческое явление, продукт и отражение известной исторической среды”. В свою очередь, это дает возможность обращения к реальным следам исчезнувшей культуры: “... выявить изменения, которые приобретают реальное значение как новый материальный след скрытых от нас последовательных изменений в исторической жизни общества” (С. 495). В рамках источниковедческого метода видовой подход к источникам открывает возможность компаративных исследований больших исторических длительностей, перспективы междисциплинарных взаимодействий¹². Рубинштейн отмечает, в частности, такие направления, как изучение писцовых книг с помощью статистико-экономических методов (работы М.А. Дьяконова, Ю.В. Готье), памятников права, “истории литературы, переходящей в общую историю культуры” (С. 496), а также говорит об исследованиях “специального историко-географического материала, сохраненного письменным, этнографическим или вещественным памятником”, памятников материальной культуры, искусства, о взаимодействии методов археологии и собственно истории (М.И. Ростовцев, Н.П. Кондаков). Книга своим конкретным текстом, структурой, высказываниями и умолчаниями выразительно очерчивает рамки деятельности философски ориентированного историка-профессионала в реальности его исторического времени. Автор обозначил главные составляющие: исторический процесс, история как часть идеологии и национальной культуры (С. 14), историческое знание. Интерпретационные модели и ассоциации возникают самые различные. В этой ситуации выбора важно подчеркнуть реальность источника как явления культуры.

⁸ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910. Вып. 1; 1913. Вып. 2.

⁹ Пресняков А.Е. [Рецензия] // Дела и дни. Пг., 1920. С. 450. Рец. на кн.: А.С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920.

¹⁰ Валк С.Н. [Рецензия] // РИЖ. 1922. Кн. 8. С. 254. Рец. на кн.: А.С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов.

¹¹ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы: XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1; 1950. Ч. 2.

¹² [Медушевская О.М.] Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность // Советская историография. Россия: XX век. М., 1996. С. 42–47.

ИЗ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ Н.Л. РУБИНШТЕЙНА:
ФРАГМЕНТ НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ПУБЛИКАЦИИ
ТРУДА И.Е. ЗАБЕЛИНА

В последние годы в научной печати неоднократно освещался вопрос о судьбе неизданных трудов И.Е. Забелина¹. Получил известность и факт участия Н.Л. Рубинштейна в подготовке публикации “Посада” – забелинской рукописи по истории Москвы в XII–XVII вв.² Машинописный вариант и гранки ее текста, хранящиеся в Отделе письменных источников ГИМ³, позволяют увидеть не только высокий археографический уровень этого несостоявшегося издания, но и последствия идеологических ограничений, характерных для конца 1940-х годов. Эпоха борьбы с “космополитизмом” оставила трагический след не только в судьбе Н.Л. Рубинштейна, но и на страницах совершенно нейтральной, с точки зрения современно-го читателя, рукописи, подготовленной к печати под его руководством.

“Посад”, являющийся частью не оконченного Забелиным второго тома “Истории города Москвы”, посвящен развитию городской среды вокруг Кремля, в том числе истории окружающих его монастырей, сел, урочищ, ремесленных слобод, а также отдельных архитектурных сооружений. Рассказ о постройке укреплений Земляного города во второй четверти XVII в. включает сведения об участии в этой работе иностранных мастеров, приведенные со свойственной Забелину подробностью:

«Около этого времени, в двадцатых и тридцатых годах XVII ст[олетия], в Москве проживали, приезжая и отъезжая и снова возвращаясь, по большей части голландцы – городовые мастера, горододелцы и подкопные мастера, из которых известны в 162[1] г. подкопный мастер англичанин Ян Ман (7 октября 1621 г.) и горододелец Вилим Томосов (1621 г.), являющиеся в 1627 г. под именами Ивана Разума и Ивана Томосова, стало быть, уже достаточно обрусевшими и, может быть, крестившимися в православную веру. Из царской казны они получали так называемые годовые сукна, т.е. каждый год по портищу сукна на платье.

Тогда же, в 1623 г., проживал в Москве голландец городской мастер Кузма Мунсурус, который, вероятно, потом уехал на родину и снова прибыл в Москву в феврале 1625 г., когда и получил государево жалованье за приезд. Теперь он уже именовался Кузма Демущур. Долго ли он жил в Москве, неизвестно. Быть может, он и помер в Москве, на что, по-видимому, указывает дворцовая расходная записка о выдаче 30 октября 1639 г. двухсот рублей “голанские земли городского мастера Кузmine жене Демешеринова Ондреяне за немецкие снасти, за круг меденой и за чеи, и за водяной вес, и за немецкие книги”. Сумма 200 руб[лей] по тому времени очень значительная. Стало быть, снасти были очень дорогие и, главное, очень надобные для государева дела.

В 1634 г. в январе приехал в Москву вероятный сын Кузмы голландец Андрей Демущарон, которого государь не только принял на службу, но и прямо пожаловал его, “указал ему быть в инженерах”, так что имя “инженер” едва ли не в первый раз встречается по этому случаю... В 1631 г. в Москве проживал городской смышленник Юст Матсон и горододелец голландец Ян Корнильев с учеником Уланом. В 1637 г. (генв[аря] 19) Ян Корнильев был пожалован наградою за оконченное им городовое дело в Ростове Великом. В 1632 г. ноября 19 прибыл в Москву еще городской смышленник именем Давникол. В 1633 г. окт[ября] 25 также прибыл голландец городской мастер Кашпар Фанбатен. В 1637 г. окт[ября] 19 государь наградил горододелца Ивана Андреева, соорудившего в Яблонове на Изюмской сакле Земляной вал.

¹ См.: И.Е. Забелин. 170 лет со дня рождения: Материалы научных чтений ГИМ 29–31 октября 1990 г. Ч. 1 (ТГИМ. М., 1992. Вып. 81).

² Катагощина М.В. Судьба неизданных рукописей И.Е. Забелина о Москве (1910–1990-е годы) // АЕ за 1997 год М., 1997. С. 40–43.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 254а. Л. 1–256.

Таким образом, для предпринятого укрепления Москвы тоже Земляным валом в знающих инженерах из иностранцев недостатка не было. Из них в этих работах могли участвовать и Андрей Демушарон, как правительством утвержденный инженер, а также и Ян Корнильев, и даже упомянутый Иван Андреев, быть может, крещеный немец, а быть может, и свой, русский»⁴.

Мы привели данный отрывок с некоторыми упрощениями, не оговаривая авторских помет на полях и исправлений. В машинописном варианте текста “Посада”, подготовленном в 1940-е годы сотрудниками ОПИ ГИМ под руководством Н.Л. Рубинштейна, он воспроизведен в полном соответствии с забелинской рукописью и снабжен археографическими примечаниями, но затем вычеркнут. Сохранена лишь часть первого предложения, включая слова “подкопные мастера”⁵. В гранках, датированных 12 августа 1949 г., фрагмент отсутствует.

Тщательность и строгая научность в передаче текста публикаторами не позволяют считать данное изъятие случайностью. Маловероятным представляется и пропуск этой части материала при наборе, так как она не состоит из отдельных страниц. Остается предположить, что забелинский текст был сокращен из-за требований цензуры. Парадоксальность этого явления заключается в том, что Н.Л. Рубинштейн вынужден был соглашаться на купюры “космополитических” мест в рукописи Забелина, которого сам характеризовал как историка “дворянско-монархического направления”⁶. Однако исключение злополучного отрывка не смогло положительно повлиять на судьбу издания, которое так и не увидело свет.

Необходимо указать, что Н.Л. Рубинштейн, не имея возможности издавать труды Забелина, не только сделал достоянием научной общественности содержание “Посада”⁷, но и впервые в советской историографии осуществил разностороннее и глубокое исследование творческого наследия выдающегося ученого⁸.

Р.В. Макарова

ВОСПОМИНАНИЯ

Мне довелось слушать лекции Николая Леонидовича Рубинштейна по историографии на историческом факультете Московского института истории, филологии и литературы в 1938/39 учебном году. На четвертом курсе под его руководством я писала курсовую работу о национально-освободительном движении на Украине в освещении историка Н.И. Костомарова. В 1940 г. окончила институт (дипломных работ тогда у нас не было, только государственные экзамены). Так и разошлись наши пути. В 1941 г. началась Великая Отечественная война, и я добровольно ушла на фронт.

После войны, в 1945 г., мы снова встретились благодаря моему мужу, Александру Марковичу Дубинскому, который после окончания МИФЛИ работал в Саратовском государственном университете, где в годы войны работал и Н.Л.

⁴ Там же. Л. 138–139.

⁵ Там же. Л. 138.

⁶ *Рубинштейн Н.Л.* Иван Егорович Забелин: Ист. воззрения и науч. деятельность (1820–1908) // ИСССР. 1965. № 1. С. 68–74.

⁷ *Рубинштейн Н.Л.* Иван Егорович Забелин – историк Москвы // Ежегодник ГИМ за 1965–1966 гг. М., 1970. С. 131–149.

⁸ См.: *Рубинштейн Н.Л.* Иван Егорович Забелин: Ист. воззрения... // ИСССР. 1965. № 1; *Дмитриев С.С.* К публикации статьи Н.Л. Рубинштейна об И.Е. Забелине // Там же. С. 52–53; *Сахаров А.Н.* И.Е. Забелин: Новая оценка творчества // ВИ. 1990. № 7. С. 4; *Шmidt С.О.* И.Е. Забелин и русская культура // И.Е. Забелин. 170 лет со дня рождения... Ч. 1. С. 27–28.

Там они сблизились, а в конце войны вернулись в Москву. Муж мой поступил в докторантуру Института истории АН СССР. Я же после демобилизации в 1945 г. была принята в аспирантуру того же института. Мне и мужу негде было жить, и Н.Л. приютил нас на несколько месяцев у себя. Осенью того же года мы получили жилье по новому месту работы мужа. На этом наши добрые отношения не прекратились, и мы продолжали навещать Н.Л.

В 1950 г. я, уже после защиты кандидатской диссертации, по конкурсу начала работать в МГИАИ, и здесь мы снова встретились. В конце 1950-х годов Н.Л. пришел работать в этот же институт. Мне вновь довелось прослушать несколько лекций Н.Л., теперь уже по отечественной истории. Будучи студентской МИФЛИ, я не смогла должным образом оценить достоинства Н.Л. как лектора. Теперь же его лекции поразили и покорили меня своей глубиной. Он так искусно вплетал в лекции по истории историографический материал! Я была буквально подавлена несовершенством своих лекций по этому же курсу, и восхищена его эрудицией. Снова я почувствовала себя его ученицей.

К сожалению, в 1959 г. у Николая Леонидовича случился инфаркт, и он на какое-то время выбыл из строя. В это время надо мной нависла угроза перевода на полставки. Зав. кафедрой (она же директор МГИАИ) решила, что наименее безболезненно эта операция произойдет именно со мной. Но когда Николай Леонидович вернулся из больницы и узнал об этом, он немедленно отказался от своей полставки в мою пользу. Благодаря ему с 1 сентября того же года я продолжила работу в прежнем объеме. После перенесенной тяжелой болезни Н.Л. попросил меня завершить работу с его дипломниками, что я и сделала, конечно, консультируясь с ним.

К сожалению, наши добрые отношения продолжались недолго. 26 января 1963 г. Н.Л. ушел из жизни. Надо было проводить его в последний путь. Вместе с Еленой Зиновьевной Ардашниковой, женой А.М. Разгона, ученика и очень близкого Н.Л. человека, мы занялись организацией похорон. В Историко-архивном институте простились с Н.Л. его ученики, друзья и коллеги по работе. 17 июня 1963 г. урна с прахом Николая Леонидовича была захоронена на Ново-Девичьем кладбище в могиле его старшего брата, философа и психолога, члена-корреспондента АН СССР Сергея Леонидовича Рубинштейна. Друзья и близкие ученики Николая Леонидовича еще несколько лет собирались в день его смерти в семье Разгонов, чтобы вспомнить о нем и помянуть добрым словом.

ПАМЯТИ АНДРЕЯ ДМИТРИЕВИЧА ЗАЙЦЕВА*

**ЗАСЕДАНИЕ В АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ РАН
10 апреля 1997 г.**

На совместном заседании АК, РГАЛИ и издательства “Большая Российская Энциклопедия” выступили: С.О. Шмидт, Н.Б. Волкова, А.П. Горкин, М.П. Мироненко, С.В. Шумихин, Е.В. Бронникова, В.Ю. Афиани, В.М. Карев, А.С. Орешников, В.А. Зайцева. Материал их выступлений стал основой статей этого раздела.

С.О. Шмидт

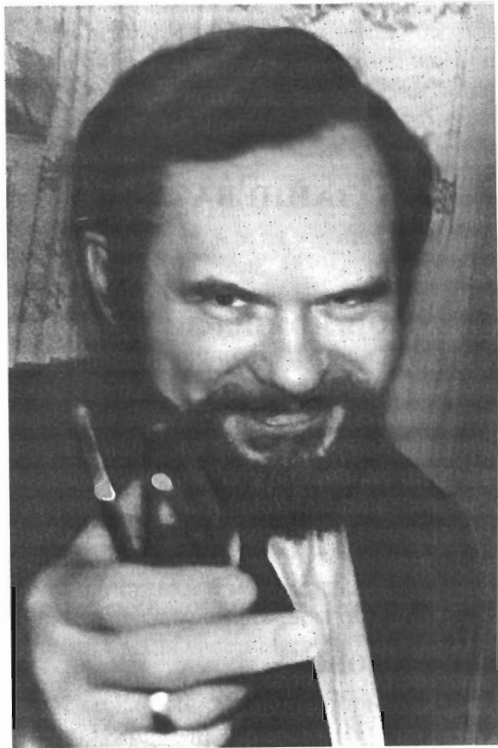
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Внезапная кончина в ночь на 8 марта 1997 г. Андрея Дмитриевича Зайцева так поразила его близких, что ощущается большая личная утрата и не хватает сил для того, чтобы организовать мысль и попытаться определить его вклад в развитие науки и культуры, осознать общественное значение этой утраты.

А.Д. обладал редкой человеческой притягательностью. Был очень умен, изящно остроумен, внутренне доброжелателен; его отличали большая одаренность и исследователя и литератора, необычайное трудолюбие, организованность в работе, сочетающаяся с особым умением наладить коллективную работу, высокое чувство ответственности. Его любили, и ему доверяли. Пожалуй, это тот едва ли не уникальный случай, когда у человека, находящегося на виду, не было врагов. Не было, полагаю, даже завистников, потому что А.Д. были чужды интриги, сплетни, злословие, – он был открыт в отношениях с людьми, и с теми кому подчинялся, и с теми, кто находился у него в подчинении. Он не добивался выигрышных постов и когда занимал в сфере своей деятельности заметное положение, то это всем казалось естественным, само собой разумеющимся при его квалификационно-профессиональных качествах и привлекательных чертах его личности, глубокой порядочности. Всем очевидны были его благожелательность, самоотдача общему делу, и в то же время его требовательность, самоуважение, убеждение в необходимости уважать и мнение других – словом, нравственная добротность его натуры. И конечно, его большое личное обаяние (вспомним улыбку Андрюши, а его так многие называли и в его отсутствие) и воспитанность – здесь уже проявились заслуги бабушки Веры Филимоновны Ивановой, сумевшей создать стиль домашнего обихода, и мамы, Людмилы Анатольевны, для которой сын всегда оставался еще и другом.

Отношение к А.Д. проявилось и в час траурной церемонии – в холодный день, у дорожки близ семейной могилы на Ваганьковском кладбище. Среди многих собравшихся “сослуживцев” А.Д. большинство уже не были связаны с ним

* Хронику заседания и некролог см.: АЕ за 1997 год. М., 1997. С. 676, 692.

А.Д. Зайцев

служебными отношениями – ни в РГАЛИ, ни в научном издательстве “Большая Российская Энциклопедия”, ни тем более бывшие студенты Московского историко-архивного института. Даже те, кто не видел А.Д. месяцы, а то и годы, ощущали душевную потребность прийти на кладбище – такой след оставлял в сердце этот светлый человек. Это и потому, что он не считал возможным для себя прерывать творческие связи с учреждениями и коллективами, с которыми проработал столько лет и отдал много сил.

Для меня это – тяжкая потеря. И психологически противоестественно терять учеников – к такому нельзя подготовиться, особенно если уход из жизни был неожиданным и симптомы сердечной болезни прежде не проявлялись или оставались незамеченными. И как ученый, историограф, историк культуры, понимаю, каким незаурядным человеком в науке был А.Д. Я возлагал большие надежды на него, ожидал от него многого, знал и о его задумке написать диссертацию о роли российских энциклопедий в разви-

тии отечественной культуры в целом, и особенно в сфере гуманитарных знаний и книгоиздательского дела. Об этом он намерен был выступить с докладом на III Всероссийской научной конференции “Российская провинция XVIII–XX вв.: Реалии культурной жизни” в Пензе в июне 1995 г., но поездка не состоялась из-за служебной занятости. Ему хотелось привлечь к такой тематике и изучающих культуру российской провинции, причем не только в дореволюционные, но и в последующие годы, – ожидался интересный разговор. Быть может, остались какие-то заготовки в архиве А.Д.?

Становление А.Д. Зайцева-ученого, да и редактора, и организатора науки, проходило на моих глазах и, смею сказать, не без моего соучастия. Он из тех студентов Историко-архивного института, с которыми я сблизился душевно сравнительно скоро. И не потому только, что А.Д. отличался большими способностями, замечательной – столь необходимой в нашей профессии – памятью, а также склонностью неизменно и все более умело обращаться к научно-справочной литературе, не потому даже, что он выделялся широтой интересов и даром быстрого ассоциативного мышления, умел жарко и остроумно говорить, быстро уловить суть выступлений других и в то же время сразу подметить и их слабые стороны (и в системе доказательств, и даже – при его все возрастающей эрудиции – в источниковой и историографической базе). А оттого, пожалуй, что ему присущи были подкупающе привлекательные человеческие качества, к нему тянулись другие молодые люди из моего окружения, быстро признавшие его своим в нашем студенческом кружке.

Особенность этого возникшего еще зимой 1949/50 г. объединения в том, что в его деятельности – в заседаниях, вне стен вуза, в изданиях – неизменно участ-

вуют не только студенты и аспиранты ИАИ, но и окончившие его, даже давно, как, например, старейший по стажу Сергей Михайлович Каштанов (среди многообразной тематики трудов которого и “историография” нашего кружка) и, конечно же, многие более молодые выпускники. Всех окончивших вуз кружковцев ласково называют “стариками” и “старухами”. Они-то фактически поддерживали особый микроклимат кружковой жизни, и вот они сразу же признали А.Д. своим. Он стал бывать и дома у меня – а там уже его стала привечать и соответственно обихоживать вкусной и сытной пищей и моя няня, Франциска Александровна, и “доверять” ему меня в поездках с ночевкой на дачу, где главным образом и происходили разговоры на “ученые темы”. А.Д. (нередко босоногий) обнаружил и обретенные, видимо, дома хозяйственные навыки. С некоторыми из “стариков” кружка А.Д. сохранял близкие отношения многие годы, иногда кружковая дружба оказывалась и пожизненной. Испытав это на себе, А.Д. позднее очень много сделал для вовлечения в кружковую орбиту более молодых. Он приходил иногда на заседания кружка (чаще всего, правда, опаздывая из-за занятости на работе), работая и в РГАЛИ и в “Энциклопедии” – и как всех радовал его приход! Он умел слушать других, никогда не навязывал ни свое мнение, ни тем паче себя самого, был неизменно тактичен, хотя и скор на реакцию, иногда и резко отвергающую взгляд и формулировку других. Сохранился листок бумаги с четверостишием А.Д., характеризующим манеру и быстроту его творчества и, конечно же, отражающим восприятие им кружка. Поводом послужило воспроизведение глиняной статуэтки первобытного человека в книге Элиасберг о музеях Бухареста (1977), лежавшей тогда передо мною на столе. Статуэтке, изображающей задумавшегося мужчину в позе, напоминающей скульптуру Родена, тоже дали название “Мыслитель”:

Он одинок, а мысль блуждает,
И хочет вылиться она.
Но он один, и он страдает –
В те годы не было кружка

Показательно, что А.Д. (уже по окончании ИАИ) был один из инициаторов и реализаторов идеи подготовки машинописных сборников к юбилеям кружка и его научного руководителя и автором статей в этих сборниках (не только по тематике, связанной с его работой над материалами бартеневского “Русского архива”, но и иной: «К вопросу о содержании понятия, “общественная мысль” (предварительные формальные наблюдения)», “К истории советского пушкиноведения (А.М. Эфрос – исследователь рисунков Пушкина)” – эту статью стоит попытаться напечатать в связи с приближающимся пушкинским юбилеем). Именно он вместе с В.Ю. Афиани (другом по кружку; они были с разных курсов – разница в три года) подготовил уже для печатного сборника в честь моего 70-летия “Мир источниковедения” (М.; Пенза, 1994) статью об этом: “Преемственность: (О сборниках статей, посвященных С.О. Шмидту)”. В этой книге помещены и серьезная постановочного характера статья А.Д. “Исторический журнал как предмет источниковедческого изучения (некоторые наблюдения)”, и беседа со Шмидтом “О редакции и не только о ней”. Член редколлегии этой книги, А.Д. является и основным автором статьи “От редколлегии”. Можно понять, как мне дороги были такие знаки дружбы, внимания, любви и как много значил А.Д. в моей жизни. Ясно, что, пока я жив, Андриюша останется со мною.

А.Д. был моим дипломником и аспирантом. Думается, что избранная тема самостоятельной работы – “Русский архив” и П.И. Бартенев” – удачно соответствовала стилю мышления начинающего исследователя. Она – на стыке исторической науки и истории литературы, специальных архивных дисциплин и, конечно же, бескрайнего в своих возможностях источниковедения; манило и “море”

документов, обещающее интереснейшие открытия. Это отвечало и особенностям творческой натуры А.Д., совмещавшей способность к новаторским конструкциям и художественному подходу к явлениям (и – что еще важнее – к художественному воплощению своих замыслов) со склонностью к систематизации и скрупулезному комментированию. Разработка А.Д. этой проблематики – тема выступления М.П. Мироненко, лучшего на сегодняшний день знатока вопроса. Скажу лишь о том, что без моножурнала П.И. Бартенева нельзя себе представить ни ход распространения исторических и литературоведческих знаний той эпохи, ни источниковую базу отечественной истории XVIII–XIX вв., ни становление пушкиноведения. И биографию Бартенева, и журнал его А.Д. рассматривал в неразрывной связи с общественной жизнью того времени, с развитием науки и культуры. Поучительным оказалось и то, что он, не ограничиваясь безмерным богатством хранящихся в этом фонде РГАЛИ материалов, обратился к множеству других фондов в этом и иных архивах, и то, что он составил указатель содержания книг “Русского архива”, являющийся продолжением изданного указателя за 1863–1908 гг. (издатель из США Норман Росс изъявил было намерение выпустить этот труд, отнимал время и у А.Д., и у меня, но далее разговоров дело как будто не пошло).

А.Д. в своей диссертации «“Русский архив” – исторический журнал (1863–1917): (история собирания, организации и издания исторических материалов)», защищенной в Институте истории СССР АН СССР в 1981 г., показал пример решения и собственно архивно-источниковедческих задач, руководствуясь опытом изучения наследия науковедения и им самим разработанной методикой. Он попытался реконструировать на основании личного фонда Бартенева фонд издававшегося им журнала и реставрировать источниковую базу изучения биографии историка и издателя, оставившего мало собственно биографических данных о своей личной деятельности. Выводы и наблюдения статей, докладов, автореферата диссертации А.Д. сразу же вошли в научный обиход, а методика, даже построение его диссертации стали образцом других работ схожей тематики.

Но А.Д. решился подготовить и книгу о П.И. Бартепеве. Это – исследование, написанное в форме, доступной самому широкому читателю, и с подлинным литературным мастерством, напоминающее лучшие образцы научно-биографической литературы, скажем, в серии издательства “Брокгауз и Ефрон” 1920-х годов. Работа показала такую подкупающе талантливой, что в моем предисловии “О П.И. Бартепеве и книге о нем” о Зайцеве говорилось не менее, чем о Бартепеве. Статью включил позднее в сборник избранных трудов по источниковедению и историографии “Путь историка” (М., 1997), который – увы! – не довелось уже видеть А.Д.

Всестороннее и детальное изучение всего, что связано с журналом “Русский архив”, и сравнительное рассмотрение “Русского архива” и других периодических и продолжающихся изданий близкого профиля позволили А.Д. поставить вопросы, особенно важные в плане “журнальной археографии”. В названной уже статье 1994 г. об историческом журнале как предмете источниковедческого изучения отмечаются отличия задач (а иногда и формы) публикации исторических документов в журнале и в тематических научных сериях и сборниках и большая ориентированность журнальных публикаций не столько на специалистов, сколько на широкого читателя. Формулируется “проблема психологического восприятия исторических источников, проблема актуализации исторических знаний и роли публикации исторических документов как общественной функции, функции формирования национального сознания”. Подчеркивается и полифонизм содержания исторической периодики, и целенаправленность деятельности редакторов журналов, обловливающие подчас и тематические и видовые характеристики публикуемых там источников и обязывающие рассматривать их в органи-

ческом сочетании с другими материалами издания. Указывается и на то, что само появление ряда источников вызвано деятельностью журналов, и журнальные публикации сыграли “немаловажную роль в формировании эпистолярной традиции и мемуаристики”.

А.Д. имел немалые заслуги в становлении новейших традиций нашей археографии. Очень заметна его роль в издании сборников ЦГАЛИ “Встречи с прошлым” – он выступал и организатором работы, и автором (готовил к печати публикации и статьи – предисловия к ним), помогал изданию томов “Российского архива”. А как оперативно, с каким знанием дела он подготовил по моему предложению детальный план совместного многотомного издания материалов основных исторических журналов XIX–XX вв., публиковавших и исторические источники, – материалов, отобранных по тематическому принципу, снабженных предисловиями и комментариями, как загорелся – еще до начинаний подготовителей серии “История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв.” – идеей такого серийного издания, к сожалению, оставшейся неосуществленной!

Характерная черта натуры А.Д. – потребность не только в личном творчестве, реализации индивидуальных исследовательских замыслов, но и в организации коллективной работы, в редакторско-организационной деятельности. Для него это была тоже внутренне необходимая творческая деятельность. У А.Д. было несомненное редакторское призвание. Эта работа нелегкая, кажущаяся неблагодарной и зачастую такой и являющаяся. Но для тех, кто трудится в этой сфере по призванию и добровольному выбору, это – труд и благородный, и дающий результаты, ощутимые многими и полезные обществу на долгие годы. Однако это в значительной мере работа, остающаяся невидимой, более того – направленная на улучшение сделанного другими, которых, а не редакторов, обычно и вспоминают в этой связи. Надо подыскать автора и удержаться от того, чтобы – из-за желания славы или гонорара – не подготовить самому подписную статью – компиляцию, надо быть решительным в исправлении ошибок и улучшении литературного стиля написанного. А авторы бывают и с гонором, и не во всем добросовестные – опираются подчас на прежние знания, оказываются некомпетентными в новейшей литературе. Некоторые слишком дорожат особенностями своего стиля изложения, а энциклопедические статьи имеют принятые в издании стилистические особенности. Потому нужно уметь согласовать с подобными авторами вносимые в их текст изменения. Настоящий редактор, редактор по призванию, по долгу совести, не может быть ни эгоцентричным, ни равнодушным. Это обычно люди доброжелательные, изначально мудрые, а затем и умудренные опытом, понимающие, что недостатки в написанном зачастую объясняются и отсутствием подобного опыта у автора, и несовершенствами натуры человеческой. В издании энциклопедического типа работа редактора особенно сложна и ответственна. Тут мало самоотдачи. Необходимы и научный кругозор, вкус к выявлению и составлению справочных данных, знания на наиновейшем уровне науки, умение помочь изложить это все доступным языком. Вышедшие под редакцией А.Д. тома энциклопедии “Отечественная история” – издания высокого класса и новаторские в то же время; там в отличие от предыдущих энциклопедий не навязывается мнение, кажущееся единственно верным, а сообщается о различии мнений об исторических явлениях и на сегодняшний день. Для А.Д. это была работа и для души; а общение с кругом лиц, причастных к изданию, обогащало его, поддерживало творческое горение. Правда, А.Д. лелеял мечту о том, что и на новой работе он сумеет наладить международного класса информацию об истории, особенно об отечественной. И позволю предположить, что отсутствие в последние месяцы его жизни видимых результатов научно-просветительской деятельности тяжело отразилось на его физическом состоянии: А.Д. по своему миропониманию, по тем требованиям, какие предъявлял к самому себе, должен был постоянно ощущать, что сеет “разумное, доброе, вечное”.

А.Д. продолжал себя чувствовать в энциклопедической среде своим – я убедился в этом, встретив его на книжной ярмарке в сентябре 1996 г., как раз у стендов с изданиями “Большой Российской Энциклопедии”. Он был в элегантном светлом костюме, который так ему шел. Мы оживленно говорили с А.П. Горкиным и В.М. Каревым и о новых замыслах “энциклопедистов” (они демонстрировались на экране), и о готовящемся однотомнике энциклопедии “Москва”. При нем, как ответственный редактор, просил выполнить мои скромные требования – дать мне тематический словник, т.е. такой, где слова распределены не кучно по алфавиту, а по тематическому признаку, и список авторов. Это так и не было сделано, что приводит к огрехам в издании – и к невключению имен, и к фактологическим неточностям, недопустимым в справочном издании. (На это я сетовал вскоре и в беседе с журналистом¹.) Разве А.Д. мог бы допустить какие-либо недоделки, даже если сроки подпирала и требовали отчитаться о работе? Полагаю, что именно А.Д. удовлетворял тому идеалу редактора, к формированию которого стремились еще в 20-е годы создатели “Большой Советской Энциклопедии”.

Уже на похоронах и на поминках нетрудно было убедиться в том, как дорога память об А.Д. и в РГАЛИ, и в издательстве “Большая Российская энциклопедия”. И наше заседание – совместное – Археографической комиссии РАН и этих учреждений. А.Д. уже в 1987 г. стал членом Археографической комиссии, печатал свои труды в ее изданиях, участвовал в организуемых ею научных конференциях, способствовал ее взаимосвязям с другими учреждениями и общественными объединениями.

В АЕ за 1997 год, посвященном юбилею Москвы, опубликован некролог А.Д. Зайцева. Его подготовил В.М. Карев. В Университете истории культур согласились на то, чтобы дочь А.Д., Вера, подготовила дипломную работу об архивных материалах отца. В ней охарактеризовано не только научное, но и поэтическое наследие, о котором никто не знал. И полагаю, если бы А.Д. в отличие от современных печатающихся поэтов не был бы так скромнен и требователен к себе, то оказался бы отнюдь не последним и среди них. А.П. Горкин поддержал мысль поместить в готовящейся энциклопедии “Москва” статью “А.Д. Зайцев”. Москва и москвичи – основная тема его исследовательских трудов, а деятельность А.Д. как автора этих трудов и в ЦГАЛИ, и в редакции “Энциклопедии – вклад в развитие науки и культуры Москвы. Хочется думать, что удастся – хотя бы в рамках литературы по москвоведению – переиздать книгу о П.И. Бартенева с приложением сведений о всех материалах, помещенных в книгах “Русского архива” и некоторых его статей.

Постараемся сделать так, чтобы память об Андрее Дмитриевиче Зайцеве и о сделанном им не только оставалась в сердцах безутешной Людмилы Анатольевны, его жены и детей, но и стала бы достоянием научной общественности. Уже сформулирована мысль о том, что человек как индивидуум уходит в тот момент, когда кончается его жизнь, а социокультурная личность живет, пока сохраняются свидетельства о ней. Наш долг – и друзей Андрея Дмитриевича, и историков, сохранить надолго память о нем.

¹ См.: Бессонов В. “Вот эта улица, вот этот дом” // Книга и время. 1997. № 1.

А.Д. ЗАЙЦЕВ – ИСТОРИК “РУССКОГО АРХИВА”

А.Д. Зайцев начал изучать историю журнала “Русский архив” и деятельность его издателя П.И. Бартенева еще в студенческие годы. Этой теме были посвящены его дипломная работа и кандидатская диссертация. Первая статья А. Зайцева о П. Бартенева появилась еще в 1974 г.¹, а затем он опубликовал статью о деятельности Брюсова в редакции “Русского архива”² и интереснейшую работу «“Русский архив” и цензура»³. В дальнейшем он продолжал много писать о редакторской правке текстов (в сборнике работ молодых ученых Института истории СССР АН СССР)⁴, о публикациях в этом журнале⁵, о принципах отбора материалов для печати⁶. Ему принадлежит прекрасно написанный обзор фонда П.И. Бартенева в РГАЛИ, фонда, хранящего, кстати, письма от более чем 2 тыс. корреспондентов, среди которых Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев и Н.А. Некрасов, Ф.И. Тютчев, С.П. Дягилев⁷.

В 1981 г. он защитил кандидатскую диссертацию «“Русский архив” – исторический журнал (история собрания, организации и издания исторических материалов)», а через восемь лет вышла и его книга, в которой осмысление материала перешло уже на иной уровень⁸. В этой книге впервые в исторической литературе собраны воедино все сведения о жизни и трудах Бартенева по материалам его огромного личного фонда в РГАЛИ, а также по материалам более сотни других фондов из различных хранилищ. Как отметил в предисловии С.О. Шмидт, книга имеет первостепенное историографическое значение – она действительно равно важна и для историков исторической науки, и для историков журналистики, литературы, культуры и общественного сознания.

В работах А.Д. Зайцева приводится много архивных свидетельств, проливающих новый свет на различные эпизоды жизни Бартенева, в частности на историю передачи им рукописи “Записок” Екатерины II Герцену, что Бартенов всю свою дальнейшую жизнь отрицал. В 1905 г. М.К. Лемке, готовивший к изданию сочинения Герцена, писал П.И. Бартеневу: «Из рассказа покойного Пышина мне известно, что “Записки” Екатерины II к Герцену привезены были Вами. Если это верно, то не позволите ли сказать об этом в печати?» Бартенов поспешил ответить: “Прошу Вас не оглашать в печати, будто я привез Герцену записки Екатерины II. Это может мне повредить у некоторых лиц. К тому же оно вполне неверно [...] Огарева меня смешала, видел меня у Герцена в одно время с другим лицом, тоже ходившим на костылях”⁹. В действительности именно он был тем человеком, который заказал сделать копию с “Записок” Екатерины и передал ее Герцену, с которым он дважды виделся в Лондоне в 1858 г. Хотя слухи о роли Бартенева в передаче “Записок” были очень упорными, но прямых доказательств этого не было. И лишь в 1970-е годы Н.А. Рабкина нашла прямое свидетельство: письмо А.П. Елагиной к своей невестке, написанное незадолго до отъ-

¹ Зайцев А.Д. У истоков отечественного пушкиноведения // Пушкинский праздник. М., 1974.

² СА. 1976. № 3.

³ См.: АЕ за 1976 год. М., 1977.

⁴ Зайцев А.Д. Цензурно-редакторские изменения текстов на страницах “Русского архива” // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978.

⁵ Зайцев А.Д. Публикации исторических источников в журнале “Русский архив” // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1979.

⁶ Зайцев А.Д. Принципы отбора материала для печати в “Русском архиве” // Историография, источниковедение: Спец. ист. дисциплины. М., 1980.

⁷ Он же. “Архивный рудокоп”: Фонд П.И. Бартенева // Встречи с прошлым. М., 1982. Вып. 4.

⁸ Он же. Петр Иванович Бартенов. М., 1989.

⁹ Цит. по: Эйдельман Н.Я. Тайные корреспонденты “Полярной звезды”. М., 1966. С. 287.

езда Бартенева за границу, в котором она сообщала, что по просьбе Бартенева спешно переписывала принесенные им “Записки” Екатерины¹⁰.

Еще одним доказательством встречи Бартенева с Герценом в Лондоне стало обнаруженное А.Д. Зайцевым письмом бывшего заведующего Чертковской библиотекой А.И. Станкевича П.И. Бартеневу 1907 г.: «Вы интересовались, помнится, Вашею пометою на экземпляре книги (подлинника) Рейтенфельса. Привожу ее целиком. “Сочинения Якова Рейтенфельса”. Подарена мне в Лондоне в 1858 г. А.И. Г-ом, которому книгопродавец Трюбнер поднес эту книжку как большую редкость. П.Б.»¹¹ Интересна мысль автора о том, что Бартенев передал Герцену “Записки” Екатерины не только исходя из искреннего уважения, которое он питал к Герцену, но и потому, что тот в своих изданиях печатал много запрещенных документов XVIII–XIX вв., т.е. того времени, которому Бартенев в дальнейшем и посвятил свой журнал¹².

А.Д. Зайцевым прослежена история публикации в “Русском архиве” своеобразного некролога Герцену в 1870 г. Бартенев предложил некоторым своим знакомым поделиться о нем воспоминаниями. А.О. Смирнова-Россет сообщала ему: “Весьма интересно и хорошо написала статью о Герцене, хотя я признаю, что он был безнравственный и злой человек, как всякий материалист”. Бартенев отклонил эту статью и обратился к М.П. Погодину, но вскоре уже предложил ему: “Если Вам не пишется о Герцене, то не трудитесь...” Погодин обиженно отвечал ему: «Статья о Герцене вышла большая... Записка ваша сказала мне, что она Вам и не очень нужна. Так я пошлю ее в “Зарю»». Бартенева это не слишком расстроило, и он отвечал: «Что же делать, “Заря” переняла; а у меня будет напечатана статья Свербеева, написанная в Париже. Он виделся с Герценом перед его смертью...» Так в “Русском архиве” появились воспоминания Д.Н. Свербеева, в которых о Герцене было сказано, что он “добрый по сердцу” и любящий Россию человек. Зайцев привлек хранящиеся в ОПИ ГИМ материалы редакционного портфеля, из которых видно, что Бартенев выпустил из этих воспоминаний все упоминания о состоянии отчаяния и безнадежности, охватившем Герцена в конце жизни. Все эти мрачные описания адресовались “нашим будущим революционерам”¹³.

А.Д. Зайцев установил источники формирования архива Бартенева, который был одновременно архивом журнала, показал, что в его богатейшей коллекции концентрировались копии и подлинники из множества государственных архивов, где работал Бартенев. Он копировал документы в генерал-губернаторском архиве, архиве Генерального штаба, в рукописном собрании Публичной библиотеки, в провинциальных архивах и даже зарубежных (например, в секретном госархиве в Берлине), получал документы из Парижского государственного архива. Лишь однажды, как установил автор, ему было отказано в допуске к официальной переписке о закрытии журнала “Телескоп” в связи с опубликованием в нем “Философских писем” П.Я. Чаадаева¹⁴.

Особенно ценным источником для Бартенева были частные архивы. Зайцев показывает, как постепенно, ценой больших усилий открывались для Бартенева частные архивы, например архив декабриста Н.И. Тургенева, жившего в Париже. Бартенев и его постоянные сотрудники буквально сторожили архивы. Н.П. Барсуков писал ему в 1878 г.: “Со дня на день ждут известия из Парижа о кончине князя Бориса Дмитриевича Голицына... Не мешало бы Вам теперь же

¹⁰ Н.А. Рабкина. Кто же передал Герцену “Записки” Екатерины II? // ВИ. 1979. № 6.

¹¹ См.: Зайцев А.Д. “Архивный рудокон”... С. 325.

¹² Он же. Петр Иванович Бартенев. С. 44–45.

¹³ Там же. С. 42–44.

¹⁴ Зайцев А.Д. “Хранил московский быт и русский стиль” // Куранты: Ист.-краев. альманах. М., 1987. Вып. II.

съездить к графу Алексею Вас[ильевичу] Бобринскому и переговорить о Вяземских бумагах... Если заезжаетесь, все будет уничтожено, как ненужный хлам”¹⁵.

В своих работах А.Д. Зайцев прослеживает ту эвристическую “сеть”, которую раскидывал Бартенев для собирания материалов и куда попадали все возможные источники информации:

- 1) обращение к прямым наследникам;
- 2) определение государственных учреждений, в которых могли отложиться документы, и поиск в них;
- 3) выявление круга знакомых, близких и даже случайных, обращение к ним часто с весьма определенными вопросами;
- 4) записи устных бесед и рассказов.

Говоря об общественно-политических взглядах П.И. Бартенева, А.Д. Зайцев отмечает, что к концу века они получили законченную монархическую окраску, приобретенную не без влияния все более тесного общения с сильными мира сего, в том числе с Александром III, давшим ему чин статского советника и “высочайше сообщавшим” в “Русский архив” документы для публикации. В то же время он показал, что, пройдя характерный для многих либералов путь от фронды к охранительству, Бартенев никогда не смыкался с лагерем откровенной реакции. В кругу явных реакционеров его называли “наглецом-разгласителем”. Их удивляло, что его “романовское средце” часто пропускало в печать “горькие истины” о самодержавии.

Очень интересно наблюдение об изменении к концу 1880-х годов числа подписчиков “Русского архива”, ухудшении его финансового положения, что определялось прежде всего эволюцией взглядов издателя, а также тем, что появился новый читатель, которого все более привлекали демократические издания. Бартенев прибегал в этих случаях не к привлечению оппозиционно настроенных сотрудников, не к увеличению объема материалов широкого общественного звучания, а к обращению за материальной поддержкой к правительству. В конце XIX в. журнал попал в материальную зависимость от правительства, что не могло не сказаться на его содержании.

Особенно важна для оценки истории журнала мысль о том, что со временем (примерно с середины 1880-х годов) Бартенев стал рассматривать журнал как своего рода архив, в задачи которого входит собирание документов для будущих историков. Это было следствием непонимания им процессов, идущих в России, невозможности дать им толкование. Именно этим объясняется большой объем опубликованных в журнале во второй половине его существования “сырых” материалов.

А.Д. Зайцев очень внимательно изучал вопрос об уровне археографической обработки публикуемых в “Русском архиве” документов. Он был неодинаковым. Если часть документов давалась иногда без указания на место хранения, то одновременно могли сообщаться ценные дополнительные данные, далеко выходявшие за рамки обычных археографических примечаний, читатели отсылались к уже опубликованным ранее документам. Такие примечания, пишет А.Д. Зайцев, являлись своеобразным историографическим источником. Он отмечает, что справочный аппарат к публикациям содержит много неточностей, ошибок и пропусков, на что обращали внимание современники. Так, Ив. Аксаков писал: «Подлинно, что-либо печатать в “Русском архиве” – значит хоронить себя. Прежде еще можно было разобраться в этой яме, а теперь все свалено в кучу и нужно перелистывать всю объемную книгу, чтобы наткнуться, например, хоть на мою статью». Поэтому Зайцев поставил еще одну задачу перед исследователями журнала – выявление и учет “пропавших без вести” исторических источников в многостраничном море “Русского архива”.

¹⁵ *Он же*. “Архивный рудокоп”... С. 342.

Особенно интересовала Зайцева история цензурных мытарств “Русского архива”, действительно, очень увлекательная и поучительная. Как он подсчитал, за годы его существования внимание цензуры 35 раз привлекала публикация документов (из них 30 раз – воспоминаний, дневников и переписки) и 12 раз – статей. Причем поворот к консерватизму сказался и на взаимоотношениях с цензурой. Так, за первые 25 лет издания журнала цензура обращала внимание на его материалы 34 раза, а за последующие 30 – всего 13. Особенно внимательно исследовал автор вопрос о том, какой предварительной цензуре подвергал публикации сам издатель, и пришел к выводу, что он не был перестраховщиком и, как правило, оставлял официальному цензурному ведомству возможность изымать острые места.

Ну и наконец, очень интересен тот ракурс, в котором А.Д. Зайцев рассматривает круг постоянных сотрудников, который сложился вокруг журнала, – таких его вкладчиков, постоянных авторов, как П.А. Вяземский, Н.П. Барсуков, С.Д. Шереметев, М.Н. Логинов, в последние годы – К.П. Победоносцев. А.Д. Зайцев показал, что вряд ли можно оценивать “Русский архив” как моножурнал. Эта группа авторов-сотрудников весьма активно влияла на формирование облика журнала. И при этом самостоятельность Бартенева как редактора, столь часто декларировавшаяся им “беспристрастность” в выборе материалов в большинстве случаев совпадали с мнением этой группы активных и часто наиболее высокопоставленных читателей-сотрудников.

Неудивительно, что А.Д. Зайцева так привлек образ подвижника русской исторической журналистики. Молодой ученый очень напоминал героя своего исследования, и прежде всего тем, что отношение их обоих к русской истории носило яркий эмоциональный характер. Андрей вообще был очень эмоциональным, тонко чувствующим человеком, и эта особенность очевидно прослеживается в его работах, и главным образом, конечно, в книге о Бартеневе. В ней он пишет о том, что для Бартенева характерно персонифицированное отношение к истории, что за событиями прошлого он видел прежде всего живых людей, поэтому и печатал так много материалов, предназначенных для будущих “русских жизнеописаний”.

То же самое можно сказать и о А.Д. Зайцеве – за громадой “Русского архива” он видел прежде всего П.И. Бартенева, одержимого страстью к документам, к истории, к тому, чтобы сохранить их, вырвать из небытия, поместить в свой журнал, а уж будущие историки позднее их оценят. Та неподдельная любовь к своему герою, та симпатия, с которой он пишет о Бартеневе, определили живой интерес, который вызывает эта книга. Ну и конечно, литературная одаренность автора, его дар популяризатора, умение писать живо, легко воссоздавать образы людей прошлого. Верно отмечает С.О. Шмидт в предисловии: перед нами именно художественное повествование, а не только историческое исследование. Книга написана с блеском, легко, непринужденно вплетаются в ткань повествования многочисленные и всегда интересно подобранные цитаты. История жизни Бартенева, его исторические взгляды, его роль как зачинателя отечественного пушкиноведения и, наконец «Эйфелева башня “Русского архива”» (по выражению Брюсова) – все это на самом деле читается на одном дыхании. Он не останавливается только на изучении журнала, ему интересно все о Бартеневе, – он прослеживает его родственные связи, находит внучку Бартенева, с которой много лет затем поддерживает отношения, занимается поисками частей архива историка, разошедшихся по родственникам.

“Русский архив” – это неисчерпаемая сокровищница нашей истории и культуры. К нему и его истории будут обращаться постоянно по самым разным поводам. Будущие исследователи журнала именно в трудах А.Д. Зайцева станут искать ответы на многие вопросы. То, что сделал Андрей Дмитриевич Зайцев для “Русского архива”, невозможно переоценить: он заложил основу изучения не

только этого, но и любого исторического журнала. В его работах поставлены задачи для будущих исследователей, подняты теоретические и практические вопросы, которые предстоит решить (особенно интересна в этом плане статья в сборнике в честь С.О. Шмидта “Мир источниковедения”¹⁶). Поэтому к работам А.Д. Зайцева всегда будут обращаться исследователи, а его образ – талантливо-го, искреннего, щедрого человека – останется с нами навсегда.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

Н.Б. ВОЛКОВА (РГАЛИ)

Андрей Дмитриевич проработал в Российском государственном архиве литературы и искусства (тогда ЦГАЛИ) 15 лет. Его неожиданная смерть отозвалась болью утраты в нас всех. И естественно, мы продолжали ощущать его среди нас, говоря о нем, вспоминали эпизоды, связанные с ним. Я глубоко благодарна С.О. Шмидту, который собрал нас сегодня здесь, чтобы воскресить образ нашего товарища, вспомнить, чем каждый из нас был ему обязан, и как-то запечатлеть его черты не только для себя, но и для тех, кто потом нас заменит.

Мне казалось, что я хорошо помню все, связанное с А.Д., но, когда я взяла в руки тощую папочку его личного дела, всплыли новые подробности его деятельности в архиве.

А.Д. пришел на работу в ЦГАЛИ в августе 1973 г. Однако предварительно он был у нас на практике, и его приход именно в ЦГАЛИ явился результатом уже продуманного выбора, поскольку по своим знаниям и отличному диплому он мог претендовать на работу в любом учреждении. Архиву очень повезло, что А.Д. пришел именно к нам. Проработал он сначала немного, уже в мае 1974 г. был призван в армию. Характерно, что, понимая неизбежность прохождения военной службы, он не искал возможностей освобождения от нее, а хотел лишь одного – быстрее вернуться на место своей работы. Не было колебаний и относительно ЦГАЛИ. Не напрасно же после проводов в армию он зашел ко мне и попросил сохранить бутылку коньяка, чтобы отпраздновать его возвращение. В июле 1975 г. он снова в архиве, в отделе учета и научно-справочного аппарата. Прямо скажем, не самая интересная работа, поскольку, за неимением в те годы компьютеров, она сводилась главным образом к составлению карточек для именного и тематического каталогов. Зато он получил возможность детально ознакомиться с архивными богатствами, и в первую очередь с “золотоносными залежами” материалов XIX в. Одновременно А.Д. поступает в аспирантуру Института истории СССР АН СССР, а также в Институт иностранных языков, поскольку изучение литературы XIX в. требовало знания языков, особенно французского. Через несколько лет он успешно защитил кандидатскую диссертацию, посвященную деятельности П.И. Бартенева, основателя и редактора журнала “Русский архив”.

Тогда же А.Д. удастся осуществить свое заветное желание – перейти в отдел публикации. Ради этого он вынужден был поступиться местом старшего научного сотрудника, так как этой вакансии там не было. Зато если до сих пор он занимался изучением и публикацией документов в связи с диссертацией или подготовкой материалов к изданию в сборнике архива “Встречи с прошлым”, то теперь он получил возможность полностью отдаться любимому делу. Вскоре благодаря своим способностям организатора он становится заместителем заведующего отделом публикации, а затем и руководителем этого отдела, заменив на этом посту старейшего сотрудника архива Ю.А. Красовского.

¹⁶ Зайцев А.Д. Исторический журнал как предмет источниковедческого изучения (некоторые наблюдения) // Мир источниковедения: Сборник в честь С.О. Шмидта. М.; Пенза, 1994. С. 21–24.

Приступив к работе, А.Д. берет на себя две ведущие темы – подготовку периодических изданий путеводителя по ЦГАЛИ и работу над сборниками архива “Встречи с прошлым”. Он также принимает активное участие и в других направлениях деятельности архива, в работе Научного совета, экспертной комиссии, редакционного совета. Он привлекает к публикационной работе молодежь, много помогает ей. Сотрудники, пришедшие со студенческой скамьи, могли получить тему для публикации, ценную консультацию по ее подготовке, выступить в качестве рецензента на экспертной комиссии, подготовить сообщение для прессы. Благодаря этому отдел публикации становится движущей силой архива, занимает центральное место в его работе.

Хочется отметить некоторые особенности характера А.Д., его личности, которые имели большое влияние на его коллег. Среди них я бы прежде всего назвала его доброжелательность, любовь к людям, бережное отношение к окружающим, которые он вносил не только в личные, но и в рабочие отношения. Они соединялись с редкой в нашем обществе воспитанностью. Этим он прежде всего был обязан своей маме, Людмиле Анатольевне, которая не только одна вырастила сына, но и воспитала его замечательным человеком, редкой обаятельности. Эти черты не только помогали ему, как молодому руководителю, в работе с сотрудниками отдела, но и имели большое воспитательное значение для всего коллектива.

Предшественником А.Д. на должности заведующего отделом публикации был очень опытный, талантливый архивист Ю.А. Красовский, которому архив многим обязан. А.Д. относился к нему с трогательной заботливостью. В то время Юрий Александрович, будучи тяжело болен, уже не имел возможности приезжать в архив. А.Д. часто навещал его, советовался, показывал подготовленные работы – словом, делал все, чтобы Ю.А. не почувствовал себя ненужным, чтобы он по-прежнему ощущал себя сотрудником архива. А сколько усилий А.Д. прилагал, чтобы как можно лучше поздравить женщин архива 8 марта. Сколько остроумия, выдумки и в то же время души и товарищеского тепла вносилось им в проведение архивных вечеров и капустников. Даже уйдя из архива, он по-прежнему поддерживал с нами тесные отношения. Всегда был готов помочь, будь то подписка на “Словарь писателей” или устройство на работу. Часто, не ожидая к нему обращения, он делал все, что было в его силах. Но главное, он был прекрасным работником, овладевшим всесторонне не только своей профессией, но и смежными областями знаний. История, литература, особенно XIX в., журналистика, театр и музыка были ему хорошо знакомы. Благодаря работе над путеводителями архива он быстро освоил состав наших материалов и легко в них ориентировался, что так необходимо в архивной практике. О том, что он был талантливым ученым, исследователем, говорят его диссертация и другие напечатанные работы. Об этом же свидетельствуют его целеустремленность, обращение к определенному историческому периоду и теме.

ЦГАЛИ был для А.Д. первым местом службы. Конечно, 15 лет работы в архиве ему много дали, но гораздо больше он дал архиву. Для него ЦГАЛИ не был только местом работы. Он всегда болел душой за его состояние и будущее. Одновременно он был и прекрасным организатором, чему способствовало как доброжелательное отношение к людям, так и присущее чувство ответственности, которое проявлялось во всем, будь то конкретные сроки работы или выполнение отдельных заданий. Ему было свойственно гипертрофированное чувство долга. Я помню, как однажды, после воспаления легких, в холодную погоду он вышел на субботник и доработал на нем до конца, несмотря на все просьбы уйти. Он не мог позволить себе остаться в помещении, когда женщины вышли работать на улицу. Или, руководя студенческой практикой, надолго задерживался после работы для ознакомления с материалами, которые описывали студенты.

Люди тянулись к нему, и то, что им поручалось, выполнялось обычно хорошо и охотно. При этом он всегда оставался принципиален и умел настоять на своем, когда это было необходимо.

Переход А.Д. в другое учреждение в 1988 г. был, на мой взгляд, связан с двумя причинами. Во-первых, за годы работы в ЦГАЛИ он вырос в настоящего ученого, историка литературы, талантливого руководителя, который мог решать гораздо более крупные проблемы, нежели руководство отделом или даже архивом. Ему не было тесно в ЦГАЛИ. У него была большая возможность продолжать научную работу на материалах архива, а время уходило на организационную работу, руководство темами других сотрудников, редактирование. И второе – отсутствие нормального заработка для довольно большой семьи. Его заявление об уходе свидетельствует, что ему не хотелось уходить из архива: «...с большой грустью прошу Вас освободить меня от занимаемой должности в связи с избранием по конкурсу на должность зав. редакцией истории СССР издательства “Советская Энциклопедия”». И после ухода А.Д. сохранил тесную связь с архивом. Он по-прежнему оставался нашим товарищем, часто приходил, помогал сотрудникам. И поэтому мы никогда не чувствовали, что он покинул наш коллектив. Он останется с нами и сейчас. Но мы должны сделать все, чтобы его работы (и то, что уже набрано, и то, что в рукописи) увидели свет. Наш долг в разных аспектах запечатлеть и сохранить образ Андрея Дмитриевича Зайцева, талантливого ученого и замечательного человека.

А.П. ГОРКИН (издательство “Большая Российская энциклопедия”)

Андрей Дмитриевич Зайцев пришел в издательство заведующим редакцией Отечественной истории (бывш. редакция истории СССР). Он участвовал в конкурсе и тайным голосованием единогласно был избран. За всю историю нашего издательства (72 года) А.Д. был самым молодым заведующим научной редакцией, он стал им в 37 лет. Я по научной специальности географ, хорошо знаю историю редакции географии, которой в свое время руководил такой корифей географии, как Н.Н. Баранский. Заведующим редакцией Отечественной истории был Михаил Иванович Кузнецов. Редакцией физики руководил Александр Александрович Гусев. Это были люди высокого уровня общей эрудиции и редакторского мастерства.

И вот в сложнейшее для страны и для издательства время – 1987–1988 гг. – это перестройка, брожение умов, новые публикации – заведующим редакцией Отечественной истории становится молодой человек. Он был самым молодым в составе Научно-редакционного совета издательства, который возглавляет академик А.М. Прохоров. Когда А.Д. попал в первый раз на заседание совета, он держался с огромным достоинством.

Зав. редакцией в энциклопедическом издательстве должен найти общий язык с большим числом авторов, объединить их в одном общем деле. Редакция Отечественной истории готовила энциклопедию “Отечественная история с древнейших времен до 1917 года”. Главный редактор – академик В.Л. Янин. Роль заведующего редакцией при самом выдающемся главном редакторе весьма специфическая. Он берет на себя всю черновую и организационную работу. Он формирует коллектив – авторов, рецензентов, консультантов, несет ответственность за определение концепции, соотношение и связь тематических разделов. Вся эта колоссальная работа по энциклопедии “Отечественная история” выпала на долю Андрея Дмитриевича в первый год его пребывания в издательстве. Ему было трудно. Но он сумел объединить коллектив и довести до выхода первый том этого издания. Он работал над энциклопедией как заведующий редакцией и как специалист в определенных отраслях истории и культуры России.

А.Д. был спокойным, взвешенным, доброжелательным. Он никогда не повышал голос. Когда он высказывал свою точку зрения, то как будто извинялся. Он никогда не становился в позу обличителя и не хотел казаться человеком, который обладает патентом на знания. Он был тактичен по отношению к авторам, специалистам, ученым. Очень многие люди утверждают через отрицание, а не через конструктивную мысль. А.Д. всегда умел выражать свои взгляды не конфронтационно, а конструктивно.

Он был великолепным пропагандистом энциклопедического дела. Работал на книжных ярмарках, заботился о распространении наших изданий. Многие считают эту работу черновой. А.Д. видел в ней обратную связь с читателями и устанавливал эту связь великолепно. Я с удовольствием вспоминаю, как мы работали с ним и на Московской книжной ярмарке, и в Петербурге, и в Минске, и в Нижнем Новгороде. Особенно памятна наша поездка в Челябинск, как тогда говорили, по линии Общества книголюбов. Мы побывали на металлургических комбинатах, на тракторном заводе. Собиралось много людей, чтобы послушать рассказ А.Д. об энциклопедии “Отечественная история”, о новых взглядах на историю. Шел 1988 г., люди стали смелее. Они задавали жесткие вопросы о нашем прошлом. И я не помню случая, чтобы он не смог ответить рабочему, мастеру, инженеру.

Когда Андрей Дмитриевич уходил из издательства по причинам личного характера, было очень трудное время. Много работы. Мне было тяжело, что уходит мой близкий друг. Однако он продолжал сотрудничать с нами. Андрей был для нас близким человеком. Его все уважали за знания, любили за широту, человечность и доброту – столь редкие качества в наше сложное время.

Мне очень приятно, что Археографическая комиссия проводит это заседание.

Таких людей мало, и поэтому сегодня мы отдаем должное нашему другу, чудесному человеку.

С.В. ШУМИХИН (РГАЛИ)

Об Андрее как молодом ученом уже рассказали его коллеги и научный руководитель С.О. Шмидт. Я скажу несколько слов об Андрее как о человеке. Он был – как ни горько употреблять слово “был” применительно к Андрею, к своему ровеснику, мужчине в расцвете жизненных сил и таланта – человеком замечательным, поистине редким. Говорю это без оглядки на “хрестоматийный глянец”, до которого дожить ему не довелось.

Мы с Андреем не были закадычными друзьями. Я познакомился с ним уже взрослым человеком, отслужив в армии и поступив в Историко-архивный институт, на заседаниях кружка источниковедения Сигурда Отговича Шмидта, а потом, в начале 1980-х, придя на работу в ЦГАЛИ, узнал ближе. Поразила меня, не избалованного благожелательностью вышестоящих лиц и начальников, его искренность и доброжелательность, лишенная малейшего намека на фальшь. Достаточная редкость для тех довольно фальшивых годов. И тем большее значение имело все это для меня, переживавшего тогда не самый лучший период жизни.

Андрей был чрезвычайно ответственным человеком. Он все делал хорошо, и даже более чем хорошо: таким он был студентом МГИАИ, рядовым архивистом, начальником (возглавлял отдел публикации ЦГАЛИ), редактором, историком-источниковедом. Возможно, что и на последней своей работе, специфика которой далека была от истории, но обязанность мужчины содержать семью требовала от Андрея зарабатывать в несколько раз больше, чем могли предложить архивы и редакции, – он смертельно надорвался, перерабатывая втрое, впятеро против “нормы”.

С любой смертью примириться трудно. Со смертью столь безвременной – почти невозможно. Но уход человека в жизнь вечную всегда дает новый ответ, новый отблеск на все, сделанное им в жизни земной. Андрей Дмитриевич Зайцев сделал многое. И он останется с нами до тех пор, пока живы мы сами.

Е.В. БРОННИКОВА (РГАЛИ)

Я присоединяюсь к моему коллеге С.В. Шумихину. Говорить об Андрее Дмитриевиче в прошедшем времени очень сложно. Я не принадлежу к тому поколению, которое считало А.Д. слишком молодым. Для меня он был мэтром, знающим и уважаемым специалистом в своей области. Я опоздала, чтобы вместе с ним учиться; опоздала работать в ЦГАЛИ в эпоху расцвета; опоздала быть подчиненной А.Д. Между тем он мне всегда казался человеком духовно близким. Мы познакомились, когда я заканчивала дипломную работу и обратилась к А.Д. с просьбой быть моим оппонентом. Я была настолько очарована этим удивительным человеком, что решила пойти работать в ЦГАЛИ, несмотря на самую низкую должность и весьма скромную зарплату. А.Д. с трогательной заботой опекал молодых специалистов. Он старался поощрить их занятия научными изысканиями, привлекал к сотрудничеству в архивном сборнике “Встречи с прошлым”. Моя первая публикация была подготовлена под его руководством именно для этого издания. А.Д. убедил меня поступить в аспирантуру и заняться диссертацией. Общение с ним было тем более полезно для меня, что у нас были близкие научные интересы: он был автором ряда работ о “Русском архиве”, а я изучала “Русскую старину”. Я чрезвычайно благодарна А.Д. за долгие разговоры о проблемах изучения исторической периодики, об истории издания “Русского архива” и “Русской старины” и т.п. Все это позволяет мне считать его своего рода научным крестным отцом.

А.Д. обладал даром удивительного воздействия на людей, когда под его влиянием самая неприятная и неинтересная работа казалась нужной и значительной.

Очень трудно говорить о кончине довольно молодого ученого, о человеке, с которым совсем недавно разговаривал по телефону, строил планы на будущее... Его жизнь, его труды по отечественной истории сами стали областью старины; его документы – это уже фактически материал для “Русского архива” или “Археографического ежегодника”. Мы еще очень долго будем ощущать эту человеческую и научную потерю.

В.Ю. АФИАНИ (ЦХСД)

Вспоминая об Андрее Дмитриевиче Зайцеве, дорогое Андрее, хочется найти слова, чтобы навсегда сохранить его замечательный образ. Здесь уже много говорилось о талантливости Андрея. Думаю, что самый главный талант, которым щедро одарила Андрея природа, был человеческий талант. И может быть, это важнейшая часть личности, человека. Важнее всего, что он может сделать в науке, литературе, искусстве... Но как сохранить, запечатлеть на бумаге, на фотопленке, киноленте, на любом другом известном нам носителе то огромное обаяние, которым обладал Андрей и которое, наверное, больше всего другого привлекало к нему людей? Единственное, чем можно попытаться отобразить неповторимые черты Андрея, это все-таки слово. И мы все, не сговариваясь, стараемся это сделать.

Не помню, как и когда мы впервые познакомились. Естественно, что это было на том знаменитом кружке по отечественному источниковедению С.О. Шмидта в Историко-архивном институте. Андрей рано начал ходить на кружок, здесь, конечно, не обошлось без влияния и Анатолия Евгеньевича Иванова, его дяди. В то время мы еще не были достаточно близко знакомы, сказывались, может

быть, разница курсов, возраст. Подружились мы уже после окончания института, когда временные, возрастные различия “сглаживаются”. Можно сказать, что в мою жизнь Андрей вошел как-то незаметно, с характерной для него деликатностью и достоинством, но очень прочно и навсегда.

Наш самый активный “научный” период общения был, конечно, в то время, когда он начал всерьез заниматься проблемами исторической журналистики, журнальной археографии, “Русским архивом” П.И. Бартенева, думая уже о кандидатской диссертации. Я раньше занялся аналогичными проблемами и более ранними эпохами – началом XIX в., а затем и XVIII в., подготовил несколько статей, в которых попытался затронуть и некоторые вопросы теоретического характера. Естественно, что это Андрея заинтересовало даже востро “историографически”. Мы довольно часто встречались, обсуждали эти вопросы, когда он приходил в Археографическую комиссию, на конференциях и, конечно, на заседаниях кружка, на которые мы продолжали ходить уже в ранге “стариков”. (Не отсюда ли любимое обращение Андрея, более популярное среди людей другого поколения, – “старик”, “старичок”?) Отношение у нас к кружку было общим, мы часто приходили на его заседания, больше, может быть, для того, чтобы окунуться в дружескую атмосферу, чем для решения сугубо ученых вопросов, но и, конечно, привлекала возможность послушать выступления Сигурда Оттовича, Сергея Михайловича Каштанова, Алексея Антоновича Курносова и других “маститых стариков”. Кружок, конечно, сыграл огромную роль в том, что мы, невзирая на разницу в возрасте, на любые другие различия, ощущали некую общность друг с другом, в том, что на нем завязывалась дружба, которая длилась десятилетиями.

О своем отношении к кружку мы с Андреем сказали своими статьями в сборнике, посвященном юбилею Сигурда Оттовича, где мы вместе напечатали статью о своеобразной кружковской литературе, к появлению которой и сами были причастны. Я очень хорошо помню, как мы вместе работали над первым из “Осколков”¹.

Мы считали, что тем самым нарушается давняя отечественная историографическая традиция, которую мы в пику этим запретам хотели поддержать. Была собственная кружковская традиция готовить всякие шуточные, юмористические сочинения. К юбилею кружка Сигурду Оттовичу удалось пробить издание работ кружковцев. Это было очень скромное, ротапринтное издание, но оно много значило для нас. Здесь, например, появились моя первая в жизни публикация. Потом уже стало невозможным что-либо издать к юбилеям кружка или его руководителя.

К очередному юбилею кружковцы захотели создать сборник вполне серьезных исследовательских статей и родилась идея подготовки “потаянного”, машинописного сборника. Так начался кружковский “самиздат”. Сейчас уже не помню, кто, Иосиф Львович Беленький или Андрей, предложил назвать сборник “Осколками жанра”, имея в виду этот самый юбилейный, персональный жанр научной литературы. Мы с Андреем собирали у кружковцев статьи для сборника, он нашел машинистку для перепечатки.

Вообще у него, конечно, был с самого начала вкус к издательской деятельности, которую он по-настоящему не реализовал и в ЦГАЛИ, и даже в издательстве “Большая Российская энциклопедия”. С каким энтузиазмом он готовил энциклопедию “Отечественная история” и заражал других! Я по просьбе Андрея, конечно бесплатно, сделал для нее словник журналов, о которых, по-моему мне

¹ Так назывались сборники статей кружковцев. Некоторые из них были посвящены “круглым” датам нашего руководителя. В это время вся персональная, юбилейная литература была запрещена как жанр, в том числе в Академии наук. Запрещались любые персональные сборники трудов, сборники в честь известных ученых.

нию, следовало бы написать в энциклопедии. Много сил он положил на “пробивание” Большой Российской энциклопедии. Мы не раз обсуждали перипетии его хождений “по начальству”, чтобы добиться включения энциклопедии в число президентских проектов. Он хотел, чтобы эта энциклопедия была нового типа, в частности, чтобы в ее подготовке активно участвовали архивы. Об этом шел разговор с тогдашним заместителем руководителя Росархива В.П. Козловым. Мы все хотели вместе реализовать какой-то интересный проект: биографическую серию, которую придумал он, пособия по истории для школьников, включавшие факсимильное воспроизведение документов, подготовку энциклопедического справочника об истории отношений России и Голландии и др. К сожалению, издательство тогда уже начало испытывать финансовые трудности и некоторые вполне реальные проекты пришлось отложить.

Я видел, что Андрей очень хорошо “прижился” в издательстве, и понимал, как ему непросто было уходить отсюда (кстати сказать, он предлагал мне заменить его в издательстве). Он и на новом месте не хотел отстраняться от издательских дел. Мы подробно обсуждали перспективы создания CD-ROM, в том числе и на архивных документах. Думаю, он хотел в будущем вернуться к своим издательским планам, но уже на ином уровне и с применением новейших технических средств.

У Андрея было редкое сочетание в общем-то противоположных вещей – литературной одаренности и вкуса к занятиям “рутинными”, кропотливыми делами, писания стихов и составления библиографического указателя, редакторской работы. Все как-то уживалось в нем. Наверное, этот интерес к “мелочам” воспитали и архив и издательство. Такое сочетание многое обещало, многое он не успел реализовать, но он реализовался в главном – как человек.

В.М. КАРЕВ

Об Андрее трудно, почти невозможно говорить в прошедшем времени. Расставаясь с ним 6 марта, мы договорились встретиться 9-го, чтобы обсудить и текущие дела, и новые, как теперь принято говорить, “проекты” – научные, издательские, житейские.

Мы были знакомы и дружны с Андреем последние девять лет, может быть, самые плодотворные в его жизни. В 1988 г. он перешел на работу в научное издательство “Советская Энциклопедия” после того, как конкурсная комиссия, забаллотировав пять или шесть претендентов на должность руководителя редакции Отечественной истории, единогласно (закрытым голосованием) высказалась за его назначение на этот пост. Рад тому, что был среди голосовавших и пристрастно отстаивал кандидатуру Андрея перед теми членами комиссии, которые сомневались, сумеет ли совсем молодой по энциклопедическим стандартам человек возглавить непростой коллектив редакции, опытный, творческий, спаянный многолетней совместной работой над многочисленными энциклопедическими изданиями.

Андрей сумел. Благодаря его иногда незаметной для посторонних глаз работе стало возможным в сложное, переломное для страны и любого коллектива время начать подготовку многотомного энциклопедического издания “Отечественная история”, сломать многие стереотипы, сложившиеся в сознании и ветеранов редакции, и метров исторической науки. Так получилось, что в 1989 г. я на какое-то время ушел из издательства, но, по просьбе Андрея, остался в составе редколлегии новой энциклопедии. До сих пор вспоминаю еженедельные вечерние сидения в редакционном “подвальчике” за чашкой чая или рюмкой коньяка, ожесточенные, но отчаянно веселые и дружеские споры о том, какой должна быть первая в России энциклопедия отечественной истории. Ведь любую энциклопедию, прежде чем она выйдет в свет и предстанет перед судом критиче-

ски настроенного читателя (а критически читатель настроен всегда, независимо от того, специалист он или дилетант), так вот – любую энциклопедию надо “придумать”, сконструировать, если угодно, выстрадать и выносить в душе и уме, как мать вынашивает под сердцем дитя.

Надо быть достаточно смелым человеком, честным исследователем, ответственным перед собой и обществом руководителем издания, чтобы предвзято энциклопедический труд, сказать читателю: поскольку «наше быстротекущее “сегодня” не может не вносить коррективы в понимание нашего “вчера”, каким бы далеким и отстраненным оно ни было», постольку редакционному коллективу и авторам энциклопедии – современникам переломной эпохи в истории России – “чрезвычайно трудно, а часто и невозможно увидеть во всех деталях и с достаточной полнотой объективный образ российского прошлого”.

Андрею удалось выпустить в свет только первый том этой книги. Дальше обстоятельства сложились так, что в 1995 г. он ушел из издательства: надо было думать о хлебе насущном, содержать семью, растить детей. Любое время, а наше – особенно, безжалостно по отношению к лучшим своим сыновьям. Ему, времени, неведомо, что, ломая их судьбы, оно калечит себя и опустошает будущее. Андрей еще много мог бы и должен был сделать. Идеи бурлили в его голове. Уйдя из издательства, он так и не смог уйти от энциклопедического дела. Андрей “заболел” им на всю жизнь. Он с живейшим интересом участвовал в заботах, связанных с подготовкой второго тома “Отечественной истории” (1996). Насколько я знаю, плодотворным было и его сотрудничество с РГАЛИ и Археографической комиссией РАН. Андрей был в числе инициаторов издания и членом редколлегии альманаха “Российский архив”, продолжающего традиции “Русского архива”, издававшегося его любимым П.И. Бартеневым. Он с увлечением размышлял о структуре однотомного справочника “Россия” (М., 1998), который “Большая Российская энциклопедия” готовила совместно с издательством “Дрофа”.

Все выступавшие говорили об удивительных человеческих качествах Андрея. Да, он был замечательным и нежным сыном, надежным мужем и отцом, верным и бескорыстным другом. Открытый для всех, Андрей, мне кажется, “открывался” каждому по-своему, иначе, чем другим. На самом деле никому из нас он так и не был известен до конца. Я имею право сказать это по той причине, что в последние годы и месяцы его жизни общался с ним чаще и теснее других. Андрей был разнообразнее, глубже, серьезнее, талантливее того, что угадывалось, проявлялось, открывалось в нем в каждую отдельно взятую минуту. Это – свойство по-настоящему значительных людей.

У Андрея было много планов и проектов, которые он, обладая недюжинным талантом организатора, особым даром привлекать и увлекать за собой людей, надеялся осуществить в будущем. Не получилось. Жизнь оказалась безжалостно коротка. Конечно же, что-то из того, о чем мечталось, сделаем мы, его друзья и единомышленники. Но что в том толку... Андрей сделал бы это иначе. Не хуже или лучше, а иначе – как умел делать только он.

А.С. ОРЕШНИКОВ

Андрей Дмитриевич Зайцев пришел в редакцию Отечественной истории в пору, когда готовившаяся нами Краткая энциклопедия “Отечественная история” (КЭОИ) под наплывом новейших публикаций по истории XIX–XX вв. начала катастрофически устаревать. Мы в то время (весна 1988 г.) по-разному ощущали “тектонические сдвиги” и потрясения основ советской исторической науки. Но те, кто осознал происходящее во всей очевидности (В.М. Карев, О.А. Кубицкая, М.Н. Хитров), стремились на обсуждениях почти подготовленных томов КЭОИ внушить коллегам мысль о том, что “поезд ушел” и энциклопедию нужно переделывать кардинально. Андрей Дмитриевич быстро вклю-

чился в обсуждение новой энциклопедии и пришел к выводу о необходимости разработки типа издания, отличающегося по составу и структуре от 16-томной “Советской исторической энциклопедии”. Он принял также идею об ограничении временных границ издания 1917 годом и тем самым вдохнул в обветшавшую оболочку новый творческий импульс. Андрей Дмитриевич шел на известный риск, и, думается, этот риск себя оправдал. В изданных томах новой энциклопедии “Отечественная история” есть недостатки и ошибки, к сожалению. Однако в ней от тома к тому ощущается преодоление той мертвой статичности, которая так угнетала наше сознание в 1970-х – начале 1980-х годов. И основная заслуга в этом принадлежала именно Андрею Дмитриевичу. Он всегда шел навстречу любым творческим предложениям по совершенствованию нового издания и выбирал то, что считал реальным и перспективным. Эти способности Андрея Дмитриевича, как я думаю, в значительной степени были развиты в кружке источниковедения МГИАИ, которым руководит С.О. Шмидт. Прошедшие школу Сигурда Оттовича знают, что в кружке не только прививались исследовательские навыки, но и воспитывалась потребность свободно, без шор воспринимать мир исторических фактов и идей, при этом хранить почтительное уважение к памяти ушедших от нас ученых. Возвращаясь к мысли о безвременной кончине Андрея Дмитриевича, я думаю о горькой символике нашего времени, заключающейся в неуклонном вытеснении из активной жизни наиболее одаренных людей.

В.А. ЗАЙЦЕВА

Очень сложно думать, а тем более писать о близком человеке в прошедшем времени. Кажется, что слово “был” неприменимо к родному тебе человеку. Но тем не менее через осознание потери приходят необходимость погрузиться в его духовный мир, попытка разобраться в нем.

После смерти отца я защитила дипломную работу “Обзор творческого наследия историка А.Д. Зайцева” (научный руководитель Л.М. Ельницкая, рецензент С.О. Шмидт. Университет истории культур, 1997 г.), где попыталась рассмотреть основные биографические, научные, творческие аспекты его жизни и добавить несколько штрихов к портрету прежде всего – Человека, в семье которого мне посчастливилось родиться, открыть несколько лирических страниц, о которых очень немногие знали.

Поэтические опыты воспринимались большинством знакомых, и даже близкими людьми, как стихотворное оформление юмористических и сатирических мероприятий (прежде всего это, конечно, капустники, которыми славились и Историко-архивный институт, и ЦГАЛИ).

Между тем в домашнем архиве А.Д. Зайцева хранится большой массив стихотворений, состоящий из пожелтевших листов бумаги разного формата, от обычного до самых маленьких клочков, с поэтическим печатным и рукописным текстом, из ученических тетрадей, исписанных размашистым, но, как правило, понятным почерком (примерно 370 единиц). Такое количество стихов свидетельствует о том, что в юношеские годы обращение к поэзии было серьезной потребностью души и способом самовыражения.

Даты создания стихотворений отсутствуют. В поэзии время и пространство условны (это – время и пространство душевного переживания), тем не менее возможность связать стихотворение с определенным моментом конкретно-исторической жизни исключительно важна. Конкретное время преодолевается поэтом и работой духа переводится в “большое время” – общечеловеческое. Важна энергия преодоления данного момента, характер которого должен угадываться в создаваемой ситуации. Стихи А.Д. Зайцева были написаны в конце 60-х – начале 70-х годов. Их можно рассматривать с нескольких позиций. С одной стороны,

как своего рода иллюстрацию возраста – ранней юности: в эту пору молодости свойственно обольщаться очарованиями жизни, влюбляться и разочаровываться в том, что казалось идеальным, скептически относиться ко многим ценностям бытия; с другой стороны, это описания современной ему действительности и размышления о своем месте в ней. В первом случае интересно, насколько глубоко очарования и насколько серьезны разочарования. Интересны индивидуальный склад личности, ракурс восприятия ею жизненных явлений. По стихам А.Д. Зайцева можно определенно сказать, каких поэтов он читал, из какой традиции вышел и каким следовал.

Образный инструментарий взят из традиционной романтической поэзии. Использовались образы неба и его обитателей, времен года, времени суток, явлений природы, урбанистические символы. Значительно представлен образ “смерти”, он являлся одним из ключевых. Основные конфликтные ситуации: столкновение мечты и реальности, переживание кратковременности человеческого существования и неизбежности смерти, переживание гибели (любовь как гибель, мотивы рока, апокалипсиса и пр.). Лирический герой, как и в романтической поэзии, носит маску или исполняет ту или иную роль.

Тематически поэзия А.Д. Зайцева очень разнообразна. Присутствуют декадентско-символические мотивы. Были попытки обращения к экспрессионистским образам, к футуристическим конструкциям в духе раннего Маяковского, гиперболизация и сгущение мотивов страдания. Как это ни покажется на первый взгляд странным, ряд стихотворений был написан о музыке (“Бах”, “Бетховен”, “Шопен”, встречается несколько упоминаний о современной музыке). Много поэтических ассоциаций было навеяно во время чтения сокровищ мировой литературы и философии (А. Грина, Э. Хемингуэя, Фирдоуси, О. Хаяма, Э. Гофмана, И. Канта и др.). Живопись Ю. Чюрлениса также послужила материалом для стихотворения.

Обращался отец и к образу Москвы – родного города. Ему были посвящены несколько стихотворений – “Моему родному городу”. Особенно нежно воспринимался дом в Настасьинском переулке, в котором прошло его детство (сейчас на этом месте – издательство “Известия”) и начали складываться мировоззрение и осознание своего предназначения, появились первые друзья, возникли первые радости и разочарования. Вот стихотворение, написанное, как мне кажется, в совсем ранней юности:

Сгорбился старенький домик,
Окна печально глядят,
В тихий и маленький дворик
Изредка птицы летят.

Ржавый, старинный балкончик
Весь покосился и сник.
Крыши покатою кончик
От ливней осенних поник.

Спустя много лет, в 1995 г., А.Д. Зайцев пишет еще одно стихотворение о Настасьинском переулке и живших в нем людях:

В переулке Настасьинском
Люди разные жили.
В переулке Настасьинском
Мы росли и дружили.
Переулок Настасьинский –
Память нашего детства,
Нас сегодня прими,
Нас сегодня пойми,
Нас сегодня прости
Дай душе обогреться...

Хочу познакомить с некоторыми другими стихотворениями из архива отца.

Я играю в пряталки.
Станная игра
Для такого взрослого
Большого малыша.

Прячемся по очереди.
Первым прячусь я.
Где бы, где бы
Спрятаться.
Скрыться
От себя.

Мы играем в пряталки.
Нужная игра.
Только очень трудно
Скрыться от себя.

* * *

Мы по круглому шару топаем,
Выбивая осколки лет.
Поднимаются вверх некрополи –
Наш единственный прочный след.

Мы под опытом, будто кролики,
За решеткой своих планет.
Будто крестики, будто нолики
Мы ложимся на клетки лет.

А на Млечном пути ухабистом
Сквозь сиянье кометных кос
Одиноко и вечно мается
Непонятный для нас Христос.

Мы бесцельно по кругу топаем,
Добывая остатки лет.
Оставляя одни некрополи
Самой маленькой из планет.

* * *

Бархатный, неведомый, далекий,
Мягкий, непонятный, голубой,
Сумрачный, светящийся, глубокий,
Нежный, одинокий, золотой

Мчится, догоняет и уносит,
Вьется, опадает, тербит,
Требует, надеется и просит,
Умирает, падает, горит

Твой голос, любимая!

* * *

Слова. Слова.
Слова
Молитв.
Слова
Измен.
Слова
Идей...

Слова. Слова.
Слова
Любви.
Слова
Убийств.
Слова
Скорбей...
Слова. Слова.
Слова
Машин.
Слова
Эпох.
Слова
Людей...
Слова. Слова.
Слова
Стихов.
Слова
Старух.
Слова
Детей...
Слова. Слова.
Слова
Бродяг.
Слова
Врагов.
Слова
Друзей...
Слова. Слова.
Слова
Больных.
Слова
Святых.
Слова
Смертей... Слова. Слова. Как пустота...

Несомненный интерес представляет также находящийся в семейном архиве дневник А.Д. Зайцева. Его нельзя в полном смысле этого слова, называть дневником по структуре – это ежедневник с записями, очень лаконичными, делавшимися на протяжении 25 лет (1970–1995). Записи передают эмоциональное состояние, моменты размышлений. Поскольку они точно датированы самим автором, их можно соотнести с событиями, происходившими в его жизни. Приведу некоторые из них:

6 января
1973 г. Рождество... Его... Мое?

1979 г. Через тонкие строки лет.
Сквозь потери. Сквозь море слов.
Сквозь привычные – да, невозможные – нет;
Пронести белизну снегов...

1981 г. Снежинок мягкие камни
Рисуют скорбное лицо.
Молочный месяц Галилеи, –
Ты снова встретил Рождество...

1983 г. Ночь озарений... Своей памятью я соприкасаюсь со всеми теми, кто на протяжении последних 1983-х лет в эту ночь, по всей вероятности, размышлял об одном и том же...

1984 год. Как хочется в эту ночь полюбить все человечество, поверить, что оно стало лучше, добрее, справедливее. И как трудно это сделать...

19 января

1981 г. ... Узнать в прохожих себя и не удивиться этому...

1985 г. Вот и еще одно годовое кольцо на мои – сердце, душу, тело.

26 марта.

1995 г. И опять нужно начать с начала... Вперед!?

30 ноября

1987 г. История, которая никого ничему не учит. Жаль!

13 декабря

...Назад пути нет. Все-таки необратимость Времени иногда жестокая. Впрочем, кто знает, – быть может, в ней есть какая-то непонятая нами справедливость. А не только закономерность...

21 декабря

1982 г. Разъединение... Всеобщая разобщенность...

27 декабря

1979 г. Сомнения бередят мне душу. Вряд ли это говорит о ее цельности. Скорее непрочности и изменчивости ее чувства и порывов.

И вообще я прихожу к выводу, что наука как таковая очень мало объясняет нам себя и наши поступки.

1984 г. Хорошо, когда дома есть Дом. БезДомность – невыносима.

30 декабря

1984 г. Что год грядущий мне готовит? Написал “год” вместо – “день” и улыбнулся своей самонадеянностью.

1987 г. В ожидании Нового года и возможных перемен. Что и как? Как и что?

Думается, что эти данные интересны и для понимания творчества А.Д. Зайцева – историка.

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

И.В. Савицкий

ДОКУМЕНТЫ ДВОРЯНСКОГО РОДА ПОЛЕНОВЫХ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

Современный интерес к истории российского дворянства, и, в частности, к ее архивным источникам можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, малой степенью изученности этих материалов. Долгое время они оставались невостребованными и лишь в последние годы стали пользоваться спросом у историков¹. Во-вторых, изучение российской дореволюционной истории невозможно без изучения главенствовавшего сословия страны – дворянства, а значит, и относящихся к нему архивных материалов. В данной статье делается попытка анализа комплекса материалов из фондов Центрального государственного архива Республики Карелия (ЦГА РК), касающихся дворянского рода Поленовых, наиболее известным представителем которого стал выдающийся художник В.Д. Поленов (1844–1927).

Роду Поленовых посвящена довольно многочисленная литература². В ЦГА РК сохранились две основные группы документов о Поленовых: 1) сведения о дворянстве, генеалогии и имущественном положении рода на территории Олонецкой губернии; 2) данные о взаимоотношениях Поленовых с представителями других сословий.

Первая группа материалов представлена документами, призванными подтвердить дворянское происхождение рода, а также многочисленными “списками о дворянах” различного назначения. Наиболее ранние документы появились благодаря прадеду художника – Алексею Яковлевичу Поленову (1738–1816), а также Жалованной грамоте Екатерины II 1785 г. Имея усадьбу в Лодейнопольском уезде Олонецкой губернии, А.Я. Поленов подал документы о своем дворянском происхождении (в основном копии с грамот на производство в следующие чины, а также выписки из столичных архивов) для внесения своего рода в дворянскую родословную книгу Олонецкой губернии. Приведенные им в середине 1780-х годов выписки из “Московской разрядной архивы” говорят о костромском происхождении рода, известного с середины XVII в. Сам А.Я. Поленов вел свою родословную от прапрадеда – Петра Филимоновича Поленова, находившегося на военной службе рейтером в 1654–1679 гг. После его отставки в военную

¹ См., например: *Быкова Л.А.* Источники дворянских родословных книг Тверской губернии, 1785–1917 годов // Преподавание и изучение историографии и источниковедения отечественной истории: проблемы, опыт, поиски, решения. Тверь, 1992. С.84–96.

² *Бак И.С.* А.Я. Поленов: Философские, общественно-политические и экономические взгляды // ИЗ. М., 1948. Т. 28; *Хрущов И.П.* Очерк жизни и деятельности Д.В. Поленова. СПб., 1879; *Сахарова Е.В.* Два поколения // Василий Дмитриевич Поленов и Елена Дмитриевна Поленова: Хроника семьи художников. М., 1964. С. 6–46; *Пастон Э.В.* Василий Дмитриевич Поленов. СПб., 1991; и др.

службу вступили его дети – Дмитрий, Прокофий и Афанасий. Материальное положение было невысоким: имея одну семью крепостных крестьян и семью дворовых, Поленовы получали со своего хозяйства в Костромском уезде 40 алтын за год³.

У сына, Дмитрия Поленова, Кондратия, служившего в лейб-гвардии Семёновского полка, было двое сыновей – Яков и Иван, тоже посвятивших себя военной службе. Иван закончил Морскую академию и служил на флоте. Выйдя в отставку в 1771 г., был определен капитаном Санкт-Петербургского гарнизона. Яков же, закончив Иконоспасскую академию в Москве, был определен солдатом в лейб-гвардию Преображенского полка, откуда и был отставлен в 1762 г. каптенармусом⁴.

Его сын, статский советник А.Я. Поленов, известен как русский просветитель, автор труда “О крепостном состоянии крестьян в России” (написан в 1766 г., впервые опубликован в “Русском архиве” в 1865 г.)⁵. Несмотря на свое отрицательное отношение к крепостному праву, он пользовался расположением Екатерины II. Это нашло отражение в представленных им документах. “Усердная и ревностная ваша служба обращает на себя наше внимание и милость, – писала императрица в рескрипте о награждении Поленова орденом св. Владимира 4-й степени в 1783 г. – Удостоверены мы совершенно, что вы, получа сие со стороны нашей ободрение, потщитесь продолжением службы вашей вяще удостоится монаршего нашего благоволения”⁶. Через год Поленов стал статским советником. Таким образом Екатерина поощряла тех, кто делился с ней лично соображениями о проводимой ею политике, карая одновременно тех, кто высказывал свои мысли публично (Радищев, Новиков).

Судя по списку поместных дворян Олонецкой губернии 1798 г., А.Я. Поленов был женат на Прасковье Комаровой, имел четырех сыновей (Василия – 25, Федора – 20, Петра – 18, Андрея – 17) и трех дочерей (Дарью – 21, Зиновью – 19, Катерину – 16 лет)⁷. Поместье в Олонецкой губернии, насчитывавшее 480 душ обоего пола и приносявшее 1700 руб. дохода в год, позднее перешло к старшему сыну – Василию Алексеевичу. Практически всю свою жизнь он проработал в Министерстве иностранных дел и дослужился до чина тайного советника. После его смерти имение в Лодейнопольском уезде было разделено между двумя сыновьями – Дмитрием и Матвеем. Матвей Поленов, впоследствии тайный советник и сенатор, получил всего лишь 16 душ. Его владение было передано в казну за 1500 руб. практически сразу же после отмены крепостного права. Основная часть поместья осталась за Дмитрием.

Д.В. Поленов (1806–1878) известен как русский историк, библиограф, выдающийся архивариус. Пойдя по стопам отца, в 1823 г. он начал службу в Министерстве иностранных дел, в 1832–1836 гг. был секретарем российской миссии в Греции, с 1854 г. занимал одну из должностей в Синоде⁸. Однако истинным его призванием стало исследование русских летописей, публикацией которых он занимался с 1850 г. до конца жизни.

Получив имение по отдельному акту 1855 г., Д.В. Поленов стал крупнейшим помещиком Олонецкой губернии. К 1860 г. в шести деревнях Лодейнопольского уезда он имел более 600 крепостных крестьян⁹. К сожалению, в анализируемых документах нет ни одного упоминания о его детях.

³ ЦГА РК. Ф. 490. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 7 об.

⁵ Более позднюю публикацию см.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1952. С. 7–29.

⁶ ЦГА РК. Ф. 490. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 17.

⁷ Там же. Ф. 470. Оп. 1. Д. 1/3. Л. 24, 40 об.

⁸ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 27–27 об.

⁹ Там же. Ф. 490. Оп. 1. Д. 24/465. Л. 314 об. – 315.

Рассмотренная группа документов представляет дворянский род Поленовых как бы с официальной стороны. В силу своего назначения подлинники некоторых из них должны были храниться в архиве Герольдии. Несомненно, подобные материалы могут интересовать генеалогов, историков и других специалистов. Однако одностороннее предназначение ограничивает диапазон использования этих документов. Как известно, недостатки суть продолжение достоинств, и, давая в основном справочные сведения о благородном происхождении рода и деятельности отдельных его представителей, “списки о дворянах” и другие документы часто нивелируют исторический персонаж как личность, “лакируют” его. Поэтому материалы о духовном развитии личности, менталитете сословия в целом историк вынужден искать в других источниках.

Частично этот пробел восполняют материалы о взаимоотношениях дворян с другими сословиями, в частности с крепостными и временнообязанными крестьянами. Основная часть этих источников содержится в фонде Олонецкого губернского по крестьянским делам присутствия и относится к 1860–1870-м годам, т.е. уже к пореформенному периоду. Это журналы заседаний присутствия, прошения крестьян, переписка с мировыми посредниками и т.д. Совокупное рассмотрение комплекса этих документов позволяет глубже анализировать не только имущественное положение дворянства, но и общественную атмосферу того времени.

Следуя примеру своего деда, Д.В. Поленов в целом благожелательно отнесся к освобождению крестьян от крепостного гнета и дал согласие на участие в работе губернского присутствия в качестве члена от дворян-помещиков. Однако освобождение крестьян с землей наносило удар по помещицкому землевладению. В условиях северного края, где каждая возделанная десятина была на счету, это грозило помещику разорением. Поэтому, выделяя землю в пользование временнообязанным крестьянам, Поленов отвел им совершенно непригодные участки, лишив их не только десятилетиями удобряемых земель, но и леса, пастбищ и сенокосов. В результате к 1874 г. “крестьянские хозяйства пришли до такой бедности, что не токмо оплачивать оброки и повинности, но и не могли пропитывать своих семейств”¹⁰. Крестьяне не только отказались от уплаты оброка за семь лет, но и потребовали от помещика компенсации в 1500 руб. за понесенные убытки. Однако Д.В. Поленов не обращал внимания на разорение крестьянских хозяйств, его интересовал только оброк. При этом закон был на его стороне.

Жестокое отношение к крестьянам еще в начале 1860-х годов вызвало осуждение со стороны тогдашнего олонецкого губернатора Ю.К. Арсеньева, являвшегося по должности и председателем присутствия. В 1862 г. Д.В. Поленов, отстаивая возможность помещикам предоставлять землю крестьянам в местах, где те ранее не проживали, обвинил присутствие в поощрении усиленного крестьянского завладения землей¹¹. Вероятно, в сознании Поленова помещик взял верх над юристом, так как в соответствии с законом крестьяне имели право получить землю там, где их застала реформа 1861 г. Учитывая, что в Олонецкой губернии крепостных крестьян было относительно немного, губернатор в 1862 г. ходатайствовал перед министром внутренних дел о сокращении состава губернского по крестьянским делам присутствия. В результате должность, которую занимал Поленов, была сокращена. Он покинул учреждение и с 1863 г. продолжил работу над публикациями рукописей.

Несмотря на материальное богатство Поленовых, можно сказать, что документы ЦГА РК характеризуют их дворянский род как типичный для Олонецкой губернии. Как большинство состоятельных дворян, Поленовы основное время проживали в Петербурге, и после отмены крепостного права им также пришлось

¹⁰ Там же. Ф. 24. Оп. 3. Д. 4/13. Л. 566; Оп. 1. Д. 25/830. Л. 81.

¹¹ Там же. Оп. 3. Д. 1/2. Л. 509.

бороться за экономическое выживание. К сожалению, в анализируемых материалах не сохранилось никаких сведений о детях Д.В. Поленова, в том числе о будущем художнике Василии Дмитриевиче. Тем не менее документы позволяют проследить узловые моменты истории дворянства на примере одного конкретного рода.

П. Мустонен

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОБСТВЕННОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИИ В НАЧАЛЕ ЦАРСТВОВАНИЯ НИКОЛАЯ I

Для обеспечения делопроизводства документацией, поступавшей на рассмотрение к российскому самодержцу, традиционно создавались непосредственно ему подчиненные органы. Делопроизводство, восходившее к предшественникам династии Романовых, осуществляли, например, Челобитный приказ¹, Приказ тайных дел царя Алексея Михайловича, Кабинет Петра I, Кабинет Елизаветы Петровны, Канцелярия статс-секретарей Екатерины II, Канцелярия Д.П. Троицкого при Павле I и, наконец, Собственная его императорского величества канцелярия (СЕИВК).

Согласно воспоминаниям видного чиновника императорского секретариата В.Р. Марченко (впоследствии государственного секретаря и члена Государственного совета), “рождение” СЕИВК произошло в Вильно ночью 7 ноября 1812 г.²

Сфера ее компетенции не ограничивалась функциями ведения делопроизводства. На протяжении своего существования (7 ноября 1812 – 7 апреля 1917 г.) она включала в свой состав до шести отделений, которые создавались на основе как функционального, так и территориального принципа. Каждое отделение СЕИВК имело собственный архив.

В данной статье рассматриваются архивные материалы императорского секретариата, который с момента создания осенью 1812 до 31 января 1826 г.³ носил название “Собственная его величества канцелярия”. Николай I пожелал, чтобы его секретариат именовался I отделением СЕИВК, как он и назывался вплоть до 23 января 1882 г.⁴, пока ему не было возвращено прежнее название.

¹ С.О. Шмидт первым увидел в Челобитном приказе одного из наиболее ранних предшественников императорского секретариата. См.: *Шмидт С.О.* Челобитный приказ в середине XVI столетия // ИОИФ. М., 1950. Т. XII, вып. 5. С. 446–453. Список предшественников СЕИВК впервые был приведен в обширной энциклопедической статье В.Е. Рудакова. См.: *Рудаков В.Е.* Собственная его императорского величества канцелярия // Энциклопедический словарь / Под ред. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1990. Т. XXXа. С. 653–657. К вопросу о предшественниках СЕИВК обращались многие исследователи. См.: *Строев В.Н.* Столетие Собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1912. С. 1–5; *Готье Ю.В.* Происхождение Собственной е.и.в. канцелярии // Сборник статей по русской истории, посвященный С.Ф. Платонову. Пб., 1922. С. 344–355; *Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты. Первая половина XIX века. М., 1981; С. 137; *Кислягина Л.Г.* Канцелярия статс-секретарей при Екатерине II // Государственные учреждения России XV–XVIII вв. М., 1991. С. 168–191. Список предшественников СЕИВК приводится и в многочисленных обзорах деятельности императорского секретариата.

² См.: *Марченко В.Р.* События, в глазах моих совершившиеся при вступлении на престол императора Николая I // РС. 1896. Т. 3. С. 498. См. также: РС. 1882. Т. 36. С. 187. Постановлением Временного правительства от 7 апреля 1917 г. СЕИВК была упразднена. См.: СУ. 1917 (I полугодие). Отд. I. № 79. Ст. 461. С. 673.

³ 31 января 1826 г. императорским указом было создано “особое Отделение” при СЕИВК. См.: ПСЗ-2. Т. 1. № 114. С. 175. С созданием II отделения императорский секретариат получил название I отделения СЕИВК.

⁴ 23 января 1882 г. императорским указом было упразднено II отделение СЕИВК. См.: ПСЗ-3. Т. 2. № 621. С. 23. С этого момента в составе императорской канцелярии остался лишь императорский секретариат, который обрел свое прежнее название – СЕИВК.

Несмотря на то что при Николае I отделения канцелярии были составными частями СЕИВК, традиционно именно императорский секретариат (в дальнейшем I отделение СЕИВК) назывался Собственной его императорского величества канцелярией. “Моя канцелярия” – называл свой секретариат Николай I.

История СЕИВК связана с целым рядом крупных проблем, таких, как изучение механизма функционирования власти в условиях единодержавия, определение пределов власти самодержца и взаимоотношений монарха с государственными органами и непосредственно ему подчиненными должностными лицами. Все эти проблемы могут рассматриваться с учетом того, что мы знаем и можем узнать нового о СЕИВК. Изучение делопроизводственной структуры СЕИВК и сферы ее компетенции имеет важное значение для определения контуров фактического политического пространства самодержца.

Делопроизводственная документация СЕИВК (I отделения СЕИВК) находится в РГИА⁵. Фонд СЕИВК содержит более 31 тыс. единиц хранения. Наиболее полно в нем представлен комплекс информации, освещающий последнюю четверть XIX и начало XX в. На основе сопоставления количества дел, зарегистрированных во входящих журналах и книгах записей прошений, с числом дел в составленных позже описях за соответствующие годы можно прийти к выводу, что в первой четверти XIX в. в архиве оседало приблизительно 30% поступавших в канцелярию дел. Состояние фонда, несмотря на неполноту источниковой базы, можно назвать удовлетворительным, поскольку сохранившийся комплекс документов с большой достоверностью отражает тематический состав дел.

Ознакомление с регистрационно-справочным аппаратом архивного фонда 1409 позволило провести качественный и количественный анализ дел, проследить их дальнейшую судьбу.

На рубеже XIX и XX столетий группой историков, сначала под общей редакцией Н.Ф. Дубровина, а затем – В.Н. Строева, были описаны некоторые части архива императорской канцелярии⁶. Несмотря на то что в так называемом сборнике Дубровина представлены далеко не все материалы архивного фонда, значение публикации велико, поскольку материал подвергся тщательной сортировке, был тематически и хронологически “отфильтрован”. В сборнике наиболее широко представлены материалы первой половины XIX в.

Указанные выше источники традиционно привлекались исследователями деятельности российской администрации, и в частности СЕИВК. Материалы архива императорской канцелярии широко использовались В.Н. Строевым, автором первой и пока единственной монографии о деятельности СЕИВК⁷. Делопроизводственная документация императорской канцелярии привлекалась и в процессе написания известных работ Н.П. Ерошкина⁸ и П.А. Зайончковского⁹.

Существенным образом дополняет сведения о СЕИВК еще один важный источник, к сожалению, не привлекавший до сих пор внимания исследователей.

⁵ РГИА. Ф. 1409.

⁶ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Первого отделения Собственной его императорского величества канцелярии / Под редакцией Н.Ф. Дубровина. СПб., 1876–1915. Т. 1–15. Последние два тома были выпущены под редакцией В.Н. Строева.

В архиве семьи Танеевых (РГИА. Ф. 1060) сохранилась копия всеподданнейшего доклада С.А. Танеева от 1873 г. о разрешении издания “Сборника” документов I отделения СЕИВК. Первый том сборника увидел свет через три года после доклада.

⁷ Строев В.Н. Столетие Собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1912. В некоторых архивных делах, с которыми автору довелось ознакомиться, обнаружались вложенные записки с указанием, что документы были подготовлены для Строева. Это позволяет предположить, что Строев не всегда располагал возможностью работать со всеми материалами архива канцелярии, а документы для него подбирались служащими архива.

⁸ Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты...

⁹ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. Зайончковский изучал преимущественно деятельность Инспекторского департамента гражданского ведомства.

Речь идет об особой описи дел “Копии делам и бумагам, хранящимся в архиве Первого отделения СЕИВК”, составленной во второй половине XIX в. и помещенной в архив семьи Танеевых¹⁰. Опись содержит подробную информацию о делопроизводственной структуре СЕИВК в 1826 г., привлечение которой позволяет сделать некоторые замечания об особенностях функционирования императорского секретариата в первый год царствования “величайшего систематизатора”¹¹. В описи представлены краткие копии со всех дел, поступивших на рассмотрение императору через императорский секретариат с конца 1825 по 1826 г., что позволяет получить общее представление о характере направлявшихся к императору письменных докладов, жалоб, прошений, бумаг по вопросам, которые больше всего интересовали нового самодержца, еще не оправившегося от восстания декабристов. Уникально сохранившийся исторический материал позволяет провести качественный и количественный анализ дел, а также отметить некоторые изменения в сфере компетенции СЕИВК в первый год царствования Николая I. Опись является одним из наиболее полных источников информации об организации новых отделений в составе СЕИВК и их деятельности в первый год существования. Наиболее широко представлена документация об организации II отделения СЕИВК.

Любопытен факт, что все дела, с которых были сняты копии, содержат данные о резолюциях, повелениях, распоряжениях императора, его собственноручных отметках о рассмотрении им бумаг. Каждое описание документа завершается изложением содержания императорской резолюции по делу. Это очень много дает исследователю, особенно принимая во внимание, что за резолюциями всегда стоял император, и не только как верховный правитель, но и как личность. О подозрительности императора нам говорят грифы на делах “Секретно”. Особенно ревниво новоиспеченный император следил за передвижением ученых, студентов, не желая отпускать их в революционную Европу. На предложение министра народного просвещения о разрешении поездки в Париж адъютанта Виленского университета в целях приобретения для университета гипсовых моделей и слепков с классических произведений последовала высочайшая резолюция: «Предварительно снести с Новосильцевым, каково поведение и не кроется ли чего под предлогом поездки. “Секретно”»¹². На ответ же Новосильцева, что “посыльный поведения всегда достойного, а покупка гипсовых моделей крайне необходима для университета”, император начертал: “Если лучше в Вильно учить без всяких способов, чем здесь в Академии, то не нужно иметь столь огромного заведения, как оная; Я же полагаю, что курс сей в Вильно совершенно излишний, и скоро думаю его уничтожить”¹³.

По делу о дозволении доктору богословия Парчевскому из Виленского университета, отправлявшегося в Вену, Париж и Италию для усовершенствования в науках, императорская резолюция была таковой: “Дозволить, но только в Вену и в Италию”¹⁴. Суровые резолюции выносил император по делам о крестьянских бунтах: “Предложить комитету, чтоб, если... употреблена будет Военная рука для приведения в повиновение, виновных предавать на месте военному суду”¹⁵, “с виновными поступать со всею строгостью и безо всякого отлагательства”¹⁶, “подобные буйства требуют скорейшего конца, а потому согласен самых главных зачинщиков примерно наказать и сослать в Сибирь на поселение...”¹⁷

¹⁰ РГИА. Ф. 1060. Оп. 1. Д. 4.

¹¹ Данная характеристика императора предложена профессором Хельсинкского университета О. Юссилла.

¹² РГИА. Ф. 1060. Оп. 1. Д. 4. Л. 105.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 163.

¹⁵ Там же. Л. 355.

¹⁶ Там же. Л. 265.

¹⁷ Там же. Л. 261.

Представленный в архиве Танеевых том является важным источником изучения не только делопроизводственной структуры императорской канцелярии, но и государственной деятельности самого императора. Отсутствие, например, императорских указов о создании СЕИВК, назначениях на высшие должности в государстве, по существу, указывает на то, что в практике администрирования устный и письменный приказы не разделялись и что в первой половине XIX в. сохранялось архаичное представление о том, что слово верховного правителя приравнивалось его подписи. Однако императорские резолюции, представленные в описи дел СЕИВК, побуждают предположить, что император признавал различие между словом и подписью, о чем свидетельствует императорская резолюция от 21 марта 1826 г.: “Приказать на словах”¹⁸.

Документы в описи представлены не в хронологическом порядке, а сгруппированы по источникам происхождения. Составитель описи архива Танеевых невольно столкнулся с проблемой классификации органов власти. Особого внимания заслуживает факт, что он определил императорский секретариат в одну группу с высшими органами, а остальные отделения СЕИВК отнес к учреждениям, в сфере компетенции которых находилось преимущественно отраслевое управление. Таким образом, II отделение СЕИВК оказалось в одной группе с Главным управлением путей сообщения и министерств, а I отделение соседствует в описи с Государственным советом и Комитетом министров. Подобная классификация отражает изменение представления чиновников императорского секретариата о его значении и роли в администрации.

В 1818 г. СЕИВК рассматривалась как особое учреждение, стоящее вне системы остальных органов власти, что нашло отражение в записке, составленной чиновником СЕИВК П.И. Егоровым и позднее исправленной управляющим делами канцелярии Н.Н. Муравьевым: “Собственная его величества канцелярия не есть присутственное место¹⁹. Вне состава других государственных учреждений она существует для производства дел, стекающихся к непосредственному самому государю императору усмотрению и разрешению, и дела в нее поступают единственно от его величества, или не иначе как с высочайшего соизволения через управляющего ею статс-секретаря... Есть ли возможность определить принадлежность самодержавной монаршей воли? Потому и нет возможности определить дела и порядок Собственной его величества канцелярии”²⁰.

Последовавшее активное расширение сферы компетенции императорского секретариата во второй четверти XIX в. существенно изменило представления чиновников о его роли. I отделение СЕИВК стало рассматриваться как “центральное место исходящих от верховной власти и восходящих к ней первенствующих дел в государстве управлений” и как учреждение, имеющее “высшее против других значение”²¹.

Изучение дел, представленных в описи, и архива императорской канцелярии отразило важное изменение в сфере компетенции императорского секретариата: в конце 1825 г. с отставкой А.А. Аракчеева была изъята функция личной канцелярии ее главноуправляющего²².

Государственная деятельность Аракчеева оказала воздействие не только на организацию работы СЕИВК, но и на процесс формирования ее делопроизводственной структуры. Делопроизводственная деятельность секретариата в первой половине XIX в. была тесно связана с ведением документации целого ряда коми-

¹⁸ Там же. Л. 104.

¹⁹ В начале XIX в. понятие “присутственное место” означало совещательный орган либо учреждение, наделенное правом выносить самостоятельные решения.

²⁰ Строев В.Н. Столетие... С. 17–18.

²¹ Цит. по: Там же. С. 205.

²² Ср. организацию деятельности Пятого отделения СЕИВК, которое выполняло функции личной канцелярии П.Д. Киселева.

тетов и комиссий, в которых заседал или председательствовал сам Аракчеев: 1) Комитета 18 августа 1814 г. (18 августа 1814)²³; 2) Комитета для рассмотрения представлений начальника путей сообщений (29.04.1816); 3) Военной комиссии для учебных пособий (25.10.1817); 4) Комитета для рассмотрения отчета, представленного сибирским генерал-губернатором, по обозрению сибирских губерний, так называемого Сибирского комитета (28.07.1821); 5) Комитета для определения мер к обеспечению продовольствием Могилевской, Витебской и Псковской губерний (5.02.1823); 6) Комитета признания заслуженных гражданских чиновников (21.02.1823–27.03.1917)²⁴; 7) Комитета для пособий жителям Санкт-Петербурга, потерпевшим от наводнения (11.11.1824). Кроме того, Аракчеев принимал участие в руководстве делами Харьковского кадетского корпуса. 24 марта 1824 г. ему как главному начальнику над военными поселениями были подчинены Военно-сиротские отделения. Участвуя в работе вышеназванных комитетов, Аракчеев вносил дела, связанные с их деятельностью, в СЕИВК. Архив императорской канцелярии хранит бумаги всех комитетов, в которых заседал Аракчеев. С точки зрения организации делопроизводства СЕИВК в первой четверти XIX в. в ней существовало две канцелярии: 1) личная канцелярия самодержца, куда поступали бумаги, предназначенные для рассмотрения императором; 2) канцелярия Аракчеева, которая занималась пересылкой бумаг в соответствующие инстанции или предоставляла их по усмотрению главноуправляющего или статс-секретаря на рассмотрение императору. Многие бумаги по оперативным вопросам, касающиеся, например, военных поселений, оставались в руках Аракчеева и не предназначались для поднесения императору²⁵. В СЕИВК даже существовал специальный журнал для бумаг, поступавших на имя Аракчеева²⁶.

С отставкой Аракчеева 20 декабря 1825 г.²⁷ должность главноуправляющего СЕИВК была упразднена, и император лично возглавил канцелярию, соответственно функции СЕИВК как канцелярии императора и канцелярии ее главнокомандующего²⁸ были объединены. После отставки “всесильного временщика” изменилась и делопроизводственная структура СЕИВК: в нее поступали исключительно дела, направляемые на рассмотрение императору. Кроме того из сферы компетенции императорского секретариата было изъято делопроизводство бумаг по военному ведомству и передано в соответствующие учреждения. В ведении

²³ Согласно императорскому указу от 30 июня 1818 г., Аракчеев получил право объявлять императорские указы, связанные с работой Комитета 18 августа 1814 г. В обязанности Аракчеева входило также осуществление всеподданнейших докладов по делам комитета. См.: ПСЗ-1. Т. 35. № 27 439. С. 362; Т. 36. № 27 663. С. 50.

²⁴ ПСЗ-1. Т. 38. № 29 326. С. 792–794; СУ. 1917 (I полугодие). № 109. Ст. 596. С. 947. После отставки Аракчеева дела Комитета были переданы в военное ведомство, и с 28 июня 1827 г. повеления императора по делам Комитета объявлялись начальником Главного штаба. См.: ПСЗ-2. Т. 2. № 1219. С. 586.

²⁵ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2873а. Л. 4.

²⁶ Там же. Д. 2254.

²⁷ Николай I вежливо отстранил Аракчеева с поста главноуправляющего канцелярией. В собственноручном рескрипте графу Аракчееву он писал: “Граф Алексей Андреевич! Желая сохранить здоровье ваше, столь сильно потерпевшее от поразившего нас общего несчастья, сколь мне и отечеству нужного для окончания предпринятого вами устройства военных поселений, памятника благодетельных намерений покойного государя, отца нашего, вам к исполнению вверенного, нашел я удобным перевести собственную мою канцелярию в непосредственное мое (курсив мой. – П.М.) заведование; канцелярию же комитета министров вручить управлению директора оной... Гежелинскому. С истинным уважением, навсегда ваш искренне доброжелательный” (РС. 1900. Т. 103. С. 666). Тем самым император занял должность главноуправляющего своей же канцелярией, обязанности которого ранее, согласно “Образованию СЕИВК” (1818), были возложены на государственного чиновника. См.: РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2873а. Л. 1 об.

²⁸ Путеводитель по Центральному историческому архиву. Государственные учреждения. Собственная его императорского величества канцелярия (рукопись).

Автор статьи выражает глубокую признательность сотрудникам РГИА за предоставленную возможность ознакомиться с этой рукописью.

СЕИВК остались преимущественно дела гражданского ведомства. Изменение делопроизводственной структуры СЕИВК отчетливо прослеживается на основе анализа дел, представленных в описи, хранящейся в архиве семьи Танеевых.

Параграф 18 “Образования СЕИВК” гласил, что “разные места и лица правительства могут не иначе присылать оные (дела в СЕИВК. – П.М.) от себя, как по высочайшей воле”²⁹. Право вносить дела в канцелярию сохранялось только за императором, чем подчеркивался особый статус СЕИВК как его личной канцелярии. Однако император соизволил, чтобы в канцелярию присылались дела в таком количестве и по таким вопросам, что о личном характере канцелярии можно говорить лишь условно. На практике по количеству поступавших в канцелярию дел СЕИВК сопоставима с канцелярией Комитета министров, которая пропускала через себя 2–3 тыс. дел ежегодно³⁰. Тенденция к сокращению проходящей через I отделение СЕИВК переписки нашла отражение в приказе Николая I от 24 октября 1826 г.: “По ограниченному числу дел в моей канцелярии нахожу я удобным приказать по господам нижепереименованным чиновникам велеть явиться в канцелярию Г[осударственного] С[овета] для усиления оной, что и повелеваю исполнить, уведомляя об том г. Оленина, статскому советнику Мордвинову, надворному советнику Хомутову, коллежскому асессору Юргенсу, коллежскому асессору Киреевскому”³¹. По крайней мере, в первый год царствования Николая I деятельность I отделения СЕИВК вписывалась в рамки, определенные § 1 “Образования СЕИВК”, который гласил, что императорская канцелярия существует “для производства дел, стекающихся к непосредственному самому государю императору усмотрению и разрешению”³².

Сокращение переписки, проходившей через I отделение в первые годы правления Николая I, свидетельствовало о пересмотре императором возлагаемых на СЕИВК задач. Уменьшение числа дел, поступивших в СЕИВК, было обусловлено не только изъятием из СЕИВК бумаг, связанных с государственной деятельностью Аракчеева. Эти изменения совпали с проведением правительством мер, направленных на сокращение межведомственной переписки и упрощение порядка делопроизводства³³. Николаем I впоследствии даже был создан специальный комитет, учрежденный для изыскания средств к сокращению переписки по гражданскому ведомству³⁴.

Делопроизводственная структура СЕИВК в 1826 г. свидетельствует о том, что “величайший систематизатор” в деятельности канцелярии действительно сблизил теорию администрирования с ее практикой, что нашло выражение в изъятии из сферы компетенции СЕИВК функции личной канцелярии ее главноуправляющего и ограничении ее функцией “почтового ящика” верховного правителя. Николай I почти без исключений изъясил из сферы компетенции секретариата делопроизводство по прошениям и делам, решение которых не требовало его личного участия или рассмотрения. “Узнать, отчего ко мне прямо дошло?”³⁵ – строго спрашивал император управляющего делами канцелярии по поводу всеподданнейшего рапорта военного губернатора.

²⁹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2873а. Л. 5.

³⁰ Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 1. С. 607; Т. 2. С. 470.

³¹ РГИА. Ф. 1060. Оп. 1. Д. 4. Л. 73 об.–74.

³² Там же. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2873а. Л. 1.

³³ *Seton-Watson Hugh*. The Russian Empire 1801–1917. Oxford, 1967. P. 208; ср. проводимую Александром II политику по отношению к I отделению СЕИВК в первые годы царствования: 23 августа 1860 г. значительно сокращается количество проходящих через СЕИВК ведомостей.

³⁴ В ПСЗ-2 не нашли отражения указы, связанные с деятельностью Комитета, но среди архивных бумаг СЕИВК за 1851 г. сохранилась часть его делопроизводственной документации – “Бумаги по комитету, учрежденному для изыскания средств к сокращению переписки по гражданскому ведомству” (РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 7063).

³⁵ РГИА. Ф. 1060. Оп. 1. Д. 4. Л. 78.

На титульном листе объемного тома с копиями дел императорского секретариата сделана запись: “Собственность статс-секретаря С.А. Танеева”. С.А. Танеев занимал должность управляющего императорским секретариатом с 17 мая 1866 по 3 мая 1889 г.

Данная запись побуждает задать следующие вопросы: почему были сняты копии с делопроизводственной документации и по какой причине копии служебных бумаг хранились в семейном архиве? О том, что копии были сняты по прямому указанию Николая I, свидетельствует сам С.А. Танеев в коротком вступлении к описи. Одновременно с этим Николай I приказал упорядочить архив канцелярии, осознавая важное его значение для потомков. Точная дата распоряжения императора остается неизвестной. Указание Николая I на важное значение архива императорского секретариата совпало с периодом активного расширения сферы компетенции императорской канцелярии в целом (в ее состав во второй четверти XIX в. входили четыре постоянных и два временных отделения³⁶), кроме того, при отделениях работал целый ряд комитетов и комиссий, в частности императорского секретариата. При I отделении СЕИВК в николаевскую эпоху был создан Инспекторский департамент гражданского ведомства (5 сентября 1846 – 1 января 1859 г.)³⁷.

Одновременно с функциями ведения делопроизводства по вопросам общегосударственного значения императорский секретариат продолжал выполнять функции личной канцелярии верховного правителя. Двойственный характер деятельности секретариата нашел выражение в ряде особенностей его функционирования по сравнению с “регулярными органами”: 1) секретариат финансировался из особых источников. Долгое время денежные средства на его содержание поступали не из государственного бюджета, а выделялись из особых сумм императора; 2) в сфере компетенции императорского секретариата находились как ведение делопроизводства по вопросам отраслевого и межведомственного управления, так и переписка членов императорской семьи. Секретариат ведал личными денежными суммами императора; 3) в деятельности императорской канцелярии продолжали играть ведущую роль неформальные методы управления. На протяжении ее более чем столетней истории так и не появилось имевшего юридическую силу нормативного акта, регулировавшего ее деятельность. “Образование СЕИВК” 1818 г. осталось не более чем внутренней инструкцией. В процессе организации и формирования сферы компетенции канцелярии сохранялся приоритет устной традиции. Назначения на ключевые посты в СЕИВК сознательно не закреплялись императорскими указами, а производились согласно устным указаниям. Слово монарха продолжало приравниваться его подписи.

Ответить на вопрос, почему копии служебных бумаг хранились в семейном архиве, кажется просто: опись, согласно словам самого С.А. Танеева, была его собственностью. Но в этом случае закономерными могут показаться новые вопросы: почему снимались копии с официальных бумаг, которые не имели прямого отношения к жизни семьи Танеевых? В 1826 г. А.С. Танеев (отец С.А. Танеева) еще не занимал поста управляющего I отделением СЕИВК. Почему копии с документов хранились в семейном архиве, в то время как выдача бумаг из архива СЕИВК была строго регламентирована? Архив был окружен завесой секретности с самого начала его существования. Согласно “Образованию СЕИВК”, “принятые в архив дела не могли быть выданы иначе, как по предписанию Государственного чиновника, или статс-секретаря...”³⁸. Несмотря на это, снятие копии со служебных документов и хранение их в семейном архиве рассматривались

³⁶ Пятое отделение СЕИВК просуществовало более 20 лет под названием временного (25 апреля 1836 – 30 августа 1856 г.). См.: ПСЗ-2. Т. 11. № 9119. С. 456–457; Т. 31. № 30 900. С. 815.

³⁷ ПСЗ-2. Т. 21. № 20 401. С. 267–272; Т. 33. № 33261. С. 721.

³⁸ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2873а. Л. 38.

как норма. Поиск ответов на эти вопросы требует обращения к проблеме соотношения личного и служебного в деятельности представителей семьи Танеевых.

Истоки сравнительно свободного обращения со служебной документацией, очевидно, следует искать в архаичном отношении высших должностных лиц к архивам учреждений как к личным. Знакомство с комплексом информации, представленной в архиве СЕИВК “аракчеевского периода”, убеждает в том, что подобное утверждение достаточно обоснованно. В первой четверти XIX в. в императорский секретариат поступали бумаги, связанные с личной жизнью его главноуправляющего, Аракчеева. В записке от 22 апреля 1822 г. Аракчеев отмечал³⁹, что в секретариат и после его отъезда в Грузино будет поступать и “собственная его” переписка со знакомыми и родственниками. К числу таких бумаг может быть отнесено, например, письмо Ивана Аракчеева к графу Аракчееву “относительно назначения продажи имения, принадлежащего брату его Николаю”⁴⁰, а также письмо графа Аракчеева “относительно колпака для часов в Грузино, заказанного им и неудачно сделанного, и о заказе нового”⁴¹.

Другим примером может служить поступление в императорский секретариат ряда бумаг, связанных с убийством “домоправительницы” А. Аракчеева А. Минкиной⁴². Направление в императорскую канцелярию бумаг, связанных с личной жизнью ее главноуправляющего, может показаться логичным, если учесть, что канцелярия со всеми ее чиновниками и делопроизводственной документацией располагалась в его собственном доме. В.Н. Строев, автор известного исследования о СЕИВК, высказывал некоторое сомнение в том, что дом, где располагалась канцелярия, принадлежал А.А. Аракчееву. Среди архивных документов удалось обнаружить сведения, указывающие на то, что дом СЕИВК действительно принадлежал императорскому фавориту. В смете от 6 мая 1817 г. указывается, что деньги, согласно документам, были отпущены “на исправление комнаты и изготовление шкапов в доме графа Аракчеева” (курсив мой. – П.М.). Всего на переоборудование было отпущено 2478 руб. 60 коп.⁴³ Указание на то, что императорская канцелярия находилась в доме графа, имеется и в “Образовании СЕИВК”⁴⁴. Органично со всем вышеречисленным связывается и факт обращения Аракчеева с делопроизводственной документацией (в известных пределах) как с личной. Он мог решать судьбу некоторых поступающих в императорский секретариат документов по своему усмотрению. Чиновники СЕИВК неоднократно свидетельствовали о том, что документы были изорваны графом.

До нас дошли и другие примеры использования государственного учреждения в качестве личной канцелярии. В Пятое отделение СЕИВК поступали не только жалобы и прошения на имя его главы, П.Д. Киселева, но и его частная переписка⁴⁵.

Возможно, что причины появления копий служебных документов в семейном архиве Танеевых кроются в подобном же переплетении личной жизни и службы в императорском секретариате, являющемся не чем иным, как “атавизмом”, отголоском прежних времен.

Стремление императора иметь в СЕИВК лично преданных чиновников способствовало возникновению nepотизма в стенах канцелярии. Первый представи-

³⁹ Там же. Д. 3703. Л. 2–5 об.

⁴⁰ Там же. Д. 3818.

⁴¹ Там же. Оп. 2. Д. 5395.

⁴² Там же. Д. 4603. В связи с убийством лица, близкого Аракчееву, Александр I выразил ему свои соболезнования в специальном рескрипте. См.: РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 4475.

⁴³ Там же. Д. 2132. Л. 5. В тексте сметы заслуживает внимания использование одного из неофициальных названий СЕИВК – “государева канцелярия”.

⁴⁴ Там же. Д. 2873а. Л. 63.

⁴⁵ Путеводитель по Центральному историческому архиву.

тель семьи Танеевых, А.С. Танеев, начал службу в императорском секретариате еще при Александре I и впоследствии сумел сохранить свое положение и стать одним из доверенных чиновников Николая I⁴⁶. Представители семьи Танеевых служили на различных постах в императорской канцелярии более 100 лет, при этом более 70 из них возглавляли СЕИВК и ее I отделение.

Многолетняя служба представителей рода Танеевых в императорском секретариате, сохранение доверия самодержца давали повод членам семьи Танеевых видеть в должности управляющего делами СЕИВК своеобразную “вотчину” рода.

СЕИВК, имея общегосударственное значение, оставалась личным учреждением императора. Осознание императором общегосударственного значения канцелярии нашло отражение в его распоряжении о систематизации архива и снятии копии с делопроизводственной документации. Однако природа императорского секретариата как личного учреждения нашла отражение на выборе императором методов управления этим органом. Отсутствие нормативных актов, регулировавших деятельность секретариата, свидетельствует о приоритете неформальных методов управления. В качестве одного из таких методов возможно рассматривать использование принципа персонализации власти и особой формы персонализации власти в лице не отдельных деятелей, а целого рода.

Как и Аракчеев, представители семьи Танеевых не отличались знатностью происхождения и имели слабые связи со своим сословием. Служба самодержцу была для них основным источником всех благ. В 1839 г. А. де Кюстин отмечал: “Единственно, чем заняты все мыслящие русские, чем они всецело поглощены, это царь, дворец, в котором он пребывает, планы и проекты, которые в данный момент при дворе возникают. Поклонение двору, прислушивание к тому, что там происходит, – единственное, что наполняет их жизнь”⁴⁷. Причины этого были сформулированы Б.Н. Чичериным: “...близость к двору определяет положение в свете”⁴⁸.

Активное участие представителей семьи Танеевых в деятельности императорского секретариата и их преемственность на посту управляющего делами секретариата создали предпосылки для тесного переплетения службы, личной жизни и жизни двора⁴⁹. Как и дьяки Московского государства⁵⁰, С.А. Танеев снятием копий со служебной документации и помещением их в личный архив подчеркивал свой высокий служебный ранг и близость к особе императора, что можно рассматривать как отголосок распространенного в Московском государстве и Европе явления⁵¹ – выполнения архивами учреждений функции личных архивов их руководителей. Представление об индивидууме как слуге государства и о власти как собственности создало предпосылки для тесного переплетения личного и служебного в жизни высшей бюрократической элиты.

⁴⁶ Дивов П.Г. Из дневника П.Г. Дивова // РС. 1900. Т. 104. С. 486.

⁴⁷ Кюстин А. де. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. СПб., 1991. С. 450.

⁴⁸ Чичерин Б.Н. Русское общество 40–50-х годов XIX века. Воспоминания. М., 1991. С. 69.

⁴⁹ Все представители семьи Танеевых в СЕИВК носили придворные звания, а внук А.С. Танеева, управляющий СЕИВК с 1896 по 1917 г., дослужился до высшего придворного чина обер-гофмейстера.

⁵⁰ Согласно Судебнику 1550 года, “дела” дьяк был обязан держать “за своей печатью”, в то время как подьячим запрещалось держать “дела” у себя, и за нарушения этого правила подьячие наказывались торговой казнью (публично избивались кнутом). См.: Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 455.

⁵¹ Богатырев С.Н. Администрация Тюдоров и Рюриковичей: Сравнит. анализ // Зеркало истории. М., 1992. С. 83.

ПЕРЕПИСКА О ДЕТЯХ-ПОДКИДЫШАХ НА МОСКОВСКИХ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ КЛАДБИЩАХ В 1830-е годы

В Российском государственном военно-историческом архиве, в фонде Департамента военных поселений, сохранился ряд документов по истории Москвы, в частности о порядке передачи живших при московских старообрядческих (раскольнических) кладбищах детей-подкидышей в военное ведомство (Ф. 405. Оп. 2. Д. 12419. Л. 1–51 об.).

Передача производилась на основании высочайшего повеления императора Николая I от 24 декабря 1834 г. следующим образом.

Все подкидыши, находившиеся при кладбищах, записанные в мещанское сословие, считались военными кантонистами и исключались из ревизского счета по мещанскому сословию. Подкидыши до трех лет оставались на раскольничьих кладбищах до достижения ими трехлетнего возраста, затем направлялись в московский Воспитательный дом. Дети-подкидыши от 3 до 15 лет также отправлялись в Воспитательный дом. По достижении подкидышем 16-летнего возраста производилась передача в военное ведомство для зачисления в военные кантонисты, в учебные Карабинерные полки, в частности во 2-й учебный Карабинерный полк. В дальнейшем принимаемые на кладбища дети-подкидыши все считались военными кантонистами и, в зависимости от возраста, поступали в Воспитательный дом или зачислялись в учебные Карабинерные полки.

Всего в середине 30-х годов XIX в. на Преображенском и Рогожском старообрядческих кладбищах проживало 110 детей-подкидышей. Шесть подкидышей сбежали, а часть оказалась не способна к несению воинской службы по болезням и инвалидности. Одного из подкидышей, Василия Федорова, пришлось вернуть матери, московской цеховой Дарье Петуховой, узнавшей, что община на Рогожском кладбище, куда она подбросила ребенка, является старообрядческой.

В архивном деле содержатся 43 документа, которые можно разделить на следующие группы: 1) переписка московского военного генерал-губернатора Д.В. Голицына с министром внутренних дел Д.Н. Блудовым, дежурным генералом Главного штаба е. и. в. директором Департамента военных поселений П.А. Клейнмихелем, военным министром А.И. Чернышевым о положении детей-подкидышей, живших на старообрядческих кладбищах – Преображенском и Рогожском; 2) предписания Департамента военных поселений и московского военного генерал-губернатора Д.В. Голицына командующему 2-м учебным Карабинерным полком подполковнику А.П. Столповскому о зачислении подкидышей военными кантонистами и исключении из личного состава полка неспособных к несению воинской службы по болезням и инвалидности; 3) рапорты подполковника А.П. Столповского в Департамент военных поселений о зачислении подкидышей военными кантонистами в состав полка и исключении неспособных из списков; 4) именные списки детей-подкидышей: находившихся при кладбищах, живших вне кладбищ, сбежавших с кладбищ, зачисленных военными кантонистами на службу во 2-й учебный Карабинерный полк, больных и инвалидов, неспособных нести воинскую службу и исключенных из списков военных кантонистов и из личного состава 2-го учебного Карабинерного полка.

Документы эти содержат любопытные подробности о московской жизни второй четверти XIX в.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ЗАБАСТОВКАХ РАБОЧИХ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920-е годы (по материалам ГАРФ)

Забастовочное движение рабочих промышленности Советской России в 1920-е годы, зафиксированное в различных архивных документах, было вызвано глубокими социально-экономическими причинами, которые накопились в стране и российском обществе в результате гражданской войны и иностранной интервенции, а также в ходе зарождения новых противоречий в период восстановления промышленности и перехода к новой экономической политике.

Колоссальный урон, понесенный промышленностью и транспортом, резкое сокращение занятости рабочей силы в сфере производства, тяжелейшее материальное положение широких слоев пролетариата, усугублявшееся ошибками и просчетами при проведении экономических мер в производственной области и в разрешении “рабочего вопроса”, – все это не могло не вызвать массовое недовольство рабочих, проявлявшееся в различных формах. Такое недовольство объяснялось зачастую огромной задолженностью государственных (национализированных) предприятий перед рабочими и служащими при переводе их на коммерческие основы (на так называемый хозяйственный расчет) и вследствие отставания уровня заработной платы работников от реального прожиточного минимума начала 20-х годов.

Одной из активных форм рабочих выступлений периода перевода государственных (“социализированных”) предприятий на хозрасчет и регламентированной Советским государством частнокапиталистической деятельности преимущественно в сфере мелкого промышленного производства были забастовки (стачки).

К сожалению, в нашей историографии почти отсутствуют разработки об архивной статистической базе забастовочного движения в период перехода от капитализма к социализму в России¹. Между тем в фондах ГАРФ хранится значительное количество материалов и документов по этой проблеме. В данной статье анализируются статистические данные (в основном формы первичной статистичности) о забастовках рабочих на промышленных предприятиях (главным образом государственного сектора промышленности), отложившиеся в фондах ВЦСПС и некоторых ЦК отраслевых профсоюзов за 20-е годы.

Принципиальная позиция высшего руководства советских профсоюзов в отношении стачек на государственных и частных предприятиях получила свое оформление в решениях 2-го пленума ВЦСПС (февраль 1922 г.) и Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов (сентябрь 1922 г.). Один из принятых пунктов (пункт 11) резолюции съезда “О тарифно-экономической работе профсоюзов” был целиком посвящен вопросу о стачках. Подтверждая “непригодность в данных условиях (в условиях проведения нэпа. – Б.К.) стачки как метода разрешения конфликтов”, съезд тем не менее в своей резолюции записал: “Всякий, предусмотренный постановлениями 2-го пленума ВЦСПС, возможный случай стачки должен быть строго индивидуализирован, сообразно значению данной отрасли хозяйства и зависимости от нее всей хозяйственной жизни. Поэ-

¹ См., например: *Иглицкий А.А., Райхцаум А.П.* Из истории забастовочного движения в России (1919–1925) // Новые движения трудящихся: Опыт России и других стран СНГ. М., 1991. Ч. 1. Авторы широко использовали цифровой материал (обобщающие данные и другие количественные сведения о стачках и стачечниках в 1919–1920 и в 1921–1925 гг.), имеющийся в отчасти сохранившейся рукописи доклада (машинописный экземпляр) историка В.Д. Черменского “Стачка в СССР” (хранится в фонде Истпрофа при ВЦСПС в ГАРФ – Ф. 6935. Оп. 7. Д. 282).

тому вопросы о применении стачки должны быть взвешены не только с точки зрения местных интересов, но и с точки зрения всех рабочих в целом. Отсюда вытекает необходимость предоставить ЦК союзов преимущественное право разрешения этих вопросов. В целях неуклонного проведения означенной практики необходима строгая регламентация стачки”².

Для понимания природы возникновения стачек в промышленности и практических действий центральных и местных профсоюзных органов по разрешению трудовых конфликтов на производстве после проведенных мероприятий (начиная с мая 1922 г.) по массовому заключению коллективных договоров между профсоюзами и администрацией предприятий значительный интерес представляет последняя часть цитируемого пункта резолюции: “Съезд подчеркивает, что стачка может явиться лишь следствием бюрократического извращения госорганов экономического управления и в результате должна вести не только к удовлетворению признанных высшими органами или конфликтными инстанциями требований рабочих, но и к обязательному исправлению недочетов в работе соответствующего государственного органа. В случае, если стачка возникнет стихийно или против воли союзных органов, профсоюз должен принять на себя задачу скорейшей ликвидации стачки как в интересах рабочих, так и в интересах народного хозяйства”³.

В условиях нэпа изменилось отношение к стачечным выступлениям рабочих и со стороны крупных отраслевых профсоюзов. Об этом свидетельствует, в частности, неопубликованное выступление председателя ЦК профсоюза рабочих-металлистов И.И. Лепсе на Пятом Всероссийском съезде Союза рабочих-металлистов 5 марта 1922 г. По мнению Лепсе, стачек на государственных предприятиях можно будет избежать лишь в том случае, “если мы поближе подойдем к массам, будем учитывать их повседневные нужды и сумеем принять все меры, чтобы этого не было”⁴. Однако в настоящий момент, заявил он, профсоюзам все же “стачки придется вести”. Одновременно Лепсе подчеркнул, что в условиях переживаемой трудящимися разрухи каждая остановка работы будет профсоюзам и обществу дорого стоить. Считая поэтому стачки “нежелательным средством”, он резюмировал: “К этому средству нужно будет прибегнуть только в самом крайнем случае, если будут все средства исчерпаны, для того, чтобы достигнуть соглашения по тому или иному конфликту. Тут, товарищи, мы должны обратить внимание на принципиальную разницу между такой стачкой в частном предприятии и стачкой в государственном предприятии”⁵.

Учет забастовок на предприятиях национализированной промышленности начал зарождаться еще в годы гражданской войны и иностранной интервенции. Юридическая основа для такого учета была создана после принятия “Положения о государственной статистике”, подписанного 25 июля 1918 г. председателем Совнаркома РСФСР В. Ульяновым (Лениным)⁶. Согласно “Положению”, “ведение статистики в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике” возлагалось на Центральное статистическое управление, на статистические организации отдельных ведомств и такие же организации губернских и других административно-хозяйственных органов⁷.

Сформированные статистические подразделения ЦСУ РСФСР, призванные заниматься вопросами статистики труда и сбором соответствующей информации, в своей практической деятельности использовали опыт деятельности царского Центрального статистического комитета, в том числе накопленный до ок-

² См.: Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов с 17 по 22 сентября 1922 г. Пленумы и секции с приложением резолюций. М., 1922. С. 529.

³ Там же. С. 529–530.

⁴ ГАРФ. Ф. 5469 (ЦК Всероссийского союза рабочих-металлистов – ВСРМ). Оп. 6. Д. 3. Л. 140–141.

⁵ Там же.

⁶ См.: ДСВ. М., 1964. Т. III. С. 87–92.

⁷ Там же. С. 88.

тября 1917 г. опыт учета забастовок в фабрично-заводской промышленности Российской империи.

Анализом и обобщением дореволюционных статистических материалов о забастовочном движении в России с 1895 по октябрь 1917 г. сначала занимался отдел статистики труда Петроградского областного комиссариата труда (с середины марта 1919 г. преобразован в Петроградский отдел труда), который возглавлял С.Г. Струмилин. В 1918 г. отделом были разработаны образцы бланков для регистрации единичных и групповых забастовок. Например, образец “Бланка для регистрации единичной забастовки” состоял вначале из 18 пунктов (граф) и начинался так: “1. Название (фирма) предприятия”. Вскоре этот пункт был несколько видоизменен, а общее число граф достигло 20.

Более подробная информация о начале деятельности вышеупомянутого отдела и разработанных им форм забастовочных бланков содержится в двух делах, хранящихся в фонде С.Г. Струмилины в РГАЭ⁸.

После окончания гражданской войны и с начала возрождения индустрии учет забастовок и не связанных с прекращением работы иных конфликтов, возникавших между рабочими и служащими, с одной стороны, и администрацией предприятий – с другой, был возложен на отдел статистики конфликтов Центрального бюро статистики труда ВЦСПС, ЦСУ и Народного комиссариата труда (НКТ), а также на некоторые другие статистические службы.

Можно предположить, что первоначально сбор статистической информации о забастовках производился на основе специального положения (или инструкции?), в котором, очевидно, разъяснялось основное содержание конфликтных и забастовочных формуляров (бланков). В пользу такого предположения свидетельствуют приводимое ниже “Новое положение” 1922 г. и обнаруженные в ГАРФ копии забастовочных бланков 1919–1921 гг., применявшихся до конца 1921 г. включительно. Один из таких типовых бланков (типографский экземпляр формы № 2) был заполнен в 1921 г. в Костромском губернском отделе труда. В нем имелось 20 пунктов (граф). Перечислим ряд пунктов из этого документа под названием “Бланк для регистрации забастовки” вместе с полученными ответами.

1. **Название захваченного забастовкой предприятия*** – 2-я республиканская м[ану-факту]ра.
2. **Наименование владельца** – Кустовое прав[ление] льняных фа[бри]к.
4. **Местонахождение и адрес предприятия** – [не заполнен].
6. **Общее число рабочих в предприятии** – около 1500.
8. **Первый день забастовки (число, месяц)** – 28 января 1921 г.
9. **Последний день забастовки (число, месяц)** – 29 января 1921 г.
10. **Общее число рабочих, принимавших участие в забастовке** – 1100.
12. **Причины забастовки** – продовольственный вопрос.
13. **Кем и какие требования предъявлены (привести полный текст требований)** – рабочим проведения ударного пайка и натурпремий. **Первоначальные предложения противной стороны (какой)** – обратиться в Центр с ходатайством об улучшении продовольств[енного] положения⁹.

* Если забастовкой охвачено несколько предприятий, то в графе 1-й укажите общее число их (примеч. док.).

Последний пункт (20-й) бланка касался главных моментов и обстоятельств, сопровождавших “течение забастовки”.

В фонде ВЦСПС встречается ряд других заполненных в 1921 г. бланков. Ответы в них написаны карандашом или чернилами. Они относятся к рабочим протестам, бывшим на других предприятиях Костромской и Калужской губерний. Из них видно, что на 1-й Республиканской льняной мануфактуре (Костромская

⁸ РГАЭ. Ф. 219. Оп. 1. Д. 5. Л. 17, 20–25; Д. 21. Л. 2, 40, 44, 49 и др.

⁹ ГАРФ. Ф. 5451. (ВЦСПС). Оп. 5. Д. 721. Л. 83.

губерния) 28–29 января 1921 г. была забастовка, охватившая около 1500 человек (всего на мануфактуре было занято приблизительно 2 тыс. рабочих). Крупное выступление имело место и на Запруднинской прядильно-ткацкой фабрике в Костроме. Забастовка продолжалась с 26 января по 6 февраля 1921 г. Из 2038 рабочих в ней участвовали 1826. Забастовки на этих двух предприятиях начались вопреки решению профсоюза текстильщиков и были вызваны тяжелым продовольственным положением текстильщиков, прежде всего задержкой выдачи продовольственного пайка¹⁰.

Один из бланков (машинописный экземпляр), заполненный 31 мая 1922 г., дает представление о забастовке на Надеждинском заводе (Богословский горный район Урала). Здесь 29 мая 13 часов бастовали 270 рабочих газо-электрического цеха (из 4350 рабочих завода). Конфликтующими сторонами выступали рабочие цеха и заводоуправление. В пункте 12 формуляра (“Причины забастовки”) записано: “из-за продовольствия”. Одно из первоначальных требований рабочих – “об отмене проса и овсянки”, выдававшихся вместо муки, от которой “получались заболевания”. Забастовка произошла “без ведома профсоюза” и закончилась с нулевым результатом для рабочих (см. пункт 17 бланка)¹¹.

Другой (типографский) экземпляр бланка со штампом: “РСФСР. Народный Комиссариат Труда, статистический отдел” – был заполнен 20 июня 1922 г. представителем Азербайджанского Союза рабочих-металлистов. Запись в графах формы № 2 сделана чернилами и подписана лицом, заполнившим бланк (подпись неразборчива). В ней сообщается, что на небольшом механическом заводе № 5 в Баку, принадлежащем Управлению металлической промышленности Азербайджанского Совета народного хозяйства, 3 июня 1922 г. произошла забастовка, длившаяся 8 часов. Из 78 рабочих завода бастовали 65, в том числе 2 женщины и 11 подростков. Причиной забастовки послужила неуплата жалованья рабочим за первую половину мая. На стороне рабочих выступил местный профсоюз, а интересы “противной стороны” защищали начальник Управления металлопромышленности и президиум АзСНХ.

Из пункта 18 (“Уплачено ли забастовщикам за забастовочные дни”) следует, что в результате забастовки администрация завода произвела полную выплату жалованья рабочим¹².

29 мая 1922 г. вышло новое положение “О постановке текущей регистрации и учета конфликтов и забастовок” за подписью заведующего ЦБ статистики труда С.Г. Струмилина¹³.

В архивном деле сохранились идентичные по содержанию типографский и машинописный экземпляры. Первый раздел положения определял порядок делопроизводства по трудовым конфликтам, заканчивавшимся соглашением конфликтующих сторон, а второй – по забастовкам. В соответствии с характером и содержанием конфликтных дел учетно-статистические органы, регистрировавшие тот или иной трудовой спор, обязаны были использовать бланки формы № 1 (в случае конфликтов на нескольких предприятиях сразу к этой форме прикладывалась еще и форма № 1а) или формы № 2 (с приложением в случае необходимости формы № 2а – о групповых забастовках). Во втором разделе положения (“Забастовки”) содержалось следующее указание, сформулированное в пункте 5: “Каждый случай приостановки работ предприятия или учреждения на почве конфликта между рабочими и служащими и нанимателями регистрируется на забастовочном бланке № 2, с приложением № 2а для забастовок, охвативших несколько предприятий”¹⁴. В пункте 6 разъяснялось, что регистрация забастовок

¹⁰ Там же. Л. 82, 84.

¹¹ Там же. Ф. 5469. Оп. 6. Д. 233. Л. 32.

¹² Там же. Л. 14.

¹³ Там же. Ф. 5451. Оп. 6. Д. 719. Л. 1–2.

¹⁴ Там же. Л. 1.

“возлагается на соответствующие профсоюзы и также на отделы труда, если последние в лице инспекторов труда или своих конфликтных органов” участвовали в “уложении (так в тексте – *Б.К.*) данного конфликта”. Полученные данные регистраторы забастовок обязаны были переслать “регистрающим органам в губернскую секцию статистики труда” (пункт 7).

Профсоюзные организации также должны были пересылать заполненные ими копии забастовочных бланков в вышестоящий профсоюзный орган.

В рассматриваемом документе особое внимание обращалось на полноту выявления материалов о забастовках. С этой целью на губернскую секцию статистики труда возлагалась задача собирания “исчерпывающих сведений о всех забастовках, имевших место на территории ее деятельности”, используя различные приемы и методы перепроверки исходной информации. Для сбора дополнительных данных рекомендовалось привлекать другие источники (например, карточки по учету труда по форме № 1), которые могли бы восполнить пробелы по забастовкам, не учтенным в заполненных бланках (формах № 2 и № 2а).

Губернским профсоюзным секциям предлагалось пересылать в отраслевые “ЦК статистики труда” копиями материал, суммировавший сведения бланков о забастовках в пределах той или другой губернии за отчетный месяц (отчетным считался месяц, предшествовавший текущему). Такая месячная сводка составлялась на основе типовой таблицы № 2 – “Сведения о забастовках”¹⁵.

В примечании к положению разъяснялось: «С изданием настоящего положения посылка в ЦСУ таблицы № 2 “Сведения о забастовках” отменяется»¹⁶.

Функционирование ЦБ статистики труда – единого органа ВЦСПС, ЦСУ и НКТ – продолжалось до конца 20-х годов¹⁷. Благодаря ему обеспечивался единый подход к собиранию сведений о забастовках и незабастовочных формах конфликтов (трудовых спорах сторон, трениях с администрацией и т.п.) на всей территории Союза. Правда, к концу 20-х годов в организацию учета конфликтных дел были внесены некоторые коррективы. Они касались только трудовых споров незабастовочного характера. Новый порядок их учета был установлен 1 октября 1928 г.

В соответствии с решением триединого органа (оно касалось действий части аппарата ЦБ статистики труда, находившейся при ВЦСПС) “статистика конфликтов с 1927 г. включила в свою программу учет конфликтов, разбираемых РКК [Расценочно-конфликтными комиссиями. – *Б.К.*]. Наблюдение выборочное, распространяющееся в среднем на 1000 предприятий и учреждений”¹⁸. Помимо расширения вышеназванного статистического учета, были сделаны некоторые дополнения и к осуществлявшейся с 1925 г. программе сплошного учета процедуры заключения коллективных договоров и индивидуальных трудовых договоров на предприятиях. Один из вопросов новой программы касался конфликтов, возникавших при заключении таких договоров¹⁹.

После принятия вышеприведенного положения об учете конфликтов и забастовок в том же 1922 г. были утверждены новый забастовочный бланк из 24 пунктов и дополненная “Инструкция к заполнению бланка”. Этот формуляр (форма № 2) стал называться “Бланк для регистрации забастовки и локаута”²⁰. Дополни-

¹⁵ Там же. Л. 2.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Так, в типографском экземпляре “Отчетной карточки № 2 по учету заработной платы в фабрично-заводской промышленности за январь 1929 г.” зафиксировано название следующих учреждений – учредителей этой отчетной формы: ЦБ статистики труда ВЦСПС, ЦСУ, НКТ и Центральный отдел статистики ВСНХ СССР. См.: ГАРФ. Ф. 5467. Оп. 12. Д. 132. Л. 18.

¹⁸ См.: Профессиональные союзы СССР, 1926–1928: Отчет ВЦСПС к VIII съезду профсоюзов. М., 1928. С. 512.

¹⁹ Там же.

²⁰ ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 6. Д. 233. Л. 132–132 об.

ние заглавия документа словом “локаут” позволило предположить, что в самом начале 20-х годов предпринимались определенного рода воздействия как в отношении отдельных групп забастовщиков на государственных предприятиях, так и в отношении владельцев небольших частных заведений (портняжных мастерских и владельцев других мелких предприятий). Поиски в архивных фондах подтвердили это предположение. Так, во время забастовки на заводе бывш. бр. Бромлей в Москве, по времени совпавшей с кронштадским “мятежом” в марте 1921 г., созванное в Московском Комитете РКП(б) специальное совещание 25 марта 1921 г. вынесло решение о временном закрытии завода и о новом наборе рабочих²¹.

В форму № 2 образца 1922 г. были добавлены новые пункты: “11. Число рабочих и служащих, не участвовавших в забастовке, но вынужденных вследствие нее прекратить работу по техническим и т.п. условиям”; “13. В случае локаута указать время расчета рабочих и служащих (число, месяц)” и некоторые другие.

Кроме того, были внесены изменения в отдельные графы действовавшего формуляра. Так, в пункте 2 вместо “Наименование владельца...” стало указываться “Название владельца (треста, кооператива, фирмы, частного лица и т.п.)”. Это соответствовало новому “духу” нэпа, появлению предприятий различных форм собственности. Коренным образом изменилось содержание пункта 5. Вместо “Есть ли фабрично-заводской комитет (подчеркнуть – да, нет) и кем управляется предприятие” появилась графа: “Существовал ли коллективный договор с работающими в предприятии до забастовки, локаута: да, нет”²².
учреждении

Новые бланки для регистрации забастовок и локаутов начали заполняться статистическими службами отдельных местностей уже в первые месяцы 1922 г. Один из таких бланков был использован для записи (частично сделана чернилами) забастовки на Никольской ткацкой фабрике (бывш. Морозова), входившей в состав Орехово-Зуевского треста. Забастовка на ней происходила 18 января 1922 г. Общее число потерянных рабочих дней в результате забастовки составило 2500²³.

Заполненные экземпляры формы № 2 2-го изд. встречаются также и в других делах фондов ВЦСПС и ЦК отраслевых профсоюзов. На одном из таких типографских бланков дана характеристика забастовки на механическом заводе в г. Брянске, специализировавшемся на выпуске артиллерийских изделий. Из ответов на вопросы бланка (запись сделана карандашом) видно, что в забастовке 13 марта 1922 г. (на момент присоединения к ней рабочих и служащих всех цехов) участвовало 1036 из 1490 человек, работавших на заводе. Как отмечено в пункте 15 документа, непосредственной причиной коллективного протеста послужил “продовольственный вопрос”²⁴.

Этот забастовочный формуляр использовался работниками статистических служб на протяжении нескольких лет. Например, в одном из дел фонда 5467 имеется копия забастовочного бланка (форма № 2, 2-е изд.), заполненная в феврале 1925 г. В ней содержится информация о стачке рабочих, занятых на постройке Солецкого лесопильного завода акционерного общества “Мологолес” (с. Сольцы Волховского уезда Ленинградской губернии). Она прошла с 15 по 18 февраля 1925 г. Ее продолжительность была определена регистратором местного профсоюза: 2 дня и 4 часа. В формуляре дается также информация о первоначальном и последующем численном составе забастовщиков.

²¹ Там же. Ф. 393 (НКВД РСФСР). Оп. 43а. Д. 1711. Л. 259.

²² Там же. Ф. 5469. Оп. 6. Д. 233. Л. 132.

²³ Там же. Ф. 5451. Оп. 6. Д. 717. Л. 11.

²⁴ Там же. Ф. 5469. Оп. 6. Д. 233. Л. 6.

10. Наибольшее число рабочих и служащих, принимавших участие в забастовке: 286.

11. Число рабочих и служащих, не участвовавших в забастовке, но вынужденных вследствие нее прекратить работу по техническим и т.п. условиям: забастовка была объявлена чл[енами] артели “Стройтехлес”, рабочие и служащие “Мологолеса” присоединились к забастовке из солидарности (первоначально были сняты с работы стачкомом)”²⁵.

Некоторые из заполненных по форме № 2 (2-е изд.) бланков направлялись в вышестоящие инстанции вместе с сопроводительными бумагами. В частности, в одной из них адресат – Центральный Комитет ПСРД. Расшифровку находим на штампе: “Профессиональный союз рабочих-деревообделочников СССР”. На нем же ниже указано: “Чувашский республиканский отдел” – и проставлена дата: “30/XI 1926 г.” В “сопроводилровке” сказано: «При сем препровождается заполненный бланк зарегистрированной стачки, имевшей место на лесозаводе т-ва “Лесопилка” в г. Алатыре»²⁶.

Из бланка видно, что названный лесозавод принадлежит частному товариществу, возглавляемому гражданами Степановым и Трофимовым. Он находился в г. Алатыре Чувашской АССР. На этом небольшом заводе 12 ноября 1926 г. вспыхнула экономическая забастовка, продолжавшаяся 8 часов. В ней участвовали все 33 работника. Как отмечено в бланке, результатом ее явились полная выплата зарплаты рабочим “с начислением пени, установленной по колдоговору” и компенсирование владельцами “в двойном размере стоимости спецодежды”²⁷.

В 1927 г. ЦБ статистики труда ВЦСПС, ЦСУ и НКТ утвердило еще один типовой “Бланк для регистрации забастовки” (форма № 2, изд. 1927 г.), состоявший из 23 граф (пунктов). Из него исчез пункт о локауте. Сличение этого издания с первоначальной формой образца 1922 г. показывает, что была внесена частичная коррективировка. В пункте 1 вместо “Название захваченного (подчеркнуто мной. – Б.К.) предприятия ” было записано: “Название охваченного забастовкой учреждения

заведения ”²⁸. В регистрационном бланке 1927 г. вновь появился пункт 9 (“Проучреждения должителность забастовки”), который фигурировал в типовом бланке 1921 г. Один из типографских экземпляров нового формуляра был заполнен представителем ЦК Союза деревообделочников в 1928 г. В нем содержались основные параметры забастовки на Станишевском лесопильном заводе владельцев Варшавер и Каменир в Житомирском округе (Грояновский район, Украина). В забастовке, длившейся 10 дней (с 5 по 15 ноября 1928 г.), участвовали все 46 рабочих и служащих²⁹.

Первичный учет являлся основой для составления помесечных, квартальных, полугодовых и других сводок о забастовках в губерниях, областях, краях, республиках и на территории всего Советского Союза. Такого рода сводки и таблицы о прекращении работ на предприятиях текстильной, металлической, деревообделочной, химической и некоторых других отраслей государственного сектора промышленности встречаются в ряде дел фонда ВЦСПС, причем преимущественно за 1921–1922 гг. Так, в сводке о забастовках в Иваново-Вознесенской губернии за 1921 г. имеются некоторые данные о стачках и стачечниках на фабриках этой губернии³⁰.

Значительный интерес представляют рукописные таблицы о важнейших забастовках в стране за отдельные месяцы 1922 г. В них содержится цифровой материал о той или иной стачке, в которой участвовало более 100 человек. Каждая

²⁵ Там же. Ф. 5467 (ЦК профсоюза рабочих-деревообделочников). Оп. 8. Д. 142. Л. 9.

²⁶ Там же. Оп. 9. Д. 178. Л. 93.

²⁷ Там же. Л. 94.

²⁸ Там же. Оп. 11. Д. 214. Л. 117.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Ф. 5451. Оп. 5. Д. 721. Л. 7.

Распределение забастовок по месяцам 1922 г.
(Предварительные данные за 8 месяцев)*

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май
Забастовок	25	21	28	34	42
Участников в них	17630	10525	8192	13153	16861
В среднем участников на 1 забастовку	705,2	501,2	292,6	386,9	401,5

* Сведения неполные (примеч. док.). ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 6. Д. 710. Л. 15.

из таблиц имеет десять граф, в которых приведены название профсоюза, губерния, наименование предприятия, общее число занятых на фабрике или заводе рабочих и служащих, количество забастовщиков, главнейшие причины группового протеста и другие данные. По Запорожской губернии назван, например, завод Дулон-Грисье, на котором было занято 670 рабочих и служащих. Все они стали участниками начавшейся 6 августа 1922 г. забастовки. Причина – невыплата работникам заработка за июнь–август. Ниже указано, что работа на заводе прекратилась по решению профсоюза³¹.

Из хранящихся в изученных делах предварительных (неполных) сводок приведем в качестве примера таблицу, дающую представление о динамике забастовок и числе забастовщиков в Советской России за январь–август 1922 г. (см. с. 283).

Из таблицы видно, что на протяжении восьми месяцев 1922 г. больше всего забастовок приходилось на май и июнь, а наибольшее число участников протестов – на январь и май.

В фонде ВЦСПС сохранилась “Справка” ЦБ статистики труда (ЦБСТ) о забастовках за январь–июль 1922 г. Из нее следует, что в ряде мест сбор сведений о забастовках был организован неудовлетворительно: “В то время как Петроград ведет почти полный учет забастовок, Москва представила сведения лишь о незначительной части имевших место забастовок, несмотря на неоднократные категорические требования ОТЗ (отдела забастовок. – Б.К.) ВЦСПС и ЦБСТ о налаживании названного учета”. Так же слабо “стоит учет забастовок на Украине”³².

Различные статистические данные о забастовках на заводах в начале 20-х годов имеются в фонде ЦК ВСРМ. Значительные цифровые сведения о конфликтах и забастовках отложились в справочном материале к докладу председателя ЦК ВСРМ Лепсе на Пятом Всероссийском съезде профсоюза металлистов.

Из пояснения к разделу 8 подготовительных статистических материалов “Забастовки в 1922 году” видно, что в состав Союза металлистов включались работники следующих производств: металлургия черных и цветных металлов, машиностроение, электроника, точная механика, военная промышленность, промышленность металлообрабатывающая, подсобная³³. В соответствии с этой особенностью в число стачечников по Союзу рабочих-металлистов были отнесены не только работники машиностроительных и металлообрабатывающих предприятий, но и рабочие и служащие металлургических заводов.

В указанных материалах (Л. 12) имеется также таблица с помесечными дан-

³¹ Там же. Оп. 6. Д. 710. Л. 18.

³² Там же. Л. 35.

³³ Там же. Ф. 5469. Оп. 6. Д. 210. Л. 12.

Июнь	I полугодие	В среднем в месяц за полугодие	Июль	Август	Всего за 8 месяцев
41	191	31,8	3,3	17	241
13722	80083	14347	12229	5626	97938
334,7	419,3	-	370,6	330,9	406,4

ными о стачках 1922 г. на предприятиях, работники которых входили в Союз металлистов.

Число забастовок по месяцам в 1922 г.*

Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август
5	4	6	7	11	15	7	4

Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Неизвестный месяц	Общее число забастовок	Число участ- ников
2	8	3	2	20	94	43 942

* По данным 15 райкомов ВСРМ.

Итак, из 94 учтенных забастовок, в которых участвовали около 44 тыс. человек, 74 были расписаны по месяцам. Из них 15 пришлось на июнь, 11 – на май и 8 – на октябрь. Об остальных 20 стачках сведения были представлены без указания месяца их проведения.

В двух других таблицах, составленных по данным тех же 15 райкомов отраслевого профсоюза, – цифровой материал о причинах и результатах проведенных металлистами забастовок³⁴. Согласно этим данным, каждая вторая забастовка была вызвана задержкой выплаты заработной платы. Из 47 забастовок, возникших по этой причине, в 21 случае вопрос был разрешен положительно для забастовщиков, 10 забастовок рабочие проиграли.

За последующие годы в изученных делах фондов отраслевых профсоюзов удалось разыскать лишь отрывочные статистические сведения о стачках на государственных предприятиях ряда отраслей легкой и тяжелой промышленности. В частности, “Ведомость забастовок, происходивших в течение 1925 г. в текстильной промышленности” содержит данные только о 12 фабриках в Московской, Владимирской, Иваново-Вознесенской, Нижегородской губерниях и в Татарской АССР, а также об одном валено-сапожном заведении в Ярославской губернии³⁵.

Таким образом, в изученных делах фондов ВЦСПС и ЦК отдельных отраслевых профсоюзов (особенно в фонде ЦК Союза рабочих-металлистов) сохранились регистрационные бланки (в большинстве случаев копии типовых форм) о забастовках рабочих и служащих на предприятиях государственного сектора промышленности, а в ряде случаев – на концессионных и частнокапиталистических предприятиях и заведениях. Эти формуляры по времени чаще всего отража-

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Ф. 5457 (ЦК профсоюза рабочих текстильной и легкой промышленности. Объединенный фонд). Оп. 10. Д. 372. Л. 23.

ют забастовки 1921 и 1922 гг. За последующие годы восстановления промышленности и проведения нэпа таких учетных бланков сохранилось крайне мало.

Формы первичной статистической отчетности и базирующиеся на них сводки стачек в отдельных отраслях дают возможность определить основные параметры забастовочного движения и представить динамику рабочих выступлений за сравнительно небольшие отрезки времени. Они дают также возможность проиллюстрировать групповые протесты рабочих различных профессий и квалификаций по отдельным отраслям промышленного производства и экономическим районам РСФСР и других республик СССР.

Дальнейшие поиски в архивах помогут еще более углубить наше представление о количественной стороне рабочего движения в 20-е годы.

С.В. Давиденко, Е.Н. Савинова

ВОСПОМИНАНИЯ З.Г. МОРОЗОВОЙ-РЕЙНБОТ

Зинаида Григорьевна Морозова (1867–1947) работала над своими записками с конца 1930-х годов, когда сотрудник Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина (ГЦТМ) Сергей Александрович Попов (брат известного театрального деятеля Николая Александровича Попова) обратился к ней с просьбой написать воспоминания о ее встречах с выдающимися общественными и театральными деятелями России конца XIX – начала XX в. Полностью завершить работу над мемуарами автору не удалось. Об этом, в частности, свидетельствуют наличие нескольких вариантов одних и тех же фрагментов воспоминаний, отсутствие у них общего названия. В 1987 г. рукопись записок дочь С.А. Попова Татьяна Сергеевна Бернштейн-Попова передала в ГЦТМ (Ф. 216. Н.А. Попов. Д. 515. Л. 1–28).

Черновые заметки, с которыми З.Г. Морозова, по всей вероятности, собиралась работать в дальнейшем, представляют собой разрозненные страницы воспоминаний, составленных автором уже в преклонном возрасте. Написанные на плохой бумаге, нередко на оборотах разных бланков и счетов, заметки содержат повторы, незаконченные абзацы, имеют особенности авторской пунктуации и сокращения, расшифровать которые можно, лишь хорошо зная обстоятельства жизни автора.

Зинаида Григорьевна родилась в Орехово-Зуеве в семье купца 2-й гильдии Григория Ефимовича Зимина. Ее отец – потомственный почетный гражданин – был одним из директоров товарищества “Зуевской мануфактуры И.Н. Зимина”. Совсем юной она вышла замуж за Сергея Викуловича Морозова¹, но этот брак не был долгим. Ее пылкий ум, врожденный вкус и какая-то особая гордая красота обратили на себя внимание родственника мужа, известного миллионера-промышленника Саввы Тимофеевича Морозова², который в 1887 г. предложил ей стать его женой.

Женитьба С.Т. Морозова на своей разведенной родственнице в старообрядческих семьях Морозовых и Зиминых не получила одобрения. Тем не менее З.Г. достаточно быстро освоилась с новым положением. Она со всей страстью отдавалась устройству семейного очага, восполнила пробелы в образовании – пригласила преподавателей разных наук, изучала иностранные языки, завела но-

¹ Морозов Сергей Викулович (1860–1921) – предприниматель, один из директоров “Товарищества Викула Морозов с Сыновьями”.

² Морозов Савва Тимофеевич (1862–1905) – русский торгово-промышленный деятель и меценат, мануфактур-советник, потомственный почетный гражданин. Покончил с собой в Каннах. Похоронен на Рогожском кладбище в Москве.

вые знакомства, каждое из которых считала важным событием своей светской жизни.

В начале 1890-х годов С.Т. Морозов приобрел в Москве на имя жены небольшой особняк с садом на Спиридоновке. Для перестройки дома (З.Г. стремилась создать светский салон) З.Г. пригласила молодого архитектора Ф.О. Шехтеля. Именно после перестройки дома на Спиридоновке в 1896 г. Шехтель утвердился в Москве в качестве признанного и очень модного зодчего. В дальнейшем он также был тесно связан с семьей Морозовых. З.Г. Морозова относилась к нему и его семье с безграничным доверием, о чем свидетельствует, в частности, и сам факт хранения ее записок в семье племянника Ф.О. Шехтеля С.А. Попова.

В доме З.Г. Морозовой проходили домашние концерты и благотворительные вечера. Деятельность С.Т. Морозова, широко известного промышленника и мецената, способствовала близкому общению его супруги с наиболее значительными политическими деятелями России, а также с представителями художественно-литературной среды. Современники писали о ней как о женщине самобытной, умной, способной на самостоятельные суждения и поступки. Это чувствуется и в метких, пронизательных и порой оригинальных характеристиках, комментариях и наблюдениях в ее воспоминаниях.

Находясь 19 лет рядом с С.Т. Морозовым, З.Г. сопровождала его в деловых поездках в Петербург и Нижний Новгород, была в курсе фабричных дел, вместе с ним посещала великосветские приемы. После его смерти, став одной из богатейших женщин России, она сохранила многие старые знакомства и еще более расширила свой круг общения, чему способствовал и ее новый брак с генералом Анатолием Анатольевичем Рейнботом (1907).

Революцию 1917 г. З.Г. Морозова восприняла философски. Человек религиозный, она спокойно отеслась к свершившемуся. Несмотря на то что у нее было немало возможностей уехать из России, она никогда не помышляла об этом. В 1918 г. после национализации она вынуждена была покинуть усадьбу "Горки", в которую вложила немало средств и энергии, создав в ней прообраз капиталистической фермы, не столь часто встречавшейся в Подмосковье в то время. До 1924 г. З.Г. Морозова жила в Москве, а затем переехала в подмосковное Ильинское, где умерла в 1947 г. Позднее прах ее был перевезен в семейный склеп Морозовых на старообрядческом Рогожском кладбище в Москве.

В последний период своей жизни, испытывая значительные материальные затруднения, З.Г. Морозова жила продажей личных вещей и ценностей. Только в 1930 г. по ходатайству коллектива МХАТ ей была назначена небольшая пенсия. Тем не менее она сохранила чувство собственного достоинства, прямому суждений и то, чем более всего дорожила, – дружеские отношения с близкими ей людьми. На наш взгляд, не утратила Зинаида Григорьевна и чувство своей сопричастности к общественной и культурной жизни Москвы, что, вероятно, и подтолкнуло ее к работе над воспоминаниями.

Несмотря на субъективность многих оценок автора записок, публикаторы полагают, что введение мемуаров в научный оборот позволит не только расширить, но и уточнить многие представления о состоянии русского общества на рубеже XIX–XX вв. В свое время попытка отредактировать воспоминания З.Г. Морозовой была предпринята С.А. Поповым, который внес некоторые ремарки. Тем не менее публикаторы сочли необходимым сохранить текст записок в оригинале, что позволяет почувствовать стиль и язык автора мемуаров и дух времени, в которое они создавались.

Выражаем искреннюю признательность и благодарность дирекции и сотрудникам рукописного отдела ГЦТМ им. А.А. Бахрушина за помощь, оказанную нам в исследовательской работе.

Свои записки З.Г. Морозова-Рейнбот начинает с воспоминаний о встрече с Сергеем Юльевичем Витте³, с которым она познакомилась во время его приезда в начале 90-х годов на Никольскую мануфактуру, где ее муж С.Т. Морозов был директором-распорядителем.

Морозова пишет: «Витте объезжал нашу фабрику, когда был назначен министром. Ему был у нас приготовлен завтрак, во время которого он сидел около меня. И вдруг он начал такой разговор: “А знаете, З[инаида] Г[ригорьевна], я получил из Берлина письмо, где было сказано, что мы – фон Витте”. Я на него удивленно посмотрела и сказала: “Охота Вам, С[ергей] Ю[льевич], этим вздором заниматься? Вы такой умный человек, что сам себе предок. Я вот жалею, что у меня не было предков, из-за старинного имения и старых портретов, которые я страшно люблю, и меня всегда очень удивляла эта любовь. Я никогда не жила в таких имениях, только знала о них по литературе, но мне кажется, что моя “душа” когда-то там жила...” С[ергей] Ю[льевич] был умным человеком, не обиделся на мои слова, а только посмотрел, и ему было неловко.

Потом наше знакомство продолжалось, и мы были друзьями. Он потом какою осенью жил в Крыму».

З.Г. Морозова очень любила Крым. Обычно она останавливалась в Мисхоре. Семья Витте жила в те годы в Ялте. В Крыму их общение продолжалось. «С[ергей] Ю[льевич] бывал у меня со своей женой Матильдой Ивановной⁴, и когда я ездила в Ялту, – вспоминает З.Г., – то всегда заезжала к ним. С[ергей] Ю[льевич] обыкновенно говорил со мной о делах, и он всегда спрашивал моего мнения, на что я всегда шутливо отвечала: “Ну что я, баба, понимаю?” А он отвечал: “А все-таки скажите Ваше мнение”. Он очень ко мне хорошо относился, тем более что ему обо мне говорил Вышнеградский⁵, которого я знала в отставке. Он был у своей дочери Сафоновой⁶ часто в Москве. Большой был умница, старый и очень милый человек».

В своих воспоминаниях З.Г. Морозова неоднократно упоминает о М.И. Витте: “Первого ее мужа я забыла, но, кажется, Лисаневич⁷ – личность страшная, и держал у себя что-то вроде игорного дома. Жили они в Одессе⁸. М[атильда] И[вановна] была еврейка, умная и приятная женщина, тактичная. В ее положении непризнанной министерши было трудно”. Здесь З.Г. имеет в виду обстоятельства женитьбы С.Ю. Витте и по-своему объясняет тот факт, что М.И. Витте никогда не была принята ко двору: «...Александр⁹ обиделся на Витте за то, что Витте, будучи тогда на хорошем счету у государя, просил его дать разрешение на развод. Несмотря на то что Александр III был очень патриархальным, Витте так его разжалобил, что он приказал М[атильду] И[вановну] развести, и ее развели в тот же день. Тогда кто-то приближенный из свиты спросил государя: “Кого Вы, Ваше Величество, развели?” Александр очень горячо начал говорить, что

³ Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – директор-распорядитель выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде; с 1889 г. – директор Департамента железных дорог Министерства финансов, с 1892 г. – министр финансов России, с 1903 г. – председатель Комитета министров, первый председатель объединенного правительства Совета министров, созданного в октябре 1905 г., с 1906 г. – в отставке.

⁴ Витте Матильда Иваиовна (урожд. Хотимская, по первому мужу – Лисаневич) – вторая жена С.Ю. Витте.

⁵ Вышнеградский Иван Алексеевич (1830–1895) – управляющий Министерством финансов (1887), затем министр финансов России (1888–1892).

⁶ Сафонова – старшая дочь И.А. Вышнеградского, жена В.И. Сафонова, дирижера, педагога, музыкального деятеля, директора Московской консерватории (1889–1905).

⁷ Лисаневич Д.С. – первый муж М.И. Витте, племянник жены генерал-адъютанта О.Б. Рихтера, воспитателя императора Александра III, заведовавшего в 1881–1895 гг. делами Комиссии прошений на Высочайшее имя.

⁸ Сведений о проживании семьи Лисаневич в Одессе не обнаружено.

⁹ Александр III (1845–1894) – российский император (1881–1894).

эта несчастная женщина в руках была негодяя. Ему отвечали очень что-то нелестное о М[атильде] И[вановне], и государь сказал Витте: “Вы для меня останетесь неженатым”.

И когда воцарился Николай II¹⁰, то тоже ему ответил на просьбу Витте принять М[атильду] И[вановну] ко двору: “Моя жена¹¹ будет принимать тех, которых принимала моя мать”¹². Ввиду этого М[атильда] И[вановна] не была на ярмарке в Нижнем Новгороде¹³. Так всегда в жизни бывает: от великого до смешного – один шаг. Будучи умными людьми, Витте и М[атильда] И[вановна] не могли полностью помириться с тем, что М[атильда] И[вановна] не принята ко двору».

В своих воспоминаниях З.Г. Морозова описывает и последнее свидание с С.Ю. Витте: «Я была в Петербурге и заехала в приемный день [к] М[атильде] И[вановне], и когда я поднялась по лестнице, ко мне подошел камердинер Витте и сказал, что С[ергей] Ю[льевич] очень просит зайти к нему в кабинет, так как ему нездоровится. Я вошла, Витте сидел за письменным столом и писал свои мемуары¹⁴. Очень мне обрадовался и стал рассказывать (он уже был не у дел), и бранил Николая¹⁵, и говорил: “Подумайте, Зинаида Григорьевна, кем он окружен?..” Витте просил меня приехать на другой день в пять часов пить чай и, что никого не будет, кроме М[атильды] И[вановны], ему хочется поговорить со мной по душе. Я приехала, и они меня ждали с чаем в гостиной. Он имел совсем больной вид и очень был раздражен. Я, шутя, его спросила: “Очевидно, Вы, С[ергей] Ю[льевич], будете премьером?” Он спросил: “А почему Вы думаете? Может, Вы что-нибудь слышали? Вы всегда так осведомлены”. Я ответила: “Ничего я не знаю, но сужу по вчерашнему приему М[атильды] И[вановны]. Что у нее были все послы – это мне понятно, но что у нее был высший петербургский свет – это знаменательно. Ну, этого достигла М[атильда] И[вановна]”. Но это было не так. Я знала, как М[атильда] И[вановна] переживала, и сказала “высший свет”.

Витте начал жаловаться на свое здоровье, вид у него был совсем больной, но что он все не решается ехать за границу, его туда посылают доктора. Я ответила ему: “Охота Вам, С[ергей] Ю[льевич], сидеть в Петербурге? Погода скверная. И что Вам нужно в жизни? У Вас большое положение в Европе, деньги есть, а здоровья нет. Я бы на Вашем месте немедленно уехала в тепло”. – “Вы думаете, Зинаида Григорьевна, я делаю карьеру дальше?” – “Вам нечего делать дальше, – я, шутя, его дразнила. – Министр Кривошеин¹⁶ (который был мой старым знакомый)... Назначение его министром земледелия, когда он не может отличить рожь от гречихи, смешно, а он Вас обвел вокруг пальца!” Он очень взволновался и начал его бранить. Мы долго сидели, и это было наше последнее свидание».

З.Г. Морозова была хорошо знакома и с министром внутренних дел России в 1913–1915 гг. Николаем Алексеевичем Маклаковым¹⁷, с братом которого, Ва-

¹⁰ Николай II (1868–1918) – российский император (1894–1917).

¹¹ Императрица Александра Федоровна (урожд. Алиса Гессен-Дармштадтская) (1872–1918).

¹² Императрица Мария Федоровна (урожд. София-Фридерика-Дагмара, принцесса Датская) (1847–1929).

¹³ Всероссийская ярмарка в Нижнем Новгороде и устроенная по инициативе С.Ю. Витте в это же время промышленно-художественная выставка проходили в 1896 г.

¹⁴ С.Ю. Витте работал над мемуарами в 1907–1912 гг. См.: *Vitte С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 1–3.

¹⁵ Николай II.

¹⁶ Кривошеин Александр Васильевич (1857–1923), с 1905 г. – товарищ главноуправляющего, а затем главноуправляющий землеустройством и земледелием, глава Крестьянского банка, член Совета министров и Государственного совета, товарищ министра финансов (1906–1908), министр земледелия (1910–1916), премьер-министр в правительстве Врангеля. Умер в Берлине.

¹⁷ Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918) – помещик, в 1900–1909 гг. служил в Министерстве финансов, в 1913–1915 гг. – министр внутренних дел, с 1915 г. – член Государственного совета.

силием Алексеевичем¹⁸, у нее установились добрососедские отношения, так как их имения в Звенигородском уезде находились рядом.

Правда, упоминая об Н.А. Маклакове, Зинаида Григорьевна не скрывает своей антипатии: “Он был каким-то мелким чиновником и служил в Тамбове, и мечта его была – быть начальником казенной палаты. Он просил меня дать письмо к Витте, но я ему в этом отказала, находя его для такого места недостаточно умным. Он как-то пробился в Петербург и там получил место губернатора, и попал в Чернигов, куда приезжал Николай II¹⁹, который был очень расстроен убийством Столыпина²⁰, и ему пришла в голову мысль сделать министром Маклакова. Николай II, ведя очень замкнутую жизнь, совсем не знал людей и плохо в них разбирался...”

В записках Морозовой немало воспоминаний о курьезных случаях. Так, например, рассказывая об одном из визитов в дом Витте, она упоминает о своей встрече в прихожей дома с министром внутренних дел России И.Л. Горемыкиным²¹. «Когда я раздевалась и сняла фетровые белые ботинки... то вместе с нами раздевался мин[инстр] Горемыкин. Он взял один мой ботинок и любовался им. Меня это очень удивило. И когда я в гостиной увидела М[атильду] И[вановну], и спросила ее: “А кто этот старичок?”, она ответила: “Министр Горемыкин. А почему Вы спрашиваете?” Я ей рассказала сцену с моим ботинком. Она ответила: “Он помнит “по ботинкам”. У него есть комната, вся уставленная разными ботинками”. Я подумала: “Бедная Россия!!!”»

Анекдотичность вышеописанной ситуации бесспорна, но, в то же время, в воспоминаниях достаточно много точных характеристик. Создавая портреты своих современников, автор мемуаров пытается дать оценку их деятельности. Так, завершая портрет С.Ю. Витте, Зинаида Григорьевна замечает: “Витте, будучи премьером, не мог справиться. По-моему, он не знал России и мало был образован в людях. У него были блестящие способности по финансам и никаких его премьерских. В обращении к людям Витте мог быть очень приятен и вместе с тем, кого он не любил, – был очень противен”.

Как уже упоминалось, воспоминания носят незавершенный характер, и поэтому некоторые эпизоды в них даны через описание ситуации в форме диалогов, которые, вероятно, служили автору канвой будущего рассказа. Примером этого может являться ее запись о градоначальнике Москвы А.А. Козлове²²: «В Москве все знали Александра Александровича, он был долгое время градоначальником Москвы и потом недолгое время генерал-губернатором. Он был большой мой друг и очень своеобразный человек, честный, порядочный и откровенный. Когда его назначили генерал-губернатором, он приехал ко мне в Покровское²³, где я жила летом, вошел и спросил: “Слышали, что меня назначили генерал-губернатором?” – “Слышала”, – ответила я. “Вызвали меня в Петербург, я говорю: “Помилуйте, какой я ген[ерал]-губ[ернатор]? Я стар и ничего не понимаю в теперешнем настроении”. Ему отвечали: “Такое теперь смутное время”. – “Ну, – говорит, – если мне приказывают, то я не могу отказываться. Приехал в Москву, пошел как-то, знаете, пешком в генерал-губ[ернаторский] дом, подхожу к во-

¹⁸ Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) – адвокат, один из основателей и лидеров партии конституционных демократов, депутат II, III и IV Государственных дум от Москвы, посол Временного правительства в Париже.

¹⁹ Поездка Николая II на Украину состоялась в начале сентября 1911 г.

²⁰ Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) – министр внутренних дел, председатель Совета министров в 1906–1911 гг.

²¹ Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917) – министр внутренних дел России в 1895–1899 гг.; член Государственного совета, председатель Совета министров в 1906 г., в 1914–1916 гг.

²² Козлов Александр Александрович (р. 1837–?) – генерал-адъютант, градоначальник Москвы, с 14 апреля по 15 июля 1905 г. московский генерал-губернатор.

²³ Усадьба Покровское-Рубцово Звенигородского уезда Московской губернии, принадлежавшая С.Т. и З.Г. Морозовым.

ротам. Стоит часовой, я ему говорю: “Отопри”, а он: “Тебе зачем сюда нужно?” – “Да я, – говорю, – ген[ерал]-губ[ернатор]”. Он отвечает: “Мало ли тут шляется народу!” – “Вот тебе бумага”. Прочел и впустил. Я им в Петерб[урге] поставил условие, чтобы градоначальником был Шувалов²⁴, который был граф, богатый человек, но ему почему-то нравилась эта служба”.

Козлов был недолго ген[ерал]-губ[ернатором]). Убили Шувалова, он его очень любил. Он вышел в отставку и уехал за границу, и там вскоре умер».

Среди близких знакомых З.Г. Морозовой был и Александр Васильевич Кривошеин, министр земледелия России. Она вспоминала: “Я хорошо знала А[лександр] В[асильевича]. Начало его карьеры была служба юристом на Донской дороге²⁵, где большую роль играл Савва Иванович Мамонтов²⁶. Я забыла, где служил Кривошеин в Москве. Мне кажется – нигде. Попавши в Москву, он втерся в богатую буржуазию и жил в ней благополучно. Но вдруг он имел дуэль с Гатцуком, издателем газеты²⁷, – мотив я не знаю, – после которой, очевидно, ему было неудобно оставаться в Москве. И [он] попал каким-то образом к сыну графа Толстого²⁸, который был в то время министр внутренних дел, и сопровождал его сына в Японию²⁹. Вернувшись оттуда, он остался в Петербурге, где граф его устроил на небольшую должность³⁰. Средств у него не было, и надо было жениться. Женился он на племяннице Саввы Тим[офеевича]³¹, с которой он был в то время дружен. И тогда его, израненного, перевели в дом Саввы Сав[вича]³², где он пользовался полным уходом. Дуэль была на рапирах, и Гатцук ранил ему лицо, и у него остался на лице шрам.

Он после женитьбы переехал в Петербург. У него было умение войти в чужую душу, и он этим пробил себе жизненный путь и дошел до поста министра земледелия, не умея отличить гречу от овса”.

Вероятно, полностью того не осознавая, З.Т. Морозова пытается разобраться в причинах социальных изменений в России. Специально не останавливаясь на членах императорской семьи, со многими из которых она была лично знакома, З.Г. неоднократно все же дает им характеристики. Она пишет: “Очень странно, что при Николае II почти все министры назначались случайно, и, на мой глаз, умных из них не было. Пожалуй, может быть, и были неглупые люди, но недостаточно были образованы по тому делу, которое они вели. Самый умный из них был Витте, но и то, когда сделали премьером, не понял положения России и вообще мало знал Россию. Финансовые его способности были блестящи, и был он проведен Вышнеградским³³ при Александре III. Я слышала, что, когда в Лива-

²⁴ Шувалов Павел Павлович (1859–1905) – граф, московский градоначальник, был убит 28 июня 1905 г. эсером П. Куликовским в здании градоначальства.

²⁵ Имеется в виду Северо-Донецкая железная дорога.

²⁶ Мамонтов С.И. (1841–1918) – крупный предприниматель и меценат, строитель Северо-Донецкой и Архангельской железных дорог, основатель и режиссер Московской частной русской оперы (1885).

²⁷ Речь идет, по-видимому, об А. Гатцуке, издателе-редакторе “Газеты А. Гатцука”, которая выходила еженедельно в Москве в 1875–1890 гг.

²⁸ Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889) – граф, министр народного просвещения (1886–1880), министр внутренних дел и шеф корпуса жандармов.

²⁹ Речь идет о психически не вполне здоровом сыне Д.А. Толстого Глебе (?–1904), которого В.А. Кривошеин сопровождал по просьбе отца в кругосветном путешествии.

³⁰ А.В. Кривошеин был назначен, по рекомендации Д.А. Толстого, комиссаром по крестьянским делам в Царстве Польском, по-видимому, в 1888 г. Прослужив там три года, он был переведен в 1891 г. в Петербург на должность делопроизводителя, а затем столоначальника Земского отдела Министерства внутренних дел.

³¹ Имеется в виду Елена Геннадьевна Карпова (1870–1942) – дочь старшей сестры С.Т. Морозова, Анны Тимофеевны Морозовой (1849–1924). Женитьба А.В. Кривошеина на Е.Г. Карповой состоялась в 1892 г.

³² Вероятно, З.Г. Морозова имеет в виду Савву Ивановича Мамонтова.

³³ И.А. Вышнеградский покровительствовал С.Ю. Витте по службе, способствовал его переводу из Киева в Петербург.

дии³⁴ умирал Александр III, Николай II умолял отца не оставлять его наследником. Он был для обыкновенного человека неглупый, но для царя поражал меня своей растерянностью и полным непониманием своего положения”.

Много места в записках Зинаиды Григорьевны уделено уже упоминавшемуся ранее брату Н.М. Маклакова, Василию Алексеевичу, ее давнему знакомому и соседу по имени “Покровское-Рубцово”. Она рисует лидера партии конституционных демократов как умного и интересного собеседника. С ним она могла обсуждать политическую ситуацию в России, спорить, высказывая свое мнение о путях развития страны: «В[асилий] А[лексеевич] был интересным человеком по своему уму и начитанным, но, главное, он хорошо знал Француз[скую] Революцию³⁵ и красиво умел о ней рассказывать.

...Когда в России началось общест[венное] движение³⁶ и была открыта в мае Дума³⁷, я помню, В[асилий] А[лексеевич] приехал ко мне в Покровское и с большим пафосом рассказывал об этом. Я молчала, и он спросил: “Почему Вы молчите?” – “Я думаю, что Дума без денег – нигде не слыханная и нигде не виданная, и ее скоро закроют”. – “Вы злая женщина!” – “Я уж не знаю, злая или нет, но я думаю так”. Закрыли Думу³⁸. Приехал В[асилий] А[лексеевич] с Ольгой Лео[нардовой] Чеховой³⁹, за которой он в то время ухаживал, был очень взволнован, бегал по комнате и говорил: “Мы еще пойдем на баррикады...” Я обратилась к О[льге] Лео[нардовне] и спросила ее: “И Вы с ним пойдете?”

Когда было восстание в Москве⁴⁰, я была с детьми в Покровском, куда уехала на праздник Рождества, и не могла оттуда уехать ввиду того, что ж[елезная] д[орога] прекратила движение, а ехать на лошадях (мимо нас проходило шоссе) я не решилась. В Москву решил ехать мой кучер и привез мне письма, и, между прочим, письмо от В[асилия] А[лексеевича], где он писал, что Москву спасли “преображенцы”⁴¹. Когда открылось Выборгское воззвание⁴², В[асилий] А[лексеевич] приезжал ко мне, были и другие знакомые мои, был очень взволнован и не знал, как ему быть, уехать ли в Выборг или нет. Московские кадеты и Струве не поехали, и он не знал, что лучше: ехать или нет. На что я ему сказала: “Ведь Вы едете затем, что боитесь, ввиду перемен в П[етербурге]⁴³, не попадете в Мирабо⁴⁴...”»

З.Г. Морозова неоднократно в своих записках иронизировала по поводу увлеченности кадетов, и особенно В.А. Маклакова, историей Великой французской революции и стремления подражать ее лидерам.

С горечью она констатировала: «Как в то время много говорили о счастье народа и как всем было “все равно”, и мечтали только о том, как им быть у власти!» Будучи знакомой с семьей Маклаковых и часто по-соседски бывая в их

³⁴ Ливадия – царская резиденция в Крыму.

³⁵ Великая французская революция (1789–1791).

³⁶ З.Г. Морозова имеет в виду начало буржуазно-демократической революции в России в 1905 г.

³⁷ З.Г. Морозова ошиблась. Открытие I Государственной думы состоялось 27 апреля 1906 г.

³⁸ I Государственная дума была распущена 8 июля 1906 г.

³⁹ Чехова О.Л. – Книппер Ольга Леонардовна (1868–1959) – актриса Московского Художественного театра, с 1901 г. – жена А.П. Чехова, ко времени описываемых событий – его вдова.

⁴⁰ Вооруженное восстание в Москве в декабре 1905 г.

⁴¹ З.Г. Морозова, ссылаясь на В.А. Маклакова, ошибочно называет полк, подавивший восстание в Москве, Преображенским. В действительности Декабрьское вооруженное восстание в Москве было подавлено Семеновским и Ладужским полками.

⁴² “Выборгское воззвание” было подписано после роспуска I Государственной думы группой либерально настроенных депутатов. (“Народу от народных представителей”. 10 июля 1906 г.) Обращение призывало народ к пассивному сопротивлению до тех пор, пока не будут объявлены выборы во II Думу. Над подписавшими воззвание был устроен судебный процесс: их лишили права продолжать парламентскую деятельность.

⁴³ Видимо, З.Г. Морозова имела в виду назначение на пост председателя Совета министров П.А. Столыпина взамен И.Л. Горемыкина.

⁴⁴ Мирабо Оноре Габриель Рикети (1749–1791) – граф, деятель Великой французской революции.

имениях, Морозова имела возможность видеть неформальные собрания членов кадетской партии. Ее наблюдения на этот счет довольно точны и остры: «Какое было растеряние в то время в правительстве, в интеллигенции! Все кричали в прав[ительстве], делали назначения людей, которые ничего не понимали, и, главное, опять было много сытых людей, которые жаждали власти. Забавные были некоторые кадеты. Положим, доктор Кишкин⁴⁵... В клетчатом костюме, через плечо висел бинокль, точно он ехал на бега или скачки... Я помню, когда мы сидели у Маклакова в имении их мачехи⁴⁶, а усадьба В[асилия] А[лексеевича]⁴⁷ была верстах в 2-х по скверной дороге, то сестра В[асилия] А[лексеевича] М[ария] А[лексеевна]⁴⁸ увидела в своей усадьбе дымок и вдруг пришла в страшное волнение и закричала: “Нас подожгли! (Их очень не любили окрестные крестьяне.) Дайте Вашу лошаку, и я поеду посмотреть, что у нас”. – “Нет, – говорю я, – не дам, я очень люблю своих лошадей, и по Вашей скверной дороге им и так чуть не испортили ноги, и, к тому же, Вы стоите за перемену режима, то и падайте одной из первых жертв”».

Революционное брожение, охватившее русское общество, оказало, как известно, весьма существенное влияние на судьбу ее мужа Савву Тимофеевича. Его стремление найти истину в идеях социал-демократии, а позднее, возможно, и в либерализме как-то раз привело его на собрание партии конституционных демократов. Вероятно, это было одно из последних общественных мероприятий в Москве, на котором С.Т. Морозов присутствовал незадолго до своего отъезда за границу и трагического ухода из жизни. Супруга, везде сопровождавшая его в тот период, пишет: «Я вспоминаю собрание, когда была дана свобода общ[ественных] собраний⁴⁹. Собрание было в доме Долгорукого⁵⁰, и был цвет Москвы, мы были с Саввой Тим[офеевичем]. Был апрель или май, и, когда мы вышли оттуда, было чудесное раннее утро, и я сказала С[авве] Тим[офеевичу]: “Савва, я очень удивлена, что читали конституцию. Я не считаю себя очень образованной и то знаю, что такое конституция. А тут сидел цвет Москвы, и видно было, что многие не знали, что такое “конституция”. Савва ответил: “Ты права”».

Размышляя о причинах нежизнеспособности русского либерализма и демократии, З.Г. Морозова пишет: “Меня порожали кадеты своим незнанием России, а между прочим, они все были из дворянства и из интеллигенции. Но что из себя представляет Россия, их это не интересует, а было у них какое-то стремление взять управление Россией в свои руки. Они считали себя самой талантливой партией, но у них весь ум был съеден самомнением”.

Автор воспоминаний неоднократно подчеркивает свою беспартийность: “Меня никакая партия не привязывала к себе, и я ко всем партиям относилась с интересом. ... Будучи человеком свободомыслящим, я не увлекалась никакой партией, в каждой партии были рамки”.

Но не столько “свободомыслие” было причиной политической нейтральности Зинаиды Григорьевны, сколько опасения материального плана. Она прямо говорит об этом, вспоминая о предоставленной ей возможности вступить в партию кадетов, подробно описывая разговор с приехавшим к ней в имение

⁴⁵ Кишкин Николай Михайлович (1864–1930) – врач, член партии кадетов, входил в состав правительства А.Ф. Керенского.

⁴⁶ Усадьба “Киселево” мачехи В.А. и Н.А. Маклаковых находилась в Звенигородском уезде Московской губернии.

⁴⁷ Усадьба В.А. Маклакова “Дергайково”.

⁴⁸ Маклакова Мария Алексеевна (1877–?) – сестра В.А. и Н.А. Маклаковых.

⁴⁹ Не совсем ясно, какой законодательный документ имеет в виду З.Г. Морозова. Собрание, о котором она упоминает, судя по всему, проходило не позднее мая 1905 г. С.Т. Морозов ушел из жизни в мае 1905 г. Манифест, даровавший свободу совести, слова, собраний и союзов, был издан 17 октября 1905 г.

⁵⁰ Вероятно, речь идет о доме князей Долгоруковых в Малом Знаменском переулке, где неоднократно происходили заседания деятелей партии кадетов.

П.Д. Долгоруковым: «Я помню, как ко мне приехали, меня просили в кадетскую партию. Князь Пав[ел] Долгорукий⁵¹ мне сказал, что приехал ко мне по поруч[ению] партии, наговорил мне кучу любезностей о моем уме и пр[очем], и как им будет лестно, если я запишусь в их партию. Я поблагодарила князя за честь, которую мне сделали, но я, по своему свободомыслию, ни в какую партию не пойду, так как не люблю рамок, и потом, я – богатая женщина, и, когда будут у меня просить на дела партии, мне будет трудно отвечать, что у меня денег нет, и, кроме того, я совсем не симпатизирую кадетам.

По-моему, эта какая-то бесполезная партия, в которой играет роль честолюбие. Понятие кадет о России весьма одностороннее. ... На другой день приезда Долгорукого приехал ко мне Василий Маклаков, и я его спросила: “А что же, В[асилий] А[лексеевич], будучи со мной хорошо знакомы, не Вы ко мне приехали от кадет?” – “А потому что, З[инаида] Г[ригорьевна], я не дурак и знал Вас, мне нечего было ехать”».

Раздел воспоминаний, посвященный В.А. Маклакову, завершает описание встречи с ним З.Г. Морозовой в 1917 г.: «Последнее мое свидание с ним было в ресторане “Прага”, где я завтракала. И В[асилий] А[лексеевич] был назначен в Париж послом. Он подошел ко мне, и я его спросила: “Что же, В[асилий] А[лексеевич], будет дальше? С Керенским⁵² у Вас ничего не выйдет”. Он ответил: “Пусть волна жизни кого-нибудь выкинет”. В[асилий] А[лексеевич] спросил меня: “А Вы на автомобиле?” – “Пока да, на автомобиле”. – “Завезите меня в банк”. – “Хорошо”. И мы поехали с ним. Он вез туда свои ценные бумаги, и больше мы с ним не виделись»⁵³.

Записки содержат ценную информацию о взаимоотношениях членов семейного клана Морозовых и близких к ним людей. К их числу можно отнести известного русского врача В.Ф. Снегирева⁵⁴. Причисляя его к кругу своих немногочисленных верных друзей, З.Г. пишет о нем с большой признательностью: «Это был очень колоритный и “русский человек”, со всеми его особенностями, недостатками, гениальностью и вместе с тем с какой-то детской теплотой и сердечностью. Мое знакомство с ним началось с рождения моего первого сына, который родился семи месяцев благодаря моему странному волнению, которое я переживала: разлад Саввы Тим[офеевича] с его отцом⁵⁵ и уход С[аввы] Т[имофеевича] с фабрики⁵⁶, где он так хорошо работал. И в тот вечер, когда С[авва] Т[имофеевич] поехал просить прощения у отца после моих слез – а я же плакала пять дней об этом, молила С[авву] Т[имофеевича], – у меня от страшного волнения родился Тима...»⁵⁷

Влад[имир] Фед[орович] боялся, как бы не было у меня заболевания, назначил сильную дезинфекцию, которую я плохо перенесла. У меня сделался страшный озноб – температура 40 гр[адусов]. Попросили ко мне профессора А.А. Остроумова⁵⁸, который был наш сосед, большой мой друг, который сказал, что у меня отравление, бранил Влад[имира] Фед[оровича], который был очень огор-

⁵¹ Долгорукий – Долгоруков Павел Дмитриевич (1866–1927) – князь, председатель ЦК партии кадетов.

⁵² Керенский Александр Федорович (1881–1970) – юрист, один из лидеров партии социалистов-революционеров; министр, затем премьер-министр Временного правительства, верховный главнокомандующий.

⁵³ В.А. Маклаков жил за границей с 1917 г.

⁵⁴ Снегирев Владимир Федорович (1847–1916) – врач, один из основоположников отечественной гинекологии.

⁵⁵ Морозов Тимофей Саввич (1823–1889) – купец 1-й гильдии, владелец и председатель правления Никольской мануфактуры.

⁵⁶ Ссора, за которой последовал уход Саввы Тимофеевича с фабрики, произошла в ноябре 1888 г. из-за разногласий по ведению дела на Никольской мануфактуре.

⁵⁷ Морозов Тимофей Саввич (1888–1921) – старший сын Морозовых.

⁵⁸ Остроумов Александр Александрович (1844–1908) – видный русский терапевт.

чен, что он так “пересолил”, и был в отчаянии. Оказывается, не всякий организм переносит сильную дезинфекцию. Я почти год отвратительно себя чувствовала и не могла слышать о Снегиреве.

Будучи на одном обеде, где был Влад[имир] Фед[орович], который ко мне подошел и с его очаровательной улыбкой мне сказал: “А Вы меня очень ненавидите за свое нездоровье?” Я ответила: “Очень”. – “Ну, простите меня!!!” С тех пор мы стали большими друзьями. И когда моя дочь Маша⁵⁹ заболела нервным расстройством, я была в таком отчаянии, что телеграфировала на Кавказ Влад[имиру] Фед[оровичу], и он бросил свое лечение, и приехал в Москву, и очень помогал мне пережить этот ужас.

В роду Морозовых уже были заболевания на нервной почве⁶⁰.

В то время в большом купечестве в третьем поколении и четвертом почти во всех семьях были подобные заболевания, именно в тех семьях, где деды создавали большие фабрики и развели большую промышленность. Меня этот вопрос всегда интересовал, и я со своей точки зрения находила, что это произошло от сильного напряжения ума и энергии. Все они вышли из крепостных и создали в 50 лет промышленность в России».

Будучи личностью яркой и неординарной, З.Г. Морозова ценила в людях жизнелюбие, наличие индивидуальности, широту натуры. Именно эти качества и привлекали ее в характере В.Ф. Снегирева. «Он умел хорошо и красиво рассказывать. Его интересовали люди, и он любил людей. В жизни его играли большую роль женщины, но все его романы были неудачные по выбору женщин, какие-то случайные... Любил он хорошо покушать и выпить, и, когда на него находило такое, я его бранила, говоря ему, что он не бережет свое здоровье, а он мне отвечал: “Вы, мой друг, к себе суровы и к другим”».

Особые, доверительные отношения связывали Зинаиду Григорьевну со Снегиревым до конца его жизни. В записках содержатся малоизвестные факты биографии знаменитого русского медика, которые, на наш взгляд, заслуживают внимания. Так, З.Г. пишет: «Влад[имир] Фед[орович] был очень талантливый человек, много видел народу и вел записки (которые, к сожалению, погибли после его смерти...).

Последний год он плохо себя чувствовал, у него было сильное похудение, и он все говорил: “У меня начинается рак”. Умер он у себя на даче на Оке, уехал туда уже больным на Рождество на две недели и уже не вернулся в Москву. Я его очень уговаривала не ехать. Было очень холодно, да и поезда туда [не] ходили». Вспоминая о нем, З.Г. Морозова отмечает, что он был близок знаком с Л.Н. Толстым⁶¹, интересно и образно о нем рассказывал, так как некоторое время жил в Ясной Поляне, куда был приглашен для проведения операции Софье Андреевне⁶². К сожалению, глава записок, посвященная Снегиреву, обрывается на эпизоде его приезда к Морозовой в имение “Горки” Подольского уезда Московской губернии. З.Г. пишет: “Я так ясно помню его последний приезд ко мне в Горки⁶³ (где скончался Ленин⁶⁴). Я послала за ним автомобиль, но он, оказалось, не любил автомобилей и боялся быстрой езды. А так как я любила быструю езду, то

⁵⁹ Маша – Морозова Мария Саввишна (1890–1934) – старшая дочь С.Т. и З.Г. Морозовых, участвовала в благотворительной деятельности вместе с матерью. После 1917 г. работала в отделе культуры Наркомпроса. В 1933 г. была помещена в психиатрическую больницу.

⁶⁰ Душевнобольные были по линии матери С.Т. Морозова, Марии Федоровны (урожд. Симоновой) (1830–1911).

⁶¹ Толстой Лев Николаевич (1828–1910) – всемирно известный русский писатель, драматург, критик, общественный деятель.

⁶² Толстая Софья Андреевна (урожд. Берс) (1844–1919) – жена Л.Н. Толстого. В.Ф. Снегирев делал ей операцию 3 сентября 1906 г. в имении Толстых “Ясная поляна” Тульской губернии.

⁶³ Эта усадьба принадлежала З.Г. Морозовой в 1909–1917 гг.

⁶⁴ Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) – председатель СНК РСФСР (1917–1922) и СССР (1922–1924). С 1918 по 1924 г. длительное время жил и работал в Горках, умер 21 января 1924 г.

шофер ехал быстро. Влад[имир] Фед[орович] просил ехать тише, шофер поехал средним ходом, но Влад[имир] Фед[орович] и такого хода не выносил...” Вероятно, эта встреча состоялась не ранее 1913 г., когда в Горках в основном была завершена реконструкция архитектурно-паркового ансамбля усадьбы, которую З.Г. приобрела в 1909 г. и куда любила приглашать близких друзей.

Воспоминания З.Г. Морозовой содержат также сведения о ее взаимоотношениях с А.А. Остроумовым, видным русским терапевтом, хорошо осведомленным о коллизиях ее личной жизни. Невольно сравнивая его с В.Ф. Снегиревым, она замечает: «Остроумов Алекс[андр] Александ[рович] был совершенно другого типа человек по манере себя держать, скорее резкой и даже временами грубой... Ко мне он относился трогательно, называл меня всегда “Зинаидой”⁶⁵.

... Это был русский самород[ок], талантлив, умен и, при грубых манерах, великой души человек. Я не говорю о его учености, но что у него было поразительно, это великое понимание психологии больного.

Последнее наше свидание с ним было очень печальное. Он был совсем умирающий, а я тяжело переживала свою личную драму...⁶⁶

Я была счастлива в жизни своими друзьями, и я много видела к себе сердечности».

В этом разделе записок автор, между прочим, упоминает об обстоятельствах развода со своим первым мужем: «Я так ясно помню, когда я начала разводиться с Сер[геем] Вик[уловичем] Морозовым, первым моим мужем, с которым мы расстались друзьями. Он очень меня любил, но всегда мне говорил: “Я тебе не пара”. Он был немного странный человек, и я его любила как друга, и, видя, как ему тяжело со мной расстаться, я его очень жалела. Когда началась моя любовь к Савве Тимофеевичу, мы с Сер[геем] Вик[уловичем] были в Крыму. Мне было 18 лет, и я, не будучи плаксивой, целые дни плакала и не знала: решаться ли мне на развод.

... Я помню, я сидела у окна (жили мы в Алупке). Там же жил А.А. Остроумов и в этот день уезжал в Москву. Тогда ехали на лошадях до Сев[астополя] или Симф[ерополя]. К дому, где мы жили, подъехала коляска, запряженная четверней. Выходит из нее А.А. Остроумов (он уезжал со своей женой), в руках у него букет дивных роз, который он несет как-то боком, входит ко мне и говорит: “Все ревешь... На цветы...”

Он знал мою драму и понимал, что в то время “развод” не шутка».

Значительное место в записках З.Г. занимают воспоминания о Л.Н. Толстом, по-своему интересные и, на наш взгляд, содержащие попытку современницы великого писателя осмыслить его философские искания и одновременно сопоставить их с обстоятельствами его личной жизни. Возможно, толчком для написания этого раздела мемуаров послужили публикации в многоотомном собрании сочинений писателя его дневников и выход в свет книги “Воспоминания о Толстом” А.Ф. Кони. З.Г. Морозова пишет: «Прочла “Воспоминания о Толстом” Кони⁶⁷, и у меня окончательно выяснилось в голове мое впечатление о Льве Ник[олаевиче]. Кони перед ним благоговел, и, конечно, нельзя не благоговеть перед таким гением.

Но последние годы жизни Толстого на меня производят грустное впечатление и деланное. Все его непротивление злу нахожу хуже упадка Духа и сознанием ухода Великого Творчества. И я на днях, прочитавши записки о нем Кони, убедилась, что я права. А Кони пишет выдержки из его разговора с ним и верит

⁶⁵ В святцах З.Г. Морозова была записана “Зиновией”.

⁶⁶ Вероятно, З.Г. Морозова имеет в виду скандал вокруг отставки с поста московского градоначальника ее третьего супруга А.А. Рейнбота, обвиненного в казнокрадстве.

⁶⁷ Кони Анатолий Федорович (1844–1927) – юрист, судебный и общественный деятель, автор воспоминаний и статей о Л.Н. Толстом. Сборники его мемуаров под общим названием “На жизненном пути” издавались в 1912–1929 гг.

в их искренность. А мое впечатление, что всепрощение Толстого к Софье Андреевне неискренне. Может быть, он и старался так думать, но это было искусственно. И его кротость к ней – тут он в своем дневнике⁶⁸ пишет другое. И потом, если он взял на себя, как подвиг, сносить безумие С[офьи] А[ндреевны], то надо было бы терпеть и нести как подвиг, а не бежать с целой свитой людей из дома...⁶⁹ И тем более, он был уже стар, и ему недолго осталось жить.

Я видела один раз в жизни Толстого, и он на меня произвел какое-то тяжелое впечатление. Это было у них в Москве, в их доме⁷⁰. Мой муж Савва Тимофеевич был товарищ по университету с его сыном Серг[еем] Льв[овичем]⁷¹, и мы поехали к Толстым. Софья А[ндреевна] очень была со мной любезна. Я была очень молода. У меня было тогда двое уже детей, и С[офья] А[ндреевна], представляя меня Льву Ник[олаевичу], сказала: “Она такая прекрасная мать!”

Лицо Льва Ник[олаевича] мне понравилось, а в особенности глаза, недобрые* и какие-то испытующие. Я так внимательно на него смотрела и думала, что не помню, что он сказал в ответ С[офье] А[ндреевне]. Конечно, я благоговела перед Толстым и так была поражена его недобрим лицом, что не могла ему сказать...

С[офья] А[ндреевна] нас звала в Ясную⁷² к ним приехать, но мы как-то не собрались, и я больше Л[ьва] Ник[олаевича] не видела.

На мой взгляд, Л[ев] Ник[олаевич] – страстный человек, и это “непротивление злу” было не по нем. Все это было искусственно, и зачем он себе навязал, при его гениальности, я не понимаю. От того, что он чувствовал, что Творчество, которое у него было, уже уходит от него, или у него сделалась мысль под старость уйти в философию? Для философии он был слишком страстным человеком. Его отношение к Богу было под конец жизни как-то смутно. У него был какой-то свой Бог, и Евангелие он не признавал все. А Евангелие, по-моему, в тех словах, которые сказал Христос: “Да любите друг друга!”

Толстой понимал все хорошие чувства, но больше умом, чем чувством. А его “непротивление злу” только еще больше разводило зло, так как оно было какое-то искусственное, а не произошло от доброты и кротости. Но ему все простилось за то, что он так мучительно жил душой, борясь со своими недостатками, и, при всем могуществе своей природы, не мог их победить. Он был замучен самим собой. Он был этим всем слаб и был тем слаб, что не мог победить себя».

С иными чувствами и настроением дает З.Г. Морозова портрет еще одного выдающегося современника, А.П. Чехова⁷³. Она вспоминает: «Знакомство мое с А[нтон]ом Пав[ловичем] Чеховым было в Художест[венном] театре, мы сидели с ним рядом в 1-м ряду. Шла пьеса “Когда мы воскресаем?”⁷⁴ с О.Л. Книппер. А[нтон] Пав[лович] был, говорят, в нее влюблен. Он, видимо, с удовольствием на нее смотрел. Она в то время была интересная женщина, веселая, здоровая. Потом я встречалась с А[нтон]ом Пав[ловичем], но никакого впечатления он на меня не производил.

⁶⁸ Вероятно, З.Г. Морозова имеет в виду “Дневник Л.Н. Толстого”, который стал публиковаться в его Полиом собрании сочинений (90 томов), издававшемся с 1928 г.

⁶⁹ Речь идет об уходе Толстого из Ясной Поляны в 1911 г.

⁷⁰ Дом толстых в Долгом Хамовицком переулке в Москве, где Л.Н. Толстой останавливался в 1882–1909 гг.

⁷¹ Толстой Сергей Львович (1863–1947) – старший сын Л.Н. Толстого, автор книги “Очерки былого” (М., 1949).

* Так в тексте.

⁷² Имение Толстых “Ясная Поляна”.

⁷³ Чехов Антон Павлович (1860–1904) – русский писатель и драматург; с начала 1890-х годов был близок с С.Т. Морозовым; в 1902 г. совершил вместе с ним путешествие в имение “Всеволодо-Вильво” Пермский губернии; с 1901 г. – муж О.Л. Книппер.

⁷⁴ Речь идет о пьесе Лоны Гессель “Когда мы, мертвые, пробуждаемся?” (1900), где О.Л. Книппер играла роль Майи.

Я была большая поклонница его таланта, и я его узнала и поняла как человека, когда он с О[льгой] Л[еоновной] приехал к нам в Покровское Звенигород[ского] уезда, чтобы посмотреть дачу, которая продавалась. Ему А.А. Остроумов сказал: “Вот что, Антон, тебе переезды из Крыма в Москву очень вредны, и ты лучше живи в Звенигород[ском] уезде. Он по климату и по красоте хорош. Купи себе легкую шубу, и будет чудесно”.

Приехал к нам в Покровское Ан[тон] Пав[лович] в июне (за год до его смерти)⁷⁵. Он имел очень больной и усталый вид, был страшно худ. Сначала он был со мной очень застенчив, но потом он стал понемногу отходить. И так как я и Ан[тон] Пав[лович] – мы оба – рано вставали, то стали пить кофе внизу на террасе, и он ко мне привык. Он был, вообще, очень грустен, и я его спросила: “Отчего Вы, А[нтон] П[авлович], так грустны?” Он ответил: “А знаете, Зин[аида] Гр[игорьевна], я не знаю, что писать. То, что я писал раньше, теперь – не время, а что писать – я не знаю!!!”

После кофе мы обыкновенно переходили в большую комнату, садились с ним на угловой диван, который был широкий и с массой подушек, и, сидя, на диване, А[нтон] П[авлович] каждый раз говорил: “А знаете, Зин[аида] Гр[игорьевна], если бы у меня был такой диван, я бы сидел на нем целый день и думал”. Говорили мы с ним обо всем и отлично друг друга понимали. Часов в 11 выходила О[льга] Л[еоновна], садилась к нам. И, видимо, ей было скучно слушать наши разговоры, вступала в наши разговоры, на что ей отвечал А[нтон] П[авлович]: “Ну, Дуся, оставим говорить тебе. Все, что мы говорили, неинтересно...” О[льга] Л[еоновна] весело снималась с места и уходила.

Более неподходящих друг к другу людей я в жизни не видала. А[нтон] П[авлович] был воплощением духовной тонкости, с прозрачной душой и тонким восприятием, а О[льга] Л[еоновна] была олицетворением реальной веселой жизнерадостности, ни над чем не задумывалась, а просто жила и радовалась, что **она живет!!!**

А[нтон] П[авлович] не поехал смотреть дачу. О[льга] Л[еоновна] ездила одна, и, когда она вернулась оттуда, мы обедали в липовой аллее. Был жаркий день. Он ничего не кушал, был очень нервен, и, когда приехала О[льга] Л[еоновна], она села на скамейку и сказала: “Знаешь, Антон, удачная дачка: на высокой горе и прекрасный вид...” А[нтон] П[авлович] вскочил с места и начал бегать вокруг стола и говорить: “А тебе не пришло в голову, как я один, больной, от доктора в семи верстах, занесенных снегом, буду там жить?” И убежал во флигель, где они остановились».

Сомневаясь в отдельных фактах и, видимо, собираясь уточнить их, З.Г. оставила в своей рукописи ряд пропусков. Она пишет: “А[нтон] П[авлович] очень любил Звенигородский уезд, он, будучи студентом, по летам работал в больнице, которая была близ Воскрес[енска]⁷⁶, и очень был дружен с семьей —^{2*}, и он написал пьесу “Три сестры” и наблюдал жизнь военных, которые стояли в —^{2**}”. Записи Зинаиды Григорьевны наряду с общеизвестными фактами биографии А.П. Чехова содержат сведения, не введенные до настоящего времени в научный оборот. Так, вспоминая о неудачной попытке писателя приобрести дачу в Звенигородском уезде, она сообщает: “Когда у А[нтон] П[авловича] с дачей ничего не вышло, мы с Саввой Тим[офеевичем] решили перенести нашу дачу⁷⁷ (которая была недалеко от нашей фабрики и где мы все перехворали лихорадкой, и переехали в Звенигородский уезд, который считался не малярийным) для А[нтон] П[авловича], и он должен летом жить у нас на этой даче в Покровском”.

⁷⁵ Вероятно, А.П. Чехов посетил Покровское в 1903 г.

⁷⁶ А.П. Чехов работал в Чикинской земской больнице под Воскресенском (ныне Истра) в 1884 г.

^{2*} Так в тексте.

⁷⁷ Вероятно, речь идет о даче Морозовых в Киржаче Владимирской губернии.

Интересны и впечатления Зинаиды Григорьевны о ее последней встрече с А.П. Чеховым. Она пишет: «Весной я ездила за границу, и, когда вернулась, мне сказали, что А[нтон] П[авлович] очень плох и его везут за границу. Я поехала его навестить. Жил он с О[льгой] Л[еоновной] и своей сестрой⁷⁸ в Леон[тьевском] переулке⁷⁹, в очень неудобной квартире в 4-м этаже, по холодной лестнице.

Ко мне вышла О[льга] Л[еоновна] и сказала, что А[нтон] П[авлович] плохо себя чувствует и едва ли выйдет. Я просила ему передать, что очень хочу его видеть. И как только О[льга] Л[еоновна] ему сказала, что я приехала, он выбежал из соседней комнаты и стал быстро ходить по комнате, и первые его слова были: “А знаете, З[инаида] Г[ригорьевна], я очень болен, и меня посылают доктора за границу”. – “И напрасно! Приезжайте к нам в Покровское. Для Вас перенесли дачу. Стоит она чудесно, на крутом берегу Истры, масса солнца, и Вы у нас отдохнете!” На это он ответил: “Я очень, очень болен” и “А как поживают дети? И “Белый грибок” (так он называл мою дочь Елену⁸⁰)?” – “Да все Вас ждут в Покровское!” Он опять сказал: “Я очень болен” – и убежал в свою комнату. Это было мое последнее свидание с ним...»

В воспоминаниях Зинаиды Григорьевны немало трогательных деталей, дополняющих для нас образ А.П. Чехова. «Я помню, – пишет она, – как он сидел и удил рыбу у нас в Покровском, а рядом с ним стояла и тоже удила рыбу наша англичанка. Она не говорила по-русски, а он не говорил по-английски. И они только улыбались друг другу.

А[нтон] П[авлович] был очень застенчивый человек. Меня просил [познакомить с ним] наш священник, очень милый и развитый. Ранее он был дружен с бывшим владельцем Покровского, с Голохвастовым⁸¹, который в его развитии играл большую роль. Голохвастов был попечителем Моск[овского] ун[иверситета] и человек образованный. Я ответила отцу Гавриилу, что “переговорю с А[нтоном] П[авловичем] о Вас”. А[нтон] П[авлович] сказал: “Пусть зайдет”. И когда отец Гавриил пришел и робко сел против А[нтон] П[авловича], меня зачем-то вызвали, и когда вернулась, то они оба молчали. Я сказала: “Ну, поговорим!” И стали втроем разговаривать.

Последнюю зиму перед смертью А[нтон] П[авлович] жил в Москве. Был чудесный зимний день. (Я очень любила морозы.) Я поехала к А[нтону] П[авловичу] в Леонтьевский переулок и, проезжая Петровск[ие] [линии], в магазине Носова увидела чудесную красную камелию, заехала в магазин и просила мне срезать цветы этой камелии. Я взяла красивую вазу, воткнула в нее камелии и поехала к А[нтону] П[авловичу].

Когда я приехала к нему, он сидел на диване. Окно комнаты выходило на запад, было солнечно и красиво. Я поставила на стол цветы. А[нтон] П[авлович] был, видимо, доволен, но сказал: “Ну зачем для меня такие цветы?” Потом сказал: “А, З[инаида] Г[ригорьевна], я думаю уехать в Ниццу”. Я ответила: “И хорошо сделаете! Зима очень холодная, Вам тяжело выходить, и Вы сидите без воздуха”. – “Нет, я, главное, еду из-за людей. У меня там друзья...”

Наш разговор перешел на постановку его пьесы “Вишневый сад”, которую в то время ставил Худ[ожественный] театр, и А[нтон] П[авлович] был недоволен его постановкой. В это время вошла О[льга] Л[еоновна], которая вернулась с репетиции очень раздраженная, и когда вышла, А[нтон] П[авлович] сказал: “А знаете, я больше пьес писать не буду – они (Х.Т.⁸²) меня не понимают”. Вся

⁷⁸ Чехова Мария Павловна (1863–1957) – сестра А.П. Чехова, педагог и художница.

⁷⁹ Перед отъездом за границу в 1904 г. А.П. Чехов останавливался в д. № 24 по Леонтьевскому переулку.

⁸⁰ Морозова (в замужестве – Стукен) Елена Саввишна (1894–?) – младшая дочь Морозовых.

⁸¹ Вероятно, Голохвастов Павел Дмитриевич (1839–1892) – писатель, служил мировым судьей, затем управляющим железным заводом, вел переписку с Л.Н. Толстым.

⁸² Московский Художественный театр.

постановка ему очень не нравилась. Ему все [виделось] в большем масштабе, а у них много вышло мезансцен.

У А[нтон] П[авлович] было какое-то предчувствие большого переворота в России. И “Вишневы сад” – было что-то мистическое. “Старый сад” вырублен... А как будет “новый сад”? А[нтон] П[авлович] чувствовал, но не понимал, и это его безумно мучило, и его слова “Я не знаю, что писать!” были трагичны.

А[нтон] П[авлович] был великой души и чуткости. Когда мы с ним сидели при закате в его комнате, колокола звонили к вечерне... А[нтон] П[авлович] сказал: “А знаете, З[инаида] Г[ригорьевна], я не могу равнодушно слушать церковный звон. Я вспоминаю свое детство, как я с няней ходил в церковь к заутрене. А в пасхальную ночь я и теперь иду на Москворецкий мост, где по реке разливаются звон сорока-сороков. Вот и все, что у меня осталось от Религии...”

Я помню, что после чествования А[нтон] П[авловича] в Худ[ожественном] театре он плохо себя чувствовал и сидел на сцене в кресле, имел грустный вид, и, как-то, душа его отсутствовала. Видимо, он не хотел этого чествования и терпеливо ждал, когда оно кончится».

Близость Морозовой к театрально-художественному миру Москвы во многом обусловила ее выбор в определении круга персоналий мемуаров. Рассказ о наиболее ярких представителях артистической среды рубежа веков она начинается с повествования о встречах с Г.Н. Федотовой⁸³. Эту часть рукописи, судя по всему, автор начала перерабатывать, о чем свидетельствуют два варианта одного и того же текста. Данный обзор включает в себя наиболее удачные, на наш взгляд, отрывки из обоих вариантов.

Морозова пишет: «Гликерия Ник[олаевна] Федотова, артистка Малого театра, была моим другом. Когда она не любила, то была остра на язык. Она ко мне очень мило относилась и любила быть в Худ[ожественном] театре в нашей ложе, которая считалась за нами (литерная) ввиду того, что Савва Тим[офеевич] помог и помогал Худ[ожественному] театру, который сначала находился —^{3*}, а потом Савва Тимофеевич Худ[ожественному] театру реставрировал театр, ранее служивший опереттой, в Камерг[ерском] пер[еулке] и помогал театру, который было не под силу держать Станиславскому⁸⁴ и Немировичу⁸⁵.

Гликерия Николаевна была у меня в ложе, а напротив была также литературная ложа театральная, в которой сидели Шаляпин⁸⁶ и Горький⁸⁷. Гликерия Ник[олаевна] и говорит мне: “Посмотри, напротив сидят два мужичка – Шаляпин и Горький”.

Я у Глик[ерии] Ник[олаевны] бывала довольно часто, и она меня всегда угощала малинной смоквой, и, как только я входила в комнату (жила она тогда в маленьком особнячке где-то на Арбате⁸⁸) и, сейчас же она кричала: “Тетя Саша⁸⁹, подай З[инаиде] Г[ригорьевне] смоквы, она ее любит”.

... Последнее время она переехала на Чистые пруды⁹⁰ и уже лежала в посте-

⁸³ Федотова (наст. фамилия Позднякова) Гликерия Николаевна (1846–1925) – драматическая актриса. С 1862 по 1905 г. была в труппе Малого театра.

^{3*} Так в тексте.

⁸⁴ Станиславский (наст. фамилия Алексеев) Константин Сергеевич (1863–1938) – режиссер и артист, один из создателей и руководителей Московского Художественного театра.

⁸⁵ Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858–1943) – беллетрист, драматург, режиссер, театральный деятель, один из основателей и руководителей Московского Художественного театра.

⁸⁶ Шаляпин Федор Иванович (1873–1938) – русский певец, талант которого в полной мере раскрылся в частной опере С.И. Мамонтова.

⁸⁷ Горький (наст. фамилия Пешков) Алексей Максимович (1868–1936) – русский, советский писатель.

⁸⁸ Г.Н. Федотова жила некоторое время в 1-м Малом Николопесковском переулке.

⁸⁹ Тетя Саша – экономка Г.Н. Федотовой.

⁹⁰ Сведений о проживании Г.Н. Федотовой на Чистых прудах найти не удалось. Возможно, З.Г. Морозова ошибается. В период с 1889 по 1891 г. Федотова проживала в д. № 4 по Большому Патриаршему переулку, близ Патриарших прудов, а позднее – в д. № 21 по Леонтьевскому переулку.

ли, но ум и голова у нее были свежи, и она меня журила: “Забыла, забыла старуху, а я скоро умру”.

... Один раз, когда я к ней приехала, у нее сидел ее знакомый, и, когда он ушел, она и говорит: “Это был один мой хороший знакомый. Он еврей. А знаешь, он очень хороший человек, и уж если еврей – хороший человек, он – очень хороший, а русский человек – и хороший, а со всячинкой”.

Я очень любила у нее бывать, но, ввиду множества знакомств, мне это удавалось не часто.

К сожалению, я не была на ее похоронах, была нездорова.

На сцене я видела последний раз, когда она играла царицу в “Самозванце”. Это был какой-то юбилейный спектакль, и это был последний ее выход⁹¹. ... Я не буду писать о том, какая она большая артистка, об ней говорили: “недотрога” Малого театра. Она была настоящей русской женщиной, говорила настоящим русским языком и очень образно...»

Особое место в воспоминаниях отводится Московскому Художественному театру, в деятельности которого немаловажную роль играли морозовские капиталы. При этом свежесть первых ярких впечатлений от творческих новаций актеров МХТ перемежается в записках с оценочными характеристиками, сформировавшимися у Зинаиды Григорьевны по прошествии времени.

«Я знала весь Худ[ожественный] театр, – пишет она. – Мне сказали, что очень больна Мар[ия] Пет[ровна] Лилина⁹². Большая и талантливая артистка. Я помню, как они чудесно играли с Кон[стантином] Серг[еевичем]⁹³. И как она была хороша в “Трех сестрах”⁹⁴, где она играла на какой-то репетиции в Х[удожественном] т[еатре]!»

Я была большая поклонница Качалова Вас[илия] Ив[ановича]⁹⁵. Помню мое первое с ним знакомство. Он только что был принят в Худ[ожественный] театр. Мы сидели с ним рядом на какой-то репетиции в Худ[ожественном] т[еатре]. Он был застенчивый человек, а я ему пророчила блестящую будущность. Я очень его любила как артиста. В нем нет никакой пошлости, какая-то удивительная **простота**, что редко бывает у актера, и я ему как-то сказала: “Вы, Вас[илий] Ив[анович], в своей игре дошли до **Великой простоты**”. Какое у него было обаяние! Я много видела в своей жизни больших артистов, но то, что было в Качалове, ни у кого не было, и у него была такая скромность всю жизнь.

Москвин⁹⁶ – талантлив, талантлив, и в “Федоре”⁹⁷ он – просто великолепен. Никто лучше его не сыграет, не передаст такую сложную роль! Никто после него не сможет... И меня трогает его передача “чистоты души” Федора, и у него Федор понимает то, что “**выше жизни**”. Я не говорю о всех его ролях, он везде хорош, но Федор, по своей тонкости, выше всех его ролей. [Вот] кого я очень любила и жалею, что он уехал из России⁹⁸. Как он играл Хлестакова!⁹⁹ Так просто и так велико! И как он бесподобно говорил, обращаясь к портрету Государя: “Я ему скажу!”

⁹¹ Г.Н. Федотова оставила сцену в 1905 г. по болезни. В 1912 г. по случаю 50-летия своей сценической деятельности она исполнила роль царицы Марфы в юбилейном спектакле по пьесе А.Н. Островского “Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский”.

⁹² Лилина (в замужестве Алексеева) Мария Петровна (1866–1943) – актриса МХТ, жена К.С. Станиславского.

⁹³ К.С. Станиславский.

⁹⁴ “Три сестры” – спектакль МХТ по одноименной пьесе А.П. Чехова, поставленный в 1901 г.

⁹⁵ Качалов (наст. фамилия Шверубович) Василий Иванович (1875–1948) – актер, в труппе МХТ с 1900 г.

⁹⁶ Москвин Иван Михайлович (1874–1946) – артист МХТ.

⁹⁷ “Царь Федор Иоаннович” – спектакль МХТ, поставленный в 1898 г.

⁹⁸ И.М. Москвин в период с 1917 по 1925 г. гастролировал за границей, затем вернулся в Россию.

⁹⁹ Главный герой комедии Н.В. Гоголя “Ревизор”.

Худ[ожественный] театр в свое время был как сотканный чудесный ковер, из которого нельзя вынуть ни одну нитку. Последнее время он был не тот. Уже гармонии в нем не было, уже Владимир Ив[анович]¹⁰⁰ не чувствовал той поэзии, которая была у Кон[стантина] Серг[еевича]¹⁰¹, а был реализм, и все обаяние в театр пропало.

У Станиславского были, конечно, ошибки. В особенности это сказывалось в пьесах А.П. Чехова. По-моему, Кон[стантин] Серг[еевич] не чувствовал Ан[тона] Павл[овича], который вообще, я считаю, не был во многом понят. А[нтон] П[авлович] мне говорил после постановки “Вишневого сада”¹⁰², что он больше писать не будет, что они его плохо понимают. “Вишневый сад”, по-моему, это лучшая его вещь, где много было почти Пророчества, и его нельзя было так понимать, как понял его Худ[ожественный] театр. Во время постановки “Вишневого сада” А[нтон] П[авлович] очень волновался и был недоволен и игрой и постановкой и все мне повторял: “А я пьесы больше писать не буду!!!”»

Галерею ярких портретных характеристик театральных деятелей России дополняет не менее колоритный образ Ф.И. Шаляпина, с которым З.Г. Морозова поддерживала дружеские отношения с конца 90-х годов XIX в. О начале их знакомства она вспоминает: «Когда мы выстроили наш дом на Спиридоновке, то мы решили сделать новоселье, бал-концерт, и мне очень хотелось пригласить Шаляпина, который пел в опере Саввы Ив[ановича] Мамонтова. Я просила С[авву] Ив[ановича] познакомить меня с Шаляпиным и что я хочу его пригласить ко мне.

С[авва] Ив[анович] мне сказал: “Прекрасно, приезжай в оперу, он сегодня поет “Игоря”¹⁰³, и я его Вам представлю”. Я поехала в оперу, и в антракте С[авва] Ив[анович] меня позвал за кулисы, куда пришел Шаляпин в белой рубашке русского костюма, в котором он играл “Игоря”. И когда меня С[авва] Ив[анович] с ним познакомил, то я ему сказала: “Фед[ор] Ив[анович], я Вас очень прошу прийти к нам на новоселье, и, может быть, Вы что-нибудь споете!”

Фед[ор] Ив[анович] очень сконфузился и сказал: “Ведь у Вас вся Москва! Смогу ли я хорошо спеть?” На это я ответила: “Споете Вы чудесно!” О цене я с ним не говорила и решила ему подарить золотой портсигар с бриллиантовым вензелем...

Когда он к нам приехал, то спросил меня: “Я хочу спеть “Сапоги” (“Ай, Матрена, ай, Матрена, ты подари мне сапоги...”), это ничего?” Я сказала: “Все, что Вы споете, будет прекрасно”.

Потом у нас были прекрасные простые отношения, он приезжал ко мне за просто и пел как райская птица у меня в будуаре.

Он был прекрасный собеседник, умел слушать, если ему что-нибудь рассказывала. Обедал у нас запросто, и я помню, раз он приехал, а я лежала у себя в будуаре, и у меня болела нога (я подвернула ее), и обедать идти в столовую мне было трудно. Он сказал, что он меня донесет. Я думала, что он шутит. Вдруг он схватил меня и понес.

У меня был большой благотворительный вечер в доме и был Фед[ор] Ив[анович], и когда все разъехались (и остались только близко мне знакомые), то на эстраду вышел в цилиндре Фед[ор] Ив[анович] и начал танцевать краковяк. Это было так элегантно и красиво.

Я много в своей жизни видала народу, но такого гениального человека я не видала, как Фед[ор] Ив[анович]. Он все делал и понимал чудесно.

¹⁰⁰ Имеется в виду В.И. Немирович-Данченко.

¹⁰¹ Речь идет о К.С. Станиславском.

¹⁰² Постановка пьесы А.П. Чехова “Вишневый сад” состоялась в 1904 г.

¹⁰³ Речь идет об опере А.П. Бородина “Князь Игорь”, где Ф.И. Шаляпин исполнял партию Галицкого.

Один вечер у меня был Павел Тучков¹⁰⁴ – милый человек, который пел цыганские романсы и заставлял Фед[ора] Ив[ановича] петь под гитару. Фед[ор] Ив[анович] очень мило ломался, тот на него кричал: “Ты, Федор, поешь как сапожник!”, а Фед[ор] Ив[анович] отвечал: “Прости, Паша, не умею петь цыганские песни”.

Тучков был из знаменитой семьи Тучковых. Очевидно, у них кто-то был женат на восточной женщине, так как П[авел] Ал[ександрович] Тучков был совершенный тип восточного человека – и по лицу, и по темпераменту.

Фед[ор] Ив[анович] такой был самородок, которые только могут родиться в России. Не получивши никакого воспитания, ни образования, так чувствовать Искусство, как он чувствовал, может только Гений.

... Одно у него было неудачно в жизни – это его женитьбы. Обе его жены¹⁰⁵ его мало понимали, хотя такого человека обыкновенной женщине трудно было понять, и он, мне кажется, очень этим страдал. У него, как и у всех выдающихся людей, было много врагов, и о нем много ходило всяких диких рассказов, но если он и был иногда груб, то это происходило от нервности, от усталости и дерзил...»

Интересно меткое замечание о Л.В. Собинове¹⁰⁶, сделанное З.Г. Морозовой в контексте воспоминаний о Ф.И. Шаляпине: “Знала я и Собинова. Это был с чудесным голосом человек, который он вовсе не берег, а расходовал зря, на ужины, на еду. Совсем себя он не берег, а талант у него был большой, и странно, точно в нем было два человека – один артист, тонкий и поэтичный, а другой – реальный человек, ничего с артистом общего не имевший”.

Завершая обзор, нельзя не отметить, что вводимые в научный оборот записки З.Г. Морозовой-Рейнбот позволяют вполне определенно отказаться от утвердившегося в литературе взгляда на автора мемуаров как на женщину недалекую, буржуазно ограниченную, неспособную понять ни духовных исканий С.Т. Морозова, ни революционных новаций в искусстве и общественной жизни России. Широкий спектр проблем, затрагиваемых ею в воспоминаниях, несмотря на субъективность ее суждений, заставляет нас по-новому и с интересом взглянуть на женщину, которая достойно сумела пройти через все испытания и сохранила яркую индивидуальность и самобытность, а также неординарность в оценке событий, современником которых она являлась. Истинная представительница своего сословия, воспитанная на традициях русской культуры, хотя и сделавшая большой шаг вверх по социальной лестнице, З.Г. Морозова не утратила ни образности и выразительности народной речи, ни понимания истинных общечеловеческих ценностей, столь важного в эпоху социальных потрясений в России.

¹⁰⁴ Тучков Павел Александрович – друг Ф.И. Шаляпина, любитель и знаток цыганской музыки и романса.

¹⁰⁵ Шаляпина (урожд. Ле-Прести, по сцене – Торнаги) Иола Игнатьевна (1873–1965) – первая жена Ф.И. Шаляпина, итальянская балерина, артистка Русской частной оперы. Шаляпина (урожд. Элухен, по первому мужу – Петцольд) Мария Валентиновна – вторая жена Ф.И. Шаляпина.

¹⁰⁶ Собинов Леонид Витальевич (1872–1934) – русский оперный артист, творческая деятельность которого была связана с Большим театром, директор Большого театра (1917–1918).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННОКОВ О С.Ф. ПЛАТОНОВЕ

В наши дни “все более утверждается представление о выдающемся значении творчества” Сергея Федоровича Платонова, прочно вошедшего “в плеяду классиков науки отечественной истории”¹. Важным источником для изучения биографии Платонова являются воспоминания его современников. В РГАЛИ, в фонде “Союз ревнителей чистоты русского языка в Югославии” хранится подборка газетных вырезок² с откликами на известия о смерти С.Ф. Платонова.

В 1919 г. Платонов был арестован, но в тот же день, по личному указанию Г.Е. Зиновьева, выпущен³. Находившийся в Ростове-на-Дону П.Б. Струве (он познакомился с Платоновым во время преподавания на Санкт-Петербургских Высших женских курсах) получил известие о смерти С.Ф. Платонова и М.А. Дьяконова (действительно умершего 10 августа). Струве написал некролог “Два русских историка”⁴.

Новым поводом к распространению слухов о смерти Платонова стали события, связанные с его вторичным арестом ОГПУ в ночь на 12 января 1930 г.⁵ В августе того же года из Парижа стали поступать известия о смерти ученого, побудившие Николая Моисеевича Волковьского опубликовать в рижской газете “Сегодня” от 5 августа 1930 г. статью “С.Ф. Платонов в советской обстановке”⁶. Волковьский познакомился с Платоновым во время работы (в качестве секретаря) в комиссии для изучения и издания документов “российских процессов по обвинению евреев в ритуальных убийствах”, созданной при Наркомпросе РСФСР⁷. Инициаторами создания комиссии были адвокат Г.Я. Красный и И.А. Блинов, заведовавший петроградским архивом Сената, в котором “в изумительном порядке” сохранились дела о процессах с первой четверти XIX в. В возглавляемую С.Ф. Платоновым комиссию вошли как евреи (С.М. Дубнов, Л.Я. Штернберг, Г.Б. Слиозберг, которого затем заменил С.Г. Лозинский), так и христиане (Л.П. Карсавин, В.Г. Дружинин).

Приступившая к работе в начале декабря 1919 г. комиссия подготовила к изданию документы по Гродненскому ритуальному процессу 1816 г. Платонову и Дубнову было поручено написать “историческое введение” к публикации. Паритетное начало, положенное в основу организации комиссии, как “гарантия беспристрастности в подборе материала и его комментировании” на самом деле, по признанию Дубнова, “вносило элементы недоверия”, отсюда, вероятно, и его убеждение, что русские члены комиссии, несомненно, верили, “отчасти”, в ритуальную легенду, но тщательно скрывали это. Мнение Дубнова, очевидно, укрепилось после того, как Платонов “проговорился о возможности существования тайных сект, совсем в духе Костомарова”. Дубнов, однако, признает, что все члены комиссии приняли принцип “историческая наука не признает ритуальной лжи”, но он утверждает, что Платонов пошел на это, как на уступку, “скрепя сердце”⁸.

¹ Шмидт С.О. Сергей Федорович Платонов (1860–1933) // *Он же. Путь историка*. М., 1997. С. 549.

² РГАЛИ. Ф. 2481 (Союз ревнителей чистоты русского языка в Югославии). Оп. 1. Д. 25.

³ Переченко Ф.Ф. Академия наук на “великом переломе” // *Звенья*. М., 1991. Вып. 1. С. 209.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2481. Оп. 1. Д. 25. Л. 32. Платонов был знаком с газетными сообщениями о своей смерти и “оригинальность” такого положения воспринимал с улыбкой. См.: Академическое дело 1929–1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1. С. 287–288.

⁵ Брачев В.С. Сергей Федорович Платонов // *ОИ*. 1993. № 1. С. 122.

⁶ РГАЛИ. Ф. 2481. Оп. 1. Д. 25. Л. 8–10.

⁷ Слиозберг Г.Б. Дела минувших дней. Париж, 1934. Т. 3. С. 21; Дубнов С.М. Книга жизни. Рига, 1935. Т. 2. С. 303, 307–309; Дела и дни. Пг., 1920. Кн. 1. С. 512–513.

⁸ Дубнов С.М. Указ. соч. С. 315.

На основе комиссии впоследствии предполагалось создать еврейский исследовательский центр, но вместо этого в конце декабря 1920 г. она была закрыта⁹, на что Платонов, по свидетельству Волковьского,отреагировал: “Ну что ж? Не понимают. Не всякому дано понимать. Либо мало читали люди в жизни, либо не то читали, что нужно”.

Заслуживают внимания и другие сведения о Платонове, сообщенные Волковьским. Платонову предложили прочитать лекцию в Доме литераторов в Петрограде, на что он, по свидетельству Волковьского, “с едва заметной улыбкой на тонких губах сказал:

– О чем же я могу читать? Теперь интересуются только современностью, а я ведь историк далекого прошлого”.

Он все же согласился прочитать цикл лекций и читал его, “как в университете: ровно 50 минут до перерыва и столько же после него, всегда, с опытностью старого профессора, укладывая в рамки отведенного ему времени все намеченное содержание темы”. Его как лектора отличала «изумительная четкость и точность речи, лишенной внешней орнаментовки, не слишком богатой красками, но насыщенной содержанием, захватывающей “научной образностью” человека, умеющего науку, в ее популярном изложении, подвести до самого порога искусства».

По свидетельству В.Г. Дружинина, одна из лекций Платонова “содержала характеристику царской семьи по личным воспоминаниям”, а другая – была “о сношениях Руси с Западом в XVI веке”¹⁰. Последний раз Волковьский встретился с Платоновым в 1928 г. на торжественном открытии “русской исторической недели” в Берлине. Волковьский подошел к Платонову: “Он сильно поостарел, умное, тонкое лицо было покрыто мелкими морщинами. Нерешительно подавая руку, он вдруг как-то сразу узнал меня, крепче почувствовалось пожатие руки, в глазах пробежали воспоминания. Платонов наклонился почти к самому лицу и тихо спросил:

– Все время живете здесь, в Берлине? Ну, как устроились?

Едва успел я ответить, как воспоминания, пробежавшие из прошлого в мозг, добежали, по-видимому, до момента нашей высылки... Сергей Федорович быстро оглянулся, глаза инстинктивно скосились на стоявшего вблизи Покровского”. Разговор был прерван. Волковьский высказал предположение, что в ОГПУ Платонов говорил “больше о своем миросозерцании, чем о чисто политических воззрениях”¹¹, и оказался прав.

Подлинные известия о кончине Платонова вновь вызвали серию откликов. 1 февраля 1933 г. в Сорбонне состоялось устроенное Русским академическим союзом торжественное собрание, посвященное памяти С.Ф. Платонова и А.А. Кизеветтера. Одним из выступавших был П.Н. Милуков, опубликовавший впоследствии полный текст своей речи¹².

В газете “Сегодня” от 21 февраля 1933 г. появилась заметка Александра Соломоновича Изгоева “Встречи с С.Ф. Платоновым”¹³, в ней автор передает содержание своего разговора с Платоновым, относящегося ко второй половине 1918 г., темой которого были причины крушения русской государственности. В основе этого Платонов усматривал “этнографический фактор”: истощение “государственных сил” русского народа. “Кризис, – говорил он Изгоеву, – будет

⁹ Волковьский пишет, что это произошло потому, что деятельность ее была признана контрреволюционной.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 167 (А.В. и В.Г. Дружинины). Оп. 1. Д. 9. Л. 22об.–23.

¹¹ Волковьский Н.М. С.Ф. Платонов в советской обстановке // Сегодня (Рига). 1930. 5 авг. См.: РГАЛИ. Ф. 2481. Оп. 1. Д. 25. Л. 8–10.

¹² Милуков П.Н. Два русских историка (С.Ф. Платонов и А.А. Кизеветтер) // Современные записки (Париж). 1933. № 51. С. 311–335.

¹³ РГАЛИ. Ф. 2481. Оп. 1. Д. 25. Л. 50–52.

продолжаться и углубляться, пока не создастся новая этнографическая разновидность, способная выделить властвующий класс.

– Откуда же выйдет эта новая этнографическая разновидность? – спросил я его.

– С юга.

– Вы думаете, из Малороссии, т.е. что России предстоит пережить новый украинский период своей истории?

– Нет. Мне кажется, что центром создания этой новой этнографической властвующей народности явится юго-восток: Северный Кавказ, Кубань, Дон, Кавказ. Там имеются прекрасные залежи русского, великорусского этнографического материала. К ним еще подбавятся уральские, кубанские и донские казаки, малороссы, разные кавказские племена, немного армянской крови. Там, мне кажется, работает какая-то этнографическая лаборатория. В ней что-то варится, и я хочу верить, что результатом процесса будет новое племя, которое и восстановит в новой форме русскую государственность. Конечно, произойдет это нескоро. Пред нами десятилетия смуты, жалкого, приниженного существования...”

На смерть Платонова откликнулся и Струве, сначала некрологом в парижской газете “Россия и Славянство” от 21 января 1933 г.¹⁴, а затем статьей “Три стиля русской исторической науки и С.Ф. Платонов” в той же газете от 29 января 1933 г.¹⁵

Вот эти три стиля, – что наметил Струве: “обобщенное изображение”, “исследования”, “социологические построения”. Платонов представлял, по мнению Струве, первый из них наряду с Карамзиным, Соловьевым и Ключевским. У Платонова, писал Струве, было “цельное созерцание исторической жизни России. Это было именно созерцание, а не построение, и притом созерцание, до краев насыщенное живым содержанием, не укладывающимся ни в какие категории отвлеченного общества”. Насыщенность его исторического созерцания была “весьма ровной” вследствие “относительной простоты” (по сравнению с Ключевским) и “замечательной дисциплинированности” его натуры. Если “на душевном дне Ключевского не только непосредственно ощущим, но и исторически распознаваем какой-то народнически-обличительный осадок”, так как Ключевский “в глубине души своей не любил ни власти, ни государства” (Струве сравнивает “Курс русской истории” с “Историей одного города” Салтыкова-Щедрина), то Платонова отличали “духовная свобода и душевная несвязанность”. Комментируя фрагменты этой статьи Струве, Н.И. Ульянов пишет, что Платонов явился создателем “нового духовного климата в научном творчестве”, подобно тому как Чехов выполнял эту роль в отношении творчества художественного. Оба они названы “предтечами русского культурного ренессанса”¹⁶.

Из знакомства с откликами на смерть Платонова становится очевидным, что его высокий авторитет – ученого и человека – в представлении русского зарубежья не поколебался за годы пребывания в Советской России. Характерно в связи с этим высказывание А.А. Кизеветтера, поставившего в заслугу Платонову, что он “не останавливался перед выступлениями против развязной квазинаучной хлестаковщины наших дней” и в работе о Петре Великом “с негодованием обрушился на тех современных писак, которые размалевывают Петра как тупоумного зверя”¹⁷.

Мемуарные свидетельства о Платонове создавались между тем и в Советской России, пример тому – неопубликованные воспоминания “Научные и литературные встречи (1897–1917)” Михаила Константиновича Соколовского – од-

¹⁴ Там же. Л. 32–34.

¹⁵ Там же. Л. 40–45.

¹⁶ Ульянов Н.И. С.Ф. Платонов // Новый журн. (Нью-Йорк). 1977. Кн. 126. С. 190.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 2481. Оп. 1. Д. 25. Л. 23.

ного из организаторов Петербургского Императорского Общества ревнителей истории, в деятельности которого принимал участие и Платонов. “Повсюду, – вспоминал Соколовский, – где речь хоть немного касалась истории, можно было видеть небольшую, плотную фигуру Платонова, глядящего полусмеющимися, полухитрыми глазами сквозь очки”. Речь его была всегда “крайне проста, не вычурна, уснащена цитатами из древних актов”¹⁸. “Платонов, – пишет далее Соколовский, – был человек умный, ловкий, пожалуй, царедворец без золотого мундира и без салонных пируэтов, пожалуй, хитроумный дьяк, в приказах поседельный”¹⁹. Он “выбрал себе кумиром Бориса Годунова и явился ярким его защитником, стремясь снять с него обвинение в убийстве царевича Дмитрия”²⁰, однако Соколовскому жизнь Платонова в Советской России напоминала судьбу не Годунова, а Шуйского...

“Лукавым царедворцем” называли в дореволюционной студенческой среде Платонова, используя выражение, которое сам Платонов любил употреблять в отношении Василия Шуйского, произнося это настолько образно, будто сам перевоплощался при этом в злосчастного правителя России²¹, умершего в окружении недругов, вдали от родных мест.

Е.Р. Куранова

ОБЗОР ЛИЧНОГО ФОНДА АКАДЕМИКА М.В. НЕЧКИНОЙ В АРХИВЕ РАН

Фонд Милицы Васильевны Нечкиной (1901–1985) – видного историка, историографа, педагога и организатора науки – хранится в Архиве РАН (Ф. 1820) с 1985 г., переданный туда по ее распоряжению. Он содержит 940 ед.хр. за период с середины XIX в. по 1985 г. и в целом весьма адекватно отражает ее жизнедеятельность.

Почти все представленные в фонде научные работы М.В. – статьи, монографии, доклады, учебная литература – опубликованы и соответственно учтены в хронологическом указателе ее трудов¹. В связи с этим представляется целесообразным остановиться на тех, которые не имеют в первоначальном своем виде очевидных отсылок к указателю.

Так, к 1920-м годам, когда, собственно, и начинается научная деятельность М.В. (сначала в Казани, затем в Москве), относятся: выступление в исторической секции Ассоциации общественных наук г. Казани «Л. Троцкий как историк: (Место Л. Троцкого в школе экономического материализма. По поводу его книги “1905” и полемики о ней Троцкого с Покровским)», 1923 г. (Д. 1–7л.), статья “Юный П.А. Кропоткин”, [1923] г. (Д. 3–3л.), доклады “Г. Эверс и его значение в русской историографии”, 1924 г. (Д. 4–3л.) и “Промышленная и экономическая политика Великой Французской революции”, 1928 г. (Д. 9–30л.), а также заключительное слово по докладу на секции истории пролетариата в Институте исто-

¹⁸ Там же. Ф. 442 (М.К., Т.О. Соколовские). Оп. 1. Д. 15. Л. 215.

¹⁹ Там же. Л. 214.

²⁰ Там же. Л. 215. Платонов писал Соколовскому 12 апреля 1922 г.: “Моя монография о Борисе Годунове была исполнением нравственного долга пред памятью Бориса, которому история ничем пока не заплатила за его добро” (Там же. Д. 81. Л. 1–1об.).

²¹ См. об этом: *Брачев В.С.* Русский историк Сергей Федорович Платонов. СПб., 1995. Ч. 1. С. 58.

¹ Милица Васильевна Нечкина: Материалы к библиографии ученых СССР. М., 1987. С. 49–100. Краткую характеристику основных групп документов фонда см.: *Куранова Е.Р.* «... когда я буду “великим” человеком... очень пригодятся мои тетради...»: (Из личных дневников академика М.В. Нечкиной) // ОА. 1997. № 5. С. 55–57.

рии Коммунистической академии “Рабочие волнения в связи с реформой 1861 г.”, [1929] г. (Д. 10–5л.).

30-е годы представлены скромнее. Отметим выступление на дискуссии о спорных вопросах пушкиноведения в Союзе советских писателей и статью для журнала “Литературный критик” “К вопросу о Пушкине и декабристах”, 1935–[1937] гг. (Д. 13–92л.). Заслуживают внимания и несколько документов, освещающих события начала 30-х годов, связанные с подготовкой и изданием “Записок декабриста Н.И. Лорера”²: газетная вырезка из “Правды” с фельетоном Г. Рыклина на это издание, несколько писем М.В. в редакцию “Правды”, зав. ОГИЗом А.Б. Халатову, в Институт истории, М.Н. Покровскому и др. (Д. 342–18л.). Сохранилась и собственноручно сделанная М.В. копия письма М.Н. Покровского в ОГИЗ А.Б. Халатову, в котором он отказывается от редакторства:

«Дорогой Артемий Багратионович, маленький обман, учиненный М.В. Нечкиной, кот[орая] получила от Вас мандат на издание “Записок декабриста Лорер[а]” на мое имя как редактора, поставленная, казалось бы, в безвыходное положение моей болезнью, сорвавшей целый ряд подобных моих обещаний, не растерялась и быстро нашла выход в том, что проделала всю редакционную работу сама, от меня независимо, но выпустила книжку все же с моим именем, – наконец, вышел наружу (см. № 46 Правды...)

Я должен сказать, что еще осенью прошлого года, когда я впервые увидел вышедший из печати экзем[пляр], у меня явился целый ряд крайне неприятных для настоящего редакт[ора] сомнений. Но как раз тут разразилась известная история на истор[ическом] фронте, и я не написал ни Вам, ни в газеты. Но фельетон Рыклина вытащил этот эпизод из книги забвения, и, как Вы догадываетесь, я не могу допустить, чтобы мое имя волочилось годами около монархических или буржуазно-либеральных глупостей, которые якобы я как редактор поспешил опубликовать. Нечкина это сделала, на Нечкиной вся честь и слава.

В “Правде” это поняли, и в статье “Правды” мое имя не треплется. Там везде фигурирует имя Нечкиной, но ведь всякий заинтересовавшийся, т.е. всякий историк, не замедлит достать самую книжку, и там он прочтет на титульном листе “Записки декабриста Н.И. Лорера под ред. Покровского”.

Я никогда этих записок не редактировал, глупых нечкинских примечаний и введения не видал и вообще несу за эту книжку (в данной редакции) столько же ответственности, сколько Вы за бомбардировку Шанхая японцами.

Дело это еще можно кончить миролюбиво безо всякой “полемики”. Я напечатаю в газетах короткое сухое заявление – что утверждение тит[ульного] листа, будто я являюсь редактором книжки, совершенно не соответствует действительности. Изв. поместят заметку, что мое имя как редактора помещено по недоразумению: что мое участие как редактора имелось в виду, но болезнь лишила меня возможности исполнить обещание. Можете, если хотите, сказать, что тит[ульный] лист взят со старого клише, сделанного еще в давнее время.

Можно, конечно, сделать иначе – начать “полемику”. Я не хочу ее подымать гл[авным] обр[азом] из-за Нечкиной – мне доказать, что я никакого участия в редактировании не принимал, – раз плюнуть. Но Нечкиной этот ее кунштюк (носящий, конечно, все признаки халтуры) будет стоить всей ее литературной жизни. Кто же после этого станет ее печатать? Правда, как раз “Записки Лорера” показывают, как низко Нечкина пала в качестве историка. Ведь это же уровень П.И. Бартенева. Идти 12 лет к марксизму и потом мирно сесть на кресло редактора б. “Русского Архива”!

Но все-таки губить Нечкину мне жалко, ибо работник она хороший и оказывала нам ценные услуги.

Посылаю Вам копию моего письма в редакцию “Правды” как образчик начала полемики³. Письмо будет отослано, конечно, в том случае, если от Вас получится отрицательный ответ. В противном случае в “Правду” будут посланы лишь два первые абзаца этого

² Записки декабриста Н.И. Лорера / Под ред. М.Н. Покровского. Пригот. к печати и коммент. М.В. Нечкина. М., 1931.

³ В фонде не присутствует.

письма, но это при условии, конечно, что одновременно появится заметка в той же “Правде” от ОГИЗа или Соцэкгиза о происшедшем недоразумении. Так как газеты замедления не терпят, то прошу вас ответить в трехдневный срок, хотя бы по телефону, но от Вас лично, а заявление от ГИЗа или Соцэкгиза должно появиться в течение ближайшей пятнадцатидневки. Письмо в ред[акцию] “Правды” будет отослано 20/II, если я не получу за это время от Вас ответа. С коммунистическим приветом М. Покровский»⁴.

К работам 40-х годов относятся доклады: в Институте истории АН СССР “Почему Россия позже других стран вступила на путь капиталистического развития”, 1941 г. (Д. 17–7л.) и в Институте мировой литературы АН СССР «“Горе от ума” и Союз Благоденствия», к которому приложены записи М.В., сделанные на обсуждении доклада, записки Г.Д. Алексеевой и М.Я. Гефтера и заметки сотрудников института для стенной печати с отзывами о докладе, [1942] г. (Д. 19–17л.). Следует назвать и статьи: “По следам одного затерянного политического стихотворения А.С. Пушкина”, 1947 г. (Д. 23–12л.) и “Софья Фамусова: (К вопросу о толковании роли)”, конец 1940-х годов (Д. 27–22л.).

Многочисленные выступления и доклады характерны для раздела научных трудов в фонде за 50-е годы. Отметим выступления: о периодизации истории капиталистических отношений в России на дискуссии в АОН при ЦК ВКП(б), 1950 г. (Д. 30–11л.), о двух культурах в русской культуре в эпоху капитализма на конференции в Институте истории АН СССР по докладу Н.М. Дружинина “Формирование русской буржуазной нации” с приложением тезисов доклада Н.М. с пометами М.В., 1952 г. (Д. 44–22л.), на заседании сектора истории СССР XIX–начала XX в. Института истории АН СССР “Народ и культура”, [1953] г. (Д. 47–105л.), а также доклады: на сессии Отделения исторических наук АН СССР, посвященной 125-летию со дня рождения Н.Г. Чернышевского, “Русское революционное движение в России 1859–1861 гг. и Н.Г. Чернышевский”, 1953 г. (Д. 48–76л.), на кафедре истории СССР АОН при ЦК КПСС к 300-летию воссоединения Украины с Россией, 1954 г. (Д. 51–37л.), для прочтения на X Международном конгрессе исторических наук в Риме “Основные этапы развития феодализма в России” (совм. с М.Н. Тихомировым и В.И. Шунковым), [1955] г. (Д. 59–81л.), на Ученом совете Института истории АН СССР “Некоторые основные вопросы истории исторической науки в СССР (советской историографии)”, 1958 г. (Д. 71–16л.). Следует также отметить статьи М.В. этого периода: “Данные о деятельности Константина (Кирилла) и Мефодия и о развитии славянской письменности”, [1951] г. (Д. 42–28л.) и “К характеристике мировоззрения декабристов Борисовых: (Ответ П.Г. Рындзюнскому)”, [1956] г. (Д. 63–24л.). Имеется в фонде и лекция для прочтения на Всемирной выставке в Брюсселе “Гуманистические традиции русской культуры”, [1958] г. (Д. 70–67л.), и предисловие к неопубликованному сборнику документов “Декабрист В.Ф. Раевский”, 1959 г. (Д. 74–169л.).

60-е годы отмечены справками для ЦК КПСС и докладами. Июлем 1962 г. датирована справка для ЦК КПСС «О “варяжском вопросе” и о борьбе “норманистов” с “антинорманистами”», к которой присоединена переписка с академиком Б.А. Рыбаковым о “варяжском вопросе” на заседании Отделения истории АН СССР от декабря 1958 г. (Д. 84–49л.), к ноябрю того же 1962 г. относится справка “Советская историческая наука и философия: (К вопросу о социологических обобщениях в советской исторической науке)” с приложением записей, сделанных в ЦК КПСС при получении задания месяцем раньше (Д. 86–49 л.). На русском и английском языках сохранилось сообщение “Декабристы и английские просветители XVIII–начала XIX в.”, 1963 г. (Д. 94–41л.) для прочтения на англо-советской неделе в Лондоне. “Некоторые основные вопросы истории советской исторической науки” освещены в докладе на заседании группы по истории исторической науки Института истории АН СССР, 1963 г. (Д. 95–17л.), “не-

⁴ АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 342. Л. 18, 18об.

которые вопросы историографии народов СССР советского периода” – в докладе для прочтения в Тбилиси на Закавказской сессии научного совета по проблеме “История исторической науки” при Отделении истории АН СССР с приложением записей, сделанных при подготовке сессии, 1964 г. (Д. 100–163л.). К марту–маю 1966 г. относятся выступление на дискуссии в группе по изучению революционной ситуации в России конца 50-х – начала 60-х годов XIX в. “О внутренней периодизации разночинского периода русского революционного движения” с приложением сделанных на дискуссии записей и отзыва Р.П. Конюшей о выступлении М.В. (Д. 104–45л.), доклад для прочтения на XVIII Пушкинской конференции в Пушкинском Доме “А.С. Пушкин и декабристы: (К итогам исследования и нерешенным задачам)” (Д. 105–146л.) и выступление на советско-итальянской конференции в Риме – о русско-итальянских общественно-революционных и культурных связях в XVIII–XIX вв. – с приложением записей, сделанных на конференции (Д. 106–17л.).

70-е годы характеризуют статья “Декабристы и русская культура”, [1974] г. (Д. 137–15л.), предисловие к реферативному сборнику ИНИОН “Зарубежная историография движения декабристов”, 1975 г. (Д. 142–73л.), доклад на конференции в Доме ученых, посвященной 150-летию со дня восстания декабристов, “Декабристы в революционном движении России”, 1975 г. (Д. 147–25л.) и статья “Грибоедов и его эпоха” с пометой М.В. “Отложить! В сб. не пойдет”, 1977 г. (Д. 156–22л.).

К первой половине 80-х годов относятся вводная статья к сборнику статей М.В. “История истории” (“История исторической науки”), 1980–1981 гг. (Д. 161–12л.), статья “Проблема Евгения Онегина в движении декабристов”, [1980] г. (Д. 162–23л.) и выступление на Научном совете по проблеме “История исторической науки” о значении историографии как научной дисциплины, 1984 г. (Д. 164–14л.).

В фонде среди научных работ имеются также лекции, учебники, доклады и статья на педагогические темы за 1921–1980 гг. (Д. 166–185). Отметим относящиеся к 20-м годам лекции “Великие мастера эпохи Возрождения”, читанные в Государственных художественных мастерских Казани, 1921 г. (Д. 166–44л.), и конспекты, заметки, сделанные в связи с подготовкой к лекциям в Художественном и Политехническом институтах Казани, о социологии искусства, политической экономии, историческом материализме, 1921–1923 гг. (Д. 167–395л.).

В 30-е годы М.В. были подготовлены “Принципы построения учебника для средней школы” в форме доклада, 1934 г. (Д. 170–2л.) и “Краткая история СССР (с древнейших времен до XVIII в.)” в форме учебника для VII–VIII классов, планировавшегося к изданию в Соцэкгизе. К последнему приложены письмо М.В. А.А. Жданову о выполнении его совета по написанию учебника и замечания о рукописи редактора Соцэкгиза Жидковой и неустановленного лица, 1934 г. (Д. 171, 172–900л.). Следует также упомянуть план-проспект учебника “Элементарный курс истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории” под заглавием “Крепостная Россия”, планировавшегося к изданию в Учпедгизе, совместно с И.И. Минцем и Э.Б. Генкиной, [1934] г. (Д. 173–12л.).

50-е годы отмечены лекциями М.В. в АОН при ЦК КПСС, ВКШ при ЦК ВЛКСМ, на курсах партийных и советских работников: о развитии русской культуры XIX–начала XX в. и ее мировом значении, по теме “Товарное производство и генезис капитализма в России”, “Буржуазная историография второй половины XIX в.”, “Развитие революционно-демократической историографии”, “Движение Шамиля в советской историографии”, 1950–1956 гг. (Д. 174, 175, 176–439л.).

Из документов этой группы за 60-е годы упомянем доклад в Доме ученых на встрече “ученых-историков с молодыми учеными” “Об опыте научной работы в области истории”, 1960 г. (Д. 181–16л.).

Сохранены в фонде М.В. и ее статьи и выступления, объединенные в подразделе “Научно-популярные и общественно-публицистические работы” за 1937–1982 гг. (Д. 186–200), среди которых к 70-м годам относятся выступление на научной конференции, посвященной Международному году женщин, “Роль женщины во всемирно-историческом процессе на современном этапе”, 1975 г. (Д. 196–11л.) и статья для газеты “Унита” о гарибальдийской реликвии, революционера-шестидесятника Николая Ножина, 1975 г. (Д. 197–19л.). К 80-м годам – вводная статья “Воздух знания” для планировавшегося к изданию научно-популярного журнала “История и современность”, [1981] г. (Д. 199–12л.) и сообщение М.В. для прочтения на сессии ВАСХНИЛ и АН СССР, посвященной задачам науки в реализации Продовольственной программы СССР, о способах посадки картофеля, о борьбе с “полеганием нивы”, о “подземном поливе” растений, 1982 г. (Д. 200–18л.).

В личном фонде М.В. Нечкиной представлены ее многочисленные отзывы о кандидатских и докторских диссертациях, монографиях, документальных сборниках, главах коллективных работ, художественных произведениях за 1929–1980 гг. (Д. 201–220). Среди авторов рецензируемых М.В. работ – В.И. Вяликов, Н.М. Дружинин, Е.И. Дружинина, П.А. Жилин, Н.А. Зайончковский, И.С. Зильберштейн, Л.Г. Зорин, В.Е. Иллерицкий, Р.П. Конюшая, Ю.Н. Коротков, И.А. Миронова, А.С. Нифонтов, Б.Ш. Окуджава, С.А. Рейсер, Е.Л. Рудницкая, Т.Г. Снытко, О.Д. Соколов, Б.А. Федоров, Л.В. Черепнин, А.Г. Черных, Ю.А. Шапорин, Н.Я. Эйдельман и др.

Приведем фрагмент выступления М.В. в ГАУ СССР на обсуждении сборника документов “Рабочее движение в России в XIX в.” (1952): “...вопрос отбора – очень сложный вопрос. Какой принцип выдвигает тов. Селезнев, если я правильно его поняла? Такие-то документы не нужно публиковать, потому что они дают неправильное объяснение фактам, которые правильно изложены. Это не критерий отбора документов. От документа нельзя обязательно требовать правильной концепции событий. Как правило, подавляющее большинство документов из царских архивов не может иметь правильной концепции, а, наоборот, очень ложную концепцию того явления, которое они излагают. Если применим этот критерий, то мы лишимся, вероятно, 90% богатейшего содержания царских документов. Концепцию явления вносит не документ, а исследователь. Поэтому правильность освещения событий в документах отнюдь не может быть критерием отбора”⁵.

Раздел “Биографические документы” богато представлен в фонде М.В. Здесь личные документы за 1914–1981 гг. (Д. 229–241), автобиографические за 1912–1983 гг. (Д. 242–258), документы об учебе за [1909]–1925 гг. (Д. 259–263), юбилейно-поздравительные за 1945–1981 гг. (Д. 264–269), документы имущественно-хозяйственного и бытового характера за 1909–1980 гг. (Д. 270–273), документы о самой М.В. за 1919–1983 гг. (Д. 274–302) и фотографии родных, знакомых и М.В. за середину XIX в. – 1982 г. (Д. 303–334). Остановимся подробнее на некоторых из этих документов.

Хорошо сохранились “Личные дневники Милицы Нечкиной” за 1912–1922 гг., фрагменты которых частично опубликованы⁶, хуже – за 1924⁷–1926, 1930 гг.: записей гораздо меньше, некоторые фразы стерты или вырезаны, многие страницы из тетрадей вырваны. Имеются разрозненные дневниковые записи 40-х годов. Так, о начале войны М.В. пишет: «23 июня 1941 г. Звонит “Пропандист”. Вот видите, до чего мы попали в точку (о статье 1812 г.)⁸. Вы сами по-

⁵ Там же. Д. 209. Л. 4–5.

⁶ Курапова Е.Р. Указ. соч. // ОА. 1997. № 5. С. 58–92; № 6. С. 42–87.

⁷ Курапова Е.Р. М.В. Нечкина в Москве 1920-х гг.: (Из дневниковых записей) // Вестн. архивиста. 1997. № 4. С. 80–82.

⁸ Нечкина М.В. Партизанская война в 1812 г. // Пропандист. 1941. № 14. С. 19–21.

нимаете, что теперь нельзя говорить о сроках. Немедленно, сейчас же, завтра-послезавтра. Утром я экзаменовала с 10 утра, а он позвонил после обеда. Я сказала об ученом совете, и он от имени МК звонил в у[ниверсите]т и меня “снял” с уч[еного] совета, чтобы я писала. Но у меня стала останавливаться рука. Второй день войны – а я буду объяснять план отступления. Говорить – Смоленск сдали, и это правильно. Москву оставили, и очень хорошо. “С потерей Москвы – не потеряна Россия”... Что я, с ума сошла? Каждое слово о 1812 г. наливается кровью сегодняшнего дня. Я колеблюсь – или это чья-то глупость, или... Все мое гражданское чувство против»⁹.

Летом 1943 г. датируется “Иранский путевой дневник” (Д. 257–26л.). В 1947 г., являясь членом окружной избирательной комиссии Арбатского округа Москвы, М.В. констатирует: «Наши выборы, конечно, не являются выборами в обычном, з[ападно]-европейском или, положим, американском, смысле слова. Совершенно ясно, что нельзя “выбирать” из одного кандидата. Это так ясно, что и толковать об этом нечего, и только софисты могли бы об этом не столько спорить, сколько делать вид, что спорят. Однако из несоответствия слова явлению, конечно, не может же следовать осуждение явления. Это мне казалось прежде всего совершенно неисторическим подходом, а кроме того, просто глупостью...»¹⁰.

Многочисленны сохранившиеся в фонде стихотворения М.В.: четыре тетради за 1918–1920 гг. под псевдонимом “Окунь” и циклы и сборники за 1919–1938 гг. – “Солнце сквозь листья”, “Эртон”, “Книга об ожидании”, “Стихотворения” (18 тетрадей) – общим листажом свыше полутысячи листов. Интересно мнение о стихах М.В. известного поэта и композитора, автора сонетов и музыки к пьесам А. Блока М.А. Кузмина (1872–1936), который в 1921 г. писал в письме матери М.В. (у них были общие знакомые по Казани): “Теперь очень много пишут стихов, и техника усваивается рано, но живые дарования встречаются от этого не чаще. У Милицы Васильевны при современной технике большое поэтическое и духовное содержание, большой внутренний запас, свои слова и ритмы. Талант, по существу, глубоко женский – вещий, жалящий и волнующий – почти пророческий. Она у Вас прелестная вещунья, Надежда Николаевна, и кудесница. Что будет дальше, кто же может знать, но куда все почти значительно, волнует и жалит”¹¹.

Заботливо сохранены Милицей Васильевной и присутствуют в фонде документы о её родителях и предках. Так, имеются сведения биографического характера об отце – инженере-технологе Василии Ивановиче, 1894–1923 гг. (Д. 921–38л.) и деде – Иване Павловиче, актере Осташковского (Тверская губерния) городского театра, имевшем успех в пьесах Островского, 1905, 1912 гг. (Д. 922–28л.). Рукой М.В. заполнена тетрадь “Мои предки. Линия матери: (По рассказу матери)”, 1925–1984 гг. (Д. 225–198л.), включающая генеалогические сведения (фамилии, имена, даты рождения, образование, род занятий, семейное положение, дети). Интересно отметить, что сохранившиеся документы этой генеалогической группы предоставляют возможность узнать новое и в биографии самой М.В.: выясняется, что годом ее рождения следовало бы считать скорее 1899 г.¹², нежели официально фигурирующий 1901-й (что, возможно, нужно учесть при подготовке к 100-летию ученого).

Привлекают внимание и воспоминания М.В., написанные по просьбе Нежинского краеведческого музея, “Мое детство в Нежине”, содержащие интересные подробности о намерении родителей назвать ее Ольгой, как она училась читать

⁹ АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 251. Л. 7–7об.

¹⁰ Там же. Л. 33об.

¹¹ Там же. Д. 275. Л. 1об., 2.

¹² Там же. Д. 242. Л. 1.

и т.д., 1925–1984 гг. (Д. 225–198л.), а также наброски воспоминаний о встречах с Г. Нейгаузом: «...Часто сам Нейгауз был предметом его собственного юмора, он смешно говорил о себе – как бы со стороны, сочинял о себе смешное и заливался смехом. У него все это выходило очень от души, очень искренне. Я зашла как-то навестить его, узнав, что он заболел. Он лежал в постели, “на постельном режиме” – дело было в сердце, то есть очень серьезно. Поговорив о разном, он, как-то пытаясь весело, взглянул на меня и сказал, что сочинил стихи о диагнозе. “Какие же? Он “хитро” подмигнул и продекламировал: Сердце бьется не без пауз / Тяжко болен Нег Нейгауз... И смеялся. И тут был музыкальный образ – “не без пауз”. Хорошее определение аритмии»¹³.

Среди документов о М.В. – отзывы о ее работах, о научной и общественной деятельности представителей науки и культуры: М.П. Венгрова, И.Э. Грабаря, С.С. Дмитриева, Н.М. Дружинина, А.А. Зимина, И.И. Минца, А.М. Панкратовой, В.Т. Пашуто, М.Н. Покровского, В.В. Сыроечковского, Ф.А. Федорова, М.И. Хейфеца, Л.В. Черепнина, В.В. Шлеева, ИМЛ при ЦК КПСС и др. Так, например, М.Н. Покровский в записке от 1923 г. писал: “Из всех людей “в области гуманитарии” М.В. Нечкина наиболее честная. Р.С. Считаю нужным к этому еще добавить, что и много-много знающая”¹⁴. Почти 40-летие спустя (1961) Л.В. Черепнин отмечал: “В лице М.В. сочетается ученый, педагог высшей и средней школы, организатор целого ряда научных начинаний, общественный деятель. Поэтому и ее работы отличаются качествами, необходимыми для всех этих видов деятельности: страстностью и полемичностью, разносторонней аргументированностью и доходчивостью, отчетливостью логических заключений (или убеждающих, или дающих интересный материал для полемики) и образностью и красочностью воспроизведения исторических явлений”¹⁵.

Документы о М.В., представленные в фонде, отражают ее научно-организационную, редакционно-издательскую, в области международных связей, общественную (Д. 335–392) и педагогическую (Д. 393–406) деятельность за 1919–1985 гг. Среди них документы о работе в Академии наук СССР – Президиуме, Отделении истории, Институте истории СССР, об участии в работе комиссии по проверке научной деятельности Института истории искусств (1954–1958), о руководстве научным советом по проблеме “История исторической науки”, группой по изучению революционной ситуации в России конца 50-х–начала 60-х годов XIX в. и др., о работе в МГУ, АПН РСФСР, на кафедре истории СССР АОН при ЦК КПСС. Здесь же письма М.В. в ЦК КПСС: в связи с рассмотрением в ВАК диссертации А.В. Федорова на соискание ученой степени д.и.н. и записки, сделанные на заседании ВАК (1960), по поводу изъятия из набора журнала “История СССР” статьи Е.А. Луцкого о М.Н. Покровском, в связи с подготовкой собственной статьи “Вопрос о М.Н. Покровском в постановлениях о преподавании истории и исторической науке 1934–1938 гг.” для журнала “Вопросы истории”, записки о рассмотрении вопроса в ЦК КПСС, к которым приложена копия письма ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС в издательство “Наука” (1964) об использовании документов архива в статье Нечкиной и в ее комментариях (Д. 377–10л.).

Сохранены также издательские договоры и переписка об издании и переиздании научных работ, “Детской энциклопедии”, учебных пособий. Имеется и справка депутата Московского областного Совета депутатов трудящихся М.В. Нечкиной о подготовке школ Мытищинского района к учебному году (июнь 1950 г.) и др.

Довольно обширен в личном фонде М.В. комплекс так называемой личной переписки, включающий и сугубо личные письма родных (матери, близких родствен-

¹³ Там же. Д. 226. Л. 12–13.

¹⁴ Там же. Д. 276. Л. 1.

¹⁵ Там же. Д. 292. Л. 1–2.

ников), и знакомых (студентов и преподавателей) по Казанскому университету, и записки маститых коллег, и письма ученых, затрагивающие научные вопросы, и юбилейно-поздравительную корреспонденцию. Прочитируем некоторые.

А.М. Панкратова на маленьких кусочках бумаги посылает на заседаниях, совещаниях записки М.В.: «Мил. Вас. 1) Видели ли Вы фильм “Кутузов”? Советую Вам посмотреть. Меня очень поразила идеализация Алекс. I, кот. выглядит царем-патриотом. 2) Затем – есть ли где-нибудь в документах слова Ал. I о назначении Кутузова: “Воля народа – моя воля” – так в фильме. До сих пор мы знали, что Ал. I был против назначения Кут. и заявлял, что “умывает руки”, уступая требованиям дворянства. АП.»¹⁶ И еще: «Дорогая Милица Вас. Поздравляю Вас от всей души! Я думаю, что мы в журнале “Вопр. ис.” созовем специальное обсуждение-совещание для обсуждения Вашей монографии и напечатаем это обсуждение, чтобы научное значение Вашего труда было достоянием всей общественности. М.Н. Тихомиров назвал Вашу монографию, но и только. Это, конечно, не делает чест[и] академику-секретарю, но, м.б., он еще остановится. АП.»¹⁷

В.А. Обручев в связи с его работой по редактированию Сочинений известного путешественника по Центральной Азии и этнографа Г.Н. Потанина обращается к М.В. с просьбой дать ответ, «было ли движение “сибирских сепаратистов” прогрессивным или нет и как смотрит современная советская историческая наука на автономические и сепаратистские движения 60-х годов XIX века»¹⁸. Нечкина отвечает ему, на что получает еще одно письмо: «Глубокоуважаемая Милица Васильевна! Ваше любезное письмо по вопросу о сибирском сепаратизме я получил уже в конце ноября, но не торопился с ответом, чтобы обдумать и оценить разносторонне этот вопрос в связи с многолетней деятельностью Г.Н. Потанина. [...] Прокламации “Патриотам Сибири” и организации “Общества независимости Сибири”, за которую были привлечены Потанин и его друзья в 1865 г., как известно, предшествовали арест и ссылка Н.Г. Чернышевского, прокламация Великоросса, арест и осуждение нескольких гвардейских офицеров (в том числе и моего дяди В.А. Обручева). Следовательно, движение охватило не только сибирскую интеллигенцию. Можно считать его недостаточно обдуманым, преждевременным, но сурово осуждать Потанина и его друзей за пропаганду идеи сибирского сепаратизма я бы не решился. Сибирь по составу своего населения и другим условиям, отмеченным выше, имела шансы отделиться от Европейской России и стать самостоятельной...»¹⁹ На первом листе этого письма в правом верхнем углу М.В. помечает: “Ужасная точка зрения! Опровергала ее в письме от 12/II–1951. Убеждала старика”²⁰.

Главный редактор “Вопросов истории” В.Г. Трухановский информирует М.В. “под занавес” 1962 г.: «Милица Васильевна! Ко всему прочему я еще Ваш должник по двум пунктам. Хочу погасить свой долг в этом году, а посему сообщая: 1. Информация о Вашем совете опубликована в № 12 “Вопросов истории” за этот год. 2. Секретный советско-германский протокол, относящийся к Польше, опубликован в “Nazi-Soviet Relations 1939–1941, Documents from the Archives of the German Foreign Office (Raymond). Sontag and James S. Beddie, Editors. Washington government Printing office. 1948”. Следует, однако, иметь в виду две вещи: а) мы не опровергаем и не подтверждаем справедливость информации о протоколе, б) Г.А. Деборин, занимавшийся специально изучением этого вопроса, не обнаружил в соответствующих архивах этот документ. С приветом В. Трухановский. 30 декабря 1962 г.»²¹

¹⁶ Там же. Д. 740. Л. 8.

¹⁷ Там же. Л. 13. В 1955 г. вышла монография М.В. Нечкиной “Движение декабристов” (в 2 т).

¹⁸ Там же. Д. 725. Л. 1–1 об.

¹⁹ Там же. Л. 2–2 об., 3.

²⁰ Там же. Л. 2.

²¹ Там же. Д. 846. Л. 3–4.

П.Л. Капица благодарит М.В. за присылку монографии “Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества” (1974) и высказывает свое мнение:

«...Вы называете Ключевского буржуазным ученым и не раз сетуете, что он не пользовал марксистского метода, основанного на изучении классовых противоречий.

Меня давно интересовала эпистемология социальных наук. Вот мы в своей физико-математической области не можем себе представить, чтобы, скажем, была бы одна буржуазная “таблица умножения”, а другая социалистическая. Но вот у вас, историков, совершенно закономерно упрекать Ключевского, что он пользовался не той “таблицей умножения”, которой пользуются наши теперешние историки.

Это противоречие, конечно, объясняется существенной разницей в эпистемологии социальных и естественных наук.

Мне думается, что Leon Piaget правильно решает этот вопрос. Наверное, Вы знакомы с его работами, мне его основная мысль представляется так: в науках, связанных с психологической активностью человека, в отличие от естественных наук, изучающих законы окружающей нас природы, не может быть единых объективных научных обобщений. Это является следствием того, что в социологических науках общественные процессы неизбежно изучаются одним из членов этого общества. Точка изучения как бы находится в самой среде, а это делает принципиально невозможным объективный подход и нахождение объективных закономерностей. Таким образом, научные обобщения в социальных науках неизбежно делаются с точки зрения и запросов той социальной среды, которую представляет ученый. Это усугубляется еще тем, что исторические и социологические науки из всех существующих наук, по-видимому, имеют наиболее практический выход. Ведь на них воспитывается молодежь и формируется ее идеология. Эти науки должны служить для оправдания существующего социального строя, и на их основании развивается законодательство и ведется внешняя и внутренняя политика страны. Поэтому история и социология должны удовлетворять запросам социальной структуры и оправдывать идеологию ее общества. Отсюда и возникновение разницы между “таблицами умножения”, например, приемлемой для буржуазного капиталистического строя, но не для социалистического строя. Это хорошо иллюстрируется в Вашей книге деятельностью самого Ключевского. Обычно он блестяще вел свои исторические исследования и толковал их под углом запросов зарождающейся в то время нашей прогрессивно-буржуазной прослойки. Но когда волей судеб ему пришлось стать воспитателем наследника престола и тогда, чтобы удовлетворить запросам правящего класса, ему пришлось менять свои концепции. Это было неизбежно, такова эпистемология исторической науки, поэтому мне думается, что упрекать Ключевского в том, что он не был, как наши историки, материалистом, “противозаконно”.

Но мне все же думается, что при изучении исторических процессов есть путь объективного подхода, который упускает Piaget.

Дело в том, что эпистемологическая концепция применима не только при изучении социальных закономерностей, но и в области психологии, которая изучает закономерности взаимоотношения индивидуума с обществом, но, кроме научного подхода, который тоже тут не может быть объективным, и еще используется другой мощный, уже объективный метод исследования – это художественное обобщение. Объективное значение художественного обобщения выявляется в том, что оно приемлемо при различных социальных структурах и не зависит от социальных, национальных, религиозных основ общества. Возьмем, как пример, Гамлета, этот обобщенный образ и описание его взаимодействия с людьми остаются справедливыми вот уже 300 лет. Он по сей день остается неизменным объектом для изучения психологических закономерностей во взаимоотношениях человека типа Гамлета и общества. Конечно, чтобы создавать такие художественные обобщения, нужен талант Шекспира, Сервантеса, Рабле, Толстого, Диккенса, Достоевского и других великих писателей.

По-видимому, такой метод художественного обобщения существует при изучении исторических процессов, и оно тоже может иметь объективную ценность. Разве, например, Карлейль, Тэн не давали художественного изображения историческим процессам? Поэтому эти историки до сих пор всюду изучаются и служат для понимания социальных процессов. Но для художественного обобщения исторических процессов требуется, конечно, большой талант, которым обладают не много историков.

Мне думается, что таким мощным талантом и обладал Ключевский, и это его главная сила, и поэтому его курс будет нужен нам, как теперь, так и при нашем дальнейшем социальном росте. Вот тут мой упрек Вам, что Вы недостаточно оценили эту сторону таланта Ключевского, а мне она кажется главной.

В то же самое время Ваша книга подтверждает эту точку зрения, ведь для меня Ваша книга воспринималась больше как художественное произведение, в котором Вы замечательно хорошо дали привлекательный и своеобразный образ большого и прогрессивного ученого. Ваша книга всегда будет интересна большому числу читателей и, несомненно, принесет пользу...»²²

В фонде сохранились также и труды других лиц (Д. 926–940) за 1939–1983 гг. Среди них – “Воспоминания военной переводчицы” Е.И. Дружининой, 1979 г. (Д. 928 – 25 л.), статья М.Г. Искрина “Истинное лицо Липранди” для журнала “История СССР” с запиской М.В.: “Статья не пропущена, хотя я была за нее”, 1981 г. (Д. 929–16 л.), доклад на научной студенческой конференции ученика М.В. студента МГУ М.Л. Корчного “Чернышевский и революция 1848 г.”, 1939 г. (Д. 932–57 л.), погибшего в Великую Отечественную войну, статья Н.И. Павленко «Может ли в таком споре родиться истина? (По поводу ответа авторов “Эволюции феодализма в России рецензенту)” для журнала “История СССР” с записью М.В. о несогласии с публикацией статьи, 1983 г. (Д. 935–26 л.) и др.

А.А. Кац

МАТЕРИАЛЫ ЛИЧНОГО ФОНДА К.Н. ТАРНОВСКОГО В ЦАДКМ

В вышедших за последние годы публикациях, посвященных жизни и научному творчеству Константина Николаевича Тарновского (1921–1987)¹, авторы неизменно акцентировали внимание на незаурядности этой личности. Все они сходятся во мнении, что Тарновский был одним из самых одаренных советских историков поколения, пришедшего в науку вскоре после Победы, а затем пережившего колоссальное воздействие хрущевской “оттепели”, атмосферы, внесенной в сознание интеллигенции XX и XXII партсъездами.

С.О. Шмидт, близко знавший Тарновского в течение многих лет, дал, наверное, наиболее емкую характеристику ученого: “К.Н. Тарновский был на редкость цельной натурой. Ученый и человек в нем неотделимы один от другого... Он был ученым-исследователем и организатором науки, пропагандистом знаний, педагогом по призванию.

...Ни у кого другого не было столь органического сочетания склонности и способности к глобальному мышлению, социологическим и культурологическим построениям и обобщениям (а этот дар уже сам по себе редчайший) со склонностью и способностью к скрупулезной источниковедческой работе, к выработке и проверке и самих приемов исторического исследования. А так как К.Н. не только был человеком науки, точнее сказать, ученых интересов, а лю-

²² Там же. Д. 624. Л. 4–7.

¹ Дубенцов Б.Б. Константин Николаевич Тарновский (1921–1987) // АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 331–333; Константин Николаевич Тарновский: [Некролог, 7 окт. 1921 – 8 июля 1987 г.] // ВИ. 1987. № 12. С. 179; Емец В.А., Шелохаев В.В. Творческий путь К.Н. Тарновского // ИЗ. М., 1990. Т. 118. С. 207–220; Шмидт С.О. К 70-летию со дня рождения К.Н. Тарновского // АЕ за 1991 год. М., 1994. С. 160–167; Курносов А.А. О Тарновском К.Н. // Там же. С. 168–169; Мироненко М.П. Заседание, посвященное К.Н. Тарновскому // Там же. С. 330–333; Есаков В.Д. Эпизоды из истории науки // Мир источниковедения: (Сб. в честь Сигурда Оттовича Шмидта). М.; Пенза, 1994. С. 439.

бил и понимал искусство и художественную литературу, то и историю видел отнюдь не схематично, а образно и конкретно”².

Мысль о необходимости написания обзора личного архива Константина Николаевича была высказана на заседании Археографической комиссии 15 октября 1991 г., посвященном 70-летию Тарновского³.

Однако архив ученого стал доступен исследователям несколько позже: в марте 1992 г. он был передан вдовой историка, Марой Платоновной, в ЦММ (тогда еще ЦГАОРСС г. Москвы)⁴. В 1995 г. после завершения научно-технической обработки фонд Тарновского вместе с другими личными фондами был переведен во вновь образованный в рамках объединения “Мосгорархив” Центральный архив документальных коллекций Москвы (ЦАДКМ)⁵.

В фонде К.Н. Тарновского 677 ед. хр. за 1918–1987 гг., из них 259 дел – творческие материалы историка: рукописи монографических исследований, кандидатской диссертации “Металлургическая промышленность России и политика царского правительства по ее регулированию в годы первой мировой войны” (1955; Д. 1, 2), не утвержденной ВАК докторской диссертации “Проблемы социально-экономической истории империалистической России на современном этапе советской исторической науки” (1970; Д. 4, 5) и второй докторской диссертации, защищенной в ЛОИИ, – «Ленинская “Искра”: революционная мысль, революционное дело, революционная организация» (1981; Д. 6–11); авторефераты диссертаций (Д. 2, 3, 11); статьи, лекции, рецензии и отзывы на научные работы.

Перечислим важнейшие работы Тарновского, не изданные при его жизни: первая докторская диссертация, посвященная проблеме многоукладности российской экономики в предоктябрьский период и ее освещению в отечественной историографии; монография “Мелкая промышленность дореволюционной России: Историко-географические очерки” (1984; Д. 40–43), над которой он работал после перевода в сектор исторической географии Института истории СССР АН СССР. В последние годы они опубликованы⁶. Пожалуй, единственное крупное неопубликованное монографическое исследование, сохранившееся в его личном архиве, – “Проблемы социально-экономической истории России периода империализма в советской историографии за 50 лет” (1968; Д. 24–27). Эта обобщающая работа явилась как бы мостом между одним из важнейших трудов Тарновского – книгой “Советская историография российского империализма”⁷ (в рукописи – “Советская историография российского монополистического капитализма” (1962–1963; Д. 13–16)) и его первой докторской диссертацией. Монография состоит из трех частей, посвященных соответственно истории изучения российского империализма в советской исторической науке в 1917–1930-е годы, в конце 1930-х – начале 1950-х годов и в период после XX съезда КПСС. Символично название, данное автором заключительной главе своего исследования: “Глава восьмая, неоконченная. Формирование новых направлений в изучении социально-экономической истории России начала XX в.” (Д. 13. Л. 2). Ныне “новое направление” в советской исторической науке 1960-х годов ассоциируется прежде

² Шмидт С.О. Указ. соч. С. 161–162.

³ Мироненко М.П. Указ. соч. С. 333.

⁴ ЦММ. Ф. 2914. (К.Н. Тарновский). Дело фонда.

⁵ ЦАДКМ. Ф. 157 (К.Н. Тарновский). Оп. 1 (далее ссылки на материалы фонда К.Н. Тарновского даются в тексте без указания фонда).

⁶ Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России, начало XX в.: Сов. историография середины 50-х–60-х гг. М., 1990; Он же. Мелкая промышленность дореволюционной России: Ист.-геогр. очерки. М., 1995; Он же. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. Отв. ред. П.В. Волобуев. М., 1995; библиографию работ, изданных при жизни, см.: Араловец Н.А., Пронина П.В. Список печатных трудов К.Н. Тарновского // Изв. М., 1990. Т. 118. С. 221–230.

⁷ Тарновский К.Н. Советская историография российского империализма. М., 1964.

всего с именем К.Н. Тарновского. Однако опубликованы были лишь вторая и пятая главы, посвященные изучению аграрной истории России в советской историографии (1917 – начало 1950-х годов)⁸.

Рукописи опубликованных трудов также важны для изучения такой крупной фигуры в исторической науке, как К.Н. Тарновский. Уже по названию работ можно судить о разносторонности научных интересов ученого, о широте его кругозора. Он выступает и как специалист в области социально-экономической истории России, историографии, методологии и философии исторической науки, истории общественного сознания, революционного движения, и как исследователь-источниковед и археограф, и как пропагандист исторических знаний. Помимо вышеперечисленных исследований, в качестве примера можно привести рукопись книги “24 декабря 1900 г.” (1975; Д. 28–30) – о создании “Искры”; главы “Иллюстрированной истории СССР” (1980; Д. 33–34); первую главу для второго тома коллективной монографии “Исторический опыт трех российских революций”⁹ – “Неизбежность новой революции” (четыре варианта, в окончательном варианте – “На путях к новой революции”) (1982–1984; авторизованная машинопись, ксерокопия с машинописи с авторской правкой и перечнем замечаний, высказанных И.И. Минцем, В.И. Бовыкиным и др. Д. 45–49); статьи: “Московский университет в годы первой мировой войны” (1954; к рукописи приложены отзывы Е.Н. Городецкого, М.Т. Белявского и А.Л. Сидорова. Д. 53), “К итогам изучения истории монополистического капитализма в России” (1961–1962; автограф. Д. 61) – статья для сборника “Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС”¹⁰; подготовленный для публикации доклад на научной сессии по проблемам многоукладности в Свердловске в мае 1969 г.¹¹ (июнь 1970; автограф, авторизованная машинопись. Д. 81), который был сделан Тарновским в качестве заместителя председателя бюро секции “Общие закономерности и особенности развития России в период империализма” Научного совета по комплексной проблеме “История Великой Октябрьской революции”¹²; работы «Переписка В.И. Ленина и редакции газеты “Искра” с социал-демократическими организациями в России, 1900–1903 гг.: Археографические приемы подготовки издания» (декабрь 1979 г.; автограф. Д. 115), “Кустарная промышленность и царизм (1907–1914)” (июль 1985 г.; авторизованная машинопись. Д. 148), “О некоторых вопросах методологии историографического анализа и синтеза” (январь–сентябрь 1986; авторизованная машинопись. Д. 151); предисловия к томам документальных публикаций журналов Особого совещания по обороне государства¹³ (1972–1982; Д. 88, 105, 109, 123, 132); статьи для БСЭ, СИЭ, Военной энциклопедии и других справочных изданий: “СССР: Исторический очерк. Эпоха капитализма” (1975; Д. 31, 32), “Мышлаевский” (1974; Д. 92), “Империализм” (1976; Д. 103); тезисы доклада “Кустарные организации в годы первой мировой войны” (декабрь 1979 г.; автограф) и многое другое.

⁸ Тарновский К.Н. Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (1917 – начало 1930-х годов) // Из. М., 1965. Т. 78; Он же. Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (конец 1930-х – первая половина 1950-х годов) // Из. М., 1969. Т. 83.

⁹ Исторический опыт трех российских революций: В 3 кн. М., 1986. Кн. 2: Вторая буржуазно-демократическая революция в России.

¹⁰ Тарновский К.Н. К итогам изучения истории монополистического капитализма в России // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. М., 1962. С. 294–330.

¹¹ Тарновский К.Н. Проблема взаимодействия социально-экономических укладов империалистической России на современном этапе развития советской исторической науки // Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 14–46.

¹² См.: Емец В.В., Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 206, 209.

¹³ Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (особое совещание по обороне государства), 1915–1918 гг.: Публ. М., 1975. Т. 1; 1977. Т. 2; 1978–1979. Т. 3; 1980. Т. 4; 1982. Т. 5.

К этому списку следует добавить и целый ряд неопубликованных статей и докладов Тарновского (включая работы, написанные в годы учебы в МГУ): “Славянская община” (январь–март 1948 г.; авторизованная машинопись. Д. 180), “Монополии в металлообрабатывающей промышленности” (январь–март 1950 г.; авторизованная машинопись. Д. 181), “Социально-экономическая деятельность Парижской Коммуны” (сентябрь–октябрь 1950 г.; авторизованная машинопись. Д. 182), “Железнодорожное строительство в пореформенной России 1860–1900” (б/д; автограф. Д. 60), “Советская историческая наука и некоторые вопросы ее дальнейшего развития” (март 1966 г.; машинопись с авторской правкой. Д. 67), “Россия, Октябрь и проблема отсталости” (июль 1967 – март 1974 г.; машинопись с авторской правкой. Д. 72), “Специфика историографического исследования” (1972; машинопись с авторской правкой. Д. 89), “Судьбы мелкой промышленности России до и после победы Великой Октябрьской социалистической революции” (1972; автограф и машинопись с авторской правкой. Д. 90), “Проблемы социально-экономического развития предоктябрьской России и буржуазная историография” (август 1975 г.; авторизованная машинопись. Д. 96), “А.А. Рыбников – историк мелкой промышленности России” (февраль 1984 г.; автограф. Д. 139), “Николай Яковлевич Воробьев – исследователь мелкой промышленности дореволюционной России” (февраль 1985 г.; автограф. Д. 146) и др.

Результатом работы над заключительной главой монографии о мелкой промышленности дооктябрьской России¹⁴ явились еще две неизданные статьи: “Кустарные организации в России в годы первой мировой войны” (январь–февраль 1980 г.; автограф. Д. 118) и “Кустарная промышленность в годы I мировой войны” (ноябрь–декабрь 1986 г.; авторизованная машинопись. Д. 155).

Сохранились в личном фонде Тарновского и рукописи его лекционных курсов, прочитанных в МГУ и МГИАИ (преподавание на кафедрах истории СССР этих вузов пришлось соответственно на начало его научно-педагогической деятельности и на последние годы жизни): “Россия в период империализма” (февраль–апрель 1954 г.; Д. 201), “Советская историография первой мировой войны” (февраль 1958 г.; Д. 202), “Основные этапы в развитии монополистического капитализма в России” (апрель–июнь 1958 г.; Д. 203), “К вопросу об экономических предпосылках Великой Октябрьской социалистической революции. Лекции 1–17” (б/д; Д. 205–206), “Российская историография второй половины XVIII в.” (б/д; Д. 207), “Первая мировая война и Февральская буржуазно-демократическая революция” (1985–1986; Д. 212). Отложились в фонде и лекции об особенностях российского империализма, прочитанные Константином Николаевичем в Коломенском пединституте на общественных началах (февраль 1966 г.; Д. 208–209), а также афиша его лекции “Некоторые вопросы сравнительно-исторического исследования”, прочитанной в Центральном лектории Всесоюзного общества “Знание” 30 июня 1966 г. (Д. 272. Л. 7).

Еще одно свидетельство педагогической деятельности Тарновского – выполненные под его научным руководством четыре дипломные работы: П.А. Лебедевым и П.А. Сомовой в 1962 г. в МГУ (Д. 289, 291), Н.О. Кондратьевой и П.Б. Селицкой в МГИАИ в 1987 г. (Д. 288, 290) (две последние работы посвящены деятельности Главного артиллерийского управления и его Химического комитета в годы первой мировой войны).

В личном архиве Тарновского отложились рецензии и отзывы на научные работы, публицистические статьи и художественные произведения 54 авторов (Д. 213–259), в том числе: на монографии “Государственный банк и экономическая политика царского правительства” И.Ф. Гиндина (1961; Д. 214), “Особенности развития капитализма в Индии” А.И. Левковского (1963; Д. 216), “Царизм и

¹⁴ Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. Гл. 4: Мелкая промышленность в годы первой мировой войны. С. 203–248.

третьеиюньская система” А.Я. Авреха (1967; Д. 222), “Василий Осипович Ключевский” М.В. Нечкиной (1975; Д. 230), “Армия и флот России в начале XX в.” Л.Г. Бескровного (1987; Д. 259); на учебное пособие Л.В. Волкова и В.А. Муравьева “Историография истории СССР: Советский период” (1978; Д. 235); на литературный сценарий Э.М. Вериги и Б.Е. Шапиро “Не имеющий чина” (1973–1974); на научные труды В.В. Журавлева, А.В. Емеца, Д.А. Авдусина, Г.С. Жуйкова, П.С. Кабытова, В.А. Козлова, И.К. Пантина, Е.Г. Плимака, В.Д. Поликарпова и др.; на ряд научных изданий, включая рукопись “Археологического ежегодника за 1985 год” (декабрь 1984 г.; Д. 249).

Включены в фонд также рукописи Б.В. Андрианова, Л.А. Лебедева, В.Н. Черникова, монография А.С. Смирнова “Россия в период двоевластия” (1985; Д. 302–305), присланные авторами на отзыв Тарновскому.

Среди присланных на отзыв или для ознакомления рукописей – музыковедческие работы М.В. Дорошенко “О совершенном”, “Слушая Образцову” (1982–1984; Д. 294). Любовь к музыке превратилась для Константина Николаевича в одну из сторон его многогранной профессиональной деятельности. Исследования о творчестве С.И. Танеева, А.Н. Скрябина, Д.Д. Шостаковича, Н.В. Богословского (Д. 162–172) составляют небольшую, но весьма значимую часть его личного фонда. Н.В. Богословскому, с которым К.Н. Тарновского связывала личная дружба, а также фронтовые воспоминания о любимых мелодиях в годы войны, он посвятил книгу¹⁵. Рукопись книги, переписку ее автора с издательством “Советский композитор” и отзывы на нее читателей и друзей Константин Николаевич сохранил в личном архиве (Д. 38–39).

Пожалуй, одна из наиболее привлекательных черт личного фонда Тарновского – возможность проникнуть в творческую лабораторию историка, увидеть, как создавались его наиболее значимые исследования. Подготовительные материалы к его трудам – свидетельство колоссальной, очень тщательной и кропотливой работы над изучаемой темой. Это тысячи и тысячи листов сделанных от руки выписок из научных трудов, документальных публикаций, архивных источников, перепечатанные на пишущей машинке мемуары участников и очевидцев исторических событий.

Так, материалы по истории советской исторической науки Тарновский начал собирать еще на студенческой скамье (1949–1976; Д. 372–376). В фонд вошли также подготовительные материалы к работе по истории Московского университета – в основном записи воспоминаний участников революционного движения и студенческих волнений, а также собранные в архивах сведения о них и т.д. (март–июнь 1974 г.; Д. 424–425); ко второй докторской диссертации и книгам об истории создания и распространения “Искры” (в том числе подробные выписки из воспоминаний агентов “Искры” А. Абрамова, Л.И. Гольдмана, К.И. Захаровой-Цедербаум и С.И. Цедербаума и др.) (Д. 423, 492–507); материалы по революционному движению 1907–1914 гг. – для коллективного труда “Опыт трех российских революций” (1981; Д. 508–512); фотоматериалы для “Иллюстрированной истории СССР” (Д. 552–569) и др.

Но наибольшую часть подготовительных материалов составляют конспекты, выписки из опубликованных и архивных источников, данных земской статистики по истории российского капитализма рубежа XIX–XX вв., которые собирались Тарновским на протяжении всей научной деятельности и использовались им при написании кандидатской и первой докторской диссертаций, статей, монографий, докладов на научных сессиях и конференциях, в лекциях и т.д. Эти выписки составляют многочисленные разделы по темам “Монополии в России” (1950–1951; Д. 377–380), “Материалы по аграрному вопросу” (1950–1967; Д. 381–392), “Материалы по экономике в годы I мировой войны” (1951–1968;

¹⁵ Тарновский К.Н. Композитор Никита Богословский: Этапы творческой жизни. М., 1984.

Д. 404–513) и т.д., в том числе материалы по тяжелой промышленности, по акционерным обществам “Медь”, “Продуголь”, “Продамет”, Проволока”, “Кровля”, по сахарным заводам; по снабжению топливом, иностранным поставкам металла и оборудования и финансовому положению России в годы первой мировой войны, списки промышленных комитетов в 1917 г. и др. (Д. 393–403, 420–421, 426–433, 435–437, 514–515); а также сделанные во время учебы в аспирантуре МГУ в ЦГИА (ныне РГИА) и в ЦГА ВМФ (ныне РГА ВМФ) выписки из журналов Особого совещания министров и из Особых журналов Совета министров за 1914–1917 гг. (Д. 434); комментарии Тарновского к публикации воспоминаний С.Ю. Витте¹⁶ (Д. 448) и т.д.

Колоссальны по своему объему материалы о кустарной (местной) промышленности, собранные Тарновским при подготовке последней монографии (1972–1984; Д. 460–485, 489–491, 517–520), – это огромное количество выписок из дореволюционных и советских изданий, фондов ЦГИА, областных архивов, выкопировки из географических карт и атласов и составленные по результатам переписи 1929 г. указатель и картотека кустарных производств по российским губерниям и уездам, материалы по переписи 1897 г. и земской статистике и т.д. Несомненно, результаты этой кропотливой работы должны быть использованы при дальнейшей разработке начатой в 1970-е годы Константином Николаевичем темы, почти неизучаемой с 1920-х годов.

Еще одна сторона деятельности К.Н. Тарновского – работа на Центральном телевидении. Документальные свидетельства этой работы – рукописи постановочных сценариев телепередач о революционном движении в России в конце XIX – начале XX в., тематические планы телепрограмм и т.д. (1977–1980; Д. 486–488).

Говоря о творческой лаборатории Тарновского, необходимо упомянуть о его дневниках, которые он вел с 1952 (год поступления в аспирантуру МГУ) по февраль 1987 г. (Д. 262–273). Это 12 тетрадей и блокнотов с записями в основном чисто рабочего характера: конспекты литературы и источников по изучаемым темам, заметки, связанные с текущими делами на кафедрах истории СССР МГУ и МГИАИ, в Институте истории АН СССР и парткомах этих учреждений (расписания занятий, научные командировки, подготовка к партийным собраниям и столь памятные по недавним временам мероприятия, как отправка людей на овощные базы). Здесь же сохранились наброски к выступлениям на научных конференциях, документальные планы научных исследований; записи хода обсуждения первой докторской диссертации Тарновского в секторе российской истории периода империализма Института истории СССР АН СССР (выступления К.Ф. Шацилло, М.С. Симоновой, П.В. Волобуева и др.), а затем на кафедре источниковедения истфака МГУ в июне–июле 1968 г. (Д. 268) и т.д.

Драматичная история с защитой К.Н. Тарновским первой докторской диссертации в 1970 г. достаточно полно отражена в документах его личного фонда. Сохранились машинописный экземпляр стенограммы заседания секции Ученого совета по истории СССР дооктябрьского периода Института истории СССР от 31 марта 1970 г., на котором состоялась успешная защита К.Н., – подлинник за подписью председателя секции Л.Г. Бескровного и ученого секретаря В.И. Буганова (Д. 283. Л. 1–36); заверенная копия явочного листа членов секции (Там же. Л. 37) – было роздано 17 бюллетеней, 16 человек проголосовали “за”, 1 бюллетень признан недействительным (Там же. Л. 36); выписка из протокола заседания Совета Института истории СССР от 4 июня 1970 г. за подписью председателя Совета П.В. Волобуева, на котором было утверждено решение секции, с приложением протокола счетной комиссии (Д. 540. Л. 48–52) и целый ряд других до-

¹⁶ *Vitte С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2. (Сост. коммент. В.И. Бовыкин, К.Н. Тарновский. С. 579–627).

кументов, включенных в диссертационное дело Тарновского для направления в ВАК. Здесь же находятся отзывы официальных оппонентов – Е.Н. Городецко-го, А.С. Нифонтова, Е.Д. Черменского; заключение сектора истории СССР периода капитализма института за подписью председателя сектора Л.М. Иванова и еще 17 положительных отзывов от кафедр истории СССР Уральского государственного университета, Волгоградского пединститута, кафедры истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ и др. (539–540).

В октябре 1971 г. Тарновский пишет письмо на имя председателя ВАК, министра высшего и среднего специального образования СССР В.П. Елютина, где сетует на непомерное затягивание экспертной комиссией рассмотрения его диссертации (Д. 540. Л. 121–121 об.). В статье о Тарновском В.А. Емеца и В.В. Шелохаева справедливо отмечается, что отстаивание своих позиций – гражданских и научных – требовало от Константина Николаевича большого мужества еще и потому, что он занимался проблематикой, имевшей прямой выход в идеологию и политику¹⁷. Пересмотр сложившихся в науке в сталинские годы взглядов на дооктябрьскую Россию начала XX в. как на отсталую полуколония западных держав не устраивал идеологов в Отделе науки ЦК КПСС, диссертация была возвращена на доработку. Тарновскому и его коллегам по “новому направлению” дали понять, что вопрос о предпосылках Октябрьской революции – не предмет для научных дискуссий. Но он продолжал отстаивать свою концепцию в обстоятельных замечаниях на отзыв третьего рецензента экспертной комиссии ВАК (март–апрель 1973 г.; Д. 177)¹⁸, в отзывах на “проработочные” статьи и на выступления по адресу историков “нового направления”, занимавшихся проблемой многоукладности¹⁹, и в письменных обращениях с требованиями прекратить кампанию по его дискредитации (Д. 178–179). В главных выводах его диссертации рецензент ВАК усмотрел “отступление от марксизма-ленинизма” (Д. 179. Л. 148). Сохранилось и официальное уведомление директора Института истории СССР А.П. Нарочницкого, извещавшее К.Н. Тарновского, что по его письму в Отдел науки ЦК КПСС создана комиссия партбюро института (15 апреля 1976 г.; Д. 178. Л. 98–99). В проекте докладной записки членов комиссии секретарю партбюро института А.А. Преображенскому говорилось:

“1) К.Н. Тарновский допускал в редактируемых сборниках и своих статьях, помещенных в этих сборниках, неточные и противоречивые оценки, которые подвергались справедливой критике в печати.

...3) Представленная Тарновским статья в ж[урнале] “Вопросы истории КПСС” (“В.И. Ленин, проблемы социально-экономического развития предоктябрьской России и современная буржуазная историография” (Д. 96. – А.К.)), видимо, является для автора определенным шагом к пересмотру ошибочных положений и оценок, содержащихся в его прежних работах и подвергающихся серьезной критике...

4) В то же время автор уклонился от признания в данной статье ошибочности или неточности формулировок и оценок, допущенных ранее в его трудах и в трудах, вышедших под его редакцией²⁰.

¹⁷ Емец В.А., Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 219.

¹⁸ Этим рецензентом был Ф.М. Ваганов. См. об этом: Емец В.А., Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 215.

¹⁹ Левыкин К.Г., Сиволобов А.М., Шарапов Г.В. Рец. на кн.: Вопросы истории капиталистической России: Проблемы многоукладности // ВИ КПСС. 1973. № 11; Кузнецов И.В. Рец. на ту же кн. // Там же. 1974. № 7. Бовыкин В.И. Некоторые проблемы изучения социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции // ВИ КПСС. 1974. № 6.

²⁰ Тарновскому, как редактору сборников докладов на научной сессии 1967 г. по истории пролетариата в России и на конференции 1969 г. в Свердловске, ставились в вину “ошибочные” положения, высказанные его единомышленниками по “новому направлению” – П.В. Волобуевым, Ю.И. Серым, М.Я. Гефтером (Д. 178. Л. 100–101).

...В итоге Комиссия заключает, что жалоба К.Н. Тарновского заведующему Отделом науки ЦК КПСС т. Трапезникову не имеет основания и что его статья нуждается в серьезной доработке” (Д. 178. Л. 105–106).

Но все же после осуждения самой постановки проблемы многоукладности участниками совещания по исторической науке, организованного Отделом науки ЦК КПСС, после гонения и запретов на публикацию 26 октября 1982 г. Тарновский успешно защищает другую докторскую диссертацию в ЛОИИ, посвященную истории создания и распространения “Искры”. Материалы о защите – характеристика, протокол заседания секции Ученого совета, отзывы официальных оппонентов (Н.Н. Маслов, Е.Р. Ольховский, А.Н. Цамутали), текст выступления на защите и его черновой вариант, список научных трудов диссертанта и т.д. – находятся в его втором диссертационном деле (Д. 12).

Из документов о работе в Институте истории, а после его разделения в 1968 г. в Институте истории СССР сохранились также отчеты К.Н. Тарновского о научной работе в секторах по написанию многотомной “Истории СССР”, российской истории периода империализма, исторической географии за 1959–1964, 1969–1976, 1977–1979 и за 1986 гг. (Д. 275–278). Материалы проливают свет еще на одну сторону деятельности Тарновского – общественную. В 1960-е годы он был членом и заместителем секретаря парткома Института истории АН СССР.

Выступившие на заседании Археографической комиссии, посвященной 70-летию Тарновского (М.С. Симонова, А.А. Курносов), говорили о необходимости публикации доклада парткома “Советская историческая наука и некоторые вопросы работы партийной организации Института истории АН СССР”, написанного при активном участии Константина Николаевича²¹. С текстом доклада, зачитанного на закрытом партсобрании института 19 февраля 1966 г. секретарем партбюро В.П. Даниловым, со стенограммой собрания, на котором председательствовал К.Н. Тарновский, и с принятой резолюцией можно ознакомиться в Центральном архиве общественных движений Москвы (ЦАОДМ)²².

Как свидетельствуют доклад и другие документы из фонда парткома института, партком в те годы был в большинстве своем коллективом единомышленников, отстаивающих идеологию интеллигентов-шестидесятников: это выражалось и в желании видеть в октябрьском Пленуме ЦК 1964 г. и в последующих событиях реальное, а не декларируемое продолжение линии XX и XXII съездов, и в стремлении воспрепятствовать дрейфу официальной идеологии в сторону оправдания и консервации сталинистских устоев. Основными выразителями этих настроений были К.Н. Тарновский, В.П. Данилов, М.Я. Гефтер и другие, а большинство членов парторганизации их поддерживало (характерный пример – на перевыборах в партком в декабре 1966 г. не прошла попытка забаллотировать становившегося опальным А.М. Некрича²³).

Наиболее острые положения доклада, направленного по решению собрания в Отдел науки ЦК КПСС, – необходимость создания творческой атмосферы в научных коллективах, допускающей свободу научных дискуссий; избавление исторических исследований от последствий культа личности, главное из которых – “фигура умолчания”; избавление от конъюнктурщины, от расхождения между словом историка и историческим фактом, от некомпетентного вмешательства цензуры, диктующей историку, какие выводы делать можно, а какие нельзя; недопустимость приниженного положения вспомогательных исторических дисциплин

²¹ Мироненко М.П. Указ. соч. С. 331–332.

²² ЦАОДМ. Ф. 211 (Парторганизация Института истории АН СССР. Октябрьский район г. Москвы). Оп. 2. Д. 94.

²³ Там же. Д. 97. Полгода спустя, согласно постановлению Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС от 28 июня 1967 г. «О серьезных политических ошибках в книге А.М. Некрича” 1941. 22 июня” и фактах непартийного поведения некоторых коммунистов при ее обсуждении», А.М. Некрич был исключен из партии (Там же. Д. 108, Л. 135).

лин, падения престижа профессии историка²⁴, – все это вызвало в ответ лишь раздражение и создание комиссии МГК КПСС по проверке работы парторганизации института, а в дальнейшем – его разделение на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории, против чего так горячо возражали участники собрания в своей резолюции²⁵.

Обстоятельства, связанные с докладом и тем резонансом, который он вызвал, существенно дополняются документами из личного фонда Тарновского. Это написанные в форме решительного протеста разъяснения в связи с вопросами, поставленными по докладу членами комиссии МГК (4 ноября 1967 г.; авторизованная машинопись за подписью члена парткома К.Н. Тарновского; Д. 280), и «Ответ партийного комитета Института истории АН СССР на “Справку о работе парткома Института истории АН СССР по идейно-политическому воспитанию коллектива и повышению чувства ответственности коммунистов за порученное дело”» (28 ноября 1967 г.; Д. 281). В черновых набросках к ответу на справку, составленную комиссией МГК, Тарновский в сердцах написал:

«О записке комиссии МГК:

“Диву даешься”...Воистину так!

Пришли со сложившимся мнением. Недоверие сквозит на каждой странице» (Д. 281. Л. 30).

Особое негодование вызвал у Тарновского запрет на публикацию доклада в виде статьи в редактируемом М.В. Нечкиной сборнике “История и историки”. В архиве К.Н. Тарновского сохранились копии двух документов. Один из них – официальное письмо председателя Комитета по печати при Совете Министров СССР Н.А. Михайлова президенту АН СССР М.В. Келдышу от 19 мая 1966 г., где, в частности, говорилось:

«Предварительный просмотр версток некоторых книг показывает, что работники издательства “Наука” без должной требовательности и критического отбора подходят к подготовке рукописей к печати. Например, в сборник “История и историки” была включена статья “Советская историческая наука и некоторые вопросы ее дальнейшего развития”, в которой содержалась попытка пересмотреть некоторые вопросы политики КПСС. Издательство согласилось с замечаниями, и статья была снята из сборника» (Д. 221. Л. 13).

В другом документе – письме М.В. Нечкиной заместителю председателя Комитета по печати В. Фомичеву – читаем: «Отмеченную в Вашем письме фразу: “из поля зрения исследователей выпадает деятельность ряда организаций на том основании, что во главе их стояли Каменев, Зиновьев, Бухарин, Пятаков, Троцкий и др.” – авторы согласны исключить из своего текста, хотя в этой фразе и не содержится чего-либо, противоречащего политике партии...» (Там же. Л. 16).

Но и эта уступка не помогла.

Еще один документ, свидетельствующий об идейных позициях членов парткома, – это критический отзыв на статью Е.В. Вучетича “Внесем ясность”²⁶, под которым подписались А.А. Губер, А.Л. Сидоров, Л.М. Иванов, М.Я. Гефтер, К.Н. Тарновский, В.П. Данилов и Е.Г. Плимак (не ранее 14 апр. 1965]; Д. 221. Л. 2–9; машинопись с правкой). Статья Вучетича содержала призыв делать различия между “правдой факта” и “правдой жизни” в освещении трагических событий отечественной истории, и прежде всего неудач в первые месяцы войны²⁷.

²⁴ Там же. Д. 94. Л. 184–188, 190, 197, 201.

²⁵ Там же. Л. 215.

²⁶ Вучетич Е. Внесем ясность // Изв. 1965. 14 апр.

²⁷ Здесь было бы уместно привести фрагмент из стенограммы закрытого партсобрания Института истории от 30 октября 1965 г. Выступивший в прениях М.Я. Гефтер, один из авторов отзыва, высказал свое отношение к статье Е.В. Вучетича, а заодно рассказал и о судьбе, постигшей ответное письмо во “Известиях”: «Трудно понять, как могло подобное заявление появиться в печати (имеется в виду статья Е.В. Вучетича. – А.К.), как можно в порядке иллюстрации заведомо неверного про-

Для Тарновского, отдавшего армии восемь лет жизни, прошедшего всю войну и испытывавшего горечь отступления летом 1941 г., такая постановка вопроса была неприемлемой. Кроме того, он не мог пройти мимо нападков на своего любимого поэта – А.Т. Твардовского (оба они были уроженцами Смоленщины и жили в одном доме на Котельнической набережной).

“Правда факта” для Константина Николаевича была лаконично изложена в его автобиографии:

“В составе 298 горно-артиллерийского полка... с 22 июня 1941 г. – в боях с немецко-фашистскими захватчиками. 17 июля 1941 г. в боях под г. Винница был ранен, эвакуирован в тыл, находился на излечении в харьковском эвакогоспитале, после чего... принимал участие в обороне г. Киева. После отхода наших войск из Киева и ряда боев в окружении в районе юго-восточнее Киева немецкой засадой был взят в плен при переходе через р. Сулу, одну неделю просидел в Хорольском концлагере, откуда 28 сентября 1941 г. бежал... Явился в ближайшую погранчасть, откуда через Змиевский РВК и Святогорский распредбатальон был направлен в 3-й зап[асной] арт. полк (г. Артемовск)...” (Д. 260. Л. 1).

Вообще документов Тарновского чисто биографического характера в фонде немного. Но сохранились семейные реликвии: кандидатская диссертация и статьи о народном образовании, производственном обучении его отца, Николая Яковлевича, – педагога, главного редактора “Учительской газеты” (1941–1954; Д. 570–677); детские стихи Константина Николаевича и его брата Льва (1932; Д. 173) – отсюда, видимо, и тяга к литературе и поступление в МИФЛИ в 1939 г., откуда Тарновский и был призван в армию; фотографии отца (1921–1952; Д. 546), матери, Марии Дмитриевны (1918–1925; Д. 545, первая из этих фотографий – самый ранний по времени создания документ фонда); фотографии юного Кости Тарновского с родителями (1929; Д. 542) и две его личные фотографии (1938–1939; Д. 543).

Невелика и отложившаяся в фонде переписка – это черновики писем Н.М. Дружинину и В.И. Старцеву (1972; Д. 307, 310); среди писем историков Тарновскому следует упомянуть о корреспонденциях П.Г. Галузо (1961–1978; Д. 318–320), Л.М. Иванова (1968–1969; Д. 327), ленинградских историков В.И. Старцева и А.Н. Цамутали (1972–1983; Д. 338, 341), экономиста и историка А.Д. Брейтермана – с подробным рассказом о своей жизни и научной деятельности (1962; Д. 316. Л. 1–6), исключительно доброжелательные послания от Н.М. Дружинина (1962–1973; Д. 324).

Сохранил К.Н. Тарновский и ряд творческих материалов своих старших товарищей по “новому направлению”. Это, в частности, рукопись статьи И.Ф. Гиндина “К изучению государственного капитализма и его места в дооктябрьской России и современных развивающихся странах” (1971–1972) с воспоминаниями о его переписке с П.И. Лященко (1970; Д. 525), материалы из архива учителя Тарновского, научного руководителя А.Л. Сидорова.

Одной из характерных черт Тарновского можно назвать уважительное отношение к учителям и старшим товарищам по научному цеху. Известны его статьи, посвященные И.Ф. Гиндину (Д. 80), Л.М. Иванову (Д. 87), М.Н. Тихомирову (Д. 137; машинопись со значительной авторской правкой)²⁸. Но наиболее под-

тивопоставления “правды жизни” “правде фактов” относить к числу второстепенных фактов события, с которыми связана гибель миллионов советских людей. Я не имею возможности подробно рассматривать здесь эту точку зрения. Укажу только, что группа советских историков, членов нашей партийной организации, сразу же после появления статьи Вучетича высказала свое мнение по поводу редакции “Известий”, но редакция отказалась напечатать наше письмо, заявив, что для нее это не дискуссионный вопрос. Авторы письма обратились с аналогичной просьбой в редакцию журнала “Новый мир”. Редакция согласилась опубликовать письмо, но этому помешало вмешательство цензуры» (ЦАОДМ. ф. 211. Оп. 2. Д. 87. Л. 54–55).

²⁸ Тарновский К.Н. Юбилей И.Ф. Гиндина // ИСССР. 1970. № 5. С. 231–232; Он же. Памяти Леонида Михайловича Иванова // ИЗ. М., 1972. Т. 90. С. 355–376; Он же. Три встречи: Из воспоминаний о М.Н. Тихомирове // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 216–217.

робное биографическое исследование он посвятил жизни и творчеству А.Л. Сидорова²⁹ (Д. 68; машинопись со значительной правкой автора), человека с непростой судьбой, ученика М.Н. Покровского, в 1930-е годы – крупного партработника, парторга строительства Комсомольска-на-Амуре, фронтовика, в 1952–1959 гг. – директора Института истории, основателя целой школы, нового направления в изучении российской истории рубежа XIX – начала XX в. Среди его учеников, помимо Тарновского, – М.Я. Гефтер, П.В. Волобуев, А.Я. Аврех, В.А. Емец и др. (в фонде Тарновского имеются отзывы на его кандидатскую диссертацию А.Л. Сидорова и М.Я. Гефтера (1955; Д. 538, Автографы)).

Сохранившиеся материалы, по всей видимости, отложились в процессе работы Тарновского в комиссии по изданию трудов А.Л. Сидорова, созданной Институтом истории после кончины ученого 11 марта 1966 г. Это – письмо А.Л. Сидорову от А.Ф. Ротштейна из Лондона (июнь 1964 г.; Д. 68. Л. 116–117); машинописный экземпляр, вероятно, составленной Сидоровым библиографии трудов А.А. Богданова с частичной их аннотацией (Д. 524. Л. 37–146); “Записи о жизни” матери Сидорова, Екатерины Ефимовны, написанные для его жены, Г.В. Лебедевой, в которых рассказывается о детстве и юности Аркадия Лавровича (Д. 523, Л. 36–46); и наконец, автобиографические записки Сидорова в виде отдельных разрозненных новелл (не позднее 11 марта 1966 г., машинопись; Д. 523, 524. Л. 1–35). То, что эти записки – подготовительный материал, лишь частично вошедший в его опубликованные воспоминания³⁰, подтверждается в статье Тарновского о Сидорове³¹.

В записках содержится увлекательный рассказ об учебе в Институте красной профессуры в 1924–1928 гг., о его преподавателях – А.В. Шестакове, В.И. Лебедеве, М.Н. Покровском; о своей парtrate в Нижегородской области; о создании 1-й коммунистической дивизии московских рабочих в октябре 1941 г., в чем он сам принимал непосредственное участие; о послевоенных командировках в Польшу и Чехословакию; о Зденекее Неедлы; о работе в 1930–1940-е годы в Московском университете и в Институте истории АН СССР. Здесь же даются характеристики коллегам-историкам, порой нелюбезные (Б.Д. Грекову, И.И. Минцу), уважительные, как, например, С.В. Бахрушину, и исключительно теплые – М.Н. Тихомирову (воспоминания о нем написаны вскоре после смерти Михаила Николаевича, в 1965 г., и до сих пор не опубликованы (Д. 523. Л. 132–138). “Он являлся одним из действительно немногих представителей Академии наук, – писал А.Л. Сидоров, – которые не просто занимали место, а трудились, боролись за торжество исторических знаний, понимали свой долг перед наукой и старались его оплатить” (Там же. Л. 132). И это при весьма отчужденном отношении Сидорова к историкам “старой школы”. Здесь сквозила обида за многих его товарищей по Обществу историков-марксистов, павших жертвами репрессий. Приведем лишь некоторые из оценок, высказанных по этому поводу Сидоровым:

«...Культ “очистил” науку от молодых коммунистов ученых-марксистов, составлявших цвет исторической науки 20-х годов. Были репрессированы и пропали наиболее крупные одаренные историки так называемой школы Покровского. Целыми случайно остались отдельные лица или уже ставшие вполне сталинцами (Минц), или оказавшиеся в начале 30-х гг. не в центре. Так, я встретил в приемной Шкирятова А.М. Панкратову, которую искалечили в Саратове, где она была на работе. В ход пошли беспартийные “марксисты”» (Там же. Л. 145).

²⁹ Тарновский К.Н. Путь ученого (об А.Л. Сидорове) // Изв. М., 1967. Т. 80. С. 207–244.

³⁰ Сидоров А.Л. Некоторые размышления о труде и опыте историка // ИСССР. 1964. № 3. С. 118–138.

³¹ Тарновский К.Н. Путь ученого... С. 209 (упомянув о наличии этих неизданных записок, Тарновский далее неоднократно ссылается на них при изложении биографии А.Л. Сидорова).

Несомненно, и этот интереснейший источник, сохранившийся в личном архиве Тарновского, заслуживает введения в научный оборот.

В одном обзоре невозможно дать исчерпывающую характеристику всем материалам личного фонда К.Н. Тарновского. Наверное, что-то важное было упущено. За годы, прошедшие после смерти Тарновского, многое изменилось в понимании закономерностей общественного развития. Но исторические исследования Константина Николаевича не только глубоки и добросовестны, они оказались актуальными и в настоящее время. И хочется верить, что документы его личного фонда послужат материалом для дальнейших научных изысканий и дискуссий.

В.А. Муравьев

НОВЫЙ УКРАИНСКИЙ ИСТОРИКО-АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Новый украинский историко-археографический сборник, изданный Днепропетровским государственным университетом (ДГУ) совместно с Управлением народного образования Днепропетровской областной государственной администрации и Институтом истории Украины Академии наук Украины, посвящен 40-летию творческой деятельности профессора Николая Павловича Ковальского и является первым в намечающейся серии¹. По замыслу издателей, она должна продолжить традиции исследований в области историографии, источниковедения, археографии истории Украины, специальных исторических дисциплин и краеведения, заложенные десятью выпусками “Летописи Екатеринославской губернской ученой архивной комиссии” (1904–1915) и развитые впоследствии в трудах Н.П. Ковальского и созданной им Днепропетровской школы историков-краеведов.

Сборник состоит из четырех разделов: 1. К 40-летию научно-педагогической деятельности профессора Н.П. Ковальского (с. 7–100); 2. Проблемы источниковедения, археографии и специальных исторических дисциплин (с. 101–287); 3. Исследования историографии, истории общественной мысли и культуры Украины (с. 288–489); 4. Краеведческие исследования (с. 491–529). В сборнике приняли участие историки высших учебных заведений и научных учреждений Днепропетровска, Донецка, Запорожья, Киева, Львова, Острога, а также Вильнюса, российские историки в лице А.Л. Хорошкевича (Москва).

Творческая деятельность Н.П. Ковальского протекала во Львовском университете (в 1958 г. там он защитил кандидатскую диссертацию “Связь западноукраинских земель с Русским государством: Вторая половина XVI–XVII в.”, в учебных заведениях и музеях Львова и Кривого Рога (1957–1967), в ДГУ (1967–1994). За эти годы ученым был создан цикл (9 выпусков) книг по источниковедению истории Украины, опубликовано свыше 170 статей, рецензий, заметок, защищена докторская диссертация “Источники по истории Украины XVI – первой половины XVII в.” (1984). Основана собственная источниковедческая школа: под его руководством были защищены 23 кандидатские диссертации, некоторые его ученики стали докторами наук. С 1994 г. в жизни Н.П. Ковальского наступил новый этап. Вернувшись в свой родной город Острог, он стал профессором и одним из руководителей Острожской академии, восстановленной

¹ Дніпропетровський історико-археографічний збірник / Редкол.: С.В. Абросимова, О.І. Журба (науч. ред.), В.Г. Сарбей, О.А. Удод, А.К. Швидько, Дніпропетровськ: Видавництво “Промінь”, 1997. Вип. I: На пошану професора Миколи Павловича Ковальського. 536 с.

при его активнейшем участии. Там он продолжает исследования в области источниковедения, историографии и истории культуры Украины.

В первом разделе анализируемого сборника помещен необычный материал – вопросы к Н.П. Ковальскому, составленные Е.А. Черновым (ДГУ) в качестве своеобразного историографического эксперимента. Это попытка “сознательно создать некоторое информационное поле для будущих исследователей истории исторической науки и образования на Украине во второй половине XX века”. Ответы Н.П. Ковальского под общим названием “Историк и историография: Некоторые размышления о творческом и жизненном пути историка и субъективные, собственные соображения о его месте в современном историографическом окружении и историографических процессах” представляют собой не только автобиографический материал, а скорее отражают понимание им процессов, явлений, внутренних взаимоотношений в исторической науке 50–90-х годов. Здесь же помещены биографический очерк А.А. Удода о Н.П. Ковальском, статья С.В. Абросимовой «“Personalica” в творчестве профессора Н.П. Ковальского», посвященные коллеге и учителю воспоминания академика Я.Д. Исаевича, С.В. Абросимовой, А.К. Швыдько, А.В. Санцевича, Ю.А. Мыцька, указатели опубликованных работ Н.П. Ковальского, рукописей его статей, сданных в печать в 1993–1995 гг., диссертаций, защищенных под его руководством, рецензий на труды Н.П. Ковальского, сборников трудов и тезисов конференций, выпущенных под его редакцией.

Статьи и сообщения второго раздела связаны преимущественно с источниками по истории Украины XVI–XVIII вв., которым посвящено научное творчество Н.П. Ковальского. Среди них – работы о проблемах издания и источниковедения Литовской метрики (С.В. Абросимова, А.Л. Хорошкевич), о городском архиве времен Великого княжества Литовского как объекте комплексного исследования (З. Кяупа). Привлекает внимание публикация пяти новых документов из Главного архива древних актов и Отдела рукописей Национальной библиотеки (Варшава) по истории межконфессиональных отношений на Украине в XVI–XVIII вв. (Ю.А. Мыцьк). Первые четыре из них, связанные хронологически и тематически, – универсал короля Сигизмунда III, письма полоцкого архиепископа Мелетия Смотрицкого и полоцкого униатского архиепископа Иоасафата Кунцевича, неизвестный ранее Виленский летописец, датируемый публикатором около 1632 г., – касаются того напряженного момента в отношениях между православной и греко-католической церквами, который возник в 1620–1621 гг. вследствие деятельности иерусалимского патриарха Теофана (Феофана). Пятый – письмо киевского митрополита Тимофея Щербацкого (1752) – относится к другому тяжелому моменту в этих отношениях накануне “колиивщины”. Ю.А. Мыцьк опубликовал и три сокращенных реестра Войска Запорожского 1617–1624 гг. (реестр части Войска Запорожского, реестр полковников, реестр старшин) из Главного архива древних актов, Отдела Микрофильмов Национальной библиотеки (Варшава), Государственного архива в Кракове.

На примере текстовых отношений Густынской летописи с “Хроникой Европейской Сарматии” А. Гваньини и польским переводом последней 1611 г. прослежены методы работы летописца с нарративными источниками иноземного происхождения (О.А. Дячок). Универсалы гетманов второй половины XVII – середины XVIII в. городам 10 полков рассмотрены с точки зрения наличия в них информации о правовом и имущественном положении горожан, об источниках городских доходов, о социальных отношениях в городах (А.К. Швыдько). Внимание исследователей привлекли законодательные акты, связанные с оформлением общинного устройства в Южной Украине в последней четверти XVIII в. (А.В. Бойко), описания Азовской губернии конца XVIII в. (В.А. Пирко), документы губернских и уездных военных совещаний Екатеринославской губернии

как источник для изучения утверждения советской власти в украинском селе в начале 20-х годов (Д.В. Архирейский, В.В. Ченцов).

В последнее время доля работ по специальным историческим дисциплинам в подобных сборниках значительно сократилась. Не стал исключением и этот: только одна статья посвящена метрологической проблеме – мерам урожая как мерам площади (Н.А. Герасименко). Но растет число работ по историографическим, педагогическим и близким к ним направлениям источниковедения. В данном сборнике они представлены статьями об источниковедческих аспектах в научных трудах А.М. Лазаревского (В.И. Воронов), о культурной и историко-археографической деятельности архиепископа Гавриила (В.Ф. Розанова) в Южной Украине (О.И. Журба), о киевском и львовском периодах деятельности архивиста и археографа А. Оглоблина (И.В. Верба), наблюдениями над применением историографических источников в изучении украинской литературы на филологическом факультете ДГУ (Н.И. Заверталюк). Днепропетровские источниковеды на современном уровне размышляют о возможностях и границах применения компьютерных технологий в археографии и историческом источниковедении (В.А. Дмитриева и Ю.А. Святец). Значительный интерес представляет заметка о публикации документов о казачестве и об освободительной войне под руководством Богдана Хмельницкого в журнале Ф.О. Туманского “Российский магазин” (О.И. Журба). Странно, однако, по меньшей мере, что “Российский магазин”, выходявший в 1792–1794 гг. в Петербурге, издававшийся членом-корреспондентом Петербургской академии наук и членом Российской академии, именуется первым украинским историко-археографическим журналом на том основании, что издатель происходил из “великого и известного старшинского рода с Гетманщины”, а материалы по истории Украины занимали около половины трех томов издания. Автору, конечно, вольно забывать об общности, о связях исторических судеб, культур, науки Украины и России, особенно уместно и тактично это, видимо, с его точки зрения, выглядит в сборнике, посвященном Н.П. Ковальскому, но ведь и нам вольно напомнить, с чем всегда был сопряжен поиск “родины слонов”.

Третий (историко-культурный и историографический) раздел сборника является настоящим подарком Н.П. Ковальскому, ибо его проблематика тесно смыкается с постоянными интересами историка. Теоретические и педагогические проблемы истории культуры и историографии представлены статьями “Языковой код культуры” (академик Я.Д. Исаевич; содержит ценные наблюдения об особенностях формирования украинской культуры в условиях свойственного региону многоязычия), “Украинская историософия: попытка культурологического анализа” (К.М. Колесников), размышлениями о новой модели преподавания курса украинской историографии в высшей школе (И.И. Колесник), о чертах научной школы в украинской историографии второй половины XIX в. (Г.И. Мерников), о месте биографии историка в историографическом исследовании (А.В. Санцевич). Среди работ конкретного плана особенно выделяется небольшая заметка “Историко-географические регионы Украины в процессе национального возрождения конца XVIII–XX в.” (В.Г. Сарбей), где выявляются пути соединения результатов историко-культурного, историографического, историко-географического, историко-стадиального анализов и намечены контуры и принципы преемственности регионов – “лидеров” процесса.

Другие статьи раздела посвящены образу науки в творчестве украинского поэта XVIII в. Климентия Зиновьева (С.П. Болдырь), “прогрессивному консерватизму” как течению украинской общественной мысли второй половины XVIII в. (Т.Ф. Литвинова), литературному и научному кружку, сложившемуся вокруг малороссийского генерал-губернатора кн. Н.Г. Репина-Волконского (С.П. Дремлюга), истории казачества в отражении раннего украинского романтизма 20–30-х годов (С.В. Легеза), различным аспектам научного творчества Д.М. Банты-

ша-Каменского (В.Б. Атаманенко), М.П. Драгоманова (А.И. Шиян), В.Б. Антоновича (В.Б. Ващенко), историка церкви В.А. Беднова (В.И. Ульяновский), М.С. Грушевского и В.К. Липинского (В.А. Василенко), проблемам истории и источниковедения на страницах фактического печатного органа украинского представительства в I Думе (1906) – журнала “Украинский вестник” (В.Г. Сарбей). Настоящим археографическим украшением раздела является публикация “Исповеди” (1874) члена одесского кружка “чайковцев” Л.И. Голикова (С.И. Свитленко).

Включение в сборник краеведческих работ еще раз свидетельствует о возрастающей роли краеведения в гуманитарном знании нашего времени. И хотя этот раздел чрезвычайно скромнен в сравнении с предшествующими, он содержит интересные материалы по истории Южной Украины: заметка о городке Ржищев в XV – середине XVII в. (П.М. Кулаковский), обозрение материалов Днепропетровского исторического музея о заселении степной Украины (В.С. Мороз), заметка о Д.И. Яворницком как основателе Екатеринославского исторического музея (И.Ю. Кондратьева), об истории и характере обучения в церковных школах Екатеринославской губернии в конце XIX – начале XX в. (К.А. Когтянц). Здесь же опубликована насыщенная новыми архивными материалами, небольшая, но очень драматичная по содержанию статья «Днепропетровские научные работники в тисках “Большого террора” 1930-х годов» (В.В. Иваненко и А.А. Удод).

В целом сборник – удачное и многообещающее прибавление в большом семействе историко-археографических ежегодников и альманахов, с чем искренне можно поздравить украинских историков и ученого, которому этот сборник во многом обязан своим рождением – Николая Павловича Ковальского.

В.В. Морозов

ДВА ОПИСАНИЯ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ РГБ

Описание рукописных собраний – дело весьма почтенное, но неблагоприятное. Для такой работы требуется высокая квалификация в сочетании с широким кругозором, самодисциплиной, способностью к длительной работе без надежной перспективы к публикации. Лавров же не обретишь. Отнюдь не часто упоминается фамилия автора описания – проводника в безбрежном “море” хранилищ рукописей. И к сожалению, несмотря на настойчивые ходатайства Археографической комиссии РАН, такая форма признания научного вклада автора описания, как присуждение ученой степени, до сих пор не сложилась.

Между тем атрибуция памятника определяет обращение к нему специалистов, а ошибка, неточность в описании могут надолго сказаться на введении памятника в научный оборот. Интерпретация автора описания (а затем и публикатора) порой настолько прочно усваивается, что, несмотря на очевидное противоречие самого памятника, остается надолго закрепленной в исторической литературе. Самый яркий тому пример – устойчивое, переходящее из монографии в монографию, из учебника в учебник положение о Лицевом летописном своде как иллюстрированном списке Никоновской летописи, заложенное в описании рукописей, предворяющих IX том ПСРЛ (СПб., 1862).

Если же говорить об описаниях, готовящихся в настоящее время, то сразу же встает вопрос о сложности их реализации. На “рынок” такую книгу не отнести, ее цена отнюдь не адекватна вложенным средствам и в лучшем случае может окупить лишь типографские расходы, а ничтожность материального вознаграждения, получаемого автором, никакими “аплодисментами” не компенсировать.

Рецензенту такого издания остается одно – утешать авторов и администрацию. В конечном счете их труд будет служить века. Забудутся статьи и монографии амбициозных коллег, лишь вскользь станут упоминать в историографических разделах их покрытые пылью диссертации, но до дыр истреплют описания рукописей все новые и новые поколения читателей.

* * *

Такая судьба, бесспорно, ждет и очередной том описания Музейного собрания РГБ, подготовленный к печати Т.А. Исаченко¹. Предыдущий том вышел в свет 35 годами ранее. Затем сотрудники группы рукописных книг сконцентрировались на подготовке Указателя рукописных собраний. Позднее положение осложнилось перемещением ОР РГБ, связанным с реставрацией дома Пашкова, и остро вставшей проблемой обеспечения сохранности фондов, размещенных во временных хранилищах. Однако вопреки этим, казалось бы непреодолимым, препятствиям второй том описания исследователи получили в начале 1998 г.

Состав Музейного собрания сложен. Формировалось оно по мере поступления с 1862 г. и вобрало как отдельные рукописи, так и целые фонды. С прекращением его комплектования в 1947 г. из него были выделены отдельные фонды и материалы, присоединенные к самостоятельным фондам. И все-таки Музейное собрание остается крупнейшим в ОР РГБ. Если в первом томе опубликовано описание 450 ед. хр. (из материалов, поступивших в 1862–1885 гг., № 1–3005), то во втором 872 (поступления 1886–1920 гг., № 3006–4500).

О том, каким должен быть кругозор составителей Описания, говорит репертуар описываемых рукописей. Собрание может привлечь внимание исследователей самых разных специальностей. В него вошли памятники древней письменности в списках XII–XIX вв. Это – библейские книги, Евангелие, Апокалипсис, творения отцов церкви и толкования на них, книги богослужебные и четьи. Среди последних – сборник житий, сказаний, поучений, слов. Круг интересов средневекового человека ярко раскрывает полемическая литература, как ортодоксальная, так и старообрядческая. Рукописи собрания отражают эволюцию древнерусской литературы: сборники нравственно-учительного содержания (включая такие произведения, как Повесть о Варлааме и Иоасафе) в XVII в. дополняются сочинениями откровенно смеховой культуры (Повесть о Савве Грудцыне), а Космография уживается в одном переплете с баснями Эзопа. Литературные сборники традиционного содержания с XVIII в. создаются реже, возникают светские, а в XIX в. читатель уже переписывает произведения А.И. Дельвига и М.Ю. Лермонтова. Сказания на исторические темы (о Мамаевом побоище) сменяются в XVII в. Записками А. Матвеева о Стрелецком бунте, а в XVIII в. – “Рассуждениями...” (П. Шафирова о Свейской войне).

Делопроизводственная документация, поступавшая в Музейное собрание, существенно отличается от архивной. Разрядная книга 1558/9–1604/5 гг. – важный источник для изучения служб высшего феодального слоя и судеб отдельных фамилий, коллекции материалов органов местного и губернского управления перемежаются с тематическими подборками (по Отечественной войне 1812 г.) и сборниками выписей (документы и анекдоты времени Петра I), раскрывающими интересы переписчиков, собирателей, хранителей к определенным сюжетам отечественной истории. Имеются фрагменты частных архивов (Ростиславских и Свиных), письма в подлинниках (П.С. Рунича) и копиях (переписка Екатерины II с П.А. Румянцевым).

Интерес историка искусства привлекут 68 рукописей с миниатюрами и более 200 с заставками и инициалами.

¹ Музейное собрание. Описание. Т. 2 (№ 3006–4500) / Изд. подг. Т.А. Исаченко. М., 1997.

Предел собственно исторической науки расширяют нотные рукописи, учебники, трактаты (по естествознанию, физике, кабалистике, школьному воспитанию), курсы лекций и учебные пособия, записи наблюдений погоды.

Такое жанровое разнообразие требует от составителей решения сложных вопросов адекватности описательных статей внешнему облику и содержанию рукописи. Ведь если для произведений, имеющих длительную рукописную традицию, важно определение редакции (проблема порой спорная), то для уникальных, несомненно, первостепенным становится выявление их содержания (в рамках формуляра описательной статьи), позволяющее потенциальным исследователям получить информацию для возможного пользования документом.

Подготовка второго тома Описания Музейного собрания началась лишь в 1989 г. В его основу была положена Опись 1968 г., составленная группой “древников”, в которую входили историки-источниковеды (Я.Н. Шапов, В.Б. Кобрин), искусствоведы (Т.Б. Ухова, О.С. Попова, Ю.А. Неволин), филологи (И.М. Кудрявцев, Н.Б. Тихомиров).

За истекшее время накоплен большой опыт составления описаний, Археографической комиссией и БАН проведены конференции и совещания (1971, 1973, 1978, 1979 г.), на основе которых были разработаны методические рекомендации. Этот опыт, по признанию Т.А. Исаченко, “неизменно находился в поле нашего зрения”². Положительную роль сыграли постоянные консультации со специалистами – знатоками рукописной книги, учтены и замечания рецензентов первого тома – Л.Н. Пушкарева и Л.А. Дмитриева. Но характеристика украшения вошла в публикуемый текст “в том виде, в каком она представлена в описи”³. Ввиду несовершенства методики, принятой при подготовке первого тома, где порой отсутствовали указания на филигранные, иным стало в Описании обращение к водяным знакам бумаги – одному из важнейших признаков для определения времени создания недатированных рукописей. В рецензируемом Описании использованы методика и терминология, предложенные А.А. Амосовым, что позволяет существенно сузить предполагаемые хронологические рамки создания рукописи при максимальном приближении к реальной дате. Но эта работа проведена не всегда последовательно: преобладающими остаются лишь указания на номер знака из того или иного альбома, что логично понимать как “тождество” (чрезвычайно редко встречаются указания “типа”, “сходен”), а порой они вовсе отсутствуют (Сборник исторический, 3271).

Однако самым сложным элементом Описания остается раскрытие содержания. Конечно, полный перечень статей с начальными и конечными словами – идеал, и для крупного собрания, пожалуй, недостижимый. Поэтому целесообразными представляются принятые условия отказа составителя от этого принципа: в сборниках постоянного состава указываются только статьи, выходящие за его пределы, а наиболее важные в научном плане добавления выделены подробными комментариями.

Понимая, что основная работа по атрибуции рукописей, выявлению их состава и датированию проведена составителями Описи 1968 г., следует поднять вопрос морально-этический. Коль скоро в нее были внесены дополнения, обусловленные практикой, результатами обсуждений методики описания на совещаниях и конференциях, то это, естественно, и оговорено в предисловии. Но затем следует пассаж труднообъяснимый: “Основной массив дополнений включен в заключительную часть описания”, т.е. в список литературы (описания, публикации и исследования). Основная же часть Описи – “библиографические уточнения, сюжеты филигранных, номера фондов, фигурирующих в описании, начала (статей, либо произведений), допущенные ранее опечатки и прочее *внесены в ос-*

² Там же. С. 6.

³ Там же. С. 5.

новой текст” (курсив мой. – В.М.). Не означает ли это, что в Описание полностью вошла Опись 35-летней давности? Но тогда имена ее авторов должны быть названы в числе составителей Описания (следовало бы также назвать имена анонимных специалистов по нотированным рукописям).

Как и любое другое, Описание Музейного собрания сопровождается указателями. Это – указатели имен и названий; хронологический; географических названий, упоминаемых в записях; имен, упоминаемых в записях; рукописей с украшениями; рукописей по изводам. Поиски необходимого материала исследователям облегчит конкорданция старых и новых шифров. Отказ же от систематического указателя следует поддержать в первую очередь потому, что он представляет слишком широкое поле деятельности для интерпретации составителей Описания.

Несомненно, полезными станут и указания на публикацию памятника (в том числе и конкретной рукописи Музейного собрания) и исследовательскую литературу, доведенные до 1996 г.

Конечно, в столь большой работе, какой является Описание (31 п.л.), всегда можно найти повод для мелких замечаний. Думаю, в данном случае это не совсем оправданно. Но, однако, полагаю ошибочными такие отсылки, как “рукопись присоединена к архиву (имярек)”, с указанием номера фонда и единицы хранения, так как в этом случае частично утрачиваются сведения о первоначальном составе Музейного собрания, важный элемент истории его складывания.

* * *

Второе издание отдела рукописей РГБ – очередной том Указателя рукописных собраний⁴. И оно тоже прошло длительный инкубационный, если так можно сказать, период. Дата на титульном листе – предполагаемое время выхода в свет – поставлена с опережением. Указатель готовился еще в конце 1980-х годов.

Книге свойственна основательность. Ее ответственному редактору, Ю.Д. Рыкову на опыте двух предыдущих выпусков⁵ удалось выработать стиль, приличествующий серийному изданию, рассчитанному на длительное и активное пользование. Третий выпуск выполнен на очень хорошем полиграфическом уровне, и остается только сожалеть, что первый и второй в этом отношении ему явно уступают. Но так как планируется издание еще трех томов Указателя (названий рукописей и произведений, имен и географических названий, художественного оформления рукописных книг), то следует высказать пожелание о сохранении достигнутого уровня.

Всего в трех выпусках первого тома Указателя исследователи получили исторические справки на 86 собраний рукописей (в первом – 25, во втором – 31, в третьем – 30), и работа над томом завершена.

Фонды, описания которых вошли в третий выпуск, сложились в 1948–1979 гг. в результате покупок, передач, даров (в том числе и единичных поступлений). По признаку происхождения они делятся на три группы: частные собрания (математиков И.К. Андропова и А.И. Маркушевича, историков А.П. Голубцова и Г.М. Залкинда, архитектора В.В. Егерова, литературоведа А.В. Кокорева, переводчика Н.А. Пушешникова, инженера А.П. Гранкова, издателя И.М. Фадеева, библиофила С.Л. Полякова, старообрядцев И.А. и П.П. Брысиных, И.Г. Иванова, М.И. Полякова, Г.С. и Г.Г. Юдиных, а также неустановленного старообрядческого священника, поступившее от Г.Р. Наумова, которое правильнее было бы называть собранием М.Б.Ш.); собрания местных библиотек

⁴ Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина: Указатель. Том 1, вып. 3 (1948–1979). М., 1996.

⁵ То же. Вып. 1 (1862–1917); То же. Вып. 2 (1917–1947).

и музеев (Костромской областной библиотеки им. Н.К. Крупской, Архангельской областной библиотеки им. Н.А. Добролюбова, Великоустюжского районного краеведческого музея, Крымского педагогического института им. М.В. Фрунзе и Вологодского, объединившего рукописи Вологодской областной библиотеки им. И.В. Бабушкина и Вологодского областного краеведческого музея); территориальные собрания (Смоленск, Нижегородское, Рязанское, Гуслицкое, Самарское, Саратовское, Калужское и Ярославское).

Каждая историческая справка состоит из *четырёх* разделов. *Первый* – биографические сведения о прежних частных владельцах собраний, исторические – об учреждениях или общие сведения о крае (для территориального собрания), об истоках его культуры и рукописной традиции старообрядчества, так как именно из этой среды они комплектовались археографическими экспедициями. *Второй* – тематика собирательской деятельности владельца, ее хронологические рамки, а также источники, география и формы комплектования (для территориальных собраний – роль археографических экспедиций). *Третий* – обстоятельства и время поступления собраний. *Четвертый* – характеристика собрания, его специфика, основные части и наиболее интересные рукописи. Завершают справку сведения о подготовленных в отделе машинописных описях; опубликованных обзорах и описаниях, связанных с собранием архивных материалов; хранилищах, содержащих рукописи, связанные собранием общим происхождением или бытованием.

Как положительный фактор можно отметить и обильный иллюстративный материал. Досадно лишь, что именно в подписях к нему обнаруживается несоответствие тексту справки (см. с. 432). К сожалению, в этих подписях нет указаний на номера фондов (видимо, предполагается, что иллюстрации расположены в пределах справки), не указаны номера страниц. Нет номеров фондов и в списке иллюстраций.

Уверен, что Указатель станет весьма полезным справочником как для опытных специалистов, так и для тех, кто делает первые шаги в науке. Его можно рекомендовать и как “душеполезное чтение” – настолько интересны содержащиеся в нем сведения и доступен язык изложения.

А.Г. Мосин

“ПУТЕШЕСТВИЯ В РОДОСЛОВИЯ”*

(О книге П.А. Колесникова)

Так называется книга Петра Андреевича Колесникова – историка, источниковеда, археографа, краеведа, крупного ученого и замечательного человека, – к сожалению, увидевшая свет после ухода из жизни автора. Это итог многолетних архивных поисков, наблюдений и размышлений автора о роли исторической памяти в жизни народа и родовой памяти в жизни отдельной семьи и каждого человека, стремящегося жить осмысленно.

О том, насколько дорог был предмет исследования (ибо книга, адресованная, как принято говорить в таких случаях, “широкому читателю”, является при этом несомненным вкладом в историческую науку) самому П.А. Колесникову, сказано в предисловии ответственного редактора издания профессора А.В. Камкина: “Пробудившийся в последнее десятилетие массовый интерес к истории, к ее малоизвестным страницам он встретил с большой радостью. Как-то по-особому

* Колесников П.А. Путешествия в родословия. Вологда, 1997. 216 с.

близко к сердцу воспринял он бум генеалогических изысканий, поиск забытых родословий своих истоков. Ему, родившемуся в 1907 г. в семье кубанского казака и силой жестоких обстоятельств навсегда оторванному от родовых корней, эта тенденция представлялась, может быть, самой существенной чертой нашего времени. Он увидел в этом желанное восстановление насильственно прерванной тысячелетней связи времен, обретение утраченной целостности истории Отечества” (С. 6).

Книга состоит не из традиционных глав, а из “путешествий” – “В хранилища памяти автора”, “В архивные хранилища памяти”, “В музеи и другие хранилища”, “В родословия малых родин”, “В созидательную деятельность крестьянства”, “В родословия крестьянской интеллигенции”, “В родословия разносословных фамилий”, “В законы генетики и генофонд народа”. Удивительным образом она сочетает в себе серьезные научные исследования, сопровождаемые внушительным справочным аппаратом, и лирические воспоминания о близких людях, популярные краеведческие очерки и практическое пособие для желающих заняться родословными разысканиями. Создать из всего этого целостное, гармоничное произведение позволила высокая внутренняя культура автора, проявляющаяся на каждой странице книги в любви и преданности своему делу, в мастерском владении выразительными средствами родного языка, в уважительном отношении к читателю.

Бережно хранимые в семье будущего историка родовые предания, передававшиеся изустно из поколения в поколение и связывавшие их незримой, но прочной нитью воспоминаний, пробудили его ранний интерес к истории и во многом определили последующий жизненный путь. По признанию П.А. Колесникова, уже в возрасте 10–11 лет у него “возникали вопросы о родословии казаков и иногородних”. Рано появилось ощущение своей сопричастности, через историю предков к истории России, родного края. Двоюродная бабушка-казачка, читая вслух “Тараса Бульбу”, объясняла, что прапрадеды их “из запорожских казаков, переселенных на Кубань волею царицы Екатерины II”; названия казачьих деревень на Кубани сохранили именованья куреней запорожцев, упоминаемых в повести Гоголя. “Отец был уверен, – вспоминает П.А. Колесников, – что корни нашего рода определились уже в Сечи Запорожской” (С. 9–10).

Самому автору равно дороги все родовые линии семьи: «Иное родословие было у моей мамы. Ее предки “сошли” на Кубань от помещика одной из южных губерний центральной России накануне отмены крепостного права. Не приняты в казачью общину, они пополнили слой “иногородних” ремесленников. Бабушка по материнской линии была одной из тех, которые обладали талантом рассказчиц [...] Ее приезд к нам на хутор был для меня праздником. Она мне поведала о трех поколениях ее рода...» (С. 10).

Так пришло к автору понимание того, что история рода, семьи – существенная составляющая истории страны, народа, занимает в ней свое, особое место, без этой “малой” истории неполной окажется и история “большая”. И чем раньше сформируется историзм мировосприятия человека, тем осмысленнее, содержательнее пройдет его жизнь.

Зародившийся в детстве интерес к тому, что связывает человека с его предками, с малой родиной, что делает каждого человека единственным и неповторимым, развивался на протяжении всей жизни П.А. Колесникова. На этом пути им была проделана огромная внутренняя работа, благодаря чему так много удалось сделать и на поприще осмысления и изучения отечественной истории.

Закономерно и то, что жизнь и деятельность П.А. Колесникова с 20-летнего возраста неразрывно связаны с Русским Севером, ставшим для него второй родиной. Быть может, вольнолюбивые традиции северорусского крестьянства сыграли в этом свою роль, или же сказались через много поколений “генная па-

мать”, в силу и плодотворность которой так верил Петр Андреевич, – но, так или иначе, сердце его “прикипело” к суровой красоте этого края и людей, живущих здесь и уходящих родовыми корнями во времена Новгородской Руси.

Незабываемой для автора стала первая встреча с Русским Севером. Символом основательности и памятности северян стал для него столб с надписью: “Деревня Шарья. Ревизских мужских душ – 86. Женских – 88”. Он стоял у входа в деревню. “Много позже, вспоминая этот столб, понял, какое же надо было иметь бережное и уважительное отношение к прошлому, чтобы сохранить историческую справку о числе населения по последней ревизской переписи 1857–1858 годов! За 70 лет после нее в Шарье сменилось три поколения, рождалось и росло четвертое. Но люди помнили свое родство, ценили добрую память о своей малой родине” (С. 18).

Здесь, на Русском Севере, усилился интерес П.А. Колесникова к судьбам людей, к связям их с землей, и по мере новых встреч с интересными людьми и освоения документальных богатств местных и центральных архивов углублялось понимание важности изучения историко-культурного наследия этого края в полном объеме. Все это нашло воплощение в плодотворной работе Северного отделения Археографической комиссии РАН, которой Петр Андреевич отдал 27 лет жизни, в осуществлении “Вологодской программы”, одним из разработчиков и руководителей которой он был.

Вся книга пронизана памятью автора о людях, с которыми его сводила жизнь. Среди них – учителя и старшие товарищи, помогавшие в научной работе и архивных поисках (Н.В. Устюгов, В.И. Шунков, С.В. Юшков), краеведы, жители северорусских деревень, постоянные корреспонденты, увлеченные родословными разысканиями, и просто случайные собеседники. За всем этим стоит неисклюкаемый интерес к людям, способность многому у них научиться и быть благодарным – то, что входит в понятие интеллигентности, которая, как замечает сам П.А. Колесников, “не всегда тождественна образованности”.

И сам Петр Андреевич всегда был открыт для общения, очного и заочного, всегда готов был оказать любую помощь каждому, кто в ней нуждался, относясь к этому, как к своего рода служению по призванию. “Письма идут и идут, – пишет он. – Люди приезжают за тысячи километров, чтобы рассказать о своем роде, посоветоваться, поговорить, что поздно начали изучать доброе наследие своих предков. Каждое письмо и встречи – это новые имена генеалогической энциклопедии человечества” (С. 182).

Замечательны страницы книги, посвященные “родословиям малых родин”. Северная деревня – удивительный феномен русской культуры. Деревни Русского Севера имеют многовековую, “многопоколенную” (по определению П.А. Колесникова) историю, порой они исчезают, но затем нередко снова появляются на прежнем, давно обжитом месте. “Родословия малых родин” – открытие П.А. Колесникова, рассматривающего родовые корни отдельных семей в неразрывной связи с историей мест их проживания.

Предки были у каждого из нас, независимо от нашего социального происхождения или социокультурной принадлежности. На страницах книги П.А. Колесникова оживают родословия разнородных (в том числе крестьянских) семей, сопровождаемые генеалогическими схемами, любовно составленными автором. Случайные сами по себе, эти примеры дают всем нам надежду на то, что история наших семей, наших родов не канула в Лету безвозвратно, она в принципе познаваема, и многое здесь зависит уже от нас самих.

Практические советы автора, адресованные тем, кто хотел бы отправиться в самостоятельное “путешествие” по собственному родословию, даются в простой, доверительной форме, это скорее дружеский совет, чем указание. Вместе с тем они способны оказать неоценимую помощь людям, никогда не работавшим ранее в архивах, некоторые из них будут полезны и специалистам.

И все же главное значение этой книги – не прикладное, не узковспомогательное. Каждая книга, и прежде всего адресованная читателям разного возраста, образовательного уровня и самых различных профессиональных интересов, обязательно должна иметь некую сверхзадачу. Думается, такую сверхзадачу ставил перед собой и П.А. Колесников: пробудить у читателя интерес к своим родовым корням, заставить его задуматься о своем месте в цепи сменяющихся друг друга поколений, о личной ответственности каждого перед памятью предков и перед потомками, которым предстоит когда-то продолжить наследование вековых традиций. Выполнение этой задачи и стало бы гарантией того, что никогда не прервется “веков связующая нить” ни в реальной жизни, ни в сознании людей.

Книга П.А. Колесникова издана на средства Администрации Вологодской области тиражом всего 500 экземпляров, чего явно недостаточно даже для одной этой области, не говоря уже обо всей России. Остается надеяться, что в самом ближайшем будущем эта книга, ставшая одновременно исповеданием жизненного кредо и его завещанием нам, живущим на этой земле, будет переиздана массовым тиражом и дойдет до каждой семьи, осознавшей потребность строить свое будущее на крепком фундаменте исторических знаний о своих родовых корнях.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Д.Я. САМОКВАСОВА*

1869

Заметки по истории русского государственного устройства и управления // ЖМНП. СПб. Ч. CXLVI. Отд. 2. Нояб. С. 40-105; Дек. С. 218-248.

1872

Историко-юридические очерки // Там же. Ч. CLX. Отд. 2. Март. С. 1-70.

О городищах и курганах в земле северян и их значение в истории // Черниг. губ. ведомости. № 45.

Письмо к его Преосвященству, посвященному Иоанну – епископу Черниговскому и Нежинскому и форма запроса о городищах и курганах г.г. приходским священникам // Черниг. епарх. изв. № 19 (офиц. часть).

1873

Древние города России: Ист.-юрид. исслед. СПб. 191 с.

О методе ученой разработки исторических источников: Вступ. лекция в курсе истории русского права в Императ. Варшав. ун-те // ЖМНП. СПб. Ч. CLXX. Отд. 2. Дек. С. 241-252.

1874

Курганы у Николаевской Белгородской пустыни Суджанского уезда // Тр. Кур. стат. к-та. Курск. Вып. 4. 211 с.

О раскопках кургана Черная Могила в Чернигове // Изв. ИРГО. СПб. Т. X. С. 30-31.

Результаты исследования черниговских курганов с кострищами // "Древности": Тр. МАО. М. Т. IV. С. 77-82.

1876

Древние земляные насыпи и их значение для науки // Древняя и новая Россия: Сб. СПб. № 3. С. 262-278; № 4. С. 342-358.

Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава. 283 с.

1877

О древних городах России: (Ответ Ф.И. Леонтовичу по поводу статьи его в т. 2. Сборника государственных знаний. СПб., 1875): Крит. и

библиогр. заметки // ЖМНП. СПб. Ч. СХС. С. 254-306.

Ответ профессора Императорского Варшавского университета Д.Я. Самоквасова на рецензию Ф.И. Леонтовича на книгу Д.Я. Самоквасова "Древние города России" // Сборник государственных знаний. СПб. Т. 3. С. 24-29.

1878

История русского права. Т. 1: Начала политического быта древнерусских славян. Вып. 1: Литература. Источники. Методы ученой разработки источников. Варшава. 346 с.

Инструкция для научного исследования курганов // Изв. Императ. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императ. Моск. ун-те. Т. 31. С. 51-55.

Инструкция для описания городищ, курганов и пещер и для производства раскопок курганов // Тр. III Археол. съезда. Киев. Т. 1. С. 59-63 (совм. с Л.К. Ивановским и В.Б. Антоновичем).

Исторические значения городищ: Реферат // Там же. С. 225-235.

Новые археологические исследования и находки в г. Чернигове и его окрестностях // Киевлянин. 7 сент.

Северянские курганы и их значение для истории: Реферат // Тр. III Археолог. съезд. Киев. Т. 1. С. 185-224.

Семейная община в Курском уезде // Зап. ИРГО по отд-нию этнографии. СПб. Т. 8. Отд. 3. С. 11-15.

Условия научного исследования курганов и городищ. Варшава. 7 с.

1879

Отзыв о сочинениях студентов Афанасьева Владимира и Голубева Михаила на тему "Следы язычества в обычаях русских крестьян настоящего времени и их значение как средства познания русского права этнической эпохи" // ВУИ. № 5. С. 35-38.

1880

Антропологические и археологические материалы эпохи язычества в пределах Привисленского края // Варшав. губ. ведомости. № 22.

* Составитель Б.Б. Лебедев

Значительный вклад многолетнего директора МАМЮ Дмитрия Яковлевича Самоквасова в развитие отечественной археологии, истории права, архивного дела отмечен во многих печатных трудах. Совсем недавно значительно увеличилось число статей о жизни и деятельности ученого, издана посвященная ему книга С.П. Шавелёва "Историк русской земли: жизнь Д.Я. Самоквасова" (Курск, 1998).

Однако список печатных трудов Д.Я. Самоквасова публикуется впервые. Значение публикации тем более важно, поскольку судьба личного архива Д.Я. Самоквасова остается неизвестной.

Вещественные памятники древности в пределах Малороссии: Реферат // Изв. Императ. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. М. Т. 35. Ч. 1. Вып. 4. С. 338–350.

Новейшие приемы научной критики: По поводу статей гг. Дитяткина и Ковалевского в № 8 Критического обозрения за 1879 г. // ЖМНП. СПб. Ч. CCVIII. Отд. 2. Март. С. 160–171.

Об антропологических и археологических материалах эпохи язычества в пределах Царства Польского: Доклад // Изв. Императ. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. М. Т. 35. Ч. 1. Вып. 1/3. С. 175–179.

О средствах определения древности городищ: Реферат // Там же. С. 180–182.

1881

О раскопках курганов в Черниговской, Полтавской и Киевской губерниях: Реферат // Там же. М. Т. 37. Вып. 1. С. 10–12.

1882

Могильные древности Пятигорского округа: Отчет об археол. командировке на Кавказ в 1881 г. // ВУИ. № 6. С. 1–31.

1884

История русского права. Вып. 2: Происхождение славян. Происхождение русских славян. Варшава. 154 с.

1886

Главнейшие моменты в государственном развитии Древней Руси // ВУИ. № 1. С. 1–33; № 2. С. 34–66.

Могильные древности Александровского уезда Екатеринославской губернии // Тр. VI Археол. съезда. Одесса. Т. 1. С. 189–207.

Общества кочевых народов // ВУИ. № 9. С. 1–25. Происхождение Московского государства: История порядка преемства великокняжеской власти в Моск. гос-ве // Там же. № 3. С. 1–31.

Речь профессора Д.Я. Самоквасова на торжественном акте Императорского Варшавского университета 30 августа 1886 г. // Там же. № 6. С. 1–10.

Свидетельство современных источников о военных и договорных отношениях славянорусов с греками до владения Владимира Святославича Равноапостольного // Там же. С. 1–48.

Формы социальной организации сидячих и бродячих народов (при условии каменной культуры) // Там же. № 8. С. 1–26.

1887

Генетическое, этнографическое сродство скифов и славян // Тр. V Археол. съезда. Тифлис. Т. 1. С. 196–202.

История городского общежития народов // ВУИ. № 6. С. 1–16.

Могильные древности Пятигорского округа // Тр. V Археол. съезда. Тифлис. Т. 1. С. 37–60.

Общества оседлых народов // ВУИ. № 1. С. 1–32; № 2. С. 33–70.

1888

История русского права: Ун. курс. Кн. 1: Языческая эпоха. Источники. Содержание институтов экономического, религиозного, государственного и процессуального права. Варшава. 400 с.

Лекции по истории русского права. Варшава. 400 с.

Сборник топографических сведений о курганах и городищах в России: Волын. губ. СПб. 99 с.

1890

Хронологическая классификация могил Южной России // ВУИ. № 5. С. 1–33.

1892

Основание хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей профессора Д.Я. Самоквасова. Варшава. 101 с. Прил.: 10 табл. с рис.

Проект правил организации и направления деятельности правительственных центральных архивов Киевского, Виленского и Витебского. СПб. 5 с.

1894

Программа курса лекций Д.Я. Самоквасова на 1894/95 г. “О происхождении и содержании языческой системы русского права”. М. 19 с.

1896

Исследования по истории русского права.: Вып. 1: Предисловие. Введение. Критический обзор теорий догосударственного быта русских славян. М. 141 с.

То же. Вып. 2: Средства познания системы русского права языческой эпохи. М. 170 с.

Лекции по истории русского права: Студ. конспект. Вып. 2: Происхождение и содержание общих законов Русской земли эпохи удельных государств. М. 199 с.

То же. Вып. 3: Местное законодательство удельных государств и законодательство Московского государства и Российской империи. М. 210 с.

Программа курсов лекций по истории русского права на 1896/97 академический год. М. 8 с.

1897

Архивный инвентарь Д.Я. Самоквасова. // ЖМНП. СПб. Ч. CCCXII. Отд. 4. Август. С. 57–77.

О происхождении русских и польских славян и причине появления кладов римских монет в земле древних ругов и яхов // Тр. VIII Археол. съезда. М. Т. 3. С. 31–43.

Основания хронологического распределения этнографических материалов // Там же. С. 44–54.

1899

Средства познания древнейшего русского права:

Пособие для практ. занятий студентов. Прил. к курсу лекций. М. 143 с.

Централизация государственных архивов Западной Европы в связи с архивной реформой в России. М. 177 с.

1900

Архивное дело на Западе. М. 30 с.

Централизация государственных архивов: Архивное дело на Западе. М. 250 с.

1901

Ред.: Акты Московского государства: Сб. док. СПб. Т. 3: Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664. 674 с.

К материалам по университетской реформе: Записки (на правах рукописи). М. 20 с.

Основные вопросы университетской реформы: Записки. М. 52 с.

Проект общего устава Императорских российских университетов. М. 17 с.

Проект общего устава студентических областных корпораций. М. 2 с.

Проект студенческих учреждений: Министерский проект организаций студ. учреждений (Чит. в заседании Совета Моск. ун-та 13 ноября 1901 г.) (на правах рукописи). М. 9 с.

1902

Архивное дело в России. Кн. 1: Современное русское архивное нестроение. 1852–1902. М. 37 с.

То же. Кн. 2: Прошедшая, настоящая и будущая постановка архивного дела в России. 1852–1902. М. 181 с.

Русские архивы и царский контроль приказной службы в XVII веке. М. 48 с.

Проект архивной реформы и современное состояние окончательных архивов в России. М. 48 с.

Централизация госархивов в Западной Европе в связи с архивной реформой в России: Реферат // Тр. XI Археол. съезда. М. Т. 2. С. 105–106.

1903

Древнее русское право: Лекции 1902/03 академического года. М. 434 с.

Конкурс по соисканию кафедры истории русского права в Московском университете: Докл. засл. проф. Д.Я. Самоквасова, составленный по поручению ф-та конкурсной комиссии. М. 29 с.

1904

Происхождение поместного права и общинного крестьянского землевладения Московского государства: Речь на торжественном Собрании Моск. Императ. ун-та 12 января 1904 г. Речь и отчет, читанные на торжественном собрании Императ. Моск. ун-та 12 января 1904 г. М. С. 1–68.

1905

Ред.: Архивный материал: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV–XVII столетий. М. [Т. 1]. 202 с.

Русское архивное законодательство: Реферат // Тр. XII Археол. съезда. М. Т. 3. С. 345–348.

1906

Археологические карты В.Б. Антоновича. Киев. 19 с.

Выписки из дел Императорской археологической комиссии, пополненные сведениями из архива графини П.С. Уваровой // Тр. Моск. предвар. к-та по устройству XIV Археол. съезда. М. Вып. 1. С. 109–120.

Выписки из дел Императорской археологической комиссии 1860–1905 гг. и Черниговского губернского статистического комитета 1901 г., пополненные сведениями из архива графини П.С. Уваровой о находках денежных кладов и других древностей // Там же. С. 41–69 (совм. с П.С. Уваровой).

История русского права: Лекции, 1906/07 учебный год. М. Ч. 1. 651 с.

Крестьянство и земская реформа времени царя Ивана Грозного. М. 85 с.

План археологических работ по собиранию и систематизации древностей Черниговщины для XIV Археологического съезда // Тр. Моск. предвар. к-та по устройству XIV Археол. съезда. М. Вып. 1. С. 1–21.

Сведения об археологических находках в Полтавской губернии, извлеченных из дел Императорской археологической комиссии последних лет // Там же. С. 121–126.

1907

Верховная самодержавная власть и основные законы Российской империи: Чтение для рабочих города Москвы. Чтение 2-е. М. 47 с.

Пособие для практических занятий студентов: Прил. к курсу лекций. М. 267 с.

Право и государство: Чтение для рабочих города Москвы. Чтение 1-е. М. 7 с.

Программа курса лекций по русской археологии. М. 8 с.

1908

Дополнения к курсу лекций по истории русского права, читанных в 1907–1908 гг. М. 143 с.

История культуры населения Русской земли по могильным древностям: Программа лекции 23 ноября 1908 г. в Политехн. музее в пользу фонда Орлов. учен. арх. комиссии, предназначенного для местных археол. раскопок. М. 3 с.

Курс истории русского права. 3-е изд., пер. и доп. М. Ч. 1. 420 с.

Происхождение русского народа. М. 15 с.

Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей. М. 24 с.

Речь 5 августа 1908 г. на торжественном юбилейном заседании XIV Археологического съезда. Чернигов. 5 с.

Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М. 120 с.

Современное состояние научной разработки древних архивных материалов // Тр. XIII Археол. съезда. М. Т. 2. С. 153–165.

Экзаменная программа по истории русского права. М. 13 с.

1909

Ред.: Архивный материал: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства: Сб. док. Т. 2: XV–XVII вв. М. 630 с.

О заграждении Красной площади трамваем // Моск. ведомости. 20 сент.

Второе слово профессора Д.Я. Самоквасова в комиссии по вопросу о заграждении Красной площади трамваем // Моск. ведомости. 26 сент.

Докладная записка о необходимости реформы устройства и штата Московского архива ми-

нистерства юстиции (Копия). М. 1909. 26 марта. 32 с. (на правах рукописи).

История русского права. М. Ч. 2. 197 с.

Рапорт господину министру юстиции об утверждении нового штата и об увеличении ассигнований на заработную плату сотрудникам архива от 26 марта 1909 г. М. 2 с.

1910

К вопросу о государственных цветах Древней России. М. 16 с.

1915

Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии. М. 40 с.

1916

Могильные древности Северянской Черниговщины. М. 99 с.

Раскопки Северянских курганов в Чернигове во время XIV Археологического съезда. М. 41 с.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Л.В. ИВАНОВОЙ*

1956

Рец. на кн.: История Московского университета. М., 1955. Т. 2. 456 с. // ВИ. № 9. С. 165–168 (совм. с В.Т. Ермаковым).

1957

Я.М. Свердлов об июльских днях 1917 г. в Петрограде // ИСССР. № 2. С. 122–127 (совм. с М.М. Вассером, А.Н. Соколовой).

Подгот. публ.: Из документов Я.М. Свердлова // Новая и новейшая история. № 5. С. 117–125 (совм. с М.М. Вассером, А.Н. Соколовой).

Сост. и коммент.: Я.М. Свердлов. Избранные произведения. М. Т. 1. 395 с. (совм. с М.М. Вассером, А.Н. Соколовой).

1959

Сост. и коммент.: Я.М. Свердлов. Избранные произведения. М. Т. 2. 329 с. (совм. с М.М. Вассером, А.Н. Соколовой, З.В. Василивицкой).

1960

Подготовка кадров советских историков (1921–1929) // ИСССР. № 6. С. 57–70.

Сост. и коммент.: Я.М. Свердлов. Избранные произведения. М. Т. 3. 274 с. (совм. с М.М. Вассером, А.Н. Соколовой, З.В. Василивицкой).

Сост. и коммент.: Я.М. Свердлов и Красная Армия (К 75-летию со дня рождения) // Воен.-ист. журн. № 6. С. 14–23 (совм. с М.М. Вассером).

1962

Сост. и коммент.: Я.М. Свердлов. Избранные произведения // Киев. Т. 3 (совм. с М.М. Вассером).

1964

Развитие советской исторической науки в 1917–1929 гг. (Подготовка кадров историков-марксистов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / М., АН СССР. Институт истории СССР. 23 с. (ротапринт).

1965

Коммунистические университеты и их роль в подготовке историков-марксистов в 1918–1929 гг. // История и историки: Сб. ст. М. С. 117–145.

1966

Институт Маркса-Энгельса-Ленина. Комиссия по истории Октябрьской революции и исто-

рии Коммунистической партии (Истпарт) // Очерки истории исторической науки в СССР. М. Т. 4. С. 210–225.

Институт красной профессуры в 1921–1935 гг. // Там же. С. 226–232.

Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (1924–1929) // Там же. С. 233–236.

1967

Публ. и предисл.: Вадим Александрович Быстрицкий. 1886–1940 // ИСССР. № 3. С. 129–134.

1968

У истоков советской исторической науки (Подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929 гг.) М. 197 с.

Рец.: Городецкий Е.Н. // ИСССР. 1970. № 1. С. 156–158; Степанский А.Д. // ВИ. 1970. № 1. С. 163–165; Mazour A.D. AHR. 1971. Vol. 76. № 1. P. 173–174.

1970

В.И. Ленин – основоположник советской исторической науки // ИСССР. № 2. С. 245–249.

Ред.: Генкина Э.Б. Государственная деятельность В.И. Ленина в 1921–1923 гг. М. 520 с.

1971

Археографическая комиссия. 1917–1931 гг. // Проблемы истории общественного движения и историографии (в честь 70-летия М.В. Нечкиной). М. С. 401–418.

Публ. и предисл.: Н.К. Крупская о “Воспоминаниях И.В. Бабушкина” // АЕ за 1969 год. М. С. 312–315.

Статьи: От редакции, о А.М. Бутлерове, А.Н. Винокурове, А.В. Власове, В.П. Волгине, В.И. Ленине, Н.Н. Миклухо-Маклае, С.С. Наметкине, А.Д. Цюрупе // Их именами названы улицы Черемушкинского района. М. С. 3–7, 10–11, 14–19, 30–33, 48–49.

Ред. сост. этой книги (совм. с С.О. Шмидтом). 52 с.

1972

Биографические очерки в литературном наследии В.И. Ленина // История и историки. Историческая концепция В.И. Ленина. Методология. Лаборатория. Исторический ежегодник за 1970. М. С. 374–406.

Сост. и коммент.: Ленин и культурная революция. Хроника событий (1917–1923). М. 496 с. (совм. с С.С. Тарасовой, М.Б. Кейрим-Маркуе).

* Составители: А.И. Лобачева, Н.Г. Черепанова

Рец.: Горбунов В.В. // ВИ. 1973. № 11. С. 141–144;
Он же. ИСССР. 1973. № 4. С. 179–182.

1973

Памятники достижений советской культуры в РСФСР // Охрана и пропаганда памятников трудовой славы советского народа. М. С. 69–76.

Рец. на кн.: В.В. Горбунов. Ленин и социалистическая культура. Ленинская концепция формирования социалистической культуры. М. 1972. 340 с. // ИСССР. № 4. С. 179–182.

1974

Документы по истории культурного строительства в СССР (Обзор) // ВИ. № 7. С. 155–161.

Партийная интеллигенция и ее роль в культурной революции // Культурная революция в СССР и духовное развитие советского общества. Свердловск. С. 397–405.

Член авт. кол.: История СССР. Эпоха социализма: Учеб. для студентов ист. фак. гос. ун-тов. 3-е изд. М. 559 с.

1975

Сост.: Культурная жизнь в СССР. 1917–1927: Хроника. М. С. 319–471.

Чл. редкол. этой книги. 768 с.

Рец. на кн.: Г.Д. Комков, Б.В. Левшин, К.С. Семенов. Академия наук СССР: Крат. ист. очерк. М. 1974. 522 с. // ИСССР. № 5. С. 182–183.

Чл. редкол.: Проблемы социально-экономической и политической истории СССР: Науч. конф. молодых ученых: Тез. докл. М. 180 с.

1976

Чл. редкол.: Советская культура в годы Великой Отечественной войны. М. 271 с.

Сост. и коммент.: Свердлов Я.М. Избранные произведения. М. 367 с. (совм. с М.М. Вассером).

Проблема формирования научной интеллигенции СССР в советской историографии // Проблемы общественной мысли и историографии. М. С. 254–263.

Историк-марксист В.А. Быстрянский (Ватин) // История и историки: Историогр. ежегодник за 1974 год. М. С. 249–281.

Библиография трудов В.А. Быстрянского (Ватина) за 1913–1941 гг. Литература о В.А. Быстряном (Ватине) // Там же. С. 341–357 (совм. с Г.М. Амешниной).

1978

Новый этап в создании документальной базы истории советской культуры // Культура развитого социализма: Некоторые вопросы теории и истории. М. С. 430–457.

Чл. редкол. этой книги. 459 с.

Профессиональное объединение ученых в 1917–1923 гг. // Великий Октябрь: История, историография, источниковедение. М. С. 75–88.

Чл. редкол. этой книги. 311 с.

1979

Объединения научных работников в 1917–1927 гг. // Советская интеллигенция и ее роль в коммунистическом строительстве в СССР: Всесоюз. конф. Июнь. 1979. Новосибирск: Тез. докл. М. Вып. 2. С. 109–112.

Ред.: Рабочий класс России в период буржуазных революций: Сб. ст. М. 153 с.

Советская интеллигенция и ее роль в коммунистическом строительстве в СССР: Всесоюз. конф. Новосибирск: Тез. докл. М. Ч. 1. 245 с.; Ч. 2. 168 с.

1980

Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927). М. 392 с.

Рец.: Левшин Б.В. // ИСССР. 1981. № 3. С. 191–192; Малинин В. // Сов. педагогика. 1981. № 9. С. 140–142; Миндолин В.А., Соскин В.Л. // ВИ. 1981. № 9. С. 141–143; Городецкий Е.Н. // ВАН. 1982. № 3. С. 125–127; Миллер В. // Знание – сила. 1982. № 2. С. 45; Шейко В.М. / УИЖ. 1982. № 8. С. 134–135; VL. G. – Česosl. čas. hist. Praha. 1982. roč. 30. Č. 1. S. 124–125; Gra-ham L.R. American Historic Review. Washington. 1983. Vol. 88. № 3. P. 720–721.

Рец. на кн.: Летопись Московского университета. 1755–1979. М.: МГУ. 1980. 533 с. // ИСССР. № 6. С. 185–188.

История Коммунистической партии Советского Союза. М. Т. 5, кн. 2 (1945–1959). В кн. польз. материалы Л.В. Ивановой (оговорено в предисловии).

1981

Из истории Союза российских архивных деятелей в 1917–1924 гг. // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М. С. 194–203.

Чл. редкол.: Культурная жизнь в СССР. 1966–1977: Хроника. М. 847 с.

О прошлом и настоящем нашего района. Статьи о В.И. Ленине, А.М. Бутлерове, С.И. Вавилове, А.В. Власове, В.П. Волгине, Н.Н. Миклухо-Маклае, С.С. Наметкине // Их именами названы улицы Черемушкинского района: Информ. материал в помощь лекторам и пропагандистам. М. С. 5–17, 25–29, 34–37, 56–60.

Отв. ред. и сост. этой книги (совм. с С.О. Шмидтом). 2-е изд. М. 82 с.

Рец.: Культурное строительство в Сибири. 1917–1941: [Сб. док.] Новосибирск. 1979. 366 с. // ВИ. № 3. С. 126–128.

1982

Книги по истории университетов страны. Обзор // ИСССР. № 2. С. 181–184.

Проблемы сохранения культурного наследия в СССР // Социализм и культура: Сб. ст. М. С. 38–59.

Чл. редкол. этой книги: Социализм и культура: Сб. ст. М. 188 с.

Изучение истории советской культуры // Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М. С. 234–271 (совм. с В.Т. Ермаковым, В.Х. Бодиско, С.А. Федюкиным и др.).
Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М. 47 с.

1983

Книги по истории университетов страны / Обзор на англ. яз. // Обществ. науки в СССР. № 1. С. 15.

Роль коммунистов в развитии социалистической культуры // Советская культура: История и современность. М. С. 128–145.

Шестьдесят лет советской культуры (Как создавалась хроника "Культурная жизнь в СССР. 1917–1977 гг.") // Там же. С. 402–418 (совм. с С.С. Тарасовой).

О партийном руководстве научным строительством (Опыт деятельности постоянных комиссий и совещаний при Агитпропе и Орграспреде ЦК РКП(б) в 20-х гг.) // Социализм и культура (Из истории партийно-государственного руководства культурным строительством в СССР). М. С. 21–32.

Отв. ред. этой книги. 221 с.

Чл. редкол.: История книги в СССР. М. Т. 1: 1917–1921. 240 с.

Чл. редкол.: История культурного строительства в СССР: Документы и материалы 1917–1977 // Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927. Т. 1. Ч. 1: Документы и материалы 1917–1920. М. 464 с.

Чл. редкол.: Советская культура: История и современность: [Сб. ст.] М. 431 с.

Рец. на кн.: Воспитанники Московского университета – соратники В.И. Ленина: Библиогр. словарь. МГУ (1973–1982). М. 1973. Вып. 1; 1977. Вып. 2. 1982. Вып. 3 // ИСССР. № 5. С. 185–187.

1984

Проблемы сохранения культурного наследия: история и современность // Социалистическая культура – новый этап развития культуры человечества: Сов.-вьетн. сб. М. С. 209–218.

Чл. редкол.: История культурного строительства в СССР: Документы и материалы, 1917–1977 // Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927. Т. 1. Ч. 2: 1921–1927. М. 464 с.

1985

Большевистская партийная интеллигенция и Великий Октябрь // Интеллигенция и революция. XX век. М. С. 138–145.

Первые шаги советской науки и распространение научных знаний среди народных масс // Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры. 1917–1927. М. С. 288–336.

Чл. редкол. этой книги. 526 с.

342

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС // Очерки истории исторической науки в СССР. М. Т. 5. С. 59–71.

Чл. редкол. этой книги. 604 с.

Партийная интеллигенция и задачи ее изучения историками культуры // Духовный потенциал СССР накануне Великой Отечественной войны: Из истории советской культуры 1917–1941. М. С. 57–68.

Публ. и предисл.: Генкина Э.Б. Воспоминания об ИКП // История и историки. М. С. 257–273.

Рец. на кн.: Николай Александрович Морозов. Ученый-энциклопедист. М. 1982. 264 с. // ВИ. № 8. С. 137–138.

Чл. редкол.: Историки освободительного движения в России: Библиогр. словарь. Проект словника. Л. 144 с.

1986

За уважительный и вдумчивый подход к нашим географическим названиям // Глобус: Ежегод. вестн. АПН. № 50. 12 дек. С. 16–83 (совм. с Ю.К. Ефремовым).

1987

Из истории статистики научных кадров (1917 – начало 1930-х годов) // Советская культура: 70 лет развития. М. С. 363–376.

К истории академической комиссии "Наука и научные работники СССР" // Великий Октябрь и опыт культурного строительства в СССР. М. С. 32–43.

Комиссия по истории московских зданий: к охране памятников истории и культуры // Памятники Отечества. № 1(15). С. 63–66.

Первые советские научные центры в Москве // Памятники Отечества. № 2(16). С. 65–72.

Ред.: Советская интеллигенция: Словарь-справочник. М. 222 с.

Перестраивать ли памятник? [о доме № 20/5 по Столешникову пер.] // Моск. правда. 27 сент.

1988

Проблемы и трудности освоения культурного наследия // Советская культура в реконструктивный период. 1928–1941. М. С. 142–180.

Зам. отв. ред. этой книги. 526 с.

Роль профсоюза научных работников в разработке принципов планирования // Исторический опыт планирования культурного строительства в СССР (К 60-летию первого пятилетнего плана). М. С. 61–77.

Ред. этой книги. 215 с.

Пашков дом // Встречи с историей: Науч.-попул. очерки. М. Вып. 2. С. 92–102.

1989

Общество изучения русской усадьбы // Памятники Отечества. № 1. С. 50–55.

Современные проблемы москвоведения: Историко-геогр. аспект // II Всесоюзная конференция по историческому краеведению. Апрель 1989 г.: Тез. докл. и сообщ. Пенза. С. 59.

С.А. Федюкин – историк советской культуры // ИЗ. 1989. Т. 117. С. 315–331 (совм. с Л.М. Зак).

50 лет, отданные науке: К 80-летию со дня рождения акад. М.П. Кима // АЕ за 1988 год. М. С. 128–130.

1990

Некоторые актуальные проблемы московского краеведения // Краеведение Москвы: Науч.-метод. материалы в помощь краеведам. М. С. 16–22.

Ред. этой книги (совм. с С.О. Шмидтом). 122 с. Общество изучения русской усадьбы и экскурсионное дело // Отечество: Краевед. альманах. № 1. С. 36–44.

Научн. ред. этой книги (и посл. вып.). Благотворительность на Щипке // Социальная защита. № 6. С. 71–74.

Рец. на кн.: Шестакова Н.А. Прогулки по театральной Москве. М. 1989 // Архитектура и строительство Москвы. № 7. С. 12–13.

1991

Интеллигенция и революция. Интеллигенция и государство в 1920–1930-е гг. // Междунар. конф. историков “Русская культура в первой трети XX века” (8–11 апреля 1991 г.) М. С. 12–19.

Народный комиссар просвещения А.В. Луначарский // Первое Советское правительство. Октябрь 1917 – июль 1918. М. С. 180–191.

К предыстории составления биографий краеведов Москвы // Краеведы Москвы. М. Вып. 1. С. 13–15.

“Такой талантливый и так много обещавший человек...” В.В. Згура (1903–1927) // Там же. С. 167–188.

Сост. этой книги (совм. со С.О. Шмидтом). 288 с., ил.

Публ. и предисл.: Учитель науки. И. Гревс. История в краеведении // Отечество. (М). № 2. С. 5–27.

Объединение краеведов Москвы // Сов. этнография. № 1. С. 135–137.

Юбилей московеда [Ю.А. Александрова] // Веч. Москва. 10 апр.

Гнезда родного запустения // Культ.-просвет. работа. № 8. С. 25–27.

Постановка памятника на могиле В.О. Ключевского в 1928 г. // В.О. Ключевский и современность: Тез. докл. на Всесоюз. науч. чтениях, посвящ. 150-летию со дня рождения выдающегося историка. Пенза. 1991. С. 70–71.

Коммерции советник Николай Найденов // Неделя. № 27. 1–7 июля.

Ред.: Борисов Ю.С. Производственные кадры деревни. 1917–1941. М. 229 с.

1992

Как проводить историко-краеведческое исследование по Москве: Памятка краеведа. М. 15 с. Новая программа Российского международного фонда культуры; Основные направления деятельности научно-общественного Совета

РМФК по программе “Возрождение русской усадьбы”; Список членов ОИРУ; К истории ОИРУ // Вестн. Рос. межд. фонда культуры. Спец. вып.: Возрождение русской усадьбы. Апр. С. 3–6, 9–14, 41–44, 45–52.

Сост. этого вып. 52 с.

Предисловие // Подмосковные усадьбы XVI–XX вв. (Москва и ее окрестности): Каталог книжной выставки / Гос. ист. б-ка. М. С. 3–5. *Ред. этого изд.* 94 с.

История изучения московского некрополя // Московский некрополь: История. Археология. Искусство. Охрана. М. С. 34–47.

Чл. редкол. этой книги. 167 с.

Историческое краеведение в Москве // Моя Москва. 1992. Июль. С. 1.

Коммерции советник [Николай Найденов] // Бюллетень: Ежемес. прил. к газ. “Деловой мир”. № 3(9). С. 5 (совм. с Ю.А. Петровым).

Девиз “Творить добро” [об учреждении Ведомства императрицы Марии Федоровны] // Социальная защита. № 2–4. С. 70–73.

Вывоз из усадеб художественных ценностей (по архивным материалам) // Памятники Отечества. № 25. С. 71–76.

По следам “дворянских гнезд” // газ. Домострой. № 48. С. 12.

1993

К истории Сухаревой башни и книги о ней П.В. Сыгина // П.В. Сытин. Сухарева башня (1692–1926). М. С. 3–6.

Сост. коммент. этой книги. 40 с., ил. Современные проблемы москвоведения. Историкографический аспект // Историческое краеведение: По материалам II Всесоюз. конф. по ист. краеведению. Пенза. С. 285–294.

Измалково // История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. М. С. 108–114.

Традиции и утраты некрополя в России и в эмиграции // Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры: Науч. конф. 13–15 апреля 1993 г. М. С. 81–85.

Русская усадьба и опыт ее изучения в 1920-е годы // Русская провинция. Культура XVIII–XX веков. М. С. 57–61.

Публ. и коммент.: К истории Сухаревой башни // Отечество (М). Вып. 4. С. 181–203.

Рец. на кн.: “Музеи служат вечности” (Музеи и власть). М. 1991. Ч. 1. 323 с.; Ч. 2. 190 с. // ОИ. № 5. С. 200–202.

1994

Дворянская усадьба – исторический и культурный феномен // Дворянское собрание: Ист.-публ. и лит.-худ. альманах (М). № 1. С. 149–165.

Общественное служение Н.А. Найденова // Отечество (М). Вып. 5. С. 162–177.

Предисловие [к рубрике “Русская усадьба”] // Там же. С. 75–76.

“Старая Москва” и увековечивание памяти В.О. Ключевского // АЕ за 1991 год. С. 200–203.

Общество изучения русской усадьбы и задачи его возрождения; Хроника // Русская усадьба: Сб. О-ва изуч. рус. усадьбы. М.; Рыбинск. Вып. 1(17). С. 4–11, 236–237.

Ред.-сост. этой книги. 239 с.

Усадьба в истории центральной России: прошлое и современность // Бахтинские чтения. Орел. С. 255–265.

Предисл.: Русская усадьба на страницах журналов “Старые годы” и “Столица и усадьба”. М. 1, 2-е изд. С. 3–7.

Научн. ред. этой книги. 64 с.

Усадьба: какой ей быть? // Культура. 12 февр.

От составителей // Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы). М. Вып. 2. С. 3 (совм. с С.О. Шмидтом).

Издатель и писатель по старой Москве Н.А. Найденов; Послесловие к автобиографии Ю.А. Федосюка “Познание Москвы” // Там же. С. 65–82, 299–302.

Сост. этой книги (совм. с С.О. Шмидтом), 304 с.

1995

Русская усадьба и изучение историко-культурного наследия российской провинции // Российская провинция XVIII–XX вв.: реалии культурной жизни: Материалы конф. в Пензе по программе “Культура российской провинции”. Июнь 1995 г. Пенза. С. 42–44.

Русская усадьба как памятник истории и культуры и проблемы ее сохранения // Памятники истории, культуры и природы Европейской России: Тез. докл. VI науч. конф. Нижний Новгород, 1995 г. С. 139–140.

К читателю // Мир русской усадьбы: Очерки. М. С. 3–8.

“Домашняя школа” Самариных. Измалково. Московская область // Там же. С. 20–33.

Отв. ред. и сост. этой книги. 395 с., ил.

Проблемы исследования усадьбы и воссоздание Общества изучения русской усадьбы // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: Материалы II Голицын. чтений 21–22 января. 1995 г. Вяземы. С. 5–13.

Общество изучения русской усадьбы // Россия и современный мир. № 4. С. 264–274.

“Вековечный памятник матушке Москве” (Найденовские альбомы) // Наше наследие. № 35/36. С. 74–79.

“Круглый стол” в Остафьеве: Музей истории русской усадьбы // Остафьевский сб. М. Вып. 3. С. 22–27.

1996

К читателю; Страницы истории; Вместо заключения; Краткая библиография // Усадьбное ожерелье Юго-Запада Москвы. М. С. 7–18, 181–186.

Ред.-сост. этой книги. 186 с., ил.

Предисловие; Трагические судьбы членов Общества изучения русской усадьбы; Хроника // Русская усадьба: Сб. О-ва изуч. рус. усадьбы. М. № 2(18). С. 7–8, 321–327, 332–334.

“Музыка домашней жизни” в усадьбе // Мир и дом (М). № 10. С. 32–33.

О воссоздании Общества изучения русской усадьбы и проблемах исследования усадьбы // Усадьба в русской культуре XIX – начала XX века: [Сб. ст. по материалам науч. конф. 22–24 ноября 1994 г.] Гос. Музей-заповедник А.С. Пушкина “Михайловское”. М. С. 5–10.

Первые научные Морозовские чтения // ОИ. № 4. С. 213–217.

Морозовы и их роль в истории России: Тр. I науч.-практ. конф. Ногинск (Богородск). С. 66–74.

Чл. ред. этой книги. 215 с.

Наш долг; В.А. Адольф, М.Ю. Барановская, П.И. Барганаев; С.К. Боговяленский, А.М., В.М. Васнецовы, Н.П. Виноградов, И.Э. Грабарь, А.В. Григорьев, Э.Я. Двинский, А.А. Демская, М.В. Дьяконов, Е.А. Звягинцев, В.В. Згура, И.В. Кисляков, А.Ч. Козаржевский, С.И. Мицкевич, Н.А. Найденов, И.Н. Павлов, В.Е. Полетаев, В.С. Попов, Б.С. Пушкин, Е.С. Сизов, Д.П. Сухов, И.Ф. Токамаков, В.К. Трутовский, А.С. Уваров, А.А. Устинов, Ю.А. Федосюк, Н.П. Чулков, А.А. Шамаро, Ю.И. Шамурин, П.С., С.Д. Шереметевы, Н.А. Шестакова, Ю.Б. Шмаров (часть статей написана совместно); Места захоронения историков и краеведов Москвы // Историки и краеведы Москвы. Некрополь: Библиограф. справочник. М. С. 3–8, 17–18, 20–21, 35–36, 40–42, 46, 55–56, 58–59, 61–64, 67–68, 71–73, 82–83, 86–87, 105–107, 117–118, 121–124, 139, 151–152, 158–160, 163–165, 168–170, 176–177, 180–181, 184–186, 187–190, 200–205.

Ред.-сост. этой книги. 220 с., ил.

Общество “Старая Москва” и его борьба за московский некрополь; Историки и краеведы Москвы. Некрополь // Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана. М., 1996. С. 109–130, 158–165.

Чл. ред. этой книги. 167 с., ил.

“Да, были люди в оно время” [о I-х Морозовских чтениях] // Народная газета. 26 янв.

1997

Бесценное наследие [московская городская усадьба] // Наука в России. № 2. С. 82–88.

Предисловие; Хроника; Основные направления долгосрочной программы; Русская усадьба: Опыт библиографии (1992–1996). Коротко об авторах // Русская усадьба: Сб. Об-ва изуч. рус. усадьбы. № 3(19). С. 8–10, 374–388.

Ред.-сост. этой книги. 390 с., ил.

Рец.: Полякова М.А. Сборник статей, посвященный московским усадьбам // АЕ за 1997 год. С. 371–373.

Воспоминания и семейная переписка как источник по истории усадьбы (на примере рода Самариных) // Источники по истории русской усадьбной культуры. Ясная Поляна; М., 172 с. С. 58–64.

Чл. ред. этой книги. 172 с.

Публ. и предисл.: Неопубликованная рукопись Н.П. Чулкова “Грузины-Нижние” // АЕ за 1997 год. М. С. 607–623.

Страницы истории; Вместо заключения; Краткая библиография // Усадебное ожерелье Юго-Запада Москвы. М., 2-е изд. М., 3-е изд. С. 7-18, 181-186.

Ред.-сост. этой книги. 186 с.

Москва в истории Отечества: К 850-летию города / Ин-т Российской истории РАН. М. 48 с. (разделы о Москве – духовном центре России XIX–XX вв.).

Чл. авт. колл. этой книги.

От составителей (совм. с С.О. Шмидтом); Воспоминания: Члены “Старой Москвы” о знатоках и историках столицы; Коротко об авторах I–III выпусков “Краеведов Москвы” // Историки и знатоки Москвы. М. Вып. 3. С. 5–6, 363–392, 433–435.

Сост. этой книги (совм. с С.О. Шмидтом). 464 с., ил.

Николай Найденов – коммерции советник и историк Москвы // Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. М. С. 216–227.

“Неинтересных домов, как и людей, нет”: Памяти Ю.А. Федосюка // Арбатский архив: Ист.-краев. альманах. М. Вып. 1. С. 482–483.

Предисл. // “Чтоб не распалась связь времен...”: Григоров. сб. М. С. 4.

Чл. ред.: Русская культура последней трети XVIII века – времени Екатерины Второй. М.

Науч. ред.: О.Ю. Захарова. “Я князь, коль мой сияет дух”: Страницы военной биографии генерал-фельдмаршала святейшего князя М.С. Воронцова. Подольск. 213 с., ил.

1998

Два юбилея (Вместо заключения); А.Н. Греч. Музыка в русской усадьбе. *Публ., послесл., примеч.:* Научн. и отчетные конф. ОИРУ; Хроника // Русская усадьба: Сб. Об-ва изуч. рус. усадеб. М. Вып. 4(20). С. 7–14, 170–179, 365–368.

Ред.-сост. этой книги. 367 с., ил.

Подмосковные усадьбы Мусиных-Пушкиных в истории России // Мусины-Пушкины в истории России: К 250-летию со дня рождения А.И. Мусина-Пушкина. Рыбинск. С. 139–150.

Чл. ред. этой книги. 382 с.

Наследие Морозовых в современной Москве // Морозовы и Москва: Тр. юбил. науч.-практ. конф. “Морозовские чтения”. Москва 26–27 декабря 1997 г. “Богородский печатник”. 1998. С. 239–248.

Чл. ред. этой книги. 263 с.

Подмосковные города и столица: культурные взаимосвязи в 1920-х годах // II конференция “Города Подмосковья в истории российского предпринимательства и культуры”. Серпухов. Декабрь 1997 г.: Докл., сообщ., тез. Серпухов. С. 202–208.

Малый город и русская усадьба // Малые города России. Проблемы истории и возрождения: Материалы междунар. и науч.-практ. конф. 16–17 октября 1998 г. Переславль-Залесский. М.; Переславль-Залесский. С. 122–128.

Домашняя школа Самариных // Гувернер. № 2. С. 68–74.

Четвертый, но юбилейный // Культура. № 32. С. 7. *Науч. ред.:* О.Ю. Захарова. “Генералы своих судеб”. М.С. Воронцов – генерал-губернатор Новороссийского края. М. 1998. 119 с., ил.

1999

Столица и усадьбы: Хроника // Русская усадьба: Сб. О-ва изуч. рус. усадеб. М. Вып. 5(21). С. 7–8, 360–362.

Традиции и культурная жизнь Москвы: XX век. М. 112 с., ил.

Современное усадебоведение // Современное состояние и перспективы развития краеведения в регионах России: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 10–11 декабря 1998. М., 1998 г. С. 120–129.

Статьи о Л.В. Ивановой

Авазова Ж., Горячева Н. Город, открытый заново // Веч. Москва. 1984. 16 июня.

Кто есть кто в изучении народов и национальных проблем России. М., 1995. С. 114–115.

Москововеды: Справ. М., 1996. С. 34–55.

Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории: Библиогр. справ. Саратов, 1998. С. 137.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Ю.В. АНДРЮШАЙТИТЕ*

2 декабря 1998 г. исполнилось 70 лет со дня рождения старшему научному сотруднику Археографической комиссии, кандидату исторических наук, доценту Юлии Викторовне Андриюшайтите. 30 лет она работает в Комиссии и все эти годы является активным членом редколлегии “Археографического ежегодника”.

1952

К истории образования Бурят-Монгольской АССР // Изв. Т. 39. С. 32–58.

1959

Положение и борьба рабочего класса Литвы в годы реакции (1907–1910 гг.) // Vilniaus valsybinių universiteto (VUU) mokslo darbai. XXIX. LKP istorijos klausimai. I. С. 17–64 (рез. на лит. яз.).

1960

Kai kurie Lietuvos revoliucinio judejimo klausimai V. Lenino raštuose // VUU mokslo darbai. XXXII. Istorija II. С. 1–23 (рез. на рус. яз.).

1962

Идеологическая борьба в Литве в период реакции (1907–1910 гг.) // Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai. LKP istorijos klausimai. II. С. 21–51 (рез. на лит. яз.).

Борьба революционных элементов социал-демократии Литвы за пролетарскую партию в годы реакции (1907–1910 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вильнюс: ВГУ. 23 с.

1965

В.И. Ленин и революционная Литва // Советская Литва (Вильнюс). 21 апр.

1970

Чл. редкол.: Археографический ежегодник за 1968 год. М. Отделение истории АН СССР. АК.

Чл. редкол.: Археографический ежегодник за 1969–1998 годы.

Рец.: Вклад в библиографию Ленинианы [Goldas M. Leninas ir Letuva (Bibliografinė rodyklė). Vilnius, 1969] // Коммунист (Вильнюс). № 9. С. 78–80 (на рус. и лит. яз.).

1971

Рец.: V. Leninas Lietuvos kraštotyrinėje bibliografijoje [Goldas M. Leninas ir Letuva. Vilnius, 1969] // Bibliotekų darbas. № 4. С. 26–28.

1976

Деятельность Археографической комиссии в 1975 г. // АЕ за 1975 год. С. 346–350 (совм. с Л.Н. Растопчиной).

1978

Рец.: Ценное издание о книжных переплетках [Laucevičius E. XV–XVIII a. knygų irišimai Lietuvos bibliotekose. Vilnius, 1976] // АЕ за 1977 год. С. 349–350.

Основные проблемы историографии народов СССР (дооктябрьский период) // Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Вып. 2. М. С. 183–208 (совм. с Н.Е. Бекмахановой и др.).

Документальные публикации по истории Литвы периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Материалы межреспубликанской научной конференции по источниковедению и историографии народов прибалтийских республик Союза ССР: Источниковедение. Вильнюс. С. 157–162.

1979

Пер. с лит. яз., предисл., примеч., прилож., чл. редкол.: Лауцявичюс Э. Бумага в Литве в XV–XVIII веках / Сокр. пер. с лит. Вильнюс. 186 с.

Рец.: Кукушкина М.В. // СА. 1981. № 4. С. 82–84; Зараускайте М. Литуанистика в СССР: История. Науч.-рефер. сб. Вып. 4. С. 84–87; То же на лит. яз. [Обсуждение перевода книги см.: Турилов А.А. Деятельность Археографической комиссии за 1980 г. // АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 346].

1981

[Доклад на заседании Археографической комиссии 23 июня 1980 г., посвященном обсуждению перевода книги Э. Лауцявичюса “Бумага в Литве в XV–XVIII веках”]. Излож. // АЕ за 1980 год. С. 346.

1982

О работе Э. Лауцявичюса “Бумага в Литве в XV–XVIII веках” и некоторых вопросах пере-

* В список включены научные работы, связанные с диссертационной темой и вопросами филологии и археологии. В настоящее время Ю.В. Андриюшайтите готовит к печати монографию “И.П. Лаптев: У истоков отечественного филологического изучения”.

вода филиграноведческой литературы // АЕ за 1981 год. С. 77–88.

1983

Рец.: Каталог пергаменов БАН Литовской ССР [Pergamentų katalogas. Subarė R. Jasas. Vilnius, 1980] // АЕ за 1982 год. С. 250–256.

1985

Рец.: На уровне современных знаний [Книговедение: Энциклопедический словарь. М., 1982] // Бумажная промышленность. М. № 2. С. 11.

1986

[Сообщение о развитии советского филиграноведения в 1950-х – начале 1980-х годов на заседании в рамках выставки “Использование материалов ГАФ СССР для дальнейшего развития советской культуры” на ВДНХ 10 мая 1984 г.]. *Упом.:* Чирков С.В. Деятельность Археографической комиссии в 1984 г. // АЕ за 1984 год. С. 312.

Развитие советского филиграноведения в 50-х – начале 80-х годов // АЕ за 1985 год. С. 148–161.

1987

С.А. Клепиков – основатель отечественной библиографии по филиграноведению // АЕ за 1986 год. С. 121–130.

1988

Рец. на сб. док. биографий: Литовцы – участники Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны [Lietuviai – Didžioios Spalio socialistinės revoliucijos ir pilietinio karo dalyviai. Vilnius, 1987. Кн. 2] // СА. № 6. С. 90–91.

[Выступление по докладу К.Н. Тарновского «Ленинские “Тетради по империализму”» на заседании Археографической комиссии 18 декабря 1986 г.]. *Упом. // АЕ за 1986 год. С. 313. Излож.:* Охотина Н.А. Деятельность Археографической комиссии в 1987 г. // АЕ за 1987 год. С. 317.

[Выступление на заседании Археографической комиссии 7 апреля 1987 г. по обсуждению проекта “Правил издания исторических документов в СССР”]. *Излож. // АЕ за 1987 год. С. 319.*

[Доклад “Основные итоги развития советского филиграноведения в 50-х – начале 80-х годов” и выступление на Первом совещании по филигранологии 13–14 мая 1987 г.]. *Излож.:* Охотина Н.А. Первое совещание по филигранологии // Там же. С. 323, 325.

1989

О составлении перечня справочников водяных знаков, имеющих в крупнейших хранилищах СССР // АЕ за 1988 год. С. 91–92.

Историки изучают бумагу [о Первом совещании по филигранологии] // Бумажная промышленность. № 6. С. 28.

1990

Чл. редкол.: Филигранологические исследования: Теория, методика, практика: Сб. науч. тр. Л. 155 с.; Предисл. и рекомендации Первого всесоюзного совещания по проблемам филигранологии. С. 3–5, 153–154 (совм. с А.А. Амосовым, Т.В. Диановой, С.О. Шмидтом).

Основные итоги развития советского филиграноведения в 50-х – начале 80-х годов // Там же. С. 14–24.

Обеспеченность крупнейших хранилищ справочниками водяных знаков // Там же. С. 143–152. Материалы к библиографии по филиграноведению // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М. Вып. 3, ч. 1. С. 95–135.

Чл. оркомитета, автор. коллектива по подготовке экспозиции и экспонент выставки “Вторая мировая война: Человек и книга. 1939–1945”: Выставка “Вторая мировая война: Человек и книга”. Посвящается 45-летию победы (предвар. обзор). М. С. 2, 3, 4, 32, 34. *Упом.:* Морозов Б.Н. Деятельность Археографической комиссии за 1990 г. // АЕ за 1991 год. С. 301.

1991

“История Государства Российского” Н.М. Карамзина в исследовательской деятельности И.П. Лаптева // Забелинские науч. чтения, посвящ. 225-летию Николая Михайловича Карамзина – “Н.М. Карамзин: Личность, творчество, эпоха” 25–27 ноября 1991 г.: Тез. докл. М. С. 17–19.

Материалы о собирании коллекций водяных знаков И.П. Лаптевым и Н.М. Михайловским // АЕ за 1990 год. С. 73–82.

1994

То же (часть вторая) // АЕ за 1991 год. С. 75–86. Новые материалы о книге И.П. Лаптева 1824 г. // АЕ за 1992 год. С. 145–155.

Первое в России пособие по филигранологии // Вспомогательные исторические дисциплины: Высшая школа, исслед. деятельности, обществ. организации: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Москва, 27–29 января 1994 г. М. С. 22–23.

[Доклад о переводе книги Э. Лауцявичюса “Бумага в Литве в XV–XVIII веках” на международном семинаре в Академии наук Литвы в Вильнюсе 15 марта 1994 г. (на лит. яз.)]. *Излож.:* Vaigonytė E. Kiek daug gali vienas žmogus // Tarp knygų (Vilnius). № 4. P. 42.

1995

Палеографическое изучение бумажных водяных знаков в России первой трети XIX в. // АЕ за 1993 год. С. 113–127.

Вологодский купец И.П. Лаптев – филиграновед, библиофил, нумизмат // Послужить Северу... Ист.-худож. и краевед. сб. Вологда. С. 90–98.

Рец.: Новые английские справочные издания по славяно-русской палеографии и росписке [Likhachev's Watermarks. An English-language version. Amsterdam, 1994. Vol. 1–2; Hartley J.M. Guide to Documents and Manuscripts in the United Kingdom Relating to Russia and the Soviet Union. L.; N.-Y. 1987; A Union Catalog of Cyrillic Manuscripts in British and Irish Collection. L., 1988] // АЕ за 1993 год. С. 311–318 (совм. с А.Л. Лифшицем и М.П. Мироненко).

1966

Палеографическое изучение бумажных водяных знаков в России первой трети XIX в. (продолжение) // АЕ за 1994 год. С. 93–109.

Международный семинар, посвященный Э. Лауцявичюсу [15 марта 1994 г. в Вильнюсе] // АЕ за 1994 год. С. 364–365.

Рец.: Якялайтис В. Эдмундас Лауцявичюс: Знаем ли мы его? [Jakelaitis V. Edmundas Laucevičius: Ar pažįstam j? V., 1994] // ОА. № 1. С. 108–110.

Die Besonderheiten der Entwicklung der Filigranologie in Rußland [Тез. докл. на 23 Конгрессе Международного общества историков бумаги (IPH) 30 авг. – 5 сент. 1996 г. в Лейпциге // Papiergeschichte als Hilfswissenschaft: 23. Kongreß IPH. Leipzig. 2 S.

1997

Вологда – малая родина отечественного филиграноведения [Докл. на науч. чтениях памяти П.А. Колесникова. Вологда, 3–5 октября 1997 г.] // Красный Север (Вологда). 29 окт. Упом.: Димони Т.М., Камкин А.В. Научные чтения памяти П.А. Колесникова // АЕ за 1998 год. М., 1999. С.

Филиграноведение в деятельности Археографической комиссии (1968–1996) // Юбилейная окрошка: И всерьез и понарошку [Сб. АК в честь 75-летия С.О. Шмидта]. М., компьютер.

набор АК. С. 4–14. Упом.: 75-летие С.О. Шмидта // АЕ за 1997 год. М. С. 687.

Источниковедческое значение архивных коллекций бумажных водяных знаков // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на совр. этапе: Докл. и тез. выступлений на Второй всероссийской конференции 12–13 марта 1996 г. М. С. 248–250.

1998

У истоков отечественной филигранологии // Русь и южные славяне: Сб. статей к 100-летию со дня рождения В.А. Мошина (1894–1987). СПб. С. 449–458.

“История Государства Российского” Н.М. Карамзина и купец И.П. Лаптев // Русская книжность: Вопросы источниковедения и палеографии. С. 27–34 (ТГИМ. М. Вып. 95).

Палеографическое изучение бумажных водяных знаков в России первой трети XIX в. (окончание) // АЕ за 1996 год. С. 112–129.

Значение международных связей Археографической комиссии в развитии отечественного филиграноведения. [Докл. на Тихомировских чтениях 9 июня 1998 г.] // АЕ за 1998 год. С. 199–201.

1999

Лаптев Иван Петрович // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия: В 5 т. М. Т. 3.

Лауцявичюс Эдмундас // Книга: Энциклопедия. М. С. 365:

Сдано в печать:

Филиграноведение в деятельности Археографической комиссии (1968–1996) (сокращ. вар.) // Источниковедение, краеведение и культура России. М., РГГУ.

Вологда – малая родина отечественного филиграноведения // Научные чтения памяти П.А. Колесникова 3–5 октября 1997 г. в Вологде: Докл. и выступ. Вологда.

III. ПУБЛИКАЦИИ

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО СВЯТИТЕЛЮ НИКОЛАЮ МИРЛИКИЙСКОМУ

(по рукописи XV в.)

На Руси издревле почитается святитель Николай Мирликийский чудотворец (ум. около 345; память 6 декабря). Перенесение его святых мощей в 1087 г. в южноитальянский город Бари было воспринято Русской церковью как церковное торжество и почтено составлением особой службы. Память перенесения мощей святителя Николая явилась одним из первых установлений в истории православного Месяцеслова на Руси. Можно сказать, что и святитель Николай возлюбил Святую Русь, в которой прославились его чудотворные образы (Зарайские, Можайский, Великорецкий, Волоколамский и др.)¹.

Замечательный исследователь древнерусской литературы Е.В. Барсов (1836–1917) опубликовал Похвальное слово на день памяти перенесения мощей святителя Николая по рукописи XVI в., которую из-за дороговизны на ярмарке он не смог приобрести. Рукопись содержала жития новгородских и московских святых². Н.К. Никольский атрибутировал данный памятник протопопу Андрею, ставшему затем Всероссийским Митрополитом (1564–1566)³. Это было поддержано нами, а также опубликован текст Слова по списку XVI в. из собрания ГИМ⁴. Сравнение барсовской публикации и нашей показывает идентичность текста Слова. Его принадлежность протопопу Андрею нашла затем отражение в научной литературе⁵. Однако недавно удалось обнаружить более ранний список Слова⁶. Оно имеется в составе мартовской половины Пролога конца XV в. из Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника (РИАМЗ)⁷.

¹ *Вознесенский А., Гусев Ф.* Житие и чудеса св. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского, и слава его в России. СПб., 1899.

² *Барсов Е.* Вновь открытое слово пресвитера Андрея в списке XVI века // ЧОИДР. 1883. Кн. 1: Материалы историко-литературные. С. I–II, 1–8.

³ БАН. Картотека акад. Н.К. Никольского. Карточки № 0521–0523. Кроме публикации Е. Барсова, он указал еще два списка Похвального слова по рукописям XVII в. Однако первоначально Никольский не назвал протопопу Андрея автором этого произведения. См.: *Никольский Н.* Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI–XVII вв.). СПб., б.г. Вып. 1: А–Б. С. 91–92. О его картотеке см.: *Покровская В.* Картотека академика Н.К. Никольского // ТБАН. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 142–150; *Адрианова-Перетц В.П.* Картотека Н.К. Никольского // Вопр. языкознания. 1961. № 1. С. 121–125.

⁴ ГИМ. Собр. Н.П. Вострякова. № 907. Сборник похвальных слов XVI в. Л. 116–119 об.; *Макарий*, игумен. Всероссийский Митрополит Афанасий (1564–1566) // Богословские труды. М., 1984. Сб. 25. С. 258–259.

⁵ *Прохоров Г.М.* Андрей Пресвитер // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2: Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 1: А–К. С. 38; *Покровский Н.Н.* Афанасий (в миру Андрей) // Там же. С. 74.

⁶ Выражаю благодарность А.А. Турилову за это любезное указание. Благодарю также братство святителя Феофана Затворника в Рязани, предоставившее ксерокопию данного Слова.

⁷ РИАМЗ. № 5656. Пролог. Конец XV в. 364 л. Полуустав в два столбца. См.: *Вдовина Л.М., Кузьмин А.Г., Севастьянов А.А.* Обзор рукописного собрания Рязанского областного краеведческого музея // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 180; Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (Для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР). М., 1986. С. 212. № 2158 (ротапринт); Дополнения к "Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР" (М., 1986). М., 1993. С. 67. № 2158 (ротапринт).

Перевод Пролога известен на Руси с конца XI – начала XII в. и содержит краткие жития святых и поучения, расположенные в месяцесловном порядке. Пролог был любимым чтением многих поколений благочестивых русских людей. “Его переписывали сотни раз, и редкий нравоучительный сборник обходился без проложных выписок”⁸. В результате дополнений, произведенных в XII, XIII, XV вв., на Руси были созданы три редакции Пролога, появление последней связывается со Псковом⁹. Как отмечается, мартовский Пролог третьей редакции “пока не известен, но будет, по-видимому, обнаружен по мере приведения в известность бумажных Прологов мартовской половины”¹⁰. Возможно, таким Прологом является рязанская рукопись.

Обнаружение нового списка Слова позволяет отказаться от принятой ранее атрибуции. “Недостойный прозвитер Андрей, бывший причетник и клирик соборной и апостольской церкви”, которой является Успенский собор в Кремле, жил в XIV–XV вв. в Москве и служил в Успенском соборе, построенном князем Иоанном Калитой. Потом он стал “бывшим” клириком этого собора, т.е. он мог быть переведен в другой храм. Им мог быть собор Николы Гостунского в Кремле. В Слове автор прославляет Чудотворца Николая за подаваемые недужным чудеса-исцеления, “прибегающим с верою в пречестный и преславный его храм”. В нем он прославил Похвальным словом Чудотворца Николая в день памяти Святителя. Его произведение вошло в состав третьей редакции Пролога.

Новый список Слова состоит из двух частей. Первоначально следует описание перенесения святых мощей святителя Николая, затем идет указание на его авторство, после чего читается само Похвальное слово. Сравнение новооткрытого списка Слова со списками XVI в. показывает, что в них имеется дополнение по сравнению с рязанским вариантом, а также некоторые разночтения. Иногда это перемена местами двух рядом стоящих слов. В конце Похвалы автор обращается к Святителю и говорит о своем достоинстве, и, подобно Евангельской вдове, принесшей дар в сокровищницу храма, он прославляет Чудотворца, предстательством которого автор чает получить вечное блаженство.

Открытие списка XV в. позволило сделать некоторые уточнения в связи с проблемой атрибуции Похвального слова. Привлечение других списков, например XVII в., указанных академиком Н. Никольским, могло бы полнее раскрыть историю бытования этого памятника русской гомилетической мысли на страницах древнерусской книжности.

В предлагаемой публикации новооткрытого Слова текст приведен в соответствии с современными орфографическими нормами, указано также деление на листы рукописи и столбцы. Последние отмечены одной косой чертой в тексте. При этом отмечены важнейшие разночтения по нашей первой публикации и восполнена недостающая часть Слова.

Архимандрит Макарий

⁸ Фет Е.А. Новые факты к истории древнерусского Пролога // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 53.

⁹ Там же. С. 55.

¹⁰ Там же.

В той же день принесение мощей святого Чюдотворца Николы от Мур в Бар. Л. 148

Понеже за умножение грехов наших попущающе Богу на христианы зело многыя казни оволи гладом, оволи нашеством иноплеменник, яко же бе в земли Муръстей, идеже бе престол архиепископа иже во святых отца нашего Николы. По умертвии же его, // много лет мину и нашедшу языку варварьску, поплениша землю Мюръскую град Лукий, идеже беша честныя мощи святого Николы и бе пуст, не имея много людий. И [п]устяхутся сурьяне^{1*} от Антиохия, шедше взяти мощи святого Николы, и тако от Костянтинаграда хотяху по не ити. Явлению же Самого Бога бывшу и хотению святого Николы преити в Баръград, люди (того же града)^{1*} во три корабли вседше и мало пшевица вземше, творяхуть в куплю идуче, и, продавше во Антиохию пшевицу, слышаша, яко хотят сурianne ити по мощи святого Николы. И въскоре отплуша барьяне к Муръскому граду и приставше в лимени^{2*} и, взем оружие, приидоша / в церковь [святого Николы]^{3*} и обретоша четыре черньци и въпросиша я: Кде лежать мощи святого Николы? И окопаша им и раскопаша со тщанием церковный помост и обретоша раку полну мира и сольаша в корчагы и взяша мощи в корабль свой и приидоша в Бар с мощми святого Николы 9-й мая в день недельный. И бысть радость велиа и приде весь град на сретение святого Николы. И в той день ицелений недужных – 47, а въторый день – 29 трудоватых и бесных очисти я, а тредий день – 15 хромых и слепых, а в 4 день – уношу помилова глуха и нема бывша и дает ему слышати и глаголати. И явися некоему чернорицизу святу глаголя, да положить // мощи моя в олтари под святоу трапезою. И створше раку сребряну, положиша в ней и чюдотворныя мощи святаго Николы. Тако бо прослави ъ, подав ему чюдесныя дары: недугы исцелити, бесы изгонити, болныя врачевати, на рати от смерти заступати, утопающих избавляти и всех верою призывающих его от всего зла спасает, да не точию сущи и в Бару веселятся о нем, но и весь мир и вся страны христианьския молящися святому Николу и приемлюще от него невидимо сердечная прошения.

Многогрешнаго и грубаго и недостойна прозвитера Андреа, бывшаго причетника и клирика сборныя и апостольския церкви в рускых / странах преименитаго града Москвы Слово похвално иже во святых отца нашего премудраго во святителех архиереа и чюдотворца Николы пастыря и учителя Мир Ликийских на принесение честных его мощей от Мур в Баръград и воспомяновение преславных его и предивных чудес мая в 9.

Днесь наста светоносное торжество богомудраго святителя, пречестнаго архиереа, славнейшаго в чудесех Богосиянаго и чюдотворца Николы, наместника и подражателя суца святых Апостол. Днесь просия светлая заря, открывая благочестия великое таинство бывших чудес предивнаго святителя, прекраснаго цвета, исцеления плод недужным подавающаго прибегающим с верою // в пречестный и преславный его храм. Днесь мирная воиньства ангельская с земными Христолюбивыми сонмы благочестно вкупе ликуют: царие и князи и священноначалници с Первосвятители, светло празднующи веселятся, и вся благочестивых равенства во единение поспешествующе радуются.

^{1*} Сурьяне – сирьяне, сирийцы.

^{2*} Λιμνη – гавань, пристань. См.: Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., 1991. Стб. 762; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1981. Вып. 8. С. 235.

^{3*} Слова, взятые в скобки, являются маргинальной вставкой в тексте.

Л. 150

Днесь мысленая удолия^{4*} запустевших – разумнаго дарованиа исполняются присно. Днесь затвореная очеса светле и радостные отверзаются, пресветлыя луча благотворения приемлюще. Днесь хромым благотечением обоямо подается премудраго врачевания действием благопоспешнаго наставника и учителя. Днесь расслабленных уде/са радостно стягнутие^{5*} обретше, здравие душевное вкупе и телесное приемши радуются, желание избавления получивши. Днесь языци онемевших богогласия восприемши благодарствуют, днесь всяческий и неизбытных недуг от человеческого естества непостоянно^{6*} отгоняется милостивным поспешением настоящаго празднства преславнаго сего Чюдотворца и скорога предстателя Николы. Тем же убо достождожно братие, шедшиися православных собори и благочестивых соединение, душевную совесть очистивше и истинною верою оградившись, богодарованныя^{7*} поспешества образы имуще со усердием душевно радуящися, // светло празднуем чудес неисчерпаемое наслаждение приемлющи и исцеления даров пучину обретше и различнаго и скорога утешения получивши святыя премудрости на явлении^{8*} упованием и надежею Царя Славы, створьшаго небо и землю, похвалныя венци победотворцу простирающе, достойная дарованиа плетуще от святыя живоносныя десница благолепия увязением^{9*} приемшему пастырю и учителю и наставнику вселеныя концам, Богоизбраннаго Христова стада кормьчю заблуждшим в пучине волнениа идольския лъсти иже во удоле^{10*} плачевнем обещаваших грехми, радости подателя и посетителя и врача болячим различным недугы, в тесноте живущим душевнаго омрачения черноту отгнавшяго и обогатителя нищим, скитающимся различными озлобленми и всяческим страстем потребителя, в скорбех заточения сущим и в глубине уныния бывшим скорый утешитель и веселиа податель явися, яко же златозарныя луча от небесных круг на земныя конца благопотребная прошения подающаго, целебныя дары испущающе и во всякой нужи скорога предстателя и заступника неизбыточных бед^{11*} предиреченнаго и премудраго во святителех досточюднаго и святейшаго Николу различными премудрыми похвалами д/стойно похвалим величества подание, яко же другой пречюдный адамант приносяще ти возмездием дарование, вопиюще и тебе таковая: О пресвятый отче Николае, утешителю скорбящим^{12*} от Господа Бога Саваофа^{13*} Вседержителя премудраго ти учения в весь мир произыде глагол твоих вещаний.

Л. 150 об.

Радуйся Богонарочитая златокованная труба, провозвещающая православным радость; радуйся органе украсивый церковнаа устроения, радуйся цевница^{14*} доброгласная, исполняя радости благородных мудро-

^{4*} Удолия – долина, низменность. См.: Дьяченко Г., свящ. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993. С. 751.

^{5*} Стягнутие – стягивание, скрепление, укрепление. См.: Там же. С. 681.

^{6*} Вм. непостоянно – непрестанно. См.: Макарий, игумен. Всероссийский Митрополит Афанасий. С. 258.

^{7*} Вм. богодарованныя – благодарныя. См.: Там же.

^{8*} Вм. на явлении – наслаждение. См.: Там же.

^{9*} Увязение – увенчание, украшение цветочным венцом. См.: Дьяченко Г., свящ. Полный церковно-славянский словарь. С. 748.

^{10*} Удоле – здешний мир. См.: Там же. С. 843.

^{11*} В списке XVI в. этого слова нет. См.: Макарий, игумен. Всероссийский Митрополит Афанасий. С. 258.

^{12*} Далее следуют слова: Радуйся правыя премудрости съкровице. См.: Там же.

^{13*} В тексте XVI в. этого слова нет. См.: Там же.

^{14*} Цевница – флейта, свирель. См.: Дьяченко Г., свящ. Полный церковно-славянский словарь. С. 805.

вани, радуйся верных наставниче и крепителю, радуйся необоримая забрала и утверждение граду нашему. / Радуйся царствия скипетром держава, радуйся поборниче православных собор, радуйся молния пожигага соблазны, радуйся гrome устрашая нечестивых полкы, радуйся Богдавче упование мое Николае, радуйся радости души моей преподобне, радуйся телеси моего врачевание, радуйся избавый мя от убожиа; радуйся, даровавый ми добрословие, радуйся всем обуреваемым прибежище и заступление^{15*}.

Темже аз убогий и недостойный, паче же многогрешный и грубый, тмою неразумия одержим и неверьствием грубости скытаяся, от усердия принесох ти, якоже вдова она две цате [Мк. 12,42; Лк. 21,2], но не красна похвала от скверных устен избранному Святителю от Господа *Л. 151* Бога. // Но о пресвятый отче Николае, надеюся твоими молитвами обрести милость в настоящем сем нужнем времени и грядущая избавитися муки от належащих на ны зол пременитися во приидуший^{16*} час будущаго века и присносущнаго наслаждения сподобитися, Небеснаго Царствия наследником быти и Горняго Иерусалима доброту зрети твоим пречюдным наставлением, великий архиерею Христов Святителю Николае, славяще Святую и Живоначальную Троицу, неразделимое Божество Отца и Сына и Святаго Духа и ныне и присно.

РИАМЗ. № 5656. Пролог. Л. 148–151.

^{15*} *Далее в рукописи XVI в. из ГИМ идет следующий текст:* Радуйся златозарный архиерею Николае, иже удиви чудесы весь мир, а от людии слепоту отогна греховную, от других же бесы изгоняя, а других во сне удиви и от смерти избавляя. Радуйся страдоточный архиерею сладостию возвеселя весь мир и на пажить духовную наставив. Радуйся небопарный орел, облетаемый весь мир и наполивый вся сладкаго учения. Радуйся Николае похвала апостольская. Радуйся Николае манастырем твердое и недвижимое основание. Радуйся архиерею Николае, златозарный облаче, прогнавый мрак безбожный от сердец человеческих и светом богоразумиа украсив престол церковный. Радуйся живорасленая леторасль въскормивый негиблющую ядию церковныя пытомники. Радуйся победниче бесом и ересем прогонниче, чистоте правителю, доброте наставниче, проповедниче истинне, смирниче котори вражды погубителю, святыни подателю, тобою вся безная леть упразднися, а истинна восиа и процвете, да и мы братие и отцы добронравиа поревнуем и память его честно творим не на брашно ся токмо собираем, ни на питье, но на послушание и на добрая дела подвигнемся въздержася [!] не на брашна токмо, но от пианьства и от зависти и от свара и от тятбы и от клеветы, и от лихоимания и от прелюбодения. Таковая бо дела творяще, далече от Бога суть, аще не покается покаянием, яже бо есть приято Богу, яже остатися от всего зла и к тому не створи его, но слезами умилением и милостынею омыти вся соблазны". См.: *Маккарий*, игумен. Всероссийский Митрополит Афанасий. С. 258–259.

^{16*} *Вм. приидуший – грядущий. См.: Там же.*

НЕИЗВЕСТНАЯ БИОГРАФИЯ В.В. КРЕСТИНИНА

В собрании документов путешественника и издателя журнала “Отечественные записки” Павла Петровича Свинына (1787–1839), находящемся в составе “Юдинской коллекции” в РГАЛИ, хранится небольшая по объему биография историка русского Севера Василия Васильевича Крестинина (1729 или 1730–1795).

В.В. Крестинин – выдающийся русский историк второй половины XVIII в. Его жизнь и научная деятельность подробно описаны в работах многих исследователей¹, но интерес к нему и его трудам не ослабевает. В последние годы появился ряд новых исследований о В.В. Крестинине².

Традиция историографического изучения научной деятельности В.В. Крестинина восходит к работам известного библиографа и историка Евгения (Болховитинова)³, журнального деятеля и публициста А.В. Старчевского⁴ и архангельского краеведа Г. Заринского⁵. Первые биографические сведения о В.В. Крестинине были собраны Евгением (Болховитиновым) уже в 1800-е годы, но широкая общественность узнала о нем только в 1845 г.

Поэтому представляет большой интерес анонимная биография В.В. Крестинина, хранящаяся в РГАЛИ.

Журнал П.П. Свинына “Отечественные записки” (1820–1830) вырос из одноименного альманаха (1818–1819). Он стал первым российским научно-популярным историческим журналом. И хотя мнения современников и исследователей об этом издании и особенно о его создателе неоднозначны, многие оценивали публикации журнала достаточно высоко. Писатель-декабрист А.А. Бестужев (Марлинский) писал в альманахе “Полярная звезда” на 1824 г.: «“Отечественные записки” (издал г-н Свинын в С.-Петербурге) хотя не всегда с исторической точностью, но всегда с патриотическим жаром хранили и передавали черты народного нрава, частных дел и замечательных событий»⁶.

Сходную оценку журналистской деятельности П.П. Свинына дал в 1888 г. известный искусствовед В.В. Стасов: “Невзирая на все свои худые и отталкивающие качества, это был человек, который принес много пользы своему Отечеству. Каковы бы ни были пружины, толкавшие его деятельность, но эта деятельность была полна прекрасных мотивов и прекрасных результатов... Свинын выступил в роли иллюстратора русской природы, русских сельских и городских видов, русских племен, русских людей, русских сцен, русских всяческих предметов, вообще – русской жизни. В этой роли он явился первым из русских... Его рисунки были плоховаты, его статьи дубоваты; у него было преувеличенное боготво-

¹ Наиболее полную библиографию трудов В.В. Крестинина см.: Полякова У.М. В.В. Крестинин и общественная борьба в Архангельском посаде в 60–90-х годах XVIII в. // ИССР. 1958. № 2. С. 99. Примеч. 80. С. 100. Примеч. 82; Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Л., 1965. Ч. 2. С. 303–306. Примеч. 33–49, 51. Библиографию работ о В.В. Крестинине см.: История исторической науки в СССР: Дооктябрьский период: Библиография. М., 1965. С. 197 (работы, изданные до 1963 г.); Куратов А.А. Архангельский историк В.В. Крестинин // Отечество: Краевед. альманах. М., 1993. Вып. 4. С. 70–71 (работы, изданные до 1986 г.).

² Цветкова Л., Овсянников О. В.В. Крестинин. Страницы жизни // Патриот Севера: Ист.-краевед. сб. Архангельск, 1985. Вып. 1. С. 59–76; Куратов А.А. Историография истории и культуры Архангельского Севера. Вологда, 1989. С. 71; Он же. Архангельский историк В.В. Крестинин; Овсянников О.В. Средневековые города Архангельского Севера. Архангельск, 1992. С. 20–22.

³ Евгений (Болховитинов). Словарь русских светских писателей, соотечественников и иностранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 1. С. 318–320; Т. 2. С. 389–390.

⁴ Старчевский А.В. Очерк исторической деятельности до Карамзина // Финский вестн. СПб., 1845. Т. 3. С. 194–197.

⁵ Заринский Г. Василий Васильевич Крестинин // Арханг. губ. ведомости. 1858. № 43.

⁶ Бестужев А.А. Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года // Литературно-критические ра-

рение всего русского, но, тем не менее, он предпринял дело справедливое и полезное. Он ревностно и настойчиво исполнял его от всего сердца, и труды его остались не напрасны. Он много помог, в свое время, узнаванию России русскими, и очень многие из собранных и опубликованных им, лет 50 тому назад, интереснейших материалов и до сих пор нужны и полезны тому, кто интересуется Россией и изучает ее с разнообразных сторон”⁷. Высоко оценена журналистская деятельность П.П. Свинына и в трудах многих историков российской журналистики и исторической науки, особенно появившихся в последние десятилетия⁸.

П.П. Свинын определял цель своего журнала так: “Цель сего издания питать и распространять любовь русских ко всему русскому, отечественному, стараться для сего выставлять на вид их и уважения все, что есть и было хорошего в беспредельном Русском царстве... как в эпохи почтенной древности, так и в новейшие времена”⁹. Особенностью журнала была постоянно поднимавшаяся там тема “русских самоучек” и “природных талантов”. Некоторые из публикаций журнала о “русских самородках” носили явно комичный характер. Они дискредитировали как журнал, так и его издателя, вызывали множество едких откликов¹⁰.

При этом обычно исследователи упускают из виду, что в журнале помещалось много материалов о действительно талантливых выходцах из народа: “Приключения Суханова”¹¹, русского природного ваятеля” (1818. Ч. 1), “Жизнь механика Кулибина и его изобретения” (1819. Ч. 2). “Путевой журнал крестьянина Суханова”¹² от Архангельска до Петербурга” (1828. Ч. 34. № 97) и другие публикации. Неоднократно помещались в “Отечественных записках” материалы о великом русском ученом М.В. Ломоносове: “О сооружении памятника М.В. Ломоносову” (1825. Ч. 22. № 61), “О пожертвованиях на сооружение памятника Ломоносову в Архангельске” (1825. Ч. 24. № 67), “Известия о вновь открытых рукописях Ломоносова” (1827. Ч. 31. № 89), “Некоторые сведения о Ломоносове (им самим написанные)” (1829. Ч. 37. № 105). Поэтому биография В.В. Крестинина, как одного из “русских самоучек”, вполне укладывалась в концепцию журнала и могла заинтересовать его издателя.

Кроме того, внимание П.П. Свинына к личности В.В. Крестинина было ча-

⁷ Стасов В.В. А.М. Горностаев // Вестн. изящных искусств. СПб., 1888. Т. 6, вып. 6. С. 448–449.

⁸ Дмитриев С.С. Источниковедение русской исторической журналистики // Источниковедение отечественной истории, 1975. М., 1976. С. 272–305; Афиани В.Ю. Из истории русской археографии: Публикация исторических источников в “Отечественных записках” П.П. Свинына // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 89–97; Он же. “Русский путешественник” // Краеведы Москвы. М., 1991. Вып. 1. С. 45–59; Пашков А.М. Материалы по истории Карелии в журнале П.П. Свинына “Отечественные записки” // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1989. С. 70–83; Он же. Архангельская губерния в журнале П.П. Свинына “Отечественные записки” // С.Ф. Огородников и история русского флота: Тез. докл. междунар. науч. конф. Архангельск, 1996 (в печати). Отметим и книгу В.Н. Бочкова «“Скажи, которая Татьяна?” Образы и прототипы в русской литературе» (М., 1990). В ней П.П. Свиныну посвящена глава “Хлестаков и его прототип”, в которой наряду с традиционной тенденциозной оценкой его жизни и деятельности подробно, с привлечением многих новых фактов изложена его биография.

⁹ Свинын П.П. Изъявление благодарности от издателя “Отечественных записок” // ОЗ. 1829. Ч. 40. № 116. С. 500–501.

¹⁰ См. об этом: Пушкин А.С. Детская книжка // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 7. С. 105; Измайлов А.Е. Лгун // Русская басня. М., 1986. С. 290–292, 516; Он же. Кулик-астроном // Там же. С. 307–308, 516.

¹¹ Выходец из вологодских крестьян Самсон Ксенофонтович Суханов (1768–1840-е годы) был широко известен в то время. В 1823 г. художник В.А. Тропинин даже написал его портрет “Крестьянин Самсон Суханов”. Подробнее о нем см.: Зайцев С.Н. Участие вологжан в строительстве Петербурга (первая половина XIX в.) // Вологда: Ист.-краевед. альманах. Вологда, 1994. Вып. 1. С. 86–96.

¹² Суханов Михаил Дмитриевич (1801 или 1802–1843) – поэт-самоучка, происходил из государственных крестьян Архангельской губернии. Подробнее о нем см.: Григорьева Г.Г. Суханов Михаил Дмитриевич // Русские писатели: Биобиблиогр. словарь. М., 1990. Т. 2. С. 275–277.

стью его интереса к Русскому Северу вообще и к Беломорью в частности, что неоднократно отмечалось исследователями¹³. Действительно, в условиях господства в России крепостнической системы Поморье выгодно выделялось почти полным отсутствием помещичьего землевладения, малой численностью дворянского сословия и, как следствие этого, относительной свободой крестьян, приемчивостью местных жителей и их большой ролью в органах местного самоуправления, высоким уровнем развития духовной и материальной культуры. В 1614–1917 гг. в Поморье почти не велись боевые действия. Эти обстоятельства, а также сильное влияние старообрядчества с его любовью к “старине” сделали Север надежным хранилищем тысяч старинных рукописей и документов, что явилось серьезной предпосылкой развития здесь историографической традиции. Важными факторами, формировавшими культуру русского населения Поморья и его национальное и историческое самосознание, были многонациональный состав населения северного региона и соседство с финноугорскими (карелы, коми) и самодийскими (саамы, ненцы) народами, а также тесные торговые контакты Беломорья с финнами, шведами, норвежцами, англичанами и голландцами.

Поэтому, как это ни парадоксально, П.П. Свиньин и многие другие апологеты самодержавно-крепостнической России искали яркие положительные примеры для обоснования своих идей именно на Севере, где воздействие самодержавия и крепостничества было не столь значительным, а успехи в экономике и культуре были обусловлены скорее местными особенностями.

В “Отечественных записках” было помещено не менее 30 материалов об Архангельской губернии. У Свиньи́на было несколько постоянных корреспондентов, писавших о ней. Наибольшую ценность представляют публикации уроженца Архангельска, купеческого сына, ставшего петербургским чиновником, В.Я. Никонова¹⁴, – автора очерков “Извлечения из дневника путешествия по Северу Европейской России” (1823. Ч. 14. № 37; Ч. 16. № 42–44) и “Поездка в Новодвинку” (1824. Ч. 18. № 50), инспектора архангельской врачебной управы А.Д. Протопопова – автора очерка “Путевые заметки по Мезенскому уезду в 1828 году” (1829. Ч. 37. № 105–106), статьи “Изъяснение некоторых карельских слов, доказывающих существование там чуди” (1829. Ч. 38. № 110), отрывка из обширного труда известного северного краеведа М.Н. Мясникова¹⁵ “Историческое описание Ваги и Шенкурска” (1829. Ч. 37. № 107). Небольшие заметки присылал из Архангельска и “Отечественные записки” Журавлев (1829. Ч. 38. № 110; 1830. Ч. 41. № 117).

Летом 1828 г. П.П. Свиньин совершил большое путешествие по северу России¹⁶. Итогом стали два путевых очерка – «Путешествие в Соловецкий монастырь издателя “Отечественных записок” в 1828 году» и “Первый день моего пребывания в Архангельске”¹⁷.

Многолетние связи П.П. Свиньи́на с северным краем, особенно укрепившиеся во время путешествия летом 1828 г., также объясняют его интерес к личности и трудам крупнейшего историка архангельского Севера В.В. Крести-

¹³ См.: *Афиани В.Ю.* Публикация источников и материалов по истории Европейского Севера в журналах первой трети XIX в. // *Историография и источниковедение истории северного крестьянства: Сев. археогр. сб.* Вологда, 1978. Вып. 6. С. 98–102; *Пашков А.М.* Указ. соч.

¹⁴ Подробнее о В.Я. Никонове и его путевых очерках см.: *Пашков А.М.* К вопросу о менталитете архангелогородца первой половины XIX в. // V Соловецкий форум: Архангельск в современном мире. Архангельск, 1993. Ч. 1. С. 41.

¹⁵ Подробнее о М.Н. Мясникове и его работах см.: *Васильев Ю.С.* Историк-краевед М.Н. Мясников, его труды и коллекция // Вологод. пед. ин-т. Аспирантский сборник. Вологда, 1972. Вып. 1: Гуманит. науки. С. 61–68.

¹⁶ Объявление о продолжении “Отечественных записок” в текущем 1829 году // *ОЗ.* 1829. Ч. 38. № 109, обложка.

¹⁷ Там же. Ч. 37. № 105. С. 119–151; № 106. С. 209–223; Ч. 38. № 108. С. 59–78; Ч. 39. № 111. С. 104–128.

нина, на сочинения которого ссылались в своих публикациях В.Я. Никонов и М.Н. Мясников. Появление биографии историка в собрании П.П. Свиньина можно связать с поездкой последнего в Архангельск. Автором биографии был, вероятно, грамотный горожанин солидного возраста, имевший опыт работы в органах городского самоуправления, хорошо знавший Крестинина и его труды. Биография, несмотря на отдельные неточности, содержит интересные сведения о детстве, образовании, быте и семейной жизни историка, его научной и общественной деятельности. Особую ценность имеют данные, относящиеся к последним годам жизни Крестинина, его аресту, содержанию в тюрьме и кончине.

Эта биография не была опубликована в журнале “Отечественные записки”. Возможно, причиной послужило закрытие журнала (1830) или решение “благонамеренного” журналиста П.П. Свиньина не публиковать биографию человека, неоднократно вступавшего в конфликт с властями.

Тем не менее сам факт появления этой биографии говорит о том, что и через несколько десятилетий после кончины Крестинина земляки-архангелогородцы помнили и уважали его. Несомненно, большую роль в сохранении и, возможно, появлении этой биографии сыграл и П.П. Свиньин.

Биография публикуется по тексту, написанному коричневыми чернилами поздней скорописью, переходящей в современное письмо, с орфографическими ошибками, без названия и подписи.

А.М. Пашков

Василий Васильевич Крестинин остался после отца своего, бывшего в Архангельске купцом, в малолетстве и без наследства. Он молодые свои годы употребил в науках и познании латинского и немецкого языков. Особенно прилежал он в Истории ветхого и нового завета.

Сделавшись Почетным гражданином¹, избран был мещанским обществом старшиной² и городовым историком; по открытии учреждений о губерниях³ заместителем в совестном суде⁴; а по состоянии Городового положения⁵ гласным в Думе⁶, где согласно с положением, образовав порядок, отлично устроил городовую обывательскую книгу⁷ и прочие части.

В 1780 году, познакомясь с бывшим в Архангельске сенатором графом А.Р. Воронцовым⁸, получил звание корреспондента Академии наук⁹.

Во время бытности его еще в самом начале городовым историком, за написание в историю некоторых гласных событий, гоним был бывшим губернатором Головцыным¹⁰ до того, что принужден был более года проживать на Ровдине, месте близ города Холмогоры, где известный г. Ломоносов родился. В сие время он занимался собраниями древних бумаг, из коих издал две книги о двинском народе. История города Архангельска была также напечатана.

Пред концом жизни он, паче претерпев нерасположение начальства, предан был суду за то, что он в одной поданной в присутственное место бумаге написал термин *Дворянское сословие*. При строгом настоянии исследования содержал под стражей и скончал жизнь свою (около 1794 года) в городской больнице¹¹.

Поведения был самого строго. Женился будучи за 50 лет. Имел одну дочь.

От самого младенчества был весьма близорук по причине бывшей у него большой оспы, с великим трудом мог различать и в самом близком расстоянии предметы. Писал же, смотря весьма близко и крупными литерами, нередко одну на другую поставленными*.

Месяцеслов исторический и географический на 1784 год, в оном: статья об острове Колгуеве (на 4-х страницах). Сие известие составлено по изустному объявлению мезенца Никифора Рахманина 1786-го года Василием Крестининым.

* Далее идут три строчки заголовка неразборчивым почерком, за ним – текст со списком работ В.В. Крестинина, написанный другим почерком (четкая, каллиграфическая поздняя скоропись, черная тушь или чернила).

Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве Двинского народа на Севере, сочинен В. Крестининым в 1779 году. С.-Петербург, 1785, в 4°, на 54 стр.

Его же. Начертание истории города Холмогор с сошным письмом (издано Озерецковским). С.-Петербург, 1790, в 4°, VI и 44 стр.

Его же. Исторические начатки о Двинском народе древних, средних и новейших времен. С.-Петербург, в 4°, 1784.

Его же. Краткая история о городе Архангельском. С.-Петербург, 1792, в 8°, VIII и 264 стр.

Исторический опыт и исторические начатки о Двинском народе в 1808 году проданы на вес академическим Комитетом Правления.

Предуведомление к Архангельской истории Крестинин подписал в июле месяце 1785 года на 54-м году своей жизни. Из истории явствует следующее: в 1768 году Крестинин отказался с прочими от звания члена Гражданской комиссии о исправлении торгов и цехов архангелогородского посада, ибо успехи ея останавливаемы были разными со стороны губернатора Головцына препинаниями. Отец его был бургомистром¹² города Архангельска в 1735-м году, он произошел от бедных сирот Холмогорского посада в первостатейные купцы и в главные по Архангельскому посаду службы, порядком в сие достоинство вводимым.

РГАЛИ. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 2872. Л. 130–131.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ “Грамота на права и выгоды городам”, или “Жалованная грамота городам”, 1785 г. вводила звание именитых граждан, звание почетных граждан было установлено в 1832 г.
- ² Вероятно, имеется в виду мещанский староста, избиравшийся по слободам. См. об. этом: *Полякова У.М.* Указ. соч. С. 84, 87–88.
- ³ “Учреждения для управления губерний” – законодательный акт, подписанный Екатериной II 7 ноября 1775 г., определял порядок местного управления, штаты, права и обязанности местных органов власти.
- ⁴ Совестный суд создавался в каждом наместничестве согласно “Учреждениям для управления губерний” 1775 г. (гл. 1, разд. 40–41). Состоял из судьи-председателя и шести членов (по два представителя от дворян, горожан и государственных крестьян).
- ⁵ “Жалованная грамота городам” 1785 г. определяла создание новых органов городского самоуправления и регламентировала их деятельность.
- ⁶ Дума создавалась в каждом городе в соответствии с “Жалованной грамотой городам” (разд. 156–178), состояла из шести членов – гласных, выбиравшихся на три года по одному представителю от горожан, ремесленников гильдейских купцов, посадских именитых граждан и иностранцев и иногородних.
- ⁷ Обывательская городская книга заведена в соответствии с “Жалованной грамотой городам” (разд. 53–56), содержала списки жителей города с указанием их семейного и имущественного положения. Для ее составления и ведения горожане выбирали на три года старост и депутатов.
- ⁸ Воронцов Александр Романович (1741–1805) – государственный деятель и дипломат, брат Е.Р. Дашковой. С 1760 г. – граф. Отличался независимостью суждений и либеральным фрондерством. Интересовался историей России, собирал исторические документы. Поддерживал деятельность историков Г.Ф. Миллера и И.И. Голикова. В 1768 г. посетил Архангельск, где познакомился с В.В. Крестининым. Их переписка длилась с 1787 по 1794 г. Письма В.В. Крестинина сохранились в фонде А.Р. Воронцова в Архиве СПб. ФИРИ РАН.
- ⁹ Звание члена-корреспондента Академии наук учреждено в 1759 г. В.В. Крестинин был удостоен его в 1786 г. по представлению Е.Р. Дашковой.
- ¹⁰ Головцын Егор Андреевич – генерал-майор, губернатор Архангельской губернии (по выражению одного из историков, “не богатый просвещением начальник губернии”).
- ¹¹ В.В. Крестинин умер 5 мая 1795 г., как предполагает О.В. Овсянников, в тюрьме (см. в предисловии, в сн. 2).
- ¹² По Регламенту Главного магистрата 1721 г. в магистрат Архангельска должны были входить президент, четыре бургомистра и восемь ратманов (советников), избиравшихся “из граждан первостатейных, добрых, пожиточных и умных людей”.

АВТОБИОГРАФИЯ А.О. ИШИМОВОЙ

Александра Осиповна Ишимова (1804–1881) в середине XIX в. была человеком, известным всей “читающей” России. Вся ее жизнь, как свидетельствуют архивные материалы 50-летнего юбилея ее деятельности, была наполнена непрерывным трудом на пользу отечественного образования и вообще культуры. Она целеустремленно работала для детей разного возраста и разного сословного положения: как писательница (только в издаваемых ею журналах ее перу принадлежит 472 очерка), как автор разнообразных учебников (по истории гражданской, естественной, духовной), как издатель журналов (“Звездочка”, “Лучи”), как переводчица с английского, французского, немецкого языков и, конечно, в качестве великолепного педагога: она несколько лет руководила пансионом для девочек, затем, по рекомендации П.А. Плетнева и других, была приглашена преподавать русский язык и историю во дворец. Воспитывала осиротевшую дочь Плетнева, друга А.С. Пушкина. И всю свою дальнейшую деятельность связывала с написанием разнообразных учебников по истории, в основном для девочек.

Ее творчеством главным образом интересовались журналисты и критики детской литературы. Значительно меньше внимания уделялось ей как историку. Первым на этот счет высказался А.С. Пушкин: за несколько часов до роковой дуэли, обеспокоенный поисками секундантов, заканчивая неотложные дела в день 27 января 1837 г., он в последний раз берется за перо и пишет Александре Осиповне записку: «Милостивая государыня Александра Осиповна, крайне сожалею, что мне невозможно будет сегодня явиться на Ваше приглашение. Покамест честь имею препроводить к Вам *Barry Cornwall*. Вы найдете в конце книги пьесы, отмеченные карандашом, переведите их, как умеете – уверяю Вас, что переведете как нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открыл Вашу “Историю в расказах” и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью честь имею быть, милостивая государыня, Вашим покорнейшим слугою. А. Пушкин.

27 янв. 1837»¹.

Получив книгу для перевода, Ишимова нашла публикации пьес Корнуолла, отмеченных А.С. Пушкиным: “Людовик Сфорца”, “Любовь, извлеченная снисхождением”, “Средство побеждать”, “Амелия Уэнтворт”, “Сокол”. Выполнив просьбу поэта, она отдала их в “Современник”, который после Пушкина редактировал П.А. Плетнев. Они были опубликованы в ноябрьском номере (1837. Т. VIII).

Наиболее подробная библиография изданий А.О. Ишимова дана в книге “Материалы по истории русской детской литературы (1750–1855)”, там же опубликована подробная статья Ю.В. Фоминой о ее творчестве².

В основном все публикации о ней повторяют статью П.В. Быкова, написанную по материалам присланной ему “Автобиографии”, которую Ишимова написала по его просьбе 19 ноября 1875 г. в связи со своим 70-летием³.

Но ее труды по истории были освещены впервые с использованием архивных материалов лишь через столетие автором данной статьи в сборнике “Проблемы истории общественной мысли и историографии”⁴. В очерке отражено со-

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 9 т. М., 1954. Т. 9. С. 175.

² Фомина Ю.В. Ишимова Александра Осиповна (1804–1881) // Материалы по истории русской детской литературы (1750–1855). М., 1927. Вып. 1. С. 215–226.

³ Быков П.В. Русские женщины-писательницы. Ч. V. А.О. Ишимова // Древняя и новая Россия. СПб., 1878. Т. II. № 8. С. 316–323.

⁴ См.: Чистякова Е.В. Александра Осиповна Ишимова – последний адресат А.С. Пушкина // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 346–353.

держание в основном первого тома ее “Истории России в рассказах для детей”, который был издан при жизни А.С. Пушкина. Кстати, не так давно были обнаружены еще два тома этой книги, также изданные при жизни А.С. Пушкина⁵. Наиболее удачно и подробно необходимый справочный материал о трудах А.О. Ишиимовой дал Э.Л. Безносов в статье, помещенной в биографическом сборнике “Русские писатели. 1800–1917”⁶. Жаль только, что в дефиниции к ней автор не отразил внимание пасательницы к сюжетам по истории России.

В 1983 г. З.Я. Немшилова опубликовала (с небольшой вступительной статьей) автобиографические впечатления А.О. Ишиимовой от пребывания в бывшем Усть-Сысольске – рассказ “Зырянка”⁷.

Но настоящий бум “История России...” Ишиимовой испытала через 150 лет после публикации: ее текст стали передавать по радио. И только с того момента наши соотечественники близко познакомились с этим произведением нашей первой женщины-историка. Вышло несколько перепечаток ее произведений с соответствующими предисловиями⁸, “перепевающими” в основном содержание статьи П.В. Быкова, написанной на основании “Автобиографии” писательницы.

Архивный фонд А.О. Ишиимовой большей частью сосредоточен в Пушкинском Доме, а также в других архивах. В РО ПД содержится 18 дел. Здесь находится и “Автобиография” Александры Осиповны (Р. III. Оп. 2. № 487/2121. (21 лист с оборотом). Она помечена как “копия” 19 ноября 1875 г. Текст написан крупным писарским почерком, явно не авторским. Впервые “Автобиография” А.О. Ишиимовой печатается полностью. Здесь же хранятся “Записные книжки” Ишиимовой, датированные 1826–1827, 1872–1874, 1875, 1881 гг. В этих “Записных книжках” содержится очень любопытный материал, который не предназначался для публикации: это и запись мелких бытовых расходов, и впечатления от посещения Киева, и полная негодование реакция на убийство Александра II 1 марта 1881 г. “Ужасный день убийства Государя зверскими злодеями, бросившими бомбу: одну взрывную бомбу под карету его, а другую к его ногам, отчего ноги его были раздроблены и он истек кровью. Это неслыханное злодейство. Все поражены им, никто не знает, что делать, как уничтожить злодеев? Да и изловить их трудно”⁹. Далее есть размышления о правомерности признания детей от второй жены Александра II, княгини Юрьевской (Е.М. Долгоруковой), высказывается недовольство в связи с чрезмерной централизацией дел Лорис-Меликовым.

В то же время Ишиимова высказывает удовлетворение, что царь (Александр III) дал 9 млн руб. для пособия крестьянам и уменьшает с них налоги. Собрана комиссия у министра внутренних дел: “Все это обещает хорошее начало!”¹⁰

Монархические взгляды Ишиимовой видны на каждой странице ее книги: “Не правда ли, что барон Герберштейн, побывав в нашем Петербурге, мог бы сказать точно то же и о нас, русских, XIX столетия и подданных нашего великого несравненного Николая, что он сказал о русских XVI в. и подданных Василия III. В этом священном случае мы будем вечно те же, и, какое бы платье ни носили, какие бы обыкновения ни приняли любовь к государю, это святое, сладостное чувство русского будет всегда чисто, цело, неизменно в сердцах наших!”¹¹

Круг знакомых и друзей Ишиимовой среди петербургской интеллигенции: писатели, журналисты, лица, вхожие во дворец, – был очень велик. Среди авторов

⁵ Сергеев К. Найдена бесценная реликвия // Изв. 1988. 31 марта С. 3.

⁶ Русские писатели. 1800–1917. М., 1992. Т. II. С. 427–429.

⁷ Немшилова З.Я. “Зырянка” // В делях Севера. Сыктывкар. 1983. С. 40–55.

⁸ См.: о ней: *Файнштейн М.Ш.* Писательницы пушкинской поры: Ист.-лит. очерки. Л., 1989. С. 42–57; *Плотникова В.А.* “Вот как надобно писать” (о рассказах А.О. Ишиимовой) // Русская речь. 1984. № 3. С. 22–25.

⁹ РО ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. № 495/2071. Л. 36 об.

¹⁰ Там же. Л. 83–84.

¹¹ *Ишиимова А.О.* История России в рассказах для детей. СПб., 1841. Т. 1. С. 252–253.

поздравительных писем и телеграмм было много москвичей и иногородних. Переписка Ишимовой имеется не только в РО ИРЛИ, но и в ОР РГБ, РГАЛИ и других архивохранилищах. В доме П.А. Плетнева она непосредственно общалась с А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским, П.А. Вяземским, В.Ф. Одоевским, а позже с И.С. Тургеневым, переписывалась с Н.В. Гоголем, Ф.М. Достоевским, М.П. Погодиным и др.

Среди отзывов на книги Ишимовой были и похвалы и критика (в основном со стороны демократов – Белинского, Чернышевского, Добролюбова). Одни называли ее “доброй любящей наставницей нескольких поколений детей” (Е.И. Висковатова), Г.К. Градовский считал, что ее произведения рассчитаны “на доброе чувство, ум и художественный вкус” нескольких преемственных поколений¹².

В.Г. Белинский относился к журналам Ишимовой двойственно. Н.А. Добролюбов так говорил: “Что же касается до направления, то оно может быть названо религиозно-нравственным и патриотическим”¹³, т.е. консервативным. Я.К. Грот писал в одном из писем П.А. Плетневу: “В субботу, по отправлении к Вам письма, я возвратился домой и провел часа два за чтением Истории Ишимовой. Какой, в самом деле, прекрасный дар, у этой госпожи! Как она умеет – уж не говорю рассказывать – а оживлять рассказ так, что не только ум, но непременно и сердце ребенка заинтересовывается. Вот с этим автором я бы желал быть знаком лично!”¹⁴ Плетнев был согласен с этим и утверждал, что “без пособия истории Ишимовой” не может обойтись ни один автор учебника: “Устрялов не доставит ему столько фактов, и притом свежих, интересных, собранных с умом и переданных со вкусом, как она!”¹⁵

По-видимому, этой оценкой и руководствовались составители программы на радио, читая без устали для всей России, идущей по новому пути, русскую историю в рассказах А.О. Ишимовой. Прошло 150 лет, как она вышла из печати и привлекла внимание А.С. Пушкина, кто-то предрекал ей короткую жизнь. Но и в настоящее время миллионы людей слушают текст ее книги с интересом. В конце 90-х годов XX в. ее “История России в рассказах для детей” многократно переиздавалась.

Е.В. Чистякова

Милостивый государь
Петр Васильевич!¹

Хотя я не имею удовольствия быть лично знакомой с Вами, но как Вы были студентом во время ректорства П.А. Плетнева², то мне кажется я давно знакома с Вами: тогда существовала еще в обществе литература истинная, существовал кружок людей, соединенных ее живыми интересами, несмотря на расстояния, разделявшие их, тогда и незнакомые были знакомы, потому что одинаково любили Пушкина, Жуковского, Вяземского, Одоевского и др. Немного у нас людей, с любовью вспоминающих то время; те немногие далеко рассеяны по нашей широкой родине; но за то как приятно встречаться им! хотя бы только письмами! Я испытала эту приятность, прочитав письмо Ваше, Петр Васильевич, но в то же время как Вы меня озадачили этим письмом. Я никогда не думала, чтобы для кого-либо, кроме родных моих, была интересна жизнь моя, никогда не писала моих записок, хотя и убеждал меня П.А. Плетнев непременно делать это, но у меня было так много разного рода занятий в самой молодости, а потом в течение 6-ти лет я писала мою Историю России в рассказах для детей, потом в продолжение 22 лет издавала детские журналы – когда же было мне писать мои собственные записки? Итак, у меня нет ни од-

¹² РО ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. № 498/2121. Л. 1 об.

¹³ Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 102–104.

¹⁴ Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 1. С. 68.

¹⁵ Там же. С. 163.

ной строчки готовой, а Вы желаете иметь самые подробные сведения и выражаете это желание с такой любезностью, что мне совестно отказать Вам и в то же время совестно много говорить о такой малоинтересной личности, какую я всегда считала себя. А много придется говорить, потому что я много лет прожила на свете, но из этого многого я не желала бы отдавать всего в печать: рассказы мои будут только для Вас, а Вы поместите в биографический очерк только то, что найдете более удобным для помещения.

Я родилась 25 декабря 1804 года. Отец мой, надворный советник Иосиф Филиппович Ишимов, родился в Вятке и получил самое простое образование того времени, т.е. говорил всегда, что учился на медные деньги, но имел такие хорошие природные способности, что в 18 лет из маленького канцелярского чиновника был уже секретарем князя Мещерского, генерал-губернатора 2-х или 3-х губерний, не помню только каких, кажется Казанской и Вятской. Впоследствии он занимал такое же место и при губернаторе Тобольском, где он и женился на матери моей, дочери тамошнего Председателя Гражданской палаты, Ольге Тимофеевне Кривоноговой. Отсюда родители мои переехали в Кострому, где и родилась я. В Костроме жили они недолго, и меня годовалым ребенком привезли в Петербург, где отец мой, очень сведущий в законоведении, занимался адвокатством. Хороших адвокатов было тогда немного, отец же мой считался одним из лучших, и потому дел на руках у него было всегда много и мы жили в довольстве, но о воспитании детей в то время мало заботились, и у меня никогда не было не только гувернантки, но даже и порядочной няни. Прислугу нанимали тогда у Никольского моста – на той же площади Никольской, где и теперь стоят толпы мужиков и баб. Отец мой, кроме занятий своих по разным процессам, любил читать и в сочинении Локка “О воспитании” вычитал, что детей не надобно начинать учить ранее 7-ми летнего возраста. Следуя этому правилу, я не знала даже азбуки до тех пор, пока не минуло мне 7 лет. Во все это время моего детства я не помню, что занимало меня, но и тогда уже я любила вставать рано, как мой отец, пила с ним кофе в 7 часов, и в восемь он уже уезжал со двора; мать же моя вставала не ранее 12-го часа, и я была во все эти часы предоставлена самой себе. Я проводила это время в детской с маленькими братьями и сестрой, которые, впрочем, недолго жили и один за другим умирали в раннем детстве, кроме одного: он был только годом моложе меня и умер уже в совершеннолетних летах. Когда мне минуло семь лет, то меня отдали в пансион к какой-то M-lle Миллер. Здесь я оправдала методу Локка, потому что в 4 месяца научилась писать и читать по-русски, по-французски и по-немецки. Но учение мое продолжалось недолго: я заболела в пансионе же scarlatinой, меня взяли домой и уже больше туда не отдавали.

Наступил 1812 год. В это время отец мой был на службе в тогдашнем Министерстве полиции чиновником по особым поручениям, и его отправили в г. Белозерск Новгородской губернии, чтобы заготовить места для помещения разных драгоценностей, которые хотели вывозить из петербургских дворцов, музеев, академий в случае, если б французы взяли Петербург. Ввиду такого страшного ожидания отец мой боялся оставить семейство в Петербурге, и потому мать моя, брат мой и я отправились с ним же. О Белозерске я ничего не помню, что очень удивляет меня, потому что я очень ясно помню, как, будучи 11-ти месяцев от роду, я начала ходить и как будто и теперь гляжу на тот апельсин, к которому я пошла. Впрочем, мы жили в Белозерске очень недолго, поручение, данное отцу моему, кончилось ничем, так как Витгенштейн прекрасно защитил Петербург, все опасения за него прошли, и мы через несколько месяцев возвратились в Петербург. Но ученье мое не возобновлялось: или родители мои не считали нужным спешить с моим ученьем, так как я умела уже писать и читать на 3-х языках, или по каким-нибудь обстоятельствам не могли скоро поместить меня по-прежнему в какой-нибудь пансион, только я прожила дома в совершенной свободе года два, и наконец, когда мне минуло уже 10 лет, отдали меня приходящею ученицею в пансион г-жи Гофман, матери покойного Статс-секретаря Андрея Логиновича Гофман. Сам он в то время был молодым человеком, преподавателем арифметики в пансионе матери. Здесь я училась, должно быть, хорошо, потому что и гувернантки и учителя были всегда довольны мною. Но что значили ученье и пансионы того времени! Я помню, что сначала посадили меня с самыми младшими детьми. Вероятно, это был самый первый класс, но разделения на классы даже не было. Не прошло года, как я уже сидела за другим столом, где дети были уже постарше первого стола, наконец прошел еще год и гувернантка перевела меня в немецком языке уже за третий стол, где были две девицы гораздо старше меня. Вероятно, это было сделано потому, что учениц у немецкого учителя, человека очень умного и ученого, было очень мало: только две. Одна испугалась учености г-на Гедике, потому что она очень плохо знала немецкий язык,

а у него надо было писать сочинения. Первая заданная им тема была: описать, как я провела масленицу. Против моего ожидания, сочинение мое вышло довольно хорошо и мне подписано было *gut*.

В пансионе г-жи Гофман я оставалась около трех лет: когда мне минуло 13 лет, родители мои вздумали отдать меня в Екатерининский институт, но прежде, нежели успели сделать это, отец мой выслан был из Петербурга под предлогом, что он взял вести дело одного сына против матери, не выдававшей этому сыну ничего из наследственного имения отца его. Но это был только предлог; настоящая же причина высылки его состояла в том, что к отцу моему, как к известному в то время законоведу, обратилось несколько крестьян, отыскивавших свободу свою от одного очень богатого помещика К-ской губернии, который несправедливо владел 5000 душ крестьян и 30 000 десятин земли, приписанных еще до Петровского времени к церкви и по фальшивой крепости укрепленных за предками этого помещика. Крестьяне никогда не переставали искать своей вольности, но, конечно, это им не удавалось до того самого времени, как некоторые из них чрез знакомого им помещика той же самой губернии не обратились к отцу моему. Имея правилом принимать на себя ходатайство по делам только справедливым, он не мог отказать от желания помочь бедным людям, которые по всей справедливости отыскивали своей свободы, и решился взяться за это дело. Это решило его несчастье. Он должен был оставить службу, чтобы заняться исключительно этим трудным делом, о котором я помню только то, что он должен был читать старинные грамоты которого-то из царей – Михаила Федоровича или Алексея Михайловича, жаловавших земли эти и крестьян церкви Св. Николая. Эти грамоты замечательны были тем, что были очень длинные, а шириною не больше 1/4 аршина. Не знаю, сколько времени отец мой занимался этим делом, но только в 1819 году на проект, поданный им министру финансов графу Гурьеву, состоялся указ императора Александра Павловича, чтобы все те имения и крестьяне взяты были под казенный присмотр, а дело о них рассмотреть в Государственном совете. Не успел мой отец порадоваться такому успешному началу, как через несколько недель или дней – я уже не знаю – к нему приезжает полицмейстер той части, где мы жили, и объявляет от имени графа Аракчеева, что по высочайшему повелению отец мой высылается на жительство в Вологодскую губернию. Можно представить себе, как поражен был отец мой этим объявлением, он понимал, что его хотят удалить из Петербурга в самое то время, когда должно было рассматриваться в Государственном совете дело, начатое им. Он начал было говорить полицмейстеру, что по законам государственным никакой дворянин не может быть наказан без суда, но все представления его были напрасны. Граф Аракчеев был всемогущ, а ему был родственник тот богатый помещик, несправедливо владевший казенными крестьянами и землями.

Итак, отправление отца моего было решено, три дня было дано для сборов, и полицмейстер уехал, оставив в квартире нашей на эти три дня квартального надзирателя. Так как мать моя никак не хотела отпустить отца моего одного, то все в доме было распродано в эти дни, конечно, за бесценок. Из вырученных денег куплены были экипажи для нас и людей: коляска для отца, матери и меня с братом и еще несколько повозок для людей наших и для офицера полицейского, который должен был нас сопровождать. Замечательно, что, лишая человека всех средств к существованию, разорив его совершенно распродажею имущества его, правительство или, правильнее сказать, граф Аракчеев не назначили ему даже никакого содержания от казны. В Вологде же ожидал нас новый удар: объявили, что нам предстоит ехать еще 800 верст, до самого отдаленного городка Вологодской губернии – Усть-Сысольска. Разными путями, и водою и *горою*, как говорят там, т.е. сухим путем, добрались мы до Усть-Сысольска. Я не могу сказать, чтоб мы с братом скучали во все время этого по-настоящему печального происшествия, и это, вероятно, потому, что и родители наши не слишком скучали: отца моего поддерживала мысль, что это несчастье только временное; как скоро рассмотрится дело в Государственном совете, он будет возвращен и даже награжден четвертою частию той огромной суммы, какую открытие его доставит казне: 5000 душ крестьян и 30 000 десятин земли ценились в то время в 4 миллиона. Мать моя желала только одного – не расставаться с мужем и детьми, а брата моего и меня чрезвычайно занимала новость всего того, что мы видели, проехав около 2000 верст.

Деревни, которых до того времени я никогда не видала, и города, мимо которых мы проезжали, представлялись мне такими интересными, что мне казалось жить там было бы не скучно. Я даже убедилась в этом, прожив несколько времени в Усть-Сысольске: дел

у меня было там так много, что вовсе некогда было скучать. О наружности города и говорить нечего: это были две-три улицы с деревянными домиками на довольно большом расстоянии один от другого и только с двумя каменными домами двух первых купцов города – Сухановых. По календарю нынешнего года значится там 3500 жителей, а 50 лет тому назад, конечно, было не более 2000. Общество состояло из обыкновенных чиновников прежнего уездного города: городничего, исправника, судьи, разных заседателей и стряпчего – и купцов, по большей части разбогатевших зырян, так как уезд Усть-Сысольский состоит весь из зырян. Все эти господа довольно резко отличались от тогдашнего петербургского общества, но как я еще в этом последнем не бывала при моем 14-ти летнем возрасте, то ни они, ни семейства их не казались мне слишком странными. Я с удовольствием знакомилась с ними и по вечерам довольно часто бывала у них в гостях, а по утрам была занята уроками, которые давала моему брату и еще 12-ти летнему сыну городничего, которого маменька, через несколько дней после приезда нашего, прислала к нам с банкою помады в руках и просьбою поучить его по-французски. Этого мальчишка, по имени Васенька, всегда звали Василием Николаевичем и одевали в черный нанковый сюртук с красным воротником, точь-в-точь такой же, какой был у его отца. Сначала я не могла смотреть без смеха на этого маленького городничего, но потом я привыкла к костюму его и очень усердно занималась с ним и братом моим русским и французским языками. После уроков я помню, что часто играла с учениками моими в горелки.

Но кроме того, я усердно занималась сама изучением французского языка и несколько немецкого, переводила разные рассказы из книг, оставшихся от нашего разорения. Руководителей в этом учении никаких не было там: никто во всем городе не знал никакого языка, кроме русского и зырянского, но у меня было несколько французских книг и какая-то толстая французская грамматика. Я изучила ее с первой до последней страницы и дошла до того, что могла читать отцу моему французскую книжку по-русски. Он не знал иностранных языков. Кроме этих научных занятий, я имела в Усть-Сысольске и другие, отнимавшие у меня также много времени.

Побывав в первый раз на вечеринке у именинника судьи – лицо очень почетное в то время в уездном городе, – я поражена была удивлением, когда вдруг раздалась хороводная песня и хозяйка, взяв за руку одного из молодых людей, начала ходить с ним по зале; он взял другую даму, та опять другого кавалера, и так продолжалось до тех пор, пока не составила длинная цепь из всех молодых дам и мужчин. Как скоро эта цепь сомкнулась в большой круг, началась какая-то хороводная игра, для которой выбирались одна или две пары мужчин и дам. Для меня показалось это очень странным зрелищем: в Петербурге я слышала, что играют в хороводы только крестьяне да крестьянки в деревнях, да еще где-то в Ямской в праздник, который называется *Семика*. Я, насколько не стесняюсь, объявила всем девицам, что у нас когда собираются, то танцуют. Они откровенно признались, что слышали о танцах, но что у них никто не умеет танцевать, да и музыки никакой нет в городе. Тогда я обрадовала их обещанием выучить их всем танцам, какие танцуют в Петербурге, а что касается музыки, то у нас был человек, который играл на скрипке. Родители мои завезли с собой целую семью людей, и этот доморощенный музыкант был сын нашей кухарки. И так на первом же вечере все молодые девушки решили, что начнут учиться танцевать и, выучившись, перестанут играть в хороводы. Вот у меня и было новое занятие учить их: усердие их к этому ученью было так велико, что прежде, нежели наступила зима, они танцевали уже все танцы, какие я сама выучилась в пансионе: польской, вальс, экосез, мазурку и еще какой-то теперь забытый мною танец: *tempête*. Нельзя описать того удовольствия, какое чувствовали мои ученицы, когда в первый раз на чьих-то именинах раздались звуки скрипки нашего Егора и все они пошли парами польской. С этих пор танцы так понравились всему обществу, что в лучших домах хороводы были совсем оставлены.

Может быть, вы спросите: кто же научил танцевать мужчин? – Сестры их; да, впрочем, молодых людей было очень немного в городе: сыновья купцов жили по большей части в Архангельске, в котором вели торговлю отцы их, а между чиновниками не было ни одного такого молодого, чтобы мог он пуститься в танцы; ученицы мои и не заботились о кавалерах и превесело танцевали дамы с дамами. Вместе с танцами мне удалось ввести некоторые новые порядки и в туалет их. Самых богатых семейств было только два, и те были купеческие, и в городе было только два каменных дома, принадлежавших им. Все чиновничество было бедное. В обоих семействах было много дочерей. Все они носили на головах шелковые платочки, повязанные по-купечески. Я уговорила их оставить эту мо-

ду и носить волосы под гребенку, как носили тогда все молодые девушки в Петербурге. Они охотно согласились, выписали себе черепаховые гребенки из Архангельска; передние волосы завивали в локоны, как также носили тогда. Для платьев сняты были фасоны с моих и моей матери платьев. Я была в 14-ть лет высока ростом и могла служить моделью для взрослых тамошних барышень. К тому же обаяние Петербурга действовало так сильно на всю молодежь, что мне, петербургской барышне, верили на слово во всем, что я говорила им, и беспрекословно исполняли все советы мои и моей матушки, которая также скоро сошлась с матерями и старшими замужними сестрами моих молодых приятельниц. Они в самом деле сделались скоро моими истинными подругами. Я любила их всею душою за их искреннюю привязанность ко мне и покорность всем моим желаниям. Эту покорность довели они до того, что не прошло двух лет от нашего знакомства, как они, под руководством моим, победили свою природную робость и, не выдав никогда ни театра, ни чего-либо похожего на театральное представление, решились сыграть небольшую пьеску того времени – “Филаткина свадьба”. Это представление до того понравилось всем, что даже старик купец и хозяин того дома, где оно происходило, с удовольствием смотрел, как его дочери и подруги их разыгрывали свои роли.

Может быть, мы дошли бы еще до чего-нибудь лучшего на пути к цивилизации, но через два года над нами разразилась новая гроза: прислано было отцу моему повеление от Вологодского губернатора переехать на жительство в другой городок этой губернии – Никольск. И эта новая невзгода не поколебала того христианского терпения, с которым отец мой переносил судьбу свою. Более его горевала матушка, и нельзя было не горевать ей, видя, как уменьшались средства наши к жизни: отец мой не получал ничего от казны, и мы жили только распрожатою ценных вещей наших и некоторыми пособиями, присылаемыми родственниками матушки из Сибири. Что касается до меня, то я, вполне разделяя с отцом моим его надежды на помощь Божию, плакала только о том, что расставалась с моими милыми подругами в этом бедном городке. Они плакали не менее меня. В Никольске жизнь наша была гораздо хуже, нежели в Усть-Сысольске. Новый губернатор, приславший повеление о переселении нашем, был из числа людей, не расположенных к отцу моему, и получивший, вероятно, приказание от кого-либо сверху стеснить его еще более. Городничий был также вновь определенный господин, только что вышедший из фельдъегерей. С первого дня он показал нам свое расположение: квартира, которая давалась нам от города и отведена была по выбору городничего, состояла из двух комнат в доме одного мещанина в нижнем этаже, который был наравне с землей. Люди наши в числе пяти человек должны были жить вместе с хозяевами в одной кухне.

Городничий уверял, что это только на первое время, что скоро дана будет лучшая квартира, но это первое время продолжалось с полгода. Наконец была дана другая, но в этой другой с наступившею зимою было так холодно, что ни родители наши, ни мы с братом не снимали днем ни теплых сапог, ни даже шуб наших. Невыносимость этого положения заставила матушку мою написать письмо к губернаторше, которая в Петербурге была даже в дружеских отношениях с нею, умоляя ее выпросить у мужа приказание городничему дать нам другую квартиру. Губернаторша не удостоила ее ответом, а от его превосходительства было предписание городничему дать такую квартиру, чтобы только *не капало сверху*, а как зимою не могло капать сверху, то городничий и рассудил, что можно оставить нас в этой квартире. По этому одному случаю можно судить и обо всей жизни нашей в Никольске. Лучшим воспоминанием моим об этом городке осталось то, что я прочла здесь первый роман Вальтер Скотта – “Ивангоз” [Айвенго]. Прочитав “Ивангоз”, я начала мечтать о том, как бы мне научиться по-английски.

По примеру отца моего я всегда и во всем надеялась на помощь Божию. И что же! Прошло немного времени, и пламенное желание мое исполнилось: брат мой увидел у одного знакомого ему немца из Архангельска книжку “Grammatica Anglicana concentrata...” и выпросил ее для меня. Немец судил ее мне на 4 месяца, когда он по делам своим должен был возвратиться в Никольск. С жаром принялась я за изучение этого языка, хотя это было довольно трудно для меня: все объяснения выговора каждой буквы сделаны были по-немецки, а я занималась гораздо более французским, нежели немецким, языком. Но я не испугалась, тем более что был у меня привезен из Петербурга немецкий лексикон. Я преодолела с веселием молодости все представлявшиеся мне трудности языков немецкого и английского и в назначенные мне 4 месяца изучила во всех отношениях эту толстую, хотя и *concentrata grammatica anglicana*, перевела все небольшие рассказы, в конце приложенные к ней, – одни с английского на русский, другие с немецкого на английский язык,

одним словом, я могла бы уже понимать все английские книги, но, к несчастью, у меня не было их. Фельдъегерский городничий под покровительством знакомого ему губернатора управлял городом так бесцеремонно, так самовластно, что перессорился со всеми тамошними чиновниками, и каждый жаловался на несправедливость его своему начальству в Вологде. Городничий ли представил губернатору, что причиной всех этих ссор был отец мой, или сам губернатор дошел до этой мысли – я не знаю, только через несколько времени этот городничий является к нам с приказанием из Вологды, что отец мой должен отправиться в Соловецкий монастырь, но до открытия навигации, так как была зима, жить в Кемь, городке Архангельской губернии, лежащем в 60 верстах от Соловецкого монастыря.

Это новая, можно сказать неслыханная, жестокость к человеку, не сделавшему ничего преступного, поколебала наконец твердость бедного отца моего, но ненадолго: он начал надеяться, что найдет правосудие у генерал-губернатора архангельского, адмирала Миницкого, что он представит государю об его незаслуженных страданиях. Но я, прочитав незадолго перед тем книгу о Параше-Сибирячке и любя отца моего выше всего на свете, я строила в голове моей совсем другие планы: я собиралась непременно отправиться в Петербург каким бы то ни было образом, хотя бы даже и пешком, броситься там к ногам государя и вымолить у него освобождение отца моего от монастыря Соловецкого. Но я никому не говорила о том, выжидая удобного случая к выполнению моего намерения. Добрый никольский исправник К. помог нам отправиться в трудный путь наш, и за то мы оставили навсегда в кучерах одного из сыновей нашей кухарки. Исправником в Никольске был почтенный, всеми уважаемый старичок А.А. Кр. Он любил отца моего, во многом помогал ему и дал нам средства отправиться в трудное путешествие наше до Кемь.

Путешествие наше не было ничем примечательно. Проезжая одну станцию за другою, мы доехали наконец до той, у которой путь разделялся на две дороги: одна вела к Архангельску, другая поворачивала в Петербург. Я не помню теперь, каким образом я думала исполнить мое намерение без денег, знаю только, что их у меня не было. Но все-таки я вышла из повозки нашей, где сидели вместе со мною отец и мать, но была ночь, когда мы приехали на эту станцию. Они спали. Я вышла так тихо, что они ничего не слышали, и пошла отыскивать людей наших, но повозка их стояла пустая, а изб, куда они могли бы уйти греться, было так много в деревне, я подходила к нескольким и нигде не находила своей Настасьи, а между тем по улице толкалось так много мужиков, водили лошадей в разные стороны, наконец подвели некоторых и к нашей повозке. Я услышала голос матушки, кликавшей меня, и намерение мое, так дурно обдуманное, не состоялось, к моему большому сожалению, но я только на время откладывала его и давала сама себе решительную обещание исполнить его как можно скорее.

В Архангельске мы не были, а провезли нас прямо в городок Кемь, населенный по большей части старообрядцами. Я пробыла в нем не более недели, потому что тотчас же по приезде туда я начала просить родителей моих отпустить меня с нашей женщиной Настасьей в Петербург. Отец мой, видя, что надежда его и на генерала Миницкого не оправдалась и что с открытием навигации он должен будет отправиться в Соловецкий монастырь, согласился на просьбу мою, но с тем, чтобы матушка, а не Настасья поехала со мною. Матушка также согласилась на это, потому что жить с батюшкой в монастыре ей также нельзя было бы. Со слезами расстались мы с ним, оставляя его в таком печальном ожидании весны, но я надеялась, что Бог поможет мне освободить его от монастыря: история Параше-Сибирячки обнадеживала меня.

В январе 1825-го года мы доехали до Петербурга. При первом свидании с братом моим, который уехал еще года за полтора из Никольска, я сообщила ему, что привезли просьбу от отца и решаюсь непременно подать ее лично сама государю, чтоб она не попала к графу Аракчееву. Брат согласился со мной, и мы на другой же день после приезда нашего отправились в Царское Село, любимое местопребывание императора Александра Павловича. Было очень холодно, более 15 градусов, а мы поехали в обыкновенных извозчичьих санях. Мы слышали, что государю подают просьбы в саду во время прогулки его по тем аллеям, которые и зимою очищались, как летом. Не имея никаких знакомых в Царском Селе, мы остановились прямо у сада и, не обогрившись после трехчасовой езды по морозу, пошли ходить в саду по тем очищенным от снега дорожкам, где надеялись мы встретить государя. Уже прошло довольно времени, а его величество не выходил. К нам подходили разные господа, вероятно полицейские чиновники, и спрашивали, не хотим ли

мы подать просьбу государю, и советовали не делать этого, потому что государю это всегда бывает неприятно. Брат мой уверял их, что я приезжая, никогда не видала императора и потому желала бы видеть его. Они оставили нас. Мы так долго ходили, что я начала уже терять надежду на счастливую встречу и так озябла, что едва могла говорить, как вдруг мелькнуло что-то блестящее между кустами и мы увидели стройный, почти юношеский стан и прекрасное, полное приветливости лицо государя^{1*}. Я хотела упасть на колена, он он не допустил меня до того и ласково спросил: кто мы? Я отвечала. Но от холода и также от сильного волнения голос мой дрожал, и он не расслышал ответа и, повторяя вопрос свой, наклонил так близко лицо свое, что я подле самого уха его повторила ответ мой. Тогда он еще ласковее сказал мне: “А! Я не могу принять Вашей просьбы здесь, потому что если я приму у Вас, то мне надобно будет принять у 500. Но вот тут близко есть почтовая контора в Софии, отдайте эту просьбу там, и я получу ее”. И сказал это, он пошел от нас. Увидя его уходящим, прежде чем я успела сказать ему хотя малейшее слово из того, что я готовилась сказать, я так поражена была этою неудачею, что громко зарыдала. Добрый государь обернулся, вероятно, видел мои слезы и, вошедши во дворец (как я узнала после), тотчас же послал в Софию за просьбой, которая, он полагал, уже была отдана туда. Но я думала, что мы не могли отдать ее, так как просьба была написана от отца нашего, и что надобно было приложить к ней – нашу.

С этою мыслью и с тоскою в душе от неисполнившихся надежд мы вышли из сада, и тут же стоял извозчик наш, нетерпеливо ожидавший нашего возвращения. Не опомнившись еще от страха и волнения и не обдумав, что я могла бы тут же в почтовой конторе Софийской написать мою просьбу, мы пустились в обратный путь, и на другой день уже брат мой один поехал в Софию и отдал пакет. Как только он вошел в эту контору, начальник ее тотчас же спросил у него: “Не вы ли с сестрицей подавали вчера просьбу государю? Его величество три раза посылал за нею сюда, и я ожидал, что Вы вчера же придете”. Трудно представить себе, как я досадовала на свою недогадливость! Но просьба дошла до государя, и когда матушка справлялась о ней – я уже не помню у кого-то^{2*}, – видела надпись на ней собственной рукою императора: “Определить в мою собственную канцелярию”. Определения этого никогда не последовало, а через несколько времени объявлено было, что отцу моему вместо Соловецкого монастыря дозволяется жить в городе Архангельске. Привыкнув так долго страдать, мы благодарили Бога и за эту милость.

В богатом и торговом тогда Архангельске отец мой жил не только без нужды, но иногда посылал даже и нам кое-какие пособия: там скоро узнали в нем хорошего законоведца и многие обращались к нему за советами по делам. Мы же с матушкой жили в это время в Петербурге; она хлопотала о процессе, который имела с одним богатым человеком, и потому, конечно, ничего не получала, а я, чтобы иметь какие-либо средства для жизни, учила детей, прежде только наших знакомых, а потом мне так посчастливилось это занятие, что через года два у меня было уже около 20 маленьких учениц и учеников. Тогда не было таких строгих правил для содержательниц пансионов, как ныне, и потому мы спокойно продолжала года четыре мои занятия, в которых моими помощницами были две молодые девушки – соученицы мои по пансиону г-жи Гофман. Но в 1830 году случилось что-то особенное в одном из больших пансионов, и по этому случаю назначена была ревизия всех существовавших тогда пансионов в Петербурге. К моему несчастью, незадолго перед тем одна довольно богатая помещица была недовольна учением дочерей своих в одном официальном пансионе и, услышав от знакомых о моем, перевела их ко мне. Это показалось очень неприятно для г-жи К., содержательницы того пансиона, и, когда приехал к ней для ревизии директор 2-ой гимназии Г.Ш., она указала ему на меня и на мое маленькое училище, существующее без всякого формального дозволения от правительства. Директор Ш. не замедлил явиться ко мне и спрашивал, имеет ли матушка моя или я дозволение на содержание пансиона. Мы откровенно сознались, что не только не имеем, но и не считали нужным иметь его, так как у нас учатся только дети знакомых наших. Г-н Ш. сказал на это, что по новым правилам для пансионов это невозможно и что если я желаю продолжать обучение детей, то должна выдержать экзамен в университет в тех предметах, каким я хочу обучать, если же желаю иметь учителей, то все они должны быть с университетскими дипломами; кроме того, иметь отдельную комнату для мальчиков и гувернера для них и отдельную комнату и гувернантку – для девочек. Все эти усло-

^{1*} Он был без шинели, в одном гвардейском мундире.

^{2*} Кажется, у статс-секретаря Муравьева.

вия были немыслимы для меня, получавшей за учение не более 12 р. ассигнациями в месяц за каждого ученика или ученицу.

Три недели даны были мне для обсуждения моего решения, и, конечно, мне довольно было и 3-х часов для того, чтобы решить, что я не могу быть содержательницей пансиона. Но гораздо более мне понадобилось времени для обсуждения вопроса о том: “Чем будем мы теперь жить с матерью?” Того, что мог нам присылать отец из Архангельска, было едва достаточно и для одной из нас, и это, конечно, принадлежало моей матери, а не мне. Ломая голову над этим вопросом, я вспомнила, что, переписываясь каждую неделю с отцом, я перевела для него в письмах хорошую в то время книгу Дроза “*Искусство быть счастливым*”. С первую же почтою я написала ему, чтоб он прислал мне назад все те письма, в которых был этот перевод мой, и, получив их, я переписала весь этот перевод и отдала на суд одному молодому человеку, В.К.Ш., за несколько времени перед тем вышедшему из Царскосельского лицея с золотою медалью и в то время служившему уже одним из лучших чиновников какого-то министерства. Отдавая тетрадь мою, я сказала ему: “Если Вы найдете, что этот перевод может быть напечатан, то я, может быть, решусь на это”. Он прочитал, очень похвалил меня и сказал, что это очень может быть напечатано.

Вот каким образом меня, можно сказать, принудили сделаться писательницей. Если б мне не запретили учить детей, то я, вероятно, и теперь была бы учительницей: я любила это занятие и любила детей. В начале 1831 г. книга моя уже вышла. Продавалась она довольно дорого: по 3 р. за экземпляр. Я представила один экземпляр ее императрице Александре Феодоровне через статс-секретаря Шамбо. Ее величеству угодно было взять двадцать экз. Получив эти первые деньги за первый литературный труд мой, я была в восхищении и желала скорее приняться за какой-нибудь новый перевод. Но какой? Я решительно не знала. Тот знакомый мой, В.К.Ш., посоветовал мне перевести один из бывших тогда в моде английских романов Купера. По его же совету я выбрала “Red rover” – “Красный морской разбойник”. С любовью и жаром принялась я за этот новый труд, хотя он состоял из трех больших томов. Не имея к кому прибегнуть в случае затруднений, какие могли встретиться мне в подлиннике английском, так как В.К.Ш., единственный знакомый мой, не знал английского языка, то я, кроме подлинного экземпляра “Red rover”, запаслась еще французским переводом его; что ж касается до морских выражений, которые часто встречаются в этом романе, то бывший тогда президент Российской академии А.С. Шишков, узнав через одну даму, что я перевожу этот роман, сам предложил мне на время свой морской словарь. Это была одна из самых приятных эпох моей жизни: за переводом моим я совершенствовалась в слоге и языке и к тому же мы жили уже вместе с отцом моим: с воцарением императора Николая Павловича ему разрешено было жить, где он пожелает, кроме столиц, и мы жили около года на даче близ Стеклянного завода, стало быть, почти в Петербурге. Вскоре потом я прислала тогдашнего министра внутренних дел графа Влудова о дозволении отцу моему жить в Петербурге, и граф, беспристрастно рассмотрев дело его, по всей справедливости доложил его государю, и наконец бедный отец мой после одиннадцатилетнего ничем не заслуженного страдания возвратился в Петербург.

Весь 1831 год я занималась переводом “Red rover”, а окончив, я не знала, каким образом напечатать его. Первая книжка моя не дорого стоила мне, но вторая, из трех довольно больших томов, требовала так много денег, что я не могла и думать о напечатании ее. Первого и единственного советника моего, В.К.Ш., уже не было на свете: он умер от слишком усердных занятий по службе 26-летним юношей. Мне посоветовали обратиться к книгопродавцу Смирдину, который тогда печатал книги небогатых авторов. Он согласился печатать и мою, но с тем условием, что он не будет выдавать мне ни копейки, пока не выручит своих расходов по печати. Я довольно была и этим условием и отдала ему перевод свой. В 1832 г. он был напечатан, но от Смирдина я не получила в самом деле ни копейки: он всегда говорил, что еще не выручил издержанных на печать денег, и я получила за этот труд мой только то, что выручилось за экземпляры, купленные у меня родственниками и знакомыми моими.

Имея таким образом несколько десятков рублей в распоряжении моем, я решилась исполнить давнишнее желание мое – взять несколько уроков английского языка, чтобы услышать наконец звуки этого языка и удостовериться в правильности выговора моего, выученного по самоучителю. Мне посоветовали обратиться к одному из лучших учителей, г. Дж. Он преподавал английский язык в Морском корпусе и был гувернером в одном

из аристократических домов Петербурга. Зная, что он имеет особенную квартиру в этом доме и живет с матерью и сестрою, я отправилась туда сама, познакомилась со старушкою матерью его и очень милою сестрою, но его не застала дома. Я передала сестре его мою просьбу к нему и откровенно сказала, что более 5-ти рублей за урок я не могу дать. Мисс Дж. так же откровенно сказала мне, что брат ее не берет менее 15-ти за урок, но что все-таки она передаст ему мою просьбу и он сам, вероятно, даст мне ответ. Я считала решенным делом, что мне нечего и думать о таком важном учителе. Но через несколько дней мистер Дж. пришел ко мне. Он начал расспросами о том, для чего я хочу учиться английскому языку, как и у кого я училась. Я рассказала ему весь процесс моего учения, показала ему три тома “Красного морского разбойника”, и тетрадь, в которой переписан был весь немецкий самоучитель мой, со всеми темами и переводами моими. Он довольно долго рассматривал эту тетрадь и потом сказал: “Mlle, je viens vous proposer ma soeur, pour vous donner des leçons, mais maintenant, je vous demande la permission de vous donner des leçons, mais gratis”^{3*}.

Долго не могла я согласиться на такое неожиданное предложение, но мистер Дж. с такою истинно английскою твердостью настаивал на своем намерении, что наконец я должна была согласиться. Удивляясь, что княгиня В., у которой он был гувернером, не знает о переводе моем “Red rover”а, он просил дать ему один экземпляр, чтобы показать его княгине. С этого знакомства с мистером Дж. сделался большой переворот в моей жизни. Он считал таким важным и таким трудным делом мое – так легко доставшееся мне – изучение английского языка и потому так много говорил об этом в тех домах, где давал уроки, что скоро узнали обо мне некоторые из дам высшего круга, и две из них приняли особенное участие во мне. Одна – та княгиня, у которой мистер Дж. был гувернером, через несколько дней после знакомства моего с ним прислала ко мне гувернантку свою с просьбою перевести с английского языка книгу для детей – “Evenings at home”. Другая, графиня О.Д., взяла на себя труд собирать подписку на эту книгу, сама заказывала картинки для этой книги, покупала бумагу для нее – одним словом, с самою милою заботливостью старалась избавить меня от всяких излишних хлопот по изданию этой третьей книги моей и вместе с княгиней просила меня только думать о переводе. Кроме этих великосветских знакомых, мистер Дж. познакомил меня с несколькими английскими семействами. Одна из этих англичанок, миссис Сарра Биллер, была начальницей одного из благотворительных заведений для бедных детей под покровительством в.к. Елены Павловны и ездила два раза в неделю в Михайловский дворец разговаривать по-английски с великими княжнами Марией, Елизаветой и Екатериной Михайловнами. Она очень полюбила меня и, вероятно сказала обо мне что-нибудь великой княгине Елене Павловне³. Ее высочество просила ее передать мне, чтобы я с переводом первой части “Evenings at home” явилась бы к ней.

Эта книга под названием “Семейные вечера” состояла из четырех небольших частей и выходила по частям, и потому 1-ая часть довольно скоро была окончена и вышла из печати в 1833 г. Живо помню, как страшно мне было – полупровинциалке – ехать в первый раз во дворец. Но привлекательная наружность великой княгини, очаровательная простота ее в обращении со всеми, кто только приближался к ней, скоро разогнали страх мой, и с этого первого свиданья ее высочество сделалось моей первой покровительницей в семействе царском. В 1833 г. вышли все 4 части “Семейных вечеров”. Графиня О.Д., радуясь успешному окончанию книги, в которой она принимала самое ближайшее участие, очень интересовалась тем, что я буду теперь делать, и однажды, посреди рассуждений об этом, сказала мне: “А что бы Вам рассказать Историю России русским детям так, как Вальтер Скотт рассказал Историю Англии английским детям?”

Сначала эта мысль, что я могла бы сделать что-нибудь подобное тому, что делал Вальтер Скотт, показалась мне и слишком смелюю, и невероятною: “Мне, кончившей свое воспитание в 13 лет, мне писать Историю России!” Но мало-помалу я начала обдумывать эту мысль, соображать, что у нас есть прекрасная История Карамзина, что я могу читать и перечитывать ее и потом слогом, понятным для детей, передавать прочитанное. Привыкнув с детства просить благословения Божия на всякое дело мое, я прежде, нежели решилась исполнить совет графини, помолилась усердно Богу. Внимательно прочитав Историю Карамзина, я начала потом читать ее по частям, т.е. прочитывала не один

^{3*} Сударыня, я только что предложил, чтобы моя сестра давала Вам уроки, но теперь я сам прошу Вашего разрешения давать Вам уроки, но бесплатно (*пер. с фр. публикатора*).

раз тот период времени, о котором желала рассказывать детям, и таким образом составались мои рассказы. Нисколько не преувеличивая, я скажу, что каждый из этих рассказов я начинала молитвою и каждый раз чувствовала, что молитва моя была услышана: я писала так легко, что с 22 августа 1834 г., когда я начала писать первый рассказ, к 25 декабря того же года у меня уже было их написано 25 рассказов, и заключались они *наше-ствием татар*. Этим я думала кончить первую часть. Кончив и переписав это первое сочинение мое, я не знала, кому показать его, чтобы узнать, годится ли оно на что-нибудь? Графиня О.Д. не согласилась говорить о нем свое мнение: по болезненности своей она жила более в чужих краях, нежели в России, и потому не могла знать очень хорошо русский язык. Княгиня В. также не полагалась на свое знание русского языка и потому посоветовала мне обратиться к близкому ее знакомому П.Ал. Плетневу, который был в то время преподавателем истории и литературы его высочества наследника, ныне государя императора Александра Николаевича, и их высочеств великих княжон Марии Николаевны⁴ и Ольги Николаевны⁵. Петр Александрович со своей необыкновенной приветливостью ко всем начинающим писателям встретил меня и обещал просмотреть мою рукопись, но не обещал скорого ответа, потому что был очень занят. Между тем он начал спрашивать меня о моей последней книжке, переведенной с английского, – “Семейных вечерах” и, узнав, что она не слишком хорошо раскупается, а между тем издание ее стоило так дорого, что я еще была должна в типографию около 400 руб., советовал мне поехать к графине Барановой и просить ее порекомендовать эту книгу матери ее, графине Адлерберг, бывшей в то время начальницей Смольного монастыря. В то же время П.А. просил сказать графине Барановой, что он находит эту книгу очень полезною для чтения воспитанницам Смольного монастыря.

Я в точности исполнила совет П.А. и на следующее же воскресенье отправилась в Зимний дворец к графине Барановой с экземпляром “Семейных вечеров”. Обыкновенно видеть графиню было очень трудно: в 8 часов утра она должна была уже находиться в комнатах великих княжон, но я успела приехать к этому раннему часу и была принята графиней как будто уже знакомая ей. Почти с первых слов она сказала мне: «Я слышала, каким прекрасным трудом Вы занимаетесь». Я думала, что она говорит о моей книге “Семейные вечера”, которые держала в руках. “Нет, я говорю не об этой книге, но о той, которую Вы теперь занимаетесь, – “Русской истории”». Я отвечала, что еще не знаю, хороша ли будет эта книга, потому что только три дня тому назад отдала ее П.А. Плетневу. “А мы уже знаем, – сказала графиня, – что она очень хороша, потому что П. Плетнев привозил ее в пятницу к великой княжне Ольге. Ее величество государыня императрица и их высочества просят Вас продолжать Ваш труд, и, чтобы Вы могли спокойнее заниматься им, они платят Ваш долг в типографию”.

Я описала Вам, может быть, слишком подробно это свидание, но это потому, что оно принадлежит к приятнейшим воспоминаниям моим. Входя на лестницу к графине во дворец, я думала только о той книге, которую держала в руках: об Истории я еще не ждала никакого ответа и скорее думала получить неблагоприятный ответ, так как до сих пор ничего не сочиняла, и вдруг слышу от графини, что сама императрица так одобряет труд мой, что даже просит продолжать его. Скажите, можно ли было спокойно выслушать это молодой девушке, никогда не слышавшей и никогда не ожидавшей такого поощрения трудов своих! Я сходила с лестницы от графини, можно сказать, в каком-то упоении. На другой день я радовалась еще более: П.А. Плетнев приезжал к нам и еще подробнее повторил мне все то, что я уже слышала от графини Барановой. Он расспрашивал моих родителей и меня, где я училась писать так, как пишу Историю России, интересовался видеть мой письменный стол в кабинете и советовал переставить стол так, чтобы не вредить глазам, одним словом, он показал столько внимания и столько участия ко всему, что касалось меня, что я не знала, как благодарить его.

С этого времени он сделался самым заботливым покровителем моим, самым лучшим советником моим по делам литературным и издательским. В его семействе, с которым я скоро познакомилась, проводила самые приятные вечера: все, что было лучшего в литературном мире, собиралось в этом доме. Здесь я познакомилась с лучшими представителями литературы: с незабвенным А.С. Пушкиным, Жуковским, князьями Вяземским и Одоевским, Я.К. Гротом, А.И. Тургеневым и др. Шесть лет я писала Историю России в рассказах для детей, и во все это время великая княжна Ольга Николаевна так любила читать ее, что П.А. привозил еще в рукописях тетради мои на урок ее высочества. Кроме того, благосклонное расположение ко мне императрицы выражалось не один раз и в том,

что я приглашена была заниматься русским языком в 1839 г. с ее высочеством принцессою Терезой Ольденбургскою⁶, в 1840 г. с ее высочеством великой княжной Еленой Павловной, в 1855 г. с ее высочеством великой княгиней Александрой Иосифовной⁷. С окончанием книги моей я получила дозволение посвятить ее великой княжне Ольге Николаевне и была награждена драгоценным подарком^{4*}. Что касается до царских подарков, то я получала их за каждое сочинение мое, начиная с “Красного морского разбойника”, за которого я получила бриллиантовый фермуар от императора Николая Павловича.

Первое издание моей Истории России окончено было в 41-м году. Оно напечатано было на счет Российской академии. Затем я получила по докладу министра народного просвещения графа Уварова высочайшее дозволение издавать журнал для детей “Звездочка”, и это издание началось в 1842 г. В 1845 г. этот журнал разделился на две части, для старшего и младшего возрастов. В 1850 г. отделение для старшего возраста преобразовалось в отдельный журнал для девиц под названием “Лучи”; “Звездочка” же оставалась по-прежнему журналом для детей. В 1860 г. прекратилось издание “Лучей”, а в 1863 г. я перестала издавать и “Звездочку”.

Проработав без всякого перерыва более 30-ти лет, не выезжая из Петербурга даже летом, я начала чувствовать потребность в отдыхе. Здесь надобно прибавить, что во время издания журналов, я издала еще несколько отдельных книг, именно: в 1846 г. – “Священную историю в разговорах для маленьких детей”; в 1847 г. – детскую повесть “Мери и Флора”, переведенную с английского; в 1845 г. – “Каникулы”; в 1853 г. – “О ласковом обращении с животными”; в 1856 г. – “Первое чтение и первые уроки для маленьких детей”; в 1857 г. – “Бабушкины уроки, Или Русская история в разговорах для детей”; в 1858 г. – “Маменькины уроки, или всеобщая история для детей”. Конечно, большая часть статей, помещенных в этих книгах, были написаны мною для “Звездочки” и потому не доставили мне большого труда, когда я издавала их отдельными книжками, но все-таки я чувствовала большое утомление. К тому же в это время уже подросли трое детей моей племянницы, которая всегда жила со мною, и мне приятно было помогать ей и мужу ее в воспитании их.

Спустя года три после этого я соскучилась без любимого занятия моего и начала думать о том, чтобы составить учебник Русской истории для женских учебных заведений, о котором уже несколько лет просила меня начальница Царскосельского училища для девиц Духовного ведомства. Она очень любила мою Историю России в рассказах для детей, но как такая история не могла употребляться в классах, то ей и хотелось иметь особенный учебник, мною же составленный. Я составляла его около года, и в 1867 г. вышло первое издание его, рассмотренное в Ученом комитете Министерства народного просвещения и одобренное им для употребления в женских заведениях. Я посвятила его ее высочеству государыне цесаревне и удостоилась получить от нее бриллиантовую брошь.

В 1870 г. вышло второе издание этой книги с прибавлением описания царствования императора Николая Павловича. За это второе издание я получила драгоценный подарок от его величества. В 1873 г. вышло третье издание с 12-ю картинками, приложенными к тексту. В прошлом году я провела несколько дней в Псковской губернии у одной из тамошних помещиц. Я видела там много крестьянских детей; подолгу разговаривала с ними и, к сожалению, узнала, что те из них, которые не учатся в сельских школах, не имеют ни малейшего понятия о Свящ[енной] истории. Я желала принести им хотя немного пользы и потому написала небольшую, но понятную для них Священную историю Ветхого и Нового завета в рассказах для крестьянских детей. В октябре месяце 1874 г. я представила ее г-ну министру народного просвещения. Он передал ее в Ученый комитет Святейшего синода, и в этом комитете она находится и до сих пор, и потому не могу сказать Вам, Петр Васильевич, выйдет ли она когда-нибудь на свет Божий.

Вот Вам, кажется, очень подробное описание всего, что случилось со мною в течение моей многолетней жизни.

РО ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. № 487/2121. Л. 1–21 об.

^{4*} Кроме того, императрица Александра Федоровна назначила мне пенсию 300 рублей из собственных сумм своих и по сту рублей от каждой в[еликой] княжны: Марии, Ольги и Александры. По выходе в замужество Ольги и Александры пенсии от них прекратились, но пенсия в[еликой] к[нягини] Марии Ник[олаевны] продолжается до сих пор, так же как и назначенная от Александры Федоровны, переведенная государем императором в его кабинет после кончины государыни.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Быков Петр Васильевич (1844–1930) – журналист, историк литературы, печатал очерки о русских женщинах-писательницах для “Древней и новой России” и других журналов.
- ² Плетнев Петр Александрович (1792–1865/66) – поэт, критик, академик Петербургской академии наук, редактор “Современника” (1833–1846), друг А.С. Пушкина.
- ³ Мария Михайловна (1825–1846) – великая княжна; Екатерина Михайловна (1827–1894) – великая княжна, жена герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого; Елизавета Михайловна (1826–1845) – великая княжна, жена герцога Адольфа Нассауского; Елена Павловна – великая княгиня (урожденная принцесса Вюртембергская) (1806–1873) – жена великого князя Михаила Павловича.
- ⁴ Мария Николаевна – великая княжна (1819–1876) – жена Максимилиана Лейхтенбергского.
- ⁵ Ольга Николаевна – великая княжна (1822–1892) – жена Фридриха Карла, короля Вюртембергского.
- ⁶ Ольденбургская Тереза (1815–1871) – жена принца П.Г. Ольденбургского.
- ⁷ Александра Иосифовна (урожденная Саксен-Ольденбургская (1830–1911)) – жена великого князя Константина Николаевича.

С.Ф. ПЛАТОНОВ О ЦАРЕВИЧЕ ДИМИТРИИ

История Смуты – главная тема творчества Сергея Федоровича Платонова (1860–1933) – нашла отражение и в его эпистолярном наследии¹, в частности в письмах известному издателю Алексею Сергеевичу Суворину (1834–1912) – автору драмы “Царь Дмитрий Самозванец и царевна Ксения”, поставленной на сцене Театра Литературно-художественного общества (Суворинского) в Санкт-Петербурге и имевшей, по свидетельству В.О. Ключевского, успех².

Появление в 1894 г. книги Д.И. Иловайского “Смутное время Московского государства” положило начало публикации Сувориним в своей газете “Новое время” цикла полемических статей, объединенных им впоследствии в книгу³. Главный интерес для Суворина в истории Смуты представлял вопрос о личности правителя России 1605–1606 гг., известного как Лжедмитрий I. Полагая, что он был подлинным царевичем Димитрием⁴, Суворин оспаривал мнение не только Иловайского, видевшего в Лжедмитрии I настоящего самозванца, но и, косвенно, Платонова, с которым вступил в переписку.

26 июня 1894 г. в “Новом времени” была помещена заметка С.Ф. Платонова “По поводу житий царевича Димитрия” (см. прил. 5), в которой он, возражая А.А. Титову⁵, отстаивал авторство митрополита Димитрия Ростовского как “составителя” (компилятора) жития царевича Димитрия. В том же номере газеты публиковалась и заметка Суворина “Когда родился царевич Димитрий?”. Автор призывал историков внести ясность в этот вопрос. В ответ появилась заметка Платонова с аналогичным названием, опубликованная в “Новом времени” 6 июля 1894 г. (см. прил. 6).

Обе заметки Платонова практически не известны исследователям его творчества, они не вошли в список его трудов, изданный в 1922 г.⁶

В одном из писем Суворину Платонов высказал убеждение, что Отрепьев и Лжедмитрий I – одно лицо. В исследовании же о Смуте историк воздержался от отождествления Григория Отрепьева с Лжедмитрием I, заявив, что это “предстоит еще выяснить”⁷.

28 июля 1898 г. Платонов писал М.А. Дьяконову из с. Сергиевского Тверской губернии, где проводил летний отпуск: «Мне-таки удалось поработать, и я наплодил здесь дос-

¹ См.: Письма С.Ф. Платонова С.Д. Шереметеву о Смутном времени / Публ. подгот. М.А. Демидова // Архив русской истории. М., 1993. Вып. 3. С. 177–186.

² Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 281. Премьера состоялась 24 октября 1902 г.

³ Суворин А.С. Дмитрий Самозванец. СПб., 1906.

⁴ См.: Суворин А.С. Дневник. М., 1992. С. 354–355.

⁵ Титов Андрей Александрович (1845–1911) – археолог и этнограф, правитель дел Ярославской губернской ученой архивной комиссии, основатель Ростовского музея церковных древностей.

⁶ См.: Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С. VII–XII.

⁷ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. 5-е изд. М., 1995. С. 160.

таточно исторических ересей, за которые готов принять казнь, яко Арий, от “Николы” Иловайского: наверно, оплюет меня. А все-таки я обошелся в истории Смуты без разбора вопросов о смерти ц[аревича] Дмитрия и личности Самозванца»⁸.

Письма Суворину, как и вышеупомянутые заметки Платонова, являются ценным дополнением “Очерков по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.”.

В.Г. Бухерт

ПРИЛОЖЕНИЯ

1

Царское Село. 26 июня 1894 г.

Милостивый государь,
Алексей Сергеевич!

Не имея под руками своих книг, не могу быть точным в указаниях; но решаюсь и на память утверждать, что путаница в годе рождения ц[аревича] Дмитрия произошла едва ли не от ошибки в переложении последних 4-х месяцев сентябрьского 7091 года на наше счисление: 19-го октября 7091 г. = 19 октября 1582, а не 1583 г. О посольстве Писемского¹ есть печатные документы в “Сборнике” Ист[орического] общества², и, стало быть, точная хронология посольства может быть восстановлена. На фразу Карамзина о беременности³ нельзя опираться, как и на хронологические даты Щербатова, часто неточные. Я лично заглядывал всегда, справляясь по данному вопросу, в самый конец 2-го тома Арцыбашева⁴ “Повествование о России”: там есть доброкачественная цитата.

Разумеется, настоящее письмо не для оглашения в газете; но если дадите срок и выразите желание, могу свести в заметку данные о 19 октября 1582 года.

А пока прошу принять уверение в совершенном к Вам почтении Вашего слуги.

С. Платонов

РГАЛИ. Ф. 459 (А.С. Суворин). Оп. 1. Д. 3322. Л. 2–3. Автограф.

2

5 июля 1894 г.

Милостивый государь
Алексей Сергеевич!

Некоторые случайности задержали мою заметку, здесь прилагаемую. Поэтому я спешу ее послать, а ответ собственно на Ваше письмо, за которое душевно благодарю Вас, я позволю себе отложить на день, на два.

Прося Вашего извинения, вместе с тем прошу Вас принять мое уверение в совершенном к Вам уважении.

С. Платонов

Помещением этой заметки Вы поспособствуете выяснению истины в деле, не лишнем исторического значения и интереса⁵.

На всякий случай сообщаю свой адрес: Царское Село, Госпитальная ул., № 10, профессору С.Ф. Платонову.

С почтением С. Платонов

РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3322. Л. 4–5. Автограф.

⁸ АРАН. Ф. 639 (М.А. Дьяконов). Оп. 1. Д. 1073–1162. Л. 122 об.–123

С.-Петербург. 8 июля 1894 г.

Что касается до Самозванца, то – до счастливых будущих открытий – можно верить или не верить в его подлинность, но ее нельзя доказать и в ней нельзя убедить. По моему твердому верованию, Самозванец был действительно самозванец и создан на московской почве. Что он не настоящий Димитрий, для меня ясно из того, что настоящий, *несомненно*, умер в 1591 году. Что он состряпан в Московском государстве, для меня ясно, помимо обычных доказательств боярской интриги, из того, что к делу Самозванца причастны были Отрепьевы, люди, служившие по *Угличу*, которые могли иметь там симпатии и отсюда получать сведения. Мало того, я думаю, что Самозванцем мог стать именно Юрий – Григорий Отрепьев, убежденный в царственном своем происхождении. Есть данные предполагать, что он был в одних летах с царевичем и отнюдь *не* старше его. Дело в том, что отец Гришки, Б.З. Отрепьев, по-видимому, родился около 1560-го года и мог жениться, разумеется, только около 1580-го года. Григорий легко мог быть его первенцем – и ровесником царевича. Обмолвки документов позволяют открыть ту подробность, что Отрепьев ходил по боярским дворам, а это в моих глазах важно. Чем бы он там ни стал: самозванцем ли, или агентом по самозванческому делу, – знаменательно его знакомство с боярскими домами. Высказывая все это, я тем самым отрицаю, что Шуйские устранили сознательно истинного царевича.

Подпись “in regator” характерна не потому, что смешано *n* и *m*, а потому, что слово написано раздельно (ее можно видеть во 2-м томе “Собр[ания] госуд[арственных] грамот и договор[ов]”). Еще характернее “Demiustri” вместо Demetrius, если только нет здесь недоразумения в чтении слова.

Да, Смутное время – интереснейшее время. Его много изображали и мало исследовали, а меньше всех, разумеется, последний “историограф”⁶. Работать над ним нелегко. Ваш покорный слуга вот уже много времени не может сладить с постановкою такой темы, которая охватила бы суть эпохи – междусословные отношения. Начинать приходится часто с азбуки, и на все надо время и время.

Примите уверение в совершеннейшем почтении к Вам Вашего слуги.

С. Платонов

P.S. Болезнь жены задержала мой ответ. Извините! *

РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3322. Л. 6–7 об. Автограф.

С.-Петербург. 19 июля 1894 г.

Милостивый государь
Алексей Сергеевич!

Действительно, канонизация ц[аревича] Димитрия – одно из препятствий для исследования; когда случается, я пытаюсь парировать его замечанием, что кощунство не в оправдании Бориса и не в отрицании насильственности кончины царевича, а скорее в притязании истолковать благодать, почившую на Димитрии, именно как награду за “неповинное заклятие”; нетление и чудотворение-де само собой, а образ кончины тоже само собой, и Божьих судеб истолковать нельзя, а тем более нельзя таких толкований считать историческим доказательством убийства, и именно от Бориса. Может быть, это – софизм, но он мне развязывает язык и руки в аудитории.

Очень Вам благодарен за сообщения, очень любопытные, о Ваших корреспондентах. Прилагаемое “письмо” от Л.Ф. Соловьева⁷ самая грубая подделка; но, кажется, ее совершил не сам он, иначе он не помещал бы добросовестно бессмыслиц, вроде “отсвех” (не разобранное: от свех?). Г[осподин] Соловьев – один из угличских патриотов новейшей формации – с возвращением колокола, проектом памятника “основателю Углича” боярину Яну и “собственноручными” письмами... Этими патриотами и созданы срамные угличские торжества, музеи и археологические общества.

Очень было бы хорошо выбрать и перевести все те письма Сапеги⁸ и его корреспондентов из “Archivum dom[us] Sapienae”, которые касаются Москвы и смут. Из иностранных источников исследование этого материала должно стать на первом плане. Пташицкий⁹ в “Журн[але] Мин[истерства] нар[одного] просв[ещения]” не все извлек, что интересно. А С.Н. Шубинский¹⁰ мог бы толкнуть на это дело Боцяновского¹¹, осведомленного и в эпохе, и в польском языке.

Прошу Вас принять уверение в полном моем уважении и почтении к Вам.

С. Платонов

РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3322. Л. 8–9. Автограф.

5

По поводу житий царевича Дмитрия

М[илостивый] г[осударь]. В номере № 6580 “Нового времени” помещена статья г. А. Титова. “Кто написал житие Дмитрия царевича?”. В ней высказано, между прочим, что св. Дмитрий Ростовский не сам составил житие царевича, а поместил в свои Миней найденную им старую “историю о убиении его”; эта “история”, или “сказание”, по выражению г. Титова, “оказывается почти дословно сходным со многими рукописями первой половины XVII века”; такие рукописи были изданы facsimile Обществом любителей древней письменности в 1879 г.; именно их редакцию и “принял за образец св. Дмитрий и почти дословно поместил в своем труде”. В разъяснение этих положений г. Титову можно указать на следующее.

1) Древнейшие редакции “житий” царевича напечатаны в XIII томе “Русской исторической библиотеки, издаваемой Археографической комиссией” (СПб., 1891); сравнение с ними и с так называемым “Новым летописцем” помещенного в Минеях св. Дмитрия жития царевича открывает большое (но отнюдь не дословное) сходство текстов, объясняемое тем, что текст в Минеях скомпилирован (но не просто списан) с старейших образцов; об этом и сам святитель говорит, что он, “собрал с некоего хронографа и с Угличской книжицы, написал историю о св. Дмитрии царевиче”, он просит друзей ее поправить: “пожалуйста, посправьте и ко мне паки пришлите”. Значит, житие царевича именно святителем “составлялось” для Миней и исправлялось, а не просто списывалось, – и составлялось по источникам, доступным нашему определению и изучению.

2) Изданные Обществом любителей древней письменности рукописи, содержащие житие царевича, принадлежат не XVII, а XVIII веку; в них переписан и украшен рисунками текст, взятый именно из печатной Миней св. Дмитрия Ростовского; в этом убеждает простое сличение текстов и самые элементарные палеографические соображения.

С. Платонов

25 июня 1894 г.

6

“Когда родился царевич Дмитрий?”

На такой вопрос г. А. С-на в № 6581 “Нового времени” не последовало и до сего дня ответа от лиц, интересовавшихся судьбою Угличского царевича и того человека, который его именем царствовал в Москве. А между тем ответ на вопрос не только возможен, но и не труден: родился царевич 19-го октября (“на память св. мученика Уара”) 1582 года, а по старому русскому счислению от сотворения мира – 7091 года. Так показывают, кроме Казанского летописца Карамзина, на который обыкновенно ссылаются, и другие памятники той эпохи. Число 19-го (а не 15-го) октября удостоверяется уже тем, что в этот именно день уложено было праздновать памяти царевича. В год же 7091 не может быть сомнения по очень многим данным. Так, например, на 7091 год указывают жития царевича и другие сказания, указывают или прямо, как древнейшее житие – Тулуповской редакции (“в лето 7091 родился сей... царевич”), или косвенно, как Милютинская редакция жития и “Сказание о Гришке Отрепьеве”. Милютинское житие говорит, что царевич после

отца, умершего в марте 1584 года, остался “году и пол”, то есть полутора года, а “Сказание о Гришке Отрепьеве”, восходящее к первой половине XVII века, выражается еще точнее, до мелочности точно, что Димитрий после Грозного остался “млад сый, лета единого и месяц пяти”. Оба указания ведут к одному и тому же заключению, что царевич родился осенью 1582 (7091) года. Посольство в Англию Писемского не опровергает, а поддерживает эту дату. Из подлинных бумаг посольства известно, что Писемский выехал из Холмогор в августе 1582 года, а в начале апреля 1583 г. в Англии услышал о рождении сына у царя.

Путаницу произвели, стало быть, не первоисточники, а те, кто их читал и пересказывал. Рискованно было бы вслед за Карамзиным повторять его красивую фразу о том, что Иоанн в *первый год брака* искал невесты: в этой фразе больше риторического мастерства, чем исторической точности. И совсем уже нет возможности опираться в данном случае на хронологию Щербатова¹². Не только в его время, но и в наше не все еще владеют надлежаще осмотрительностью в переводе сентябрьских лет от сотворения мира на январские годы от Рождества Христова. Правило, что для четырех последних месяцев нашего года, которые в сентябрьском году были четырьмя первыми, следует из цифры года от сотворения мира вычесть не 5508, а 5509, чтобы получить надлежащую цифру соответствующего года от Рождества Христова (в данном случае 19-го октября 7091 года должно соответствовать 19-му октября нашего 1582, а не 1583 года), – это правило и теперь не строго применяется некоторыми исследователями, например, сибирской и пермской старины. Что же удивительного в том, что прежде не высчитывали точно года рождения царевича Димитрия. А только из этого и выросло недоразумение.

С. Платонов

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Писемский Федор Андреевич (ум. в 1591 г.) – думный дворянин, русский посол в Англии в 1582–1583 гг.
- ² См.: Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 38. С. 3–70.
- ³ Имеется в виду сообщение Н.М. Карамзина о том, что Иван Грозный начал искать себе невесту в Англии в первый год супружества с Марией Федоровной Нагой, уже зная, что она беременна.
- ⁴ Арцыбашев Николай Сергеевич (1771–1841) – историк, писатель, автор четырехтомного труда “Повествование о России”. Вышли три тома (1838–1843). См.: Т. II (М., 1838. С. 378–379).
- ⁵ Заметка С.Ф. Платонова “Когда родился царевич Димитрий?” была опубликована в газете “Новое время” 6 июля 1894 г.
- ⁶ Очевидный намек на известного историка Дмитрия Ивановича Иловайского (1832–1920), издавшего в 1894 г. свой труд “Смутное время Московского государства”.
- ⁷ Соловьев Леонид Федорович – автор “Краткой истории города Углича”, изданной в 1895 г.
- ⁸ Сапега Лев Иванович (1557–1633) – королевский секретарь, литовский канцлер, виленский воевода и великий гетман литовский.
- ⁹ Пташицкий Станислав Львович (1853–1933) – начальник (метрикант) архива Львовской метрики в 1884–1888 гг., приват-доцент Петербургского университета. Имеется в виду его рецензия на книгу “Переписка литовского канцлера Льва Ивановича Сапеги”, опубликованная в январском номере ЖМНП за 1893 г.
- ¹⁰ Шубинский Сергей Николаевич (1834–1913) – историк, редактор журналов “Древняя и новая Россия”, “Исторический вестник” в 1875–1913 гг.
- ¹¹ Боцяновский Владимир Феофилович (1869–1943) – критик, драматург, историк литературы, автор статьи “Кто убил царевича Димитрия?” (см. ИВ. 1891. № 5. С. 308–337).
- ¹² М.М. Щербатов в своем труде “История Российская от древнейших времен” (СПб., 1903. Т. V, ч. III) датировал посольство Писемского и рождение царевича Димитрия 1581 г. (С. 748–751).

ПИСЬМА С.Ф. ПЛАТОНОВА Я.Л. БАРСКОВУ И С.А. БЕЛОКУРОВУ

В последние годы стали появляться публикации писем Сергея Федоровича Платонова (1860–1933)¹, однако это лишь начало работы по освоению обширного эпистолярного наследия выдающегося историка. Среди адресатов писем Платонова встречаются и архивисты – Я.Л. Барсков, С.А. Белокуров.

Знакомство с учеником В.О. Ключевского Яковом Лазаревичем Барсковым (1863–1937) состоялось в связи с намерением С.Ф. Платонова распространить текст лекций Ключевского среди петербургских историков. Еще в 1881 г., будучи на последнем курсе Петербургского университета, Платонов получил от своих московских друзей литографированный курс лекций Ключевского². Впоследствии он обратился к Барскову, надеясь при его содействии получить разрешение Ключевского на издание лекций.

Связи Платонова с Барсковым упрочились после переезда последнего в Санкт-Петербург, где он поступил в 1908 г. на службу в Государственный архив МИД, заняв должность умершего Н.П. Павлова-Сильванского. Он начал также преподавать в возглавляемом Платоновым женском Педагогическом институте, на Санкт-Петербургских Высших женских курсах (где преподавал и Платонов) и в Павловском институте. Известность в научных кругах Барсков получил своими трудами по истории русской литературы, ценными публикациями литературных памятников. Участие Барскова в деятельности Археографической комиссии было закреплено избранием его в 1916 г. сотрудником.

Сергей Алексеевич Белокуров (1862–1918), занимая в МГАМИД ту же должность, что и Я.Л. Барсков в Государственном и Санкт-Петербургском главном архивах МИД (делопроизводитель VI класса), фактически руководил работой МГАМИД в последние два десятилетия его деятельности, являясь одновременно редактором изданий РИО³. Платонов сотрудничал с Белокуровым при подготовке двух томов “Памятников дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством”, изданных в 1912–1913 гг.⁴ Два из публикуемых писем Платонова Белокурову касаются инцидента в РИО, в который оба они оказались вовлечены.

На заседании Совета РИО 25 января 1914 г., по предложению С.Ф. Платонова, был решен вопрос о приеме С.А. Белокурова в члены РИО, однако В.И. Саитов⁵, временно исполнявший обязанности секретаря, не включил Белокурова в число кандидатов, и на общем годовом собрании РИО кандидатура Белокурова не рассматривалась. Сам Белокуров расценил это как проники своих влиятельных противников и вознамерился отказаться от обязанностей редактора изданий РИО. Белокуров нашел полную поддержку у Платонова, решившего, до разъяснения инцидента, прекратить всякую деятельность в РИО.

¹ Письмо академика С.Ф. Платонова П.Н. Миллеру из собрания Государственного Исторического музея. Публ. подгот. Ю.А. Иванов // СА. 1985. № 3. С. 68–69; Неизвестные письма российских ученых двадцатых годов / Публ. подгот. Я.Г. Рокитянский // ВАН. 1991. № 11. С. 92–118; Письма С.Ф. Платонова С.Д. Шереметеву о Смутном времени / Публ. подгот. М.А. Демидова // Архив русской истории. М., 1993. Вып. 3. С. 177–186; Материалы по истории журнала “Русская старина” / Публ. подгот. Е.В. Бронникова // Рос. архив. М., 1994. Вып. V. С. 332–333; Письма С.Ф. Платонова А.Ф. Кони / Публ. подгот. В.Г. Бухерт // АЕ за 1995 год. М., 1997. С. 351–354.

² См. об этом: Академическое дело 1929–1931 гг. СПб., 1993. Вып. I. С. 262; Колобков В.А. С.Ф. Платонов и В.О. Ключевский // Ключевский: Сб. материалов. Пенза, 1995. С. 140.

³ Подробнее о Белокурове см.: Демидова Н.Ф. “Живой справочник для исследователей” // Краеведы Москвы. М., 1995. Вып. 2. С. 83–99.

⁴ См.: Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 137; 1913. Т. 142.

⁵ В.И. Саитов был назначен вместо умершего 25 августа 1913 г. секретаря РИО А.А. Гоздаво-Голомбевского. В звании секретаря Саитов был утверждён только 13 марта 1914 г.

В письме Платонову от 9 мая 1914 г. председатель РИО великий князь Николай Михайлович объяснил случившееся как недоразумение и предложил рассмотреть вновь вопрос о приеме Белокурова в члены РИО в 1915 г. После этого Платонов счел инцидент исчерпанным⁶, однако чувство неудовлетворения деятельностью РИО у него осталось, и 21 января 1915 г. он писал председателю Археографической комиссии графу С.Д. Шереметеву: «Течение дел в Историческом обществе держит меня в бесперывном недовольстве, причины которого глубже, чем нерасположение к отдельным личностям. Я не могу примириться с тем, что так легко нарушают устав и что находится так много людей, готовых не только с этим мириться, но и содействовать этому. Исключительное положение Общества не позволяет думать о выходе из него; но нести в Обществе какие-либо должности отныне невозможно без ущерба для личного достоинства. Поэтому не вмените мне в «неблагонадежность», если услышите о выходе моем из этих должностей. Каждый по-своему тщится «держат государево имя честно и грозно»; обманывать его призраком благополучия в Обществе я не хочу; а к участию в этом нас именно и приглашают»⁷.

В.Г. Бухерт

Письма Я.Л. Барскову

1

С.-Петербург. 4 февраля 1884 г.

Глубокоуважаемый Яков Лазаревич!

Вы не ошиблись, признав во мне того, кого видали у Василия Осиповича¹. Я действительно был у него со своим первым «трудом»² и с удовольствием и теперь вспоминаю о том вечере, который провел я в кругу Вашего университетского люда. Надеюсь и еще когда-нибудь побывать в московской среде и видеть такой же милый, радушный прием.

Обращаюсь к делу. Лекции, будьте добры, печатайте на такой бумаге, на какой их дадут московским подписчикам (т.е. на простой?), а то листы 13ый и далее Вам неудобно будет печатать на разного сорта бумаге. Деньги, в количестве 20–30 р., я вышлю по Вашему адресу в первой половине будущей недели, и, как только их израсходуете, требуйте от меня еще. За лекциями кто-нибудь из петербургских зайдет к Вам с моею записочкою, ему тогда и отдадите листы, сколько будет готово. Если письмо мое не опоздает к выходу 13го листа, то, будьте добры, на Петербург печатайте по 60, а не по 50 экз. каждого листа: у нас разоидется и 60 экз.

Когда будет досуг, – удобнее при получении от меня денег, – черкните, во сколько, по Вашему расчету, обойдется каждый полный экземпляр лекций, дороже ли 2 рублей или нет: мы здесь не знаем, в какой сумме требовать подписные деньги.

Затем, далее, еще вопрос. Тот курс, который Вы издаете, захватывает ли (вернее, захватит ли) XIX век и чем отличается от курса г. Аммона (1881–[8]2 гг.), полнее или сокращеннее того?

Приобретение лекций В[асилия] О[сиповича] для Петербурга очень много зависит от Вас, Яков Лазаревич, и инициаторы этой затеи очень Вас благодарят за Ваше товарищеское внимание и помощь нам, петербуржцам. Добыть разрешение В[асилия] О[сиповича] представлялось здесь труднейшей частью задачи, и раз она разрешилась так легко и скоро, нам приятно чрез Вас (ведь Вы добыли позволение В[асилия] О[сиповича]) принести и В[асилию] О[сиповичу] нашу большую благодарность.

Желаю Вам скорого выздоровления, а себе – личной встречи и знакомства с Вами.

С. Платонов

⁶ ОР РГБ. Ф. 23 (С.А. Белокуров). К. 20. Д. 21. Л. 2–5.

⁷ РГАДА. Ф. 1287 (Шереметевы). Оп. 1. Д. 5125. Л. 56–56 об.

P.S. И еще вопрос, на этот раз личный. Вы, верно, знаете вкусы В[асилия] О[сиповича]: можно ли, им не противореча, обратиться к нему с письмом по научному недоумению?

ОР РГБ. Ф. 16 (Я.Л. Барсков). К. 3. Д. 87. Л. 2–2а об. Автограф.

2

С.-Петербург. 1 октября 1884 г.

Глубокоуважаемый Яков Лазаревич!

Очень рад, что могу в скором времени выслать Вам все деньги (44 р.). Не позже четверга надеюсь их сдать на почту. Лекции получил в полной исправности. Мне стало очень совестно за мое предыдущее письмо³, и я прошу Вас меня за него простить: писал я его под свежим впечатлением беседы с неприятной личностью, требовавшей от меня лекций. Что касается до моего курса, то он теперь “библиографическая редкость”, ибо я и сам не могу добыть лишнего экземпляра. Но этой зимой выйдет его второе, исправленное издание, и я Вам припасу экземпляр непременно. Читать мне приходится то же самое и можно, стало быть, усовершенствовать курс.

Относительно же курсов В[асилия] О[сиповича] нельзя ли устроиться так, чтобы выписать экземпляров по 40 и древней истории, и философского курса?⁴ Не будете ли добры переговорить с издателем и, если нужно, с самим В[асилием] О[сиповичем]. Денежные счета можно впредь устроить лучше, чем шли они теперь. Если хватить досуга, ответьте на этот счет поскорее, чтобы нам не прозевать выхода первых листов. Этим очень и очень обяжете.

Новый устав в наших профессорах определенного впечатления не произвел; его даже не все они усвоили, а потому не слыхать и определенных оценок. Здешних историков более занимает здоровье Бестужева-Рюмина⁵: оно очень слабо и он, пожалуй, оставит университет. Нужно знать этого человека, чтобы понять, какую крупную педагогическую и интеллигентную личность можем мы потерять. Курсы свои (женские) он уже совсем оставил. Будет ли он в Университете или нет, отродно то, что он думает продолжать свою “Историю”, и думает очень серьезно. О труде Ключ[евского] о рубле⁶ мы здесь слышим, что это – целая книжка. Из наших ученых только Сергеевич⁷ готовит исследование о власти московских князей, да только “улита едет, когда-то будет”: он работает не быстро.

Очень я Вам благодарен за то, что Вы заботитесь обеспечить меня лично лекциями В[асилия] О[сиповича]. Ваша любезность увеличивает мое желание ею воспользоваться, – каюсь в этом чистосердечно. У В[асилия] О[сиповича] был маленький курс!^{*} “исторической статистики”, как его называют, – всего листов 11–12. Нельзя ли его как-либо мне добыть? А также и его первый курс – о Екатерине II⁸. Я бы за них не затруднился заплатить и высшую цену. Относительно этого также жду ответа от Вас, а покуда – будьте здоровы и отдыхайте. Я знаю, что значит заработать и засуетиться, и потому желаю Вам отдыха искренно. В[асилию] О[сиповичу], если он меня помнит, передайте мое глубокое почтение.

Ваш С. Платонов

ОР РГБ. Ф. 16. К. 3. Д. 87. Л. 10–11 об. Автограф.

3

С.-Петербург. 17 октября 1884 г.

Глубокоуважаемый Яков Лазаревич!

Было бы очень приятно, если бы Вы взяли на себя труд экземпляров 15 лекций передать здешним историкам. Но дело в том, что раньше 25го числа дело о деньгах не может двинуться. Теперь же я могу лишь в том ручаться, что, рано или поздно, деньги будут Вам доставлены. Душевно благодарен я Вам за то, что припасли для меня лекции В[аси-

^{*} Далее зачеркнуто “взглядов”.

лия] Ос[иповича]. Если будет удобно, перешлите все, что мне предназначается, т.е. и прошлогодние и нынешние лекции (стативку), посылкой (в картоне, что ли) и напишите, что я Вам состою должен: это я вышлю немедленно с ворохом самой искренней благодарности (*sit verba verbo*^{2*}). Действительно я не заслужил ничем таких забот Ваших и не знаю, как Вас и благодарить.

Исследования Вас[илия] Ос[иповича] ждем и покуда читаем Кояловича “Самосознание”⁹, откуда узнаем, что моск[овское] Общ[ество] ист[ории] и др[евностей] учреждено в 1815 году (стр. 39), а Комиссия печатания гос[ударственных] грамот и договоров не учреждалась, а только “оживилась” при Н.П. Румянцеве¹⁰ (стр. 40) и т.п. прелести; точно так же поучаемся и тому, что в научных трудах есть “субъективизмы” и нет объективности (великое открытие!). Иловайского¹¹ приветствуем (здесь говорю не за себя), несмотря на то, что он игнорирует новые документы по истории Литвы (Прохазки)¹², – словом, на новый лад дает новую погудку.

Бестужев уходит, и неизвестно кто вместо него и *будет ли* еще кто вместо него избираться по новому уставу. Жаль, что Бестужев уходит: это светлая *личность*, одно созерцание которой благодетельно действовало на студентов в нашей убогой обстановке по части исторических идей. Он умел зажечь во всяком огонек, и если у него нет учеников или они плохи, то – надо правду сказать – не всегда он умел выбирать способных людей.

Однако заболтался. Итак, будьте добры, высылайте лекции и пишите. Долгом не замедлю.

Искренно уважающий Вас

С. Платонов

ОР РГБ. Ф. 16. К. 3. Д. 87. Л. 12–13.

4

С.-Петербург. 18 декабря 1884 г.

Глубокоуважаемый Яков Лазаревич!

Все Ваши посылки получил и душевно благодарю Вас. В январе (около 3го) буду в Москве и лично еще раз поблагодарю Вас за Вашу редкую любезность и расположение ко мне. Благодарю я письмом и В[асилия] О[сиповича] и прошу у него позволения побывать у него; письмо ему адресую в Университет – дойдет ли?

Лекции покуда не высылайте. Увидимся – возьму. А пока – простите. Дела по горло и уставать приходится страшно.

Искренно уважающий Вас

С. Платонов

ОР РГБ. Ф. 16. К. 3. Д. 87. Л. 18. Автограф.

5

С.-Петербург. 27 января 1885 г.

Сию минуту получил Ваше письмо, многоуважаемый Яков Лазаревич, и пользуюсь досугом, чтобы тотчас ответить Вам, тем более что это первые наши *не* деловые письма.

Пишу Вам не для передачи В[асилию] О[сиповичу], что очень его уважаю, защищаю его здесь от нападок и т.д., но что идти к нему без его письма я не мог по своему характеру. Я очень не люблю навязываться кому [бы] то ни было, знакомство стараюсь водить только с теми, кто не прочь и меня знать, уважать людей могу и помимо личного знакомства. Если б не сам В[асилий] О[сипович] поставил мне такие условия – написать ему прежде, чем явиться, – я бы, может быть, и пошел бы к нему, а в таких условиях, какие были, пойти без ответа постеснялся. И без приезжих любителей просвещения у профессо-

^{2*} С позволения сказать (лат.)

ров много отнимается времени неинтересными людьми, падкими на громкие знакомства, и гг. профессора вправе на это жаловаться и стремиться ограничить доступ к себе. Я все это знаю и всему этому – и помимо личной щекотливости – сочувствую. Вот почему я и не пошел к В[асилию] О[сиповичу], хотя от него и не слышал не только жалоб, но и ничего, кроме хорошего.

Верю Вам, что В[асилий] О[сипович] хорошо настроен в отношении меня и не прочь был меня видеть, жалею, что не поговорил с ним, но не могу признать ошибкой того, что не решился идти к нему. Очень буду рад, если он мне напишет. Теперь же прошу Вас, передайте ему мой низкий поклон.

Вы меня обижаете, говоря, что я “скрыл” от Вас свою тему. Этого я ни от кого не скрываю, хотя, действительно, моя диссертация – мое больное место: до сих пор я не знаю, выйдет ли из нее путная книга и скоро ли она будет окончена. Ее предмет – оценка русского летописного материала о Смуте, в смысле доброкачественности его как исторического источника. В[асилий] О[сипович] думает иное, вероятно, потому, что я с ним говорил о писцовых книгах более, чем о чем-либо. Одно далеко от другого, но и то и другое меня равно тогда занимало. Не последний раз, надо надеяться, мы с Вами виделись: как-нибудь расскажу Вам, насколько трудно у нас бывает – при юношеской недоразвитости выбрать тему умную и по силам. Я обжегся на писцовых книгах, не совсем счастлив и в летописях.

Книгу Высоцкого спрощу здесь. Здесь я ее не видел, потому не питаю надежды достать наверное, а от попытки не откажусь и поищу.

Что же до Загоскина¹³, то вправду его книга о праве М[осковского] гос[удар]ства¹⁴ показывает, что легко дойти до докторства без библиотеки и критического приема. Но я за него заступлюсь: его “Дума Б[оярская]”¹⁵ – уже большой шаг вперед сравнительно с прежними трудами. Авось, если будет писать, станет и еще лучше.

Нового у нас мало. Приват-доценты появляются: снова читает Семевский¹⁶, читает Морозов¹⁷, будут читать Трачевский¹⁸, Гуревич¹⁹. Удивительно, что не читает ни один из учеников Ламанского²⁰: их ведь много. Бестужев дряхлеет. Шансы Кареева²¹ снова упали, и не знаем, кто будет. Новую историю на Курсах читает Васильевский²².

В моей жизни ни на что жаловаться не могу. Хорошо жил в Москве и здесь недурно. Жду Вас к себе в гости, а теперь желаю всего лучшего.

Ваш С. Платонов

P.S. Не забывайте иногда побаловать меня письмом: я был очень рад Вашему письму. Будьте здоровы!

ОР РГБ. Ф. 16. К. 3. Д. 87. Л. 20–22 об. Автограф.

6

С.-Петербург. 19 марта 1885 г.

Многоуважаемый Яков Лазаревич!

Редкость, если можно так сказать, книга Высоцкого меня самого заинтересовала, и я все это время искал ее в своих интересах столько же, сколько и в Ваших, – и не нашел ни на рынке, ни у знакомых. Теперь решаюсь сознаться, что отчаялся ее найти, даже прочесть, не только что приобрести.

Вас[илий] О[сипович] до сих пор не написал мне и этим еще более укрепил во мне мысль, что я был прав, не побывав у него без извещения. Очень мне это жаль и в видах будущего: первую половину лета мне придется работать в Рум[янцевском] музее и Лавре, и хотелось бы повидать на досуге и Вас[илия] Ос[иповича], но я уже не сочту себя вправе даже и спросить его, можно ли и когда можно к нему прийти²³. От души говорю, что пишу это только для Вас, и очень прошу *не* передавать этого В[асилию] О[сиповичу].

Вас же спрощу, будете ли Вы во второй половине мая в Москве (сию минуту – 5 1/2 ч. – получаю Ваше письмо и рад ему).

Я приеду в Белокаменную около 20го мая (приедете ли Вы в С.-П[етерб]ург[?]). Когда увидимся, тогда и передадите мне лекции В[асилия] О[сиповича], раньше не посы-

лайте их. Кстати, сколько экз[емпляров] дадите Вы мне? Нужны ли Вам деньги и когда? Теперь ответ на Ваше письмо. Ответы Кояловича (очень нечистоплотные) и Бестужева и Корсакову²⁴ есть у нас в отдельной продаже, будут, наверное, и у вас в маг[азине] “Нового времени”. Они производят дурное впечатление не только приемами полемики, но и научной немощью. Он хвалится философским образованием и выдержкою ума, не помня, что при этом главное – все-таки самый ум, к[ото]рого у него несравненно меньше, чем у Бест[ужева], и при дряхлости последнего. А с другой стороны, философские знания и выдержка еще не делают русского историка таковым, если мало знаний о нашем прошлом им усвоено: как философски не переваривайте учебника Иловайского, науки не выйдет. Не выходит ее и у Кояловича, хотя он свой субъективизм (заменяющий ему знания) и считает “лучшим”. Кстати, какое впечатление произвела рецензия Бестужева у Вас? Здесь не все ею довольны: она написана спустя рукава, догматична в оценке частных и в конце концов не сведена в общее мнение, краткое и ясное. Корсакова я не знаю еще: не читаю “Ист[орического] вестника” почти никогда. Скучноватой мне показалась и статья Герье²⁵ о Мабли²⁶, вообще он скучен в своих трудах, на мой взгляд. Что касается до Калачова²⁷, то не хочет ли он перевести в М[оскву] здешний свой Институт?²⁸ О новом у нас ничего не слышно, а о существующем не говорят без усмешек: там читают юристы, словесники, но про археологию не слышать. И вообще Институт этот тогда помнят, когда он сам о себе напомнит в печати или общедоступным заседанием.

Общего настроения у нас в Ун[иверсите]те “не полагается”: мы театра не замечаем, речи говорим только на академических торжествах, о философии думает только приставленный к ней Владиславлев²⁹. Заняты профессора комиссиями по выработке новых семестровых и экзаменационных программ, куда их с совещательным голосом призвало Министерство. Как идет дело в этих комиссиях (они – по факультетам и предметам), не знаю, слышал, что наши юристы отстаивали ежегодные курсовые экзамены, – и только. Других новостей нет. О Ваших москвичах ученого и учебного круга не говорят у нас вовсе; но между прочим долетают новости совсем частного свойства: например, видел я у Вас на 10 минут Преображенского³⁰, а здесь про него слышал, что он – жених; только малое знакомство мешает его поздравить. Что, удивлены? Мы вообще ведь, здешние филологи, не охотники до теорий и отвлеченностей: мы исследуем факты, занимаемся личностями. Впрочем, это, конечно, шутка.

Лично я живу очень хорошо, хотя завален практически делом (учительствую) и мало читаю, зато много устаю. Очень доволен, что настали каникулы, а то ведь просто некогда писать ни родным, ни знакомым.

Что Вы извиняетесь за молчание, будто тут вина моя меньше Вашей? Пишите, когда вздумается, я же *считаться* письмами не стану.

Теперь же пора кончить. Желаю Вам всего лучшего.

Ваш Платонов

P.S. Поздравляю с наступающим праздником, еще раз желаю всего хорошего. Что Ваше сочинение? Когда срок его подачи?

ОР РГБ. Ф. 16. К. 3. Д. 87. Л. 23–25 об. Автограф.

7

9 мая 1908 г.

Многоуважаемый Яков Лазаревич!

Вчера Вы избраны в преподаватели нашего Института 35 голосами из 37-ми. Завтра, вероятно, последует утверждение его высочества³¹.

Сердечно рад и поздравляю и Вас и себя!

Не заглянете ли к нам познакомиться с нашим административным персоналом?

Искренне Ваш

С. Платонов

ОР РГБ. Ф. 16. К. 3. Д. 87. Л. 39. Автограф.

3 мая 1912 г.

Многоуважаемый Яков Лазаревич!

Получил Вашу *великолепную* книгу³² и сердечно благодарю за нее!
Буду читать сплошь на первом же досуге.

Искренне Ваш

С. Платонов

ОР РГБ. Ф. 16. К. 3. Д. 87. Л. 52. Автограф.

С.-Петербург. 1 сентября 1913 г.

Многоуважаемый Яков Лазаревич!

“Слух дошел нас” (как говорили встарь), директора и дам, живущих во 2^м этаже Педагог[ического] института, что сегодня исполняется 25-летие Вашей педагогической и ученой работы. Поэтому мы согласились вместе послать Вам наше приветствие, не ожидая ни публикаций, с одной стороны, ни иного почина с другой, – попросту, но от души.

Сердечно поздравляем Вас с первым юбилеем, желаем Вам и семье Вашей всего лучшего на многие, многие годы и радуемся, что судьба позволила нам видеть Вас в нашей институтской среде.

Вспоминаю старые годы, Москву 80-х годов, “Кремль”³³, где в Вашей комнате был я гостем в далекое, далекое время, и душа волнуется от хороших воспоминаний. Будем верить, что, справляя наши следующие юбилеи, мы и настоящее помянем столь же светло, как вспоминаем прошлое.

Всего доброго!

Сердечно Ваш

С. Платонов

ОР РГБ. Ф. 16. К. 3. Д. 87. Л. 55–56. Автограф.

14 июня 1925 г.

Многоуважаемый Яков Лазаревич!

Вы не сообщили мне Вашего адреса, и потому я снова пишу на Техникум.

Очень благодарю Вас за Ваше письмо. То, что Вы мне сообщили, мне было известно. Особенно заинтриговало меня то, что Вы “читали рукописи, упомянутые Горяиновым”³⁴. Значит, Вы помните, что в № 557 заключается? Есть ли там заметки Штелина³⁵ о свержении Петра III? Мне ведь *только они* и нужны, а о них-то в Вашем письме и нет ничего. Русский текст их напечатан, а *немецкий* где? Ни в Пуб[личной] б[иблиоте]ке, ни в Ак[адемии] наук его нет и *не было*. Откуда же его взял Корф?³⁸ Вот мой основной вопрос, и никто его решить не может. Не поможете ли?

Искренне преданный Вам

С. Платонов

ОР РГБ. Ф. 16. К. 3. Д. 87. Л. 66. Автограф.

4 июля 1925 г.

Многоуважаемый Яков Лазаревич!

В Гротовском издании Державина, т. VI, стр. 863 и т. IX, стр. 287, идет речь о “Записке Штелина о последних днях царств[ования] Петра III”. Откуда взят ее текст, не сказа-

но; известно, что она сообщена Гроту³⁷ гр[афом] М. Корфом. Подлинника нет ни в Публ[ичной] библиотеке, ни в Ак[адемии] наук. Остается думать, что она была в Госуд[арственном] архиве. Не скажете ли мне, видели ли Вы ее там? Этим много обяжете меня, и я, извиняясь за беспокойство, заранее благодарю Вас за ответ.

Искренне Ваш

С. Платонов

ОР РГБ. Ф. 16. К. 3. Д. 87. Л. 67. Автограф.

Письма С.А. Белокурову

1

8 марта 1894

Многоуважаемый Сергей Алексеевич!

Сегодня я говорил с С.А. Бершадским³⁸. Он заявил, что его рецензия будет, безусловно, благоприятна для Любавского³⁹ и что он примет все меры, чтобы не опоздать к 1 апреля, так как понимает-де, почему нельзя опоздать к Вам и можно опоздать в другое место etc. Думаю, что после этого можно ему теперь и не писать.

Благодарю Вас за Вашу посылку. Бью челом Вам и о давнишней своей затее: на каких условиях мог бы я приобрести нижеозначенные книги^{3*}, то есть как может быть переслан и рассрочен платеж и будет ли некоторая скидка с цены? Не откажите известить меня. Высылку денег я бы мог производить с 20 приблизительно марта раз или два в месяц (исключая 20^е апреля).

Преданный Вам

С. Платонов

P.S. Что именно переиздал понапрасну Ваш барон⁴⁰ в “Сборнике?”⁴¹

РГАДА. Ф. 184 (С.А. Белокуров). Оп. 1. Д. 759. Л. 1–1 об. Автограф.

2

[1894 г.]

Многоуважаемый Сергей Алексеевич!

Благодарю Вас за все Ваши присылки и прошу извинения за мое молчание: было довольно много дела за это время. Деньги, все целиком 25 р[убл]ей, позвольте прислать после Пасхи, около 1 мая. О Бантыш-Каменском есть уже заявление в “Ж[урнале] М[инистерства] н[ародного] пр[освещения]” за март⁴², а о V томе “Сборника” мне только недавно удалось добыть маленький отзыв, слишком “крепкий”, и затруднение состоит в том, чтобы его смягчить, не посягая на самолюбие автора, научно самостоятельного человека. Иначе же – обидишь Вашего барона. Лекции Ключевского изданы были в С.-П[етер]б[урге] в конце 80-х годов. За них была закрыта (впрочем, по совокупности с другими тайными курсами и толстовскими статьями) литография, и достать их, даже ad usum professorum^{4*}, мне не удалось до сих пор. У нас теперь обращается какое-то московское издание – говорят, прошлогоднее, можно ли достать его, не знаю, так как не могу узнать, кто его выписал из Москвы.

Доставил ли наконец Бершадский свой отзыв и каков он?

Желаю Вам хороших праздников и жму Вашу руку.

С. Платонов

P.S. Если я совершаю беззаконие, отсрочив высылку 25 р. на две недели, сообщите: могу понатужиться и выслать поскорее.

РГАДА. Ф. 184. Оп. 1. Д. 759. Л. 2–3. Автограф.

^{3*} Списка книг в тексте письма нет.

^{4*} Для использования преподавателями (лат.).

С.-Петербург. 23 ноября 1898 г.

Многоуважаемый Сергей Алексеевич!

Душевно благодарю Вас за добрую память и за книги, для меня весьма интересные. К Вашим взглядам на "существование" пресловутой библиотеки готов присоединиться⁴³. Не знаете ли Вы чего-нибудь о тех великолепных находках, которые касаются Самозванца и "обрабатываются" г. Линниченком?⁴⁴ Мы здесь склонны думать, что это не более как сборник анекдотов.

Очень жаль, что Академии наши осуждены на формальное отношение к вопросу о богословских степенях. От этого наука вряд ли выиграет, а люди могут много страдать. Слышал я, что Вы бывали в С.-П[етер]бурге. Если бы Вы заглянули ко мне, то я был бы этому рад.

Преданный Вам

С. Платонов

ОР РГБ. Ф. 23 (С.А. Белокуров). К. 16. Д. 29. Л. 3-3 об. Автограф.

С.-Петербург. 28 января 1900.

Многоуважаемый Сергей Алексеевич!

Я так привык верить в Вашу точность, что готов думать Бог знает что о причинах Вашего молчания! Или Вы не нашли Никоновой летописи? Или Вы посердились на меня? (За что?) Или, наконец, почта не донесла мне Вашего письма? А я-то жду с трепетом и страхом. Серьезно: я подждал Вашего письмеца, обещанного при моем отъезде, и рад бы был получить от Вас что-нибудь.

У меня есть "Чтения" за 1861-1872 гг., 1884-1887 гг. и за 1890-1899 гг. Согласны ли Вы прислать мне остальные годы (и старые) за половинную цену, как мы с Вами говорили в Москве? Если да, то приятно бы было знать срок взноса денег.

Извините, что я Вам надоедаю. Но Вы так балуете Ваших знакомых неизменною добротой Вашей, что как-то веришь в возможность извинения. Говорю это вполне искренно!

Правда ли, что вместо Вашего князя⁴⁵ Вам назначают барона Таубе?⁴⁶ И куда денется князь? Если верно, очень жалко князя: он очень мил и вежлив.

Искренно уважающий Вас

С. Платонов

РГАДА. Ф. 184. Оп. 1. Д. 759. Л. 4-5. Автограф.

23 марта 1914 г.

Многоуважаемый Сергей Алексеевич!

Сердечно благодарю Вас за то доверие, которое Вы выразили мне Вашим письмом от 21 марта. Я очень ценю Ваше разрешение действовать и Вашим именем в ликвидации обиды, нам и Вам нанесенной. Как и Вы, я воздержусь от всяких выступлений в Обществе, если не последует удовлетворяющего нас разъяснения дела. Только 6-8 мая мне еще придется, если потребуют, исполнить лежащие на мне и совершенно неустрашимые обязанности по делу о съезде представителей архивных комиссий при Обществе; но засим, если к тому времени дело не разъяснится, я перестану быть членом Совета и активным работником в Обществе. Останется лишь мое имя в списке членов, ибо устранить его отсюда нельзя: таково Общество.

Искренно преданный Вам

С. Платонов

ОР РГБ. Ф. 23. К. 20. Д. 21. Л. 3-3 об. Автограф.

[Май 1914 г.]

Многоуважаемый Сергей Алексеевич!

Прилагаю письмо, которое считаю за желательную ликвидацию “инцидента”. Больше от столь высокопоставленного лица ожидать и требовать нельзя, по мнению здешних моих “советников”. Письмо может удовлетворить и Вас. Но будете ли Вы продолжать дела с Обществом, вопрос не спешный: его надо обсудить устно при нашей встрече. После письма я счел для себя возможным, в силу устной беседы с в[еликим] к[нязем]⁴⁷, остаться в Совете.

Копию письма сообщаю Вам с ведома и желания в[еликого] кн[язя], который считает это сообщение – его Вам объяснением.

Преданный Вам

С. Платонов

ОР РГБ. Ф. 23. К. 20. Д. 21. Л. 4–4 об. Автограф.

7

7/20 августа 1918 г.

Многоуважаемый Сергей Алексеевич!

Дочь моя, по мужу Шамонова Вера Сергеевна, на осень и зиму передедет из Рязани в Москву и просит работы, – конечно, архивной или библиотечной. Она окончила В[ысшие] ж[енские] курсы, знает хорошо языки. Если она вступит в сферу Вашего ведения, я буду очень рад и благодарен Вам!⁴⁸

Преданный Вам

С. Платонов

ГАРФ. Ф.Р-5325 (ГАУ СССР). Оп. 12. Д. 2169. Л. 2. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ключевский Василий Осипович (1841–1911) – профессор Московского университета и Московской духовной академии с 1882 г. 6 мая 1884 г. С.Ф. Платонов писал своему другу В.Г. Дружинину: «К Ключевскому безо всякого внешнего повода лучше не ходить, если нет рекомендации: он очень милый, но и очень осторожный человек, и дело может выйти так, что при его очень любезном приеме, все-таки уйдешь “не солоно хлебавши”, как говорится, и вынесешь впечатление неудовлетворенности» (РГАЛИ. Ф. 167 (А.В. и В.Г. Дружинины). Оп. 1. Д. 393. Л. 24).
- ² Первой опубликованной научной работой Платонова был фрагмент из его кандидатской диссертации “Заметки по истории московских земских сборов” (ЖМНП. 1883. № 3. С. 1–20).
- ³ В письме от 27 августа 1884 г. Платонов торопил Барскова с высылкой текста лекций Ключевского.
- ⁴ Очевидно, имеются в виду лекционные курсы “Древняя русская история” и “Методология русской истории”, прочитанные Ключевским, соответственно в 1882/83 и 1884/85 учебных годах.
- ⁵ Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829–1897) – профессор кафедры русской истории Петербургского университета, вышел в отставку в конце 1884 г.
- ⁶ Имеется в виду исследование В.О. Ключевского “Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему”, изданное в 1884 г. См.: ЧОИДР. 1884. Кн. 1. С. 1–72.
- ⁷ Сергеевич Василий Иванович (1832–1910) – историк русского права, профессор Петербургского университета с 1872 г. Вероятно, упоминается труд Сергеевича “Русские юридические древности”, изданный в 1890–1903 гг.
- ⁸ Возможно, имеется в виду лекционный курс “Новая русская история от Екатерины II до Александра II”, прочитанный Ключевским в 1883/84 учебном году.
- ⁹ Коялович Михаил Осипович (1828–1891) – историк, профессор Петербургской духовной академии. Имеется в виду его работа “История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям”, изданная в Санкт-Петербурге в 1884 г.
- ¹⁰ Румянцев Николай Петрович (1754–1826) – граф, министр иностранных дел в 1808–1814 гг., издатель источников по русской истории и научных сочинений, собиратель коллекций, составивших Румянцевский музей.
- ¹¹ Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1920) – историк. В 1884 г. был издан первый том “Сочинений” Иловайского.

- 12 Прохазка Антони (1852–1930) – польский историк, архивариус и руководитель Львовского архива с 1878 г.
- 13 Загоскин Николай Павлович (1851–1912) – историк русского права, профессор Казанского университета.
- 14 Имеется в виду монография Загоскина “История права Московского государства” (Казань, 1878–1879. Т. 1–2), защищенная в качестве магистерской диссертации.
- 15 Имеется в виду монография Загоскина “Центральное управление Московского государства” (Вып. 1. Дума Боярская. Казань, 1874), защищенная в качестве докторской диссертации.
- 16 Семевский Василий Иванович (1848/49–1916) – историк, приват-доцент Петербургского университета в 1882–1886 гг.
- 17 Морозов Петр Осипович (1854–1920) – приват-доцент истории русской словесности Петербургского университета.
- 18 Трачевский Александр Семенович (1838–1906) – профессор всеобщей истории Новороссийского (Одесского) университета, приват-доцент Петербургского университета с 1890 г.
- 19 Гуревич Яков Григорьевич (1843–1906) – приват-доцент всеобщей истории Петербургского университета.
- 20 Ламанский Владимир Иванович (1833–1914) – историк, филолог, этнограф, профессор славянской филологии Петербургского университета.
- 21 Кареев Николай Иванович (1850–1931) – историк, приват-доцент Петербургского университета.
- 22 Васильевский Василий Григорьевич (1838–1899) – историк, академик Петербургской академии наук с 1890 г., учитель С.Ф. Платонова.
- 23 6 июня 1885 г. С.Ф. Платонов сообщал В.Г. Дружинину: “Сегодня рано утром я должен был уехать к Троице, чтобы не прозевать здесь Ключевского, который обязательно взялся помочь мне в более удобном пользовании рукописями” (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 393. Л. 33а).
- 24 Корсаков Дмитрий Александрович (1843–1920) – историк, профессор Казанского университета. Рецензии Бестужева-Рюмина (ЖМНП. 1885. № 1. С. 95–140) и Корсаков (ИВ. 1885. № 3. С. 684–707) на сочинение Кояловича “История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям” вызвали публикацию его полемических ответов каждому из оппонентов.
- 25 Герье Владимир Иванович (1837–1919) – профессор всеобщей истории Московского университета в 1868–1904 гг., организатор Высших женских курсов в Москве.
- 26 Мабли Габриэль Бонно, де (1709–1785) – французский политический мыслитель, утопический коммунист, историк. Имеется в виду статья В.И. Герье “Французский этик-социалист XVIII века” в журнале “Русская мысль” (1883. № 11).
- 27 Калачов Николай Васильевич (1819–1885) – историк, юрист, археограф, архивист, академик Петербургской академии наук, управляющий МАМЮ в 1865–1885 гг.
- 28 Петербургский археологический институт был основан по инициативе Н.В. Калачова в 1877 г.
- 29 Владиславлев Михаил Иванович (1840–1840) – философ, профессор (с 1887 г. – ректор) Петербургского университета.
- 30 Преображенский Василий Петрович (1864–1900) – редактор журнала “Вопросы философии и психологии” (с 1895 г.).
- 31 Константин Константинович (1858–1915) – великий князь, поэт, президент Петербургской академии наук с 1889 г.
- 32 Очевидно, имеются в виду “Памятники первых лет русского старообрядчества”, подготовленные к изданию Я.Л. Барсковым. См.: ЛЗАК за 1911 г. Вып. 24. С. 1–426.
- 33 Имеется в виду “Кремлевское подворье”, находившееся на Васильевской площади, состоящее из меблированных комнат, где останавливались приезжие.
- 34 Горянов Сергей Михайлович (1849–1918) – историк, директор Государственного и Санкт-Петербургского главного архивов МИД в 1902–1915 гг.
- 35 Штелин Яков (Яков Яковлевич) (1709–1785) – искусствовед, академик Петербургской академии наук, воспитатель вел. кн. Петра Федоровича (впоследствии императора Петра III) в 1742–1745 гг.
- 36 Корф Модест Андреевич (1800–1876) – граф, государственный деятель и историк, директор Императорской публичной библиотеки в Санкт-Петербурге в 1849–1861 гг.
- 37 Грот Яков Карлович (1812–1893) – филолог, академик Петербургской Академии наук. Платонов ссылается на первое издание сочинений Г.Р. Державина, осуществленное Я.К. Гротом в 1864–1883 гг.
- 38 Бершадский Сергей Александрович (1850–1896) – юрист, профессор Петербургского университета.
- 39 Любавский Матвей Кузьмич (1860–1936) – историк, приват-доцент Московского университета. Имеется в виду рецензия Бершадского на магистерскую диссертацию Любавского “Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута”.
- 40 Бюлер Федор Андреевич (1821–1896) – барон, директор МГАМИД в 1873–1896 гг.
- 41 Возможно, имеется в виду публикация С.А. Белокурова “Дело о присылке шахом Аббасом ризы

- Господней царю Михаилу Федоровичу в 1625 г.», изданная в 1891 г. и переизданная в 5-м выпуске «Сборника МГАМИД» в 1893 г.
- ⁴² Сообщение о выходе в свет первой части «Обзора внешних сношений России» Н.Н. Бантыш-Каменского было опубликовано в апрельском, а не в мартовском номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1894 год.
- ⁴³ См.: Белокуров С.А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898.
- ⁴⁴ Линниченко Иван Андреевич (1857–1926) – историк, профессор Новороссийского (Одесского) университета.
- ⁴⁵ Голицын Павел Алексеевич (1833–1902) – князь, директор МГАМИД в 1896–1902 гг.
- ⁴⁶ Таубе Михаил Александрович (1869–1963) – доктор международного права, приват-доцент Петербургского университета, товарищ министра народного просвещения в 1911–1915 гг., один из учредителей Русского генеалогического общества.
- ⁴⁷ Николай Михайлович (1859–1919) – великий князь, председатель Императорского Русского исторического общества с 1910 г.
- ⁴⁸ О поступлении В.С. Шамониной на архивную службу, в которой она состояла с сентября 1918 по май 1919 г., Платонов писал А.И. Яковлеву: «Дочь моя Вера С[ергеевна] устроилась в Арх[ив] М[инистерства] и[ностранных] дел благодаря любезности С.А. Бел[окурова] и М.К. Люб[авского]. Это четвертый член моей семьи, прикоснувшийся к архивам, чтобы хотя немного поддержать наше громадное хозяйство. По-видимому ей нравится и по силам то, что ей поручено. Но меня стесняет сознание, что все мы «там», в «архивном деле». Впрочем, пусть будет пока так: сам я, вероятно, воспользуюсь декретом о «несовместении» и обособлюсь от архивов в сторону Унив[ерситета] и преподавания» (АРАН. Ф. 665 (А.И. Яковлев). Оп. 1. Д. 439. Л. 99–100).

С.Ф. ПЛАТОНОВ: НЕИЗДАННЫЙ НЕКРОЛОГ М.М. БОГОСЛОВСКОМУ

В АРАН хранится подлинная рукопись некролога академику М.М. Богословскому (1867–1929), написанного академиком С.Ф. Платоновым (1860–1933)¹. Рукопись вложена в лист бумаги, на котором, вероятнее всего, почерком вдовы М.М. Богословской, Елизаветы Петровны Богословской (1886–1970), написано²: «Некролог, подготовленный академиком С.Ф. Платоновым к печати в октябре 1929 года»³. Тем же почерком внесена правка в текст⁴.

Судя по всему, впервые об этой работе С.Ф. Платонова сообщила сотрудница архива АН М.С. Бастракова, составившая обзор личного фонда М.М. Богословского⁵. Л.В. Черепнин в статье о М.М. Богословском отметил: «Некрологов было мало. По-видимому остался неопубликованным некролог С.Ф. Платонова, написанный очень тепло и дающий характеристику Богословского как ученого и человека, но не раскрывающий идейных основ его мировоззрения»⁶. Этими указаниями в научной литературе, собственно, и ограничивались наши представления о некрологе М.М. Богословскому. Между тем сравнение текста рукописи с другими опубликованными (как до указанных выше, так и впоследствии) ма-

¹ АРАН. Ф. 636 (М.М. Богословский). Оп. 2. Д. 10. Л. 2–5. Машинопись через два интервала на писчих листах старого формата, без заглавия; дата «окт. 1929 г.» и подпись-автограф. В книге «Архив академика С.Ф. Платонова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: Каталог / Сост. В.А. Колобков» (СПб., 1994. Вып. I) каких-либо сведений об этой работе или подготовительных материалах к ней не сообщается. Почему в конечном итоге рукопись оказалась в составе личного фонда М.М. Богословского, становится понятно из письма С.В. Бахрушина С.Ф. Платонову, цитируемого ниже.

² В этом убеждает сличение данного почерка с почерком писем Е.П. Богословской С.Ф. Платонову. См.: ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Оп. 1. Д. 2319. Л. 1–18 об.

³ АРАН. Ф. 636. Оп. 2. Д. 10. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Архив Академии наук СССР. Обзорные архивных материалов. М.; Л., 1963. Т. V. С. 89 [Труды архива. Вып. 19].

⁶ Черепнин Л.В. Академик М.М. Богословский // ИЗ. М., 1974. Т. 93. С. 265. Перепечатано в кн.: Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII–XX вв.: Сб. статей, выступ., восп. М., 1984. С. 92–131.

териалами о М.М. Богословском показало, что некролог не только был известен, но и отчасти уже введен в научный оборот. Такой же текст цитируется в предисловии к книге избранных трудов М.М. Богословского ее составителем, Л.А. Черной, без указания, что это – цитата из некролога и со ссылкой на Ленинградский (ныне Санкт-Петербургский) филиал архива РАН⁷. Это – личное дело М.М. Богословского, содержащее материалы о его служебной и научно-организационной деятельности в АН со времени избрания действительным членом (1921) по 1929 г.⁸ В дело включен не только некролог⁹, текст которого по содержанию абсолютно аутентичен московскому (только он имеет заголовок – “М.М. Богословский”, несколько иное сокращение имени, естественно, не содержит правки, внесенной Е.П. Богословской; подпись машинописная – “акад. С. Платонов”, на первом листе рукописи в левом верхнем углу помета карандашом почерком неустановленного лица – “в личное дело”), но и документы о его подготовке С.Ф. Платоновым и о смерти М.М. Богословского. Следует отметить также то, что неопубликованный некролог был использован и.о. неперменного секретаря АН академиком В.Л. Комаровым при составлении “Общего отчета о деятельности АН СССР в 1929 году”. В разделе отчета, где речь идет о М.М. Богословском, совпадения и стилистические и текстологические с текстом некролога не вызывают сомнений¹⁰. Впрочем, объяснение этому можно видеть в обычной практике составления академических отчетов.

М.М. Богословский умер 20 апреля 1929 г.¹¹ В тот же день на имя С.Ф. Ольденбурга были получены две телеграммы с извещением о его кончине. Одна – за подписью академика зоолога Алексея Николаевича Северцова¹², другая – от очень близкого М.М. человека, женатого на его сестре Марии Михайловне, члена-корреспондента АН Сергея Константиновича Богоявленского, доброго знакомого и С.Ф. Платонова. Характерно содержание телеграммы: “Скончался академик Богословский. Просьба оповестить всех и Платонова. Богоявленский”¹³. Тотчас же в Москву была отправлена телеграмма вдове Богословского от имени Президиума АН, за подписью Президента АН А.П. Карпинского и неперменного секретаря С.Ф. Ольденбурга: “Глубоко опечаленный внезапной кончиной Михаила Михайловича Президиум Академии просит Вас принять выражение искреннего соболезнования тчк Ваше горе разделяется всей русской наукой и всеми кто имел счастливую возможность работать [с] Михаилом Михайловичем тире замечательным ученым и прекрасным человеком тчк Пусть это общее сочувствие поможет Вам в эти скорбные тяжелые дни”¹⁴.

Над некрологом С.Ф. Платонов начал работать уже в мае, вероятно, готовя его для “Известий Академии наук”, в которых обычно помещались некрологи академикам.

⁷ Автор говорит о воспоминаниях С.Ф. Платонова и С.К. Богоявленского. См.: *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная (Научное наследие). М., 1987. С. 9.

⁸ СПб. ФА РАН. Ф. 2 (Канцелярия Конференции АН). Оп. 17. Д. 143.

⁹ Там же. Л. 89–93.

¹⁰ Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик за 1929 год. Л., 1930. Т. 1: Общий отчет. С. I–II.

¹¹ На смерть ученого отозвались официальными сообщениями в периодической печати Президиум РАНИОН и Коллегия Института истории, ОИДР при 1-м МГУ и Экспертная комиссия ЦЕКУБУ. См. Известия. 1929. 21 апр. С. 5; 23 апр. С. 4. На Общем собрании АН 24 апреля память ученого почтили вставанием. См.: Известия. 1929. 25 апр. С. 1. (Вырезки из этих газет см.: АРАН. Ф. 636. Оп. 2. Д. 12. См. также Д. 2. Наталья Новикова “Похороны дяди Миши”). Были и статьи-некрологи: *Сыромятников Б.И.* Памяти М.М. Богословского. 1867–20.IV 1929 // Учен. зап. Казан. ун-та. Казань, 1929. Кн. 2. Отд. 5. С. 394–396; *Кизеветтер А.А.* Две утраты: М.М. Богословский и А.Е. Пресняков // Современные записки. Париж, 1930. Т. 41. С. 511–519.

¹² СПб. ФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 143. Л. 77.

¹³ Там же. Л. 78.

¹⁴ Там же. Л. 76.

Скорее всего, С.Ф. Платонов не мог присутствовать на похоронах М.М. Богословского (состоялись 23 апреля), будучи занят в АН (24 апреля открылась весенняя сессия, на которой, в частности, решался вопрос о замещении кафедр недавно умерших академиков). Но можно предполагать его присутствие в Москве на поминках, где он общался с близкими людьми, пользовался их сведениями и советами, как лучше отметить память М.М. Богословского.

12 мая 1929 г. член-корреспондент Д.Н. Егоров писал С.Ф. Платонову: “Дорогой Сергей Федорович. Вчера видел Сергея Константиновича (Богоявленского. – А.М.). Он обещал мне сообщить для Вас еще кое-какие дополнительные данные, но высказал опасение за их полноту... А почему бы для Академии не вытребовать из архива Моск[овского] Унив[ерсите]та не только *формуляра* Михаила Михайловича, но и его “дела” (выделено Д.Н. Егоровым. – А.М.). Несомненно, что будут статьи подробные и самая точная канва. Притом могут оказаться и ряд сюрпризов: ранние работы М.М., получившие премию, детальные о них отзывы и пр. Что касается меня, то двигаюсь, но не слишком уверенно и быстро”¹⁵.

Указание Д.Н. Егорова на подготовку им некоторой работы о М.М. Богословском в совокупности со свидетельствами о том, что подобные материалы готовили Ю.В. Готье, М.К. Любавский, Н.М. Дружинин, И.А. Голубцов, С.А. Голубцов¹⁶, С.В. Бахрушин¹⁷, С.К. Богоявленский¹⁸, выступавшие с докладами и на специальных заседаниях памяти М.М. Богословского, и в домашней обстановке с воспоминаниями о нем, позволяет, на наш взгляд, предположить, что близкие и коллеги М.М., его ученики думали и о подготовке сборника статей его памяти, тем более что при жизни М.М. велись разговоры о возможности празднования 35-летия его научной и педагогической деятельности, предполагали приурочить к этому событию и сборник статей, от чего М.М. по ряду личных причин счел необходимым отказаться¹⁹. 9 мая Е.П. Богословская писала С.Ф. Платонову: “Осенью предполагаются заседания в память М.М. со многими докладами. И теперь каждое заседание историков начинается краткой речью, посвященной его памяти”²⁰. Сам С.Ф., вероятно, в начале мая выступил с такой речью на заседании Отделения гуманитарных наук АН²¹.

21 мая, приступая к работе над некрологом, С.Ф. Платонов, следуя совету Д.Н. Егорова, обратился в Правление 1-го МГУ с просьбой выслать для АН имеющиеся в архиве университета формулярный список и личное дело Богословского “для извлечения из этих материалов подробных сведений о его научной деятельности”²². 6 июня Фундаментальной библиотекой 1-го МГУ на имя С.Ф. Пла-

¹⁵ Там же. Л. 86–86 об. Автограф.

¹⁶ Об этом известно из письма Е.П. Богословской С.Ф. Платонову от 26 октября 1929 г. См.: ОР РНБ. Оп. 1. Ф. 585. Д. 2319. Л. 18 об.

¹⁷ Сохранились черновые автографы, по-видимому, двух выступлений С.В. Бахрушина памяти М.М. Богословского. Ср.: *Дубровский А.М.* Неопубликованные историографические работы С.В. Бахрушина в Архиве АН СССР // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 287. Оба документа не имеют даты. Выступление за заседании Комиссии по истории быта московского отделения ГАИМК, на основании содержания и опубликованной хроники, мы относим к 24 мая 1929 г. См.: АРАН. Ф. 624 (С.В. Бахрушин). Оп. 1. Д. 552а. Л. 1–11; *Мордвинова В.* В Культурно-исторической секции Общ[еств]а [изучения московской губернии] // Московский краевед (М.). 1929. Вып. 4 (12). С. 68. Другое выступление, вероятно, состоялось в ГИМ. В нем дана оценка деятельности М.М. Богословского в этом музее. (Там же. Л. 12–16). Текст выступления цитируется в исследованиях: *Дубровский А.М.* С.В. Бахрушин и его время. М., 1994. С. 157–158; *Халина Т.И.* “В науке приятно быть и простым чернорабочим”: М.М. Богословский // *Историки России XVIII – начала XX века.* М., 1996. С. 658, 670, 673, 677.

¹⁸ В некрологе приведена обширная цитата – характеристика М.М. Богословского, данная С.К. Богоявленским, возможно это и есть те сведения, которые Богоявленский обещал сообщить Д.Н. Егорову для С.Ф. Платонова.

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2325. Л. 38–40.

²⁰ Там же. Д. 2319. Л. 7 об.

²¹ Там же.

²² СПб. ФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 143. Л. 85.

тонова было отправлено четыре дела из архива университета сроком на два месяца, которые были получены в АН 13 июня²³. По всей видимости, факультетскую записку о научных трудах М.М., цитируемую в некрологе, Платонов извлек из этих дел.

Работа над некрологом могла затянуться. События, развивавшиеся в АН летом и осенью 1929 г., отнимали у Платонова слишком много времени и сил²⁴.

Характерная черта некролога – стремление не только дать оценку содеянному Богословским на научном поприще, но и передать образ М.М. как человека. Для С.Ф. это являлось не менее важным. В особенности если принять во внимание их многолетние неизменно доброжелательные отношения, перешедшие в семейную дружбу, что хорошо видно на материале их переписки. Во время приездов в Москву Платонов, как правило, останавливался на квартире Богословского, а Богословский был постоянным гостем Платонова в Ленинграде²⁵. Безусловно, Платонов рассчитывал в первую очередь на восприятие своей работы широкой научной, академической общественностью, но особенно важной, в какой-то мере определяющей, являлась для С.Ф., называвшего себя учеником В.О. Ключевского, оценка близких знакомых, группировавшихся вокруг М.М. московских историков. Закончив некролог, С.Ф. Платонов, видимо, передал его С.В. Бахрушину и попросил ознакомить с ним С.К. Богоявленского, М.М. Богоявленскую, Ю.В. Готье и М.К. Любавского, Е.П. Богословскую.

13 декабря 1929 г. Бахрушин отвечал Платонову: “Поручение Ваше я исполнил. Некролог Мих[аилу] Мих[айловичу] я показал Серг[ею] Конст[антинovichу] и Марии Михайловне, Юрию Владим[ировичу] и затем отнес к Елизавете Петровне, которая оставила его у себя, чтобы переписать²⁶. Она обещала показать его Матвею Кузьмичу (я дважды и оба раза неудачно заходил к нему). Подлинник Елиз[авета] Петровна хотела вернуть мне, а я, если позволите, сохраню его у себя, это было бы мне вдвойне дорого, и как память о дорогом Мих[аиле] Мих[айловиче], отсутствие которого мы сейчас особенно живо все чувствуем, и как написанное Вами. Очень хороши, изящны свойственным Вам изяществом те строки, в которых в двух-трех словах рисуется живой и цельный образ Мих[аила] Мих[айловича]”²⁷.

В 1999 г. исполняется 70 лет со дня смерти М.М. Богословского и столько же с начала так называемого Академического дела, главой которого объявили С.Ф. Платонова и по которому пострадали крупнейшие отечественные историки дореволюционной школы. Одной из ключевых фигур уже посмертно сделали и М.М. Богословского²⁸, что, по всей видимости, и явилось основной причиной, почему некролог так и не был напечатан.

²³ Там же. Л. 87–88.

²⁴ *Перчонок Ф.Ф.* Академия наук на “Великом переломе” // Звенья: Ист. альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 195–202; *Колобков В.А.* Сергей Платонов: Год накануне ареста // Источниковедческое изучение памятников культуры в собраниях и архивах ГПБ: История России XIX–XX вв.: Сб. науч. тр. Л., 1991. С. 17 и сл.; *Шмидт С.О.* Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине 1926 г. и противоборство историков // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 39–76; *Он же.* Сергей Федорович Платонов и “Дело Платонова” // Советская историография. М., 1996. С. 230–236; *Он же.* Сергей Федорович Платонов (1860–1933) // Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 544–549.

²⁵ “Со смертью дорогого М.М. Богословского я потерял в Москве очар”, – писал С.Ф. Платонов. См.: Письмо С.Ф. Платонова 16 сентября 1929 г. / Публ. М.А. Айвазяна, коммент. и послесл. С.О. Шмидта // АЕ за 1996 год. М., 1998. С. 367 и сл.

²⁶ И такой недатированный автограф, принадлежащий, судя по почерку, Е.П. Богословской, действительно, сохранился. Текст переписан не полностью и оканчивается словами: “...члена Экспертной Комиссии Цекубу”. См.: АРАН. Ф. 636. Оп. 2. Д. 23. Л. 3–5 об.

²⁷ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2212. Л. 16–17. (За возможность ознакомиться с этим текстом автор признателен С.О. Шмидту.)

²⁸ Академическое дело 1929–1931 гг.: Док. и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова; То же. СПб., 1998. Вып. 2. Ч. 1–2: Дело по обвинению академика Е.В. Тарле.

Некролог М.М. Богословскому представляет значительный историографический интерес. Особо ценно то, что это одно из последних завершенных произведений С.Ф. Платонова, введение в научный оборот которого расширяет наши представления о творческой деятельности ученого в месяцы, предшествующие аресту. Некролог и материалы, с ним связанные, – свидетельства тесных научных и личностных взаимосвязей историков Москвы и Ленинграда. Документ важен и в плане изучения научной биографии М.М. Богословского, и как источник по истории исторической науки в канун переломных 1929–1931 гг.

Текст печатается с сохранением орфографии оригинала по рукописи АРАН.

А.В. Мельников

[М.М. Богословский]

М.М. Богословский родился в Москве 25 (13) марта 1867 года. По окончании курса Московский 5-й гимназии¹ в 1886 году он поступил на Историко-филологический факультет Московского университета. Своими учителями он почитал В.О. Ключевского, В.И. Герье и П.Г. Виноградова, которых слушал в пору наибольшего расцвета их научно-педагогической деятельности². По окончании курса университета в 1890 году с золотой медалью за сочинение о писцовых книгах М.М. был оставлен для приготовления к профессуре и числился при университете до 1894 года. Весною 1898 года он был принят в приват-доценты Московского университета. В 1902 году, 22 ноября, М.М. защитил в Московском университете свою магистерскую диссертацию “Областная реформа Петра В. Провинция 1719–1727 гг.” (М., 1902), а в 1909 году, в тот же день, 22 ноября, защитил и докторскую диссертацию “Земское самоуправление на русском севере в XVII веке. Том I.” (М., 1909). По получении докторской степени М.М. стал профессором Московского университета (экстраординарным с 1911 года, ординарным с 1915 года), а затем 2 апреля 1921 года он был избран академиком Академии Наук СССР. Таковы внешние вехи ученого пути М.М. Богословского. Преподавание истории и кабинетная исследовательская работа исчерпывали все время нашего ученого. Отдыхом для него служили поездки по России и за границу. В последний раз М.М. посетил Западную Европу в 1927 году, будучи командирован Академией в Париж по делу получения известного наследства А.Ф. Онегина³.

Ученый и литературный талант М.М.-ча в прекрасной школе Московского факультета 80–90 годов прошлого столетия получил надлежащую обработку. Уже первые труды нашего ученого обнаруживают основные свойства его ученой работы: способность овладевать сложными комплексами архивного материала, точность и ясность обобщающей мысли и редкое изящество изложения. На первых порах внимание М.М.-ча было обращено на так называемую “эпоху преобразований” и среди разных статей, ей посвященных, главное место занимала магистерская диссертация, посвященная исследованию областных учреждений Петровской эпохи в связи с состоянием местного населения, тяжело переживавшего правительственные реформы. Затем ученый интерес М.М.-ча был перенесен на изучение социальной структуры русского севера. Среди многих весьма ценных работ М.М.-ча о хозяйственных организациях, церковных и мирских, на севере первое место занимает обширное исследование, в двух томах, о северно-русском Земском самоуправлении. В нем с полнотою был восстановлен юридический и экономический быт северного крестьянства с отчетливым изображением его внутренней эволюции от примитивных форм древности к позднему классовому расслоению XVII–XVIII вв. По выражению одной Московской факультетской Записки о трудах М.М. Богословского, оба здесь названные крупнейшие сочинения М.М.-ча “заяли место среди той классической научной лите-

ратуры по русской истории, которая образует цикл необходимого изучения в области этого предмета наряду с трудами Соловьева, Кавелина, Чичерина” и др. Приблизительно с 1912 года начинают появляться в печати статьи М.М.-ча, посвященные Петру Великому, и М.М.-ч окончательно погружается в изучение архивных материалов Петровской эпохи с целью восстановления истинных форм преобразований Петра и упразднения тех легенд, какими историки всех времен, до знаменитой панегирической “Истории Петра Великого” Устрялова⁴, окружали личность и деятельность Петра. Эта работа М.М.-ча, поистине громадная, остановилась с его кончиною на 1700 году, на изложении дипломатических переговоров дьяка Украинцева в Константинополе. Четыре тома труда М.М.-ча “Петр Великий. Материалы для биографии” вполне закончены и отделаны. Они сданы автором в Рукописное Отделение Академической библиотеки и могут быть напечатаны. Пятый том заканчивался и мог бы теперь быть напечатан вместе с первыми четырьмя⁵. Над эпизодом Стамбульских переговоров Украинцева М.М. трудился с особым вниманием, даже увлечением: его прямо прельщало необыкновенно талантливое изложение дипломатических и бытовых подробностей в “статейном списке” (отчете) этого посольства⁶.

Обработку своих главных тем М.М. всегда сопровождал рядом экскурсов на родственные сюжеты. Так, работая над историей Земского самоуправления на севере, он дал отдельное исследование о действовавшем там Судебнике 1589 года; представил особую характеристику северного монастыря, как своеобразной хозяйственной организации, и т.п. Изучая областную реформу 1719 года, М.М. дал ряд статей по истории России первой половины XVIII века – времени, когда реформа эта искажалась и замирала. Общее число второстепенных произведений М.М.-ча доходит до сотни⁷. Следует отметить, что он охотно давал обстоятельные отзывы о появлявшихся трудах по русской истории. Вообще же он не стремился печататься и не лёгко брался за перо.

В Академии Наук М.М., сверх обычного участия в заседаниях, нес в течение семи с лишком лет обязанности члена экспертной комиссии ЦЕКУБУ⁸. В 1926 году ему поручено было составление актов речи в годовом собрании Академии Наук 2 февраля, и он выступил с речью на тему “Русское общество и наука при Петре Великом”⁹. Других поручений и административных должностей он не имел.

Люди, мало знавшие внутреннюю жизнь М.М.-ча, могли наблюдать в нем только постоянную сдержанность, даже некоторую замкнутость. Спокойный и медлительный, он не любил многословия и суеты¹⁰. Но в кругу своих близких это был очаровательный человек, общительный, ласковый, бесконечно добрый и до последней своей болезни жизнерадостный. Он любил детей, и дети его любили, и в его общении с детьми можно было наблюдать те свойства простоты и безыскусственности, которые так талантливо сказывались в его ученых произведениях – всегда изящных, простых по форме, скрывавших за своей безыскусственностью сложнейший исследовательский труд¹¹. Общение с М.М.-чем всегда бывало источником умственного и морального наслаждения. Вот какую характеристику М.М.-ча дает его близкий друг (С.К. Богоявленский), наблюдавший М.М.-ча, можно сказать, ежедневно: “Редкий день мы не видались и не обменялись мыслями о виденном и прочитанном. Новые книги обязательно подвергались совместному обсуждению, и мне не раз приходилось изумляться ясности и четкости мысли М.М. Он постоянно сообщал о ходе своих научных занятий, и тут нельзя было не подметить некоторых черт его ученой психологии. Прежде всего – его способность, не разбрасываясь по сторонам, сосредоточиваться на одной определенной работе. Если М.М. занимался посольством Украинцева, то только это и занимало его ум; и когда он сидел за письменным столом, и когда отходил от стола, даже когда мирно беседовал с друзьями, то не раз возвращался к текущей теме и цитировал отрывки из “статейного списка”. Когда М.М.-чу

по ходу работ в Историческом Музее надо было подготовить доклад об имуществе гостей Лузиных*, то все другие работы откладывались в сторону¹². Такая непрерывная умственная работа в одном направлении протекала естественно, без внутренних понуждений, и была для М.М. насыщенной потребностью, а не работой, после которой требовался отдых. И действительно, М.М. прерывал работу только по принуждению, а не по собственному желанию, и на курортах, где он жил, самые соблазнительные перспективы прогулок не заставляли М.М. отрываться от утренних и дневных занятий. Постоянная, сосредоточенная в одном фокусе умственная работа М.М., необходимая ему для удовлетворения его же собственного интереса, наложила определенную печать на его ученые труды. Я думаю, никому и в голову не приходило усомниться в ученой добросовестности М.М. Он не искал ученой славы, не стремился поражать парадоксами и не выдумывал их, не старался принять факты к идее, а пытливо анализировал источники и не успокаивался, пока не определял всей совокупности обследуемых фактов со всеми относящимися к ним деталями. Изобилие деталей характерно для работ М.М. Ему было бы просто неприятно оставить что-нибудь в исследуемом вопросе неясным и недоговоренным. Но детали не загромождали исследований М.М., а являлись частью одной целой картины. Он обладал высоко развитым художественным воображением и мыслил не туманными расплывчатыми абрисами и очертаниями, а образами во всей полноте и со всеми деталями. М.М. и в других очень ценил такие детальные исследования”.

Эта ценная характеристика М.М.-ча как ученого дана человеком, отлично его знавшим. К ней нечего прибавить. Ученый интерес М.М.-ча исчерпывал его всего. В точном смысле этого слова его можно назвать подвижником науки. И как талантливый подвижник, он успел соединить вокруг себя большой круг учеников и ученых друзей. Вокруг его гроба, чтобы проводить его к скромной могиле на Новодевичьем кладбище¹³, собрались многие сотни людей, почитавших его как ученого и человека.

окт. 1929

С. Платонов

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ О 5-й московской гимназии см.: *Шмидт С.О.* Арбат в истории и культуре России // Арбатский архив: Ист.-краевед. альманах. М., 1997. Вып. 1. С. 50–52.
- ² О своих университетских учителях, Василии Осиповиче Ключевском (1841–1911), Павле Гавриловиче Виноградове (1854–1925) М.М. Богословский оставил воспоминания, на страницах которых часто встречается и имя Владимира Ивановича Герье (1837–1919). См.: *Богословский М.М.* Биография, мемуаристика, эпистолярия... “Этим троим своим учителям, я одинаково обязан и вспоминаю о них с одинаковой благодарностью”, – писал М.М. Богословский (цит. по: *Черепнин Л.В.* Отечественные историки... С. 94). “Считаю для себя особым счастьем, что выпало на долю учиться у таких учителей и, если, действительно, удалось что-либо в дальнейшем сделать на научном поприще, то всецело обязан достигнутым результатам их урокам” (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2322. Л. 22 Curriculum vitae М.М. Богословского. 8/21 янв. 1921 г.).
- ³ Онегин (Отто) Александр Федорович (1845–1925) – коллекционер, пушкинист, жил в Париже, свою коллекцию материалов А.С. Пушкина и о нем завещал России. В апреле–июне 1927 г. М.М. Богословский был командирован АН на Конгресс исторических наук (Congrès des sciences historiques) в Париж и, кроме того, должен был оформить документы о переправке коллекции в Пушкинский Дом АН. См.: Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик за 1927 год. Л., 1928. Т. 2. Отчет о научных командировках и экспедициях. С. 22–25; СПБ. ФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 143. Л. 67–69 об; АРАН. Ф. 636. Оп. 3. Д. 1. Л. 1–12.
- ⁴ Устрялов Николай Герасимович (1805–1870) – историк, профессор Петербургского университета, академик, автор книги “История царствования Петра Великого” (СПб., 1858–1864. Т. 1–4, 6).
- ⁵ Четыре тома, которые имеет в виду С.Ф. Платонов, это тома 1–3 по изданию 1940-х годов. Мы полагаем, что издатели объединили в один том о Великом посольстве второй и третий тома по автор-

* В тексте слово *Лузиных* написано над строкой чернилами от руки вместо зачеркнутого слова *Юдиных*. См.: АРАН. Ф. 636. Оп. 2. Д. 10. Л. 5.

- ской нумерации. Когда первые три тома сочинения “Петр Великий. Материалы для биографии” были уже полностью закончены, подготовлена значительная часть четвертого тома, Богословский в январе 1925 г. обратился через Платонова в АН с просьбой о денежном кредите на снятие с рукописи машинописной копии в трех экземплярах. См.: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2325. Л. 2–2 об; ОПИ ГИМ. Ф. 442 (М.М. Богословский). Оп. 1. Д. 55. Л. 9 об. В 1925–1926 гг. один из экземпляров первых четырех томов Богословский передал на хранение в ОР БАН, второй – в ОР ГБЛ, третий, надо полагать, оставил у себя. См.: СПб. ФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 143. Л. 25–25 об; ОПИ ГИМ. Ф. 442. Оп. 1. Д. 39. Л. 125–127. Пятый том перепечатывали под наблюдением Е.П. Богословской при содействии С.Ф. Платонова уже после смерти М.М. См.: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2319. Л. 7, 13 об. И вероятно, в то время он не был передан на хранение. В личном фонде историка в АРАН имеется только первый том машинописи (Д. 4а). При этом автограф труда “Петр Великий. Материалы для биографии” сохранился полностью (Д. 4, 5, 6, 7, 8). Судьба остальных машинописных экземпляров пока остается неизвестной. Имеются сведения, что, вероятно, в 1929–1930 гг. машинопись, о которой говорит в некрологе С.Ф. Платонов, была передана из БАН на хранение в ГБЛ (СПб. ФА РАН. Ф. 7. “Архив АН” Оп. 1. Д. 240. Л. 84). В РГБ в настоящее время ни этот экземпляр, ни тот, который передавал на хранение в ГБЛ сам М.М. Богословский, не обнаружены*. В то же время, сверка автографа с текстом издания “*Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии*” (М., 1940–1948. Т. 1–5) и изучение других материалов фонда позволили установить, что авторский текст подвергся существенной конъюнктурной правке, отразившейся не только в изменении названия. См.: АРАН. Ф. 636. Оп. 1. Д. 36 (“Акад. М.М. Богословский. Петр I”^н. Том третий. Текст, не вошедший в издание 1946 г.) Л. 1–65. Машинопись мелким шрифтом через пол-интервала на маленьких листках кальки. Купюры перепечатаны со ссылкой на главы и страницы третьего тома и рукописи М.М. Богословского. Незначительная авторская правка позволяет предполагать, что, возможно, эта работа была выполнена Е.П. Богословской, причем текст перепечатан был не в одном экземпляре. Копия была передана в семью Богоявленских**.
- 6 В одном из последних писем С.Ф. Платонову от 2 февраля 1929 г. М.М. Богословский пишет: “...я теперь в Константинополе – 3 июля, наконец после долгих переговоров и по многих спорах заключил тридцатилетнее перемирие и 7-го июля отправил оттуда гонцов Гура Украинцева и Никиту Жерлова в Москву с известием. Итак, как видите, чтобы добраться до 22 августа надо еще порядочно пережить – более полутора месяцев. Я работал параллельно: середину дня посвящал добыванию документов в Архиве, а утро – их обработке. Совсем отстранился от современности и ушел в 1700-й год” (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2329. Л. 10 об.). Сохранилась и беловая копия статейного списка дьяка Е.И. Украинцева, выполненная М.М. Богословским, на последнем листе которой стоит дата – 1 апр[еля] 1929 г. См.: АРАН. Ф. 636. Оп. 1. Д. 16. Л. 44–387 об.
- 7 Список трудов М.М. Богословского (впрочем, не совсем полный) опубликован в кн.: *Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная...* С. 176–180.
- 8 Экспертная комиссия при Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ), созданная в 1922 г., отвечала главным образом за премирование научных работников за научные открытия и исследования и решала вопрос об отнесении научных работников к определенной категории, в соответствии с которой назначались социальные пособия, пенсии и т.п. Штат комиссии был сформирован из известных ученых – представителей от государственных органов, научных учреждений. Председателем был М.Н. Покровский. Экспертом по естественным наукам от АН долгие годы выступал А.Н. Северцов, по гуманитарным (со времени основания комиссии) – М.М. Богословский.
- Дела, связанные с Экспертной комиссией, – это и один из постоянных сюжетов переписки М.М. Богословского и С.Ф. Платонова, через которых ходатайствовали в ЦЕКУБУ ученые-гуманитарии или их родственники. На заседаниях комиссии у Богословского часто возникали трудности; например, 6 ноября 1924 г. он писал Платонову: “О С.В. Рождественском я уже поднимал речь в Экспертной комиссии. Об А.А. Спицине скажу, когда придет очередь историков и археологов, чающих утешения и повышения. Увы только! заранее вижу малую вероятность успеха. Дела о повышении историков держит в своих руках М.Н.П[окровский], и ожидать тут чего-нибудь положительного едва ли возможно. Всегда я склонен гораздо более к минусу, чем к плюсу. Я, насколько могу, возражаю, но при голосовании остаюсь в ничтожном меньшинстве, а по большей части даже в единственном числе” (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2324. Л. 24–24 об.).
- 9 С.Ф. Платонов не совсем точен: М.М. Богословскому еще в 1923 г. было предложено подготовить речь к юбилею 200-летия АН. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 442 (М.М. Богословский). Оп. 1. Д. 54. Л. 70. Речь “Русское общество и наука при Петре Великом” должна была прозвучать на праздничных торжествах в сентябре 1925 г. (Там же. Д. 55. Л. 35), но первоначальная программа юбилея получила иное содержание, речь М.М. Богословского отменили (Там же Л. 42), поэтому она была произнесена на годовом собрании АН 2 февраля 1926 г. Ее публикацию см.: Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик за 1925 год. Л. 1926. С. 3–28.

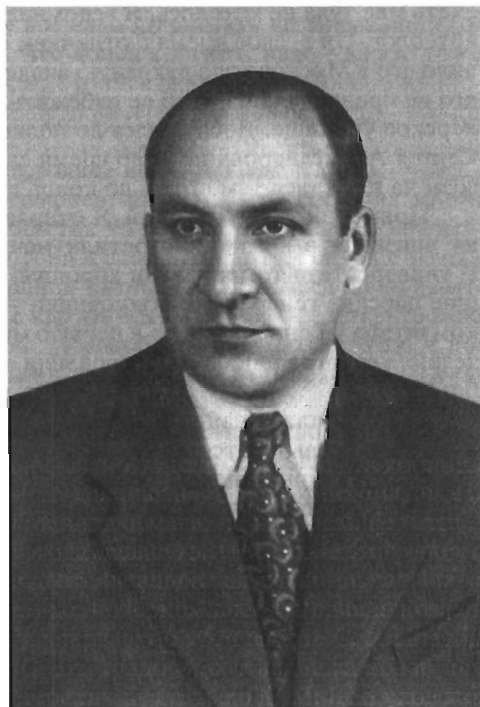
* От редакции: На запрос АК в РГБ был получен ответ, что машинопись находилась в кабинете директора библиотеки В.И. Невского во время его ареста в 1935 г.

** Возможность ознакомиться с этим документом нам была любезно предоставлена Маргаритой Михайловной Богоявленской, внучкой С.К. Богоявленского.

- ¹⁰ Такие черты поведения, как чуткость, отзывчивость и одновременно сдержанность, отмечал у М.М. Богословского и Ю.В. Готье. См.: *Готье Ю.В.* Мои заметки. М., 1997. С. 330.
- ¹¹ С.В. Бахрушин писал о М.М. Богословском: “С каждым он находил *предмет для разговора и об- щий язык*. Старики и дети, взрослые и подростки, все одинаково подчинялись *обаянию его лично- сти*, тому уюту, который он распространял вокруг себя” (выделено С.В. Бахрушиным. – *А.М.*) См.: АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 552а. Л. 8.
- ¹² Имеется в виду доклад “Имущество гостя Семена Лузина”, подготовленный в рамках плановых ра- бот в Разряде общем историческом ГИМ. Датировать доклад можно 1924 годом. См.: Отчет о де- ятельности Российской академии наук за 1924 год. Л., 1925. С. 35; Отчет Государственного Исто- рического музея за 1916–1925 гг. М., 1926. С. 74–75. В личных фондах историка в АРАН и ОПИ ГИМ текста доклада или черновых материалов к нему нам обнаружить не удалось. Пока известно только то, что объем этого труда, подготовленного к печати, составлял 4 п.л. См.: АРАН. Ф. 636. Оп. 3. Д. 13. Л. 16, 36. Результат изучения документов об имуществе С. Лузина нашел отражение в книге о Петре Великом. См.: *Богословский М.М.* Петр I: Материалы для биографии. М., 1946. Т. 3. С. 262.
- ¹³ *Кипнис С.Е.* Новодевичий мемориал. Некрополь монастыря и кладбища. 2-е изд., испр. и доп. М., 1998. С. 149.

К 90-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА РЫБАКОВА

Всемирно знаменитый исследователь, педагог, организатор науки Борис Александрович Рыбаков является и членом Археографической комиссии, и мы глубоко признательны ему за действенную поддержку наших начинаний, за выступления на заседаниях Комиссии, публикацию работ в ее изданиях. Это – высокая честь для Археографической комиссии. В “Археографических ежегодниках” за 1968, 1983, 1988, 1993 годы уже печатались материалы к юбилеям ученого, родившегося 3 июня 1908 г. В сборнике “Культура славян и Русь”, выпущенном издательством “Наука” к 90-летию академика Б.А. Рыбакова в 1998 г., помещена моя статья “Материалы академика Б.А. Рыбакова и о нем в архивном фонде академика М.Н. Тихомирова”. В настоящем “Археографическом ежегоднике” публикуются газетные материалы, подготовленные музейным работником и краеведом Татьяной Васильевной Смирновой – дочерью всероссийски известного костромского краеведа В.И. Смирнова.

Б.А. Рыбаков. 1950-е годы

Это – перепечатка из “Краеведческого вестника” – приложения к газете “Вперед”, издающейся в г. Сергиев Посад. В Хотьково, близ Сергиева Посада, ученый с начала 1970-х годов живет в летние месяцы. В сентябре 1995 г. академик выступал перед местными гимназистами с лекцией на тему “Откуда есть пошла русская земля”, а в конференц-зале библиотеки – с лекцией о культуре Древней Руси. Об этом тоже сообщали в “Краеведческом вестнике”¹.

Записанные Т.В. Смирновой рассказы интересны для изучения и биографии ученого, и его манеры популярно излагать результаты своих исследований. Перепечатка материалов подобного рода имеет особое значение и в собственно источниковедческом плане, показывая, что важные для историка историографические источники можно обнаружить и в местных массовых периодических изданиях. А они отнюдь не всегда учитываются библиографами. Потому и обращаем внимание на этот интересный газетный материал, обогащающий наши представления о жизни и творчестве Бориса Александровича Рыбакова.

С.О. Шмидт

¹ Краеведческий вестник. Прил. к газ. “Вперед” (Сергиев Посад). 1995. 23 сент.

“Копья поют...”

Закончил я в 1930 году университет и поступил на работу в Александровский музей. Работа мне нравилась: много интересных экспонатов, архитектура XVI века, даже сохранилась палата, где Иван Грозный убил сына.

Но вскоре я прочел в газете объявление с перечнем лиц, которые должны явиться в комиссию по распределению. А неявившихся обещали отправить административным порядком. Я явился. И меня распределили в маленький городок на Урале, в музей. Работа там предстояла далекая от моей специальности. Потому ехать мне туда не хотелось. Я вспомнил, как поступил В.А. Городцов, известный археолог. Он в свое время с отличием окончил семинарию, и начальство направило его в Московскую духовную академию. Но служба по духовному ведомству его не привлекала. И чтоб ее избежать, он неожиданно для всех поступил в юнкерское училище. Дослужился до полковника, был адъютантом великого князя Сергея Александровича. А во время службы познакомился с Историческим музеем да и остался там потом до конца дней.

Пример был подходящий. Я отправился в военкомат и попросил, чтобы меня призвали в армию. Встретили меня очень хорошо, спросили, что я знаю. В университете тогда давали хорошую военную подготовку. Преподавали бывшие царские генералы и полковники – Бутурлин, например. Он был начальником штаба у Ренненкампа в первую мировую войну. А как археолог я знал геодезию, картографию. Меня отправили в первую московскую дивизию, в учебную батарею.

Располагалась наша батарея в Крутицком подворье. (Над его проездными воротами возвышается Крутицкий теремок – один из интереснейших памятников архитектуры Москвы конца XVII века. Фасад выложен многоцветными изразцами. Зодчим был Осип Старцев, тот, который выстроил в Троице-Сергиевом монастыре Трапезную и Царские Чертоги.)

Каждый раз, как мне приходилось выезжать верхом из ворот, я испытывал особый подъем. С детства я интересовался архитектурой Москвы. Уже в 13 лет у меня возникало какое-то торжественное состояние, когда я имел дело с древними памятниками.

А когда готовились к первомайскому параду 1931 года, мы выезжали по ночам на Красную площадь. Один раз даже с факелами. И я чувствовал себя так, как будто я участник каких-то событий XVI или XVII века.

Военная служба и летние офицерские сборы, которые бывали каждый год до самой Отечественной войны, позволили мне – историку – хорошо изучить конное дело. Я узнал все – от “рубки лозы” до стратегических расчетов скорости конных войск. И с холодным оружием научился обращаться. Мне это было очень интересно. Ведь в Историческом музее, где я проводил столько времени в студенческие годы, много старинного оружия. А гуманитарии не очень знали, как оно применялось. Я понял, например, что не все типы мечей, находившихся в музее, были пригодны для конного боя. Некоторые мечи могли использоваться только как ритуальное оружие, в торжественных случаях. Я чуть руку не вывихнул, испытывая эти мечи.

После окончания военной службы стал я понемногу присматриваться к “Слову о полку Игореве”. Там немало темных мест. Вот, например, некоторые исследователи считали, что Игоревое войско одно время билось с половцами спешившись, т.е. сойдя с коней. А на самом деле всадники, сражавшиеся три дня без воды, не спешили, а пересели на свежих коней во время битвы. Пеший не мог дотянуться до шлема врага, сидящего на коне, а в “Слове...” прямо говорится, что русские мечи гремели по половецким шлемам.

Или в другом месте “Слова...” сказано о движении конной рати, что она “притоптала холмы и овраги, взмутила реки и озера, иссушила потоки и болота”.

Можно принять эти строки за былинную гиперболу, когда богатырь скачет “выше лесу стоячего, ниже облака ходячего”. А это вполне реальная картина марша нескольких кавалерийских корпусов по одному маршруту: вытоптана трава на холмах, обрушены склоны оврагов, замутилась повсюду вода от водооя тысяч коней, затоптаны копытами мелкие ручьи и мочажины.

Хотелось мне установить место битвы Игоря с половцами. Известно, что произошла она на реке Каяле. Но где эта Каяла? Некоторые исследователи считали, что это Калка. Но Калка находится у Азовского моря – примерно в 400 км от той последней точки, которую можно было определить как место остановки Игоря за 10–12 часов до битвы. Вообще все надо принимать во внимание: скорость обоза, скорость всадника, помнить, что коней кормить надо – на это тоже время требуется, и т.п. И если, например, в летописи сказано, что Владимир Мономах ехал из Чернигова в Киев от заутрени до вечерни, то мне понятно – он мог сделать это только на подставных конях.

А пройти за 10–12 часов на конях расстояние в 400 км невыносимо.

Я увлекался еще исторической географией, картами, сам составил много карт. Любил перелагать исторические события на реальную основу. И вот изучил местность, изучил маршрут войска Игоря и составил карту. На ней с точностью до 10 км можно было определить район битвы. Прошло несколько десятков лет. И я обнаружил атлас 1847 года с картой Юга России. Представьте мою радость: там, где я обозначил место битвы, указан был овраг Скелеватой. А по-тюркски – Каяла – скалистая. По-украински это слово будет “скелеватая”. Речка была маленькая, сейчас она пересохла.

Ну, а если еще говорить о кавалерийских делах, то есть в “Слове...” загадочное место о родных братьях Рюрике и Давыде, о том, что несогласно, “розно” они действуют. Сказано так: “...нъ розно им хоботы пашут, копия поют”. Хоботы – это знамена в виде полых конусов с открытым отверстием на конце. Такие знамена были с давних пор у многих народов. При движении войска хоботы наполнялись воздухом и извивались – “пахали”.

Старший брат, Рюрик, был основательным, серьезным, верным чувству долга человеком. Он участвовал во многих сражениях с половцами. А младший, Давыд, когда половцы под предводительством Кончака угрожали Киеву, собрал свое войско и ушел домой, в Смоленск. Так что по-разному развевались их хоботы.

“Копья поют” – как это понимать? Мне однажды на маневрах удалось услышать. Наша разведка шла легкой рысью в районе Звенигорода. Навстречу – кавалерийский эскадрон с пиками, притороченными к седлам вертикально: в седлах специальные кожаные гнезда были. Мы спускались с высокого берега, а встречный эскадрон поднимался. И я услышал – это потрясающе! – в пиках пел ветер, как поет Эолова арфа. Ветер был довольно сильный на гребне, и мелодичный звук арфы слышался ясно.

Рассказ Б.А. Рыбакова записала *Т. Смирнова*

Детские годы академика Рыбакова

– Борис Александрович, как вы считаете, когда у вас проявился интерес к истории, к археологии?

– В пятилетнем возрасте отец подарил мне Детскую энциклопедию. Она сыграла большую роль в моей жизни. Читать я научился в четыре года. И особенно любил книги об истории.

А непосредственное соприкосновение с историей почувствовал, когда меня, пятилетнего, мама повела к нянюшке Акулине в богадельню. Это была не моя няня. Она жила еще у моего прадеда, потом деда. Родилась в 1807 году. Рассказ

зывала нянюшка, как встречали французских солдат наполеоновской армии. Жила она тогда в Смоленской губернии. Помните “Войну и мир”? Именье князя Болконского, как раз в Смоленской губернии было.

Ничего особенного нянюшка не рассказала: семья залезла в подпол и просидела там ночь. А утром пришли соседи и сказали: “Вылезайте”. Этот простой рассказ как-то запал в душу, великие исторические события стали ближе.

А интерес к археологии появился, пожалуй, впервые, когда я попал в Генуэзскую крепость XIV века. Мы проводили лето в Крыму, в Судак. Мне было уже 7 лет.

С осени 1918-го меня не было в Москве. Несколько тысяч московских школьников погрузили тогда на пароходы и увезли из голодной Москвы в хлебобродные губернии. Вернулся я только через три года и принялся изучать старую Москву. За зиму 1921 года обошел все московские монастыри, много занимался в библиотеке Исторического музея – там было тогда детское отделение. А главное – я стал “владельцем” башни Китай-города. Эта башня была между Ильинкой и Варваркой. На верхней площадке росли маленькие березки, трава. Там мы с товарищами сидели, читали. Уходя, я запирали башню на замок. Вот в этой башне я и сделал свою первую археологическую находку: клевец – боевой топорик XVII века.

Кончилось “владенье” башней тем, что нас арестовали и отвели на Лубянку. Но после допроса выпустили. Мне было тогда 14 или 15 лет.

– Скажите, а ваши родители интересовались историей?

– Отец закончил исторический факультет Московского университета. Учился у Ключевского, Любавского, Виппера, Петрушевского. После университета организовал старообрядческий учительский институт. Студенты были детьми богатых купцов. Многие приезжали учиться из Сибири. Деньги на организацию института дал миллионер С.П. Рябушинский.

– А кем была ваша мама?

– Мама была из купеческого рода Блохиных, живших в Немецкой слободе. Дед имел свечное производство. Дочь он отдал учиться в немецкий пансион. Потом она закончила филологический факультет Высших женских курсов Герье. Хорошо знала немецкий и французский.

– Вы сказали, что созданный вашим отцом институт был старообрядческим. Ваши родители были религиозными людьми?

– Дед мой по отцовской линии был богатым коломенским крестьянином-старообрядцем. Был связан с торговлей. А бабушка из касимовских татар. Эти татары были крещены еще в XVI веке. Но родители не были религиозны. У нас в гостиную даже икон не было. И как-то один золотопромышленник, который привез сына отдавать учиться, не найдя иконы, перекрестился на большие часы.

А когда меня отдали в гимназию, то мама настояла, чтобы я не посещал уроки Закона Божия под предлогом старообрядства. Она считала, что это не нужно ребенку.

– Родители окружали вас в детстве заботами или предоставляли самостоятельность?

– В 7 лет я чувствовал себя взрослым, сознательным человеком и жил вполне свободно. В Судак я купался один, хотя еще не умел плавать. Там я совершил и первое путешествие: однажды отправился из Судака в Новый Свет – манило название селения. Надо мной летали орлы, но я их не боялся. Дошел до края гор, до обрыва... Подо мной внизу был Новый Свет. Вернулся, а меня уже искали. И отец, и мать, и бонна, ко мне приставленная (она мало мной занималась). Встретили меня торжественно, обрадовались. Никогда меня не наказывали, не бранили в детстве.

– Наверное, вы хорошо учились?

– Учился хорошо. Сначала дома. Мама занималась со мной русским, арифметикой, немецким и французским. Географию изучал по карте военных дейст-

вий – шла первая мировая война. Я втыкал в карту флажки, обозначая линию фронта. Много читал по истории.

В девять лет меня отдали в частную гимназию Лебедева на Таганке. Я походил полгода в подготовительный класс, а потом заболел. О гимназии остались смутные воспоминания.

Ну а потом, как я уже сказал, школьников вывезли из Москвы, расселили в селах Казанской и Уфимской губерний. Не знаю, почему нас там не учили? Книг, конечно, не было. Почти четыре года я вообще ничего не читал. Грустно было без книг. Педагоги были с нами, но никаких занятий не проводили.

А потом, в Москве, я так увлекся изучением старой Москвы, что запустил занятия в школе. И меня оставили на второй год. Я очень обиделся. Летом подготовился самостоятельно и поступил даже не в следующий класс, а через класс. Таким образом я закончил среднюю школу в 15 лет.

В университет в таком возрасте не принимали. Устроился на работу. И через три года поступил в Московский университет. Колебался: на какой факультет поступать – исторический или филологический. Выбрал все же исторический. Но потом сам составил себе расписание занятий, чтобы посещать некоторые лекции и на филологическом факультете.

– Вспомните, пожалуйста, какие-нибудь случаи из вашего детства больше всего запомнившиеся.

– Одно из самых ярких воспоминаний раннего детства – клетки с белыми и зелеными попугаями. Видел я их, когда мы летом были в Анапе. У меня уже много лет теперь живет попугай – зеленый с красным, Риточка. Разговаривает со мной. Я говорю ей: “Ты, птичка моя”. Как-то при гостях она сказала: “Боря, Боря, я – птичка твоя”.

Самый страшный случай был, наверное, когда меня еще с одним мальчишкой послали из нашей детской колонии за 76 км в Набережные Челны за продуктами. Ехать надо было на санях двое суток, с ночевкой. Едем, глядь – а за нами шесть или семь волков бегут. Парнишка, который со мной был, сказал, что выпряжет лошадей и ускачет. А я схватил топор и стал рубить мясо, которое мы везли в колонию. Рубил и бросал волкам. Это нас спасло.

До сих пор помню свой первый грех. Это еще в Москве было, осенью 1917 года. Был голод. У нас в квартире завелись крысы. И я убил одну крысу топором.

А был случай поистине удивительный. В 1921 году нам пришлось уезжать в Москву из детской колонии. На пароходе доехали до Нижнего. Дальше надо поезде. А в поезд не сесть. У нас остался только маленький узелок свеклы. Развели мы костры на песчаном берегу в стороне от города. Сидим. Вдруг подходит мужик цыганистого вида и обращается к матери: “Барыня, это вы?” Оказалось – внук нянюшки Акулины, Герасим. Он нам помог сесть на поезд. Что-то сказал людям, они втащили маму в вагон. А меня он просто бросил на головы стоявших в вагоне людей. Постепенно я опустился на пол.

– Вы были в детстве современником таких событий, как первая мировая война, революция, гражданская война. Помните ли вы что-нибудь о том времени?

– Война как-то совсем не чувствовалась. Помню, в Судаче мы сидели на террасе каменного дома, а рядом в саду люди пили шампанское, веселились. Это был 1915 год. А в следующем году С.П. Рябушинский закончил строительство дома для служащих автомобильного завода АМО (нынешний ЗИЛ). Мы переехали на новую квартиру на Б. Андроньевскую. Из окон нашего восьмого этажа был Кремль виден. А квартира была такая большая, что я катался в ней на велосипеде.

В конце февраля 1917 года я оказался с прислугой у Яузских ворот, рядом с Воспитательным домом. Мы забрались на высокое крыльцо. По улице шли толпы народа с красными бантами. В тот день я записал в дневнике: “28 февраля. Сегодня у нас была революция”. Жизнь изменилась не сразу. Как обычно, летом

1917 года мы жили на даче. В тот год снимали дачу в Сокольниках. Я там с медведем в малиннике встретился.

Но скоро началось голодное время. Мама варила суп из бычьих хвостов. А мы, мальчишки, воровали рыбу, как лиса из сказки. Тогда воблу возили на санях цугом, то есть двое саней с одним ящиком. Ребята постарше забирались на сани, распарывали мешки с воблой и бросали рыбу на дорогу. А мы подбирали.

Осенью 1917 года по нашим окнам стреляли. Нас после Октябрьского переворота уплотнили – поселили еще несколько жильцов. Почему-то был среди них жандармский полковник. Его прямо у нас арестовали.

А в детской колонии голода до 1921 года не было. О происходивших событиях мы ничего не знали. Газет не получали. Места там были глухие. Встречались еще избы, которые топились по-черному, светцы для лучины.

Когда вернулись в Москву, уже начался нэп. Отец повел меня в булочную Филиппова. Мы пили там кофе с пирожными.

– Что запомнилось вам от первого посещения Сергиева Посада?

– Отец захватил меня с собой, когда поехал в Московскую духовную академию. Мне было пять лет. Он оставил меня у ворот, дал лопатку. Я копался в сугробе. До сих пор помню ворота Академии в стиле модерн.

Интервью Т.В. Смирновой

IV. ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ (1997–1998)*

Отмеченные в хронике деятельности АК за 1997 г. чтения памяти А.Д. Зайцева, организованные в апреле прошлого года совместно “Большой Российской энциклопедией” и РГАЛИ, подробно освещены в настоящем томе. В добавление к текстам выступлений, которые стали основой статей, в Ежегоднике помещены некоторые материалы, дополнительно поступившие в редакцию в связи с прошедшими чтениями.

В ноябре 1997 г. на заседании Археографической комиссии был заслушан доклад А.Г. Мосина «О программе “Родовая память” и перспективах подготовки Словаря уральских фамилий». В нем были представлены на суд собравшихся новые разработки в области отечественной антропоники, в особенности ее методов, находящиеся на стыке различных отраслей знания: исторической ономастики, генеалогии, филологии, краеведения, исторической антропологии и, отчасти, демографии. По определению докладчика, в представленном исследовании даны “срезы” в бытовании определенных родовых линий в определенное время. В отличие от методов дворянской генеалогии в изучении уральских фамилий исследователи подходили с позиций “тотального” изучения всего населения определенного уезда, а не отдельных родов. Основой и опорой при таком “всеобщем” подходе стали главы семей, родоначальники. Установление их для каждой фамилии стало сверхзадачей проекта. Подчеркивалось, что уральскими в данном случае подразумеваются не возникшие на Урале или связанные с уральскими топонимами фамилии, а фамилии людей, живших в этой местности, фамилии, укорененные в антропонимической уральской традиции. На фамилии составлялись “паспорта”, рассчитанные на возможность количественных исследований с использованием вычислительной техники. В исследовании ставились не генеалогические задачи, а предполагался ввод в научный оборот материалов для дальнейших разысканий. Публикация Словаря намечалась весной 1998 г.

В последовавшей за докладом дискуссии принимали активное участие С.О. Шмидт, Б.Н. Морозов, В.В. Морозов, О.В. Рыкова, А.А. Курносов, А.И. Аксенов, С.Ю. Шокарев. Уточнялись круг привлекаемых источников, степень полноты используемых материалов, а также обсуждались перспективы широкого ввода данных Словаря в научный оборот и компьютерной обработки “паспортов” фамилий. Все выступавшие дали высокую оценку работе и высказали надежду на скорейшее и возможно более полное введение в научный оборот результатов исследований по программе “Родовая память”.

В заключительном слове С.О. Шмидт отметил междисциплинарное значение такого фундаментального справочного издания, каким видится Словарь уральских фамилий, и возникающую при столь глубоком и разностороннем подходе новую область знания, определенную как “словароведение”. Обращалось внимание на необходимость строгого разделения в издании методических разработок и собственно справочных, конкретных данных. Отмечалось социальное, нравственное значение таких исследований, стимулирующих интерес общества к вопросам “родовой памяти” и истории отечества.

В декабре 1997 г. состоялась конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Н.Л. Рубинштейна, отмеченная рядом крупных докладов по проблемам отечественной историографии XX столетия и судеб исторической науки. Выступления на конференции легли в основу статей, публикуемых в настоящем томе, в разделе “К 100-летию со дня рождения Николая Леонидовича Рубинштейна”.

9 мая 1998 г. состоялись очередные Тихомировские чтения. Темой заседания стали междисциплинарные научные связи Археографической комиссии. Подробная информация о заседании представлена в настоящем томе.

Т.В. Лохина

* Ввиду того что “Археографический ежегодник за 1997 год” был приурочен к юбилею Москвы и вышел в свет уже в сентябре, хроникальные заметки были ограничены первым полугодием 1997 г. В настоящем томе мы продолжаем хронику прошедшего года вместе с обзорением деятельности Комиссии в первом полугодии 1998 г.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ (1997–1998)

Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплекс. кодиколог. исслед. / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 1998. 392 с.

“Выписка из посольских книг” о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. / Сост. Б.Н. Морозов. Ред. С.О. Шмидт. Сер. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. / РАН ОИ. М.; Варшава, 1997. Т. 2. 330 с.

Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 4, вып. 3: Документы XVI – начала XX века Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника / Под общ. ред. П.А. Колесникова. Отв. сост.: А.А. Амосов, С.Е. Князьков. Сост.: Н.Н. Малинина, В.В. Морозов, при участии Н.Л. Друговой. Редкол.: А.В. Камкин, Л.Д. Коротчаева, С.О. Шмидт / Вологод. гос. ист.-архит. и худож. музей-заповедник; АК РАН. Сев. отд.; Вологод. о-во изучения Сев. края. Вологда, 1998. 295 с.

Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч. II (1918–1934) / Ин-т славяноведения РАН. М., 1998. 167 с.

Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. М., 1998. 240 с.

Исторический источник: Человек и пространство: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Москва, 3–5 февраля 1997 г. / РГГУ; ИАИ, кафедра источниковедения и вспом. ист. дисциплин. М., 1997. 336 с.

Историческая антропология: Место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: Тез. науч. конф. Москва, 4–6 февраля 1998 г. / РГГУ; Кафедра источниковедения и вспом. ист. дисциплин ИАИ. М., 1998. 251 с.

Старообрядческая культура русского Севера: Тез. науч. коиф. / Научн. ред. и сост. Н.И. Решетников, науч. консультант Н.А. Кобяк / Моск. гос. ун-та культуры; Каргопол. ист.-архит. и худож. музей-заповедник. М.; Каргополь, 1998. 126 с.

АРХИВ РАН (К юбилею)

27 мая 1998 г. в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН прошли юбилейные чтения, посвященные 270-летию этого учреждения. Основанием для празднования является сохранившийся в подлиннике указ президента Академии наук Л. Блюментроста от 6 января 1728 г., которым студент Г.Ф. Миллер, впоследствии академик и знаменитый историк, был “определен к Архиву”. Таким образом, Архив Академии наук можно считать первым научным архивом страны.

Ровесник нашей Академии наук, он в полной мере стал ярчайшим отражением ее вековой истории, так как его фонды являются уникальной источниковой основой истории и Академии наук, и отечественной науки и культуры в целом. Именно на основе фондов нашего Архива началось в пореформенное время системное и глубокое изучение истории российской науки (эта работа продолжается и в настоящее время). Кроме того, наши фонды являются незаменимым материалом для развития таких ветвей гуманитарной науки, как этнография, византиноведение, славяноведение, языкознание, востоковедение и др. С историей Архива теснейшим образом связана деятельность ярких представителей науки: Г.Ф. Миллера, П.П. Пекарского, Б.Л. и Л.М. Модзалевских, С.Ф. Ольденбурга, Г.А. Князева, А.И. Андреева и др. Сейчас Архив, как и вся Академия, находится в тяжелейших, кризисных условиях. Но на фоне сложностей жизни еще рельефнее выступают фигуры рядовых архивистов, сохранивших наше национальное богатство. Таковы были основные тезисы вступительного слова директора СПб ФА РАН В.С. Соболева. Он же предложил увековечить память неизвестных ар-

хивистов, порой жертвовавших своей жизнью ради спасения архивных сокровищ.

На конференции было заслушано восемь докладов сотрудников Архива, Библиотеки и СПб ФИРИ РАН.

Член-корреспондент РАН И.П. Медведев (СПб ФИРИ РАН) в докладе «Проект “Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге”» подробно информировал об издательском проекте, осуществляемом СПб ФИРИ РАН, посвященном одной из самых ярких страниц в истории русской науки – развитию византиноведения в XIX – начале XX в. Предметом доклада главного хранителя НИОР БАН А.И. Гладкого “Артиллерийское ведомство и Академия наук (обзор документов XVIII – начала XX в. из фондов архива Военно-исторического музея артиллерии)” стали контакты, возникавшие между этими учреждениями в XVIII–XX вв. В.В. Соболев (СПб. ФА РАН) в докладе “Академия наук и советская власть в период становления тоталитарного режима, 1918–1930” рассказал о предоставлении академии в начале 20-х годов широких льгот и полномочий и о губительной “чистке” академических кадров в конце этого периода. М.Ш. Файнштейн (СПб. ФА РАН) в докладе “Российская академия – детище русского Просвещения” дал краткую характеристику деятельности этой академии, рассмотрев ее в связи с реализацией других задач на ниве русского Просвещения. Доклад ученого секретаря СПб. ФА РАН И.В. Тункиной «“Дело” академика С.А. Жебелёва» был посвящен его травле, послужившей прологом к известному “Академическому делу”. Ведущий библиотекарь Библиотеки РАН

А.А. Стриженко в докладе “Вильгельм Корц и Архив Императорской Академии наук” рассказала о жизни ныне почти забытого архивариуса рубежа XVIII–XIX вв. Деятельность советского палеонтолога А.П. Быстрова и история его личного фонда были освещены в докладе “А.П. Быстров, его фонд и история комплектования” сотрудника Архива *О.В. Иодко*. Первой комплексной научной экспедиции в Новгород, проведенной учениками профессора Д.В. Айналова, был посвящен доклад *Е.В. Соле-*

никовой (СПб. ФА РАН) “Л.А. Мацулевич и исследование новгородских древностей 1909–1910”.

Были зачитаны приветствия Архиву и заслушаны поздравительные речи сотрудников БАН, Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН, Санкт-Петербургского союза ученых, Государственной Академии культуры, СПб. ФИРИ РАН, Архивного управления, мэрии Санкт-Петербурга и администрации области.

Е.В. Соленикова

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 130-ЛЕТИЮ П.Н. ЛУППОВА

В ноябре 1997 г. в Ижевске состоялась научно-практическая конференция “Историк. Время. Архивы”, посвященная 130-летию со дня рождения первого историографа удмуртского народа, талантливого краеведа, одного из организаторов архивного дела в Вятском крае Павла Николаевича Луппова. Она была организована Удмуртским отделением Российского общества историков-архивистов (УО РОИА) совместно с республиканским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Удмуртским институтом истории, языка и литературы Уральского отделения (УдНИИ УО) РАН, Удмуртским государственным университетом (УдГУ) и Национальной библиотекой.

В конференции приняли участие ученые, архивисты, краеведы, работники культуры городов Ижевска, Кирова, Глазова. Было заслушано 16 докладов и сообщений. Большой интерес участников конференции вызвали доклады *М.В. Гришкиной* (УдНИИ УО РАН) “П.Н. Луппов – выдающийся историк Удмуртии и удмуртского народа” и *В.А. Бердинских* (Вятский пед. ун-т) “П.Н. Луппов – историк Русской православной церкви”. Острый дискуссионный характер носили сообщения *Е.Ф. Шумилова* (УдГУ) “Доктор церковной истории П.Н. Луппов и его роль в цивилизационных процессах в Удмуртии в конце XIX – начале XX в.” и *К.И. Куликова* (УдНИИ УО РАН) “П.Н. Луппов о христианизации удмуртов”.

На конференции были затронуты различные аспекты многогранной деятельности ученого, много сделавшего для сохранения исторической памяти удмуртского народа и населения Вятского края, рассмотрены проблемы древнерусской колонизации Вятского края (*Л.Д. Макаров*, УдГУ), вопросы истории формирования и развития рабочего класса и промышленности Удмуртии (*Н.А. Родионов*, УдНИИ УО РАН) и др.

Комитет по делам архивов, архивные учреждения республики работают над выполнением Программы выявления документов по истории Удмуртии за пределами ее современной территории. Программа была принята два года назад правительством и одобрена сессией Государственного совета УР. Проблемам ее реализации, а также интересным находкам из фондов Национального архива Республики Татарстан о жизни и деятельности П.Н. Луппова было посвящено

сообщение *В.Н. Бобкова* (РОИА). Удмуртское отделение РОИА организовало конкурс на лучшую студенческую работу по истории Удмуртии на основе материалов государственных и муниципальных архивов республики. Преподаватели и студенты некоторых вузов республики включились в проведение этого конкурса. Один из участников этого конкурса, студент *М.В. Кулаков* (УдГУ), выступил на конференции с докладом на тему “П.Н. Луппов как исследователь истории населенных пунктов Вятского края”.

Особую часть работы конференции заняли сообщения по истории Удмуртии. *Л.А. Волкова* (Глазовский пед. ин-т) посвятила свое выступление истории селений Удмуртии. Оно было основано на изучении архивных документов о планировочных процессах. *Г.И. Обухова* (УдГУ) сообщила “Подряды и контракты купечества с Ижевским ружейным заводом в I половине XIX в.” подготовила на основе глубокого изучения частных правовых актов, хранящихся в ЦГА УР.

Отрадно, что многие сообщения на научно-практической конференции были подготовлены с использованием документов, хранящихся в архивах. Особый интерес в этом плане вызвал стеновый доклад *Е.В. Катышецевой* (Ижевский гос. техн. ун-т) и св. *К.В. Плетнева* (г. Можга) “Религиозный антитоталитарный протест в Удмуртии в 30-е гг.”, в основу которого были положены документы глазовских городского и районного архивов.

Н.П. Лимонова (Национальная б-ка) посвятила свое выступление проблемам обеспечения доступа исследователей и читателей к наследию П.Н. Луппова, а *Н.П. Лигенко* (УдНИИ УО РАН) сделала сообщение о настоятельной необходимости публикации массовых источников.

Национальная библиотека, в помещении которой была проведена научно-практическая конференция, совместно с сотрудниками ЦГА УР подготовила выставку, на которой были представлены труды ученого, а также разнообразные архивные документы о его жизни и творчестве.

Участники конференции приняли Обращение к Государственному совету, Правительству Удмуртской Республики, администрации г. Ижевска по увековечению имени П.Н. Луппова.

Ю.И. Копысов

ПАМЯТНЫЕ ДНИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И.Н. ЗАВОЛОКО

15–17 декабря 1997 г. Центральный совет Древлеправославной Поморской церкви (ДПЦ) Латвии, Рижская Гребенщиковская и Резекненская Кладбищенская старообрядческие общины провели памятные дни, посвященные 100-летию со дня рождения широко известного археографа, историка, деятеля старообрядческого движения, крупного собирателя, библиофила Ивана Никифоровича Заволоко (1897–1984), с именем которого связано несколько крупнейших открытий древнерусских памятников – находки знаменитого автографа Автобиографии Аввакума, Слова о погибели русской земли, автографов выговских старцев. Памятные дни включали разнообразную и весьма показательную программу, которая открылась конференцией, прошедшей в помещении школы, возвращенной старообрядческой общине. На конференцию были приглашены руководители старообрядческих общин из многих мест стран Балтии, России, Белоруссии и Украины, а также ученые, работающие в области истории и культуры движения.

Конференция открылась докладом председателя Центрального совета ДПЦ Латвии, старшего духовного наставника Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины доктора теологии о. Иоанна Миролобова “И.Н. Заволоко и церковная жизнь староверов Прибалтики”. В докладе был дан анализ церковной и общественной жизни прибалтийских староверов в 20–30-е годы XX столетия (секуляризация быта, устоев, традиционной культуры) и освещена роль И.Н. Заволоко в создании противостоявшего секуляризации культурно-религиозного движения – “Кружка ревнителей русской старины”, ставившего своей задачей возродить религиозно-нравственные устои и национально-этническое самосознание русской молодежи зарубежья. Особое место докладчик уделил религиозно-педагогической деятельности И.Н. Заволоко, созданным им учебникам и методическим пособиям по преподаванию старообрядческой истории и основ вероучения. О. Иоанн Миролобов сформулировал свою характеристику богословских, экклесиологических и церковно-канонических взглядов И.Н. Заволоко, дал оценку его вклада в церковно-общественную жизнь староверов Прибалтики и Польши. Докладчик остановился также на роли Заволоко в издании церковной периодики, охарактеризовал его пастырскую деятельность в Резекненской общине, проследил эволюцию взглядов Заволоко на современное старообрядчество и на проблемы христианской эсхатологии.

Именно эту тему развил далее в своем докладе Н.Ю. Бубнов (БАН). Доклад назывался “И.Н. Заволоко и судьбы староверия”. Автор уделил особое внимание историософским взглядам Заволоко, согласно которым история современных старообрядческих общин является прямым продолжением древнерусской истории до

периода реформ патриарха Никона, проведенным через духовное посредство Соловецкого и Выгорецкого монастырей в наше время. На этом долгом пути, пройдя через испытания и гонения, староверы сумели сохранить веру, но утратили многие компоненты древней культуры. Не все еще потеряно, считал Иван Никифорович, и нужно черпать и черпать из книг и из живого наследия предков древнюю мудрость и красоту, чтобы затем передать их всему русскому народу. Для этого он трудился, а в ученых, которые разделяли и поддерживали его устремления и взгляды, видел союзников и друзей.

На протяжении многих десятилетий И.Н. Заволоко был тесно связан с П.Н. Софроновым (1898–1973) – ныне почти неизвестным выдающимся старообрядческим иконописцем, прожившим большую часть своей жизни в эмиграции. Истории взаимоотношений этих двух замечательных деятелей русской культуры было посвящено выступление Г.В. Маркелова (ПД). В его докладе, основанном на архивных материалах (прежде всего эпистолярных) из фонда И.Н. Заволоко в Древлехрамнице Пушкинского Дома, изложена биография Софронова, уроженца Причудья, ученика знаменитого иконописца Г.Е. Фролова. Новые материалы, введенные в научный оборот Маркеловым, характеризуют Софронова как иконописца, собирателя и мыслителя, они также интересны и важны для всестороннего понимания и старообрядческих традиций, и истории Русской Америки.

Выступление главного редактора журнала “Старообрядчество: история, культура, современность” О.П. Еришовой (Москва) было посвящено анализу деятельности И.Н. Заволоко по созданию старообрядческой культурной среды. Автор убедительно показала решающую роль Заволоко в деле сохранения традиций национальной русской культуры и дальнейшего развития этих тенденций в старообрядчестве, что позволило сохранить это значительное явление русской истории и современности.

В докладе И.В. Поздеевой (МГУ) “И.Н. Заволоко и задачи исследования русского старообрядчества”, лично хорошо знавшей ученого и собирателя, была освещена широкая направленность собирательских и научных интересов Ивана Никифоровича, которые во многом предвосхитили (в том числе и спровоцировали) современные комплексные исследования традиционной культуры русского старообрядчества. Докладчик глубоко заинтересовала аудиторию, раскрыв содержание понятия “культура старообрядческих общин” и объяснив важность и ее изучения для понимания национальных, народных, духовных и материальных традиций, и использования уникальных научных возможностей, сложившихся в результате принципиального традиционализма старообрядческого миропонимания.

Доклад *Ф.В. Панченко* (БАН) был посвящен одной из малонезвестных, но чрезвычайно важных сфер духовной деятельности старообрядцев Выго-Лексинского общежития XVIII – начала XIX в. – формированию церковных культов новым святым – мученикам и подвижникам староверия. Автор вводит в научный оборот новые тексты служб целых агиологических циклов, прославляющих Даниила Выкулина, Геннадия Боровского, Корилия Выговского, Андрея и Симеона Деннисовых и Петра Прокопьева, сохранившихся в немногочисленных списках второй половины XVIII – начала XIX в. (БАН, ИРЛИ, РГИА, РГБ). Панченко также устанавливает авторов некоторых из этих служб: С. Денисова, Г. Романовского, И. Антонова.

Доклад *Б.В. Инфантеева* (Рига) назывался “И.Н. Заволоко – фольклорист” и был посвящен подробно анализу фольклористической деятельности И.Н. Заволоко как активного члена Комиссии по собиранию русского фольклора при Министерстве народного образования и автора ряда программ изучения народного творчества в Резекненском уезде, Причудском крае, Войновском женском монастыре, изданию им памятников русского фольклора.

И.Н. Заволоко оказался в числе первых жертв сталинского террора, обрушившегося на Латвию в 1940 г. Его “следственное дело”, хранящееся в Государственном архиве Республики Латвия, проанализировала в своем докладе *Т.Д. Фейгмане* (Рига). Она сопоставила данные “следственного дела” НКВД с материалами Латвийской политической полиции и пришла к выводу, что из четырех подследственных, проходивших по этому “делу”, наиболее видной фигурой был именно И.Н. Заволоко, который в течение шести месяцев находился в одиночной камере, подвергаясь физическому и психическому воздействию. 10 февраля 1941 г. все обвиняемые без суда были приговорены к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. После завершения этого срока Заволоко был отправлен в ссылку (в Новосибирскую область), откуда вернулся на родину только в конце 1956 г. Автор приходит к выводу, что единственной виной Заволоко было духовное просветительство, которому он остался верен до конца своих дней.

А.А. Подмазов (Ин-т философии и социологии, Рига) в докладе “И.Н. Заволоко и проблемы просвещения” собрал и проанализировал факты многосторонней и активной просветительской деятельности Ивана Никифоровича как руководителя “Кружка ревнителей старины” при училище Гребенщиковской общины, редактора журнала “Родная старина” (1927–1933), автора большого количества исследований и публицистических материалов по проблемам русской культуры, учебников и учебных пособий, известного педагога и лектора.

Сообщение преподавателя 75-й рижской школы-гимназии *А.В. Одинец* называлось “Взаимоотношения Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины с центральными и местными органами власти в XIX веке” и было построено на большом количестве изученных ею

архивных материалов. Автор убедительно показала экономическое и социальное состояние общины, ее широкую благотворительную деятельность и организацию просвещения через общинные школы и училища.

Общественная деятельность И.Н. Заволоко в 1920-е годы была подробно освещена также преподавателем истории *О. Пухляком* (Рига). На основании архивных свидетельств автор рассказал о периоде учебы Заволоко в Карловом университете, о большой работе в Помголе (1921–1922), в кружке молодежи при Союзе русских, активно проводившем в жизнь идею объединения русского студенчества для просветительной и культурной деятельности. *О. Пухляк* обратил особое внимание на инициативу И. Заволоко по созданию в Риге так называемых сокольских отрядов молодежи (он был избран их руководителем-воспитателем).

С огромным интересом были прослушаны воспоминания о И.Н. Заволоко его родственника преподавателя истории *П.К. Шелковского* (г. Резекне), которые содержали интереснейшие и до сих пор неизвестные факты о семье и личности Ивана Никифоровича.

Второй день встречи в Риге был посвящен заупокойной службе по И.Н. Заволоко, беседе гостей с духовными наставниками и членами Совета Рижской Гребенщиковской общины, знакомству с храмом, музеем, книжной и библиотечной. Осмотр музея и общинной книгохранилища произвел на ученых и гостей памятных дней самое приятное впечатление. Фонды и экспозиции музея содержат вещи, материалы и многочисленные фотографии из квартиры И.Н. Заволоко. Для музея используется большое прекрасное помещение, в котором также хранится теперь и значительный архив самой Гребенщиковской общины. Чрезвычайно важно, что этот архив не только тщательно сохраняется, но и начато его профессиональное описание, что делает честь руководству общины. Замерам, обстановке и условиям хранения книг в древлехранилище общины могли бы позавидовать и некоторые библиотечные отделы редких книг. Гости обратили внимание на то, что книжница общины разделена с современной библиотекой, которая старательно, по мере современных возможностей, комплектуется. Особое впечатление произвел тот факт, что и в книжнице и в библиотеке созданы все условия для работы с хранящимися там фондами.

Подведение итогов конференции и обсуждению современных проблем старообрядчества был посвящен состоявшийся в тот же день “круглый стол”. Обсуждение проводилось под руководством о. Иоанна Миролюбова при активном участии представителей как научных центров, так и старообрядческих поморских религиозных объединений: Российского Совета ДПЦ, Московского поморского общества, Высшего старообрядческого совета Республики Литва, Поволжского духовно-административного центра ДПЦ (Самара), а также руководителей многих старообрядческих общин Латвии, Литвы, России и Белоруссии. Особое место среди обсуждаемых тем

заняла проблема сохранения древнерусского духовного наследия и его материальных свидетельств – книг, икон, памятников устной словесности и т.д. Всеми участниками “круглого стола” с интересом были выслушаны конкретные пожелания И.В. Поздеевой: учитывать рекомендации ученых по сохранению и восстановлению древних духовных традиций, совместно осуществлять комплексные полевые экспедиции и доводить знание их результатов до заинтересованных в этом старообрядческих общин.

Всеми присутствующими единодушно была выражена надежда на укрепление сотрудничества ученых археографов, этнографов, историков со старообрядческими духовными центрами и общинами. Всеобщее одобрение также получила

идея и в дальнейшем проводить совместные мероприятия, организованные научными и религиозными центрами. На заседании “круглого стола” были затронуты также актуальные вопросы современной церковной жизни и высказана, в частности, озабоченность попытками некоторых радикальных политических организаций повлиять на исконный ход жизни старообрядческих общин. Памятные дни, посвященные 100-летию со дня рождения И.Н. Заволоко, закончились вечером богослужебных песнопений и духовных стихов и поездкой в г. Резекне, где в храме Резекненской Кладбищенской старообрядческой общины состоялась панихида.

Иоанн Миролюбов

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ П.А. КОЛЕСНИКОВА

С 3 по 5 октября 1997 г. в Вологодском государственном педагогическом университете состоялись первые научные чтения памяти почетного академика Российской академии образования, заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора Петра Андреевича Колесникова.

Чтения были организованы историческим факультетом ВГПУ совместно с Проблемным объединением по аграрной истории Европейского Севера России и Северным отделением Археографической комиссии РАН при содействии администрации Вологодской области. В них приняли участие преподаватели, аспиранты, студенты исторического, филологического, естественно-географического факультетов ВГПУ, коллеги из академических институтов, архивов, музеев, вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова Великого, Сыктывкара, Череповца, Архангельска. На Чтениях присутствовали родственники П.А. Колесникова.

Открыл Чтения проректор ВГПУ, заведующий кафедрой отечественной истории, доктор исторических наук, профессор М.А. Безнин. От имени городской администрации с приветственным словом к собравшимся обратился первый заместитель главы Вологды С.А. Юзгин.

На пленарном заседании выступили ученики и коллеги П.А. Колесникова: профессор А.В. Камкин, доцент Н.И. Баландин, профессор Г.В. Судаков, аспирант С.А. Тихомиров. Они охарактеризовали научное и педагогическое наследие Петра Андреевича. Выступавшие подчеркнули, что ученый вошел в науку в конце 1950-х годов, будучи зрелым человеком и опытным педагогом. Его кандидатская диссертация, выполненная под руководством профессора Н.В. Устюгова, была одним из первых в историографии исследований социально-экономических отношений на северорусском посаде в XVII в. (на материалах г. Тотьмы), а докторская – уникальным опытом многоаспектного анализа

эволюции аграрных отношений в северной деревне на протяжении четырех столетий. Подготовленные на основе диссертации статьи, а также ставшая классической монография “Северная деревня в XV – первой половине XIX века” (Вологда, 1976), создали историографический фундамент в исследовании социально-экономических отношений, демографии и расселения, в изучении развития агрокультуры и уровня сельскохозяйственного производства Европейского Севера России.

Трудно переоценить археографическое наследие П.А. Колесникова. Под его редакцией вышли восемь “Северных археографических сборников”, 11 выпусков “Памятников письменности в музеях Вологодской области”, публикации “Письма с фронта”, “Письма с фронта и на фронт” и др. Им лично опубликованы документальный двухтомник “Северная Русь”, отдельные писцовые и переписные книги, материалы ревизий, камеральные и ландратские описания, активные источники. Вошедшие в 1970–1980-е годы в научный оборот, эти издания существенно расширили тематику исторических исследований.

Петр Андреевич был организатором исторической науки на Европейском Севере и бессменным руководителем двух авторитетных научных обществ – Проблемного объединения по аграрной истории Европейского Севера (1967) и Северного отделения Археографической комиссии АН СССР (1969). Вокруг этих центров объединились ученые северных вузов, академических институтов Москвы и Ленинграда, музеев, архивов, а также учителя и краеведы, деятели культуры. Несомненно, с конца 1960-х годов до начала 1990-х научно-исследовательская жизнь региона проходила под влиянием яркой личности и организаторского таланта Петра Андреевича Колесникова.

Большой интерес вызвал обзор документов личного фонда П.А. Колесникова в Государств-

венном архиве Вологодской области, представленный научным сотрудником архива М.Т. Поповой.

На пленарном заседании Ю.В. Андрушайтите (Москва) зачитала послание конференции председателя Археографической комиссии РАН академика РАО С.О. Шмидта. Е.Н. Швейковская (Москва) передала участникам конференции письмо ученых Института российской истории РАН. Своими воспоминания о П.А. Колесникове поделились А.И. Комиссаренко (ИАИ РГГУ, Москва), И.В. Власова (Институт этнологии и антропологии им. Н.М. Миклухо-Маклая РАН, Москва).

На следующий день работа была организована по секциям. На секции "Вопросы изучения и издания писцовых книг и других историко-географических описаний" было представлено восемь докладов. Г.В. Демчук (Архангельск) рассмотрела статус церковных земель в Сольвычегодском уезде и Устьянских волостях. Е.Н. Швейковская (Москва) показала земскую раскладку государственных налогов на Севере XVII в., отметив разнообразие бытующих там окладных единиц. М.С. Черкасова (Вологда) затронула проблемы классификации и типологии Троицких писцовых книг 1620–1640-х годов, которые позволяют решать такие вопросы аграрной эволюции, как землевладение, землепользование, народонаселение, налогообложение. В докладе Н.П. Воскобойниковой (Москва) была дана история описания Великого Устюга и уезда 1676–1682 гг. в совокупности со всей писцовой и делопроизводственной документацией. И.В. Пугач (Вологда) рассмотрел проблему дворянской службой корпорации Устюжны Железнопольской по писцовым описаниям XVII в. С лингвистической оценкой публикации писцовых книг, осуществленных кафедрой Отечественной истории ВГПУ за последние десятилетия, выступила Ю.И. Чайкина (Вологда). И.Н. Чуйкова (Вологда) охарактеризовала писцовую документацию Николо-Озерского монастыря XVII в.

В секции "Проблемы историографии и источниковедения отечественной истории XVII–XX вв." было заслушано 14 сообщений, приняли участие 29 человек. Работа секции показала, что спектр исследований по истории Европейского Севера значительно расширился. Изучается многообразие провинциальной жизни (С.А. Тихомиров, Вологда), менталитет северных крестьян XVIII в. (А.И. Комиссаренко, Москва). Е.Р. Дружинин (Вологда) поднял ряд проблем по истории вологодского дворянства. Ю.В. Андрушайтите (Москва) обосновала значение вологодского периода деятельности одного из первых русских флиграноведов, И.П. Лаптева в зарождении отечественного флиграноведения.

В сообщениях по источниковедческой тематике исследователи обратились к вновь вводимым в оборот документам. С.Н. Цветков (Вологда) проанализировал письма вологжан И.В. Сталину, хранящиеся в Вологодском областном архиве новейшей политической истории, А.Е. Веденеева и Е.И. Сазонова (Ростов Вели-

кий) охарактеризовали документы Спасо-Прилуцкого монастыря и вологодские документы XVII – начала XVIII в., хранящиеся в Ростовском музее. Археологическая тематика была отражена в докладах вологжан Д.В. Спириной – по истории вологодской археологии за 200 лет и А.В. Суворова – с обобщением работы по археологическому изучению Кубенозерья в 1989–1997 гг.

В секции "Этнография, демография и история культуры" было представлено 17 сообщений. После доклада И.В. Власовой (Москва) об истории этнографического изучения Русского Севера с XVIII в. до наших дней были заслушаны сообщения об актуальных проблемах исследования религиозности русских. Т.С. Макина (Москва) выступила с итогами изучения антистарообрядческой правоприменительной практики в XIX в., И.А. Кремлева (Москва) – с классификацией обетной практики. Н.В. Алексеева (Череповец), выявив нарастающее воздействие государственного контроля на покаянную практику в XVIII–XIX вв., пришла к выводу о возрастании роли и места внецерковного покаяния. И.В. Спасенкова (Вологда) проследила судьбы городских приходских сообществ в 1920–1930-е годы и показала, что механизмы их вынужденной адаптации к новой политико-социальной среде вплоть до 1930 г. оказались достаточными для сохранения важнейших приходских традиций даже в экстремальных условиях. Т.А. Листова (Москва) применила исследовательский инструментарий конфликтологии к изучению внутрприходских противоречий XIX в. В центре внимания Н.А. Белозерова (Вологда) было становление корпоративного сознания русского православного духовенства XVIII в.

Два сообщения касались проблем исследования крестьянского менталитета: С.В. Кузнецов (Москва) показал бытование обычного права в жизнедеятельности крестьянской общины в условиях второй половины XIX в., Р.П. Биланчук (Вологда) предпринял попытку проследить структуру исторического сознания крестьян XVIII в.

Демографическая группа сообщений была представлена К.Р. Слащевым (Вологда), сделавшим анализ состояния городской семьи Вологды по материалам городской обывательской книги 1788 г., и выступлением С.Г. Кашенко и его учеников (Санкт-Петербург) о методике компьютерной обработки массового статистического материала метрических книг. И.Л. Жеребцов (Сыктывкар) ознакомил с выводами о народонаселении Коми края в XIX в. по материалам ревизий. Н.Ф. Никитинский (Вологда) высказал свою версию этимологии слова "Вологда". А.Г. Мельник (Ростов Великий) провел сопоставительный анализ архитектурных деталей московского Успенского и вологодского Софийского соборов.

На секции "История крестьянства XIX–XX вв." было заслушано 11 докладов и сообщений. Н.И. Голикова (Вологда) обратилась к вопросам, связанным со становлением маслосельскохозяйственной, потребительской и других видов кооперации в Вологодской губернии начала XX в., были подчеркнуты массовость кооперативного

движения, широкое участие сельской интеллигенции в ее руководящих органах. В.И. Чупров (Сыктывкар) проанализировал проблемы историографии общины в Коми крае во второй половине XIX – начале XX в. Докладчик остановился на механизмах передела общинной земли, подчеркнув особую важность изучения этой проблемы. А.А. Желтов (Москва) показал особенности хозяйственных традиций вологодского крестьянства в части обработки пашни, в травосеянии, животноводстве. В.А. Саблин (Вологда) поделился размышлениями о проблемах изучения крестьянского хозяйства на Европейском Севере в 1917–1920-е годы. Он отметил скудность источниковой базы, которая тем не менее позволяет проследить изменение демографических характеристик крестьянского двора в период гражданской войны.

Серия докладов была посвящена хозяйственным характеристикам крестьянских хозяйств Европейского Севера России. О.В. Артемова (Вологда), используя бюджетные обследования крестьянских хозяйств 1940-х годов, сделала вывод, что основной отраслью крестьянского хо-

зяйства оставалось земледелие. Т.М. Димони (Вологда) поделилась своими выводами об исследовании голода 1946–1947 гг. в вологодской деревне. С.Г. Карпов (Вологда) проанализировал материальное положение колхозной семьи на европейском Севере в 1960–1970-е годы. Л.Н. Денисова (Москва) обратила внимание на состояние северной деревни 1960–1980-х годов, отметив неблагоприятные факторы, влияющие на нарастание негативных тенденций. К.А. Гулин (Вологда), рассмотрев некоторые аспекты социально-экономической дифференциации крестьянства Вологодской области 1965–1980-х годов, сделал вывод о росте среднего слоя в составе сельского населения. С сообщениями на секции выступили Н.В. Гилева (Вологда), Д.Ф. Семенов (Вологда).

В рамках Чтений состоялись совещания руководящих органов Северного отделения Археологической комиссии РАН и Проблемного объединения по аграрной истории Европейского Севера России.

Т.М. Димони, А.В. Камкин

КОНФЕРЕНЦИЯ “ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. 1991–1997 гг.”

I Чтения памяти члена-корреспондента РАН В.И. Буганова

Конференция, организованная Центром по изучению и публикации источников Института российской истории РАН, состоялась 16–17 октября 1997 г. Она была посвящена памяти основателя и многолетнего руководителя Центра члена-корреспондента РАН Виктора Ивановича Буганова. Ее целью было выяснение того, что публиковалось в Российской Федерации (далее – РФ) с момента ее образования до 1997 г., каким источникам X – начала XX в. уделялось наибольшее внимание, каковы археографический уровень публикаций и их справочный аппарат. С приветственными словами к собравшимся обратились заместитель директора ИРИ РАН А.В. Игнатьев, директор РГАДА М.П. Лукичев.

Председатель Оргкомитета по подготовке и проведению Чтений В.А. Кучкин (ИРИ РАН) во вступительном слове отметил большое значение организации издания исторических источников в РФ. Эти проблемы тесно связаны с деятельностью В.И. Буганова, его ролью в развитии археографии и источниковедения. Источники составляют базу исторических исследований и построений. Без обнаружения, отбора, выяснения достоверности и репрезентативности источников невозможны правильные исторические выводы и обобщения. В этой связи характеристика изданий источников за годы существования РФ позволяет обнаружить и главные тенденции в развитии исторической науки. Что и как издается, на каком научном уровне, материалы каких столетий пользуются наибольшим вниманием – вот те задачи, которые предстояло решить настоящей конференции.

Воспоминаниями о научной работе В.И. Буганова поделился С.О. Шмидт (АК), который был одним из его первых учителей. Председатель АК С.О. Шмидт напомнил о начале творческого пути ученого. В 1951 г. ректор МГИАИ А.С. Рослова получила согласие М.Н. Тихомирова стать членом Ученого совета этого вуза. Для укрепления такой связи он пожелал иметь там аспиранта. С.О. Шмидт рекомендовал своего пытливого и трудоспособного дипломника, написавшего работу о сатирических журналах Н.И. Новикова. Молодой человек понравился при первом же знакомстве. Мудрый Тихомиров очень скоро определил его потенциальные научные данные и доверил подготовку исследования на тему слабоизученную и трудоемкую – о рядных книгах. В.И. Буганов стал и первооткрывателем многих ранее неизвестных исторических источников, и их публикатором, и исследователем. Уже в ту пору у Буганова вырабатывалась потребность и умение совмещать труд историка-архивиста, археографа, источниковеда и

историка в традиционном его понимании. Это получило дальнейшее развитие не только в исследовательской, но и в научно-организационной и педагогической деятельности В.И. Буганова.

С докладом об издании источников по истории Руси X–XV вв. в 1991–1997 гг. выступил В.А. Кучкин. Он остановился на характеристике публикаций берестяных грамот, документальных материалов, продолжающейся серии “Полное собрание русских летописей”, изданий древнерусской эпистолярной и житийной литературы. Наиболее высокий уровень сохраняют публикации, которые продолжают серийные издания прошлых лет и основаны на многолетних традициях. Хуже обстоит дело с публикациями нарративных источников. Многие из них, особенно некоторые переиздания “Слова о полку Игореве” или отдельные “Жития” святых, имеют неудачные комментарии, ошибки в указателях, плохо продуманные принципы передачи текста. Недостатки есть и в томах 39, 41 ПСРЛ, вышедших в 1994 и 1995 гг.. В ряде случаев имеются ошибки в тексте, небрежно составлены указатели. В целом публикация источников в РФ по сравнению с предыдущими годами стала более интенсивной, что обуславливается поддержкой различных научных и гуманитарных фондов. Появились новые центры издания источников в провинции, но все же Москва и Петербург остаются крупнейшими. Опасение вызывает тенденция появления низконаучных конъюнктурных изданий, рассчитанных на малообразованного читателя.

А.А. Чернобаев (журнал “Исторический архив”) отметил, что по дореволюционной истории за пять лет в журнале было опубликовано более 100 подборок документов. Они включались в разные рубрики: “Из глубины веков”, “Век девятнадцатый”, “Экономика и финансы”, “Внешняя политика” и др. Среди опубликованных источников немало документов по недостаточно изученным и вместе с тем актуальным проблемам отечественной истории. Именно эти критерии являются определяющими при отборе материалов для публикации. Особое внимание уделяется археографической стороне подготовки публикаций, их научному уровню. Учтявая, что среди авторов – специалисты разной квалификации (от студентов до академиков), это требует немалых усилий. Готовя материалы для публикации, редакция руководствуется существующими правилами изданий исторических документов. Однако эти правила далеко не всегда дают ответы на многие конкретные вопросы и в определенной мере устарели, их необходимо переработать и переиздать.

Вопросы издания источников по истории русско-скандинавских связей были рассмотрены *Е.А. Мельниковой* (ИВИ РАН). Появление на русском языке памятников скандинавской литературы, в первую очередь исландских саг, пришлось на конец 1960-х годов. Оно связано с именами *М.И. Стеблин-Каменского* и *О.А. Смирницкой*. В 70–80-е годы были сделаны литературные переводы наиболее значительных произведений, которые использовались в исторических исследованиях. С 1977 г. выходит свод “Древнейшие источники по истории народов СССР”, пять томов которого посвящены руническим надписям, королевским и викингским сагам, географическим сочинениям скандинавов. Эти работы были обращены к историкам и археологам, так как содержали оригинальные тексты, их перевод, историко-филологический комментарий и источниковедческие исследования. В последние десятилетия появилось большое количество переводов, издаваемых на периферии, зачастую неспециалистами, что обуславливает низкий уровень этих публикаций.

К проблемам, связанным с публикацией источников по истории России конца XV–XVII в. за 1991–1996 гг., обратился *Н.М. Рогожин* (ИРИ РАН). Рассмотрев издания законодательных, актов, делопроизводственных материалов, переводов записок иностранцев, он отметил, что в настоящее время единой программы издания источников по истории России XV–XVII вв. не существует. Планмерно такие издания осуществляются в трех центрах: Институте российской истории РАН, Издательстве МГУ и Археографическом центре РГАДА. При подготовке переизданий публикаций XIX в. желательно делать новый перевод с развернутыми комментариями и современным критическим анализом сообщаемых сведений. В тематике публикаций все более возрастает интерес к источникам по местной истории, что создает предпосылки для возникновения фундаментальных научных работ по отдельным регионам России. Вызывает опасения появление колоссального количества литературы, нередко без оснований претендующей на последнее слово в исторической науке. Плановая публикация источников с финансированием на государственном уровне, подготовка соответствующих специалистов могли бы в какой-то мере помешать новой политизации истории.

В докладе *Н.А. Соболевой* (ИРИ РАН) была рассмотрена проблема соотношения источниковедения и специальных исторических дисциплин в работах *В.И. Буганова*, говорилось о разработке им принципов исследования этих дисциплин в подразделении, которым он руководил, оценен личный вклад *Буганова*, в их развитие. На основании обзора трудов по специальным историческим дисциплинам, опубликованных в 1992–1997 гг., докладчиком был высказан ряд оценок современного состояния этих дисциплин, а также характера публикации сфрагматического, геральдического, нумизматического и иного материала. Подчеркнут рост публикаций по генеалогии, геральдике, исторической географии, топонимике, ономастике в местных журналах и сбор-

никах, интерес к таким направлениям, как иконография, колоколоведение. Увеличение числа публикаций не сопровождается, однако, повышением их научного уровня. Наблюдается отрицание теории, методики исследования, переориентировка на фактологию, исключается источниковедческий аспект.

Тема доклада *А.И. Аксенова* (ИРИ РАН) “XVIII в. в документальных публикациях 1991–1997 гг.” Докладчик указал на трудности в их выявлении, что связано с нарушением прежней системы комплектования книжного фонда и слабым библиографическим освещением новых документальных публикаций. Их выявление – большое место для всех исследователей. Выступавший обратил особое внимание на главные тенденции публикаторского дела последних лет. 1) Общее снижение числа документальных публикаций по XVIII в. Оно сопровождалось противоречивым процессом: ослаблением оригинального публикаторского подхода и увеличением количества переизданий. 2) Проблемное обновление, связанное с доступностью ранее закрытых тем (истории мASONства, евреев и т.п.). 3) Смещение публикаторской деятельности из традиционных археографических центров на региональный уровень. 4) Пестрота научного уровня документальных публикаций – сохранение его в традиционно продолжающихся и понижение в коммерческих (конъюнктурных) изданиях.

А.А. Преображенский (ИРИ РАН) представил обзор документов XVI–XVIII вв. Отдела рукописей и редкой книги (ОРПК) библиотеки Казанского университета. Эти ценные исторические материалы относятся к территории не только Казанского края, но и других местностей России. В ОРПК хранятся (в подлинниках или близких им по времени копиях) источники разного профиля. Привлекают внимание дела о беглых крестьянах XVII в. Выяняется малоизвестное явление – сделка на “беглые души” между помещиками. Имеются списки летописей (в том числе редкой Черепановской летописи), хронографов, разрядных книг, переводы иностранных сочинений о России (среди них – о Петре Великом). К ряду городов и уездов относятся писцовые документы, частные акты и другие источники (по Балахне, Нижнему Новгороду, Сибири и т.д.). Сохранилось роскошно оформленное описание Тверской губернии конца XVIII в. В ОРПК отложились личные фонды из дворянских архивов Баюшевых, Тенишевых, Молоствовых, Болховских и др. Группа документов относится к выступлениям крестьян Поволжья в годы восстания Разина. Представляют интерес источники церковно-монастырского происхождения, описания ризниц (например, Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле, где было найдено “Слово о полку Игореве”), а также синодики. Весьма желательным было бы издание описей документов этого богатого архивохранилища.

Доклад *В.А. Иванова* (Калужский государственный педагогический университет) был посвящен публикации источников о сражении под Малоярославцем 12 октября 1812 г. Основное место докладчик уделил анализу сборника документов

“Малоярославец в Отечественной войне 1812 г.”, подготовленного сотрудниками Государственного архива Калужской области и Малоярославецкого военно-исторического музея 1812 г. к 180-летию сражения. Данная книга не только расширяет представление об элементах источниковой базы по истории Отечественной войны 1812 г., но и в известной степени позволяет судить об уровне археографической культуры публикаций, выходящих на местах.

А.Н. Медушевский (ИРИ РАН) рассмотрел проблему российского конституционализма XVIII–XIX вв. Проследив основные этапы развития конституционной традиции в России, он подчеркнул необходимость сравнительного историографического изучения конституционных проектов – их происхождения, авторства, западных моделей и влияния на реформирование политической системы. В связи с этим получил освещение вопрос об основных публикациях конституционных проектов XVIII – начала XX в., их научном уровне, структуре, археографических методиках. А.Н. Медушевский рассказал о подготовке сводного издания российских конституционных проектов, предпринятого в настоящее время ИРИ РАН.

Ю.Л. Глушаковой (ИРИ РАН) были освещены вопросы публикации источников о русско-итальянских культурных связях, о жизни и творчестве отечественных художников в Италии в конце XVIII – первой половине XIX в. Изданиями 1991–1997 гг. были введены в научный оборот новые визуальные и письменные материалы по этой теме и, что особенно ценно, источники из зарубежных собраний. Это позволило ликвидировать ряд “белых пятен” при изучении жизни и творческого пути русских художников того времени. Особо следует отметить высокий научный и полиграфический уровень таких изданий, как каталоги собраний Государственной Третьяковской галереи, снабженные обстоятельным справочным аппаратом.

В докладе *В.А. Емеца* (ИРИ РАН) был дан общий обзор документальных материалов Архива внешней политики Российской империи МИД РФ и определено их значение для характеристики внешнейполитической деятельности Российского государства в конце XIX – начале XX в. Докладчик показал особенности процесса образования архива и формирования основных фондов в связи со структурными преобразованиями МИД на протяжении XIX – начала XX в., подчеркнув важное значение изданного в 1997 г. первого путеводителя по АВПРИ, который позволит исследователю ориентироваться в сложной организации архива.

Наблюдениями над серийным изданием нормативных актов новейшего времени “Декреты Советской власти” поделилась *Е.Ю. Тихонова* (ИРИ РАН). Инициатором этих публикаций был крупнейший источниковед и археограф С.Н. Валк. Издание включило в себя не только декреты высших органов власти, но и постановления, положения, инструкции, резолюции, предписания, воззвания, обращения и т.д. С 1957 по 1997 г. было выпущено 14 томов, подготовлен

15-й, а в настоящее время Ю.А. Ахапкиным, А.С. Покровским, Е.Ю. Тихоновой ведется работа над 16-м томом. В 15 томах (документы за 25 октября 1917 – май 1921 г.) опубликовано 4764 нормативных акта. Снабженное предметно-географическими указателями, издание в равной степени полезно и важно для историков, экономистов и политологов, стремящихся объективно воссоздать картину российской жизни первых послереволюционных лет, изучить опыт советской власти в решении вопросов, сходных с нынешними проблемами.

С подробным анализом деятельности В.И. Буганова в сфере изучения и публикации разрядных книг XV–XVII вв. выступила *Л.Е. Морозова* (ИРИ РАН). Она отметила, что В.И. Буганов начал свою научную деятельность в 1954 г. именно с исследования разрядов и, несмотря на множество других сфер приложения интересов, до последних лет своей жизни занимался этой проблемой. Им была проведена огромная работа по выявлению, описанию, классификации и последующей научной публикации текстов разрядных книг XV – первой половины XVII в. В его многочисленных статьях и монографиях были описаны все известные ныне списки разрядных книг, многие из которых он отыскал в разных городах нашей страны и за рубежом. Для историков они являются в настоящее время незаменимым справочным пособием. Публикации 1966–1994 гг. большинства списков и разновидностей данного типа источников позволяют в настоящее время реконструировать события политической жизни, военной истории, дипломатии, воссоздать биографии многих государственных деятелей, оценить местничество, собрать сведения по исторической географии и дворцовому этикету. Таким образом, научные разработки В.И. Буганова лишены раз доказывают необходимость тщательных архивных изысканий в противовес конъюнктуре последних лет.

В последние годы В.И. Буганов много внимания уделял биографическому жанру, создав цикл очерков о русских бунтарях, выдающихся вожаках мятежных народных выступлений в XVI–XVIII вв. О собственных размышлениях в этой области рассказал *Р.В. Овчинников* (ИРИ РАН), посвятив свое сообщение жизненному пути и боевым делам видного пугачевского атамана, оренбургского крестьянина И.Ф. Арапова, в биографии которого было много неясного, даже даты его жизни. Факты биографии Арапова удалось уточнить по документам, выявленным в архивных фондах РГАДА и РГВИА. Так, по записи в книге крепостных актов был установлен возраст Арапова, а следовательно, и год его рождения. Переписка военных властей и гражданской администрации Оренбургской губернии, а также протоколы следственных показаний пленных пугачевцев дали материал, подробно отбразжающий поход отряда Арапова от Оренбурга к Волге, захват Самары в декабре 1773 г. и его последующие боевые действия. Документально установлены обстоятельства гибели Арапова при поражении войска Е.И. Пугачева в битве 22 марта 1774 г. у Татищевой крепости. В сооб-

щении Р.В. Овчинникова изложена методика архивных разысканий, связанных с воссозданием биографий и других ближайших сподвижников Пугачева.

В докладе “Археографическая комиссия и издание разрядных книг в первой половине XIX в.” *К.В. Петров* (Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов) подробно остановился на вопросах отношения Археографической комиссии к проектам публикаций разрядных книг из частных коллекций.

С.Г. Петров (Институт истории СО РАН) обратился к проблемам источниковедческого изучения шифротелеграмм высших партийных органов власти в первой половине 1920-х годов. Публикация расшифровок указаний Политбюро ЦК РКП(б), отложившихся в местных архивах, оказалась не такой простой задачей, как полагали некоторые исследователи. В результате в последние годы появились “скороспелые” сборники документов с различными “сенсационными” открытиями о взаимоотношениях партии и церкви. Из-за некачественной работы публикаторов в изданиях вкрадывались многочисленные ошибки, часть документов, уже известных, преподносились как “впервые” обнаруженные в секретных фондах. Исключить подобные случаи, по мнению С.Г. Петрова, может лишь кропотливый текстологический анализ всего корпуса документов как в центре, так и на местах.

В докладе *В.В. Крылова* (ИАИ РГГУ) была освещена археографическая деятельность видного историка Б.И. Николаевского. В 1918 г., будучи уже известным политическим и общественным деятелем, он начал свою археографическую деятельность публикацией в журнале “Былое” писем народовольцев А. Михайлова, А. Баранникова, М. Тетерки, документов о казни перво-мартовца Н. Суханова, об истории ареста М. Горького в 1889 г. с комментариями самого писателя. Вместе с П.Е. Щеголевым он издает “труд” чиновника петербургского охранного отделения П. Статковского о деятельности столичной охранки в 1895–1901 гг., а затем самостоятельно – письма Е. Азефа (март 1893 г.). В январе 1922 г. ученый вынужден был уехать в Бер-

лин, где напечатал записки и дневники П. Аксельрода, Ю. Мартова, В. Чернова, Н. Суханова, М. Маргулиеса и др. В 1924–1930 гг. в Берлине и в Москве вышли подготовленные Б. Николаевским шесть фундаментальных сборников документов по истории российской социал-демократии (с 1883 по 1916 г.) В 1959 г. Б.И. Николаевский и американский историк Л. Хаймсон выступили инициаторами “Межуниверситетского проекта по изучению меньшевизма”. Собранные в рамках проекта документы вошли в специальный архив по истории меньшевизма, созданный в гарримановском институте Колумбийского университета (США), а результаты проведенной работы явились основой для публикаций серий исследований и документов. Изданные Б.И. Николаевским сборники документов являются подлинно научными археографическими изданиями.

В развернувшейся после докладов дискуссии приняли участие *А.А. Чернобаев, В.А. Кучкин, А.И. Аксенов, Н.А. Соболева, А.Г. Тартаковский* и др. Оживленный обмен мнениями показал высокий уровень прочитанных докладов и в то же время привлек внимание научной общественности к проблеме недостаточной источниковедческой изученности публикуемых памятников и к изъянам археографической подготовки текстов.

Подводя итоги Чтений, *В.А. Кучкин* отметил, что результаты двухдневного обсуждения были весьма плодотворны. Общее мнение свелось к тому, что число публикаций исторических источников значительно увеличилось. Вместе с тем качество подготовки изданий оставляет желать лучшего. К сожалению, чрезвычайно трудно в современных условиях выявить все публикации за 1991–1997 гг. Развал централизованной регистрации новых книг нанес удар по всем гуманитарным наукам, в том числе и по источниковедению. Необходим полный и специальный библиотечный учет изданий исторических источников. *В.А. Кучкин* поблагодарил всех участников и гостей конференции, выразив надежду на встречу на следующих Чтениях памяти В.И. Буганова.

Ю.П. Глушакова, А.Г. Гуськов

ЮБИЛЕЙ УКРАИНСКОГО АРХИВИСТА А.Г. МИТЮКОВА

20 апреля 1998 г. исполнилось 75 лет заслуженному работнику культуры Украины, заведующему отделом Института архивоведения Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского Александру Георгиевичу Митюкову.

В течение 20 лет (с 1969 по 1988 г.) А.Г. Митюков возглавлял архивную отрасль республики, отдавая талант организатора, огромный жизненный опыт, знания ученого сохранению и приумножению историко-документального наследия. Под его руководством прошли школу профессионального становления сотни украинских архивистов. Именно по их инициативе, активно поддержанной руководством Главного архивного управления при Кабинете Министров Украины, в выставочном зале комплекса сооружений центральных государственных архивов Украины 22 апреля состоялось чествование юбиляра.

Пришедшие на встречу (а среди них были и те, кто уже находится на заслуженном отдыхе или трудится в других отраслях), поздравляя Александра Георгиевича, вспоминая время совместной работы, говорили о многом, свершенном им, и на полях Великой Отечественной, и в сфере государственного и культурного строительства. Выступавшие подчеркивали: высокий авторитет, уважение к А.Г. Митюкову не только на Украине, но и далеко за ее пределами объясняются прежде всего его значительной личной ролью в архивном строительстве. А.Г. Митюкова отличают глубокие профессиональные знания, трудолюбие, воля. Именно в 70–80-е годы на Украине были созданы потенциал, мощная материальная база, которые и поныне служат сохранению Национального архивного фонда. Нынешняя генерация архивоведов постоянно обращается к фундаментальному труду А.Г. Митюкова по истории отечественного архивного дела, к публикациям возглавлявшегося им журнала “Архіви України”.

На встрече выступили начальник Главархива Украины Р.Я. Пирог, руководители центральных государственных архивов Украины Л.В. Яковлева (ЦГАВО), Б.В. Иваненко (ЦГАОО), Л.З. Гисцова (ЦГИАК), Н.Н. Слончак (ЦГКФФА), Н.И. Крячок (ЦГАМЛИ). Юбиляра приветствовали также директор УГНИИАДД

В.П. Ляховцкий, директор ЦЛМРД ЦГА Украины Э.А. Петренко, директор Госархива г. Киева Б.П. Куринной, зам. председателя Союза архивистов Украины К.Е. Новохатский, ветеран архивного дела Т.Ф. Лошицкая, старший научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины В.Н. Волковинский, который длительное время был зам. главного редактора журнала “Архіви України”, членом коллегии Главархива Украины, многие другие. Были зачитаны также приветствия юбиляру, поступившие от председателя Археографической комиссии РАН академика Российской академии образования С.О. Шмидта, архивистов ЦГИАЛ, работников госархивов областей и др. В поздравлении, подписанном С.О. Шмидтом, говорится: “В Археографической комиссии высоко оценивают сделанное Вами для развития архивного дела. Ваша личная роль в нашем архивном строительстве, в развитии отечественной архивной культуры, в воспитании уважения к отечественным архивам очень велика. Имел не раз возможность лично убеждаться в том, как умело и с какой заинтересованностью и самоотдачей Вы руководили архивной работой на Украине, как помогали и возрождению краеведения”.

Приятным подарком юбиляру от сотрудников ЦГКФФА Украины стала видеокассета с фрагментами архивной хроники 70–80-х годов.

Тему “А.Г. Митюков и архивы” раскрывают и другие памятные подарки: фотоальбом, возвращающий к событиям архивной жизни 80–90-х годов (фотоснимки более раннего периода вошли в его первую часть, которая хранится в личном архиве юбиляра); уникальный, подготовленный в одном экземпляре сборник избранных статей А.Г. Митюкова, опубликованных в журнале “Архіви України” в 1970–1991 гг.; один из последних номеров газеты “Історія України” с публикацией его статьи по истории украинских архивов.

На этом празднике было много цветов, улыбок, теплых слов. А суть сказанного, в свою очередь, А.Г. Митюковым присутствующим в зале сводилась к утверждению: у украинских архивов, имеющих славное прошлое и богатые традиции, не может не быть не менее славного будущего.

К.Н.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

УГНИИАДД	– Украинский государственный научно-исследовательский институт архивного дела и делопроизводства
ЦГАВО	– Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины
ЦГАМЛИ	– Центральный государственный архив-музей литературы и искусства Украины
ЦГАОО	– Центральный государственный архив общественных объединений Украины
ЦГИАК	– Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев
ЦГИАЛ	– Центральный государственный исторический архив Украины, г. Львов
ЦГКФФА	– Центральный государственный кинофотофоноархив Украины
ЦЛМРД ЦГА Украины	– Центральная лаборатория микрофотокопирования и реставрации документов Центральных государственных архивов Украины

ЮБИЛЕЙ Т.В. БАТАЕВОЙ

7 ноября 1997 г. исполнилось 70 лет доктору исторических наук, профессору кафедры истории России Российского университета дружбы народов, действительному члену Международной академии наук Высшей школы Тамаре Васильевне Батаевой. В РУДН, где Тамара Васильевна работает с 1971 г. и в течение 15 лет возглавляла кафедру истории России, прошло торжественное празднование юбилея. К этому дню был приурочен выход в свет сборника статей "Многоликая история: К 70-летию Т.В. Батаевой" (М., 1997), который открывает "Слово к читателю" академика Ю.А. Полякова. Отвечая на вопрос: "Что же послужило объединяющим началом для данного собрания трудов?", Ю.А. Поляков пишет: "Ответ мы видим в посвящении сборника – объединяющим стержнем является то, что у всех авторов был один Учитель – Тамара Васильевна Батаева. Сборник состоит из работ ее учеников и тех, кто защитил свои диссертации в 1970-е, и в 1980-е, и в 1990-е годы. В работах прослеживаются научные направления, которые дал своим ученикам научный руководитель".

Авторы сборника – ныне ученые Российской Федерации, Беларуси, Молдовы, КНР, Индии, Бангладеш, Шри Ланки, Берега Слоновой Кости (Кот-д'Ивуар), которые прошли научную школу кафедры истории России, под руководством профессора Т.В. Батаевой овладели методологией и методикой исторического исследования и начали разработку разных сюжетов истории России. В книге материалы сгруппированы по разделам: I. Международные и межнациональные связи народов России; II. Общественно-политическая история СССР, России. Среди них выделим статьи: *Сенасингхе Р.Д.* Культурологическая концепция этиоса в современной интерпретации; *Койка А.М.* Соотношение национального и этнического в зарубежной и российской историографии; *Подгорнова Н.П.* Россия–Марокко: История связей двух стран (1777–1916); *Рябчикова Л.Н.* Предыстория установления дипломатических отношений между СССР и Эфиопией (1917–1943); *Мосейкина М.Н.* Великая Отечественная война Советского Союза: Роль антифашистских комитетов в организации движения поддержки СССР в странах Азии и Африки; *Бабенко В.Н.* Научно-библиографическая информация в области исторических наук: Проблемы и перспективы; *Молчанов В.Ф.* Благодарительность и меценатство в России: Основные тенденции и характерные особенности (X – начало XX в.); *Сингхал Р.Р.* Историография и источники о взаимовлиянии и различиях мировоззрений Л.Н. Толстого и М.К. Ганди; *Исупов П.П.* О соотношении материала национальной и всемирной истории в общегуманитарной подготовке студентов и др.

Торжественный вечер (14 ноября) начался с представления новой книги, которую юбиляр вручила гостям. Среди них – ученики Тамары Васильевны, коллеги по Археографической ко-

миссии РАН, из Института российской истории РАН (где с 1982 г. Т.В. Батаева является членом диссертационного совета по защите докторских диссертаций), Историко-архивного института РГГУ, ВНИИДАД.

На вечере выступили: президент РУДН В.Ф. Станис, проректор В.П. Билибин, декан факультета гуманитарных и социальных наук Н.С. Кирабаев, академик РАН Ю.А. Поляков, коллеги по кафедре – профессора Е.В. Чистякова, В.Л. Керов, Н.Г. Георгиева, Т.Н. Матулис и др. В.Ф. Станис дал высокую оценку педагогической деятельности Т.В. Батаевой. Он сказал, что знания, которые передала Тамара Васильевна своим многочисленным ученикам, помогут плодотворно развивать научные направления кафедры во многих странах мира, содействуют открытию новых граней объединяющего человеческого обществу гуманитарного познания. Ученики Тамары Васильевны, с которыми приходилось встречаться за рубежом, с глубокой благодарностью вспоминают о своем учителе, тепло называя ее "наша мама". Сегодня они активно трудятся в Центрах по изучению России и стран Восточной Европы, по исследованию евразийских стран в университетах Индии (Делийском и Бомбейском), Южно-Африканской Республики (Трансваальском), Нигерии (Лагосском), а также на дипломатическом и политическом поприще – в США, Испании, ЮАР, Молдове, Узбекистане. Молодые ученые, подготовленные Т.В. Батаевой (их насчитывается 40), успешно реализуют полученные в университете знания в Кот-д'Ивуар, Сьерра-Леоне, Шри Ланке, Индии, Беларуси, Молдове и других странах. Т.В. Батаева – высококвалифицированный педагог, блестяще и увлеченно читает лекции, с большим мастерством организует работу семинаров, научных студенческих и аспирантских кружков. Ею разработаны основной и специальные курсы по отечественной истории советского периода, которые неизменно пользуются большим успехом у студентов. Добросовестный труд Т.В. Батаевой в сфере науки и высшего образования был отмечен дипломами Минвуза, медалями, орденом "Знак Почета" (1985).

Коллеги Т.В. Батаевой из Историко-архивного института О.М. Медушевская, А.Д. Степанский, В.А. Муравьев в приветственном адресе отметили: "Вас не просто помнят здесь – в списках учебной литературы значатся Ваши учебные пособия, подготовленные для МГИАИ, и работы, написанные позднее. Мы с благодарностью думаем о годах сотрудничества, когда Вы вместе с новыми коллегами создавали кафедру истории СССР в Университете дружбы народов. Совет, в состав которого привлекли и силы Историко-архивного института". О.М. Медушевская сказала: "Тамара Васильевна сумела учесть все лучшее, что сложилось в школе источниковедения и историографии Московского историко-архивного института, который она закончи-

ла. Ее учителями были выдающиеся ученые: А.И. Андреев, Л.В. Черепнин, В.К. Яцунский, И.Л. Маяковский, В.Е. Иллерицкий и др. В лице Тамары Васильевны эта школа получила своего способного продолжателя”.

От Археографической комиссии РАН юбиляра приветствовал ученый секретарь В.А. Черных, который отметил, что уже в течение многих лет Т.В. Батаева является членом Археографической комиссии, не раз публиковала статьи на страницах ее ежегодника. В качестве подарка от комиссии Тамаре Васильевне было преподнесено юбилейное издание “Археографического ежегодника за 1997 год” (М., 1997).

Н.Е. Бекмаханова (ИРИ РАН) рассказала, что в течение многих лет в качестве члена диссертационного совета РУДН сотрудничает с кафедрой истории России университета. На кафедре сложилась научная школа Т.В. Батаевой. Бекмаханова отметила, что во время зарубежных командировок в разных странах она встречала выпускников кафедры. Их отличал высокий уровень профессиональной подготовки, глубокое уважение к стране и, в частности, к кафедре РУДН, на которой они получили научную квалификацию историка России. Глубоко символично, что Н.Е. Бекмаханова преподнесла в дар юбиляру картину французского художника от одного из ее учеников – ныне докторанта и дипломатического работника посольства РФ в Испании.

В выступлениях коллег и учеников Т.В. Батаевой – заведующего отделом рукописей РГБ В.Ф. Молчанова, ведущего научного сотрудника РЦХСД Т.В. Домрачевой звучала высокая оценка ее научно-исследовательской работы, которая, как у большинства университетских и вообще вузовских ученых, развертывалась по нескольким направлениям. Первоначально она находилась в сфере методологии и методики археографии, источниковедения и историографии отечественной истории XX в. Обширной по масштабу и весомой по значению была работа по подготовке в Центральном архиве ВЦСПС многотомной публикации “Профсоюзы СССР”, в которой Т.В. Батаева выступала как научный редактор двух томов (II, IV – 1963 г.). Признанием активной деятельности ученого было включение ее в состав научных советов двух архивов – ЦГАНХ и ЦГА Московской области. Вместе с профессором В.З. Дробижевым Т.В. Батаева стояла у истоков подготовки уникального сборника “Протоколы ВСНХ”. В Университете дружбы народов Т.В. Батаевой было положено

начало разработке нового, актуального в международной аудитории научного направления – сопоставительного изучения истории России и развивающихся стран. В последние годы основным предметом исследований Т.В. Батаевой является теория и история национальных отношений в России XX в. Она участвовала в работе I Всемирного конгресса тюркских народов, во Всероссийском семинаре Комиссии Совета национальностей РФ по репрессированным и депортированным народам.

В выступлениях заведующих кафедрами РУДН профессоров А.С. Карпова, Н.М. Фирсовой обращалось внимание на то, что Т.В. Батаева в течение многих лет являлась ответственным редактором кафедрального сборника “Историография и источниковедение истории СССР”, который выходил ежегодно, начиная с 1974 г. Под руководством Тамары Васильевны была проведена большая работа по подготовке к выходу в свет книги “Тридцатилетие Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (1960–1990 гг.): Хроника событий” (М., 1990), а также первого варианта “Очерков истории Университета дружбы народов” (в рукописи).

В этот вечер звучали также поэтические поздравления и песенные здравицы в честь юбиляра. В них отмечались личные качества Тамары Васильевны – ее внимание к человеку, нацеленность на то, чтобы высветить в нем лучшие черты, способность делать добро (“Она нам светит, как маяк в пути: любые трудности преодолит”). В этой ее нацеленности на гуманизм, сотрудничество, достижение общих благородных целей заключается, по мнению учеников, одна из главных особенностей Тамары Васильевны как Личности – ученого, коллеги-преподавателя, педагога-наставника и, что еще важнее, женщины с ее материнской строгой требовательностью и истинно “вселенской” заботливостью о всех ближних и неближних (“Веселая, когда в кругу друзей, да и сама – пример подруги верной”). Выступивший от имени учеников аспирант кафедры Равичандран Калликудиан (Индия) заметил, что благодаря таким людям, как Тамара Васильевна, здесь, в России, он приобрел вторую родину.

В связи с юбилеем в серии “Ученые Российского университета дружбы народов” опубликована отдельным изданием библиография научных трудов Т.В. Батаевой (более 120 наименований).

М.Н. Мосейкина

ЮБИЛЕЙНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ К 70-ЛЕТИЮ Я.Н. ЩАПОВА

В 1998 г. исполнилось 70 лет известному исторiku и археографу, члену Археографической комиссии РАН, члену-корреспонденту РАН, профессору Я.Н. Шапову.

Исследования Я.Н. Шапова древнерусской, славянской и византийской правовой традиции на Руси нашли отражение в его монографических исследованиях и изданиях, построенных на фронтальном археографическом обследовании памятников светского и канонического права, княжеских уставов (монография 1972 г.¹ и публикация текстов 1976 г.²), Кормчих книг (исследование 1978 г.³ и публикация текста 1987 г.⁴), канонических сборников. Итогом этой работы стала новая концепция взаимоотношений государства и церкви на Руси в X–XIII вв., роли церковной организации в обществе, обоснованная в монографии 1989 г.⁵, переизданной на английском языке в Нью-Йорке в 1993 г.⁶

Широка и разнообразна археографическая деятельность юбиляра. После окончания Московского университета, с 1953 г., в течение ряда лет он сотрудник Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, затем Института истории АН СССР, участвовал в археографическом обследовании хранилищ русских городов, а с 1956 г. – в первых московских археографических экспедициях по собиранию древнерусских рукописей. Из Вологды и Устюга им были отобраны и привезены ценные собрания рукописей, среди которых первая пьеса русского театра “Артаксерксово действо” и др.

Полевая археография сочеталась в работе Я.Н. Шапова с описанием рукописей в хранилищах СССР, России и зарубежных стран. В той же библиотеке под руководством И.М. Кудрявцева им было выпущено в 1959 г. описание собрания украинских рукописей И.Я. Лукашевича и Н.А. Маркевича и др. Изучались и публиковались памятники письменности Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Львова, Вильнюса и других городов Союза. Как исследователь славянской канонической и правовой традиции он также объехал и описал рукописи в хранилищах Мадрида, Парижа, Штутгарта, Гейдельберга, Мюнхена, Вены, Будапешта, Загреба, Белграда, Сефии, Бухареста, Рима, Ватикана, Иерусалима и Синая. Его духотомное описание восточнославянских и южнославянских рукописных книг Польской Народной Республики опубликовано в

1976 г.⁷, а обобщающий доклад о состоянии археографического обследования и описания восточнославянских рукописей в зарубежных хранилищах был сделан на IX Международном конгрессе славистов в Киеве в 1983 г.

Многообразной научной и общественной деятельности Я.Н. Шапова были посвящены выступления коллег и учеников на юбилейных заседаниях в начале мая 1998 г. в Московском Доме ученых, где Я.Н. Шапов более десяти лет руководит секцией истории, состоялось как бы общественное чествование юбиляра. Было зачитано Послание Я.Н. Шапову Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, в котором верховный предстоятель Русской Православной Церкви отметил вклад юбиляра в сохранение и развитие духовных сокровищ иарода, традиций православия в России. Академик Б.А. Рыбаков, который был одним из университетских учителей будущего ученого, рассказал о значении его работ по истории церкви. На вечере выступили соученики Я.Н. Шапова по школе – Р.А. Окунев и по университету – Н.А. Горская, участник археографических экспедиций Н.Б. Тихомиров, коллеги по работе в Московском городском отделении Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, где Я.Н. Шапов был председателем секции истории, А.К. Нарышкин и Е.В. Белякова (Коробцева). С приветствиями юбиляру также выступили первый заместитель руководителя Федеральной архивной службы Российской Федерации В.А. Тюнеев, который рассказал о вкладе Я.Н. Шапова в создание Российского общества историков-архивистов, первым председателем которого он был, Н.Н. Лисовой, заместитель председателя Императорского православного палестинского общества, в котором юбиляр является почетным членом, и директор издательского центра “Православная энциклопедия” С.Л. Кравец. В вечере приняли участие представители Российского дворянского собрания во главе с его председателем князем А.К. Голицыным. Как директору департамента науки этого собрания, ведущему большую организационную работу, Я.Н. Шапову была вручена медаль “В память создания Союза потомков российского дворянства – Дворянского собрания”.

В Институте российской истории РАН, где Я.Н. Шапов работает более 40 лет, начав с млад-

¹ Шапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI–XIV вв. М., 1972. 340 с.

² Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я.Н. Шапов. М., 1976. 240 с.

³ Шапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. 292 с.

⁴ Древнерусская кормчая XIV титулов без толкований. Труд В.Н. Бенешевича. София, 1987. Т. 2: Подготовка к изданию, предисловие и дополнения. 331 с. (в соавторстве).

⁵ Шапов Я.Н. Государство и церковь в Древней Руси. X–XIII вв. М., 1989. 232 с.

⁶ State and Church in Early Russia. X–XIII Centuries. NY; Athen; Moscow, 1993. 252 p.

⁷ Cyrylickie kniegi rekopismienne ze zbioru biblioteki ordynacji Zamojskiej w Bibliotece Narodowej w Warszawie // Rocznik biblioteki Narodowej w Warszawie. Warszawa, 1976. T. XI. S. 279–309.

шего научного сотрудника и став руководителем созданного им Центра истории религии и церкви, ему было также посвящено расширенное заседание дирекции. На заседании выступили: заместитель академика-секретаря Отделения истории РАН академик В.С. Мясников, директор Института российской истории РАН член-корреспондент РАН А.Н. Сахаров, директор Института всеобщей истории РАН член-корреспондент РАН А.О. Чубарьян, декан исторического факультета МГУ профессор С.П. Карпов, руководитель Государственной архивной службы Российской Федерации член-корреспондент РАН В.П. Козлов, коллеги по Центру истории религии и церкви и др. Они приветствовали юбилея как крупного исследователя истории России, автора более 270 научных трудов, организатора науки, возглавляющего Научный совет

РАН "Роль религий в истории", двустороннюю комиссию историков России и Польши, как воспитателя студентов и аспирантов, ученики которого работают в России, Белоруссии, Казахстане, Польше, Македонии, Дании, Франции, США. Были зачитаны адреса и приветствия, среди них – подписанные патриархом Алексием II, президентом РАН академиком Ю.С. Осиповым и мэром Москвы Ю.М. Лужковым, академиком-секретарем Отделения истории НАН Украины академиком Я.Д. Исаевичем, директором Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН членом-корреспондентом В.А. Шишкиным, председателем Археографической комиссии РАН академиком РАО С.О. Шмидтом и ее ученым секретарем кандидатом исторических наук В.А. Черных и др.

Е.Б. Емченко

**АЛЕКСАНДР
ПАВЛОВИЧ
ПРОНШТЕЙН**
(1919–1998)

14 апреля 1998 г. умер заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор Ростовского государственного университета Александр Павлович Пронштейн, известный российский ученый, автор 350 работ по отечественной истории, источниковедению, вспомогательным историческим дисциплинам, историографии, методологии и методике исторического исследования, член Археографической комиссии РАН.

А.П. Пронштейн в 1941 г. с отличием закончил исторический факультет МГУ. С 1941 по 1945 г. воевал на фронтах Великой Отечественной войны, после войны учился в аспирантуре МГУ. В 1949 г. под руководством М.Н. Тихомирова защитил кандидатскую диссертацию «Великий Новгород в XVI веке».

А.П. Пронштейн был учеником академика М.Н. Тихомирова, благодаря которому он на всю жизнь сохранил профессиональный интерес к проблемам истории феодальной России, вопросам источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.

В условиях схематизации и вульгаризации исторического процесса, которые преобладали в советской исторической науке 30–50-х годов, А.П. Пронштейну посчастливилось быть причастным к иной, академической традиции в исторической науке, ориентированной на бережное отношение к историческому источнику, на приоритет фактов, на кропотливый труд в архивах и библиотеках. В школе М.Н. Тихомирова первосте-

пенное внимание уделялось источниковой базе исследования и выработке новых приемов научной критики исторических источников. Это в полной мере проявилось в первой же крупной работе А.П. Пронштейна, посвященной изучению социально-экономического строя Новгорода в XVI в. Исследователем был привлечен обширный комплекс делопроизводственных материалов, прежде всего писцовых и лавочных книг, некоторые из них были впервые введены в научный оборот. На основе тщательного анализа содержащейся в них источниковой информации, сопоставления данных разных источников ученый сделал убедительные выводы о том, что уровень развития ремесла в Новгороде до карательной экспедиции Ивана IV был очень высоким.

В 1949 г. А.П. Пронштейн вынужден был уехать в Ростов-на-Дону, где он работал вначале в Государственном архиве Ростовской области, а затем на историческом факультете Ростовского университета, с которым оказалась связанной вся его последующая научная и преподавательская деятельность.

Во второй половине 50-х годов перестала быть запретной тема истории донского казачества. Необходимо было пробуждать научный интерес к ней у молодых исследователей. Большую роль в этом сыграл и А.П. Пронштейн, подготовив с сотрудниками архивных учреждений два сборника документов: «Донские казаки в 1812 году» (Ростов н/Д, 1954), «Дон и Нижнее

Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг.” (Ростов н/Д, 1961). В 1961 г. был опубликован один из главных трудов А.П. Пронштейна “Земля Донская в XVIII веке”, который был защищен в качестве докторской диссертации. Как и предыдущие работы, исследование было выполнено на основе обширного документального материала, выявленного в различных фондах центральных и местных архивов. Строгая логическая последовательность и аргументированность в выводах порождают чувство академической завершенности исследования.

Другой темой, которая оказалась в центре внимания ученого, была история крестьянских движений в России. Ей исследователь посвятил две монографии и ряд статей, в том числе и дискуссионного характера, опубликованных в центральной академической прессе. Автором были привлечены не только делопроизводственные материалы, но и “распросные и пыточные речи”, составлявшиеся в ходе следствия, документы, вышедшие из лагеря восставших. Это позволило расширить представления о характере, размахе и целях народных движений в России в XVII–XVIII вв., сформулировать некоторые новые подходы к их изучению. А.П. Пронштейн сыграл большую роль в подготовке коллективных трудов по истории Дона и Северного Кавказа. Он был одним из руководителей авторского коллектива, подготовившего академическое издание “История народов Северного Кавказа” (М., 1988). Эти работы сделали А.П. Пронштейна известным не только в тесном кругу ученых, но и во всей стране.

Работая над конкретной историей России, А.П. Пронштейн не переставал уделять повышенное внимание методологическим вопросам исторического исследования и методическим проблемам источниковедения. Он был одним из тех, кто первым стал возрождать университетскую традицию, связанную с преподаванием курсов методики изучения источников. А.П. Пронштейн восстановил в правах само понятие “методика исторического исследования”, широко распространенное в конце 20-х годов, но потом почти забытое в силу целого ряда вненаучных обстоятельств. Он не только привлек внимание советских ученых послевоенного времени к этой важной отрасли знания в профессиональной подготовке историков, но и напомнил нам имена тех, кто был “пионером” в этом деле в период становления советской исторической науки (С.Н. Быковский, Г.П. Саар и др.).

В русле этого педагогического интереса им были подготовлены книги “Практикум по истории СССР (период феодализма)” (Ростов н/Д, 1960) и “Методика работы над историческими источниками”, (М., 1969), предназначенные для формирования и развития у студентов навыков самостоятельной научно-исследовательской работы.

С 1960 г. А.П. Пронштейн читал курсы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в РГГУ. Накопленным опытом преподавания этих дисциплин ученый-педагог поделился в 1976 г. на страницах журнала “Во-

просы истории”. К началу 70-х годов в советской исторической науке остро ощущалась потребность в работах по методике исторического исследования и источниковедения. А.П. Пронштейн издает две монографии, которые вплоть до настоящего времени являются настольными книгами начинающего исследователя: “Методика исторического исследования” (Ростов н/Д, 1971), “Методика исторического источниковедения” (2-е изд. Ростов н/Д, 1976). В них дается авторское понимание задач методики исторического исследования, сформулированы представления о логике, этапах, принципах и методах исторического исследования в целом и приемах работы с историческими источниками в частности.

Большое внимание А.П. Пронштейн уделял обобщению исследовательского опыта работы с историческими источниками. Этот опыт, считал ученый, позволял повышать уровень научных работ и обучать начинающих ученых профессиональному мастерству. В работах, посвященных этой теме, особое значение он придавал двум сюжетам – теоретико-методологическим вопросам источниковедения и проблемам комплексного источниковедения (в плане интеграции как разных видов источников, так и различных методов их исследования). При этом, рассматривая источники в качестве продукта деятельности людей прошлого, А.П. Пронштейн акцентировал внимание на том, что они являются носителями как непосредственной, так и косвенной информации. Получение этой информации во многом зависит, полагал ученый, от исследовательского мастерства историка, от того, насколько удачным оказался выбор им методологических ориентиров.*

А.П. Пронштейн был неслучайным участником всесоюзных конференций, проводимых Институтом истории АН СССР и посвященных актуальным проблемам источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин и их преподавания в вузах. Он участвовал во всех “жарких” дискуссиях 70 – начала 80-х годов, на которых обсуждались такие вопросы, как понятие исторического источника, принципы классификации источников, логика источниковедческого исследования, репрезентативность источниковой информации, предмет источниковедения как научной и учебной дисциплины и др.

А.П. Пронштейн был признанным главой научной школы молодых ученых Юга России, специализировавшихся на изучении теоретико-методологических проблем источниковедения и исторического исследования.

Научный интерес А.П. Пронштейна в области источниковедения постепенно перемещался от конкретной и теоретической его проблематики к историографической. Им были опубликованы два тома исследований по истории источниковедения в России: “Источниковедение в России: Эпоха феодализма” (Ростов н/Д, 1989), “Источниковедение в России: Эпоха капитализма” (Ростов н/Д, 1991) – первые в отечественной исторической науке обобщающие исследования темы, важные для понимания процесса ее станов-

ления и развития в России с древнейших времен до начала XX в. Эти работы, как отмечали рецензенты, поражают фундаментальностью, широтой и глубиной охвата “времен и имен”. Историческая наука обогатилась новым знанием о вкладе выдающихся отечественных историков в развитие теории и методики источниковедения.

А.П. Пронштейн уделял особое внимание также проблемам методологии. В частности, он принял активное участие во всесоюзной дискуссии 1976–1977 гг. по проблеме методологии исторической науки. Им был высказан целый ряд оригинальных мыслей о предмете и структуре методологии истории, о методологии отдельных исторических дисциплин и методологии изучения конкретных исторических проблем, которые привлекли внимание многих участников этой дискуссии. А.П. Пронштейн настаивал на необходимости институционализации методологии истории именно в рамках исторической науки как специальной научной и учебной дис-

циплины. С этим он связывал возможности профессионализации научно-исследовательской деятельности историков, преодоления схематизма и иллюстративности, широко распространенных в то время в советской исторической науке.

А.П. Пронштейн умел беречь время, что позволило ему так много сделать в научной жизни. Смерть застала ученого за работой над монографией “Методология истории в России”. В свое время В.О. Ключевский писал, что в жизни ученого главными биологическими факторами являются книги, важные события, мысли. За 50 лет, которые А.П. Пронштейн посвятил своей страсти – исторической науке, в его жизни было много такого рода фактов и событий. После А.П. Пронштейна осталось не только много книг, но и много учеников, которые, сохраняя память о своем учителе, развивают дальше его идеи и рождают новые.

А.В. Лубский, Н.А. Мининков

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВП РФ	– Архив внешней политики Российской Федерации
АД	– “Архивное дело”
АЕ	– “Археографический ежегодник”
АК	– Археографическая комиссия
АОН	– Академия общественных наук при ЦК КПСС
АРАН	– Архив Российской академии наук
АПН	– Агентство печати Новости
БАН	– Библиотека Российской академии наук
БРЭ	– “Большая Российская энциклопедия”
ВАН	– “Вестник АН СССР”
ВАСХНИЛ	– Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук
ВГО	– Всесоюзное географическое общество
ВГПУ	– Вологодский государственный педагогический университет
ВГУ	– Вильнюсский государственный университет
ВИ	– “Вопросы истории”
ВИД	– “Вспомогательные исторические дисциплины”
ВИ КПСС	– “Вопросы истории КПСС”
ВМЧ	– Великие минеи-четы
ВНИИДАД	– Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
ВУИ	– “Варшавские университетские известия”
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	– Государственный архив Свердловской области
ГАУ	– Главное архивное управление при Совете Министров СССР
ГАФКЭ	– Государственный архив феодально-крепостнической эпохи
ГАФ СССР	– Государственный архивный фонд СССР
ГБЛ	– Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ГКЭ	– Грамоты Коллегии экономики
ГПБ	– Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
ГЦТМ	– Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина
ГПНТБ	– Государственная публичная научно-техническая библиотека СО АН
ДСВ	– “Декреты советской власти”
ЕГАФ	– Единый государственный архивный фонд
ЖМНП	– “Журнал Министерства народного просвещения”
ЗОР ГБЛ	– “Записки Отдела рукописей ГБЛ”
ИАН	– “Известия АН СССР”
ИАИ	– Историко-архивный институт
ИВ	– “Исторический вестник”
ИЗ	– “Исторические записки”
ИИФФ СО АН	– Институт истории, филологии и философии СО АН
ИНИОН	– Институт научной информации по общественным наукам РАН
ИОИФ	– “Известия Отделения истории и философии АН СССР”
ИРИ РАН	– Институт российской истории РАН
ИСССР	– “История СССР”

ЛГАЛИ	– Ленинградский государственный архив литературы и искусства
ЛГПИ	– Ленинградский государственный педагогический институт
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет
ЛЗАК	– “Летопись занятий Археографической комиссии”
ЛОИИ	– Ленинградское отделение Института истории (СССР) АН СССР
МАМЮ	– Московский архив Министерства юстиции
МГАМИД	– Московский главный архив Министерства иностранных дел
МГИАИ	– Московский государственный историко-архивный институт
МГУ	– Московский государственный университет
МИФЛИ	– Московский институт истории, философии и литературы
МОИДР	– см. ОИДР
МСЭ	– “Малая советская энциклопедия”
МПГУ	– Московский педагогический государственный университет
МХ(А)Т	– Московский художественный (академический) театр
НАН Украины	– Национальная академия наук Украины
НБ МГУ	– Научная библиотека МГУ
НСА	– Научно-справочный аппарат
ОА	– “Отечественные архивы”
ОГИЗ	– Объединение государственных издательств
ОИ	– “Отечественная история”
ОИДР	– Общество истории и древностей российских при Московском университете
ОИРУ	– Общество изучения российской усадьбы
ОПИ ГИМ	– Отдел письменных источников ГИМ
ОР БАН	– Отдел рукописей и редкой книги БАН
ОР ГБЛ	– Отдел рукописей ГБЛ
ОР ГИМ	– Отдел рукописей и старопечатных книг ГИМ
ОР РГБ	– Отдел рукописей РГБ
ОР РНБ	– Отдел рукописей и редких книг РНБ
ПД	– Пушкинский Дом
Помгол	– Комиссия помощи голодающим
ПСЗ	– “Полное собрание законов Российской империи”
РА	– “Русский архив”
РАН	– Российская академия наук
РАНИОН	– Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАО	– Российская академия образования
РГА ВМФ	– Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства
РГАЭ	– Российский государственный архив экономики
РГБ	– Российская государственная библиотека
РГВИА	– Российский военно-исторический архив
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РГГУ	– Российский государственный гуманитарный университет
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд
РГО	– Русское географическое общество
РГУ	– Ростовский государственный университет
РИЖ	– “Русский исторический журнал”
РИО	– Русское историческое общество
РМФК	– Российский международный фонд культуры
РНБ	– Русская национальная библиотека
РО ИРЛИ (ПД)	– Рукописный отдел Института русской литературы РАН
РС	– “Русская старина”
РУДН	– Российский университет дружбы народов

РЦХИДНИ	– Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
СА	– “Советские архивы”
СИБАЛ	– Международный центр информации об источниках по истории Балкан и Средиземноморья
СИФ	– Справочно-информационный фонд
СИЭ	– Советская историческая энциклопедия
СО АН	– Сибирское отделение АН СССР
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
СПб ФА РАН	– Санкт-Петербургский филиал архива РАН
СПб ФИРИ РАН	– Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН
ТБАН	– “Труды БАН”
ТВНИИДАД	– “Труды ВНИИДАД”
ТГИМ	– “Труды ГИМ”
ТОДРЛ	– “Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ”
ЦАОДМ	– Центральный архив общественных движений г. Москвы
ЦАУ	– Центральное архивное управление
ЦГА СССР	– Центральный государственный архив СССР
ЦГАДА	– Центральный государственный архив древних актов
ЦГАЛИ	– Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
ЦГАНХ	– Центральный государственный архив народного хозяйства СССР
ЦГАОРСС г. Москвы	– Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства г. Москвы
ЦИАМ	– Центральный исторический архив г. Москвы
ЦМАМ	– Центральный муниципальный архив г. Москвы
ЦСУ	– Центральное статистическое управление
ЦХСД	– Центр хранения современной документации
ЧОИДР	– “Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете”
ЭОИ	– Энциклопедия отечественной истории

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

<i>Н.Н. Покровский</i> (Новосибирск). Пути изучения истории старообрядчества российскими исследователями	3
<i>М.Ф. Шумейко</i> (Минск). Организация и некоторые итоги археографической работы в Белоруссии в 1918–1941 годах	21
<i>В.Ю. Афиани, М.П. Мироненко</i> . К изданию первого выпуска “Каталога личных фондов отечественных историков: XVIII век”	39
<i>А.В. Дадькин, В.И. Ерофеева, Н.В. Литвина, И.В. Поздеева, И.П. Смирнов</i> . Русское старообрядчество Республики Молдова и Приднестровья (по материалам комплексной археографической экспедиции МГУ 1996 г.)	46
<i>О.Н. Бахтина</i> (Томск), <i>А.В. Носков</i> (Томск), <i>В.Я. Хасанов</i> (Томск). Концепция создания компьютерного археографического атласа Томской области	54
<i>М.И. Смирнов</i> . Компьютерная обработка генеалогической информации: возможности, результаты, перспективы	63
* * *	
<i>С.Н. Кистерев</i> . Дело Аграфены Вольнской и “Ответ” митрополита Макария Ивану IV	71
<i>И.В. Ружицкая</i> . М.М. Сперанский и М.А. Корф об отмене гражданских чинов	78
<i>Н.А. Троицкий</i> (Саратов). Судьбы российских адвокатов: А.С. Зарудный, сын С.И. Зарудного	86
<i>Е.В. Кодин</i> (Смоленск). “Смоленский архив” как исторический источник	91
<i>К.В. Петров</i> (Санкт-Петербург). Археографические особенности издания “Дворцовые разряды”	101
<i>Л.И. Шохин</i> . Наследие МАМЮ в деятельности ЦГАДА–РГАДА	114
<i>М.П. Мохначева</i> . Публичные лекции Н.П. Вагнера и Н.И. Кареева о теории исторического процесса	126
<i>Ф.Ф. Дудырев</i> (Челябинск). Н.К. Чупин и уральская археография второй половины XIX века	134
<i>В.Н. Бобков</i> (Ижевск). П.Н. Луппов и некоторые проблемы выявления документов по истории Удмуртии (На основе архивного фонда Казахской духовной академии)	143
<i>Д.Л. Бранденбергер</i> (Кембридж, Массачусетс, США), <i>А.М. Дубровский</i> (Брянск). Итоговый партийный документ совещания историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г. (История создания текста)	148
<i>Л.Н. Пушкарев</i> . Сектор публикации источников Института истории АН СССР (Из воспоминаний)	164
<i>Ю.Г. Алексеев</i> (Санкт-Петербург), <i>В.М. Воробьев</i> (Санкт-Петербург), <i>А.Я. Дегтярев, Ю.Д. Марголис</i> (Санкт-Петербург). Александр Львович Шапиро – историк, источниковед, историограф: Эскиз творческого портрета. (К 90-летию со дня рождения)	176
<i>В.Ф. Козлов, Л.В. Иванова</i> – краевед и москвовед	184

Тихомировские чтения 1998 года

<i>Т.В. Лохина, В.А. Черных.</i> Хроника заседания. “Международные научные связи Археографической комиссии”.....	187
<i>О.А. Князевская.</i> Совместное исследование славянских отрывков в Швеции	189
<i>Б.Н. Морозов.</i> Международный проект “Биографический банк данных Российского государства XIV – начала XVIII в.”.....	191
<i>Н.А. Кобяк.</i> О проекте подготовки издания Великих миней-четьих митрополита Макария.....	193
<i>Л.М. Костюхина.</i> К истории Чудовских миней-четьих 1600 г.	196
<i>Ю.В. Андрияшайтите.</i> Значение международных связей Археографической комиссии в развитии отечественного филологического наследия.....	199

К 100-летию со дня рождения Николая Леонидовича Рубинштейна

<i>С.О. Шмидт.</i> Судьба историка Н.Л. Рубинштейна.....	202
<i>В.А. Муравьев.</i> “Русская историография” Н.Л. Рубинштейна	228
<i>О.М. Медушевская.</i> Источниковедческая проблематика “Русской историографии” Н.Л. Рубинштейна.....	233
<i>М.В. Катагоцина.</i> Из творческой биографии Н.Л. Рубинштейна: фрагмент несостоявшейся публикации труда И.Е. Забелина.....	236
<i>Р.В. Макарова.</i> Воспоминания	237

Памяти Андрея Дмитриевича Зайцева

<i>Заседание в Археографической комиссии РАН 10 апреля 1997 г.</i>	239
<i>С.О. Шмидт.</i> Вступительное слово.....	239
<i>М.П. Мироненко.</i> А.Д. Зайцев – историк “Русского архива”	245
<i>Выступления: Н.Б. Волкова, А.П. Горкин, С.В. Шумихин, Е.В. Бронникова, В.Ю. Афиани, В.М. Карев, А.С. Орешников, В.А. Зайцева</i>	249

II. Обзоры, описания, библиография

<i>И.В. Савицкий</i> (Петрозаводск). Документы дворянского рода Поленовых в Центральном государственном архиве Республики Карелия	262
<i>П. Мустонен</i> (Хельсинки). Источники изучения деятельности Собственной его императорского величества канцелярии в начале царствования Николая I.....	265
<i>А.Ю. Донской.</i> Переписка о детях-подкидышах на московских старообрядческих кладбищах в 1830-е годы	274
<i>Б.Н. Казанцев.</i> Статистические данные о забастовках рабочих в промышленности Советской России в 1920-е годы (по материалам ГАРФ).....	275
<i>С.В. Давиденко, Е.Н. Савинова.</i> Воспоминания З.Г. Морозовой-Рейнбот.....	284
<i>В.Г. Бухерт.</i> Из воспоминаний современников о С.Ф. Платонове	302
<i>Е.Р. Курапова.</i> Обзор личного фонда академика М.В. Нечкиной в Архиве РАН	305
<i>А.А. Кац.</i> Материалы личного фонда К.Н. Тарновского в ЦАДКМ.....	314
<i>В.А. Муравьев.</i> Новый украинский историко-археографический сборник	325
<i>В.В. Морозов.</i> Два описания Отдела рукописей РГБ.....	328

А.Г. Мосин (Екатеринбург). "Путешествия в родословия" (О книге П.А. Колесникова).....	332
Список печатных трудов Д.Я. Самоквасова (подг. Б.Б. Лебедев).....	336
Список печатных трудов Л.В. Ивановой (подг. А.И. Лобачева, Н.Г. Черепанова).....	340
Список печатных трудов Ю.В. Андрияшайтите.....	346

III. Публикации

Похвальное слово святителю Николаю Мирликийскому (по рукописи XV в.) (подг. архимандрит Макарий, Сергиев Посад).....	349
Неизвестная биография В.В. Крестинина (подг. А.М. Пашков, Петрозаводск).....	354
Автобиография А.О. Ишимовой (подг. Е.В. Чистякова).....	359
С.Ф. Платонов о царевиче Димитрии (подг. В.Г. Бухерт).....	372
Письма С.Ф. Платонова Я.Л. Барскову и С.А. Белокурову (подг. В.Г. Бухерт).....	377
С.Ф. Платонов: Неизданный некролог М.М. Богословскому (подг. А.В. Мельников).....	388
К 90-летию академика Бориса Александровича Рыбакова (подг. Т.В. Смирнова – Сергиев Посад; предисл. С.О. Шмидта).....	397

IV. Хроника

Т.В. Лохина. Деятельность Археографической комиссии (1997–1998).....	403
Новые издания Археографической комиссии (1997–1998).....	404
Е.В. Соленикова (Санкт-Петербург). Архив РАН (К юбилею).....	404
Ю.И. Копысов (Ижевск). Научно-практическая конференция, посвященная 130-летию со дня рождения П.Н. Луппова.....	405
Иоани Мирлоубов (Рига). Памятные дни, посвященные 100-летию со дня рождения И.Н. Заволоко.....	406
Т.М. Димони (Вологда), А.В. Камкин (Вологда). Научные чтения памяти П.А. Колесникова.....	408
Ю.П. Глушакова, А.Г. Гуськов (Коломна). Конференция "Проблемы публикации источников в Российской Федерации. 1991–1997 гг." I Чтения памяти члена-корреспондента РАН В.И. Буганова.....	411
К.Н. (Киев). Юбилей украинского архивиста А.Г. Митюкова.....	415
М.Н. Мосейкина. Юбилей Т.В. Батаевой.....	417
Е.Б. Емченко. Юбилейные заседания к 70-летию Я.Н. Щапова.....	419
А.В. Лубский (Ростов-на-Дону), Н.А. Мининков (Ростов-на-Дону). Александр Павлович Пронштейн (1919–1998).....	421
Список сокращений.....	424

Научное издание

**АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
за 1998 год**

*Утверждено к печати
Археографической комиссией
при Отделении истории РАН*

Заведующая редакцией
“Наука – история” *Н.Л. Петрова*

Редактор *Л.М. Кузнецова*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *Т.В. Жмелькова*
Корректоры *А.Б. Васильев,*
Р.В. Молоканова, В.М. Ракитина

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике
ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 02.08.99

Формат 70×100 1/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 35,1. Усл.кр.-отг. 35,1. Уч.-изд.л. 40,8
Тираж 500 экз. Тип. зак. 3433

Издательство “Наука”
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ “НАУКА”
ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ КНИГА:**

Хоруженко О.И.

ДВОРЯНСКИЕ ДИПЛОМЫ В РОССИИ XVIII ВЕКА

30 л.

В центре внимания автора история выдачи дипломов на дворянство, гербы и титулы в России XVIII в. Им выявлены 651 диплом 1707–1801 гг., перечень которых помещен в приложении. Учтены все дипломы XVIII в., сохранившиеся в оригинале или в виде отпусков, копий и известные только по упоминаниям в реестрах, делопроизводственных материалах, литературе. В монографии прослежена политика правительства XVIII в. в сфере выдачи дипломов и реконструируется процедура делопроизводства по составлению этих актов. В комплексном плане данная проблема исследуется в российской историографии впервые.

Для историков, источниковедов, специалистов по дипломатике, документоведению, геральдике и другим историческим дисциплинам, широкого круга читателей.

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"**

Магазины "Книга—почтой"

121009 Москва, Шубинский пер., 6
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга—почтой"

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга—почтой")
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга—почтой")
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга—почтой")
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45 ("Книга—почтой")
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12
103642 Москва, Б. Черкасский пер., 4
630091 Новосибирск, Красный проспект, 51 ("Книга—почтой")
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга—почтой")
142292 Пушкино, Московской обл., МР "В", 1 ("Книга—почтой")
443002 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга—почтой")
199034 Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, 16
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4
634050 Томск, Набережная реки Ушайки, 18 ("Книга—почтой")
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга—почтой")
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49

*По вопросам приобретения книг
просим обращаться также
в издательство по адресу:
117864, Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. (095) 334-98-59*

АРХЕОГРА-
ФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

1998